

МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ИСТОРИЯ ПАМЯТЬ ЛЮДИ

23 сентября 2020 г.
АЛМАТЫ

Ассамблея народа Казахстана
Архив Президента Республики Казахстан
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научно-практической конференции
23 сентября 2020 г.

Посвящается
75-летию Победы
в Великой Отечественной войне
и
25-летию Ассамблеи народа Казахстана

Алматы, 2020

УДК 355/359(063)
ББК 68.4
И 90

Издание осуществлено при спонсорской поддержке Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», почетного консула Израиля в Казахстане С.А. Терещенко

Руководитель проекта: А.И. Барон

Редакционная коллегия: К.Ш. Алимгазинов, А.И. Барон, Л.А. Прокопенко, Е.В. Чиликова

И 90 История. Память. Люди: Материалы X Международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г., Алматы. – Алматы, 2020. –680 с.

ISBN 978-601-305-415-5

В материалах конференции отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных объектов, учреждений культуры в период Второй мировой войны 1939–1945 гг., а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства. Также в книге представлена история судеб евреев Центральной Азии, Западной Сибири, переживших войны XX в., переселение, эвакуации и другие испытания. В сборнике раскрывается их вклад в развитие Казахстана.

УДК 355/359(063)
ББК 68.4

© О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва», 2020
© Архив Президента Республики Казахстан, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
Приветственное слово	8
ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, БЕЖЕНЦЫ	18
Буриева Х.А. Отчеты организаций по эвакуации Узбекистана как исторические источники военного периода	18
Иофе В.Г. О некоторых архивных фондах по эвакуации в государственных архивах Узбекистана (годы Великой Отечественной войны)	29
Капаева А.Т. Наука Казахстана в годы войны и деятельность эвакуированных ученых	31
Тулеева Ш.О. О перестройке Казахского филиала АН СССР на нужды укрепления обороны и народного хозяйства страны	45
Брусилевская Е.Ф. Через тернии к звездам, или эвакуированная астрономия	47
Каплюков В.В., Курзина С.Н. Из истории комиссии академика В.Л. Комарова (к 80-летию начала работ)	55
Мырзақұлова Р.М. Ұлы Отан соғысы жылдарында Қазақстанға эвакуациялау (ҚР Президенті Архиві құжаттарының негізінде)	70
Гончарова О.С. Эвакуация промышленных предприятий г. Харькова (июнь–октябрь 1941 г.)	74
Чиликова Е.В. К вопросу деятельности заводов и предприятий оборонной промышленности и адаптации рабочих и ИТР, эвакуированных в Казахстан	81
Саипова К.Д. Эвакуация промышленных объектов в Узбекистан	97
Тимофеева Е.В. Эвакуация в Южно-Казахстанскую обл. в годы Великой Отечественной войны	101
Мырзатаева З.Б. Темір жол транспорты және оның қызметі: эвакуация. (Түркістан ауданы материалдары негізінде. 1941 ж.)	107
Аупенова А.У., Омарова А.С. Краткий обзор производственной деятельности 517 завода	116
Тверитнева И.А. Павлодарцы в годы Великой Отечественной войны	127
Кабдулова К.Д. 24 дивизии Кустанайской швейной фабрики «Большевичка» в годы Великой Отечественной войны	132
Сактаганова З.Г. Адаптация в Казахской ССР эвакуированных женщин в годы Великой Отечественной войны (по материалам воспоминаний)	137
Дьякова Е.В. Развитие науки в Украинском психоневрологическом институте в годы Великой Отечественной войны	143
Маликова С.З. Эвакуационные госпитали Петропавловска	149
Такиров О.М. Здравоохранение Костанайской обл. в годы Великой Отечественной войны	152
Байкаш Ж.Т. Казахстанский период деятельности врача Фрумина И.О.	164
Тлепина Ш.В. Деятельность эвакуированных в Казахстан высших юридических учебных заведений (1941–1943 гг.)	168
Оразбаков А.Ж. Эвакуация населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны на материалах Кызылординской обл.	182
Беркимбаева А.М., Легкий Д.М. Социально-бытовое положение эвакуированного населения в документах партийных и советских органов Кустанайской обл. Казахской ССР в 1941–1942 гг.	192

Алексеевко М.А. Об эвакуированных в Кустанайскую обл. детских домах, положении воспитанников детских домов и розыске детей (по документам Государственного архива Костанайской обл.)	202
Шаяхметов Р.Р. У нас дома во время войны	208
Кубик Н.А. Из истории депортации польских граждан на территорию Павлодарской обл. в 1939–1946 гг.	217
Панто Д. Эвакуация армии Андерса в 1942 г. с территории Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана на территорию Ирана	230
Гриб А.А. Vabcia	235
Сатаева Ж.А. «Твое письмо может не дойти...» (Из истории полевой почты в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)	245
Сырлыбаева Г.Н. Преподаватели и выпускники Харьковского художественного института. Эвакуация. Алма-Ата. 1941–1944	253
Танская О.А. «Культурная эвакуация, ставшая для Алма-Аты культурной «революцией»	265
Беркун О.Е. Культурная жизнь Караганды в годы Великой Отечественной войны	284
Калашникова Н.П. Эвакуация в годы войны: устные истории и новые имена	287
Нисенбойм Г.Ю. К вопросу создания коллективной памяти в Израиле	295
Берман А. Жгучая память об эвакуации	301
Медведева-Нату О.Р. Личный Холокост Мечислава Вайнберга	310
Грибанова Е.М. П.М. Пахмурный – преподаватель, комиссар эвакогоспиталя, ученый	325
Shternshis A. Jerusalems of Central Asia: Yiddish Culture in Uzbekistan during World War II	339
Ронкин В.Г. Все мы родом из детства	347
Крутова Н.В. Мария Фертель. Судьба в эвакуации	362
Каштелюк Ю.И. Сердечная память	365
Щёголева Л.М. Воспоминания членов еврейского этнокультурного общества «Бэяхад», г. Экибастуз Павлодарской обл.	368
Коккоулин В.Г. Тема Холокоста в исторической памяти о войне в постсоветской России	372
Шатохин В. О проекте создания «Музея эвакуации в Ташкенте»	376
ЛЮДИ И СУДЬБЫ	381
Нисенбойм Г.Ю. Об издании книг «Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии»	381
Каштелюк Ю.И. Страницы истории алматинской синагоги	389
Берман Е.А. Соломон Хаимович Бейлин – фольклорист, этнограф, общественный деятель, казенный раввин Иркутска 1901–1920 гг.	394
Шкурко Э.А. Первый советский писатель-фантаст Вивиан Итин	404
Сағатова Ә.С. Тарих беттеринен қалған өмір тағылымы	421
Ахметова Л.С. Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии	427
Вуколов В.Н. Военный альпинист и педагог	437
Сулейменов А.М. «Таких, в целом мире – наперечет»	445
Каштелюк Ю.И. Летопись мужества	451
Брусиловская Е.Ф. Страницы жизни Леонида Гирша	456

Абрамович Б.С. И я смотрел на Полярную звезду...	469
Мананникова Л.Б. Из воспоминаний А.А. Ховина	475
Слудская Н.В. Борис Львович Левинтов – ученый из Казахстана	492
Каштелюк Ю.И. Эпизоды из биографии заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Павла Яковлевича Зальцмана	501
Брусилловская Е.Ф. Солнечный художник, или жизнь и судьба Юрия Шнейдермана	507
Калачева Д.Н. Плетенье судеб: житейские зарисовки советской эпохи	518
Клейнбок Т.С., Клейнбок А.Ю. Ученый, педагог, руководитель	537
Батырбаева Ш.Д. Вклад в развитие исторической науки Кыргызстана А.Н. Бернштама – выдающегося сына еврейского народа	539
Ермекбай Ж.А. Яков Давидович Серовайский и Лия Семеновна Фришман: мои учителя по университету	545
Ярков А.П. Биография Г.А. Елизарова как часть истории советских евреев	555
Свахина Т.Е. К 110-летию со дня рождения отличника энергетики и электрификации Казахстана Кейлина Моисея Файтелевича	558
Мананникова Л.Б. А в памяти моей такая скрыта мощь...	563
Боксерман-Михайлова И.Л. Вспоминая актера ТЮЗА Льва Эльевича Боксермана	570
Шалкова Е.И., Бычков Е.А. Семья Коган. Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана	576
Мавриди Я.Ф. Чтобы всё было, как следует быть!	604
Сагимбаев Н.Е. Не гнуться под ударами судьбы (к 100-летию С.З. Крепса)	613
Сарыбай М.Ш. «И льётся аллилуйя на смуглые поля» (воспоминания о Моисее Михайловиче Копыленко)	616
Рожков А.В., Нода Л.П. Гармония литературы и жизни Светланы Сагалович	623
Гуревич Л.Я., Карташов К.Н. Ключевые факторы и особенности идентичности евреев Казахстана (по результатам специального социологического исследования)	632
Ананьева С.В. «Это дом наш – казахская степь...»	646
Барон А.И. Заключение	653
Сведения об авторах	654
Фотографии, опубликованные на обложке	659
Түйін	660
Summary	661

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Барон А.И.

*член Совета Ассамблеи народа Казахстана
председатель Совета О.Ю.Л.
Ассоциации «Мицва»*

Уважаемые дамы и господа.

Я рад приветствовать X юбилейную конференцию «История. Память. Люди». Данной темой мы занимаемся 20 лет. Основная цель проекта – восполнить страницы мировой истории, которые ранее не были достаточно изучены в международном масштабе, а также привлечь внимание мировой общественности к теме конференции, обеспечить доступ исследователей к архивным документам, поддержать международные научные коммуникации. За эти годы нам удалось заинтересовать и привлечь к участию большое количество ученых из разных стран мира.

На сегодняшний день нами издано 13 книг. Это и научный, и информационный, и, безусловно, социальный проект, призванный поднять огромный пласт информации, на протяжении более полувека.

В адрес нашей конференции поступили приветствия от Ассамблеи народа Казахстана, от экс премьер-министра Республики Казахстан, почетного консула Израиля в Казахстане Терещенко Сергея Александровича, от посла Израиля в Казахстане госпожи Лиат Вексельман. Евро-Азиатский Еврейский Конгресс приветствовал нас от имени президента Михаила Михайловича Мирилашвили. Нам прислал приветствие Российский Еврейский Конгресс.

Объявляю конференцию открытой.

Желаю участникам плодотворной работы!

Предоставляю слово директору Архива Президента Республики Казахстан Абдукадыровой Джамиле Юсупжановне.

Абдукадырова Д.Ю.,

директор Архива Президента РК

Құрметті қонақтар, әріптестер!

Қазақстан Республикасы Президенті Архиві мен Қазақстан халқы Ассамблеясының, «Мицва» қауымдастығының бірлесіп өткізіп отырған Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы эвакуация тақырыбына арналған «Тарих. Тағылым. Халық» 10-шы халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясына қош келдіңіздер!

Бұл «Мицва» қауымдастығының бастамасымен 2002 жылдан бері жүзеге асырылып келе жатқан халықаралық жобаның 20 жылдық қызметін қорытындылайтын мерейтойлық конференция болып отыр. Биылғы жылы елде орын алған жағдайға байланысты бұл шараны онлайн түрде өткізуге шешім қабылдадық. Бүгінгі конференцияға қатысып отырған қонақтардың қатарында Грекия, Израиль, Канада, АҚШ, Ресей, Өзбекстан, Қырғызстан, Польша, Украина және Қазақстанның аймақтарынан архившілер, ғалымдар, тарихшылар мен мамандар бар.

Соғыс жылдарындағы эвакуацияны зерттеу тарихшылар үшін өте өзекті мәселе. Бұл проблеманы зерттеуде архивтердің маңызы зор. Біздің Архивте 1941–1945 жылдардағы соғысқа байланысты тарихи құжаттардың кешені сақталуда. 2018 жылы аталған конференция Қазақстан Республикасы Президенті Архивінде өткізілген болатын.

Уважаемые гости!

Приветствую участников и гостей X юбилейной международной научно-практической конференции «История. Память. Люди». Пользуясь случаем, хочу поблагодарить наших партнеров по мероприятию – Ассамблею народа Казахстана, с которой Архив сотрудничает уже много лет и Ассоциацию «Мицва».

Нынешняя конференция – знаковая в серии конференций, которую Ассоциация «Мицва» проводит с 2002 г. Она собой подводит определенные итоги почти 20-летней работы конференций. Но это не значит, что тематика теряет свою актуальность. Наоборот, с каждым разом состав участников мероприятия и представленные ими темы докладов, показывают неугасающий интерес к проблеме как со стороны специалистов, так и со стороны широкой общественности. История становления Независимого Казахстана – это история вклада в развитие страны каждого из этносов, его населяющих. Формирование полиэтничного состава казахстанского народа – во многом результат советской политики, когда в разные годы XX в. были депортированы в Казахстан целые народы – более 400 тысяч немцев, более 100 тысяч поляков, около 400 тысяч представителей народов Северного Кавказа, около 100 тысяч корейцев с Дальнего Востока. Кроме того, во время войны 1941–1945 гг. в Казахстан по сведениям на 1 июля 1943 г. было эвакуировано более 532 тысяч человек из республик бывшего Союза. Если брать статистику с начала XX в., то в Казахстан в целом было переселено более 5 млн. человек. Но сегодня единый народ Казахстана – это главное богатство нашей страны.

Уважаемые коллеги! Проведение нашей международной конференции – это общественно-значимое мероприятие по сохранению, увековечиванию и распространению информации по истории массового переселения народов – эвакуации и беженству. С 2002 г. в партнерстве с Центральным государственным архивом РК, с Архивом Президента РК было проведено 9 международных научно-практических конференций, изданы сборники материалов, в которых отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных объектов, учреждений культуры, а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства.

Архив Президента Республики Казахстан на протяжении многих лет занимается темой насильственной депортации народов СССР и эвакуации в Казахстан. Подготовлены и изданы несколько сборников документов, введены в научный оборот документы, ранее недоступные исследователям, опубликованы статьи в казахстанских и зарубежных газетах и журналах.

В рамках проведения конференции сотрудниками Архива была подготовлена историческая выставка «Эвакуация в Казахстан в годы Великой Отечественной войны» по документам, хранящимся в фондах Архива

Президента Республики Казахстан. На выставке – только малая часть комплекса документов, отражающих истории и судьбы эвакуированных. Это документы о размещении и работе эвакуированных в республику промышленных предприятий, научных и культурных учреждений в годы Великой Отечественной войны, о быте и обустройстве эвакуированного населения. По данным эвакуационного отдела при СНК Казахской ССР с августа 1941 по январь 1942 гг. прибыли 386 492 эвакуированных. По архивным документам мы можем судить о том масштабе работы, которую проделал народ во имя победы над фашизмом.

Эвакуация была также трагична, как и сама война: вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. Не хватало жилья, элементарных предметов быта. Не только органы партийной и государственной власти, профсоюзные и другие общественные организации по возможности оказывали эвакуированным помощь в улучшении материально-бытового положения, проявляли заботу об охране здоровья, но и простые казахстанцы проявили радушие и гостеприимство по отношению к эвакуированным и беженцам, делясь с ними своим, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и др. Многие казахстанцы брали в свои семьи эвакуированных детей-сирот. И таких исторических примеров можно приводить бесчисленное множество.

Уважаемые коллеги! Каждая эпоха оставляет в памяти свой особый отпечаток. Это образы прошлого, знание о которых существует в настоящем, а порой и определяют это настоящее. Уже поэтому конференция «История. Память. Люди», наряду с научным значением, несет в себе большой воспитательный смысл для нас всех с вами!

Желаю участникам плодотворной работы!

Благодарю за внимание!

Туймебаев Ж.К.

*заместитель Председателя Ассамблеи народа Казахстана
– заведующий секретариатом АНК Администрации Президента РК*

Уважаемые участники

X Международной научно-практической исторической конференции!

Позвольте приветствовать Вас от имени Ассамблеи народа Казахстана и поблагодарить за участие в этом важном научном мероприятии, одинаково ценном как в научно-познавательном, так и в практическом плане.

В 2020 г. тема конференции «История. Память. Люди» звучит особенно актуально, поскольку этот год – год 75-летия Победы во Второй мировой войне и год 25-летия Ассамблеи народа Казахстана.

Эти две даты, отстоящие друг от друг на 50 лет, имеют глубокую сущностную связь.

Мировая трагедия, порожденная крайним проявлением национализма – фашизмом, обошлась человечеству, по разным оценкам, до 80 миллионов человек. Казахстан потерял более 600 тысяч своих граждан.

Для евреев Вторая мировая война стала особым испытанием, обернулась беспрецедентным «Холокостом», ставшим нарицательным именем для преступлений против человечности.

Эти исторические уроки нашли свое отражение в политике мира и согласия, которую с первых дней независимости провозгласил Первый Президент Казахстана – Елбасы, Председатель Ассамблеи народа Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев.

Общекзахстанская идентичность, равенство перед законом граждан, независимо от их этнического происхождения, не конституционность всех действий, способных нарушить межэтническое и межконфессиональное согласие, «единство в многообразии» – таковы незыблемые принципы этой политики, преемственность которой в полной мере раскрывается в политике Президента Казахстана К.К. Токаева.

Составным элементом этой политики является политика исторической памяти, направленная на сохранение исторической памяти и на вскрытие причин трагических событий. Таков проект Ассамблеи народа Казахстана «Память во имя будущего», который посвящен Дню памяти жертв политических репрессий и голода – 31 мая, учрежденного Указом Елбасы Н.А. Назарбаева.

В этом же русле протекает работа конференции «История. Память. Люди», направленная на восстановление и ретроспективу исторических событий, людских судеб, темы эвакуации и беженцев во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.) в Казахстане, Центральной Азии и Западной Сибири.

Эта страница нашей истории тесно переплетается с депортацией народов в Казахстан, когда священная казахская земля и ее народ приняли и сберегли жизни сотен тысяч переселенцев, эвакуированных и депортированных народов.

Другая тема – это история евреев Центральной Азии и Западной Сибири, которая насчитывает уже более полтора столетия и также тесно связана с периодом войны, репрессий и эвакуации.

Сегодня евреи Казахстана – неотъемлемая часть народа нашей страны, граждане, обладающие всей полнотой прав и вносящие весомый вклад в социально-экономическое и научно-культурное развитие Казахстана.

И конференция «История. Память. Люди» – убедительная демонстрация царящего в Казахстане духа миролюбия, уважения и доверия друг к другу. Конференция проходит с 2002 г. С широким представительством ученых, экспертов, творческой интеллигенции из Белоруссии, Греции, Израиля, Киргизии, Канады, Латвии, Польши, России, США, Узбекистана, Украины и других стран.

Ее организаторы – Ассамблея народа Казахстана, Архив Президента Республики Казахстан, Евро-Азиатский Еврейский Конгресс и Ассоциация «Мицва» – продолжают и дальше работать над укреплением единства народа путем сохранения общей истории, укрепления общенационального консолидирующего сознания, объединяющего народы через века и расстояния.

Позвольте пожелать Вам успешной и продуктивной работы.

Вексельман Л.
*Чрезвычайный и Полномочный
Посол Государства Израиля в Республике Казахстан
и Посол-нерезидент в Кыргызской Республике*

Уважаемый Александр Барон – председатель еврейской общины в Казахстане, дорогие друзья.

С особым удовольствием приветствую вас на этом мероприятии. Глобальный кризис с коронавирусом заставил нас перенести это событие на цифровую платформу, но и в этом случае у нас есть много причин для празднования: 75 лет Победы над нацизмом во Второй мировой войне; 25 лет основания Ассамблеи народа Казахстана; 10-я годовщина данной Международной научно-практической конференции, инициированной еврейской общиной.

Еврейскую общину тепло встретили и разместили в Казахстане с самого начала. На этой земле нашли убежище и депортированные.

Еврейская община и сегодня живет в гармонии и сосуществовании со своими соседями в современном Казахстане.

Государство Израиль придает большое значение теплому размещению и гостеприимству казахстанского народа, верного своим кочевым традициям гостеприимства, а также усилиям казахстанских властей в продвижении подлинного взаимопонимания и процветающего сосуществования, являясь образцом для подражания для других стран.

Желаю всем участникам продуктивной дискуссии и жду содержательных отчетов по итогам мероприятия.

Терещенко С.А.
*Экс Премьер-Министр Республики Казахстан
Почетный консул Израиля в Казахстане*

Дорогие друзья! Уважаемые участники Международной конференции! Сегодня мы собрались здесь в честь знаменательных событий: 75-летия Победы во Второй мировой войне и 25-летия Ассамблеи народа Казахстана.

Позвольте поприветствовать всех участников и гостей конференции и поздравить с этими знаменательными событиями.

Тема конференции «История. Память. Люди» своевременна и очень актуальна. Так как в 2020 г. во всем мире отмечается 75-летие Победы во Второй мировой войне, в которой наши предки – казахи, евреи, русские, узбеки и другие этносы, сообща отстаивали жизнь и независимость своих народов. Для евреев Советского Союза эвакуация стала единственным спасением. Впоследствии, интегрируясь в интернациональную семью Казахстана, евреи внесли весомую лепту в развитие нашей страны.

Эвакуация людей и материальных ресурсов во время Второй мировой войны представляет собой уникальное явление истории. В период с 22 июня 1941 г. и до наступления под Сталинградом в 1942 г. из угрожаемых районов было вывезено по официальным данным 17 млн человек, тысячи промышленных предприятий, огромные материальные ресурсы. По мнению маршала Жукова,

именно эвакуация промышленных предприятий позволила Советскому Союзу победить во Второй мировой войне.

Глубокое изучение этого бесценного исторического опыта периода войны свидетельствует, что интернационализм советских людей, сформированный на истинной дружбе народов, с честью выдержал тяжелейшие испытания тех лет. Это является величайшей ценностью многонационального государства и не имеет аналогов в мировой истории. Поэтому изучение данного опыта, его широкая пропаганда в современных условиях, особенно среди молодого поколения, имеет практическое значение и будет в дальнейшем способствовать усилению патриотического интернационального воспитания.

Желаю в работе X Международной научно-практической, исторической конференции успехов и новых перспектив в исследовании темы конференции.

д-р Мирилашвили М.

Президент Евро-Азиатского Еврейского Конгресса

Дорогие организаторы и участники конференции,

Поздравляю вас с открытием X Международной научно-практической исторической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана.

Это юбилейная конференция, и я искренне рад, что она смогла состояться, невзирая на непростую ситуацию, связанную с пандемией коронавируса. К сожалению, в связи со всевозможными ограничениями, введенными в результате распространения эпидемии, мое личное присутствие на мероприятии оказалось невозможным. Однако я абсолютно убежден, что организаторы и участники вновь окажутся на высоте, и X конференция пройдет также интересно, увлекательно и познавательно, как и все предыдущие.

Темы, подлежащие рассмотрению на этой конференции, являются исключительно важными, и я желаю всем хорошей и плодотворной работы.

Слова особой благодарности за организацию конференции хотелось бы выразить также нашему давнему коллеге и другу, председателю Ассоциации «Мицва», Александру Барону.

Штернфельд В.

*Член Совета по межнациональным отношениям
при Президенте Российской Федерации,
Президент ФЕНКА*

Уважаемые друзья и коллеги!

От имени Федеральной еврейской национально-культурной автономии (ФЕНКА) приветствую организаторов и участников X Международной научно-практической исторической конференции, посвященной 75-летию Победы во Второй мировой войне, и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана.

Обращаюсь к вам в качестве руководителя партнерской организации, для которой основная тематика вашей конференции исключительно близка нам,

российским евреям, для которых историческая память о Великой Отечественной войне и человеческих судьбах нашей общей родины близка как ничто иное.

У вас ковалась Великая победа, и сохранялись бесценные культурные сокровища, благодаря тысячам и тысячам наших бывших соотечественников, которые оказались в эвакуации. Среди эвакуированных, беженцев и вынужденных переселенцев были и многочисленные наши соплеменники.

Благодаря вашим конференциям и итоговым изданиям по их материалам, тема эвакуации во многом укрепилась в научном обороте. Сегодняшняя демографическая и социально-экономическая картина еврейской диаспоры имеет своим историческим корнем эвакуацию во время Второй мировой войны в Казахстан, другие страны Центральной Азии и Западную Сибирь.

История евреев Центральной Азии и Западной Сибири в качестве предмета разнообразных научных дисциплин – несомненная ваша заслуга, и мне представляется, что число работ по этой тематике будет расти, вовлекая все больше и больше молодых ученых, что очень важно для предотвращения исторических фальсификаций.

Тот факт, что местом проведения конференции является Архив Президента Республики Казахстан, говорит о государственной поддержке вашего мероприятия. Должен подчеркнуть, что и у нас в Российской Федерации органы государственной власти поддерживают наши еврейские мероприятия, особенно касающиеся истории Великой Отечественной войны.

Приятно сознавать, что задуманные программы как у вас, так и у нас осуществляются, несмотря на пандемию коронавируса, и наше сотрудничество только укрепляется. И вы, и мы ощутили нашу солидарность и готовность к взаимопомощи.

Я уверен, что, отмечая 25-летие Ассамблеи народа Казахстана, в руководстве которой побывал ваш лидер Александр Иосифович Барон, вы еще отчетливее продемонстрируете общность исторической судьбы многих народов, которые сегодня – и ваши, и наши.

Мы живем и трудимся с вами под одним небом, которое, я уверен, не омрачится тучами недоверия в наступившем Новом году по еврейскому календарю. Я желаю здоровья всем вам и дальнейших успехов в нашем, не сомневаюсь, благородном деле – служить нашему народу и согражданам наших стран во имя мира и созидания.

д-р Хаим Бен Яков
*Генеральный директор
Евро-Азиатского Еврейского Конгресса*

Уважаемые друзья и коллеги, организаторы и участники X Международной научно-практической, исторической конференции, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана.

Мы признательны одному из инициаторов и организаторов конференции, нашему давнему коллеге Александру Барону – председателю Ассоциации «Мицва», за активное участие и за то, что эту идею он не оставляет и продол-

жает поддерживать, и развивать. Мы также признательны Ассамблее народа Казахстана, Архиву Президента Республики Казахстан за участие и поддержку в этой важной инициативе. Сегодня 23 сентября 2020 г. открывается X конференция, материалы предыдущих 9 конференций изданы сборниками. Мы уверены, что материалы, накопленные и изданные за этот период, введены в научный оборот и послужат важному делу сохранения исторической памяти. Проблемы, связанные с изучением аспектов истории Второй мировой войны, остаются важными историческими фактами.

К сожалению, есть силы, которые пытаются политизировать сохранение памяти о Второй мировой войне и направить ее на то, чтобы она служила сиюминутным историческим интересам. Этого, по всей вероятности, допустить нельзя. Мы, знакомы с материалами девяти предыдущих конференций, и знаем, что ученые и выступающие на конференциях стремятся представить объективные факты и глубокие академические исследования, исторический анализ происходивших событий в годы Второй мировой войны.

Среди участников и гостей конференции в этом году директор Архива Президента Республики Казахстан, директор и ведущие научные сотрудники Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова Республики Казахстан. Эти имена сами говорят за себя. И о том, что конференция заслужила свое достойное место в списке важных научных событий Республики Казахстан, Евро-Азиатского региона. Темы, поднимаемые на конференции, безусловно, уникальны в мировом масштабе.

Мы желаем участникам конференции успехов и надеемся, что исследования истории Второй мировой войны, проблем эвакуации, всего комплекса проблем с этим связанным продолжится, и как это представляется на сегодняшний день, есть еще много тем, фактов, событий, которые предстоит исследовать в будущем. Еще раз спасибо всем участникам и больших успехов.

Панто Д.

*главный научный сотрудник
Музея Второй мировой войны в Гданьске*

Доброе утро, уважаемые коллеги.

Передаю Вам сердечный привет из Гданьска, Музея Второй мировой войны. Наша дирекция желает нам всем удачных дискуссий, выступлений и подчеркивает важность и значимость этой конференции, посвященной эвакуации народов в 1939–1945 гг. на территорию Казахстана и Средней Азии. Когда мы говорим слово «эвакуация», первая мысль, что приходит в голову – это эвакуация культурных объектов, предприятий, фабрик, заводов, также интеллектуального потенциала, академиков, ученых, писателей, поэтов. Но стоит в этом моменте не забывать о людях, которые подготавливали эту эвакуацию, вели, везли поезда, принимали на станциях и принимали людей под крыши своих домов, этот важный человеческий аспект не должен нам затмить общее понимание эвакуации. И здесь очень важно обратить на это серьезное внимание. Стоит подчеркнуть, что очень часто люди должны были оставить свои дома, фабрики,

заводы на которых работали, оставались без работы. Этот антропологический фактор, то есть человеческий подход обязательно нужно учитывать при исследовании этой темы. Поэтому сегодня важно смотреть на этот процесс более широко. Также я хотел бы подчеркнуть, что кроме того, что эвакуация была в Казахстан, как мы уже знаем и видим из части сообщений, также была эвакуация и из Казахстана и Средней Азии. Это будет в моем выступлении, посвященном эвакуации армии Андерса в 1942 г. с территории Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана на территорию Ирана. Этот аспект эвакуации, который так называется, я хотел бы представить на данной конференции.

Удачных нам дебатов и выступлений!

Калашникова Н.П.,
*член Научно-экспертного совета
Ассамблеи народа Казахстана*

Уважаемый Александр Иосифович!
Уважаемая Джамиля Юсупжановна!

Уважаемые участники Международной научно-практической исторической конференции «История. Память. Люди»!

Позвольте приветствовать гостей и участников X Международной научно-практической исторической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана от имени научного сообщества Ассамблеи народа Казахстана и кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева!

Нынешняя конференция в онлайн-режиме объединила ученых, общественных деятелей представителей этнокультурных объединений из 10 стран мира, значительно расширены ее границы.

Принимая неоднократно участие в столь авторитетной конференции, убеждаюсь в огромной потребности желающих ученых и простых людей напомнить, описать, пережить фрагменты нашей общей истории. Тем самым активно возрождается метод «устной истории», с помощью которого широко реализуются практически все проекты АНК.

«Устная история как микроистория, отражающая т. н. «малую историю», индивидуальные воспоминания людей, историю, создаваемую «снизу» (pistory from delow). Это качественный метод, демократизирующий подход к истории.

Хотелось бы отметить, что международные инициативы АНК, которые уже реализуются ею 25 лет, направлены на укрепление исторической памяти и консолидацию общества. К примеру, только Международный проект АНК «Память во имя будущего», в котором за 11 лет приняло участие свыше 1 млн участников из более чем 20 стран, показал, что существенно расширены границы социальной заинтересованности и сплоченности. Ежегодные мероприятия АНК, в т. ч. и сегодняшняя конференция, это не только хронология событий, это разработка системного научного осмысления феномена «историческая память». Базовую основу исследований составляют фундаментальные и архивные издания, что позволило наполнить историографию и архивную документалистику новы-

ми материалами из архивов этносов, включая личные. Ярким свидетельством являются материалы конференций, опубликование которых осуществляется уже несколько лет Республиканским этнокультурным объединением О.Ю.Л. «Мицва» при поддержке Архива Президента РК и меценатами.

Следует особо подчеркнуть, что Архивом Президента РК ведется системная работа по обобщению исторических и архивных документов, связанных с трудным периодом казахстанской истории, опыту совместного проживания людей разных национальностей, сумевших сохранить взаимное уважение, толерантность, историческую память. Посредством таких проектов открыт доступ потомкам для изучения ранее недоступных архивных материалов. Поздравляю Архив Президента РК с новым выпущенным проектом – изданием, посвященном теме исторической памяти «Рассекреченная война. Особые папки ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг.».

Вопросы эвакуации и беженцев стали неотъемлемой частью проблем, исследуемых отечественной историографией. И мы видим, что на страницах выпущенных сборников конференций «История. Память. Люди» появились новые устные истории и новые имена, связанные с эвакуацией людей, промышленных предприятий, учреждений культуры, творческой и научной интеллигенции Казахстана в годы Великой Отечественной войны.

История жизни населения, вынужденного в военные годы менять место жительства, история судеб евреев, других многочисленных этносов, депортированных в Казахстан в довоенные, в военные и послевоенные годы. Вспоминая те годы, многие эвакуированные, а особенно депортированные, отмечают, что выжили только благодаря братской помощи казахского народа и местного населения, состоящего из представителей разных этносов. Поэтому неслучайно в Казахстане по инициативе Ассамблеи народа Казахстана, с 2016 г. отмечается День благодарности, являющийся «живым» монументом исторической памяти.

Проект по сохранению информации об эвакуированном населении – создание электронных баз данных, аналогичных «Книгам памяти», увековечившим имена и фамилии миллионов современников, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны или «Книгам скорби», в которых опубликованы списки лиц, репрессированных по политическим обвинениям на территории Казахстана в 1930–1950 гг. и др., стал живой связующей нитью между поколениями.

Данная историческая конференция привлекла внимание как постоянных, так и новых участников, что подтверждает, что данная тема до конца не изучена. В рамках конференции традиционно будут работать две панельные сессии: «Евразия в XX веке: эвакуация, переселенцы, беженцы» и «Люди и судьбы», полагаю, что научный Кейс наполнится новыми исследованиями.

Всех поздравляю с началом работы онлайн конференции, желаю творческого вдохновения участникам, а организаторам успешного завершения юбилейного проекта. Скорейшего выхода в свет Сборника, который пополнит библиотеки, архивы, учебные организации, Дома дружбы, дипломатические представительства, в т. ч. и за рубежом новыми фактами исторической памяти.

Благодарю за внимание!

Буриева Х.А.

Отчеты организаций по эвакуации Узбекистана как исторические источники военного периода

Уроки истории учат людей быть бдительными и гуманными, чтобы сохранить мир на земле и стабильное существование для потомков. В настоящее время ярко выражается актуализация изучения тематики II мировой войны (1939–1945): причины, участников, военных действий, эвакуационных процессов, депортации, достигнутых сторонами результатов, количества потерь и жертв, последствий и уронов, нанесенных человечеству. Вопросом этим интересуются и специалисты, и широкий круг населения, особенно из-за опасности военных периодов и в целях недопущения их повторения.

Изучение исторических событий требует основательного подхода. Важную роль при этом играют свидетельства рассматриваемого исследователем периода. В числе таковых – документальные источники. В частности, для реального представления событий времен II мировой войны и объективной их оценки необходимо изучать исторические источники, созданные в период военных действий и в ближайшие послевоенные годы. Значительная их часть хранится в главных архивах государства, как ценное документальное наследие. В этой связи целесообразно проводить изучение тематики войны посредством анализа данных материалов архивных фондов, содержащих документы военного периода различного характера. Это постановления и указы правительства, протоколы заседаний государственных органов, соответствующих организаций и планы мероприятий, доклады и отчеты структур, сводные таблицы и другие статистические сведения, списки военных подразделений, военнослужащих, эвакуированных людей и объектов, хроники, воспоминания, мемуары и др. Каждый из этих видов источников содержит значимую информацию и имеет свои специфические особенности, которые необходимо учитывать при его использовании в освещении определенных исторических вопросов военного периода.

Ценными сведениями располагают *отчеты* государственных организаций и должностных лиц о мероприятиях по эвакуации в Узбекистане в военные годы. В них рассматривается широкий круг вопросов военного периода, детальное изучение которых позволяет внести ясность и объективность в дело изучения реалий, как самого периода, так и именно эвакуационных мероприятий, проводившихся на терри-

тории республики. В свою очередь, эти сведения позволяют дополнить историю Узбекистана периода II мировой войны более достоверными источниковедческим материалами, свидетельствующими о масштабах оказанной помощи эвакуированным гражданам, о трудностях и задачах, которые возникали в этой связи и требовали постоянного решения.

Цель данной статьи – проведение аналитического обзора материалов некоторых отчетных документов периода II мировой войны, хранящихся в фондах Национального архива Узбекистана. Следует отметить, что в составе архивных документов встречаются отчеты различных типов, структуры, специфики и содержания, что, в свою очередь, определяет их характер и особенности:

- отчеты организаций о выполнении постановлений правительства по тому или иному делу имеют специфическую направленность и освещают большей частью именно рассматриваемый аспект;
- отчеты организаций о деятельности за определенный период встречаются чаще и отличаются планомерным характером, насыщенностью фактами и пояснениями по поводу работы и существующих проблем;
- статистические отчеты содержат большое количество цифровой информации и характеризуются большим потенциалом информативности.

Один из *отчетов* Эвакуоуправления по выполнению *указов правительства* хранится в Ф.314 – «Уполномоченный Эвакуоуправления при СНК УзССР» – Национального архива Узбекистана. Это «Стенографический отчет совещания при Эвакуоуправлении Совнаркома УзССР по вопросу о ходе выполнения постановления ЦК КП (б) Уз и Совнаркома УзССР от 3–9 ноября 1942 г. «О дополнительных мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения» от 11 декабря 1942 г. [1, л.1–37].

Стенографический отчет размещен на 73 страницах машинописным текстом, т. е., довольно объемный. На первой странице его перечислены участники совещания и планируемые вопросы для обсуждения на совещании. В частности, принимали участие: председатель – Уполномоченный при Эвакуоуправлении Совнаркома УзССР (Левшин), представители из отделов Эвакуоуправления Бухарской (Зубарев), Наманганской (Громов), Андижанской (Россиянский), Ферганской (Феоктистова) областей, представитель Наркомздрава (проф. Агрицкий), представитель Прокуратуры республики (Дегтяренко), от горсовета Ташкента (Корнблум), инспектора Эвакуоуправления (Лосев, Хвацкая), начальник Ташкентского эвакуопункта (Буракова), инспектор этого же эвакуопункта (Павлюченко), работники эвакуоуправления

(Ощенко, Гройсман, Мердинова и др.). В числе не явившихся на заседание указаны: начальники отделов по хозяйству эвакуанаселения по Ташкентской, Самаркандской, Сурхандарьинской областям, представитель Наркомпроса, представитель железнодорожной милиции.

На повестке дня были намечены вопросы: выяснить, что сделано в ноябре – начале декабря 1942 г. в соответствии с теми указаниями, которые изложены в постановлении ЦК и СНК Узбекистана от 3–9 ноября; осветить состояние бытового и трудового устройства эвакуированных граждан; планирование мероприятий по дальнейшей работе эвакоорганов республики, направленных на поиск «методов и способов, которые могли бы ликвидировать многие затруднения, встречающиеся в деятельности» данных организаций; прослушать отчеты начальников отделов о проделанной работе по выполнению постановлений правительства.

Ознакомление с текстом отчета и его аналитический обзор позволяют выявить этапы и специфику деятельности, а также успехи и проблемы в работе органов Эвакоуправления в республике за период 1941–1942 гг. Так, если в 1941–1942 гг. основные функции эвакопунктов (организованы в июле 1941 г.) заключались в приеме и расселении эвакуированных граждан, то с ноября 1942 г. правительством на них возложены новые задачи – устройство бытового положения и создание необходимых условий для труда эвакуированных.

Работники эвакоорганов осознавали политическую важность работы по бытовому и трудовому устройству эвакуированного населения, тем не менее, сталкивались с трудностями в осуществлении намеченных задач в данном управлении, в большинстве своем, связанными со сложностями военного периода. Это неоднократно подчеркивалось как в выступлениях Уполномоченного при Эвакоуправлении республики, так и в докладах региональных представителей. Так, в выступлении представителя Андиганской обл. о мероприятиях по выполнению указов правительства от 3–9 ноября 1942 г. по созданию условий для эвакуированных граждан отмечено, что усилиями работников эвакоорганов в Алтынкульском р-не эвакуированным гражданам были улучшены жилищные условия, предоставлена одежда для зимнего периода, и «если в прошлые месяцы занимались просто размещением, теперь намечается вплотную заниматься хозяйством» эвакуированного населения [1, л.6]. В вопросе трудового устройства намечалось обратить внимание на обеспечение их работой по специальности, что зависело от требований в регионе к тем или иным квалификациям. Поскольку существовала острая нехватка жи-

лица, а эвакуированные семьи нуждались в своем крове, в самостоятельном хозяйстве, началось строительство новых домов.

Интересные факты представлены докладчиком из отдела эвакуопункта Наманганской обл., который отметил, что «за период работы отдела, т. е. с 1941 г., всего было принято и расселено 60 000 чел. в области, причем по данным учета на 1 марта [1942 г.] из них осталось уже 36 000 чел., на 1 июля – 28 000 чел. Где же остальное население? Основной причиной нужно считать, что часть эвакуированных граждан были мобилизованы в Красную армию, другие – на трудовые работы; часть выехали обратно в районы и области, освободившиеся от фашистских захватчиков». Отмечено, что определенная часть переселилась в соседние районы или области [1, л.7].

Со стороны эвакуированных в область граждан выражалась активность к улучшению своего положения, т. е. большинство прибывших стремились найти работу, улучшить свое положение, но были и такие, кто «с чемоданным настроением» практически ничего не предпринимал для улучшения своих жилищных условий, для устройства на работу (особенно, в колхозы). А поскольку за кратчайшие сроки построить всем эвакуированным гражданам новые дома, обеспечить соответствующей их специализации работой, сезонной одеждой в трудных условиях военного периода было невозможно, такие граждане оставались в затрудненном положении особенно в зимний период; также тяжело было трудоустроить женщин с малолетними детьми, поскольку дети оставались бы без присмотра. Но, как отмечается в докладе, таким семьям местные власти и жители старались всесторонне помогать, выделяя жильё, еду, одежду [2]. Питание выдавалось всем эвакуированным в установленных нормах, т. е. эта работа велась удовлетворительно. Однако в некоторых регионах, зачастую в отдаленных от областных центров, существовали проблемы с обеспечением санитарных и бытовых условий, что было связано с чрезмерно большим количеством прибывшего населения и дефицитом средств в местном бюджете, нехваткой угля, дров, мыла.

В отчете представителя эвакуопункта из Ферганской обл. оповещается о самом большом количестве (66 138 чел.) приема эвакуированного населения этой областью, особенно «было много беспризорных детей». К концу 1942 г. г. Фергана был уже переполнен эвакуированным населением. Большинство специалистов, приехавших сюда, обеспечены работой по своему профилю (в частности, трудоустроивались на заводы). Далее приходилось размещать эвакуированных уже в сельских местностях, прикрепляя к колхозам, где, разумеется,

работа была преимущественно сельскохозяйственная. «Несмотря на тяжелые условия, облисполком и также райисполкомы принимают все меры для того, чтобы устроить людей по специальности и главным образом у нас идет устройство людей согласно их специальностям», – отмечается докладчиком. Эвакуированное население в области жильем постепенно обеспечивалось. В докладе отмечалось: «Я лично сама видела и по докладным запискам наших представителей можно заключить, что квартирные условия эвакуированных неплохие. Эвакуированные устраивались в самые лучшие квартиры с деревянными полами. Что касается другого положения эвакуированных, как я уже сказала, положение их разное в разных колхозах. Но я должна сказать, что этот период, период нашего настоящего времени, эвакуированные могут пережить вполне в данных условиях» [1, л.12, 14 об.].

Представитель Ташкентского горсовета проинформировал о работе эвакуотдела горисполкома, упомянув о приеме, регистрации и санитарном обследовании прибывшего населения, оказании содействия в пропитании, предоставления крова и трудоустройства, об организации детского эвакуопункта. Вопрос о трудоустройстве подростков стоял в числе первоочередных задач. Также отдельно отмечалось об осуществлении контрольной деятельности горисполкома по обследованию жизни эвакуированных в Ташкенте, рассмотрении их заявлений.

Далее, в настоящем отчете, имеется текст выступления представителя Наркомздрава, которым отмечено о масштабах оказания медицинской помощи прибывшему населению и о ходе осуществления санитарных работ при приеме, обследовании и размещении эвакуированных граждан. Анализируя выступления представителей эвакуоорганов областей республики, он указывает на необходимость активизации работников эвакуопунктов в деле взаимодействия с государственными органами управления, чтобы добиваться еще больших действий со стороны последних в оказании помощи по части медицинского и санитарного обеспечения эвакуопунктов. Упоминается о государственном значении мероприятий по организации медицинского обслуживания эвакуированных граждан.

Таким образом, подводя итоги совещания для обеспечения выполнения указаний постановления правительства республики 3–9 ноября 1942 г., были намечены следующие задачи, требующие незамедлительного выполнения:

- ускорить строительство новых жилых домов для эвакуированных граждан, продолжать работу по улучшению бытовых условий их настоящего места проживания;

- усилить работу по трудоустройству эвакуированного населения, особенно учитывая их специализацию и способности;
- активизировать работу по организации детских яслей, чтобы матери детей могли трудиться и полноценно обеспечивать содержание семьи;
- проводить контроль над всеми сферами работ по жилищному обеспечению и трудоустройству эвакуированного населения.

Содержание отчета свидетельствует о том, что все эти мероприятия в областях проводились в пределах возможностей каждого региона. Трудности военного времени, нехватка материальных средств, трудовых мест, внезапное переселение огромных людских ресурсов, суровые погодные условия особенно в зимний период, и другие проблемы в приеме и размещении эвакуированного населения вполне оправдывались тяжелыми условиями военной эпохи, которые переживала вся страна.

Следующий вид *отчетной документации*, выражающийся в основном в форме *статистических сведений*, содержит множество информации об эвакуированном населении в регионы республики. Например, дело № 60 (ф.314, оп.1) «Сведения о количестве семей и лиц, эвакуированных в области УзССР 1941 г.» и дело № 61 (там же) «Статистические сведения эвакуированных по УзССР» состоят из таблиц – статистических данных об эвакуированных гражданах за определенные отчетные периоды по регионам республики. Таблицы эти содержательны, различны в объеме (от 5 до 42 граф-столбцов в адресе одной таблицы) представляют сведения о количестве, национальном, половозрастном составе, семейном положении, социальной принадлежности, профессии эвакуированных граждан. Также указывают на регионы, откуда были переселены эти люди, и районы, в которых они расселены по прибытии в Узбекистан. Таблицы составлены делопроизводителями по учету эвакуированного населения при СНК, при облисполкомах, чаще всего подписаны такими должностными лицами как начальник группы учета эвакуированных, зампред облисполкома, Уполномоченный по Эвакоуправлению УзССР и его заместитель. Относительно территориального охвата следует отметить, что в отчетных таблицах имеются данные как по отдельным областям и их районам, так и по всей республике в целом.

Для более ясного представления отчетных таблиц статистического характера целесообразно привести несколько примеров из источников. Так, в отчетной таблице о количестве эвакуированных граждан в республику с июля до 22 ноября 1941 г. приведены количественные данные по областям.

*Сведения о размещении эвакуированного населения в Узбекской ССР
по состоянию на 22 ноября 1941 г. [3, л.164]*

Наименование областей	План размещения	Всего прибыло и распределено по данным эвакуопунктов	Учтено в областях по данным облисполкомов
Прибыло (учтено), в т. ч. распределено по областям:	525 000	443 518	157 979
г. Ташкент	29 000	32 400	33 250
Ташкентская	73 000	47 600	37 454
Самаркандская	81 000	41 300	40 743
Андижанская	73 000	80 126	14 800
Ферганская	79 000	53 800	12 659
Наманганская	62 000	45 200	3903
Бухарская	84 000	82 300	6569
Хорезмская	22 000	2330	5060
Сурхандарьинская	10 000	6800	149
ККАССР	12 000	51 662	3887

В документе отмечается, что в общее количество прибывшего и распределенного эвакуированного населения не входят семьи военнослужащих, семьи сотрудников и войск НКВД, а также работники предприятий, учреждений, прибывшие вместе со своими предприятиями и учреждениями.

Данные облисполкомов о количестве прибывшего в области эвакуированного населения значительно отличаются от количества отправленного населения по следующим причинам: облисполкомы дают сведения на основании списков эвакуированных, поступивших из районов, которые отстают от учетных данных Эвакопунктов, чем создается разрыв между количеством прибывшего и учетного эвакуированного населения. Кроме того, часть эвакуированного населения уклоняется от направления по намеченному плану. В то время как прибывшее в УзССР эвакуированное население должно было распределяться по областям республики, в соответствии с планами, утвержденными СНК УзССР.

В другой таблице дан отчет, в котором содержатся сведения о прибывших в республику гражданах по областям и по республике в целом, с июля до 20 декабря 1941 г. Указано, что по данным Эвакопункта, в отчетный период в республику было эвакуировано 677 119 чел., из которых 80 000 чел. прибыли «с предприятиями и организациями в организованном порядке» [3, л.281].

Сложные таблицы, состоящие из нескольких частей, с подробными цифровыми данными, касающимися мест отбытия эвакуирован-

ных и их расселения в Узбекистане, половозрастного состава прибывшего населения, их национальной принадлежности, составлены в форме отчетов по регионам, с указанием отчетного периода, встречаются в нескольких делах Ф.314. Значительное их количество собрано в Д.60. Изучая их данные, представляется возможным получить более полное представление о составе эвакуированного населения и его занятии, о ходе данной миграции и др.

Особое внимание привлекают таблицы из шести частей, расположенных перекрестно, включающих в себя 38 (иногда и до 42-х) столбцов и 18 и более строчек. Они составлены по нескольким областям республики за различные месяцы эвакуационного периода. Например, в таблице «Количество семей и лиц, приехавших в Ферганскую обл.» первая часть дает сведения о количестве прибывших людей и местах их отбытия, вторая часть содержит половозрастные данные, третья – национальный состав эвакуированного населения в три города Ферганской обл., в четвертой, пятой, шестой частях таблицы имеются такие же виды статистических данных по 11 районам области (в частности, районы: Алты-Арык, Богдадский, Каганович, Кировский, Кокандский, Кувинский, Куйбышевский, Маргеланский, Молотовский, Ташлакский, Фрунзенский). Далее, таблица располагает суммарными статистическими сведениями по этим категориям. Более кратко, т. е. обобщая цифровые показатели в таблице, можно получить следующие сведения.

*Количество эвакуированных семей и лиц в Ферганскую обл.
отчетный период: июль – 15 октября 1941 г. Часть 1*

Наименование региона прибытия	Прибыло человек из:											
	всего	РСФСР	БССР	УССР	Молдавия	Литва	Латвия	Эстония	К.Финск.	Польша	КрымАССР	КомиАССР
г. Фергана	2011	212	448	1105	75	129	28	1	2	6	5	--
г. Коканд	921	139	336	361	43	18	24	--	--	--	--	--
г. Маргелан	1157	157	180	770	25	2	14	3	4	2	--	--
Итого по городам:	4089	508	964	2236	143	149	66	4	6	8	5	--
Итого по районам:	5176	622	928	3078	202	95	137	30	35	38	10	1
Всего по области:	9265	1130	1892	5314	345	244	203	34	41	46	15	1

Часть 2

Наименование региона прибытия	По полу и возрасту					
	муж.	жен.	муж. от 16 до 54 лет вкл.	жен. от 16 до 54 лет вкл.	детей до 7 лет	детей 7–15 лет вкл.
г. Фергана	918	1093	688	846	258	194
г. Коканд	317	604	169	434	196	118
г. Маргелан	462	695	292	473	217	142
Итого по городам:	1697	2392	1149	1753	671	454
Итого по районам:	2497	2579	1842	1917	692	616
всего по области:	4194	5071	2991	3670	1363	1070

В продолжение, в третьей и шестой частях рассматриваемой таблицы, указано количество прибывших (9265) в разрезе по национальностям (в города и районы соответственно в этих двух частях таблицы) где: русских – 1158, украинцев – 890, белорусов – 207, евреев – 6774, татар – 23, молдаван – 22, эстонцев – 27, поляков – 70, латышей – 53, греков – 7, немцев – 5, грузин – 5, болгар – 3, литовцев – 7, армян – 3, карело-финн – 2, чехословаков – 6, узбеков – 2, венгерцев – 1 [4].

Исследование статистических данных в отчетах, составленных в форме таблиц, показывает, что они охватывают все регионы республики, куда проводилась эвакуация населения, отображают по определенным интервалам временных периодов количество прибывшего населения и размещения его, также и регионы, откуда были вывезены люди, указывают на половозрастные, национальные группы переселенцев. Такие сведения представляют возможность составления общей картины, а также и проведения аналитических обзоров по отдельным аспектам в тематике эвакуации населения.

Об активной работе эвакоорганов в регионах Узбекистана в годы войны свидетельствуют составлявшиеся ими периодические отчеты в форме докладных записок. Чаще всего это были *отчеты организаций о своей деятельности* за определенный период, представляемые Эвакопункту, облисполкомам и другим вышестоящим инстанциям. В них отражалась деятельность организации, количественные и качественные показатели, отношения работников эвакоорганов к эвакуированным людям и их проблемам, передавались фактические данные по запрашиваемым аспектам. Изучение таких отчетов дает ценную информацию, как в историческом, так и в источниковедческом плане, чем способствует более углубленному изучению темы эвакуации в республике.

Одним из таких отчетов является «Докладная записка о состоянии работы, связанной с устройством эвакуированного населения по Самаркандской обл.» [5, л.147–154].

В документе представлены сведения: о бытовом устройстве эвакуированного населения, о трудоустройстве прибывших граждан, о продвижении эшелонов-поездов, о распространении средств и выдачи единовременных пособий, о борьбе с эпидемическими заболеваниями. В частности, акцентируется внимание на том, что Самаркандский эвакуопункт принял эвакуированных людей значительно больше, чем было намечено в плане. Так, если к январю 1942 г. было запланировано принять 80 000 чел., в эвакуопункт всего прибыло и размещено по области 113 310 чел. Это, в свою очередь, стало причиной ряда трудностей, связанных с обеспечением жилья, питания, работы. Люди были устроены, и им создавались рабочие места, по мере возможности, однако из-за большого количества прибывающих приходилось устраивать их в сельских местностях, где зачастую работа была в отраслях сельского хозяйства. На колхозы возлагались обязанности обеспечения кровом и одеждой прибывающего населения, создания им рабочих мест, чтобы они могли себя содержать. Отмечаются факты, как местное население также оказывало помощь эвакуированным гражданам. Для создания дополнительных рабочих мест облуправлением было принято постановление, обязывающее Управление по эвакуации совместно с Многопромсоюзом и Коопинсоюзом организовать в течение января–февраля 1942 г. артели по выработке товаров ширпотреба из местного сырья (по производству глиняной посуды, по переработке кожсырья в овчинно-шубные и другие изделия, по переработке камыша и отходов деревообрабатывающей промышленности, по ремонту одежды и обуви) [5, л.155]. Больше всего лиц было трудоустроено в организации облземотдела, облместпрома и облпотребсоюза, где зафиксировано перевыполнение плана по трудоустройству эвакуированного населения [5, л.148 и об.].

Наряду с эвакуированным населением, эвакуопункты организовывали и приемы прибывших отдельных групп людей, как например, коллективов учреждений, заводов, фабрик, детских домов, интернатов. Так, в архивном документе имеются данные о приеме эвакуопунктами Самаркандской обл. шести детских домов и одного интерната.

*Сведения о приеме детских домов эвакуантами в Самаркандской обл.
к 1 января 1942 г. [6]*

Город отправки детдома	Кол-во воспитанников	Место устройства детдома
1. Житомирский детдом	140	г. Самарканд
2. Детдом из Сумской обл.	52	г. Самарканд
3. Детдом из Ворошиловоградской обл.	130	г. Самарканд
4. Детдом из Ворошиловоградской обл., ст. Каранская	142	г. Самарканд
5. Детдом из Курской обл. ст. Кароча	115	г. Самарканд
6. Детдом из Сталинской обл.	130	г. Самарканд
7. Интернат Копанских детей	170	г. Самарканд
Кроме того размещено в детдома области	190	Самаркандская обл.
Всего:		1069 чел.

В данном отчете приведены сведения о выдаче пособий особо нуждающимся эвакуированным из прифронтовой полосы (в первую очередь, это семьи военнослужащих, матери, оставшиеся с малолетними детьми, инвалиды и другие лица, неспособные себя содержать). Согласно постановлению СНК Узбекистана от 23–24 декабря 1941 г. по области было выделено 160 000 руб., из которых 25 000 руб. – по г. Самарканду, 4588 руб. – по г. Джиззаку, 4015 руб. – по г. Катта-Кургану, остальные 126 397 руб. были распределены по другим 19 регионам Самаркандской обл. Подсчет цифровых данных таблицы о выдаче пособий позволяет сделать вывод о том, что сумма пособия на одного человека составляла от 20–25 руб.

Сведения, содержащиеся в данном отчете, свидетельствуют о масштабах работ, проводимых эвакоорганами Самаркандской обл. Информация эта дает возможность сравнения количественных данных о степени благоустроенности, санитарной обработки, оказанной медицинской помощи, трудоустройства эвакуированных граждан, видов работ, которыми они занимались в годы войны.

Материалы о выполнении намеченных планов и задач по эвакуации населения, представленные в отчетах о деятельности организаций по эвакуации, отображают факты выполнения планов, а также и проблемы, связанные с избытком прибывшего населения, с нехваткой средств, помещений, рабочих мест. Особенно трудно приходилось в зимний сезон, когда остро ощущались проблемы с отоплением, производством продуктов питания, отсутствием работ на колхозных полях. Несмотря на тяжелые условия военного времени, все эти вопросы приходилось решать, находя выход, привлекая местное управление, жителей городов и селений, чтобы ни один эвакуированный не остался без внимания и помощи. Нужно отметить, что эвакоорганы ощущали нехватку кадров в своих организациях, и это вынуждало их работать

сверхурочно (как, впрочем, трудились люди и во всех отраслях народного хозяйства страны). Тексты докладных записок отображают, насколько тяжело было в годы войны всем – и жителям республики, и прибывшим во время эвакуации, и руководству республики.

В целом, изучение отчетов о деятельности эвакуационных органов в Узбекистане указывает на планомерную их работу в деле эвакуации населения в годы войны, а также информирует об активной деятельности, непрерывной работе всех их инстанций в мероприятиях по эвакуации людских и народнохозяйственных ресурсов страны. Их детальное изучение играет важную роль в освещении истории периода II мировой войны.

1. Национальный архив Узбекистана. Ф.314. Оп.1. Д.116.
2. В докладе приводятся факты по осуществлению этих мероприятий.
3. Национальный архив Узбекистана. Ф.314. Оп.1. Д.61. Л.164.
4. Там же. Д.60. Л.41.
5. Там же. Д.56.
6. Там же. Л.159. См. также: История. Память Люди: Материалы VIII международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. г. Алматы. – Алматы, 2017. – С.238.

Иофе В.Г.

О некоторых архивных фондах по эвакуации в государственных архивах Узбекистана (годы Великой Отечественной войны)

Для изучения такого важного вопроса в истории нашей страны как эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны большое значение имеет и наличие представления хотя бы о некоторых архивных фондах, отражающих трудные, но важные страницы прошлого. Никогда этот вопрос специально практически не исследовался, хотя в отдельных работах ряд фондов и упоминался, но сами фонды почти нигде не анализировались. Пожалуй, из работ последних лет в этом плане можно назвать только статьи Х.А. Буриевой [1]. Документы же по эвакуации в той или иной мере имеются во многих государственных архивах Узбекистана [2]. В данном сообщении мы остановимся лишь на некоторых фондах из двух государственных архивов Узбекистана – Национальном архиве Республики Узбекистан^{1*} и Центральном Архиве г. Ташкента.

Значительное количество документов, рассказывающих об этих героических и суровых днях, отложилось в фондах НА РУз. Интерес для изучения вопросов эвакуации в Узбекистан, особенно по размещению и устройству детей, содержится в документах фонда 94 [3].

Сведения содержатся также в таких фондах как 837, 864, 2096, 90 и

^{1*} До 20 сентября 2019 г. – Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан.

др. [4]. В фонде 837, например, много материалов по эвакуации деятелей культуры, отложились документы об устройстве детей, выделении жилья, пособий, о работе предприятий и др. В фонде 846 особенно интересны списки учетно-справочного бюро УНКВД по эвакуации.

В фонде 314 НА отложились документы Управления по эвакуации при Совете по эвакуации: Уполномоченного управления по эвакуации населения при Совнаркоме Узбекской ССР [5]. Сводки по размещению эвакуированного населения, сведения о количестве семей и лиц, состав эвакуированных по полу, национальному составу и др. [6].

Материалы по эвакуации также отражены и в ряде фондов личного происхождения. Например, в личном фонде В.Л. Рождественского [7].

Другим крупным центром хранения материалов по истории эвакуации в Узбекистан является Центральный государственный архив г. Ташкента – ЦГА г. Ташкент. Здесь можно выделить фонд 10, в котором отложились документы по размещению эвакуированных предприятий [8]. Интерес среди них представляют протоколы заседаний исполкома Ташкентского Совета депутатов трудящихся (Ташсовета); постановления Совнаркома Узбекистана; письма граждан. Среди рассматриваемых вопросов – информация об освобождении и строительстве производственных площадей и жилых помещений для размещения прибывающих предприятий, таких как Ростсельмаш, заводы «Подъемник», Авиационный, № 84, «Вулкан», «Красный Аксай», Радиоламповый, Ниточная фабрика, Тушинский фурнитурный завод и др., расселение эвакуированных вместе с ними работников. Документы, связанные с эвакуацией есть в ЦГА г. Ташкента в фондах ряда предприятий [9].

Интересны материалы по организации летних лагерей для детей и др., связанные с работой городской комиссии помощи эвакуированным детям [10].

Особо хочется выделить такие документы как постановление «Об обеспечении жилплощадью эвакуированного населения», Распоряжение Совнаркома УзССР № 1404 от 2 октября 1941 г. «По обслуживанию эвакуированных детей» [11], Постановления СНК УзССР № 454 от 30 марта 1943 г. «Об эвакуированном оборудовании» [12]; № 74 от 20 января 1942 г. «О проведении письменного учёта эвакуированного населения в УзССР и организации работы учетно-статистического бюро уполномоченного эвакоуправления в УзССР» [13, л.1]; сведения о расселении эвакуированных заводов по г. Ташкенту за 1942 г. [13]; списки эвакуированных граждан из г. Ленинграда и Ленинградской обл. [14]; списки эвакуированных заводов и по расквартированию граждан за 1942 г. [15]; списки эвакуированных граждан из разных городов России за 1943–1944 гг. [16].

Представляет интерес документ, посвященный косвенно усыновлению семьей кузнеца Ш. Шамахмудова 15 детей, потерявших родителей и эвакуированных в г. Ташкент. Имеется в виду Постановление Совнаркома УзССР № 1388 от 13 ноября 1944 г. «О выделении средств на достройку дома гр. Шамахмудова» [17].

Этот обзор, конечно, далеко не полный. Но хочется надеяться, что изучение архивных фондов по истории эвакуации будет продолжено. Знание архивных источников, связанное с проблематикой эвакуации в 1941–1945 гг., и сегодня – в год 75-летия Победы над фашизмом, в которую внес значительную лепту народ Узбекистана, и в будущем будет иметь не только научное, но и практическое значение, облегчая поиск материалов.

1. Буриева Х.А. Документы фонда 314 ЦГА РУз как один из источников по изучению проблем эвакуации населения в годы Второй мировой войны. // История. Память. Люди. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции – Алматы, 2017. – С.233–242. Отчасти анализ фондов есть в статьях Буриевой Х.А. Социально-экономические сведения в архивных материалах. Сведения об эвакуированном в Ташкент еврейском населении в 1942 г. Ведерниковой Г.С. Эвакуация: тяжелые, но благородные страницы истории // История. Память. Люди... указ соч. – С.68–74, 79–82.
2. В том числе в Архиве Аппарата Президента Узбекистана (ААПУ). ААПУ. Ф.58. Оп.18 Д.46; Ф.15. Оп.25. Д.4204; Ф.58. Оп.64. Д.80 и др.
3. НА РУз. Ф.94. Оп.5. Д.20, 4247, 4425, 4697.
4. Там же. Ф.837. Оп.32. Д.3418, 3691, 4493,1619; Оп.7. Д.174, 625, 1273; Оп.1п. Д.56, 626; Оп.1. Д.174, 57, 60, 61; Оп.32. Д.3418; Ф.864. Оп.1-2; Ф.2096. Оп.1. Д.37; Ф.90. Оп.8. Д.6117; Ф.314. Оп.1. Д.37, 314.
5. Там же. Ф.314. Оп.1. Д.56, 89.
6. Там же. Д.61; Д.34, 37, 57, 62, 158, 632.
7. Там же. Ф.2297. Оп.1. Д.515.
8. ЦГА г. Ташкента. Ф.10. Оп.18. Д.26, 34, 36, 37, 40, 457, 458, 459, 462, 464а, 468, 470; Оп.29. Д.43.
9. Там же. Ф.330. Оп.1. Д.19.
10. Там же. Ф.120 (завод Узбексельмаш); Ф.102 (Швейная фабрика № 2); Ф.203 (завод Ташсельмаш) и др.
11. Там же. Ф.10. Оп.18. Д.26. Л.418.
12. Там же. Д.34. Л.245.
13. Там же. Ф.10. Оп.18. Д.36.
14. Там же. Д.37 б.
15. Там же. Д.36 б.
16. Там же. Д.37 г.
17. Там же. Д.40. Л.120.

Капаева А.Т.

Наука Казахстана в годы войны и деятельность эвакуированных ученых

Наука Казахстана начинает свое становление с 8 марта 1932 г., когда президиум Академии наук СССР, рассмотрев представление Комиссии по базам и филиалам, принимает решение об образовании Казахстанской базы АН СССР, состоящей из двух секторов: зоологического и ботанического. Председателем базы был утвержден академик

А.Н. Самойлович, членами Президиума – академик Б.А. Келлер, профессор С.Д. Асфендияров, М.Н. Тулепов. В ноябре 1938 г. база была преобразована в Казахский филиал Академии наук СССР. Председатель филиала – академик А.Д. Архангельский. В состав Ученого совета филиала вошли академики А.Н. Самойлович, А.Е. Ферсман, И.М. Губкин, Б.А. Келлер и др. [1, с.287–288].

К началу Великой Отечественной войны Казахский филиал АН СССР стал крупным научным учреждением республики, в состав которого вошли геологический институт, 7 секторов и 2 лаборатории и в котором работали около 100 научных сотрудников, из них – 3 доктора наук и 14 кандидатов наук.

Казфилиал стал центром интенсивных научных исследований. С осени 1941 г. заместителем председателя, через год председателем Казфилиала назначили крупного ученого, организатора науки Каныша Имантаевича Сатпаева. Круг исследований научных учреждений постоянно расширялся, Казахский филиал АН СССР быстро превращался в центр научной мысли Казахстана. Имелись достижения в области химии, медицины, гуманитарных наук.

Особенно быстрыми темпами развивалась геологическая наука, Решением Президиума АН СССР на базе геологического сектора КазФАН организован Институт геологических наук^{1*} Директором института был утвержден К.И. Сатпаев. В этот период были обнаружены богатейшие запасы минерального сырья. Казахстан вышел на одно из первых мест в СССР по добыче угля, цветных металлов, других полезных ископаемых [1, с.288].

Развитие науки было прервано начавшейся войной. В годы Великой Отечественной войны в Казахстан были эвакуированы из западных регионов СССР помимо многочисленных промышленных предприятий научные учреждения и вузы. На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г. состоялось Внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором были обсуждены задачи Академии наук в соответствии с требованиями военного времени. Принята резолюция о необходимости перестройки работы академических учреждений и подчинения их деятельности нуждам фронта и тыла [2]. Одной из важных задач Совета по эвакуации стал вывоз в глубокий тыл ученых и научных учреждений с целью сохранения научного потенциала страны и оборудования.

2 июля 1941 г. уполномоченным Совета по эвакуации по Академии наук был назначен вице-президент Академии наук СССР О.Ю. Шмидт.

^{1*} Ныне им. К.И. Сатпаева.

Казахстан стал местом эвакуации целого ряда крупных научных учреждений. Основными центрами размещения перебазированных предприятий и учреждений стали Алма-Ата, Актюбинск, Аягуз, Балхаш, Гурьев, Джамбул, Караганда, Кзыл-Орда, Кокчетав (курорт Боровое), Кустанай, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск, Уральск, Чимкент и другие города Казахстана. В Казахстане эвакуированные академические учреждения размещались на местах согласно постановлению ЦК КП (б) Казахстана № 125 «О размещении институтов Академии наук СССР», принятому в ноябре 1941 г. Основная мысль постановления заключалась в следующем: «учитывая необходимость сохранения основных научных сил... придавая исключительное значение... продолжению научно-исследовательской деятельности, а также в целях эффективного использования кадров академиков, профессоров и научных сотрудников» [3].

Из Москвы, Ленинграда и западных регионов страны в Казахскую ССР были эвакуированы 22 научно-исследовательских института и 31 высшее учебное заведение. В различные города республики были эвакуированы исторический, философский, экономический и другие научно-исследовательские институты АН СССР. По постановлению четко регламентировались пункты размещения данных учреждений и их сотрудников.

В Алма-Ату были эвакуированы несколько ведущих научных институтов: Институт философии, Институт физиологии, Институт биофизики, Лаборатория цитологии, Институт истории, Институт экономики, Институт географии, Палеонтологический институт, ряд лабораторий АН СССР. Сюда же прибыла большая группа ученых во главе с президентом АН СССР академиком В.Л. Комаровым, также академики И.П. Бардин, А.А. Байков, В.А. Обручев, В.Г. Фесенков и др.

Другим крупным центром сосредоточения эвакуированных ученых был курорт Боровое Акмолинская обл.

2 августа 1941 г. бюро ЦК КП (б) Казахстана приняло постановление «О размещении и снабжении академиков, членов их семей и детей научных работников Академии наук СССР, эвакуированных в КазССР». Постановление проводилось под секретным грифом, согласно которому планировалось разместить на курорте «Боровое» до восьмисот академиков, членов их семей и детей научных работников АН СССР [4].

В санатории «Боровое» с семьями жили академики В.И. Вернадский, Н.Ф. Гамалея, Л.С. Берг, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мандельштам, В.М. Алексеев, А.Н. Бах, С.Н. Бернштейн и др.

Первоначально планировалось обеспечить эвакуированным ученым отдых на курорте, поскольку война сама по себе наносила кому-бы то ни было психологическую травму, к тому же многие академики и член-корреспонденты были почтенного возраста, и дорога в эвакуацию была не близкая. Но ученые, прибывшие в Боровое, обратились в Президиум с просьбой о выделении средств на проведение научно-исследовательских работ. Первоначально вице-президент Академии наук О.Ю. Шмидт ответил отказом, мотивируя свою позицию следующим: «Пребывание академиков и членов-корреспондентов в Боровом является временным и имеет целью обеспечить им отдых и восстановление сил, и поэтому не должно быть связано с выполнением каких-либо работ». Ученые, многие из которых достигли преклонного возраста, проявили гражданское мужество, настаивая на своих предложениях. Вскоре Президиум согласился с их мнением. Уже через месяц после начала войны, 24 июля 1941 г., в Боровом создается Казахстанская группа академиков. С этого периода в Боровом систематически проводились заседания Ученого совета заповедника под председательством Н.Ф. Гамалеи. Ученый совет заповедника «Боровое» в период войны стал одним из мозговых центров АН СССР, объединившим цвет советской науки. Академики, находясь в Боровом, не прекращали руководить институтами и лабораториями, выполняли научные работы оборонного значения, а также выезжали в научные институты и на промышленные предприятия Сибири для консультации и непосредственного участия в работе [5].

Руководство Казахской ССР, понимая высокую ответственность, связанную с пребыванием в республике научной элиты во главе с академиком В.И. Вернадским, координировало свои действия с центральными органами власти, решало финансовые вопросы, поручило местным органам государственной власти принять конкретные меры по созданию условий работы и быта для ученых и членов их семей.

Первоочередной задачей ученых как казахстанских, так и эвакуированных в Казахстан была помощь фронту. Штабом науки в республике стал Казахский филиал АН СССР во главе с К.И. Сатпаевым. «Я думаю, – отмечал в октябре 1942 г. председатель Президиума филиала К.И. Сатпаев, – что выражу мысли и чувства всех научных работников, всей советской интеллигенции Казахстана, если скажу, что каждый из нас работает и будет работать с максимальным напряжением всех творческих сил, будет со всей страстностью и упорством трудиться во благо родины для приближения победы» [6].

Для военного времени стало ясной необходимостью усиление работ всех научно-исследовательских учреждений Казахстана для нужд обороны страны с координацией их в едином центре, которым стал, по предложению К.И. Сатпаева созданный научно-технический совет по всем отраслям народного хозяйства при Госплане КазССР. В задачи центра входила координация работы научных учреждений, обеспечение технического и внедрения достижений науки в производство.

Деятельность Казахского филиала АН СССР была подчинена задачам изучения и мобилизации богатейших природных ресурсов Казахстана на нужды обороны.

Под руководством академика В.Л. Комарова работала созданная в то время Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. В состав комиссии входили: заместители председателя Комиссии вице-президент АН СССР академик А.А. Байков, член Президиума АН СССР академик Э.В. Брицке, ученый секретарь комиссии В.М. Гальперин и группа научных работников. Комиссия разработала отдельный план для Казахстана, в котором было предусмотрено проведение исследовательских работ по черной и цветной металлургии, каменноугольной промышленности, транспорту, энергетике, химической промышленности, стройматериалам, водоснабжению. Эта комиссия обстоятельно обосновала вопросы создания в Казахстане различных отраслей тяжелой промышленности, имеющих огромное значение для обеспечения неотложных нужд фронта [7].

План работы Комиссии, согласованный с Госпланом и наркоматами СССР, был подписан 10 августа 1942 г. Председателем СНК республики Н. Ундасыновым и президентом АН СССР В.Л. Комаровым. В Казахстан для осуществления поставленной задачи направлялись 8 специализированных бригад, состоявших из крупнейших ученых страны, отраслевых секретарей ЦК КП (б) Казахстана, ответственных работников СНК и Госплана республики. Среди них академики А.А. Байков, И.П. Бардин, А.А. Скочинский, В.А. Обручев, А.И. Заварицкий, Б.В. Бродский, Л.Д. Шевяков, В.Н. Образцов, Б.Е. Веденеев, Э.В. Брицке, А.Е. Порайкошиц, члены-корреспонденты АН СССР Д.С. Беллякин, Д.В. Наливкин, В.И. Бейц, С.И. Вольфович [7]. В работе Комиссии деятельное участие принимали ученые Казахской ССР – К.И. Сатпаев, А.А. Гапеев, М.П. Русаков, К.М. Мынбаев, М.И. Горяев, А. Бектуров и многие др. В содружестве с виднейшими учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска и других городов страны они работали в области энергетики, металлургии, химии, горного дела.

Канышу Имантаевичу удалось организовать работу КазФАН в тесном содружестве с эвакуированными учеными. Он сумел привлечь академика И.П. Бардина к развитию черной металлургии республики, министров П.Ф. Ломако, П.Я. Антропова, Е.П. Славского к развитию цветной металлургии, геологической науки и службы, освоению нефтяных богатств Мангышлакского полуострова, рудных запасов Алтая [8].

В конце 1942 г. в Алма-Ате состоялась первая сессия Казахского филиала АН СССР. В докладе Каныш Имантаевича подчеркивалась необходимость комплексного ведения исследований, максимальной связи науки с жизнью и практикой, направления всех сил на помощь фронту.

В 1942 и 1943 гг. комплексные бригады ученых вели исследовательскую работу в различных экономических районах республики. В Центральном Казахстане работала бригада под руководством академика А.А. Скочинского. В ее состав входили академики В.Н. Образцов и Л.Д. Шевяков, члены-корреспонденты П.Д. Антипин и Д.М. Чижиков, профессора В.И. Терентьев, К.Л. Пожарицкий, А.Е. Пробст и др. Бригада изучила комплекс вопросов, связанных с Балхашским медеплавильным заводом, предприятиями Джезказгана, Карсакпая, Коунрада и других прилегающих районов добычи (отчасти и переработки) медных, железных, марганцевых и молибденовых руд. В сотрудничестве с местными металлургами ученые наметили пути интенсификации технологических процессов и использования внутренних резервов на медных рудниках и медеплавильных заводах Центрального Казахстана.

В Комиссии АН СССР активное участие принимали эвакуированные в Казахскую ССР ученые Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, инженерно-технические работники Донбасса и Кривого Рога. Значительная часть эвакуированных ученых, не входящих в состав Комиссии, также занималась научными исследованиями, направленными на мобилизацию духовных и материальных сил Казахстана в помощь фронту.

Важно отметить, что по линии Казахского филиала АН СССР работало 260 экспедиционных отрядов. Работа всех экспедиций проводилась по единому плану и под общим руководством Комиссии по мобилизации ресурсов Казахстана. Итоги поисково-разведочных работ были подведены в начале 1943 г. на республиканском совещании геологов с участием академика В.А. Обручева [9].

Развитие работ филиала было немыслимо без качественного роста кадров, надлежащей организации их работы, изыскания производственных и жилых площадей, приобретения оборудования и материалов, создания новых лабораторий, секторов и институтов. Все эти вопросы в трудных условиях военного времени при постоянной поддержке ученых АН СССР, успешно разрешались.

В годы войны наряду с исследованиями, связанными с нуждами обороны страны, развивались и фундаментальные научные поиски в области астрономии, физики, энергетики, геологии, медицины, генетики, общественных наук. Разработкой этих проблем занимались казахстанские ученые совместно с эвакуированными специалистами. Рассмотрим некоторые перечисленные направления.

Начало астрономических исследований в Казахстане связано с деятельностью экспедиции ученых Москвы, Ленинграда и других городов, прибывших для наблюдения полного солнечного затмения 21 сентября 1941 г. В условиях военного времени было решено организовать на базе этих экспедиций институт. В 1942 г. при КазФАН СССР был образован Институт астрономии и физики, в становлении и развитии которого большую роль сыграли Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков, Б.А. Воронцов-Вельяминов и другие ученые, эвакуированные в Казахстан после начала войны. В первые годы существования института к основным проблемам относились исследования по атмосферной оптике, зодиакального света и свечения ночного неба. 10 октября 1941 г. СНК КазССР принял постановление «Об итогах работы Комиссии Академии наук СССР по наблюдению солнечного затмения 21 сентября 1941 г. и о дальнейших перспективах астрономической работы в Казахстане». В целях дальнейшего развертывания астрономической работы в республике, имеющей оборонное значение, Совнарком постановил организовать в Алма-Ате при КазФАН СССР Институт астрономии и физики на базе астрономического и физического оборудования Комиссии по наблюдению полного солнечного затмения и Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Директором института утвержден академик В.Г. Фесенков [10].

Гавриил Адрианович Тихов, замечательный астроном, видный специалист по астрометрии. Имя его стало известно еще в начале века, когда Тиховым были получены цветные фотографии Марса, первые за все время наблюдений за этой планетой. Г.А. Тихов приехал в Алма-Ату в эвакуацию и остался здесь жить и работать навсегда. На открытии первого заседания общего собрания АН КазССР академик Г.А. Тихов отмечал: «Наша наука – астрономия – пострадала больше

всех. Две самые большие обсерватории – Пулковская и Симеизская – превращены в развалины. Алма-Ата явилась тем городом, куда приехали в 1941 г. многие астрономы. Привлекло их сюда затмение Солнца 21 сентября 1941 г., совпавшее со временем необходимой эвакуации... В Алма-Ате образован Институт астрономии и физики, который быстро развивается и занял одно из ведущих мест в Казахской Академии наук и астрономическом мире Союза» [11].

Одним из основоположников отечественной астрофизики является Фесенков Василий Григорьевич, прибывший в эвакуацию в Алма-Ату и продолжавший работать здесь и после окончания войны. В 1942 г. организовал Институт астрономии и физики при Казахском филиале АН СССР, которым руководил до 1964 г. По инициативе и при непосредственном участии Фесенкова В.Г. в предгорьях Ала-Тау, в окрестностях Алма-Аты, была построена Горная астрофизическая обсерватория. Участвовал в экспедициях для наблюдения солнечных затмений 1914 г. (Геническ), 1927 г. (Мальбергет, Швеция), 1936 г. (Кустанай), 1941 г. (Алма-Ата), а также для наблюдения зодиакального света в 1941–1957 гг. (Средняя Азия), 1957 г. (Асуан, Египет) [12] Масштабную научно-педагогическую деятельность сочетал с общественной работой. Депутат, заместитель председателя Верховного Совета Казахской ССР (1955–1959 гг.).

Другим важным направлением науки было развитие энергетики в Казахстане. Об открытии сектора энергетики свидетельствует ученый-энергетик, основатель энергетической науки в Казахстане, академик Ш.Ч. Чокин: «В начале ноября 1943 г. К.И. Сатпаев пригласил меня и сказал, что в КазФАНе собираются организовать Сектор энергетики, и предложил мне возглавить его» [13].

3 ноября 1944 г. вышло Постановление СНК КазССР «Об организации Института энергетики в составе Казахского филиала Академии наук СССР», в котором отмечалось: «В целях обеспечения систематического изучения и исследования энергетических ресурсов, а также координации основных научно-исследовательских работ по освоению и развитию энергетических ресурсов Казахстана Совет Народных Комиссаров *постановляет*: Организовать в составе Казахского Филиала Академии наук СССР, на базе существующего сектора энергетики и бюро гидрологии – Институт энергетики» [14]. Со дня основания до 1989 г. директором Института был замечательный ученый Чокин Шафик – сподвижник, единомышленник К.И. Сатпаева.

Научная деятельность эвакуированных учёных АН СССР осуществлялась как по планам академических учреждений и оборонных

ведомств, так и по инициативным проектам, возникшим вследствие сотрудничества ученых с местными научными организациями.

Огромный вклад в дело Победы над врагом внесли медицинские работники: ученые, врачи, медсестры.

Успехам в лечении раненых и больных воинов в тыловых эвакогоспиталях военного округа способствовали совместная работа местных и прибывших в союзные республики крупнейших деятелей науки и практики советского здравоохранения: академиков АН СССР В.П. Филатова, Н.Н. Бурденко, Н.Ф. Гамалеи, В.Н. Вернадского, первого наркома здравоохранения СССР Н.А. Семашко, А.Н. Сызганова, членов-корреспондентов АН СССР Э.А. Астратяна, Т.Н. Удинцева, А.Н. Марзеева, В.П. Осипова, профессоров М.И. Слонима, Д.А. Энитина, Е.А. Нильсона, И.И. Орлова, В.Г. Ермолаева, А.Е. Фруминой, И.О. Фрумина^{1*}, В.В. Ефремова и многих др. А также выдающихся врачей Казахстана, таких как Г. Алалыкин и А.П. Полосухин.

Наибольшую активность в научной жизни проявили кафедры Казахского медицинского института. Профессор А.П. Полосухин предложил противошоковую жидкость, Ученый совет Наркомата здравоохранения СССР одобрил и рекомендовал этот метод к более широкой проверке в клинических условиях. Профессор А.Н. Сызганов создал первую Республиканскую станцию переливания крови, где был получен казахстанский заменитель крови – КЗК. Казахстанские фармацевтические предприятия освоили в годы войны производство новых сложных дефицитных лекарств: сульфаниламидных препаратов (стрептоцид, сульфидин, сульфазол, дисульфан), пенициллина и др. Осваивалось производство лекарственных препаратов, ранее ввозившихся из-за пределов республики. На Семипалатинском мясокомбинате наладили выпуск гематогена, печеночного экстракта, пепсина, пептона и некоторых эндокринных препаратов. Научными сотрудниками республиканской тропической станции изобретен способ сухой дезинфекции вещей. Заслуженный врач КазССР А.Н. Полянский изобрел и ввел в дезинсекционную практику препарат кимая, который оказался эффективным и в борьбе с малярией. Академик Н.Ф. Гамалея, автор препарата от туберкулеза Микол, используя его, успешно лечил это тяжелое заболевание, в т. ч. у раненых.

Ученые, врачи и медицинские сестры добились возвращения в строй свыше 72% раненных бойцов и офицеров Красной армии и Флота, тогда как в период Первой мировой войны было возвращено в строй лишь 40–45%.

^{1*} См. Байкаш Ж.Т. Казахстанский период деятельности врача Фрумина И.О. / данное издание – С.164.

Кафедра госпитальной хирургии (зав. профессор В.В. Зикеев) разработала новый способ лечения каузалгии — приступов совершенно невыносимой боли, которыми страдают раненые, получившие травму крупных нервных стволов. Ученые-медики усовершенствовали технику и методику спинно-мозговой анестезии (профессор А.И. Малинин), провели ряд работ по пересадке роговицы (профессор А.П. Рошин). Институтом эпидемиологии и микробиологии было освоено изготовление сыпнотифозной вакцины.

Большую работу проводили ученые эвакуированных институтов гуманитарного профиля. Согласно решению ЦК КП (б) Казахстана о размещении институтов АН СССР от 17 ноября 1941 г., в котором отмечалась особая роль ученых-обществоведов в продолжении научно-исследовательской деятельности по истории и философии было решено оставить институты в г. Алма-Ате в составе академиков Грекова Б.Д., Тарле Е.В., Державина Н.С.; членов-корреспондентов Академии наук Панкратовой А.М., Удальцова А.Л., Бахрушина С.В., доктора исторических наук Миллера А.Ф., кандидатов исторических наук Кучкина А.П., Боевского Л.А., Рубинштейн Е.И., Петропавловского С.Д., Алиференко П.К., Ленчнер, докторанта Мишулина А.В., Веденееву В.И. (специалиста по истории Казахстана)» [3].

Историки под научным руководством Анны Михайловны Панкратовой начали писать «Историю Казахстана с древнейших времен до наших дней» - первая обобщающая книга по истории союзной республики. До нее ни по одной республике, входившей в СССР, не было подобного издания. Этот капитальный труд, написанный совместными усилиями группы ученых-обществоведов Москвы и Ленинграда, находившейся в столице Казахстана в эвакуации, совместно с исследователями республики был выполнен за очень короткое время (с осени 1941 г. до лета 1943 г.). К написанию книги было привлечено целое созвездие выдающихся ученых-археологов, историков и юристов Москвы и Ленинграда,^{1*} руководимые А.М. Панкратовой: это — Александр Натанович Бернштам^{2*}, Михаил Порфирьевич Вяткин, Борис Дмитриевич Греков, Николай Михайлович Дружинин, Андрей Павлович Кучкин.

В работе участвовали и казахстанцы: Мухтар Омарханович Ауэзов, Алькей Хаканович Маргулан, Ермухан Бекмаханов, Есмагамбет Исмаилов, Бейсебай Кенжебаев, Сабит Муканов, Габит Мусрепов,

^{1*} Ныне г. Санкт-Петербург.

^{2*} См. Батырбаева Ш.Д. Вклад в развитие исторической науки Кыргызстана А.Н. Бернштама - выдающегося сына еврейского народа / данное издание – С.538.

Сергей Николаевич Покровский и др. К редактированию отдельных глав и разделов были привлечены: академик Иван Иванович Мещанинов, Нигмет Тналиевич Сауранбаев и др.

Подготовка научных кадров в Казахстане не только не прекращалась, но и активизировалась и в трудные годы Великой Отечественной войны благодаря деятельности эвакуированных ученых. В июне 1942 г. пленум Президиума АН СССР принял постановление, вменявшее в обязанности эвакуированным институтам, расположенным в Алма-Ате, оказывать помощь Казахскому филиалу АН СССР в деле подготовки научных кадров из коренной национальности республики [15]. В январе 1943 г. на собрании Президиума Казахского филиала АН СССР специально рассматривался вопрос о подготовке научных кадров для республики [16]. Аспирантура, как форма подготовки научных кадров, существует в Казахстане с 1938 г., когда она была организована при КазГУ им. С.М. Кирова и КазПИ им. Абая. 1 декабря 1942 г. по решению ЦК КП (б) Казахстана и СНК КазССР при КазФАН СССР открылась аспирантура. Аспирантами Каз ФАН СССР первого набора были известные ученые-академики АН КазССР Ж.С. Ержанов, Ж.С. Такибаев, А.К. Каюпов, члены-корреспонденты АН КазССР И.А. Онаев, Е.В. Гвоздев, А.А. Слудский. Многие сотрудники для работы над своими диссертациями направлялись в Москву, где имели возможность работать под руководством крупнейших ученых - специалистов в соответствующих областях науки. Во время служебных поездок в Москву Каныш Имантаевич непременно лично интересовался успехами в исследованиях молодых ученых, старался присутствовать на защитах их диссертаций, беседовал с научными руководителями и делал все от него зависящее для быстрее и успешного завершения их учебы. Такое заботливое отношение к подготовке научных кадров дало прекрасные результаты [17].

Ученые эвакуированных институтов делились с коллегами своими знаниями и опытом, участвовали в проводимых ими исследованиях, помогали в работе по подготовке национальных кадров, что способствовало укреплению академической науки на местах.

Значительную работу по подготовке квалифицированных кадров в республике проделали эвакуированные учебные заведения (свыше 20 вузов и 16 техникумов). Только в Алма-Ате разместилось 11 вузов. Среди них – Московский авиационный институт, Московский институт цветных металлов и золота, Ленинградский электротехнический институт сигнализации и связи, Московский институт иностранных языков; в Кызыл-Орде работали объединенный Украинский государ-

ственный университет (в составе Киевского и Харьковского университетов), Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, Крымский медицинский институт. Только за 1942/43 уч. г. этими вузами было подготовлено более 900 специалистов. Наряду с подготовкой кадров профессорско-преподавательский состав вузов и техникумов вел научно-исследовательскую работу. Кафедры вузов выполняли по заказам предприятий оборонной промышленности различного рода исследования. Так, в Казахском государственном университете им. С. Кирова был разработан метод производства в местных условиях наркотозного эфира, глюкозы, хлорэтила. Исключительно полезную оборонного значения работу вели профессора и преподаватели Казахского горно-металлургического (ныне политехнического), медицинского, Московского авиационного и многих других институтов.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на нехватку педагогических и научных кадров и слабую материальную базу, в республике были открыты новые институты. Среди них – Институт иностранных языков (1941), Шымкентский технологический институт (1943), Женский педагогический институт (1944), Алма-Атинская государственная консерватория им. Курмангазы (1944). В 1945/1946 уч. г. в Казахстане функционировали 24 вуза, в которых обучались 15,1 тыс. студентов, только в 1946 г. были подготовлены 1399 педагогов, врачей, инженеров, агрономов и других специалистов [18].

Таким образом, трудности военного времени не смогли приостановить научно-исследовательской работы Казахского филиала АН СССР: в годы войны эта работа приобрела новый размах. В короткий срок КазФАН СССР превратился в крупный центр, сплотивший лучшие силы ученых-исследователей, практиков и специалистов. В республике за годы Великой Отечественной войны уровень науки значительно вырос. Казахстан играл исключительно важную роль в снабжении страны металлом, углем, нефтью и продовольствием. Быстрыми темпами развивались отрасли, связанные с обороной страны, что было связано с велением времени.

В целом деятельность эвакуированных научных учреждений оказала значительное влияние на развитие науки и высшей школы Казахстана. К концу войны вся сеть Казахского филиала АН СССР насчитывала 16 институтов и 7 секторов, охватывающих почти все основные отрасли науки. Научная проблематика филиала расширилась с 60 научных тем довоенного времени до 368 тем к концу войны. Расходы на научно-исследовательские работы Казфилиала АН СССР выросли в 11 раз [19].

Деятельность эвакуированных ученых в значительной мере содействовала подготовке национальных научных кадров в Казахстане: за годы войны 130 казахстанских ученых стали докторами и кандидатами наук. Уже в 1944 г. закономерно встал вопрос об организации в Казахстане своей национальной академии.

Постановление СНК КазССР и ЦК КП (б) Казахстана «О подготовительных мероприятиях и организации Академии наук Казахской ССР» [13] определило необходимые мероприятия по обеспечению дальнейшего развития филиала и созданию на его базе АН КазССР.

Президент АН СССР академик В.Л. Комаров представил в 1944 г. Казахскому правительству следующее заключение по этому вопросу: «Темп развития Казахского филиала АН СССР, расширение объема, рост и качество научных исследований, наблюдаемые за последние три года, также запроектированные СНК КазССР и Казахским филиалом Академии наук мероприятия по дальнейшему расширению и укреплению объединяемых филиалом научных учреждений, – дают Президиуму Академии наук СССР основание полагать, что в 1945 г. будет возможность поставить вопрос о преобразовании Казахского филиала Академии наук СССР в Академию наук КазССР» [20].

Из письма председателя СНК КазССР Н.Д. Ундасынова и президента АН СССР В.Л. Комарова зам. председателю СНК СССР В.М. Молотову по вопросу открытия Академии наук КазССР. 1 марта 1945 г.: «...Фактическим центром науки в Казахстане стал Казахский филиал Академии наук СССР, созданный в 1932 г. и особенно интенсивно развернувший свои научно-исследовательские работы в годы Отечественной войны. В научно-исследовательских институтах Казахского филиала АН СССР работают свыше 40 докторов и профессоров и более 100 кандидатов наук и доцентов (из 389 научных работников г. Алма-Аты, имеющих ученые степени и звания). Достижения Казахской ССР в развитии экономики и культуры позволяют высказать мысль об ознаменовании в этом году 25-летнего юбилея Советского Казахстана организацией Академии наук Казахской ССР...» [1].

Правительство СССР, отметив своевременность постановки вопроса, предложило ряду заинтересованных организаций начать для этого необходимую подготовительную работу. 26 октября 1945 г. принято решение СНК СССР о реорганизации КазФана в Академию наук. Распоряжением Президиума АН СССР в Алма-Ату была направлена комиссия для проведения подготовительных работ, в состав которой вошли: академики И.П. Бардин, И.И. Мещанинов, А.Н. Заварицкий, Л.Д. Шевяков, В.Г. Фесенков, члены-корреспонденты

А.М. Панкратова, С.В. Бахрушин, Д.В. Наливкин и ученый секретарь Совета филиалов и баз В.А. Ульяновская.

Торжественное открытие Академии наук Казахстана состоялось 1 июня 1946 г. Первым ее президентом был избран Каныш Имантаевич Сатпаев. Напряженная работа по созданию нового крупного научного центра республики была выполнена в течение пяти лет благодаря слаженной работе эвакуированных ученых и ученых Казахстана, несмотря на то, что эти годы являлись наиболее трудными в жизни нашей страны.

1. Наука Советского Казахстана (1920–1980). – Алма-Ата, 1981. – С.287–288.
2. Советская наука. Итоги и перспективы. – М., 1982. – С.537.
3. АП РК. Ф.708. Оп.5.1. Д.119. Л.250.
4. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.) – Алматы: LEM, 2020. – С.84.
5. Абсеметов М.О. Россия – Казахстан: вклад ученых в великую победу. – Томск. 2017. – С.75.
6. Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг. Изд. 3-е, доп. – М.–Л.: Наука, 1964. – С.128.
7. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. – Алма-Ата, 1964. – Т.1. – С.380, 586.
8. Ниретина Н.В. Каныш Сатпаев – выдающийся ученый, государственный и общественный деятель. – Караганда, 2015. – С.17.
9. Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. – Алма-Ата, 1970. – С.65.
10. Вестник Академии наук КазССР. – 1975. – № 5. – С.36.
11. Архивные документы о роли АН СССР в становлении научного центра в Казахстане (1932–1946 гг.) // Вестник АН КазССР. – 1974. – № 5. – С.77–78.
12. Российская наука в лицах. Кн.2. – М., 2003. – С.56–66.
13. Чокин Ш.Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления). – Алматы: Ғылым, 1996 – С.12.
14. ЦГА РК. Ф.1137. Оп.10. Д.11. Л.13, 14.
15. Салов В.И. Академия наук СССР в первые годы войны // Исторические записки. – 1957. № 6. – С.28.
16. Алексеев Е.П. Коммунистическая партия – организатор подготовки научных кадров в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1984. – С.46
17. Ермекбай Ж.А. Формирование и развитие науки советского Казахстана. // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С.103–110.
18. Казахстан за 40 лет. – Алма-Ата, 1960.
19. Едыгенов Н. Вклад ученых республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии // Известия АН КазССР. Сер. Обществ. науки – 1965. – Вып. 4 – С.65.
20. Академия наук Казахской ССР: справочник. – Алма-Ата, 1987. – С.65.

О перестройке Казахского филиала АН СССР

на нужды укрепления обороны и народного хозяйства страны

В Архиве Президента Республики Казахстан на государственном хранении находятся документы и фотографии личного архива Каньши Имантаевича Сатпаева. К.И. Сатпаев – выдающийся геолог, ученый и крупный организатор науки, основатель казахстанской геологической службы и Академии наук Казахской ССР, первым Президентом которой он был избран.

В личном фонде академика К.И. Сатпаева [1] в значительном объеме сохраниены научные труды, посвященные изучению, оценке и развитию рудной базы цветной металлургии, в особенности промышленному освоению меди; по изучению и освоению Джезказган-Улутауского рудного района и создания на его базе Большого Джезказгана, о развитии черной металлургии республики, по обогащению и переработке руд, о металлогении, о разработке металлогенической и прогнозной карты Центрального Казахстана и др.

В фонде размещены статьи и выступления Каньши Имантаевича научно-популярного, общественно-политического характера о науке, минерально-сырьевых ресурсах, промышленности, о роли геологов в индустриализации Казахстана и на многие другие темы.

В канун Великой Отечественной войны, в июне 1941 г., К.И. Сатпаев был назначен директором Института геологических наук Казахского филиала АН СССР и председателем президиума Казахского филиала АН СССР [2]. Богатейший опыт производственной работы К.И. Сатпаева и организаторские способности были направлены на помощь фронту, о чем свидетельствуют документы личного архива. Среди этих документов в личном фонде отложился отчет о работы Казахского филиала АН СССР в первые месяцы войны [3], который вызовет интерес у исследователей различных отраслей науки. Публикацию подготовила Тулеуова Ш.О.

Отчет о работе Казахского филиала АН СССР^{1*}

г. Алма-Ата

1941 г.

Казахский филиал Академии наук СССР с началом Великой Отечественной войны резко перестроил свою работу на нужды укрепления обороны и народного хозяйства страны. За сравнительно короткий период, менее 3 месяцев, коллектив научных работников КазФАНА выполнил следующие работы:

а) по Геологическому институту:

1) геологом Дмитриевским В.С. выявлено промышленное значение открытого им нового Катантауского месторождения вольфрамовых руд в Центральном Казахстане. Здесь найдены руды с весьма высоким (до 6–8% O₃) содержанием вольфрама, которые уже передаются сейчас промышленности, на старательную разработку;

2) геологом Мухамеджановой Р. выявлено промышленное значе-

^{1*} Адресован секретарю ЦК КП (б) Казахстана Бузурбаеву Г.У.

ние открытого ей нового Чубартавского месторождения золотых руд в Центральном Казахстане, с богатым (до 100 г. на т) содержанием золота. Месторождение передается тресту «Золоторазведка» для дальнейших разведочных и эксплуатационных работ;

3) геологом Поповым В.М. установлены промышленные марганцевые руды к западу от Атбасара, в 10–15 км от полотна железной дороги Акмолинск–Магнитная. Запасы промышленных руд оцениваются около 0,5 млн. т, что может обеспечить потребности Магнитогорского комбината в марганце на несколько лет. Это особенно важно сейчас, когда основная марганцевая база Магнитки – Никопольские руды оказалась в зоне военных действий. В данное время изучается химический состав руд нового месторождения, по окончании чего все материалы будут переданы для использования промышленности;

4) научные работники Геологического института принимали деятельное участие в работе правительственных и планирующих органов Казахстана по получению меди, свинца и олова их богатых руд, не разрабатывавшихся месторождений Казахстана, по поискам заменителей кровельного железа и цемента, по вопросу освоения каратауских фосфоритов;

5) за это же время вновь созданы при Институте лаборатория по исследованию химического состава углей и кабинет по минераграфии руд, работы которых позволят более полно и комплексно изучать состав и природу углей и рудных месторождений в пределах Казахстана.

б) по лаборатории биохимии:

1) руководителем лаборатории проф. Горяевым М.И. установлен новый состав заряда для огнетушителя № 1, составленный из местного сырья;

2) им же изобретен новый состав клея для перевязки ран животных и людей;

3) предложен рецепт получения твердого спирта, весьма транспортабельного и нужного для нужд Красной армии и разных экспедиционных работ. Все эти предложения биохимиков КФАН уже переданы на производство;

4) биохимиком т. Дарканбаевым разрешен вопрос получения поташа для изготовления хозяйственного мыла из золы саксаула и других распространенных видов растений. Мыло, изготовленное по рецепту т. Дарканбаева, не уступает по техническим качествам лучшим сортам хозяйственного мыла, изготовленного на каустической соде. Изобретение т. Дарканбаева ныне передается на производство для реализации;

5) биохимиками т. Барановским [??] и проф. Горяевым М.И. установлена рецептура окрашивания шерсти и хлопчатки в цвет хаки, в черный, коричневый и другие цвета за счет применения растительных красителей, распространенных в Казахстане. Рецепты крашения тт. Горяева и Барановского уже проверены в производственной обстановке и передаются сейчас для широкой промышленной реализации.

в) большая работа проделана ботаниками КФАН. Руководитель сектора проф. Павлов Н.В. лично учувствовал в организации сбора таусагыза для нужд обороны в горах Каратау. Павловым же, совместно с ботаниками т. Гамаюновой А.П. и т. Бейсембиевым [??] переданы для испытания большое количество форм растений – красителей Казахстана, многие из которых оказались имеющими промышленное значение.

г) историки, языковеды и литературоведы КФАН также перестроили тематику своей работы на нужды укрепления оборонной мощи страны. Работниками Института истории, языка и литературы КФАН закончено составление русско-казахского военного словаря для призывников РККА, выпущен из печати сборник, описывающий отдельные героические этапы борьбы казахского народа в годы гражданской войны и т. д.

д) зоологи КФАН нынче передали в колхозы первую партию 200 голов выведенной ими новой высокоценной породы овец, полученной на основе скрещивания мериноса с архаром, обладающей исключительно ценной шерстью, идущей на изготовление тончайших и прочных шерстяных изделий и парашюта. Гидробиолог т. Каринский [??] изучил запасы рыб озера Зайсана и установил порядок их рационального использования.

Зам. председателя КФАН СССР
Сатпаев К.И.

АП РК. Ф.309-НЛ. Оп.1. Д.15. Л.1–2.

1. Документы личного фонда К.И. Сатпаева были приняты в Архив Президента РК на основании заявления его внука Третьякова Александра Валентиновича от 22 августа 2014 г. Документы и фотографии хранились в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева, в котором архивариусом личного архива К.И. Сатпаева являлась Ниретина Надежда Васильевна. В течение 2014–2018 гг. поэтапно было принято в Архив Президента РК более 3000 документов, фотографий, негативов, книг.

2. К. Сатпаев. «Өнегелі өмір» / Под ред. Мутанова Г.М. – Алматы: Қазақ университеті, 2016, – 411 с. – С.15.

Брусиловская Е.Ф.

Через тернии к звездам, или эвакуированная астрономия

Шла осень 1941 г., бои велись на подступах к Москве. В это трудное для страны время в далекую от войны Алма-Ату съехались астрономы из обсерваторий Москвы, Ленинграда и других городов,

чтобы наблюдать редкое для науки явление – полное солнечное затмение, которое пришлось на 21 сентября и которое вошло в историю необычным образом.

Как считает доктор физико-математических наук, профессор, руководитель лаборатории физики Луны и планет Астрофизического института им. В.Г. Фесенкова, член комиссии по физике планет Международного Астрономического Союза Виктор Тейфель, именно эту дату – 21 сентября 1941 г. – можно считать днем рождения научной астрономии в Казахстане.

Подарок судьбы

«Почти за год до этого события астрономы из ряда обсерваторий страны начали готовить экспедиции, чтобы пронаблюдать редкое астрономическое явление – через Алма-Ату проходила полоса полного солнечного затмения, – рассказывал Виктор Германович. – Последнее полное солнечное затмение, которое можно было наблюдать в Советском Союзе, произошло в 1936 г. Потом в 1945-м, но полной фазы у нас уже не наблюдалось, т. к. полоса проходила южнее СССР.

Сейчас меньше ажиотажа вокруг полных солнечных затмений, потому что есть возможность наблюдать солнечную корону со спутников, а в те времена это было очень важное событие в научном плане – сделанные тогда многочисленные снимки дали возможность составить полное представление о структуре солнечной короны.

В Алма-Ату намеревались приехать 28 экспедиций, но началась война, и количество приехавших, естественно, сократилось. При этом, несмотря на трудности военного времени, правительство выделило запланированные средства на организацию экспедиций. Более того, Академия наук СССР получила директиву не прекращать ведущие фундаментальные исследования, хотя, казалось бы, какой «экономический эффект» можно ожидать от солнечного затмения! Но тогда в Алма-Ату съехались ведущие ученые страны. Например, приехал один из крупнейших астрономов советского периода, известный пулковский астрофизик, член-корреспондент Академии наук СССР Гавриил Адрианович Тихов.^{1*}

В своей автобиографической книге «Шестьдесят лет у телескопа» [1] он пишет: «Экспедицию решили совместить с эвакуацией туда же, в этот южный город, куда отправлялось множество заводов, фабрик, учебных заведений и разного рода учреждений. Пулково получило один классный вагон и один товарный. Первого августа они оба от-

^{1*} 19 апреля [1 мая] 1875, Смолевичи, Минская губ. – 25 января 1960, Алма-Ата, русский (советский) астроном, член-корреспондент Академии наук СССР (1927) и академик АН Казахской ССР (1946).

правились в путь. Ехали до Алма-Аты 20 суток, и с 21 августа 1941 г. началась моя алма-атинская жизнь».

Вместе с пожитками и оборудованием из Пулково был привезен так называемый Бредихинский астрограф, установленный в этой знаменитой обсерватории еще в 1905 г. на деньги ученого Федора Александровича Бредихина. На нем 66-летний Тихов продолжал наблюдать небо, теперь уже казахстанское.

Приехал в Алма-Ату и академик Василий Григорьевич Фесенков^{1*}, астрофизик с широким кругом интересов, прекрасный организатор. В общем, в начале войны в Алма-Ате появился весьма мощный коллектив известных астрономов. И хотя их пребывание в «городе яблок» мало чем отличалось от обычной эвакуации, после окончания войны не все покинули гостеприимный город.

Южное небо привлекло внимание «северян», и, естественно, возникла идея создания астрофизической обсерватории в предгорных окрестностях Алма-Аты. Уже через несколько дней после затмения в Совнарком Казахской ССР поступила составленная Фесенковым обстоятельная записка, где обосновывалась целесообразность создания в Алма-Ате Казахстанского НИИ астрономии, физики и геофизики.

Так на четвертом месяце войны в глубоком тылу появился новый научно-исследовательский институт, директором которого стал Василий Григорьевич Фесенков. Штат института формировался из приехавших сюда специалистов. Практически это был цвет астрономической науки советской страны. В число сотрудников, кроме того, вошли профессора и преподаватели Казахского Государственного университета. В 1950 г. институт разделился на Физико-технический и Астрофизический с Горной астрономической обсерваторией. При Президиуме Академии наук КазССР был создан Сектор астроботаники, возглавляемый Тиховым.

Надо сказать, что добираться в 1940-е гг. до Астрофизического института на Каменском плато было нелегко: грузопассажирские фургоны ездили лишь до моста, и от остановки приходилось идти пешком 4 км вверх. Однако это никак не влияло на тот энтузиазм, с которым небольшой коллектив сотрудников вел исследования по самым разным направлениям – от изучения оптических свойств земной атмосферы до наблюдений Солнца, звезд и галактик.

Г.А. Тихов, и В.Г. Фесенков вместе с известным казахстанским геологом К.И. Сатпаевым стали основателями сначала Казахстан-

^{1*} [13] января 1889, Новочеркасск – 12 марта 1972, Москва, советский астроном, один из основоположников астрофизики, академик АН СССР (1935), АН КазССР (1946), заслуженный деятель науки Казахской ССР (1947).

ского филиала Академии наук СССР, а затем и Академии наук Казахской ССР.

И на Марсе будут яблони цвести?

Место для будущей обсерватории нашел Василий Григорьевич Фесенков на одном из «прилавок» у северных отрогов Заилийского Алатау^{1*}. Строительство началось после войны в 1947 г. За 6 лет был построен корпус и павильоны для телескопов. Город тогда был маленький, и особых помех для этого не было. Кстати, астрономы всегда стремились, как можно южнее строить обсерватории, чтобы хотя бы частично наблюдать и южное небо, потому что из Пулковской обсерватории, например, южные созвездия особенно не понаблюдаешь, а здесь они видны.

Тогда же в 1947 г. в строящуюся обсерваторию в Алма-Ату попали два из пяти трофейных телескопов, вывезенных из Германии в СССР. Гавриил Адрианович Тихов установил привезенные из Пулкова телескопы в верхней части Алма-Аты у городской метеостанции, сейчас это Казгидромет, на возвышении, напоминающем Пулковские высоты. Там стоял тот самый Бредихинский астрограф и был построен дом. В нем размещалась квартира Гавриила Адриановича, лабораторные помещения, его библиотека.

Позже, в конце 1950-х гг., рядом построили еще один лабораторный домик, и этот участок считался городской обсерваторией. Как вспоминал Виктор Тейфель, после смерти Гавриила Адриановича в 1960 г., когда Сектор астроботаники расформировали, в башне, где стоял Бредихинский астрограф, студенты организовали народную обсерваторию.

Сам телескоп увезли назад в Пулково, а алматинское общество «Знание» выделило небольшой цейсовский телескоп, и любители астрономии несколько лет вели там наблюдения звездного неба. Но постепенно оборудование этой обсерватории растащили местные жители, а дом якобы по распоряжению Академии наук было решено снести.

Хотя Тейфель, да и не только он, считает, что его нужно было сохранить для истории. Ведь уже строились планы по созданию на этом месте мемориального комплекса, планировалось там же построить планетарий, которого до сих пор в Алматы нет, но чиновников это, видимо, не волновало, и где-то в конце 1980-х гг. дом Тихова снесли.

^{1*} «Василий Григорьевич Фесенков на свои деньги купил ишака, на котором сюда возили аппаратуру. А сотрудники шли пешком, так они обследовали окрестности Алматы для выбора лучшего места. Выбрали именно этот холм на плато, потому что здесь стекают потоки воздуха, а до Алма-Аты тогда было далеко, и свет города не мешал». [Электронный ресурс] Каримова Ж. «Космический Алматы». URL: <https://vlast.kz/gorod/17780-kosmiceskij-almaty.html> (дата обращения 06.08.2020).

«Вы не поверите, но развалины его просуществовали 16 лет!» – говорит Виктор Германович.

Как известно, имя Тихова связывают с открытием растительности на Марсе, и сделано это было у нас в Алма-Ате в годы войны. Сам Гавриил Адрианович часто выступал с лекциями на эту тему.

Я помню, мне рассказывала моя мама, которая в годы войны была студенткой КазГУ, лекции Тихова были потрясающе интересны! В зал Академии наук, которая тогда располагалась на ул. Кирова,^{1*} невозможно было пробиться, столько народу собралось, чтобы послушать известного ученого. Даже не верится – шла такая страшная война, а ученые мечтали о глубоком изучении космоса!

«Дело в том, что в те годы многие ученые были убеждены – темные пространства, так называемые «морья» на Марсе, которые меняют окраску в зависимости от времени года, покрыты растениями. Но это подвергалось сомнению, поскольку условия на этой планете уж слишком суровы – очень низкие температуры, большая разреженность атмосферы, почти нет кислорода, избыток углекислого газа, – пояснял астроном. – Основным доводом против существования жизни на Марсе было то, что в спектре тех его мест, где предполагалась растительность, нет полосы поглощения хлорофилла. А, следовательно, нет и самой растительности».

Однако Гавриил Адрианович доказал, что растения могут приспосабливаться к самым экстремальным климатическим условиям. Организмы эти получили название экстремофилов, их находят сейчас и на Земле в самых разных местах – подо льдом Антарктики, высоко в атмосфере и даже в ядерных реакторах! Полученные результаты означали, что в принципе на Марсе растения могли и быть».

Позднее одну из своих научно-популярных книг Гавриил Адрианович назвал «Астробиология» [2], и этот термин получил мировое признание. Кстати, сейчас астробиологические исследования интенсивно развиваются в США, причем их методология во многом сходна с предлагавшейся Тиховым.

Хотя, по мнению Виктора Тейфеля, главное, что сделал в своей жизни Гавриил Адрианович, связано не с астроботаникой – в первую очередь, он был астрофизиком, причем, еще с дореволюционных времен. В этой области им сделано много серьезных открытий. Тихов много лет занимался изучением различных небесных тел, особенно планет, а также разработкой новых методов их исследования.

^{1*} Ныне Богенбай батыра.

В Алма-Ате сектор астроботаники под руководством Гавриила Адриановича занимался проблемами существования жизни на других планетах. Проводились наземные эксперименты и исследования, целью которых было проверить выдвинутую Тиховым идею оптической приспособляемости растительных организмов к суровым условиям того же Марса. Конечно, сегодня можно свысока судить о технической стороне тех исследований военной поры, хотя уже применялась и электронно-оптическая аппаратура. Тем не менее, это был толчок, который дал направление современным астробиологическим исследованиям.

«Звездные часы» казахстанской астрономии

Тогда, в тяжелые для страны военные годы, государство, по словам Тейфеля, с уважением относилось к фундаментальной науке. Было понимание, что такая наука нужна, и, хотя речь еще не шла об освоении космоса, но в этом направлении уже работали Фридрих Цандер, Юрий Кондратюк, Сергей Королев, Валентин Глушко, которые занимались ракетной техникой.

Что же касается астрономии, то она была популярна как возможность нашего познания Вселенной, чтобы понять, какое место мы в ней занимаем. Надо сказать, что этот вопрос интересовал и Василия Григорьевича Фесенкова, который. Как говорят, был универсальным ученым, потому что занимался буквально всеми астрономическими направлениями, начиная от оптики земной атмосферы и заканчивая проблемами строения Галактики.

Кстати, это и определило направленность Астрофизического института. Были созданы отделы атмосферной оптики, астрофизики, где занимались изучением звезд и туманностей, потом стали создаваться лаборатории, появился отдел звездной динамики, в 1970-м г. была создана планетная лаборатория.

«В послевоенные 1950-е гг. мы получили 50-сантиметровый менниковский телескоп – детище известного ленинградского конструктора оптических приборов Дмитрия Дмитриевича Максудова, – рассказывал Виктор Тейфель. – Тогда это был один из крупнейших телескопов такого типа, который обеспечивал высокое качество изображений, благодаря ему было получено огромное количество снимков звездного неба, комет, галактических и внегалактических объектов.

Вскоре по ним был составлен первый в мире атлас газопылевых туманностей. Это было очень большое достижение, после этого газопылевые туманности начали активно изучаться астрономами во всем мире.

Позже в районе Большого Алма-Атинского озера была создана корональная станция с телескопом нового поколения «Лио», дающим возможность фотографировать внутреннюю, наиболее яркую часть солнечной короны. В дальнейшем там же был установлен горизонтальный солнечный телескоп. Наблюдения Солнца проводились и с помощью хромосферно-фотосферного телескопа.

На Каменском плато в 1964 г. был смонтирован 70-см, изготовленный в Ленинграде еще по заказу Тихова, телескоп для наблюдений планет. Ведь Тихов мечтал о создании в Алма-Ате планетного института. Новый телескоп дал новые возможности для планетных исследований, исследований галактик, наблюдений искусственных спутников.

Недалеко от Алматы на Ассы-Тургенском плато, где природой создано уникальное место для астрономических исследований – отсутствие городской подсветки, безветренные ночи, хорошая прозрачность и спокойствие атмосферы, еще в советское время начала создаваться новая уникальная по своим возможностям обсерватория.

Как вспоминал Виктор Тейфель, в конце 1970-х гг. был получен метровый телескоп, который был установлен в Ассы-Тургенской обсерватории. Правда, первоначально предполагалось установить его в районе Большого Алма-Атинского озера, но, учтя лучшие астроклиматические условия на Ассы-Тургенском плато, проект слегка переделали, и башню телескопа высотой более 20 м построили на плато.

Позднее институт заключил договор с Ленинградским оптико-механическим объединением на изготовление и поставку телескопа с большим диаметром зеркала – 1,5 метра. К сожалению, судьба полуметрового телескопа оказалась не столь счастливой, как его метрового предшественника. Уже почти смонтированный телескоп более десятка лет простоял без дела, т. к. в период развала Союза завершить все монтажные работы было некому и не на что. Сегодня Ассы-Тургенская обсерватория, как говорится, в строю, и активно занимается изучением звездного неба.

Кроме того, выше Большого Алматинского озера Государственный астрономический институт им. Штернберга построил свою обсерваторию тоже с метровым телескопом. После развала Союза ее национализировали, и сейчас там тоже ведутся наблюдения.

Надо сказать, что современная астрономия уже заглянула в космос на миллиарды световых лет. Ученые стремятся, как можно дальше проникнуть в глубины Вселенной, чтобы понять, где же ее начало. Ведь считается, что Вселенная возникла в результате Большого взрыва.

В исследованиях принимают участие и казахстанские астрономы. В Астрофизическом институте ведутся фундаментальные исследова-

ния, связанные с космологией, со строением Вселенной, с теорией Большого взрыва, с так называемыми сейфертовскими галактиками с активными ядрами. Причем, эта работа имеет достаточно большой международный резонанс.

Кроме того, много лет успешно ведутся наблюдения за перемещением искусственных спутников, ведь надо знать, где какой спутник находится. Для этого составляются специальные каталоги. Это чисто прикладное направление, правда, оно имеет и некоторую астрофизическую составляющую.

Например, лаборатория физики Луны и планет под руководством Виктора Тейфеля, начиная с 1960-х гг. стала активно изучать планеты-гиганты.

«Мы были координирующим центром в Союзе. И сейчас, пожалуй, единственные в СНГ, кто этим занимается. И надо сказать, небезуспешно, нас знают и в международном сообществе», – сообщил Виктор Тейфель.

Планеты-гиганты интересны тем, что это своего рода естественные лаборатории, где можно наблюдать вещество в таких состояниях, которые на Земле невозможно воспроизвести. Например, в недрах Юпитера давление составляет десятки тысяч атмосфер, при этом газообразный водород переходит в металлическую фазу.

«В конце 1960 – начале 1970-х гг. наша лаборатория делала разработки по задачам исследований планет-гигантов для московских космических организаций. Было время, когда Россия ограничилась Венерой и Марсом, но сейчас их интерес больше обращен на Луну.

Во-первых, на Луне неограниченные запасы гелия-3, который может быть топливом для будущих термоядерных реакторов. Кроме того, на Луне можно построить прекрасную обсерваторию. Кстати, мы давно предлагали Казахстану выступить с инициативой – запустить планетный телескоп в космос для постоянного мониторинга планет, на Земле такой мониторинг невозможен из-за облачности и других помех от нашей атмосферы. Наблюдать планеты необходимо хотя бы затем, чтобы понять причины изменения климата на Земле. Это тоже в какой-то степени прикладное значение астрономии».

Хочется надеяться, что и наше казахстанское «окно в космос» не захлопнется, а будет становиться все шире, открывая пути к получению новых знаний о Вселенной.

1. – М.: Детская литература, 1959. [Электронный ресурс] Г.А. Тихов, член-корреспондент Академии наук СССР, академик Академии наук Казахской ССР «Шестьдесят лет у телескопа». URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=127163> (дата обращения 06.08.2020).

2. – М., 1953. – 68 с. [Электронный ресурс] ЛитМир - Электронная Библиотека > Тихов Гавриил Адрианович > Астробиология >. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=242183&p=1> (дата обращения 06.08.2020).

**Из истории комиссии академика В.Л. Комарова^{1*}
(к 80-летию начала работ)**

Яркой и при этом явно недостаточно изученной страницей истории всенародного подвига в годы Великой Отечественной войны является работа комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, проходившая под руководством Президента академии Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945) [1].

Созданная в первые месяцы войны, комиссия внесла заметный вклад в изучение экономического и природно-ресурсного потенциала восточных регионов страны, внедрение в производственную деятельность оборонных отраслей промышленности научно-технических достижений, формирование в Урало-Сибирском регионе, Казахстане и среднеазиатских союзных республиках мощной сырьевой базы военной экономики.

Как известно, с началом Великой Отечественной войны руководство и институты Академии наук СССР были эвакуированы из оккупированных и угрожаемых районов на восток страны. Президиум Академии во главе с ее вице-президентом О.Ю. Шмидтом располагался в Казани, а Президент Академии В.Л. Комаров и ряд институтов – в Свердловске. Именно здесь, прервав движение в эвакуацию в Боровое (Казахстан), В.Л. Комаров провел встречи с местными руководителями, учеными и производственниками. По результатам выступил с идеей создания комиссии ученых, которые могли бы на основании исследования ресурсов региона предложить оптимальные пути их использования в интересах обороны.

Уже 29 августа 1941 г. в Уральском филиале АН СССР под председательством В.Л. Комарова состоялось совещание научных работников АН СССР с представителями промышленных наркоматов, свердловских партийных органов, организаций и учреждений, положившее начало работе комиссии. В совещании приняли участие

^{1*} Изначально именовалась как Комиссия Академии наук СССР по мобилизации естественных ресурсов Урала на нужды обороны страны. Однако ее название, равно как и характер деятельности, претерпели в ходе работ известную эволюцию. Если изначальный замысел предполагал исследование лишь естественных ресурсов Урала, главным образом, Свердловской обл., то уже на этапе составления плана и, тем более, в дальнейшем самой логикой анализа рекомендации комиссии приобрели куда более широкий характер, а зона ее деятельности была распространена на весь Большой Урал. Позже, по мере развертывания исследований, в сферу научно-практической деятельности комиссии были включены Западная Сибирь и Казахстан (апрель 1942 г.), но фактически сферой ее изысканий стал еще более обширный регион, включавший Центральную и Южную Сибирь, Казахстан и республики Средней Азии.

39 человек, в т. ч. академики В.А. Обручев, Э.В. Брицке, Л.Д. Шевяков и А.А. Скочинский; замнаркома Цветной металлургии СССР П.Я. Антропов, секретари Свердловского обкома ВКП (б) И.С. Пустовалов и А.И. Быков, ответственные работники наркоматов Черной и цветной металлургии, профессора Н.Н. Колосовский, Б.Г. Кузнецов, Г.И. Чуфаров и др.^{1*} По докладу В.Л. Комарова была принята резолюция:

1. «Всемерно поддержать инициативу Президента Академии наук в организации Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала для нужд обороны.

2. Установить основные направления работы комиссии в области черной и цветной металлургии, нерудных ископаемых, энергетики, транспорта и сельского хозяйства.

3. В связи с немедленным началом работ создать группы исполнителей по направлениям и разработать план их деятельности к 10 сентября [1941 г.]» [2, с.132].

После совещания В.Л. Комаровым было направлено в Правительство СССР соответствующее обращение, нашедшее отклик в центральных партийных, советских, хозяйственных и военных инстанциях. В телеграмме В.М. Молотова и Н.М. Шверника от 7 сентября инициативе В.Л. Комарова была выражена полная поддержка [3].

10 сентября 1941 г. было подписано распоряжение Президента АН СССР об организации Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала под председательством В.Л. Комарова на базе Уральской экспедиции в составе академиков И.П. Бардина, Э.В. Брицке, С.Г. Струмилина (заместители), А.Н. Баха, В.А. Обручева, А.А. Скочинского, А.Е. Ферсмана, Е.А. Чудакова, Л.Д. Шевякова, О.Ю. Шмидта и др. В состав комиссии были включены также Уполномоченный Госплана СССР на Урале М.А. Андреев, замнаркома Цветной металлургии П.Я. Антропов, зампред Комитета по делам геологии при СНК СССР С.В. Горюнов, замнаркома Черной металлургии П.И. Коробов, председатель Свердловского облисполкома И.Л. Митраков, секретарь Свердловского обкома ВКП (б) И.С. Пустовалов и др., всего в центральной группе – 22 человека [4].

В течение короткого времени был разработан план работы Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала (до 1 января 1942 г.), который был утвержден Президентом АН 23 сентября 1941 г. [5].

План работы комиссии был структурирован и включал следующие разделы (направления):

^{1*} Одной из задач будущих исследований является составление полного списка участников совещания.

*Группа черной металлургии
(руководитель – академик Э.В. Брицке)*

Перед группой были поставлены исследовательские задачи по обеспечению железоникелевыми рудами выплавки в доменных печах никелесодержащих чугунов, изысканию дополнительных ресурсов марганцевых и путей максимально быстрого увеличения добычи на Урале железных руд, расширению рудной базы качественной металлургии и улучшению использования для ее нужд древесного топлива. В состав 5 бригад были включены академики И.П. Бардин, Э.В. Брицке, А.Н. Заварицкий, А.А. Скочинский и Л.Д. Шевяков; представители уральской академической и вузовской науки, в т. ч. будущий академик АН КазССР В.В. Михайлов; специалисты профильных министерств и промышленных предприятий.

Группа цветной металлургии (руководитель – П.Я. Антропов)

На группу была возложена миссия выработки рекомендаций по расширению рудной базы цветной металлургии и увеличению отдачи эксплуатируемых месторождений. Работа группы была организована по направлениям, связанным с поиском и научным обоснованием эффективного использования руд конкретных металлов – никеля, кобальта, алюминия, тантала и ниобия, меди, вольфрама, платины и ее спутников. Вместе с перечисленными выше в составе бригад этой группы работали академик А.Е. Ферсман, члены-корреспонденты АН СССР Г.И. Черняев и Д.М. Чижиков, будущие академик и член-корреспондент АН СССР А.Л. Яншин и А.А. Иванов; и др.

*Группа нерудных ископаемых
(руководитель – профессор Р.Л. Певзнер)*

Усилия четырех бригад группы, в которую вошли академик Э.В. Брицке, член-корреспондент АН СССР Д.С. Белянкин, представители науки и промышленности, были сосредоточены на решении проблем расширения сырьевой базы огнеупорной промышленности Урала, использования доменных шлаков, увеличения выпуска цемента и др.

*Транспортно-энергетическая группа
(руководитель – профессор Н.Н. Колосовский)*

Группа была ориентирована на разработку схем транспортных связей, водо-, энерго- и топливоснабжения городов и промышленных предприятий, экспертизу проектов гидротехнических сооружений и обоснование размещения в энергосистеме Урала новых генерирующих мощностей. Во главе 7 бригад работали академики В.А. Обручев и Л.Д. Шевяков, члены-корреспонденты АН СССР В.И. Вейц, Д.В. Наливкин и Ф.П. Саваренский.

Сельскохозяйственная группа
(руководитель – академик Л.И. Прасолов)

Перед группой были поставлены задачи по учету и характеристике земельных и кормовых ресурсов, выработке предложений по размещению новых технических культур и разработке мероприятий для поднятия продуктивности огородно-животноводческих хозяйств Урала.

Силами двух бригад во главе с академиком Н.В. Цициным и академиком ВАСХНИЛ С.К. Кедровым-Зихманом предполагалось дать общую характеристику земельных богатств Урала, подготовить рекомендации по выращиванию в регионе сахарной свеклы, каучуконосов (кок-сагыза и крым-сагыза), волокнистых и масличных культур; проанализировать возможности горнозаводских районов по производству овощей, картофеля и трав, расширению кормовой базы животноводства, развитию пригородных хозяйств.

В составе комиссии эффективно работала сплоченная команда выдающихся советских ученых – академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, А.Н. Заварицкий, В.С. Кулебакин, Д.В. Наливкин, В.Н. Образцов, М.А. Павлов, Е.Б. Патон, Л.И. Прасолов, А.А. Скочинский, С.Г. Струмилин, А.Е. Ферсман, Н.В. Цицин, Л.Д. Шевяков, О.Ю. Шмидт и др. Под их началом трудились коллективы молодых ученых, ставших впоследствии гордостью отечественной науки; представители соответствующих наркоматов и отраслевых отделов Свердловского обкома ВКП (б). При общей численности комиссии в 108 человек академики участвовали, как правило, в работе нескольких групп.

Важно заметить, что с первых месяцев деятельность комиссии не была замкнута на исследование исключительно природных ресурсов Урала, но ориентировалась на куда более широкий круг проблем.

С учетом значимости работ комиссии бюро Свердловского обкома ВКП (б) было принято 9 октября 1941 г. по докладу И.С. Пустовалова специальное постановление:

1. «Придавая важнейшее значение работе Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны, возглавляемой Президентом АН СССР академиком В.Л. Комаровым, – бюро обкома ВКП (б) обязывает все партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации области оказывать комиссии академика В.Л. Комарова самую активную помощь и содействие во всей ее работе.

2. В ноябре на объединенном заседании бюро обкома ВКП (б) и исполкома облсовета заслушать вопрос об основных направлениях мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны и плане работы комиссии.

3. Принять к сведению заявление т. [И.Л.] Митракова о том, что исполком облсовета разрешил вопросы по устройству и обслуживанию академиков и выделил для работы комиссии необходимое помещение» [6].

Важной особенностью работы комиссии стала ее теснейшая связь с партийными и хозяйственными органами, отраслевыми наркоматами, промышленными производствами. Использование предложений ученых и специалистов позволило в кратчайшие сроки освоить новые рудные месторождения, обеспечить наращивание мощностей действовавших электростанций, металлургических предприятий, угольных шахт и разрезов; внедрить в производство перспективные технологии производства вооружений и военной техники.

Результатом работы комиссии стал подготовленный в ноябре 1941 г. объемный труд «Материалы к докладу заместителю Председателя Государственного Комитета Обороны т. В.М. Молотову» (гриф «Совершенно секретно») [7]. Отчет включал десять разделов, посвященных анализу потенциала уральской экономики по важнейшим направлениям и содержащих предложения по оптимизации использования ресурсов края в интересах обороны.

Авторами раздела, касавшегося перспектив развития на Урале черной металлургии, была предложена совокупность мер, позволявших достичь ожидаемых показателей с минимальными дополнительными затратами, предполагавшими, главным образом, завершение уже проводимых работ. Отдельными сюжетами были прописаны пути удовлетворения потребностей металлургической промышленности в марганцевой руде и коксе с максимальным задействованием местных возможностей, оптимизацией завоза на Урал кузнецких и карагандинских углей и использованием в производстве оборудования эвакуированных металлургических заводов.

Были сформулированы предложения по строительству объектов, ввод в действие которых позволил бы расширить сортамент оборонной продукции, в т. ч. сварных труб большого диаметра, рельсов, цельнокатаных колес, автомобильного листового металла, электросталей и др. В условиях недостатка соответствующего оборудования предлагалось срочно изготовить его на действующих предприятиях Наркомчермета либо – что представлялось комиссии оптимальным – закупить при возможности в США. Необходимостью поставок металлургической продукции Урала предприятиям сопредельных районов было обусловлено повышенное внимание к проблеме вторичного металлургического сырья. Особая значимость рекомендаций комиссии

состояла, ко всему, в том, что они выдавались по сути в режиме реального времени: так, успешная эвакуация оборудования заводов «Запоржсталь», «Азовсталь», «Днепроспецсталь» и других позволила к ноябрю 1941 г. минимизировать предложения по строительству на Урале и в Сибири объектов металлургии.

Комиссией были сформулированы также рекомендации по развитию производства ферросплавов и совершенствованию технологий их получения с использованием сравнительно небогатых местных руд. В период до завершения исследовательских и опытных работ, а также строительства специализированных предприятий и налаживания поставок сырья оптимального качества из Сибири и Казахстана, было предложено задействовать – с использованием зарубежного опыта и в режиме строжайшей экономии – мощности доменных и электрических печей региона, в т. ч. принадлежавших родственным Минчермету министерствам и ведомствам.

Отдельно рекомендовалось организовать работу по сбережению металла и увеличению сроков службы металлических деталей и изделий. С учетом особой остроты проблемы было предложено организовать под эгидой Госплана СССР в техотделах либо техсоветах всех крупных наркоматов специализированные ячейки (бюро) по экономии металла.

5 ноября 1941 г. бюро Свердловского обкома ВКП (б) приняло решение об организации при обкоме ВКП (б) – в целях оказания практической помощи предприятиям, занятым в изготовлении реактивных минометов М-8 и М-13, – экспериментального бюро под председательством Героя Социалистического Труда (с 1943 г. – академика) А.Г. Костикова. На этом же заседании был утвержден план основных работ экспериментального бюро, предусматривавший проведение на предприятиях комплекса изысканий, направленных на совершенствование технологии производства «Катюш», их отдельных узлов и деталей [8].

5 декабря 1941 г. в адрес Уполномоченного ГКО по Свердловской обл. – секретаря Свердловского обкома ВКП (б) В.М. Андрианова было направлено за подписью академика Н.Т. Гудцова письмо о создании Институтом металлургии Академии наук комиссии по изучению металла трофейных объектов. «Изучение металла различного рода трофейных объектов имеет весьма важное значение с точки зрения характеристики состояния промышленности воюющих стран, – указывалось в письме. – Помимо того, полученные результаты могут быть использованы отечественной оборонной промышленностью с целью

корректирования технологических процессов и повышения производительности». Подчеркивалось, что создание комиссии было одобрено вице-президентом АН СССР О.Ю. Шмидтом, наркоматами боеприпасов, танковой промышленности и вооружений; при согласии В.М. Андрианова на участие в работе комиссии Институт металлургии просил числить ее при Уполномоченном ГКО по Свердловской обл. [9].

Позже, 25 февраля 1942 г., бюро обкома было принято предложение Института металлургии АН СССР о производстве опытной партии снарядов повышенной бронебойности для противотанковых 45-мм пушек. Ученым, конструкторам и производственникам было поручено провести испытания твердых сплавов металлокерамических сердечников, которые, по заверению академика Н.Т. Гудцова, могли быть завершены к 20 марта 1942 г. [10].

Столь же содержательная и объемная работа была выполнена коллективом ученых и производственников во главе с членом-корреспондентом АН СССР Д.М. Чижиковым и Н.Н. Птичкиным в области цветной металлургии Урала, обретшего с началом войны исключительное значение в качестве центра выплавки меди, алюминия, никеля, кобальта, цинка, а также добычи и производства редких металлов – вольфрама, молибдена, ниобия, циркония, бериллия и платины. При том, что на Урале выплавлялось осенью 1941 г. две трети общенационального объема меди, были предложены пути увеличения ее производства на 10–15% при минимальных капиталовложениях – за счет сокращения простоев, совершенствования технологических процессов, консервации нерентабельных участков и шахт, завоза на производство богатой кусковой руды, более глубокой переработки медесодержащих отходов и т. п. Что важно, предложениями комиссии предусматривались – наряду с решением главной задачи – проведение комплекса экологических мероприятий и реализация мер по извлечению попутных металлов.

Учеными были высказаны рекомендации по увеличению производства алюминия, в т. ч. по повышению экономичности работ по выемке бокситов Северо-Уральской и Каменской групп месторождений, развертыванию подземных работ на СУБРе, совершенствованию практики горно-подготовительных работ. В целях оптимизации объемов добываемых глиноземов было предложено активизировать строительство Богословского алюминиевого завода полного цикла с соответствующим увеличением мощности сооружаемой ТЭЦ, приступить к сооружению электролизных цехов в Караганде и Кузбассе как в районах с менее напряженным энергетическим балансом.

4 ноября 1941 г. на заседании технического совета Наркомцветмета по результатам обсуждения вопроса хозяйственными руководителями, учеными и производственниками, в т. ч. П.Я. Антроповым, И.П. Бардиным, Д.М. Чижиковым, Л.Д. Шевяковым, руководителем Главалюминия Е.П. Славским и др., было принято развернутое постановление о создании на Урале крупных глиноземных и алюминиевых производств (с увеличением мощности соответствующих энергоузлов на СУБРе и в Каменске), диверсификации методов переработки бокситов, организации для переработки избытка глинозема электролизных цехов на Карагандинской и Кемеровской ТЭЦ; Главалюминию и Главалюминстрою было рекомендовано сосредоточить усилия на организации выпуска алюминия и продукции смежных производств на основе годовых графиков ввода новых мощностей [11].

Комиссией был зафиксирован существенный разрыв между объемами сырья для выплавки цинка и возможностями предприятий восточных районов страны по их переработке. Для сокращения этого разрыва было рекомендовано увеличить мощности Челябинского цинково-электролитного завода (с 25 до 60 тыс. т в год), переориентировать предприятие на местное сырье с существенным повышением качества последнего; дооборудовать цеха, в т. ч. ориентированные на переработку попутных продуктов.

В интересах более чем двукратного (с 8,2 до 19 тыс. т) увеличения выплавки никеля был предложен комплекс мер, включавший нормализацию рудничного строительства и горно-подготовительных работ, повышение эффективности использования сырья, бесперебойное обеспечение заводов коксом, «привязку» рудников для сокращения транспортных издержек к близ расположенным металлургическим предприятиям.

Возможно, неприятная для руководства страны, но честная, оценка была дана возможностям региона по добыче кобальта. На фоне прогнозируемого к концу 1941 г. выпуска 90–95 т металла рабочей группой было заявлено, что при имевшихся производственных мощностях и технологиях переработки, подготовленности сырьевой базы и плановом задании в 220 т в 1942 г. едва ли удастся выплавить более 140 т кобальта. В качестве необходимых условий развития производства были заявлены ввод в строй в 1942 г. на Высокогорском месторождении флотационной, а на Елизаветинском – опытной обогатительной – фабрик с последующим строительством завода мощностью 150 т кобальта в год. В ближайшие же два года предлагалось компенсировать недостаток металла за счет импорта.

По оценке комиссии, сырьевые возможности Урала позволяли развить в соответствии с потребностями военной экономики производство редких металлов, твердых сплавов и платины, но выполнение правительственных заданий предполагало необходимость проведения дополнительных геологоразведочных работ, строительство новых либо расширение действовавших обогатительных фабрик, повышение уровня технической оснащённости приисков и т. п.

Специальными разделами в представленном Правительству СССР докладе были выделены производство огнеупоров и флюсов, строительных материалов. В условиях достаточности запасов огнеупорного сырья специалистами было предложено сосредоточить усилия на интенсификации промышленной эксплуатации разведанных месторождений, позволявшей, в т. ч. за счет использования вывезенного из Белоруссии, с Украины и из центральной России технологического оборудования, увеличить в течение года производство шамотного и dinasового кирпича в 1,5–2 раза. Возобновление на Косулинском и Камышловском заводах – с использованием эвакуированного оборудования – приостановленного ранее производства технического фарфора позволило бы, по оценке комиссии, уже в начале 1942 г. в основном удовлетворить потребности обороны. Аналогичным образом, правда, применительно к 1943 г., оценивались возможности обеспечения металлургии Урала флюсовыми известняками.

Весьма оптимистично оценивались комиссией возможности наращивания объемов производства в промышленности строительных материалов. Обеспечение с использованием передовых технологий полуторного роста производства цемента позволило бы, по оценке ученых, в 1942 г. заметно сократить его дефицит, а постройка заводов по производству портланд-цемента в Челябинске, Губахе и Карпинске могла бы полностью покрыть потребности уральской экономики уже в 1943 г.

Почти двукратный рост объемов производства кирпича (с 0,8 до 1,5 млн. шт.) мог бы быть обеспечен внедрением ускоренных методов его сушки (по методу профессора Р.Л. Певзнера) и строительством в районах максимальной потребности (Магнитогорск, Молотов, Нижний Тагил, Серов, Челябинск) 5–6 новых заводов. Заметная роль в преодолении дефицита кирпича отводилась его заменителям – гипсовым и шлаковым блокам.

В условиях практически полного отсутствия на Урале стекольной промышленности было предложено в кратчайшие сроки – 4–5 месяцев – организовать при Нижне-Тагильском, Магнитогорском и Злато-

устовском металлургических заводах на базе местных отвальных шлаков и щелочных горных пород опытные производства. В пользу предложенного варианта свидетельствовали, в частности, отсутствие необходимости в дополнительном специальном оборудовании и наличие на эвакуированных предприятиях незанятой рабочей силы.

Важным разделом доклада стал обзор потенциала уральской лесохимической промышленности, подготовленный по материалам Уральской комплексной экспедиции и Уральского лесотехнического института. Были проанализированы перспективы переработки древесины и возможности получения из нее экстрактивных веществ, пути расширения гидролизных и фанерных производств. Глубокая технологическая переработка древесины при капитальных вложениях в 173 млн. руб. позволила бы получать в потребных объемах древесный уголь, широкую номенклатуру кислот, ацетонов, растворителей, формалинов, смол, канифолей, скипидаров, камфары, дубильных экстрактов и т. п. Было предложено расширить сеть гидролизных заводов и цехов, в т. ч. завершить в 1942 г. строительство Лобвинского и Тавдинского заводов. Отдельным сюжетом были прописаны перспективы производства пластифицированной и облагороженной древесины (лигностона и лигнофоля), используемой, в частности, в авиа- и автомобилестроении.

Важнейшими аргументами в пользу масштабного развертывания на Урале лесохимических производств стали объемы имевшейся в регионе пригодной к рубке древесины (16 млн. га), относительная дешевизна ее доставки на лесоперерабатывающие предприятия (в т. ч. сплавом), возможность использования отходов лесопереработки в целях топливоснабжения.

Стройностью посылов, предложений, аргументации, выводов и рекомендаций отличался подготовленный рабочей группой профессора А.Е. Пробста раздел доклада, посвященный топливоснабжению Урала. На основе анализа общего угольного баланса были высказаны рекомендации по расширению угледобычи и переводу топливопотребителей на местные угли, эффективному использованию высококачественных дальнепривозных углей, рационализации перевозок, внедрению режима экономии топлива и т. п. Выводы рабочей группы были подкреплены детальными статистическими выкладками относительно потребных капитальных затрат, дополнительного оборудования и рабочей силы.

Важнейший раздел доклада комиссии В.Л. Комарова, посвященный проблемам развития уральской электроэнергетики, был подго-

товлен энергетической группой под руководством члена-корреспондента Академии наук В.И. Вейца. На основании анализа наличных мощностей, имевшихся резервов их наращивания без дополнительных капитальных вложений, возможного эффекта от внедрения режима экономии и т. п. была предложена программа развития региональной электроэнергетики, важнейшими элементами которой стали форсирование строительства электростанций и ввода новых энергетических мощностей, формирование эффективной энергосети и обеспечение маневра энергоресурсами, оптимизация режима энергопользования и др. Достоинствами программы стали, по нашей оценке, глубокая проработка вопросов использования энергоресурсов в интересах обороны, всесторонняя увязка рекомендаций энергетической группы с другими разделами доклада и, что особенно важно, ее ориентированность на нормализацию бытового энергопотребления даже в условиях войны.

Должному анализу подверглись водные ресурсы Урала, состояние и перспективы использования которых в интересах обороны были изучены с привлечением материалов Уральской комплексной экспедиции АН СССР. С академической четкостью были предложены неотложные водохозяйственные мероприятия на 1942–1943 гг. применительно к шести важнейшим – Серовско-Богословскому, Нижне-Тагильскому, Свердловскому, Челябинскому, Магнитогорскому и Орскому – промышленным районам.

Бригадой профессора Н.Н. Колосовского был подготовлен транспортный раздел доклада. По результатам анализа возможностей транзитных и внутриуральских перевозок, состояния железнодорожного хозяйства на наиболее востребованных направлениях было предложено реализовать в 1942 г. комплекс весьма затратных мероприятий [12] по строительству вторых путей, реконструкции станций, путей и разъездов, подготовке дорог к пропуску высокотоннажных поездов, развитию электро- и водоснабжения и др. Проектная загрузка железных дорог, перечни неотложных мероприятий по совершенствованию их работы и потребность в рельсах были представлены в докладе детальными приложениями.

24 декабря 1941 г. по рассмотрении бюро Свердловского обкома ВКП (б) вопроса «О выполнении постановлений ГКО от 25 ноября 1941 г. за № 961/с и 965/с «О развитии железнодорожных линий, узлов и усилении пропускной способности дорог Урала – Пермской, им. Л.М. Кагановича и Южно-Уральской – и об усилении железнодорожных линий, связывавших Кузбасс и Караганду с Уралом и По-

волжьем» было принято развернутое постановление, общий смысл которого сводился к развертыванию с привлечением всех имевшихся возможностей работ по развитию Свердловского и Тагильского железнодорожных узлов, строительству Свердловского северного полукольца и железнодорожных путей по направлению Свердловск – Богданович [13].

Развернутый раздел, посвященный возможностям развития сельского хозяйства Урала в условиях начавшейся войны, был подготовлен группой под руководством академика С.Г. Струмилина и М.К. Расцветаева. Были высказаны рекомендации по увеличению посевов, в т. ч. за счет подъема целинных и залежных земель, частичного сведения лесов, распашки выгонов, неудобий и т. п.; развитию коллективного и индивидуального огородничества в городской черте; увеличению урожайности зерновых, существенному увеличению посевов и продуктивности производства в картофеле- и овощеводстве, развитию в подходящих для этого районах производства каучуконосов и сахарной свеклы, масличных и бахчевых культур. Было указано на значительный потенциал уральского пчеловодства. Недостаток рабочих рук предлагалось восполнить за счет привлечения на село эвакуированного населения, вербовки и организованного направления работников во вновь осваиваемые районы, привлечения к сельхозработам городского населения. К сожалению, почти не получили освещения вопросы повышения продуктивности животноводства, отнесенные авторами ко второй очереди исследований.

Труд ученых получил высокую оценку научного сообщества и руководства страны. Постановлением Президиума АН СССР об итогах соцсоревнования между комиссиями и филиалами АН СССР за 1942 г. Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны были присуждены переходящее Красное Знамя Президиума АН СССР и Президиума ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений [14, с.109]. За успешное выполнение научно-исследовательских работ, имевших важное практическое и теоретическое значение, Президиумом АН СССР было выделено для премирования научных сотрудников комиссии 40 тыс. руб. [14, с.111].

Постановлением СНК СССР от 10 апреля 1942 г. за выдающиеся работы в области экономических наук коллектив в составе академиков В.Л. Комарова, И.П. Бардина, Э.В. Брицке, В.Н. Образцова, С.Г. Струмилина, Л.Д. Шевякова; профессоров В.И. Вейца, Н.Н. Колосовского, В.Н. Козлова, Б.Г. Кузнецова. Р.Л. Певзнера, А.Е. Пробста,

Д.М. Чижикова; научных сотрудников В.М. Гальперина, М.К. Расцветаева, В.В. Рикмана, Б.А. Гуревича, И.А. Дорошева, М.А. Стекольников был удостоен Сталинской премии [15].

Результаты работы комиссии академика В.Л. Комарова были столь впечатляющими, а эффективность их использования в военной экономике – настолько высокой, что уже в апреле 1942 г. ее работы были распространены на Западную Сибирь [16, с.50] и Казахстан, а в июне того же года была создана аналогичная Комиссия по мобилизации на нужды обороны страны ресурсов Поволжья и Прикамья [16, с.53–54].

Существенный вклад в изучение истории комиссии В.Л. Комарова после распространения ее работ на прилегающие к Уралу территории внесли казахстанские ученые. В первую очередь, отметим содержательную статью академика АН КазССР М.К. Козыбаева [17], в которой со ссылками на опубликованные и архивные источники представлена впечатляющая картина совместной деятельности эвакуированных и казахстанских ученых по оптимизации использования потенциала республики в интересах решения общенациональных задач; научные труды Н. Едыгенова и академика АН КазССР К.И. Сатпаева, диссертационное исследование А.К. Бисенбаева [18]. Среди современных исследований истории казахстанской науки в годы Великой Отечественной войны заслуживают самых превосходных оценок труды профессоров А.О. Абсеметова [19] и А.Т. Капаевой [20].

Как следует из публикаций уважаемых казахстанских коллег, в июне–июле был разработан, а 10 августа 1942 г. подписан председателем Совнаркома КазССР Н.Д. Ундасыновым и Президентом АН СССР В.Л. Комаровым масштабный план работ комиссии, предполагавший проведение изысканий в области черной и цветной металлургии, транспорта, энергетики, строительной, угольной и химической промышленности, водопользования. Составление итогового отчета о работе комиссии было поручено И.П. Бардину, К.И. Сатпаеву, Д.А. Кунаеву и др. По общему плану комиссии в республике работало в годы войны 6 бригад, в состав которых наряду с крупнейшими учеными страны входили около 100 казахстанских специалистов. По результатам исследований в Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Чимкентской и других областях 350 экспедиционных отрядов были подготовлены предложения, положенные в основу решений по народнохозяйственным вопросам.

Так, по результатам комплексных исследований, проведенных в Центральном Казахстане, были приняты решения по развитию добычи и переработки меди в Джезказгане, Карсакпае, Коунраде; по ин-

тенсификации производственных процессов на Балхашском медеплавильном заводе. Итогом многомесячных изысканий в Карагандинской обл. стал представленный обкому ВКП (б) в сентябре 1943 г. перспективный план развития Карагандинского угольного бассейна на 1944–1948 гг. Силами бригад комиссии во главе с И.П. Бардиным, Д.С. Белянкиным, Д.В. Наливкиным, В.А. Обручевым, Д.И. Чижиковым и другими в Восточном Казахстане и Чимкентской обл. были выявлены и предъявлены к разработке запасы свинца, цинка, марганца, молибдена, никеля, других полиметаллических руд. Были выработаны предложения по развитию производства полиметаллов и ферросплавов в Актюбинской обл., нефтепромыслов в Урало-Эмбенском р-не. Под руководством академика В.Н. Образцова были выявлены резервы повышения эффективности использования, в т. ч. в интересах оптимизации поставок на оборонные предприятия Урала, транспортных возможностей Турксиба и Карагандинской магистрали, и др.

Материалы казахстанских подразделений комиссии были многократно заслушаны Правительством СССР, ЦК КП (б) и Правительством Казахстана, бюро АН СССР по ресурсам, казахстанскими обкомами партии; получили самые превосходные оценки и позволили решить широкий круг научно-практических вопросов обеспечения обороны страны. За особые заслуги в выявлении и освоении природных богатств Казахстана академики А.А. Байков, И.П. Бардин, В.А. Обручев и А.А. Скочинский были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета, В.Л. Комарову было присвоено звание Почетного деятеля науки КазССР. Геолог К.И. Сатпаев был избран членом-корреспондентом АН СССР и удостоен двух орденов Ленина.

Заметим в этой связи, что исследования истории комиссии академика В.Л. Комарова имеют отличные перспективы, по крайней мере, в двух основных отношениях. Во-первых, дальнейшему научному поиску способствовало бы опубликование архивными сообществами дружественных государств максимально полных тематических сборников архивных документов, доступ к которым осложнен для исследователей, представляющих ныне суверенные государства, объективными обстоятельствами; полагаем, во-вторых, что наличие значительного объема региональных публикаций позволяет задуматься о подготовке объединенными усилиями историков и архивистов заинтересованных государств обобщающего труда по истории Комиссии Академии наук СССР, внесшей существенный и еще не вполне оцененный вклад в обеспечение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

По нашей оценке, многие сюжеты работы комиссии академика В.Л. Комарова нашли в источниках и литературе достаточное освещение. При этом остаются не до конца исследованными вопросы о составе комиссии и персональном вкладе конкретных, в т. ч. местных, ученых и специалистов в решение оборонно-хозяйственных задач; об организации финансирования работ подразделений комиссии и ее взаимодействия с иными исследовательскими структурами Академии наук и других ведомств; о степени реализации рекомендаций комиссии в хозяйственной практике Урало-Сибирского региона, Казахстана и республик Средней Азии в военный и, особенно, в послевоенный период. До настоящего времени не опубликовано большинство архивных материалов по истории работы комиссии.

1. О «белых пятнах» в истории работы комиссии нам уже приходилось писать ранее. / Каплюков В.В., Яркова Е.И. К вопросу о степени изученности истории работ Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2016. – С.358–363.
2. Резолюция воспроизведена по Сафронов А.А. Конфликт в Академии наук СССР: В.Л. Комаров – О.Ю. Шмидт – И.В. Сталин (1941–1942) // Страницы истории России и Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С.132.
3. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.159. Л.229. Текст телеграммы приведен в письме секретаря Свердловского обкома ВКП (б) И.С. Пустовалова заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрову и впервые опубликован А.А. Сафроновым. Также см.: [2, с.146]. Подлинник телеграммы в фондах ЦДООСО не выявлен.
4. О создании Комиссии распоряжением Президента АН СССР от 10 сентября 1941 г. и ее персональном составе см.: [2, с.132–133]. Подлинник распоряжения Президента АН СССР от 10 сентября 1941 г. в фондах ЦДООСО не выявлен.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.206. Л.229–238. В работе комиссии участвовало свыше 800 работников науки и техники, около 60 научных учреждений и организаций. Участие в работе Комиссии принимали академики А.А. Байков, В.А. Обручев, В.Н. Образцов, А.А. Скочинский, П.И. Степанов, С.Г. Струмилин, Л.Д. Шевяков. Основные распорядительные документы, определявшие персональный состав, направления работы и полномочия Комиссии, нами до настоящего времени не обнаружены. Скорее всего, они отложились в соответствующем фонде Архива РАН (Ф.666. 87 ед. хр. за 1941–1945 гг. Оп.1. Управленческая документация Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. 80 ед. хр. за 1941–1944 гг.; Оп.2. Управленческая документация Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. 7 ед. хр. за 1941–1945 гг.).
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.36. Д.92. Л.26–27.
7. Там же. Д.117. Л.1–226. Судя по всему, именно этот документ был доложен руководству страны как доклад «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны».
8. Там же. Оп.18. Д.14. Л.425–426.
9. Там же. Оп.31. Д.206. Л.57–57 об.
10. Там же. Оп.18. Д.15. Л.304–305.
11. Там же. Оп.31. Д.206. Л.213–217.
12. Предполагалось истратить на мероприятия первой очереди 239,75 млн. руб., второй очереди – 262,9 млн. руб., а всего – 502, 65 млн. руб. ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.159. Л.188. При этом, по оценке комиссии, работы были «запроектированы так, чтобы по возможности выиграть в сроках их осуществления и устранить по возможности крупные капиталовложения. Там же. Л.182.

13. ЦДООСО. Ф.4. Оп.18. Д.14. Л.661–663.
14. Вестник Академии наук СССР. – 1943. – № 1–2.
15. Там же. – № 6.
16. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1983.
17. Козыбаев М.К. Из истории деятельности Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. – Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (18) (Алма-Ата). – 1962. – С.62–70.
18. Едыгенов Н. Вклад учёных республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. Вып. 4. (Алма-Ата). – 1965. – С.64–73; Сатпаев К.И. Казахский филиал АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР. – 1945. – № 1/2. – С.87–93; Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1984.
19. [Электронный ресурс] Абсеметов М.О. Эвакуированные предприятия европейской части СССР в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16891> (дата обращения: 25.06.2020); Его же. Научные учреждения АН СССР и вузы в Казахстане в период эвакуации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16828> (дата обращения 16.05.2017); Его же. Научная деятельность эвакуированных ученых АН СССР в документах и материалах ученого совета государственного заповедника «Боровое» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17733> (дата обращения 25.06.2020); Его же. Деятельность республиканской комиссии военных изобретений при ЦК КП (б) Казахстана в годы второй мировой войны // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17733> (дата обращения: 16.05.2017); Он же. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Томск, 2017.
20. [Электронный ресурс] Капаева А.Т. Наука и культура Казахстана в годы Великой Отечественной войны. – Мир Большого Алтая. – 2015. № 1 (2). Текст научной статьи по специальности «История и археология». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-kultura-kazahstana-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>. (дата обращения: 24.08.2020).

Мырзақұлова Р.М.

Ұлы Отан соғысы жылдарында Қазақстанға эвакуациялау (ҚР Президенті Архиві құжаттарының негізінде)^{1*}

Қазақстан Республикасы Президенті Архиві Ұлы Отан соғысы кезеңіндегі құжаттардың едәуір қорын сақтайды, соның ішінде халықты эвакуациялау, орналастыру, жұмыспен қамтамасыз ету және өмір сүру жағдайлары жөніндегі материалдар кешені де бар. Архив қызметкерлері осы тақырыпта бірнеше құжаттар жинағын дайындап, басып шығарды, зерттеушілерге бұрын қол жетімді болмаған құжаттар ғылыми айналымға енгізілді, қазақстандық және шетелдік газеттер мен журналдарда мақалалар жарияланды.

Соғыс кезінде КСРО-да жүргізілген халықты жаппай эвакуациялау елдер мен халықтардың тарихында, ауқымы мен

^{1*} В статье освещаются документы из фондов Архива Президента Республики Казахстан периода Великой Отечественной войны, в т. ч. материалы по эвакуации, размещению, трудоустройству и условиях жизни эвакуированного населения.

мерзімі жағынан, оны жүргізу шарттары бойынша бұрын-соңды болмаған еді. Соғыс басталғаннан кейін фашистік Германия Еуропа аумағының едәуір бөлігін басып алып, БКП (б) ОК және КСРО ХКК «Адам контингенттері мен құнды мүліктерді шығару және орналастыру тәртібі туралы» қаулы қабылдады.

1941 ж. 20 шілдеде ҚазКСР Халық комиссарлар кеңесі мен Қазақстан КП (б) ОК «ҚазКСР-ға келетін эвакуацияланған халықты қабылдауды және орналастыруды ұйымдастыру туралы» арнайы қаулы қабылдады. Жергілікті жерлерде кеңестердің атқару комитеттері жанынан тиісті бөлімдер құрылды. Қазақ КСР аумағында 323 адамнан тұратын аппараты бар 12 эвакуациялық пункт құрылды [1].

Қазақстанға көшірілген ғалымдар туралы архив құжаттары зерттеушілердің ерекше қызығушылығын тудырады. Терең тыл жағдайында жұмыс істейтін академиктерге қолайлы жағдай жасау мақсатында республикалық деңгейде тиісті қаулылар мен өкімдер қабылданды. 1941 ж. 2 тамызында Қазақстан КП (б) ОК бюросы «Академиктерді, олардың отбасы мүшелерін және ҚазКСР-ға эвакуацияланған КСРО Ғылым академиясының ғылыми қызметкерлерінің балаларын орналастыру және жабдықтау туралы» құпиялық белгісімен Қаулы қабылдады, оған сәйкес «Бурабай» шипажайында сегіз жүзге дейін академиктерді, КСРО Ғылым академиясының ғылыми қызметкерлерін және олардың отбасы мүшелерін орналастыру жоспарланған болатын. Орналастыруды қарқынды жүргізу үшін жергілікті мемлекеттік органдардың өкілдері арасында міндеттерді бөлу қатаң реттелді. Атап айтқанда, ҚазКСР Денсаулық сақтау халық комиссариаты С.А. Чесноковты, «Бурабай» курортының директоры З.Е. Орлованы, Қазақстан КП (б) Ақмола обкомының басшысы А.Т. Купаевты және Қазақстан КП (б) Щучинск аудандық комитетінің хатшысы Мартыновты ғалымдарды және отбасы мүшелерін «Бурабайға» орналастыру үшін ең жақсы жағдайларды жеке жауапкершілікте қамтамасыз етуге міндеттеді. Бұл ретте, Қазақстан КП (б) Ақмола облыстық комитетінің хатшысы А.Т. Купаевқа эвакуацияланғандарға көмек көрсету мақсатында «Бурабайға» жүйелі түрде жеке өзі бару міндеті жүктелді. Осы кезеңде ҚазКСР ХКК төрағасының орынбасары П.Г. Ореховтың ұсынысы жүзеге асырылды, оған сәйкес эвакуацияланған ғылыми қызметкерлердің барлық балалары «Бурабайдағы» балалар шипажайларына қызмет көрсетуге қабылданды. ҚазКСР Халық комиссариатына курортты азық-түлік және өнеркәсіп тауарларымен үздіксіз қамтамасыз ету тапсырылды. Бұл ретте, эвакуацияланған

санаторийлерді жабдықтау жағдайы үшін ҚазКСР Сауда халық комиссары В.А. Белыйға жеке жауапкершілік жүктелді. Қазақстан КП (б) ОК хатшысы Ж. Шаяхметов, П.Г. Орехов және В.А. Белый академиктер үшін тиісті нормаларды арттыра отырып, контингент үшін кеңейтілген ассортимент пен жабдықтау нормаларын жасау туралы өкім алды. ҚазКСР Халық ағарту комиссариатының басшысы Т.Т. Тәжібаевқа бірінші қыркүйектен бастап «Бурабайда» КСРО Ғылым Академиясының эвакуацияланған ғылыми қызметкерлерінің барлық балаларын оқыту үшін арнайы мектеп құру тапсырылды [2, 3].

1941–1943 жж. республикада бірқатар эвакуацияланған ғылыми мекемелер жұмыс істеді. Біріншіден, бұл КСРО Ғылым академиясының бірнеше институттары – тарих институты, философия институты, физика және астрономия институты, экономика институты, география институты, физиология институты болды. Архив қорларында қаулылар [4, 4–5 п.], эвакуацияланған ғылыми, оқу орындарының, ғылым академиясының институттарының тізімі [4, 6–8 п.], жұмыс жағдайлары, қызметкерлердің орналасуы, академиктердің қолтаңбалары сақталған [5].

Сонымен қатар, Қазақстан көптеген эвакуацияланған жазушыларға, суретшілерге, ғалымдарға, академиктерге, режиссерлерге пана болды, елде көптеген жазушылар отбасыларымен орналастырылды. Олардың қатарында Алексей Толстой, Константин Паустовский, Михаил Зощенко, Константин Симонов, Самуил Маршак, Сергей Михалковтар болды. Мысалы, Қазақстанда А. Толстой «Иван Грозный» трилогиясы бойынша жұмыс істесе, Михаил Зощенко «Перед восходом солнца» повесін жазды [6, 7].

Соғыс кезінде Алматы кинематография астанасына айналды. 1941 ж. Алматы киностудиясы эвакуацияланған «Мосфильммен» және «Ленфильммен» бірігіп, Мәскеулік атақты Григорий Рошаль, Михаил Ромм, Сергей Эйзенштейннің басшылығымен елдің бес фильмінің төртеуі түсірілген ЦОКС – Көркем фильмдердің орталық біріккен киностудиясына айналды. Көп жағдайда армия тілшілері майданнан материалдарды алып келіп, оған сәйкес фильмдердің сценарийлері жазылып отырды [8, 2 п.; 9].

Майдан шебіндегі аудандардан алдымен балалар толы эшелондар жіберілді. ҚР Президентінің Архивінде 7827 бала контингенті бар 60 балалар үйінің Қазақстанға келуі туралы құжаттар сақталған. Эвакуацияланған балалардың көпшілігі қолданыстағы балалар үйлерін тығыздау тәртібімен, сондай-ақ жаңадан ашылған балалар үйлеріне орналастырылды [8, 51 п.].

Халықты майдан шебінен эвакуациялаумен қатар материалдық құндылықтарды тасымалдау бойынша үлкен жұмыстар жүргізілді. Қазақстан ондаған көшірілген кәсіпорындарды орналастыру туралы шешім қабылданған басты аудандардың бірі болды. Соғысқа дейінгі бесжылдықтарда құрылған республикада көп салалы өнеркәсіптің, темір жолдардың тармақталған желісінің, жеткілікті қуатты отын-энергетикалық және шикізат базасының, өндірістік және тұрғын үй-жайлардың едәуір қорының болуы, Қазақстанның майдан шебінен шалғай орналасуы – эвакуацияланған кәсіпорындарға ұзақ дайындықсыз майдан үшін өнім өндіруді жаңа орынға өрістетуге мүмкіндік берді [10, 21–23, 24 п.].

КСРО жеңіл өнеркәсібі халық комиссариатының, КСРО Қатынас жолдары халық комиссариатының, КСРО Жергілікті өнеркәсіп халық комиссариатының, КСРО Тамақ өнеркәсібі халық комиссариатының, КСРО Тоқыма өнеркәсібі халық комиссариатының, КСРО Түсті металлургия халық комиссариатының және Украин КСР-нен, Беларусь КСР-нен, Ленинградтан және Мәскеуден басқа 130-дан астам кәсіпорындар көшірілді.

Кәсіпорындарды тасымалдау ғана емес, қалпына келтіру және іске қосу қажет болды. Көптеген эвакуацияланған кәсіпорындар бағыттас кәсіпорындармен біріктірілді. Кейбір өндірістік алаңдар қайта салынды. Ұтқырлықпен ерекшеленетін арнайы құрылыс-монтаждау бөліктері құрылды. Кәсіпорындардың көпшілігі Қазақстанға келгеннен кейін 1,5–2 айдан соң іске қосылды. Алматы, Орал, Петропавл, Шымкент, Семей, Қарағанды, Ақтөбе қалалары көшірілген зауыттар мен фабрикаларды орналастырудың негізгі аудандары болды. Осылайша, кәсіпорындар мен жұмысшылар белгілі бір халықтың қажеттіліктерін қамтамасыз етуге арналған инфрақұрылым жұмыс істейтін елді мекендерде орналасқан. Кәсіпорындардың қайта орналасуына және жұмыс істеп тұрғандарының бір бөлігінің кеңеюіне байланысты Қазақстанның өнеркәсібі соғыс жылдарында дамуға қуатты серпін алды, өндірістің жаңа салалары пайда болды, өнеркәсіптің орналасуында елеулі өзгерістер болды, жаңа жүк ағындары қалыптасты. Экономикалық байланыстар басқаша қалыптаса бастады, шикізаттың жаңа түрлері, жаңа жартылай фабрикаттар үнемі өсіп келе жатқан мөлшерде қажет болды.

Соғыс жылдарында әскер мен халықты азық-түлікпен қамтамасыз етуде Қазақстанның ауыл шаруашылығы үлкен рөл атқарды. Бұл 1941–1942 жж. Республика оккупацияланған аудандардан эвакуацияланған 1,2 млн мал басын орналастырды, 1943 ж. бастап малды босатылған аудандарға қайтара бастады [11].

Соғыстың алғашқы күндерінен бастап Қазақстанға санитарлық пойыздар келіп, эвакуациялық ауруханалар орналастырыла бастады. Қазақстанның қалалары мен ауылдары арқылы барлығы 155 эвакогоспиталь өтті. Бұл ретте оларға бөлінген елді мекендерге келгендердің 27% өрістетілмеген және басқа республикаларға көшірілген еді. Республикада жұмыс істейтін госпитальдардың ең көп саны 1942 ж. наурызға келеді. Олардың саны сол кезде 78-ге жетті, бірақ орналастыру мен сыйымдылық туралы бізде тек 56-сы ғана бар, олардың жалпы эвакогоспитальдар санынан 23 675 төсегі болды, ең болмағанда Қазақстанда уақытша орналасқандар, 44,5% жергілікті және 55,5% эвакуациялау тәртібімен келгендер. Соғыс кезіндегі сынық, сондай-ақ эвакуациялық ауруханалардың көпшілігінің майданға жақын орналасуы елдің шығысындағы ауруханалардың біртіндеп қысқаруына әкелді. 1943 ж. басында республикада 30 250 төсектік 30 госпиталь, 1944 ж. – 10 000 төсектік 19 госпиталь, 1945 ж. – 2400 төсектік 4 госпиталь болды. Госпитальдарда барлығы 184 309 жараланған және науқас отан қорғаушы емделді, емделуге түскендердің 60%-дан 70%-ға дейін қатарға қайтарылды [12, 37–38, 52–53 п.].

Архив құжаттары эвакуацияланған объектілердің жұмыс істеуін және дамуын жедел қамтамасыз еткен барлық мемлекеттік басқару органдарының күнделікті орасан зор жұмысын куәландырады. Осылайша, Ұлы Отан соғысындағы эвакуация тақырыбы өте кең және қосымша зерттеулерді қажет етеді. Осы мәселе бойынша архив материалдарын пайдалану бұл үрдісті толығымен бақылауға мүмкіндік береді.

1. ҚР ПА. 708-қ. 1/1-т. 2-іс. 340–342-п.
2. Сонда. 1/1-т. 3-іс. 1, 2-п.
3. Сонда. 5/1-т. 562-іс. 60-п.
4. Сонда. 6/2-т. 183-іс.
5. Сонда. 5/1-т. 119-іс. 250-п.
6. Сонда. 6-т. 552-іс. 35-п және а.б.
7. Сонда. 6/1-т. 442-іс. 16–17, 22-п. және а.б.
8. Сонда. 5/1-т. 561-іс. 2-п.
9. Сонда. 6/1-т. 554-іс. 19-п.
10. Сонда. 6/1-т. 619-іс.
11. Сонда. 1/1-т. 5-іс. 396, 397-п. және а.б.
12. Сонда. 9-т. 1479-іс.

Гончарова О.С.

Эвакуация промышленных предприятий г. Харькова (июнь–октябрь 1941 г.)

Эвакуация советских граждан и материальных ресурсов во время Второй мировой войны представляет собой уникальное явление в истории. Нападение Германии и ее союзников на СССР поставило совет-

ских лидеров перед необходимостью решения комплекса чрезвычайно сложных проблем. Одним из важнейших вопросов являлся перевод экономики страны на военные рельсы, а также перебазирование производственных мощностей из районов, которым угрожал агрессор, в отдаленные регионы Советского Союза. В связи с этим большую важность приобрело быстрое перебазирование в тыловые районы промышленных предприятий г. Харькова. И это не удивительно, т. к. здесь в 1940 г. работало более 1200 предприятий. Выпускаемая продукция большинства из них имела важное значение для перестройки и укрепления военно-экономической мощи Советского Союза.

Еще в начале войны, 24 июня 1941 г., СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли решение «О создании совета по эвакуации» и его местных подразделений. В Украине работы по эвакуации координировала специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК УССР Д. Жилой [3, с.65]. Она руководствовалась в своих действиях постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июля 1941 г., которое обязывало соответствующие наркоматы организовать эвакуацию людей, оборудования предприятий, учреждений, научных и образовательных заведений в отдаленные от военных действий районы страны. Директивы Государственного Комитета Обороны СССР (далее – ГКО СССР) от 7 и 8 августа 1941 г. указывали на то, что в первую очередь подлежат эвакуации технологическое и энергетическое оборудование, запасные части к нему, готовая продукция, материалы, сырье, рабочие и специалисты оборонной, машиностроительной, металлургической, химической и энергетической промышленности.

В июне–июле 1941 г. в г. Харькове работы по эвакуации не проводились, а если и предпринимались какие-то меры, то они проходили втайне, чтобы не вызвать упаднических и панических настроений среди населения. Основные усилия в этот период были направлены на перестройку работы промышленных предприятий города с учетом военных потребностей. Нарастивает выпуск продукции завод № 183. К началу эвакуации предприятие выпустило 600 танков, которые были незамедлительно отправлены на фронт. [8, с.93]. Коллектив завода № 75, который изготавливал дизельные двигатели не только для местного танкостроения, но и для предприятий аналогичного профиля по всему СССР, выполнил производственный план на 250–300% [3, с.63]. На авиационном заводе перешли к серийному выпуску разведывательного самолета Су-2. Модернизированный самолет использовался в те годы как бомбардировщик ближнего действия. Ежедневно

с завода на фронт направлялось 5–6 таких самолетов [2, с.14]. Харьковский тракторный завод осенью 1941 г. освоил производство легкого танка Т-60, оснащенного 20-мм пушкой. В цехах завода продолжался выпуск гусеничных тракторов, которые необходимы были для перемещения артиллерии и боеприпасов. Так же тракторостроители совместно с другими предприятиями города, наладили выпуск автоматов ППШ. Ежедневно на фронт их отправлялось по 500 единиц. Промышленные предприятия «Серп и молот», «Красный Октябрь», турбогенераторный освоили производство минометов разного калибра, а завод им. Шевченко, совместно с коллективами заводов «Свет шахтера», станкостроительного, электромеханического и тракторного начали сборку реактивных минометов – «Катюш». До эвакуации было изготовлено 25 единиц этого вида вооружения [4, с.318]. В механических цехах практически всех больших предприятий Харькова было организовано производство разнокалиберных снарядов, мин, авиационных бомб. Так, на электромеханическом заводе за июль–октябрь 1941 г. было изготовлено 135 тыс. снарядов и 35 тыс. глубинных бомб для Военно-морского флота. Харьковские заводы, а именно: турбогенераторный, тракторный, «Серп и молот», «Механолит» и другие производили для фронта ежедневно около 257 тыс. снарядов, мин, авиационных бомб [4, с.318]. Коллектив паровозовагоноремонтного завода соорудил один и реконструировал шесть бронепоездов, установив на них современные артиллерийские и пулеметные системы [7, с.64]. На предприятиях железнодорожного узла формировались военно-санитарные поезда, оборудованные местами для перевозки тяжело и легко раненых больных, изоляторами и кухнями.

Предприятия легкой и перерабатывающей промышленности тоже перестроили свою работу с учетом нужд фронта. На ликеро-водочном заводе был налажен выпуск бутылок с зажигательной смесью для борьбы с вражескими танками. Ежедневно на фронт отправлялось до 20 тыс. таких бутылок. На швейных фабриках и в кооперативных мастерских перешли на выпуск одежды и обуви для фронтовиков. Предприятия пищевой промышленности поставляли воинским частям и госпиталям консервированные продукты, хлеб, крупы, жиры, сахар и т. п.

С выходом немецкой армии к Днепру, отступлением советских войск, увеличением частоты авианалетов на город остро стал вопрос об эвакуации из Харькова важнейших в оборонном отношении предприятий и работающих на них специалистов вглубь страны. 4 августа 1941 г. при исполкоме Харьковского областного Совета депутатов трудящихся был создан отдел по эвакуации населения, а через не-

сколько дней аналогичную структуру организовали и при исполнении городского Совета. Вывоз материальных ценностей, запасов сырья и оборудования предприятий поручался представителям соответствующих наркоматов, администраций заводов и работникам обкомов партии и комсомола, областного, городских и районных исполкомов. Первым запланировали эвакуацию завода № 75 (филиал машиностроительного завода № 183), на котором изготавливались танковые дизельные двигатели V-2. Он должен был стать базовым предприятием в Челябинске, где уже разворачивалась сборка танков. Так же в соответствии с планом из ХТЗ было демонтировано и вывезено в Сталинград оборудование нескольких цехов (3745 единиц техники из 3851 и 4,7 тыс. квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников). Часть станков, холодно-прессовые установки, механизмы конвейерных линий и около 320 специалистов были отправлены на Алтай. Эвакуация завода была завершена 20 октября и уже в ноябре 1941 г. коллектив начал строительство нового завода по производству газогенераторных тракторов СХТЗ-НАТИ в Рубцовске [12, с.57–58].

В конце августа для многих жителей города и военному командованию стала очевидной смертельная угроза переноса военных действий на Харьковщину. По решению ГКО СССР 16 сентября началась уже поспешная и массовая эвакуация.

Организовано провели демонтаж и погрузку оборудования рабочие Харьковского турбогенераторного завода – гиганта советского турбостроения. До войны предприятие было единственным производителем турбин мощностью 50 тыс. квт для электростанций всего Советского Союза и турбин для кораблей Военно-морского флота. Чтобы спасти уникальное оборудование, в частности целый ряд имеющихся станков, изготовленных иностранными фирмами в единственном экземпляре, рабочие и инженерно-технический персонал трудились круглосуточно, не прекращая работу и в ночное время. В короткие сроки в Свердловск, где началось строительство нового предприятия по производству турбин, было отправлено 568 единиц оборудования из 610, 1100 рабочих и специалистов. Цех турбонасосов, 180 рабочих и специалистов вывезли в Марксштадт Узбекской ССР, где они разместились на базе существующего машиностроительного завода и приступили к изготовлению 120-мм минометов [12, с.86, 88, 92]. На Челябинский тракторный завод было перебазировано 2500 станков, 1778 рабочих и 1223 ИТР с Харьковского дизельного завода, где харьковчане уже вначале 1942 г. смогли наладить выпуск двигателей, насосов и форсунок для тяжелых танков КВ. Сюда же

были направлены оборудование и кадры Харьковского завода шлифовальных станков.

Харьковский станкостроительный завод был размещен на базе небольшого уральского предприятия, которое в документах той поры обозначалось под № 100 [12, с.57]. На базе Харьковского авторемонтного завода им. Ленина, эвакуированного в тыл, в короткие сроки был построен Беломорский завод, выпускавший транспортеры и другое оборудование [11, с.275–276]. Оборудование и кадры электромеханического завода (ХЭМЗ) эвакуировали в Кемерово, где в сжатые сроки был построен завод «Кузбасэлектромотор», изготовлявший двигатели и электроаппаратуру для угольной, химической и других отраслей промышленности. Два цеха ХЭМЗа были размещены в Прокопьевске Кемеровской обл., где вместе с рабочими Воронежского завода «Мотор» в декабре 1941 г. запустили в эксплуатацию завод «Электромашина». На Уральский завод электроаппаратов в Нижней Туре Свердловской обл. было отправлено оборудование и кадры цеха больших электромашин этого харьковского предприятия [5, с.74].

Месяц осуществлялась эвакуация машиностроительного завода № 183. На производственные площади вагоностроительного предприятия в Нижнем Тагиле вывезли 2250 вагонов оборудования, запасных частей, материалов, а также 3950 рабочих и специалистов [10, с.397]. Оборудование, рабочие и инженерные кадры нескольких харьковских предприятий отправили на машиностроительные предприятия Урала. Например, цех серебрянки завода «Серп и молот» был размещен на производственной базе Златоустовского металлургического завода, где проводилась выплавка сложных марок легированной стали для изготовления боеприпасов, оружия и авиатехники. Завод им. Фрунзе, производивший до войны сельскохозяйственную технику, перебазировали на машиностроительные предприятия Урала и в Киргизскую ССР, где строился новый машиностроительный завод. Предприятие «Поршень» было перемещено в Омск на строящийся Сибирский машиностроительный завод, который должен был производить вооружение, боеприпасы и тракторные двигатели [12, с.58]. Харьковский авиационный завод был эвакуирован в Пермь, где стал составной частью Пермского моторостроительного завода [2, с.15]. 360 единиц оборудования и рабочие Харьковского паровозоремонтного завода были размещены на базе Красноярского паровозовагоноремонтного завода [5, с.75].

Восемь больших швейных и трикотажных фабрик Харькова и области эвакуировали в тыл практически полностью оборудование, ма-

териалы, сырье, рабочие кадры и специалистов. Их разместили во Фрунзе, Кустанае, Давлеканове, Семипалатинске, Челябинске, Павлодаре и других городах [12, с.64].

К демонтажу заводского оборудования и техники привлекали весь состав предприятий. Для помощи им направлялись бойцы народного ополчения, студенты, служащие. Все погрузочные работы в железнодорожные вагоны и на платформы из-за отсутствия техники осуществляли вручную. Для сохранности грузов назначались рабочие и служащие, которые с семьями ехали этим же составом в пассажирских вагонах или специально оборудованных «теплушках». Нередко указания о перемещении предприятий поступали с опозданием, в результате чего демонтаж, погрузка и транспортировка оборудования происходили под авиационными налетами и артиллерийскими обстрелами. Наиболее массовый налет вражеской авиации состоялся в ночь на 18 октября, когда на станции Основа скопилось около 3 тыс. вагонов с оборудованием местных предприятий, подготовленным для эвакуации, и военными грузами. В результате обстрела на путях загорелись цистерны с топливом. Невзирая на море огня, взрывы фугасных бомб красноармейцы, железнодорожники и рабочие с эшелонов смогли спасти значительную часть имущества.

С началом эвакуации оборудования предприятий производство не прекращалось и в основном сосредотачивалось на ремонте военной техники, обеспечении подразделений, воюющих на Харьковском направлении, боеприпасами. С приближением фронта наладил ремонт танков Харьковский завод № 183. 10 ремонтных бригад было сформировано местными самолетостроителями. Благодаря их работе в полевых условиях удалось восстановить 210 самолетов [9, с.128]. На паровозоремонтном заводе коллектив значительно сократил время ремонта локомотивов [4, с.318].

Отсутствие необходимого количества железнодорожных вагонов не позволило вывезти на восток оборудование всех предприятий, особенно мелких. Их сотрудники смогли снять и эвакуировать только наиболее ценное, уникальное оборудование. Всего на восток страны из Харькова было эвакуировано 70 больших предприятий союзного и республиканского подчинения. Отправлено было 23,2 тыс. вагонов с промышленным оборудованием, 718 вагонов готовой продукции, 390 вагонов цветных металлов и 1100 вагонов различных материалов [4, с.321]. До 22 октября 1941 г. из Харьковского железнодорожного узла был перемещен на восток весь подвижной состав. Железнодорожники вывезли стрелочные переводы, рельсы, детали креплений и

другое оборудование. В заводских эшелонах на запад выехало 17,8 тыс. рабочих, 5,4 тыс. инженерно-технических работников и 1,3 тыс. служащих [9, с. 279]. По подсчетам историка А. Скоробогатова общее число покинувших наш город в сентябре–октябре 1941 г. составило 400 тыс. человек [6, с.19].

Все оборудование предприятий, запасы сырья, материальные ценности, которые не удалось вывезти, подлежали уничтожению. С 5 октября 1941 г. саперные подразделения 38-й армии начали осуществлять минирование предприятий города [1, с.59]. 19 октября, когда бои шли на окраинах Харькова, вступил в действие указ об уничтожении всего заводского оборудования, которое не удалось эвакуировать, запасов сырья, железнодорожного транспорта [4, с.325]. В городе начали звучать мощные взрывы, запылали здания больших промышленных предприятий. 24 октября 1941 г. Харьков был оккупирован фашистскими войсками.

Таким образом, стремительное приближение врага к Харьковской обл. заставило советское правительство и местные власти начать эвакуацию оборудования промышленных предприятий и их кадрового состава. Но скоротечное изменение ситуации на фронте препятствовало нормальному планированию эвакуационных мероприятий и их своевременной реализации. Места эвакуации были заранее определены, но иногда по ходу движения они корректировались по мере продвижения эшелонов по железной дороге. География размещения эвакуированных харьковских предприятий охватывает города Казахстана, Западной и Южной Сибири, Алтайского края, Урала, Средней Азии, Закавказья. Важным последствием эвакуации материально-технической базы, рабочих и инженерно-технических работников Харькова, являвшегося одним из крупнейших промышленных центров Советского Союза, стало то, что эти ресурсы удалось сохранить, и они стали значительной базой для развития экономического потенциала СССР в условиях войны. Харьковский рабочий и инженерно-технические работники внесли существенный вклад в создание в тылу мощного военно-промышленного комплекса и обеспечения победы над немецкими захватчиками.

1. Артеменко И.Т. От первого до последнего дня: Записки фронтовика. – Харьков: Прапор, 1979. –184 с.
2. Волков В.Д., Нестеров А.Ф., Розанов С.Ф. Харьковскому авиационному – 60 лет. – М.: Машиностроение, 1986. – 192 с.
3. Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн. Т. 7: Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941–1945) / АН УРСР. Ін-т історії; Голов. редкол.: Ю. Ю. Кондуфор (голов. ред.) та ін.; Редкол. тому: В. І. Клоков (відп. ред.) та ін. – Київ: Наукова думка, 1977. – 536 с.

4. Історія Харкова ХХ століття / О. Н. Ярмиш, С. І. Посохов, А. І. Епштейн та ін. – Харків: Фоліо, Золоті сторінки, 2004. – 686 с.
5. Саженюк С.Н. Трудовий подвиг робітників України у Великій Вітчизняній війні. – Київ: Вища школа, 1985. – 112 с.
6. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). – Харків: Прапор, 2006. – 376 с.
7. Скрыльник А.И. А.А. Епишев: Генерал армии. – М.: Воениздат, 1989. – 319 с.
8. Т-34: Путь к победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. – Киев: Политиздат Украины, 1989. – 288 с.
9. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: в 3-х т. Т.1: Советская Украина в период отражения вероломного нападения фашистской Германии на СССР и подготовки условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / Редкол.: И. Д. Назаренко (пред.). – К.: Политиздат Украины, 1975. – Т.1. – 544 с.
10. ХПЗ – Завод имени Малышева. 1895–1995. Краткая история развития / А.В. Быстриченко, Е.И. Добровольский, А.П. Дроботенко и др. – Харьков: Прапор, 1995. – 792 с.
11. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М.: Мысль, 1965. – 388 с.
12. Чернега П.М. Вклад робітників України у зміцнення військово-економічної могутності СРСР в роки Другої світової війни (1939–1945). – Київ: Б.в., 2004. – 428 с.

Чиликова Е.В.

К вопросу деятельности заводов и предприятий оборонной промышленности и адаптации рабочих и ИТР, эвакуированных в Казахстан

Исторические события оставляют для потомков бесценный опыт, извлечь который и разумно использовать невозможно без погружения в реалии прошедших дней. Вот уже 75 лет Великая Отечественная война является объектом внимания бесчисленного количества исследователей. Каждое новое поколение в тех героических днях находит все новые аспекты и детали достойные изучения. После введения в научный оборот ранее засекреченных документов из Архива Президента Республики Казахстан, государственных региональных архивов историков вновь привлекла проблема формирования и развития той части военно-промышленного комплекса СССР, которая в силу потребностей времени оказалась на территории республики [1].

Последние два месяца 1941 г. при ориентации промышленности на обеспечение нужд армии средствами вооруженной борьбы с врагом были самыми тяжелыми в истории военной экономики СССР. Большая часть эвакуированных предприятий перестала выпускать продукцию вследствие долгого нахождения в пути в тыловые районы, а приехавшие на места не были восстановлены. 16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) утвердили военно-хозяйственный план. Перед всеми руководящими органами была поставлена задача развернуть в максимально сжатые сроки в восточных районах страны основную военно-промышленную базу: организовать массовое про-

изводство танков, танковой брони, самолетов, авиамоторов, всех видов артиллерии, минометов и боеприпасов.

Одним из таких районов являлся Казахстан. Большая территория и богатые природные ресурсы определили его как наиболее значимый регион среди тыловых республик. Ученый М. Козыбаев ещё в 1970-х гг. отметил, что высокий темп восстановительного процесса сложился благодаря размещению эвакуированных предприятий поблизости от источников сырья, в районах, где имелись людские и материальные ресурсы, родственные по профилю предприятия; не упускались из виду и перспективы дальнейшего развития экономики Казахстана. Завод нефтяного оборудования им. Петровского был перебазирован в г. Гурьев,^{1*} завод горношахтного оборудования им. Пархоменко – в Караганду. Актюбинский ферросплавный завод, строительство которого началось еще до войны, получил оборудование Запорожского ферросплавного завода. В строящийся свинцово-цинковый завод в Усть-Каменогорске было перебазировано оборудование завода цветных металлов из Орджоникидзе [2].

В Казахстан из прифронтовой полосы с июля 1941 г. по 1 марта 1942 г. прибыло 19 предприятий оборонной промышленности, на базе существующего производства было дополнительно создано 3 спеццеха^{2*}. Работы производились в зимних условиях, при отсутствии транспорта, подъездных дорог. Прибывающие предприятия размещались, как правило, в 5–7 км от железной дороги. Оборудование устанавливалось на выделенных площадках, под временными навесами и просто на открытых площадках будущих цехов. Большинство предприятий вводились в строй через 1,5–3 месяца [3].

Размещением, пуском в эксплуатацию и обслуживанием всех номерных заводов и предприятий, прибывших в порядке эвакуации, а также заводов и предприятий, выполняющих специальные военные заказы, занимался отдел оборонной промышленности ЦК КП (б) Казахстана, созданный в феврале 1942 г. [4]. Среди отчетно-контрольных документов отдела сохранилась таблица с перечислением прибывших и вводимых в строй эвакуированных предприятий. Автор в тексте при характеристике объектов следует порядку, предложенному составителями упомянутой таблицы.

^{1*} Ныне г. Атырау. По сведениям в 2010 г. завод был действующим. Главному конструктору Лернеру Израилу Марковичу на момент выхода книги исполнилось 92 года. См. Ткач П.П. Работа эвакуационного пункта г. Гурьева в годы Великой Отечественной войны / История. Память. Люди: Материалы V международной конференции. 28 октября 2010 г. – Алматы, 2011 – С.81.

^{2*} «Вступили в строй [в 1942 г.] размещенные при эвакуации и построенные на месте более двух десятков заводов, крупных цехов, производящих вооружение и боеприпасы / Казахстан – могучий арсенал отечественной войны // Правда (Москва) – 9 февраля 1943 г.

В Петропавловске были размещены заводы № 233 и 641 Наркомата электропромышленности, 239 и 347 Наркомата судостроительной промышленности.^{1*} Пуск завода № 233 планировался на март 1942 г. Основная продукция – звукоуловители. Завод № 641^{2*} специализировался на выпуске войсковых радиостанций типа РБ и РБК. Недостаточность, неприспособленность и территориальная разбросанность производственных и складских помещений создавали ряд неудобств. Заводу выделили 12 небольших деревянных и каменных строений бывшей конюшни, сараев и пр., площадь которых в совокупности была меньше прежней почти в 4,5 раза. В октябре 1941 г. приступил к производству военной продукции завод № 239, созданный на базе оборудования московского завода и заводов № 182, 375, 215. Основная продукция – глубинные, зажигательные бомбы. С 15 сентября 1942 г. завод уже вводил оборудование в эксплуатацию. При потребности в фактической электроэнергии равной 1100 кВт, заводу выделялось 500 кВт. В апреле 1942 г. заработал завод № 347 – ЗИМ,^{3*} созданный на базе производственного оборудования Таганрогского завода им. Молотова и завода из Махачкалы Наркомата судостроительной промышленности, эвакуированных в Петропавловск в октябрь–ноябре 1941 г. ЗИМ специализировался на выпуске мин ГБ, АГБ. Несмотря на то, что на момент подготовки докладной записки из 287 прибывших станков было установлено только 15, завод освоил продукцию, необходимую для фронта за 15 дней.

Кроме предприятий из списка, подготовленного отделом Оборонной промышленности ЦК КП (б) Казахстана, в Петропавловске был размещен эвакуированный из Москвы Артиллерийский Арсенал № 4 Наркомата обороны СССР. Он осуществлял ремонт артиллерии и стрелкового вооружения. Вместе с заводом прибыло 330 человек. Завод выпускал единственные в СССР компасы и буссоли, стрелковое вооружение, материальную часть артиллерии. Арсеналом производились и ремонтировались 76 мм зенитные пушки образца 1931 г., пулеметы «Максим», винтовки образца 1891 г. и 1891/1930 гг., пулеметы Дягтерева, наганы; винтовочные протирки, ствольные накладки,

^{1*} Завод № 641 был эвакуирован в Петропавловск в ноябре 1941 г. Вместе с заводом приехали зам. гл. технолога С.И. Циркович, гл. диспетчер Ф.С. Вайнштейн. На заводе № 239 с ноября 1941 г. начальником производства работал Б.С. Либерман, с 1942 г. его зам. – В.Д. Зильберг, главным технологом М.З. Бейлин. На заводе № 347 также работало немало евреев: гл. механик П.Г. Гальперин, в отделе технического снабжения В.Л. Кауфман. / Гринберг И. Исторический очерк. / Эвакуация в Казахстан. Из истории эвакуации населения западных районов СССР в Казахстан. 1941–1942. – Алматы, 2008. – С.21.

^{2*} В послевоенные годы получил известность как завод им. Кирова, выпускавший бытовую радиотехнику.

^{3*} Завод исполнительных механизмов.

компасы Андрианова, упрощенные буссоли, ЗИП^{1*} к артиллерийским системам, стрелковому оружию, спецкупорки; чехлы для 76 мм зенитной пушки, пулемета «Максим» [5].

Кроме сложностей производственных процессов при ускоренном вводе предприятий оборонной промышленности в эксплуатацию в суровых зимних условиях Северного Казахстана, архивные документы свидетельствуют и о бытовых проблемах эвакуантов. Так 21 августа 1942 г., секретарь Северо-Казахстанского обкома партии Забабурин обращаясь к секретарю ЦК КП (б) Казахстана Койшигулову писал: «В связи с наступлением холодов и приближением зимы, становится исключительно тяжелым вопрос с обеспечением одеждой и обувью рабочих оборонных заводов, эвакуированных в г. Петропавловск. Уже сейчас большое количество рабочих и инженерно-технических работников (далее – ИТР), прибывших с заводами и прикомандированных из ФЗО,^{2*} буквально раздеты и разуты». Далее излагалась просьба «разрешить использовать для пошива обуви некондиционное сырье – кожи, и выделить материалы для пошива верхнего платья и белья на месте». Отложились документы в которых упоминается о том, как проживали эвакуированные: в антисанитарных условиях, спали на полу, без воды и тепла, без необходимой еды и медицинской помощи [6].

Непростой была и эпидемиологическая ситуация в республике, в связи с большим притоком населения, пытавшегося обустроиться в городах. Зачастую бытовое обустройство эвакуантов находилось в весьма плачевном состоянии. В докладной записке бригады ЦК КП (б) Казахстана отмечалось, что по сведениям на январь 1942 г. в большинстве городов республики «сеть канализации была ограничена. [...] Очистка нечистот происходила исключительно путем вывоза их ассенизационным обозом. Многие дома индивидуального пользования и даже общежития не имели уборных». Так например, из-за отсутствия оборудованного туалета жильцы общежития завода № 239, расположенного по ул. Кирова, 75 а, сначала загрязнили двор, затем использовали под уборную свободную комнату в самом общежитии. Зловоние располагалось по всему жилому помещению. Похожая ситуация сложилась и с общежитием по ул. Бостандыкской, выделенным для рабочих завода № 347.

Трудности испытывали не только эвакуированные, но и местные жители. Помимо увеличившейся нагрузки из-за прибывающего населения, не по назначению использовался конный парк. Так, в декабре

^{1*} Запасные части, инструмент и принадлежности.

^{2*} Из школ фабрично-заводского обучения.

1941 г. из 80 лошадей асобоза Петропавловска на уборке нечистот работали только 28, т. к. лошади заменяли автомашины, мобилизованные в действующую армию.

Ненамного лучше складывалось санитарное состояние столицы. В 1941 г. Трест очистки города план вывоза мусора выполнил лишь на 4,2%, нечистот – на 14,9%. Тяжелое положение в г. Алма-Ате было с водоснабжением. Получили распространение желудочно-кишечные заболевания, составлявшие по своему удельному весу более 50% этих видов заболеваний по всей республике. Одной из причин являлось загрязнение питьевой воды. Крайне необходимым стало проведение мероприятий по улучшению водоснабжения населения города: строительство очистных сооружений городского водопровода, удлинение магистрального трубопровода в районе промышленных предприятий и т. п. [7].

Информацию отдела Оборонной промышленности ЦК КП (б) Казахстана о размещении в г. Петропавловске за период Великой Отечественной войны 5 заводов, имевших значение в деле снабжения Армии и Флота боеприпасами и техническим вооружением, подтверждали сведения секретаря ЦК КП (б) Казахстана по оборонной промышленности А. Койшигулова. В докладной за 1942 г. отмечалось, что все перечисленные предприятия, находясь в эксплуатации, одновременно проводили работы по капитальному строительству на новом месте. Оборонные предприятия региона выпускали батальонные передвижные радиостанции для Армии, изоляционные материалы для танковой, авиационной и электропромышленности, морские мины образца 1908 г., эскадренные подводные мины, мины морские корабельные большие и антенные глубоководные, авиационные мины типа «Гейра», оградители тихоходных кораблей, глубинные бомбы, обозначители границ траления, сетевые агрегаты, корпуса 45 мм противотанковых снарядов, малолитражные двигатели для комплектования полевых радиостанций и зарядных станций танковых частей [8].

В декабре 1941 г. Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» и Люберецкий завод сельскохозяйственных машин им. Ухтомского (в годы войны завод № 222 Наркомата танковой промышленности СССР) разместили в производственных и жилых зданиях Кустанайского зерносовхоза и техникума, расположенного в 10 км от ст. Тогузак Южно-Уральской железной дороги. Из ожидаемых 425 станков на 29 октября 1941 г. прибыло 364. К 20 декабря 1941 г. было обустроено рабочих и инженерно-технического персонала с семьями около 1500 человек. Перебазирование оборудования завода и одного цеха Люберецкого завода, размещенных в 79 вагонах, было

завершено к 25 февраля 1942 г. Всего с заводом прибыло 2650 ИТР, служащих и членов их семей. Работа была налажена к апрелю 1942 г. Основным видом продукции являлся единственный принятый в Красной армии на вооружение танков автоматический огнемет АТО-42. Он предназначался для уничтожения живой силы противника, поражения танка и устанавливался на танках КВ-8, Т-34. Кроме того, на базе АТО-42 с 1943 г. стал выпускаться траншейный пороховой огнемет ТПО-1. Разновидностью выпускаемой заводом военной продукции также являлись «детали»-мины: детали М-41, М-50, М-10. На первых порах изделие, выпускаемое заводом, имело ряд серьезных недостатков как технологического, так и эксплуатационного характера. Конструктора направлялись на заводы-смежники в воинские подразделения для выявления недостатков изделия. Представители службы эксплуатации осуществляли техническое руководство, принимали участие в боевых операциях.

В августе 1942 г. армия получила модернизированное изделие, исключавшее основные недостатки предшественника. В IV кв. в сравнении с I кв. выпуск изделий вырос почти в 10 раз. Заводом было инициировано изготовление частей к сельхозмашинам на сумму 42 тыс. руб. В 1943 г. рабочими завода было отработано в колхозах и машинно-тракторных станциях (далее – МТС) 1195 человеко-дней. Осенью–зимой 1944 г. завод № 222 был реэвакуирован [9].

3 декабря 1941 г. кустанайцы принимали завод «Химволокно» Наркомата текстильной промышленности СССР (220 вагонов оборудования и 370 рабочих и служащих), эвакуированный из Клина. На заводе производили порох (из вискозы, в качестве основного сырья использовалась целлюлоза), боеприпасы, искусственный шелк. Значительные трудности пришлось преодолеть при размещении в зданиях НКВД и железнодорожного депо оборудования, эвакуированного из Каменск-Шахтинска, Могилева, Клина, Калинина. Руководство города и области торопило с достройкой корпусов и испытательной станции, предприятию передали законсервированные постройки бывшего черепичного завода. Райисполкомы ряда районов выделили заводу 100 голов рабочих бычков и 25 лошадей. Город помогал машинами и гужевым транспортом. Отдел мобилизации Кустанайского облисполкома провел дополнительную мобилизацию 150 рабочих города и области. Завод был сдан в эксплуатацию во 2-м полугодии 1942 г. Произведенного за годы войны заводом пороха хватило бы для начинки 1,7 млрд. патронов. В ноябре 1942 г. завод был переименован в завод № 507 ГКО СССР. Испытания военной продукции производились на заводском полигоне, расположенном за городом.

За качеством произведенных заводом патронов и снарядов следили представители Наркомата обороны СССР.

9 декабря 1941 г. в Кустанайскую обл. прибыли авиамастерские № 278 из с. Некрылово Воронежской обл. с 367 рабочими. Авиамастерские, специализировавшиеся на ремонте самолетов, разместили в Джаркульской МТС, в эксплуатацию сдали 15 января 1942 г. Ремонтировали авиатехнику размещенных в области Борисоглебской Краснознаменной авиашколы пилотов и Сталинградского высшего авиационного училища [10].

Подольский завод швейных машин № 460 Наркомата боеприпасов СССР, прибывший осенью 1941 г. из Московской обл. в г. Кокчетав, выпускал авиационные осколочные мины, зажигательные бомбы, головки и стабилизаторы для мин, гранаты; швейные машинки для нужд армии. Завод разместили в зданиях автоуправления совхозтранса, магазине Казпо,^{1*} литейном цехе мехзавода Наркомата местной промышленности на площади 6169 кв. м. Оборудование прибыло в количестве 623 станка. Ощущалась потребность в электроэнергии: при планируемой мощности в 1100 кВт, имеющийся дизель обеспечивал только 60 кВт. Несмотря на трудности, в 1943 г. было выпущено 1 004 430 мин, или 100,4% к плану. Производство боеприпасов прекратили с 1 июня 1945 г. [11].

В октябре 1941 г. в г. Уральск прибыл Ленинградский завод № 231 Наркомата судостроительной промышленности СССР, месяцем позже завод литейного оборудования, эвакуированный из г. Усмань. Завод № 231 был размещен в цехах завода им. Чапаева, в бывшей средней школе и в помещении обавтоуправления на общей площади 10 000 кв. м. Завод изготавливал приборы для торпед. Из 178 ед. оборудования на момент эксплуатации – к 10 ноября 1941 г. – было смонтировано 140. Работал с большими перебоями из-за отсутствия электроэнергии и квалифицированных кадров. При общей потребности в электроэнергии 1000 кВт, фактически получал 180 кВт от Уральской городской электростанции и 100 кВт от железнодорожной электростанции. Дефицит электроэнергии планировалось покрыть за счет силовой установки мощностью 780 кВт, ожидаемой из Махачкалы и, временно, за счет дизель-генератора «МАН» мощность 650 л. с., принадлежащего Уральскому мясокомбинату. Завод № 231 специализировался на выпуске боеприпасов: 23 мм снаряды, мины М-08 и др.; завод литейного оборудования выпускал 50 мм сухопутные мины [12].

Со 2 декабря 1941 г. по 20 января 1942 г. в г. Чимкент прибыло 5

^{1*} Сеть магазинов потребительского общества.

эшелонов (229 вагонов) с оборудованием и людьми завода № 234 Наркомата танковой промышленности СССР. Разместили на площадке свинцового завода в здании перфораторного, индиевого, бета-фильтрового цехов и недостроенном клубе на производственной площади 2483 кв. м. До эвакуации завод занимал площадь 13 700 кв. м. Недостаток помещений не позволял разместить прибывшее оборудование таких цехов, как сборочного, литейного, кузнечно-котельного, модельного, ремонтного. На 25 января 1942 г. прибыло основного оборудования 246 ед., в т. ч. 175 станков, из них смонтировано 125, пущено в эксплуатацию 31. Вместе с оборудованием прибыло 415 человек рабочих и ИТР, не включая их семьи. Для окончания строительства отпущен лес с Ачисайского рудоуправления и 500 человек рабочих по линии НКВД. На 1942 г. предусмотрели 9600 тыс. руб. капиталовложений, из коих для освоения в I кв. 1942 г. отпустили 3150 тыс. руб. Для строительства требовалось изыскать пригодную площадку. Потребность завода в электроэнергии составляла 360 кВт и удовлетворялась за счет электростанции свинцового завода [13].

За годы войны число промышленных предприятий Акмолинска^{1*} выросло в 2,5 раза. В городе появились заводы союзного значения – «Казахсельмаш» и завод № 317. Первый эшелон оборудования Мелитопольского станкостроительного завода им. ОГПУ Наркомата боеприпасов СССР (Запорожская обл. Украинской ССР) прибыл в Акмолинск 28 сентября 1941 г. Предприятие находилось в ведении Наркомата станкостроения СССР, затем было передано Наркомату танкостроительной промышленности СССР. На основании распоряжения Совнаркома СССР № 2237-1024сс от 1 декабря 1941 г. уже как Государственный союзный завод № 317 им. ОГПУ был передан в ведение Наркомата боеприпасов СССР, в системе которого находился до декабря 1945 г.

На новом месте завод, начал свою деятельность с ноября 1941 г.^{2*} Основная продукция – выпуск 45 мм осколочных гранат. «Трудно-

^{1*} Ныне Нур-Султан.

^{2*} Документы завода отложились в фондах Госархива города Астаны: № 1, 355 («Мелитопольский станкостроительный завод им. ОГПУ Главного станкостроительного управления народного комиссариата тяжелого машиностроения СССР»), 89 («Целиноградский насосный завод Министерства химической и нефтяной промышленности СССР»). В фондах 355, 89 сосредоточены такие документы, как приказы, бухгалтерские отчеты, промышленно-финансовые планы и др. Рассекречивание фонда 1, в котором сохранились наиболее информативные сведения по истории предприятия в период Великой Отечественной войны, произошло лишь в последние годы. По мнению автора публикации, одной из причин, того что документы оставались вне поле зрения исследователей долгое время, стало отсутствие информации о содержании фонда в путеводителе архива. Цитирую по [электронный ресурс] Мусагалиева А.С. Новые источники о вкладе Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне (на примере Акмолинской обл.). URL: <https://tsgm.kz/istoriya-zavoda/> (дата обращения 14.08.2020).

стей много, начинать мы должны на голом месте – говорил директор завода, выступая перед рабочими, – но нам даны жесткие сроки пуска завода. Фронт ждет нашей продукции, мы должны дать ее в срок». Разместили предприятие в здании Педучилища с полезной площадью 2360 кв. м. Из отгруженного оборудования в количестве 120 ед. прибыло 117, на 35-й день прибытия на место было установлено и пущено в эксплуатацию 83 ед. оборудования, завод стал действующим. 23 ноября 1941 г. запустили цеха: снарядный, ремонтный, инструментальный и цех № 1. Термический и кузнечный цеха были готовы лишь на 85%. Потребность завода в электроэнергии удовлетворялась за счет своей электростанции, располагающей двумя дизель-генераторами по 200 л. с. и одним в 300 л. с.

Обращаясь к директору заводу замнаркома станкостроения СССР З. Вяткин акцентировал внимание руководства на сохранении конструкторских и технологических кадров станкостроителей завода, не допуская распыления таковых. «В условиях военного времени необходимо умело, организованно переключить все конструкторские технологические силы завода на решение задач, связанных с быстрейшим увеличением выпуска танков, вооружения и боеприпасов, необходимых для нашей Красной армии и флота». В октябре–ноябре через обком партии и горком комсомола был проведен организационный набор молодежи, откликнулось около 200 человек, преимущественно девушек, для работы на станках и в контрольный аппарат завода. На 1 февраля 1942 г. 140 человек, 86 из них женщины, получили профессию и были переведены из учеников в рабочие. Несмотря на то что нормы выработки были повышены на 44%, многие из местных жителей – молодых рабочих значительно перевыполняли их, как, например, двухсотники: Клижбекова, Абельдинова, Хусаинов, Бургандинов, Чемоданова, Раконд и др. Обучение кадров шло ускоренными темпами, путем прикрепления учеников к квалифицированным рабочим, получающим за каждого ученика в зависимости от качества подготовки соответствующую оплату [14].

В октябре 1941 г. из Украины в Караганду был эвакуирован Ворошиловградский завод угольного машиностроения им. А.Я. Пархоменко, на базе которого организовали завод горного оборудования, продукция шла на рудники и шахты Караганды, Западной Сибири, Дальнего Востока. После рассекречивания архивных документов в 1990-х гг. стало известно, что завод им. Пархоменко и Кольчугинский завод цветного проката им. Орджоникидзе изготавливали боеприпасы для армии – М-120, М-37 и Хаб-200 – авиационные двигатели, бомбы и

минометы. Рабочие, освоив технологии, выпускали 250, а в иные дни и до 500 корпусов для снарядов «Катюш», ставших мощным оружием советской армии.^{1*}

По плану работы отдела Оборонной промышленности ЦК КП (б) Казахстана на март–апрель 1942 г. 6 заводов были размещены в г. Алма-Ате. Одним из ведущих дизелестроительных и торпедостроительных заводов Казахстана стал завод № 175, вошедший в систему 2-го Главного управления Наркомата судостроения СССР в IV кв. 1943 г, впоследствии «Машиностроительный завод им. С.М. Кирова».^{2*} Завод (Большой Токмак Запорожье, 1935 г.) специализировался на выпуске сельскохозяйственных машин, параллельно – самоходных морских мин. В начале войны он вошел в завод № 182 (Махачкала, Дагестан, осень 1941 г.), занимавшийся торпедостроением: производством противолодочных электрических торпед. В предвоенное время оба завода специализировались на изготовлении парогазовых торпед Т45-36 и Т53-38. После эвакуации в Казахстан (Алма-Ата, август–декабрь 1942 г.) был освоен массовый выпуск стрелкового оружия, механическая обработка корпусов мин.

Для размещения работников и заводского оборудования пришлось начать строительство производственных помещений и барачных. Возведение нескольких крупных цехов было закончено весной 1943 г.

20 сентября 1942 г. руководство завода № 182 Наркомата судостроительной промышленности СССР обратилось за помощью в налаживании процесса размещения завода в Казахстане к партийному руководству республики: «...Согласно решению ГКО № 2193 от 20 августа 1942 г. завод № 182 эвакуируется в г. Алма-Ата и частично в Петропавловск». Далее речь шла о сложностях переброски оборудования, металла, готовой продукции, материалов и людей. В частности, указывалось на объемы: для эвакуации завода требовалось 1800 вагонов, которые подвергались погрузке 4 раза – завод–Баку–Красноводск–Алма-Ата. Непригодные плавсредства и штормы Каспийского моря привели к поломке значительной части оборудования. Из-за колоссальных встречных перевозок в Красноводском порту и оборудование, и готовая продукция по несколько недель подвергались воздействию атмосферных осадков и песка...200 вагонов, прибывшие в Алма-Ату, также долго находились под открытым не-

^{1*} [Электронный ресурс] Мухамеджанова А. В тылу как на фронте – предприятия, эвакуированные в Карагандинскую обл. в годы Великой Отечественной войны. URL: [inform.kz https://www.inform.kz/ru/v-tylu-kak-na-fronte-predpriyatiya-evakuirovannye-v-karagandinskuyu-oblast-v-gody-vov_a3644657](https://www.inform.kz/ru/v-tylu-kak-na-fronte-predpriyatiya-evakuirovannye-v-karagandinskuyu-oblast-v-gody-vov_a3644657) (дата обращения 14.08.2020).

^{2*} Фонд завода находится в ЦГА города Алматы.

бом. Как результат, практически все оборудование требовало ремонта [15]. Возможно, другой экземпляр записки был направлен в ГКО. Судя по воспоминаниям Г.В. Нечитайло, руководителя группы местных Советов Совнаркома КазССР, был получен приказ Председателя ГКО И.В. Сталина о срочном размещении оборудования и имущества демонтированного в Махачкале завода особого назначения. «За неисполнение, – говорилось в приказе, – виновных расстрелять». После такой телеграммы, изыскивали возможность за одну ночь освободить помещения трамвайно-троллейбусного депо, табачной фабрики, Зооветеринарного и Юридического институтов, ресторана и школы № 36. «Рабочих с семьями (около 2000 человек) разместили в полуподвалах верненских домов, в которых в былые времена хранились яблоки». Завод, специализирующийся на выпуске торпед для поражения тяжелых крейсеров, приступил к работе на 5-й день [16].

Начиная с 1944 г. завод изготавливал для военно-морского флота торпеды Т53-38 и Т53-39; зарядные отделения АУЗО и УПЗО для торпед; ротные и батальонные минометы; корпуса мин, гранат и снарядов; автоматы ППШ,^{1*} корабельные бомбометы; корпуса морских донных мин. Также занимался ремонтом, проверкой и испытанием реквизированных немецких торпед Q7-А. Морская пристрелка торпед проводилась на Иссык-Куле. Завод выпускал матчасть и корпуса мин, снарядов, боевых зарядных отделений торпед – железо, которое отправлялось на снаряжательные заводы и там заполнялось взрывчатыми материалами, становясь боеприпасами уже за пределами Казахстана. По сведениям исследователя В.Д. Коренчука, до конца войны было изготовлено около 300 торпед Т45-36 и около 800 модернизированных скоростных торпед Т53-39 [17].

17 ноября 1941 г. на базе 3 цехов боеприпасов эвакуированного Ворошиловградского паровозостроительного завода «Октябрьская революция» создали Алма-Атинский машиностроительный завод Наркомата тяжелого машиностроения СССР, перешедший вскоре на расширенную номенклатуру изделий: 203 мм бетонобойные снаряды; 203 мм бетонобойные авиабомбы; 82 мм мины; ЗАБ-2,5; ФАБ-50 и 90 – артиллерийские снаряды, мины, зажигательные, бетонобойные бомбы. Разместили на площадке авторемзавода, в здании гаража горсовета и базе Казпромсовета.^{2*} В ближайшее время из прибывшего оборудования в количестве 269 станков, смонтировали 162, запустили в эксплуатацию 56. Электроэнергию – 1217 кВт получали от городской ЦЭС.

^{1*} Пистолет-пулемет Шпагина.

^{2*} Совет промысловой кооперации КазССР.

Для обеспечения завода необходимой электроэнергией, а также другими материалами, были предприняты комплексные меры, включая строительство высоковольтных линий передачи, новых электростанций, заводских корпусов, прокладку «трамвайной ж/д ветки от магистрального пути, идущего по ул. Пастера^{1*} до здания гаража автоуправления». Как указано в справке, подготовленной инструкторами ЦК КП (б) Казахстана Копыловым и Фендриковым от 29 января 1942 г., «прокладку трамвайной ветки бюро ЦК КП (б) К своим Постановлением от 7 января 1942 г. обязало управляющего Трамвайтрестом т. Солджатова осуществить в 2-х дневный срок» [6].

Строительство завода осуществлялось неравномерно. Прежде всего, стоял кадровый вопрос, по ориентировочным сводкам заводского руководства для возведения объектов требовалось 1250 человек, из них 855 квалифицированных рабочих. По сведениям на январь 1942 г. в Казахстан было эвакуировано 270 рабочих и ИТР. 59 человек разместили в 6 комнатах площадью 60 кв. м., 100 человек – в административном корпусе площадью около 200 кв. м. Основной контингент добирала из ГУЛАГа. По трудовой мобилизации поступали в основном женщины, старики и подростки для рационального использования которых требовалось время на обучение. Современники вспоминали, на АЗТМ,^{2*} выпускавшем корпуса для авиабомб, работали сотни подростков. Поскольку они не доставали до станков с пола, директор приказал изготовить им стульчики. Проблемы были и с выделением капитальных вложений, и со снабжением строительными материалами и техникой.

В течение года ассортимент, состоящий из 2 наименований, на март 1942 г., увеличился до 6 наименований. Например, бомбы ЗАБ-2,5 относились к боеприпасам интенсивного и сосредоточенного действия. Выпускались в большой номенклатуре фугасные авиационные бомбы (далее – ФАБ): в частности, с 1943 г. ФАБ-50шг выпускалась со штампованной головкой; ФАБ-50-М43 – упрощенной конструкции и технологии изготовления. Несмотря на то, что официально бомба обозначалась как фугасная, фактически являлась осколочно-фугасной. Все бомбы оснащались взрывателями мгновенного действия, некоторые с задержкой 0,3 с. Бомбы использовались, как бомбардировщиками, так и истребителями [18].

В августе 1941 г. в Алма-Ата в гараже Турксиба разместили Мастерские Трансметторга НКПС СССР, эвакуированные из Киева.

^{1*} Ныне ул. Макаатаева.

^{2*} Алмаатинский завод тяжелого машиностроения.

Вскоре после пуска в эксплуатации к основной продукции – котелкам, носилкам и саперным лопатам для РККА добавилась деталь для противотанковых гранат «Танча».

Завод № 242 (Авиарембаза № 405), эвакуированный из г. Харькова, прибыл в Алма-Ата 29 ноября 1941 г. После размещения в Ангаре и Авиаремонтных мастерских столичного аэропорта произошло слияние в единое производственное предприятие, которое специализировалось на восстановлении самолетов, авиамоторов и выпуске боеприпасов для ВВС РККА [19, л.18].

В феврале 1942 г. Механический завод № 3 (быв. Карачаровский) разместили в гараже Казнаркомсвязи. К 15 марта 1942 г. восстановили оборудование и пустили завод в эксплуатацию. Специализировался на выпуске бензо-маслозаправщиков для ВВС РККА и корпусах 76 мм снарядов [19, л.19].

Московский рентгеновский завод Наркомата электропромышленности СССР разместили в здании бывших парткурсов г. Актюбинска. В декабре 1941 г. в регион прибыла часть лабораторного оборудования с электромоторами (8 вагонов), основное оборудование находилось в пути. С предприятием прибыло 188 единиц оборудования. Городская электростанция могла обеспечить завод лишь на 25–30% и то при условии значительного сокращения бытовых потребителей. Отсутствие собственной энергобазы стало весомым препятствием при вводе предприятия в эксплуатацию. Завод № 692 НКЭП СССР специализировался на выпуске походных рентгеновских аппаратов, подрывных машинках типа ПМ-1-2, высоковольтных выпрямителях для спецустановок и противовоздушной обороны, отражателей минных полей. Этот завод являлся единственным поставщиком рентгеновской аппаратуры в Союзе [19, л.21].

23 декабря 1942 г. секретарь Актюбинского обкома партии Иночкин, обращаясь к наркому угольной промышленности СССР Вахрушеву, писал: «За последние годы промышленность Актюбинской обл. получила весьма интенсивное развитие, причем на ее территории возник ряд крупных предприятий, имеющих союзное значение...» [6].

Эвакуация в Казахстан мощных предприятий из регионов СССР оказала позитивное влияние на развитие республики.

[...] «На фронте нет такого вида вооружения, снаряжения, продовольствия, в производстве которого не было бы доли участия Казахстана – могучего, неисчерпаемого арсенала Великой Отечественной войны. [...] 1942 г. для республики был также годом дальнейшего роста числа заводов, фабрик, рудников, увеличения выпуска промыш-

ленной продукции. Казахстан помогал бить врага и в то же время строил. Вступили в строй размещенные при эвакуации и построенные на месте более двух десятков заводов, крупных цехов, производящих вооружение и боеприпасы. [...] Заводы оборонной промышленности увеличили по сравнению с 1941 г. выпуск продукции. 70% заводов досрочно выполнили годовой государственный план. [...] Почетное место в снабжении металлом предприятий оборонной промышленности занимают рабочие и специалисты цветной металлургии Казахстана. Они дают меди, свинца, редких металлов больше всех республик и областей страны» – говорил в 1943 г. со страниц республиканской газеты секретарь ЦК КП (б) Казахстана Н.А. Скворцов [20].

Ситуация войны способствовала и активизации технической мысли. В процесс изобретательства включались даже школьники. В августе 1942 г. в Республиканскую комиссию по реализации военных изобретений при ЦК КП (б) Казахстана поступило заявление от ученика 10-го класса школы им. Октябрьской революции г. Джамбула^{1*} Лемберикмана Изяслава. Он предложил конструкцию ленточного ручного пулемета. Комиссия пришла к выводу, что используемые аналоги изделия проще предложенного образца.

В конце 1943 г. – начале 1944 г. в процессе обсуждения проекта постановления ГКО СССР «О мероприятиях по улучшению работы оборонной промышленности КазССР» была подготовлена справка о новых образцах вооружения и боеприпасов, созданных и освоенных в производстве на заводах оборонной промышленности за период Великой Отечественной войны. Среди них были названы: электроторпеда типа ЭТШ-80 (автор инженер Шамарин, лауреат Сталинской премии), подводолодочная мина типа ПЛТ-2 (конструктор инженер Миляков), мина типа ПЛТ-3 (конструктор инженер Брун) и т. д. Мины в списке из 30 номинаций упоминались 6 раз. Разработка взрывателя «Казахстанец» к конструкции советской мины продолжалась на базе Кустанайской машинно-тракторной мастерской инженером-изобретателем А.Н. Кимельфельдом, эвакуированным в Казахстан с Киевского завода боеприпасов. В соответствии с постановлением СНК КазССР и ЦК КП (б) Казахстана к 1 марта 1943 г. 300 взрывателей должны были быть представлены в Наркомат обороны СССР [21]. Алма-Атинский сельскохозяйственный институт по заданию того же наркомата занимался разработкой чертежей паросиловой установки для тяжелых и средних танков. Предполагалось, что данное

^{1*} Ныне г. Тараз.

изобретение даст преимущества танкам в части сроков эксплуатации, скорости, увеличения запаса и бесшумности хода. Институту совместно с авторами проекта вменялось в обязанность производство паросиловой установки [22].

В Казахстане на ст. Матай Турксибской железной дороги старший сержант М.Т. Калашников, находившийся в лечебном отпуске, при содействии работников паровозного депо изготовил образец пистолета-пулемета со складывающимся прикладом, который мог стрелять как одиночными выстрелами, так и очередями. Скорострельность 650 выстрелов в минуту, вес 2400 г, убойная сила до 600 м. Артиллерийское управление Среднеазиатского военного округа, дислоцировавшееся в Ташкенте, отметило в заключении, несмотря на частичную не проработанность, оригинальность образца. Изобретателя премировали и рекомендовали заняться усовершенствованием. ЦК КП (б) Казахстана выделил на изготовление 5 опытных образцов пистолета-пулемета 12 000 руб. После испытаний на Алма-Атинском стрельбище конструктор в январе 1943 г. командирован в Москву с сопроводительным письмом на имя Л.П. Берии. Образцы Калашникова не были приняты на вооружение Советской армии до конца войны, но стали конструктивной базой для последующей работы над созданием автомата АК-47 [23].

Эвакуированные предприятия, прибывшие с ними рабочие и ИТР органично влились в народное хозяйство республики, явились важным фактором развития оборонно-промышленного комплекса Казахстана. Существовавшие ранее и появившиеся на базе эвакуопредприятий заводы и фабрики в Казахстане в послевоенный период перешли к выпуску сельскохозяйственной техники, промышленного оборудования. Так, Акмолинский завод № 317 был преобразован в насосный завод. С 1946 г. завод выпускал пластмассовые и типовые вакуумные и центробежные насосы, а также насосы из высоколегированной стали. Кустанайский завод химволокна стал выпускать высококачественное искусственное волокно для ковров, нетканых материалов, поливинилхлоридные волокна, фенилон. В январе 1945 г. на базе эвакуированного в Кустанайскую обл. завода № 222 был создан завод «Комсомолец» Республиканского треста «Реммехзаводов», переименованный 21 февраля 1945 г. в Тогузакский ремонтный завод им. 25-летия Казахской ССР. Завод производил сельскохозяйственную технику и детали к ней. Эвакуированный в г. Гурьев Днепропетровский машиностроительный завод им. Петровского, специализируется на выпуске нефтяных качалок в г. Атырау.

По сведениям на конец 1980-х гг. в «оборонке» были сосредоточены лучшие научно-технические кадры: до 3/4 научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ производилось в сфере оборонно-промышленного комплекса. Предприятия оборонного комплекса производили большую часть гражданской продукции: 90% телевизоров, холодильников, радиоприемников, 50% пылесосов, мотоциклов, электроплит. Около 1/3 населения страны проживало в зоне размещения предприятий оборонной промышленности.

1. Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя победы – Алматы, 1995 – 175 с. Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). – 2005. – № 14. – С.73–84. Байдильдина С.Х. ВПК Казахстана: первые заводы оборонной промышленности (АТМ НКТМ СССР, начало 40-х гг. XX в.) // Казахстан-Спектр (Алматы). – 2010 (№ 3). – С.126–131. [Электронный ресурс] Абсеметов М.О. Эвакуированные предприятия европейской части СССР в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16891>; Его же. Деятельность республиканской комиссии военных изобретений при ЦК КП (б) Казахстана в годы второй мировой войны // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17733> (дата обращения 25.06.2020). Оборонно-промышленный комплекс. Казахстан: 1941–1951 гг. Сборник документов. / Рабочая группа проекта: Байдильдина С., Грибанова Е., Джагфаров Н. (ответ.), Жангуттин Б., Кабдушев Б., Кадыров А., Печерских В., Чиликова Е. Алматы: ПринтЭкспресс, 2015. [Электронный ресурс] Мусагалиева А.С. Новые источники о вкладе Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне (на примере Акмолинской обл.). // Русский архив (Москва) – 2015 – № 8 – С.132–147. URL: <https://tsgm.kz/istoriya-zavoda/> (дата обращения 14.08.2020). Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы: ЛЕМ, 2020 – 608 с.+12 с вкладыш с фото.
2. Козыбаев М. Казахстан – арсенал фронта. – Алма-Ата: Казахстан, 1970. – С.272–292; Перестройка народного хозяйства на военный лад / История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. / Редколлегия: Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов, К.Н. Бурханов, А.Т. Капаева, С.Ф. Мажитов – Т.4. – Алматы: Атамұра, 2010. – С.453, 456.
3. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.1717. Л.36.
4. Там же. Оп.1/1. Д.4. Л.140–141.
5. Там же. Оп.6/1. Д.619. Л.27–35. Оборонно-промышленный комплекс. Казахстан: 1941–1951 гг. ...указ. соч. – С.61–63. Табулденов А.Н. Депортации народов и эвакуация населения в Северный Казахстан: монография. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2015. – С.115, 116.
6. Протасова Л.М. Эвакуация предприятий из Украины в Казахстан. / История. Память. Люди: Материалы V международной конференции 28 октября 2010 г. – Алматы, 2011. – С.65.
7. Сактаганова З.Г. Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны: эвакуация, жилищный вопрос, коммунальные и другие проблемы / История. Память. Люди: Материалы IX научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – С.170.
8. АП РК. Ф.708. Оп.6/2. Д.140. Л.1–3.
9. Там же. Оп.6/1. Д.656. Л.5–7. Из истории города Костаная. К 130-летию. Сборник документов и материалов. – Костанай, 2009. – С.299–304. Табулденов А.Н. Депортации народов и эвакуация населения в Северный Казахстан...указ. соч. – С.108–109; [электронный ресурс]. Максименко В. Каждый день требовал мужества и стойкости. Документальная сага о заводе №222. URL: http://www.status-karabalyk.ru/view_post.php?id=1400 (дата обращения 11.02.2020).
10. Табулденов А.Н. Депортации народов и эвакуация населения в Северный Казахстан...указ. соч. – С.111.

11. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.619. Л.27–35. Оборонно-промышленный комплекс ...указ. соч. – С.67; Ермекбай Ж.А. Завод № 621 в Кокшетау в годы Великой Отечественной войны / История. Память. Люди...указ. соч. – Алматы, 2019. – С.188–194.
12. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.619. Л.27–35. Оборонно-промышленный комплекс ...указ. соч. – С.61. АП РК.Ф.708. Оп.7/1. Д.226. Л.25.
13. Там же. Оп.6/2. Д.138. Л.1–3.
14. Там же. Оп.6/1. Д.619. Л.27–35. Оборонно-промышленный комплекс ...указ. соч. – С.64. Козыбаев М. Казахстан – арсенал фронта...указ. соч. – С.274. Также см. [электронный ресурс] История столицы: Акмолинск в годы Великой Отечественной войны. URL: https://www.inform.kz/ru/istoriya-stolicy-akmolinsk-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny_a2266653 (дата обращения 14.08.2020). Госархив города Нур-Султан. Ф.89. Оп.1. Д.4. Л.54–55. Там же. Ф.1п. Оп.1. Д.535. Л.58–59.
15. АП РК. Оп.6/2. Д.183. Л.53 и об. По сведениям Гринберга И.Э., численность эвакуированных и их семей составила около 12 тыс. человек. Директор завода инженер-полковник М.Б. Розенштейн и главный инженер С.М. Каганович четко организовали работу по вводу завода в действие. Капитальным строительством руководил А.Л. Станиславский. Гринберг И. Исторический очерк. / Эвакуация в Казахстан... указ. соч. – С.24.
16. КГУ ЦГА города Алматы. Ф.277. Оп.1 Д.130. А.А. Ахбалаева Дорогой испытаний и надежд / Алматы 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах (материалы круглого стола). – Алматы, 2015. – С.75–76.
17. Сергиенко О.В. Из истории эвакуации завода им. Кирова. Коренчук В.Д. Торпеды в военной Алма-Ате / Алматы 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах ...указ. соч. – С.21–36, 40–43.
18. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.619. Л.27–35. Оборонно-промышленный комплекс ...указ. соч. – С.66. Байдильдина С.Х. ВПК Казахстана: первые заводы оборонной промышленности ... указ. соч. – С.126–131.
19. АП РК. Ф.708. Оп.7/1. Д.226.
20. Казахстанская правда. 9 февраля 1943 г.
21. АП РК. Ф.708. Оп. 5/1. Д.1195. Л.60–65. Грибанова Е.М. Из истории минно-взрывных средств периода Великой Отечественной войны: взрыватель «Казахстанец» инженера Кимельфельда / История. Память. Люди: материалы V международной конференции. 28 октября 2010 г. – Алматы, 2011. – С.75.
22. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.5. Л.389–394.
23. Шепель В.Н. Рассекреченная война: эпизоды // Казахстанская правда. 23 октября 2009 г. Е.В. Чиликова Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец. Документы АП РК о разработке М. Т. Калашниковым пистолета-пулемета 1942–1943 гг. // Отечественные архивы (Москва). – 2010 (№ 2). – С.97–105.

Саипова К.Д.

Эвакуация промышленных объектов в Узбекистан

В суровые годы войны весь народ Узбекистана неустанно трудился с единой целью: «Все – для фронта, все – для победы!». Республика превратилась в надежный тыл по обеспечению фронта. Узбекистан производил и поставлял на фронт большое количество военной техники и боеприпасов, продовольствия, одежды, лекарств и другой жизненно важной продукции.

Благодаря самоотверженному труду нашего многонационального народа в годы войны около 300 предприятий республики начали выпускать продукцию военного назначения. Также с прифронтовых

территорий в Узбекистан был перебазирован и в короткое время пущен в эксплуатацию 151 завод [1].

Эвакуированные заводы и фабрики прибывали, имея 20% рабочей силы, местные кадры составляли – 17% [2, с.39]. Эвакуированные предприятия были самого разнообразного профиля и отраслей индустрии. Например, из перевезенного в Узбекистан оборудования заводов и фабрик [3, с.333] большая часть приходилась на сельскохозяйственное, тяжелое и среднее машиностроение, электротехническую промышленность и немногим менее половины – на отрасли легкой и пищевой промышленности: Ленинградский завод текстильных машин, «Ростсельмаш», Сумский компрессорный завод, Днепропетровский карборундовый, Харьковский «Электростанок», Днепропетровский вагоноремонтный завод, Московские «Подъемник», инструментальный и авиационный заводы, Сталинградский химкомбинат и многие др. Они были введены в кратчайшие сроки [4].

На новом месте, в непривычных климатических условиях, терпя продовольственные и бытовые лишения, строители и монтажники устанавливали и налаживали оборудование. Для руководства размещением, монтажом, сдачей в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий по решению ЦК КП (б) Узбекистана и СНК УзССР была создана Госэкономкомиссия [5, с.123–124].

Для ввода в эксплуатацию эвакуированных предприятий требовалось осуществить огромный объем погрузочно-разгрузочных работ; обеспечить их строительными и производственными площадями, разместить персонал и восполнить недостающее число рабочих, обеспечить необходимым количеством топлива, энергии, сырья. Основной причиной эвакуации столь большого количества предприятий являлось использование сырьевого придатка республики, учитывая экономические интересы центра.

О том, насколько велики были масштабы работ по принятию огромного количества оборудования, говорит тот факт, что только в Узбекистан поступило 17 тыс. вагонов оборудования [3, с.334].

В процессе размещения эвакуированного оборудования республикам и тыловым районам приходилось преодолевать многие трудности, связанные, например, с одновременным прибытием персонала эвакуированных предприятий, в ряде случаев не полностью укомплектованного оборудования, с недостатком транспортных средств, производственных площадей.

В Узбекской ССР бюджет на восстановление эвакуированных предприятий составил 450 млн. руб. [3, с.124]. Огромную помощь

эвакуированным предприятиям оказывало все население республики. Благодаря самоотверженному труду предприятия были введены в действие в самые сжатые сроки. Отдельные цеха завода «Ростсельмаш», например, были смонтированы за 3 недели и через 25 дней стали давать продукцию, весь завод был пущен через два месяца. В конце первого полугодия 1942 г. все перебазированные в Узбекистан предприятия работали на полную мощность, поставляя фронту военную технику, боеприпасы и снаряжение [6, с.31].

Так, в Узбекистане в 1940 г. военная продукция вообще не выпускалась, в 1942 г. ее выпуск составил уже 25,6% в общем объеме промышленности республики, превысив производство 1941 г. в 5 раз [3, с.338].

Из г. Химки по постановлению Совета по эвакуации при Совете Обороны от 4 сентября 1941 г. за № 13835 в Ташкент было эвакуировано прядильное оборудование Харьковского канатного завода им. Петровского. На его базе в составе производственного объединения «Ташзаготлупром» была основана Ташкентская кенафная прядильно-ткацкая фабрика. 11 октября в Ташкент прибыло 44 вагона, в т. ч., 212 рабочих и 146 рабочих с семьями Сумского машиностроительного завода им. Фрунзе. В Ташкенте и Ташкентской обл. было размещено 55 предприятий, в Самаркандской обл. – 14 заводов и фабрик, в Ферганской долине – 22 предприятия, в Бухарской обл. – 2. Ввод в эксплуатацию эвакуированных предприятий был проведен в крайне сжатые сроки. На базе эвакуированного оборудования было создано 47 новых, а также увеличена мощность ряда местных промышленных предприятий. Вместе с эвакуацией предприятий, были эвакуированы и промышленные кадры.

Из Московской обл. был эвакуирован в 1941 г. авиационный завод им. В.П. Чкалова, именуемый в Ташкенте как завод № 84. В 1966 г. ему дано название Ташкентского авиационного завода им. В.П. Чкалова. В годы войны завод выпускал боевые самолеты, а после войны – самолеты ИЛ-14, транспортные самолеты, АН-22, ИЛ-76. В 1972 г. предприятие было реконструировано как Ташкентское авиационное производственное объединение им. В.П. Чкалова.

В 1941 г. на базе 3 эвакуированных в Ташкент заводов: Запорожского машиностроительного, Нижнеднепровского «Светофор», Московского «Красный путь» был основан Литейно-механический завод №225, входивший в состав Всесоюзного производственного объединения компрессорного и холодильного машиностроения. Из г. Ростов-на-Дону в 1941 г. эвакуирован завод Ростсельмаш, который вошел в состав завода Таштекстильмаш, головного предприятия объединения

Узбектекстильмаш. В военные годы на заводе выпускались артиллерийские снаряды. В мирное время завод производил ровничные прядильные, кольцепрядильные, прядильно-крутильные машины.

В 1941 г. из Ленинграда эвакуирована и размещена на территории Ташкентского текстильного комбината Ниточная фабрика, снабжавшая фронт и тыл нитками. Сам комбинат в Ташкенте был основан в 1934 г.

В 1942 г. в Ташкент был эвакуирован Московский завод «Подъемник». В последующие годы завод оставался под этим же названием и считался головной организацией подъемно-транспортного машиностроения. Здесь выпускали мостовые электрические краны, специальные грейферные, магнитогрейферные, магнитные, мульдомангитные, подвесные многоопорные краны, металлоконструкции кранов-штабелеров, козловые краны и др.

Кроме эвакуированных заводов и фабрик, в 1942–1943 гг. также были построены новые промышленные предприятия. К этому времени в Узбекской ССР было введено в строй 280 новых промышленных предприятий, в т. ч. 5 крупных гидроэлектростанций и 14 машиностроительных и металлообрабатывающих заводов. Среди крупнейших предприятий, вступивших в строй в годы войны, можно назвать Узбекский металлургический завод,^{1*} который стал выпускать продукцию уже в 1944 г. [3, с.336].

В Узбекской ССР за годы войны были созданы металлургическая и угольная базы (разработка Ангренского и Сурхандарьинского месторождений), комплекс отраслей нефтяной промышленности, ряд новых производств химической индустрии и строительных материалов (керамические трубы, цемент, производство гипса, черепицы и др.). Угольная промышленность республики к концу войны давала угля в 30 раз больше, чем до войны; добыча нефти выросла в 3 раза [3, с.354].

Таким образом, при новом строительстве обычно учитывались не только текущие потребности военного времени, но и перспективы экономического развития экономики республики. Несмотря на чрезвычайно трудные условия, материально-техническая база восточных районов и республик росла и укреплялась. Росту материально-технической базы Узбекистана способствовала как эвакуация в эти районы промышленных предприятий, так и строительство в годы войны на территории этих районов большого числа новых предприятий. К концу войны основные производственные фонды промышленности Узбекистана увеличились по сравнению с довоенным уровнем почти в 2 раза.

^{1*} Ныне Бакабадский металлургический завод.

1. [Электронный ресурс] Выступление Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной 75-летию Великой Победы и Дню памяти и почестей от 9 мая 2020 г. URL: <https://uza.uz/ru/politics/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-09-05-2020> (дата обращения 15.08.2020).
2. Ийманова Д.А. Ўзбекистонда совет тузумининг кадрлар сиёсати ва унинг оқибатлари (1945–1991 йй.). – Тарих фан.номз.илм.даража олиш учун ёзилган дисс. – Тошкент, 2011. – Б.39.
3. Гладков И.А., Коссой А.И., Лелюхина Н.Д. История социалистической экономики СССР. Том 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1977. – С.333.
4. [Электронный ресурс] Пирназарова Ф.Н. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. URL:http://scorcher.ru/theory_publisher/show_art.php?id=650Vklad_Uzbyekistana_v_robeyedu_nad_fashizmom_final.docx (дата обращения 15.08.2020).
5. Мусаев М.М., Урманова Р.К. История Узбекской ССР. – Ташкент: Учитель, 1966. – С.123–124.
6. Воскобойников Э.А., Яковлев В.М. Организаторская и идеологическая работа Компартии Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент: Узбекистан, 1966. – С.31.

Тимофеева Е.В.

Эвакуация в Южно-Казахстанскую обл. в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Южно-Казахстанская обл. стала общим домом для эвакуируемого из прифронтовой полосы населения и местом временного расположения предприятий, организаций, госпиталей и детских домов.

Постановлением бюро Южно-Казахстанского обкома КП (б) К и облисполкома от 25 июля 1941 г. при облисполкоме был создан отдел по приему эвакуированного населения. В целях организации лучшего распределения и устройства эвакуированного населения на железнодорожной станции Арысь был создан эвакуопункт [1].

8 августа 1941 г. обкомом партии был утвержден план размещения и устройства 24 000 эвакуированных граждан в гг.Чимкент, Туркестан и районы области [2].

В соответствие с решением СНК КазССР и ЦК КП (б) К постановлением бюро Южно-Казахстанского обкома партии от 5 сентября 1941 г. был принят на размещение в районах региона эвакуированный скот в количестве 265 000 голов [3].

Постановлением бюро Южно-Казахстанского обкома партии от 19 декабря 1941 г. для снабжения и бытового обслуживания эвакуированного населения Чимкентскому горкому партии было поручено увеличить торговые точки, в т. ч. предметами домашнего обихода, разработать систему снабжения топливом, развернуть политико-воспитательную и общественную работу [4].

На 4 ноября 1941 г. в г. Чимкент прибыло 3968 человек эвакуированного населения, из которых 3110 – из прифронтовой полосы. Из 2200 трудоспособных граждан было трудоустроено 688 человек.

Размещено на местожительство по предприятиям – 602 человека, в других организациях и частных домах – 3329 человек. На 1 марта 1942 г. было зарегистрировано 8971 эвакуированных граждан, из них мужчин – 1882, женщин – 4219, детей – 2870. Из 5431 числа трудоспособных было трудоустроено 3817 человек. Для улучшения материально-бытовых условий 175 эвакуированным семьям Чимкентским горисполкомом была выдана единовременная помощь 20 тыс. руб., городским отделом социального обеспечения было выдано 162 249 руб. для 404 семей. В целях обеспечения эвакуированного населения промышленными товарами и обувью областной торговый отдел выделил 2 магазина, через которые было продано товаров на 76 тыс. руб. Через эвакуопункт было отпущено промышленных товаров на 30 тыс. руб., продуктовых товаров – на 23 850 руб. [5].

На 25 декабря 1941 г. в область прибыло 46 122 человек эвакуированного населения, из 24 700 трудоспособных граждан было трудоустроено 8823 человека, в т. ч.: 355 – педагогов, 135 – медицинских работников, 500 человек – в артели Промсоюза. Из числа эвакуированных специалистов большинству работать по специальности в колхозах не представлялось возможным, так в Джувалинском р-не из 749 человек по своей специальности работали 322.

Эвакуированное население снабжалось за счет отпускаемых фондов, а работавшие в колхозах – за счет выработанных трудодней.

На 1 января 1942 г. в Южно-Казахстанскую обл. прибыло 51 108 человек эвакуированного населения, 22 600 немцев-переселенцев, 15 931 поляков. Из 26 760 человек трудоспособных эвакуированных граждан было трудоустроено 9433, из них в колхозах – 4144 человек, в совхозах – 267, в МТС – 104, на железной дороге – 291, на промышленных предприятиях – 570, в артелях – 820, в других организациях – 3237.

Для эвакуированного населения на станциях Арысь и Чимкент было организовано через столовые общественное питание. По линии Казснабпрома на 1 января 1942 г. эвакуированному населению выделено и реализовано швейных изделий на 154,5 тыс. руб., трикотажа – на 20,6 тыс. руб., обуви – на 49,5 тыс. руб. Из продуктов питания реализовано: муки – 235 т, мяса – 66 ц, сахара – 20 ц, масла сливочного – 30,5 ц. Многие получили помощь от колхозов, в которые эвакуировались.

Была увеличена сеть медицинских учреждений: в г. Туркестан расширена больница на 25 коек, в г. Арысь – на 50 коек, в г. Чим-

кент – на 200 коек, привлекались медицинские специалисты из числа эвакуированных граждан. Медицинские учреждения не справлялись с большим наплывом эвакуированного населения, это вызвало рост инфекционных заболеваний, таких как брюшной и сыпной тиф, дизентерия, корь, скарлатина, только по Чимкентскому эвакуопункту было зарегистрировано 288 заболевших [6].

В соответствии с постановлением СНК КазССР и ЦК КП (б) К от 1 декабря 1941 г. Южно-Казахстанский обком партии обязал городские и районные комитеты партии организовать обучение сельскохозяйственным работам, изучение работы сельскохозяйственной техники учащимися старших классов, студентами техникумов и вузов, служащими и эвакуированным населением для оказания организованной помощи колхозам и совхозам [7].

Постановлением СНК КазССР и ЦК КП (б) К от 20 декабря 1941 г. Южно-Казахстанской обл. было отпущено 250 000 руб. для оказания единовременной помощи особо нуждающимся эвакуированным из прифронтовой полосы семьям рабочих, служащих и военнослужащих. Было разрешено выдавать до 300 руб. на одну семью. Работу по выдаче помощи необходимо было закончить в недельный срок [8].

С октября 1941 г. из прифронтовой полосы в Южно-Казахстанскую обл. стали прибывать крупные промышленные предприятия, большинство из них были размещены в г. Чимкенте, для предприятий необходимо было предоставить помещения, обеспечить электроэнергией, водоснабжением, рабочей силой. Киевский химико-фармацевтический завод им. Я.М. Свердлова (с заводом прибыли 45 специалистов и 92 единицы оборудования) и Московский государственный алколоидный заводы (40 специалистов) были размещены на Чимкентском химико-фармацевтическом заводе им. Ф.Э. Дзержинского. Из Харькова в Чимкент прибыли чулочная фабрика (с фабрикой прибыло 85 специалистов, 680 станков), швейная артель «Червонный промись» и Харьковская фабрика «Красный зеркальщик» с 34 специалистами и 18 станками в комплекте с моторами, уже в декабре 1942 г. фабрика дала готовой продукции на 30,7 тыс. руб. Данковский завод растительного каучука «Расткаучук» из Рязанской обл. прибыл с 23 специалистами и 216 единицами оборудования и был размещен на территории Чимкентского городского промкомбината. Реутовская прядильная фабрика «Красная поляна» была размещена на Центральной усадьбе совхоза «Пахта-Арал» Кировского р-на.

В декабре 1941 г. прибыл в Чимкент Воронежский станкостроительный завод им. М.И. Калинина (№ 234), выпускавший прессы и

запасные части к танкам. 225 единиц оборудования завода № 234 были размещены в 3 корпусах Чимкентского свинцового завода на площади 2880 м², с заводом прибыло 440 рабочих и служащих. Так же на свинцовом заводе разместился Подольский литейно-прокатный завод им. 15-летия ВЛКСМ [9].

Учитывая острую нужду в прессах-автоматах, необходимых для выпуска оборонной продукции, коллектив завода № 234 им. М.И. Калинина с помощью местных организаций в течение весны 1942 г. построили нагревательные кузнечные печи, вагранку, эстакаду и сушило, что дало возможность приступить к выпуску товарной продукции из поковок и литья своего производства. Несмотря на трудные условия, вызванные отсутствием помещения для кузнечного и литейного цехов, коллектив завода обеспечил выполнение плана 1942 г., полугодовой план 1943 г. закончил досрочно 22 апреля. За перевыполнение обязательств Воронежскому станкостроительному заводу № 234 было неоднократно присуждено переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомата станкостроения СССР [10].

В июне 1942 г. в Чимкент была эвакуирована Запарская текстильная фабрика и размещена в зданиях ФЗО свинцового завода, сельскохозяйственного техникума, учительского института [11].

В ноябре 1941 г. прибыли в Чимкент из Москвы Академия Архитектуры СССР^{1*} и театр Моссовета, для работы которого было предоставлено здание областного казахского театра и областной Дом учителя. Продвижение научных идей имело большое народно-хозяйственное значение, поэтому Южно-Казахстанский обком партии создавал все условия для проведения сессий Академии Архитектуры СССР [12].

В Южно-Казахстанской обл. до эвакуации было 10 детских домов и одна школа-интернат для глухонемых, к 20 декабря 1941 г. в регион прибыло по эвакуации 19 детских домов, в них 1800 детей из Воронежской, Ворошиловоградской, Запорожской, Киевской, Курской, Ростовской, Сталинской, Харьковской областей [13].

На 1 апреля 1942 г. по области насчитывалось 26 детских домов с контингентом 3274 человек. На патронаж в семьи было взято из эвакуированных детских домов 54 ребенка, в т. ч. 9 детей взяли ответственные руководящие работники. За I кв. 1942 г. из 580 переростков – воспитанников детских домов 150 было трудоустроено. Из-за

^{1*} Малиновская Е.Г. Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации. / История. Память. Люди: Материалы I X научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – С.180–188.

нехватки мастерских было охвачено трудовым обучением 423 подростка старше 12-ти лет, что составляло 20% от подлежащих к охвату.

Снабжение основными продуктами питания осуществлялось по нарядам торгующих организаций и было неудовлетворительным: задержки, неполное получение муки, круп, жиров и мяса, овощей, замена хлеба на пшеницу, снижение нормы выдачи хлеба на ребенка. По сравнению с началом 1942 г. было улучшено санитарно-эпидемическое состояние детских домов: ликвидированы завшивленность, инфекционные заболевания, в 12-ти детских домах имелись свои бани, при 4-х детдомах построены дезокамеры, работали 17 медицинских сестер и 9 врачей.

Остро стоял вопрос обеспечения детей одеждой и обувью, так для двух детских домов необходимо было приобрести 302 пары обуви, практически для всех воспитанников. При 10 детских домах имелись подсобные хозяйства с общей пашней 155 га и 1386 голов мелкого скота, 558 – крупного, 15 лошадей. К середине 1942 г. 14 подсобных хозяйств обслуживали 18 детских домов. Не смотря на наличие подсобного скота, детские дома не полностью обеспечивались мясомолочной продукцией, это объяснялось малой продуктивностью скота и отдаленностью подсобных хозяйств. Подсобное хозяйство являлось дополнительным источником для заготовки картофеля, овощей и фруктов на зиму. В результате агитационно-массовой работы многие учреждения, предприятия, колхозы взяли шефство над детскими домами, помогали продуктами питания, топливом, засевали для детских домов земли огородно-бахчевыми и зерновыми культурами. На 20 июня 1942 г. в области насчитывалось 27 детских домов с общим контингентом 3098 человек: 1596 – мальчиков, 1502 – девочек, 411 детей дошкольного возраста. С начала года было трудоустроено и послано на учебу 390 человек, патронировано и усыновлено 99 детей, возвращено родителям – 95 [14].

На 1 апреля 1942 г. на временном учете в Чимкентской городской партийной организации состояло 679 коммунистов [15].

На 15 февраля 1942 г. в состав номенклатурных работников обкома и ЦК КП(б) Казахстана по Южно-Казахстанской области входило 275 эвакуированных коммунистов [16].

С конца 1941 г. в Южно-Казахстанскую обл. начали прибывать эвакуогоспитали: 4 госпиталя разместились в Чимкенте, 5 – в районах, они могли вместить 3650 раненых бойцов. Госпиталь № 3981 на 600 коек разместился в здании городской больницы, гостиницы и партийных курсов, госпиталь № 1604 на 300 коек – на маслоэкс-

тракционном заводе, госпиталь № 2920 на 400 коек – в здании Каракультреста, госпиталь № 3294 на 600 коек разместился в зданиях школы, гостиницы и общежития свинцового завода. В г. Туркестане был расположен госпиталь № 2068 на 500 коек, в Манкенте Сайрамского р-на – госпиталь 3983 на 200 коек, в Балыкчах Тюлькубасского р-на – госпиталь № 2921 на 250 коек, в Сары-Агачском р-не – госпиталь № 3223 на 500 коек, в санатории Акташ Бостандыкского р-на – госпиталь № 1977 на 300 коек [17].

По госпиталю № 3294 с 27 декабря 1941 по 27 декабря 1943 г. поступило 6489 раненых больных, было выписано – 5857, из 632 находящихся на излечении на 1 января 1944 г. членов партии – 42, комсомольцев – 74 [18].

Выполняя постановление ЦК КП (б) К от 4 марта 1943 г. «Об обучении на родном языке детей-украинцев, эвакуированных из Украинской ССР» в 6 районах Южно-Казахстанской обл. функционировали 7 классов с обучением на украинском языке [19].

В рамках архивного проекта музея Холокост в Вашингтоне В. Дубсон провел работу по выявлению документов по теме «Эвакуация евреев в Южно-Казахстанскую обл.», работники архива отсканировали выявленные документы, сканкопии были отправлены в Музей Холокоста. Были выявлены следующие документы: списки эвакуированных членов Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны в Южно-Казахстанскую обл., личные листки по учету кадров и автобиографии эвакуированных членов партии, протоколы заседаний бюро Южно-Казахстанского областного, Чимкентского городского, районных комитетов Коммунистической партии Казахстана, информации, сведения, докладные записки о приеме, размещении, трудоустройстве, снабжении, бытовом обслуживании эвакуированных граждан.

1. ГАОПИТО. Ф.40. Оп.4. Д.63. Л.168, 169.
2. Там же. Д.67. Л.128, 129.
3. Там же. Д.74. Л.18, 19.
4. Там же. Д.97. Л.79.
5. Там же. Ф.11. Оп.1. Д.610. Л.246; Д.663. Л.134.
6. Там же. Ф.40. Оп.4. Д.133. Л.71, 72, 77, 95, 97, 101, 102.
7. Там же. Д.96 Л.14.
8. Там же. Д.99. Л.39.
9. Там же. Оп.5. Д.382. Л.3, 22; Д.100. Л.11.
10. Там же. Д.429. Л.25, 26; Оп.6. Д.59. Л.23.
11. Там же. Ф.11. Оп.1. Д.666. Л.36.
12. Там же. Оп.4. Д.90. Л.82; Оп.5. Д.100. Л.47; Ф.11. Оп.1. Д.610. Л.263.
13. Там же. Д.194. Л.92.
14. Там же. Оп.5. Д.240. Л.7, 8, 14, 18, 23, 32, 33.
15. Там же. Ф.11. Оп.1. Д.678. Л.1.

16. Там же. Ф.40. Оп.6. Д.15. Л.1, 9 об.
17. Там же. Оп.4. Д.360. Л.125; Ф.2. Оп.1. Д.449. Л.56.
18. Там же. Ф.11. Оп.1. Д.747. Л.9.
19. Там же. Ф.40. Оп.6. Д.171. Л.1.

Мырзатаева З.Б.

**Темір жол транспорты және оның қызметі: эвакуация.
(Түркістан ауданы материалдары негізінде. 1941 ж)^{1*}**

Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Қазақстан майданның қуатты арсеналына айналды. Соғыс еліміздің бүкіл теміржолдарының алдына жауапкершілігі мол міндеттерді қойды. 1941 ж. 24 маусымында 18 сағатта еліміздің, соның ішінде Қазақстанның теміржолдарындағы пойыздар қозғалысы айрықша әскери жұмыс кестесіне ауыстырылды. Әсіресе, мобилизациялық іс-шараларды жүргізуде пойыздар жылдамдығын реттеу – кезек күттірмес мәселеге айналды. Соғыстың алғашқы жылдарында Түрксіб арқылы адамдар мен материалдық ресурстарды үсті-үстіне жөнелту, Қазақстанға көшірілген кәсіпорындар мен адамдарды қабылдау кезінде қиындықтар орын алды, вагондарға деген сұраныс нормадағыдан үш есе асып түсті. Қазақстанның теміржолшылары орасан зор тасымалдар көлемін бұлжытпай орындады. Елімізге бірнеше айлардың ішінде елдің орталығынан 220 өнеркәсіп орындары және 550 мың адам көшірілді.

Түркістан кеңістігіндегі «тоғыз жолдың торабы» атанған Арыс станциясының соғыс жылдарында атқарған қызметі ерекше болды. Өйткені Арыс - Түрксіб, Орынбор және Закаспий теміржолдарын бір тораптан қосып тұрған ірі станция. Былайша айтқанда Арыс станциясын Москва, Сібір, Ташкентті біріктіруші және Азияға апаратын қақпа деп те айтуға болады.

Сол себепті эвакуациялық шараларды орындауда Арысқа түскен салмақ ерекше ауыр болатын.

Оңтүстік Қазақстанға бағытталған эвакуациялық шаралардың қарқыны төмендегі кестеде берілген [1].

^{1*} В статье анализируется ход эвакуации населения в Туркестанский (район) тыл Южно-Казахстанской обл. Особенностью региона является то, что здесь функционировал легендарный Ащысайский полиметаллический комбинат, который выдавал «девять из десяти пуль» для фронта. А также проанализирована деятельность станции Арысь, как соединяющей Турксиб, Оренбург и Закаспийскую железную дорогу в единую сеть. Делается вывод о том, что железнодорожники станции Арысь вынесли на себе основную тяжесть перевозок при эвакуации населения в регион годы войны.

Кесте № 1. Оңтүстік Қазақстанға көшірілген адамдар саны

№	Аудан және ауылдар атауы	Эвакуацияланғандар		Арнайы жер аударылған немістер		Поляктар азаматтары	
		Жоспар	Келгендері	Жоспар	Келгендері	Жоспар	келгендері
1	Шымкент қ.	5000	7507				
2	Шымкент	3500	3100	-			
3	Сайрам	5000	5061	-			
4	Ленгер	5500	5870	-			
5	Түркістан	5000	3815	-			
6	Арыс	3100	2431	5000			
7	Сары-Ағаш	4500	3344	-			
8	Түлкібас	5000	5119	1000	23000		
9	Пахта-Арал	4000	2895	4000	5000		
10	Жуалы	4590	4525	2500	2500		
11	Келес	1000	740	3500	2000		
12	Бостандық	4100	3727	-	-		
13	Қаратас	2000	66	2000	2300	3000	2650
14	Шәуілдір	13 000	488	2000	-	2000	2121
15	Фрунзе	2000	271	1500	-	3000	3200
16	Шаян	2000	65	1500	-	4000	3200
17	Созақ	-	-	1500	-	3000	3200
18	Қызыл-Құм	-	-	1000	-	3000	-
19	Киров	-	-	13000	-	-	-
	Одан басқа, балалар саны	1200	2544	2544			
	Барлығы	58 700	51 168	36 000	22 800	18 000	15 931

Бұл кестеде 1941 ж. эвакуация және арнайы жер аударылған азаматтардың саны көрсетілген. Көріп отырғанымыздай, соғыстың алғашқы жылында-ақ Оңтүстік Қазақстанға эвакуациялық жолмен – 51 168, депортациялық жолмен – 22 800 (неміс азаматтары), 15 931 (поляк азаматтары), ал барлығы – 89 839 адам келген. Бұл орасан зор көп жұмыс күші еді, Түркістан ауданы паспортының 1940-жылғы мәліметі бойынша ауданда 8925 [3, 34] адам жұмысшылар болған, ал жоғарыдағы көрсетілген кестеге сүйенсек, Түркістан ауданына 6246 адам эвакуацияланды. Демек көшіріліп әкелінгендер саны жергілікті жұмысшылар көлемінің шамамен 80%-ын құрайды. Әрине бұл тек эвакуациялық жолмен келген азаматтар санағы бойынша берілген мәліметтер. Егер депортациялық жолмен келген поляк, неміс, шешен ж. б. ұлт өкілдерін қосар болсақ онда өңір халқының құрамы мен санының әлдеқайда өскенін байқаймыз. Осы жерде тоқталатын маңызды мәселе, осынша европалық азаматтарды Қазақстанның оңтүстік өңірлеріне жиі орналастырудың өзіндік себептері де жоқ емес-тін. Соған қысқаша тоқталсақ, жалпы Түркістан ауданы ауыл шаруашылығымен қатар өндіріс орындарына бай елді мекен болатын. Мысалы аты аңыз Ащысай түрлі-түсті металдар комбинаты одақ көлемінде қорғасын шығарудан даңқы артып тұрды. Бұл жөнінде мынадай фактілерді келтіруге болады.

Кесте № 2. Өндірілген кен есебі. 1941–1946 жж. [2].

Рудниктер атауы	Руда өндіру, мың., тн.							Рудалардағы негізгі металл құрамы													
								Қорғасын %							Мырыш %						
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	40	41	42	43	44	45	46	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Лениногорский	492	500	418	277	264	282	306	4,7	3,6	4,7	5,6	4,9	4,98	4,52	10,0	7,0	9,1	10,1	8,8	8,6	8,34
Сокольный	279	457	378	263	275	282	323	2,5	2,7	3,0	3,4	2,5	2,3	2,82	5,5	5,4	5,7	5,9	4,6	4,1	3,69
Белоусовский	80	79	88	54	64	81	136	1,8	1,4	1,5	1,4	1,6	1,1	-	6,6	7,6	9,0	8,7	7,4	7,4	7,25
Березовский	-	-	-	17	14	25	41	-	-	-	5,2	4,9	4,3	3,94	10,0	8,8	9,9	9,6	9,5	9,4	7,92
Зыряновский	128	150	146	79	85	96	46	3,8	4,3	5,3	5,3	4,6	4,6	4,26	-	-	-	8,3	9,2	9,2	7,19
Ачисайский	363	381	318	164	109	101	96	16,5	13,3	11,0	9,1	9,5	7,0	4,7	-	-	-	-	-	-	15,2
Хантагинский	47	8	-	-	-	-	-	2,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Миргалимсайский	-	50	72	82	115	134	167	-	-	3,2	3,7	3,6	3,1	3,3	-	-	-	-	-	-	-
Байджансайский	-	-	10	12	13	15	14	-	-	10,8	9,2	7,2	5,1	6,2	-	-	-	-	-	-	-
Кансайский	88	109	72	39	44	56	48	9,9	10,3	8,0	8,6	8,9	8,7	8,95	9,8	8,2	7,0	8,1	8,5	8,9	8,86
Актюзский	-	-	37	60	55	45	-	-	-	6,1	5,0	4,4	5,4	-	-	-	2,9	2,8	-	-	-
Текелийский	-	-	1-	23	59	131	163	-	-	6,5	6,8	4,0	3,9	3,9	-	-	9,6	9,9	6,9	7,1	7,88
Садонский	120	168	102	25	62	42	67	5,8	5,4	4,7	3,8	4,7	4,6	7,2	11,0	9,0	8,6	7,9	7,8	11,8	20,38
Салайрский	354	366	352	188	255	110	83	1,1	0,8	0,8	0,9	0,8	0,7	0,51	6,2	5,4	4,7	3,8	3,4	3,2	2,89
Сихали	161	181	152	125	162	141	96	5,7	6,8	8,1	7,1	6,7	6,2	6,28	9,5	10,6	12,1	11,8	11,2	11,5	10,99
Всего по Главку	2112	2468	2155	1408	1579	1541	1588	5,4	5,2	5,0	4,3	4,2	4,06	3,7	5,0	4,8	4,8	5,0	4,6	5,7	6,6

№ 2 кестеден 1940–1941 жж. Ащысай руднигінің қорғасын өндіруде алдыңғы қатардан орын алғанын байқауға болады. Мысалы, 1940 ж. Салайрский руднигі (354 мың тонна руда), Лениногорский руднигі (492 мың тонна руда) руда беруден біріншілікте тұрғанымен, одан алынған қорғасын небәрі Лениногорский руднигінде 4,8%-ды, ал Салайрский руднигінде 1,1% ғана құрайды. Ал мұны Ащысай руднигімен салыстыра қарайтын болсақ, осы жыл ағымындағы алынған 363 мың тонна рудадан алынған қорғасын 16,5% құраса керек. Сол сияқты 1942 ж. Байжансай руднигінен өндірілген небәрі 10 мың тонна рудадан 10,8% қорғасын алынғанын байқаймыз. Сондықтан Қаратау баурайындағы қорғасын қоры сапасы жағынан жоғары, мейлінше таза қалпында кездеседі деуге негіз бар. Жоғарыда көрсетілген сандық мәліметтер аталған комбинаттың соғыс жылдарында аса үлкен мәртебеге ие болғанын дәлелдейді. Мысалы, Ащысай полиметалл комбинатының құрамындағы: Ащысай, Мырғалымсай, Байжансай, Хантағы және басқа да рудниктердің соғыс жылдарында өндірген қорғасын қорын қоса есепке алар болсақ (1940–1945 жж.), ол 115% қорғасын өндірген болып шығады екен. Бұл одақ көлеміндегі ең жоғарғы көрсеткіш. Сондықтан ел ішіндегі «екінші дүниежүзілік соғысқа Шымкент қорғасын заводы он оқтың тоғызын берген» деген сөздің растығына тағы да көз жеткізуге болады. Міне соған сәйкес КСРО-ның дің европалық бөлігінен азаматтарды Түркістанға эвакуациялаудың басты себебі – өңірге комбинаттың түрлі рудниктеріне жұмыс күші қажеттілігінің артуына байланысты еді. Қаратау жоталарынан түрлі түсті металдардан басқа цинк, алебастр, глина, известняк, көмір, охра, гижбор және т.б. көптеген шикізат көздері өндірілді. Сонымен қатар, өңірдің экономикалық маңыздылығы «аудан территориясында 672 га егістік, 19 300 га шабындық, 326 500 га мал жайылымына қолайлы жерлер болды. Совхоздарда 9955 га дәнді дақылдар, 4150 га мақта, 419 га каучук және т.б. өсірілді (1940 ж. 29.VIII.)» [3, 11].

Өндіріс орны ретінде әлі де қалыптасу жолындағы комбинатта еңбек ету адамдар үшін зор қиындықтар туғызды. Соған сәйкес халық тұрмысы да ауыр жағдайда болатын. Міне, қазақ ауылы тұрғындарының көңілсіз өмірінің куәгері Зыбина есімді орыс қызының хатында Түркістан ауданына қарасты Оранғай ауылының 1941 ж. бейнесі суреттеледі: «О, Василий Тихонович! Заберите меня отсюда. Заберите, жить мне дальше здесь нельзя. Я плачу... я

несколько раз говорила райздраву, что жить очень трудно в Урангае. Готовить пищу не с чего и нечем, нет топлива, нет хлеба, нет продуктов купить, у кого можно, настойчиво требует справки. Как трудно здесь жить. Нету света. (сизу как в темнице – вечером). Василий Тихонович переведите меня если в город нельзя, в аул переведите только не в такой. 12.07.1941. Зыбина» [4]. Оранғайға іргелес барлық ауылдардың Байылдыр, Мырғалымсай, Хантағы, Ащысайдың ж.б. жағдайы осындай еді. Сондықтан КСРО-ның европалық бөлігінен келген азаматтардың жаңа жағдайға бейімделуі аса ауыр жолдан өтті.

Өңірдің қазына байлығын игеру және тасымалдаудың барлық стратегиялық алғышарттары бұл уақытта жасалынып қойылған-тын. Рудниктер мен өңдеу фабрикаларының арасын қосатын елішілік тар табанды темір жол тораптары да қызмет ете бастаған. Ал Арыс станциясы өзі өмірге келген XX ғасырдың басынан бері тәжірибесі де жеткілікті тін. Алайда соғыстың алғашқы жылдарында аталған станция және темір жол торабы үлкен қиындықтарға кезікті. Бұл станцияда жүздеген пойыздардың кептелісте қалуы, эвакуацияланған, депортацияланған адамдар, оның ішінде қарттар мен балаларды, жетім, мүгедек балалардың зардап шегуі, өндірістік құрал-жабдықтардың бүліншілікке ұшырауы және басқа да ауыртпалықтарды бастан өткерді. Төменде Арыс станциясындағы жағдайды архивтік деректер негізімен қарастырылған.

1941 ж. 13 желтоқсанында [5] БКП (б) ОК КССР, Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша партиялық бақылау комиссиясының орынбасары Қантарбаевтың Мельковқа (БКП(б) ОК КССР бойынша ПБК уәкілі) жолдаған хатында Арыс станциясының қызметі туралы жазылды. Ол Арыс станциясында орын алған орасан зор пойыздар кептелісін, яғни жүзден астам пойыздардың жиналып қалғанын баяндайды. Жүктері, дүние-мүліктері бар эвакуацияланған азаматтар бұл кептелісте апта бойы тұрып қалғанын көрсетеді. Сондай-ақ, станцияға 29 қарашада жеткен № 588181 вагонның (Астраханнан авиамотор жүгі тиелген) 9 желтоқсан мерзімінде белгіленген орынға жөнелтілу қажет болғаны, алайда оның іске асырылмай қалғанын айтады.

Сол сияқты 29 қарашада келген, әскери құрал-жабдықтар тиелген № 188, № 103 пойыздары (Әндіжаннан Илинскіге бағытталған) 10 желтоқсанға дейін жөнелтілмей, Арыс станциясында тұрып қалса керек. Сол сияқты болат металлынан жасалынған құрал-жабдықтары

бар № 607935, № 1107043, № 1098278 ж.б пойыздардың вагондары Вяткинскіге жөнелтілмей қалған. Сол себепті, «...Арыс станциясында еш тәртіп жоқ. Жұмысшылардың қателіктерінен вагондар баруға тиесілі жерлеріне жете алмай тұр», – деп жазады Қантарбаев.

Қантарбаевтың мәлімдемесінде Арыста әсіресе, депортациялық жолмен келген поляк азаматтарынан тұратын вагондардың да әбден тығырыққа тірелгені айтылады. Ұзақ жол жүріп келген пойыздардың Арыс станциясындағы кептелістен адамдардың ашығуы, түрлі ауруларға шалдығуы, антисанитария сияқты қиындықтардан зор зардап шеккені көрсетілген.

Темір станциясынан 6 вагонға орналастырылған поляк азаматтары Арысқа жетіп, онда 19 сағат бойы қозғалыссыз тұрып қалған. Арыста осылайша екі күн тұрған соң, енді кері қарай өздері шыққан Темір станциясына қайта жөнелтілген. Ал осы жылдың (1941) 25 қарашасында Арыс станциясына келіп тоқтаған № 339319 пойыз (поляк отбасы орналастырылған) Алматыға (1941) 2 желтоқсанында ғана жөнелтілген. Осы кептеліс жағдайында кенеттен болған оқыс қозғалыстар вагон ішіндегі адамдарға да зор шығын әкелген, мысалы вагон ішінде алаңсыз отырған жас балалар түрлі жарақат алып зардап шеккен, ыдыс-аяқ ж.б. тұрмыстық заттарының тас-талқаны шығып қираған.

Көрсетілген жылдың 26 қарашасында 1083 поляк азаматтары орналастырылған № 631 пойыздың он жеті вагоны қабылданады. Бұдан бұрынғы жөнелтілген вагондардан поляк отбасы мүшелері бір-бірінен ажырап қалса керек. Ұзақ мерзім тұрып қалған вагондар диспетчердің хабарлауынсыз оқыстан қозғалып жүріп кеткенінде ана мен бала бір-бірінен ажырап жатты [5]. Ұзақ уақыт тұрып қалған вагондар тіпті, бұрынғы бағытын өзгертіп, мүлдем басқа жаққа жүйткі жөнелген. Осындай жағдайда жақынынан адасқан адамдардың: ата-аналардың үрейге толы дауыстары, балалардың шырылдап-жылағаны ерекше қатты естілді. Станция әкімшілігі сергелдеңге түскен адамдарға тіпті, ол вагонның қайда жөнелтілгені туралы дұрыс ақпарат жеткізе алмай дал болған [6].

Темір жол транспортында орын алған ауыртпалықтардың тағы бірі – ол пойыздардың белгіленген пункттерде қабылданбай бір барған жеріне бірнеше рет қайта оралуы еді. Мысалы ҚазССР прокуратурасының Қазақстан Коммунистік партиясы Орталық комитетінің хатшысы Скворцовқа мәлімдеуінде ӨзбССР-нің Халық

комиссарлар советінің өкілі бастапқыда Өзбекстанға жіберілген эшелондарды Қазақстанға, Қырғызстанға, Новосибирскіге кері қайтарып жіберетінін, ал өз кезегінде ҚазССР халық комиссарлар советінің өкілі және басқалары оны қабылдағысы келмейтіні туралы жазады [6]. Соған сәйкес Өзбекстанға жіберілген жетім балалар орналастырылған пойыз, діндеген жеріне жетіп тұрып, сол жолаушыларымен қайтадан Арысқа оралған. Осылайша Өзбекстан Республикасы жетім балаларды қабылдаудан бас тартып, үш рет кері қайтарған [5, 89–92]. Сол сияқты Ворошиловградтан шығарылған есту, сөйлеу қабілеті жоқ мүгедек балалар мектебі де Алматыға жете алмай, Арыста төрт күн тұрған. Ал Алматыға жеткен соң, онда алты күн тұрып, Ақтөбеге кері қайтарылған. Осы түсініксіз сапарда вагонда 66 бала тоңып, ашығып қатты қиналған [34, 89–92].

Темір жол транспортында орын алған қателіктердің бірі – пойыз қозғалысының ретсіздігі, яғни, мысалы Чкаловтан (Орынбор қ.) Арысқа дейін бағыт алған пойыз үш күн бойы арадағы станцияларға тоқтаусыз жүріп келген. Бұл вагондардағы жолаушыларды тамақтану, станциялардан медициналық көмек алу ж.б. мүмкіндіктерінен айырды [6, 175–179].

Сол сияқты поляк азаматтары орналастырылған № 1919 пойыз Арыс станциясында 4 желтоқсаннан 9 желтоқсанға дейін, ал 1400 поляк азаматтары бар № 915 пойыз, 2397 поляк азаматтары бар № 707 пойыз Түркістан станциясына жіберілген, Түркістанға жеткен пойыздар Арысқа кері қайтарылған. Осындай ауыртпалықтардан денсаулығынан айрылғандар Арыс станциясы маңындағы аудан ауруханасына түсіп жатты. Әрине аурухана жағдайы да адам шошырлық жағдайға түсіп кеткен еді.

Қантарбаевтың Мельковқа жолдаған хатында: «45 адамға арналған ауруханада 90 науқас адам (аштықтан ісінген) жатыр. Бір палатада түрлі инфекциялық дертпен ауырғандар қатар орналастырылған. Мысалы, туберкулез, скарлатина, дизентерия, тиф (брюшной, сыпной). Біз кіріп барғанда, екі науқас еденде, біреуі кереуетте жатыр екен. Ішек ауруы науқастары аса аянышты халге түскен, ыдыс-аяқтары, тағамдары, адам қиы бір бөлме ішінде шашылып жатты. Ал кейбір бөлмелерден бірнеше күн жатып қалған мәйітті көрдік. Ауруханада күн сайын кісі өлімі шығады. Ал олардың аты-жөні Загс-ке де тіркелмеген», – делінеді, әрі қарай онда, – «тағы бір мысал, эвакуацияланған Галкин екі әпкесімен сүзекпен ауырып

қалады. Соған қарамастан оларды Арыс станциясы Ташкентке жөнелтіп жіберген. Жолда апалы-сіңлілі екеуі де көз жұмады. Ал Галкиннің өзін Ташкент ауруханасы қабылдамаған соң, әпкелерінің мүрделерімен бірге кері бағытта Арысқа қайта оралған екен. Арыс станциясына жеткен Галкин ауруханаға қабылданғанымен (ауыр халдегі науқастармен қатар жатқызып қойған) оған ешқандай ем жасалынбаған» [6, 175–179].

Сондай-ақ архив құжатында ғалымдар орналастырылған вагондардың мағынасыз сапар шеккен оқиғасы тіркелген. «В конце июля месяца из Одессы эвакуируется государственный университет с направлением в г. Осипенко (бывш. Бердянск). Эвакпункт г. Осипенко их не принимают, предложено поехать в Хорсицк, там тоже не оставляют. Тогда они через Мариуполь направляются в Краснодар, где опять не приняли, направляют их на Кавказ в г. Майкоп, но туда половина университета т. е. физико-математический факультет не могли добраться т. к. в то время через Ростов нельзя было проехать, их направляют на Сталинград, из Сталинграда проехали в Астрахань, оттуда из Красноводск. Здесь им направление дали в Казахстан в г. Джамбул. 29.10 они через Ташкент приезжают на ст. Арысь. 2.12 прибыли в г. Джамбул, где им предложили поехать в Чуйский р-н. Когда они приехали на станцию Луговую весь состав с Турксиба повернули на Пишпек, они и попали в Киргизию. Они решили остановиться в Киргизии, но здесь им предложили поехать в г. Джалал-Абад. Они обратно через Луговую, Джамбул, Чимкент приехали 7 декабря вторично на Арысь. До 10 декабря не были отправлены. Если удастся отправиться, то опять поедут через Ташкент. В профессорско-преподавательском составе было 77 человек, в т. ч. 16 – высококвалифицированные специалисты. Известный деятель профессор медик Моргалин И.И. – 90 лет и профессор Броцкий – 84 года остались на произвол судьбы в Краснодарске. В числе ехавших человек 10 болеют в вагоне, целых 5 месяцев занимают вагон и сами не работают» [6, 1–5]. Тұтқиылдан басталған соғыс ел дегбірін қаншалық алғаны осы сюжеттерден анық байқалады.

Міне осындай сергелдең күйді басынан өткерген эвакуацияланғандардың балалары бүгінде қарттар, өз естеліктерінде алуан түрлі ауыр оқиғалардың куәгері болғанын жеткізеді: «Ресейден эвакуацияланған Лев Дмитриев (1933 ж. т.): «Мы жили под Москвой на даче. Осенью 41-го отца взяли на фронт, а мама с двумя детьми,

мной и братом отправились в эвакуацию. Она была архитектор и это все организовывал Союз архитекторов.^{1*} Ехали поездом около месяца. Как выжили непонятно. От дороги запомнилось лазурное Аральское море и где то под Ташкентом толпа умирающих от голода поляков. Потом от Туркестана на открытой платформе узкоколейке привезли в Ачисай. Всех сгрузили вповалку на пол в гостинице. Провалились там дня три потом подселяли по квартирам. Сначала попали к учительнице Зинаиде, потом к семейству шахтера Варлашкина. Прожили года три и возвратились в Москву. Помню скверик в Акжаре, бильярд, летний кинотеатр. Смотрели там «Три мушкетера», «Большой вальс». Мама работала на местном радио и в газете «Горняк Каратау». Храню вырезку с ее стихами. Врезаются штреки глубоко^{2*}... И так далее. Был друг казах Артыкпай, приносил очень вкусные лепешки. Директор рудника был Адерий. На перевале был рынок, верблюды, покупали там чай. В магазинах все было по карточкам. Начал ходить в школу.

Сейчас мне Сейчас мне 83, живу с женой в деревне под Москвой с вспоминаю далекие счастливые годы. Лев Дмитрий» [7], – делінді.

Міне осылайша ауыр жолдан аман келіп жеткен эвакуацияланған азаматтар Түркістан ауданында еңбек ете бастады. Сонымен мақалада Арыс темір жолындағы эвакуацияға қатысты фактілік материалдар талдауға алынды. Соғыс басталған алғашқы кезеңнен ауыл шаруашылығын, өндіріс орындары сияқты темір жол транспорты қызметін ұйымдастыру өз дәрежесінде болмай шықты. Мұның салдары қарапайым адамдар тағдырына қатты ықпалын тигізді.

1. ТО МҚСТА (Түркістан облысының мемлекеттік қоғамдық-саяси тарихы архиві) Ф.40, 1-тізбе, 133-іс. 71 П. Докладные записки о размещении эвакуированного с прифронтовой полосы населения, 1941 г.

2. РГАЭ. Ф.9032. Оп.4. Д.445. Л.15.

3. ТО МҚСТА. Ф.8., 1-тізбе, 330-іс, 8 П.

4. КРГА (Кентауский региональный госдарственный архив) Ф.356. Оп.1. Св.2. Д.19.

5. АП РК Ф.725. Оп.4. Д.183.

6. АП РК Ф.708. Оп.5. Д.183.

7. Лев Дмитриев (1933 ж. т.). Москва. электронды почтамен хат арқылы байланыс орнатқан Мырзатаева З.Б. 21.05.2016 ж.

^{1*} Также см. Малиновская Е.Г. Академия архитектуры СССР в Чимкенте – период эвакуации / История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – С.180–188.

^{2*} Респондент баяндаған өлең газеттерден кездесті, алайда ол Вл. Ключанский авторлығымен жарық көріпті. (Вл. Ключанский Врезаются штреки глубоко. // Горняк Каратау – 1943 г., 6 февраля).

Краткий обзор производственной деятельности 517 завода^{1*}

После начала Великой Отечественной войны в июле 1941 г. были эвакуированы ленинградские заводы по обработке цветных металлов, затем московские и в октябре – завод им. Орджоникидзе из г. Кольчугино [1].

Кольчугинский завод им. Орджоникидзе, основанный в 1871 г. как завод Товарищества латунного и меднопрокатного заводов «А.Г. Кольчугина и Ко», играл важную роль в развитии цветной металлургии и на разных этапах своего становления вносил значительный вклад в развитие промышленности. После революции в 1918 г. был национализирован и стал называться Первым Государственным меднообработывающим заводом [2].

В 1939 г. предприятие разделили на два завода: один был назван им. Серго Орджоникидзе, другой – «Электрокабель». Григорий Константинович (настоящее имя Орджоникидзе (1886–1937) был одним из организаторов индустриализации в СССР, сумел мобилизовать ресурсы страны на создание мощных промышленных предприятий, с 1932 г. возглавил Наркомат тяжелой промышленности СССР. Его слова, ушедшего из жизни до войны, приводились примером для оборонной промышленности в Великую Отечественную войну. На VII съезде Советов в 1935 г. Орджоникидзе говорил: «Тяжелая промышленность готова выполнить свои обязательства в отношении обороны страны. Она даст нашей Красной армии все необходимое для того, чтобы границы нашей великой Родины были неприступными для наших врагов». Эти слова ... воплощены в сотнях и тысячах самолетов, танков, орудий, пулеметов, минометов, десятках боевых кораблей, в грозном оружии, которым советский народ разит сейчас (1942 г.) ненавистных немецких захватчиков» [3].

В октябре 1941 г., когда гитлеровские войска обходили Москву с севера, ГКО принял решение об эвакуации кольчугинских заводов для будущего успешного функционирования военной экономики [2]. По решению правительства от 3 октября 1941 г. Кольчугинский завод цветного проката им. Серго Орджоникидзе со всем оборудованием и кадрами был эвакуирован в 5 городов Урала и Казахстана. На базе оборудования, вывезенного из города Кольчугино Владимирской

^{1*} Также см. Аупенова А.У. Завод № 517: История становления и развития эвакуированного промышленного объекта на казахстанской земле / История. Память. Люди: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017 – С.229–234.

обл., в местах эвакуации возникли 5 новых заводов – Орский завод цветных металлов, Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов, Ревдинский завод по обработке цветных металлов, Балхашский завод обработки цветных металлов и завод в Верхней Салде Свердловской обл. Также кабельный завод в Ташкенте и завод металлических сеток в г. Краснокамске, близ г. Перми.

Прокатный цех № 4 и 622 человека прибыли в г. Балхаш Казахской ССР на площадку Балхашского медеплавильного комбината, где был образован завод № 517; трубоволоочильный цех № 2 эвакуирован в Ревду, где образован завод № 518 НКЦМ; оборудование по сборке М-13 – на завод № 78 в Челябинск; остальная часть завода – в Каменск-Уральский, Орск и Верхнюю Салду, где, соответственно, были созданы заводы № 515, 516 и 519 НКЦМ [4].

«Нелегко был путь кольчугинских металлургов и их семей до Балхаша. Только через 36 суток первый эшелон с людьми и оборудованием прибыл на казахстанскую землю. Трудности в Балхаше начинались, как говорится, с порога. Не хватало жилья, многие поселились в землянках, бараках. Приехавших из Кольчугино рабочих и их семьи размещали, где только было возможно: в клубах, школах, красных уголках. Многих эвакуированных балхашцы брали к себе, уплотняясь в своих квартирах. Чуткость и забота, проявленные руководителями медного завода, всеми балхашцами, помогли кольчугинцам преодолеть все невзгоды, выстоять в самую трудную пору» [1].

Производственные площади для размещения эвакуированного оборудования предоставил Балхашский медеплавильный завод (БМЗ) в своих имеющихся свободных зданиях самого разного назначения [5]. Таким образом, был введен в строй необходимый для оборонной промышленности военный завод № 517, на базе которого впоследствии был образован завод по обработке цветных металлов (ЗОЦМ), функционирующий и по сей день [6, с.4].

«Окончание монтажа нового завода по обработке цветных металлов намечалось на 15 февраля 1942 г. В кратчайшие сроки надо было освоить производственные мощности. Руководство предприятия во главе с директором И.Е. Шаровым в своей деятельности опиралось на коммунистов. Партийная организация, возглавляемая парторгом ЦК ВКП (б) А.Ф. Евсеевым, направила идейно-политическую работу на сокращение сроков ввода в действие нового завода. Помощь молодому коллективу в освоении введенных мощностей, в устройстве быта на новом месте семей приехавших рабочих оказывал Балхашский горком партии, секретарем которого был А.И. Неклюдов» [1, с.136]

В ряде рабочих мест, ранее занимаемых мужчинами, был внедрен женский труд. Сотрудницы завода заняли места мужчин, освоив такие профессии, как правильщик, электромонтер вальцовщик, вальцовщик листов, подручный вальцовщика, травильщик, отжигальщик, резчик, литейщик, резчик [7, с.70–83]. Не было работы, которую бы не освоили женщины, выполнявшие нормы на 120–150%. В цехах они составляли почти половину коллективов [1, с.136]. Раздавались призывы с передовых газет, так «Комсомольская правда» от 5 июля 1941 г. писала «...все молодые женщины и девушки! Будем трудиться ... организованно, самоотверженно, не покладая рук, не жалея сил, не зная устали! Чем крепче, сплоченнее, дружнее мы будем работать в тылу, тем легче нашим мужьям и братьям будет разить врага на фронте...» [8]. 26 июля 1941 г. работницы Балхашского медеплавильного завода обратились ко всем женщинам г. Балхаш со страниц «Прибалхашской правды»: «Весь советский народ поднялся на Отечественную войну. Красной армии и Флоту нужна балхашская медь. Пришло время, когда каждая женщина города меди – мать, жена, сестра – должна оказать всемерную помощь в увеличении выпуска оборонного металла. Без промедления каждая из нас должна быть готова не только сама, но и вместе со всей семьей принять энергичное участие в защите Родины...» [9, с.42].

На протяжении 1942 г. применение женского труда на производстве непрерывно увеличивалось. На 15 декабря 1942 г. численность и соотношение женского персонала к штату завода составило 900 человек (47,8%). За 1943 г. общее число работающих на заводе женщин увеличилось на 179 человек. Внедрение женского труда шло по линии обучения женщин основным профессиям и замены рабочих мужчин на физически не тяжелых работах. По цеху № 3 число женщин-вальцовщиц и подручных на ленто-прокатных станах увеличилось с 13 до 47 человек. В цехе № 2 внедрен женский труд на работах по прогладке лент и частично на золочении проволоки, на этих работах были заняты 5 женщин. Значительно увеличилось число работающих женщин на станочных работах и вспомогательных цехах завода [10, л.40–40об.].

В кратчайшие сроки с момента запуска завода после эвакуации новое предприятие вошло в рабочий ритм. На площадке ремонтно-механического цеха БМЗ, где должен был разместиться завод цветного проката, закладывались фундаменты под комплексное оборудование прокатного стана с тремя вращающимися валками «ТРИО» для пластической деформации металла и другое сложное прокатное обо-

рудование. «Стан горячей прокатки «ТРИО» монтировался в 1928 г. на Кольчугинском заводе под руководством немецких специалистов в течение 8 месяцев, а в Балхаше наши рабочие и техники смонтировали за 12 дней» [11]. В феврале 1942 г. вступили в строй плавильные и термические печи, основное и вспомогательное оборудование [12].

Объем производства был разделен между отдельными цехами завода очень слаженно. Цех № 1 осуществлял литье и обработку слитка, цех № 2 выпускал листовую и полосовую продукцию и снабжал цех № 3 заготовкой со станков № 2, 3, 13, 14, 20. Цех № 3 производил ленточную продукцию на мелких ДУО-станах и многовалковых станах. Уже в марте 1942 г. заводчане дали долгожданный прокат, столь нужный стране. «Поистине чудо было сотворено руками строителей Балхаша и Кольчугино, за два с половиной месяца восстановивших завод, который стал выдавать на новом месте столько же проката, сколько на прежнем. А из того проката делали гильзы для патронов и снарядов. Так Балхаш стал в годы войны крупным оборонным бастионом...» [13, с.28]. «Медь – оборонный металл, – печаталось в передовой «Социалистической Караганды» от 11 апреля 1942 г., – каждый дополнительно выплавленный килограмм его – наш новый удар по врагу. И чем больше меди дадут предприятия нашей области, тем больше вооружения даст промышленность Красной армии» [14].

Завод № 517 восстановил производство всех сплавов, ранее выпускаемых цехом № 4 Кольчугинского завода, и впервые освоил те, которые раньше выплавлялись ведущим ленинградским заводом по прокату цветных металлов «Красный Выборжец». Заводы вели с 1929 г. социалистическое соревнование с вызова, брошенного ленинградским заводом «Красный Выборжец» [1]. К концу 1942 г. в цехе № 1 отливало 26 различных сплавов, обрабатываемыми цехами выпускались изделия из 27 сплавов. Мощности завода были освоены в период с 1 марта по 1 июля 1942 г., начиная с июля, завод выдавал изделий больше, чем цех № 4 Кольчугинского завода.

В ходе социалистического соревнования завод № 517 решением Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и Наркомцветмета признан победителем среди заводов Наркомцветмета и с сентября по ноябрь 1942 г. включительно занимал второе место. В предоктябрьском соцсоревновании заводу присуждено юбилейное Красное Знамя ЦК КП (б) Казахстана.

За 1943 г. численность работающих на 517 заводе увеличилась по всем категориям работающих завода, дав в среднем прирост на 30,6%

относительно 1942 г. Завод имел недостаток в рабочей силе по основному производству в период II и III кварталов и только к началу IV кв. 1943 г. численность рабочих производства была доведена до уровня плана за счет мобилизованных по нарядам. Рост работающих по непромышленной группе объяснялся развитием жилищно-коммунального хозяйства завода и организацией при заводе подсобных мастерских по изготовлению и ремонту спецодежды и обуви.

С апреля 1943 г. заводом начато освоение производства товаров широкого потребления. Помещение для цеха широкого потребления занято в совмещенной подстанции БМЗ. В цехе установлено 2 давильных станка собственного изготовления. Был освоен выпуск тарелок, кружек и кастрюль из алюминия для удовлетворения нужд общественного питания своего завода и других балхашских предприятий. Из разрешенного к расходу на эти цели алюминия, а также из давальческого сырья (материалов) БМЗ, в 1943 г. изготовлено: 11610 тарелок, 3450 кружек, 27 кастрюль.

На 1944 г. завод поставил задачу освоить выпуск в цехе товаров широкого потребления из алюминия: судков, бидонов, бритвенниц и сковород. Для расширения данного производства заводу требовалось дополнительное сырье, выдаваемое только по разрешению Главка и Наркомата.

В IV кв. 1943 г. организованы: пимокатная, сапожная и пошивочная мастерские, что потребовало увеличения штата рабочих сверх установленного количества по плану. По категориям ИТР и служащих завод не использовал установленных лимитов по численности и главным образом по аппарату заводоуправления, из-за отсутствия работников соответствующих специальностей. При наличии близких к плану показателей по численности рабочих завод на протяжении 1943 г. имел недостаток в кадрах основных специальностей, особенно на физически тяжелых работах, где невозможно применение женского труда (вальцовщики, шабровщики), а также квалифицированных слесарей и токарей. Вследствие этого на основных участках производства применялись сверхурочные работы и работы в выходные дни.

Производственная структура завода № 517 включала в себя три обособленные и располагающиеся на значительном расстоянии друг от друга промышленные зоны. На одной из них размещался цех № 1, цех № 2, цех № 4, цех № 5 и складское хозяйство. На второй – цех № 3 и безгаражная стоянка. На третьей, на внутренней электросети (ВЭС), – цех № 6 и отдел кадров завода [7, с.497–498]. Такая разбро-

санность сравнительно небольшого завода причиняла большие затруднения в оперативной работе производства. Цех № 3 работал на заготовке, получаемой от цеха № 2. Между тем, они располагались друг от друга на расстоянии километра, причем, ближайшая дорога пересекала несколько линий широкой колеи. Цех № 6, отстоящий от основных цехов на расстоянии 2,5–3,0 км, снабжал их тарой для упаковки, поэтому наличие транспорта приобретало исключительно важное значение. При этом вопрос об обеспеченности транспортом разрешался очень сложно. Отсутствие бензина не позволяло широко применять автотранспорт, железнодорожный транспорт не мог быть оперативен, т. к. движение вагонов проходило через общую заводскую станцию БМЗ. Кроме того, вывод вагонов за территорию завода с прокатанными полуфабрикатами даже при передвижении платформ в сопровождении проводника металла, подвергал большому риску сохранность металла. Таким же образом происходила и подача отходов из цехов № 2 и 3 отходов в цех № 1. Этот момент транспортных затруднений и сохранности металла заставлял руководство завода № 517 ставить вопрос перед главком и наркоматом о постройке нового цеха № 3 в линию с цехом № 2.

Каждый производственный цех, помимо их взаимного расположения, имел также целый ряд существенных недостатков, среди них: стесненный литейный вал и в особенности очень темную шихтовую в цехе № 1. Положение могло быть выправлено только за счет вывоза кузницы БМЗ в новое помещение. Цех № 2 был очень тесен. Кроме того, его три нефа были загорожены размещившейся в передней их части сталелитейной мастерской БМЗ, из-за этого в цехе создавалась исключительная загроможденность, и нельзя было установить ни одного даже маленького станка. Отходы из 2-го, 3-го и 4-го нефов нельзя было перевезти в цех № 1 обычным путем, а приходилось грузить на платформу за территорией завода и перемещать их через заводскую станцию БМЗ. Для выправления положения необходим был вывоз сталелитейной БМЗ в другое помещение. Цех № 3 был размещен в помещении бывшего гаража. Здание очень низкое, абсолютно исключающее возможности использования кранов. Это влекло за собою применение исключительно ручных работ по ремонту станков, перевалкам валков, внутрицеховому транспорту. Естественно, что все это чрезвычайно отрицательно сказывалось на производственных возможностях и рентабельности производства. Площадь для размещения завода, помимо полной непригодности отдельных зданий под

производство (например, гараж), оказалась в размере 50% от необходимой, следствием этого и явилась разбросанность завода на три территории, крайняя теснота в цехах, сложная транспортировка металла и применение большого количества ручного труда. Из-за отсутствия леса, материалов для кровли и узкоколейных рельс на заводе оставался недостроенным склад металлов. Лом – как гражданский, так и военный – поступал на завод неразделанным и нередко в совершенно недопустимом виде. Отсутствовали необходимые помещения для обработки прибывающих ломов и разрезная мастерская.

Основным поставщиком запасных частей для производственных цехов являлся ремонтно-механический цех № 4. На момент создания цех не имел достаточного количества токарных станков для изготовления запасных частей для оборудования основных цехов. Для снабжения завода необходимым оборудованием были отгружены 2 станка из Куйбышева и требовалось выделение еще 2 универсальных токарно-винторезных станков, названных по главному лозунгу первой пятилетки – «Догоним и Перегоним» – ДИП-300 и ДИП-400 [15, л.1–4 об.].

На протяжении 1943 г. цех № 4 не справлялся в полном объеме с обеспечением нужд завода в запасных частях по следующим причинам:

- недостаток станочного парка; материалов (поковок и литья);
- загрузка цеха заказами на метизы (болты, гайки и др.), которые должны были поступать на завод в готовом виде;
- простой станочного парка, вызванного отсутствием инструмента;
- не снижающаяся потребность в квалифицированных рабочих кадрах.

Чугунное, стальное и бронзовое литье завод № 517 получал от БМЗ с систематической недостачей от 12 до минимум 2 объемов. Среднемесячная потребность завода в литье составляла 65 т. Таблица 1 отражает объемы полученного литья 517 заводом в течение 1943 г. по месяцам:

Таблица 1. Объемы полученного литья 517 заводом в 1943 г.

Месяц	Количество тонн	Месяц	Количество тонн
Январь	17,55	Июль	5,46
Февраль	19,71	Август	26,43
Март	23,36	Сентябрь	22,78
Апрель	12,14	Октябрь	29,33
Май	9,58	Ноябрь	30,81
Июнь	15,63	Декабрь	25,70

Таким образом, за 1943 г. получено всего 238,48 т при потребности завода в 780 т [10, л.33–33 об]. Заявка завода на шарикоподшипники

выполнена в малом количестве. Из-за отсутствия подшипников для опорных валков многовалковых станов, а также роликовых и шариковых подшипников завод находился в тяжелом положении, вызывающем простой оборудования. В конце 1943 г. заводом получены поковки, но не по ассортименту заявок, отсутствовали поковки для валов специального назначения, а также углеродистая сталь для фрикционных пружин и тумб, что также вызывало частые простои оборудования. Запасные детали, которые завод сам изготовить не мог, в 1943 г. не поступали, среди них шестерни, комвальцы, коренной вал для стана «ТРИО», шестерни для листовых станов и др. В результате чего была создана угроза длительной остановки целой группы оборудования и в особенности стана «ТРИО».

Цех № 5 был организован для выполнения ремонтных работ энергооборудования, производства монтажных работ и обслуживания энергетического хозяйства завода. По своему техническому оснащению энергоцех имел необходимую базу и кадры для ремонта и испытания электроаппаратуры, а также электрооборудования. Это было сделано собственными силами цеха и выступало в качестве примера для других предприятий. Наиболее важным и необходимым устройством цеха являлась испытательная станция, оборудованная потенциал-регулятором, ступенчатыми трансформаторами тока и рядом точных измерительных приборов. Цех имел сушильную камеру с электронагревом, нагрузочный ступенчатый силовой трансформатор, испытательный трансформатор до 2000 вольт. Наличие в цехе испытательной станции, обмоточной машины, стана для изготовления по шаблону катушек, ножниц для резки прессшпана (электрокартона) и широкое применение низковольтных электропаяльников сделало цех способным быстро и качественно выполнять ремонты.

Объем электроремонтных работ характеризуется следующими показателями: за 1943 г. отремонтировано и отревисовано 419 моторов, из которых 249 были перемотаны; отремонтировано 80 шт. пусковой аппаратуры [10, л.28–28 об.]. Данные виды работ производились в условиях острого недостатка в электроматериалах и требовали от персонала энергоцеха особой изобретательности и умений, чтобы не сорвать производственные процессы завода. За 1943 г. энергоцех провел также ряд монтажных работ, из которых наиболее крупные: электромонтаж прокатного стана «Робертсон», электропечи для светлого отжига типа Кенворти, двух индукционных печей по схеме

Скотта, семи металлорежущих станков в ремонтно-механическом цехе, распределительной подстанции линии передач и насосной для пригородного хозяйства завода. Помимо всех вышеперечисленных работ цех № 5 был также занят эксплуатацией энергетического хозяйства завода и в его ведении находились подстанции цехов, котельная, электросети, паровое и водяное хозяйства завода.

За 1943 г. капитальных работ, кардинально меняющих облик завода, не производилось, поэтому указанные в отчете 1942 г. условия производства не только не улучшались, а наоборот – значительно ухудшились. Увеличение объема производства, установление дополнительных машин и станков создали небезопасные для работающих в цехах завода рабочих, условия. В течение 1943 г. сохранилась разбросанность завода, затрудняющая осуществление взаимосвязи между цехами и увеличивающая количество транспортируемого металла и материалов. Теснота в цехах возросла, при этом ограниченность площадей доходила до такой степени, что, к примеру, в цехе № 2 не могли организовать ни ручной шабровки листов, ни подборки складок при прокатке листов [10, л.3–3 об.]. Сохранилась также и непригодность отдельных зданий цехов, особенно цеха № 3 (бывшего гаража) к условиям производства. При увеличенном же объеме производства в 1943 г. все указанные условия труда затрудняли производство. Практика работы за 1943 г. выявила риск природного характера в отношении здания цеха № 3. Как цех ленточного проката, он имел большую протяженность и разветвленность водопроводной и канализационной сети. В связи с этим, был дополнительный риск возникновения неисправностей этих сетей. При этом, здание, как выяснилось при эксплуатации, было построено на песчаном грунте, легко фильтрующем воду. В течение 1943 г. появились просадки стен здания в 3-х местах. Здание бывшего гаража в любой момент могло оказаться в аварийном состоянии, поэтому руководство завода обращалось в Главное Управление для немедленной передислокации цеха.

Наибольшее число аварий как в 1942, так и в 1943 г. произошло по оборудованию цеха № 2, цехи № 1, 4 и 5 добились в 1943 г. безаварийной работы. Число аварий в течение 1943 г. по месяцам, возможно, проследить по данным таблицы 2 [10, л.31 об. – 32].

Таблица 2. Число аварий в цехах 517 завода за 1943 г.

Месяцы	Цех № 2	Цех № 3	Всего по заводу
Январь	2	3	5
Февраль	5	1	6
Март	9	-	9
Апрель	3	2	5
Май	3	-	3
Июнь	4	-	4
Июль	2	1	3
Август	-	-	-
Сентябрь	-	-	-
Октябрь	1	-	1
Ноябрь	3	-	3
Декабрь	3	-	3
Итого	35	7	42

В качестве мер воздействия по отношению к конкретным виновникам аварий было предпринято: 7 взысканий стоимости убытков; наложение 6 административных взысканий; 2 перевода на другую работу; 6 дел передано в народный суд.

Руководство завода видело дальнейшее снижение аварий, прежде всего, в строгом соблюдении технологических режимов, т. к. их нарушение было вызвано большей частью невнимательным отношением рабочих к поэтапному выполнению производственных процессов. Было предложено ввести премиальную систему оплаты труда за безаварийную работу и составить производственно-технические инструкции с включением описания наиболее характерных аварий, происходящих на оборудовании.

На ремонт оборудования в 1943 г. затрачено по счету текущих ремонтов 3417 тыс. руб. Балансовая стоимость оборудования составила 8195 тыс. руб., т. о., процентное соотношение стоимости текущего ремонта к балансовой стоимости оборудования было равно $3417:8195 \times 100 = 41,70$. Значительные затраты на ремонт объяснялись изношенностью оборудования и изготовлением в ремонтно-механическом цехе большого количества метизов, которые должны были поступать на завод по ценам значительно дешевле, затраченных на них средств в условиях ремонтного цеха. Изготовление ряда деталей из несоответствующих заготовок также отразилось на уровне стоимости ремонтных работ. Доля стоимости текущего ремонта на 1000 руб. выпуска изделий составила 23 руб. 67 коп. По капитальному ремонту механического оборудования, зданий и сооружений из отпущенных средств в размере 350 тыс. руб., израсходовано 345 тыс. руб.

По плану было намечено к капитальному ремонту 19 объектов, отремонтировано 17 объектов [10, л.32 об.].

Годовая мощность технологического оборудования была определена в 24 414 т. Существенных изменений производственных мощностей завода в 1943 г. не произошло. Неудобства во взаимном расположении производственных и вспомогательных цехов, а равно непригодность производственных зданий, не позволили создать автоматизированные производственные потоки. В существующих условиях радикально улучшить положение не представлялось возможным, поэтому в 1943 г. каких-либо мероприятий по усовершенствованию производственных потоков проведено не было, за исключением перевода ремонтно-строительного цеха с территории бывшей ВЭС на территорию цехов № 2 и № 3 завода. По состоянию на 1 января 1944 г. столярная и кровельные мастерские уже были переведены в имеющиеся здания на территорию цеха № 2. Для мастерской по подделке тары начато строительство здания на территории цеха № 3. Перевод мастерской в новое здание планировался в I кв. 1944 г.

Одним из условий работы завода являлась исключительная агрессивность по отношению к металлам воды озера Балхаш. Из-за относительно большого содержания в воде хлористых и серно-кислых солей, продукция темнела, оборудование подвергалось неисправностям, технологический процесс производства вынужденно изменялся с понижением качественных показателей производства.

Несмотря на все трудности организационного и производственного характера, коллектив рабочих и ИТР с освоением мощностей оборудования справился успешно. Плановмерно и методично устранялись недостатки, связанные с решением транспортных вопросов, поставок сырьевых ресурсов и компонентов для изготовления большого количества, как металлов, так и сплавов с соответствующими техническими характеристиками.

Статья показывает те трудности, с которыми приходилось сталкиваться труженикам тыла при введении в эксплуатацию завода № 517, освоении его мощностей, наладке оборудования, выполнения и перевыполнения плановых показателей, формирования штатной численности персонала, его бытового обустройства и т. д.

Подобного рода трудности имели место и на всех других эвакуированных промышленных предприятиях, которые в годы Великой Отечественной войны преодолевались благодаря трудовому героизму

тружеников оборонного комплекса Советского Союза.

1. Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны / под ред. Генералова В.А. – М.: ЦНИИцветмет экономики и информации, 1995. – 220 с.: илл.
2. [Электронный ресурс] Ребров В.И. Наши корни. Очерки по истории Кольчугинского края (Книга 2-я). URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/promyshlennost/a/81-1-0-4723> (дата обращения 02.09.2020).
3. Логвин В. Маршал социалистической индустрии (к пятилетию со дня смерти Серго Орджоникидзе) // Социалистическая Караганда. – 1942. – 8 февраля. – № 86 (1701).
4. [Электронный ресурс] Предприятия № 4-10. URL: <https://oboron-prom.ru/page,40,predpriyatiya-4-10.html> (дата обращения 02.09.2020).
5. Завод № 517: история становления и развития эвакуированного промышленного объекта на казахстанской земле // Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г., Алматы. – С.229–234.
6. Карагандинская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. О.Е. Беркун, Л.В. Михеева. Под ред. У.А. Амантаева. – Караганда, 2010. – 252 с.
7. Аупенова А.У. Славные боевые страницы истории завода № 517 города Балхаш Карагандинской области в годы Великой Отечественной Войны // «Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление». Материалы Международной Научно-практической конференции – Усть-Каменогорск, 2015. – 621 с.
8. Девушки, к станкам, на тракторы! // Комсомольская правда – 1941 г. – 5 июля. – № 156 (4942).
9. Нурбекова Г.Д. Женщины Казахстана – фронту / Трудовой подвиг женщин Казахстана в промышленности и сельском хозяйстве республики в годы Великой Отечественной войны. – Изд. 2, перераб., дополн. – Алма-Ата: Казахстан, 1988. – 168 с.
10. Государственный архив Карагандинской области (далее – ГАКО). Ф.596. Оп.1 б. Д.15.
11. М. Козыбаев. Казахстан – арсенал фронта.– Алма-Ата: Казахстан, 1970. – 475 с.
12. Павленко В. Промышленность Казахстана в дни войны 1941–1945 годов // Вестник Челябинского государственного университета, 2003. – С.205–212.
13. Там, где рождается медь... / Под общей редакцией Н.Т. Махмудова и Э.Ф. Исаевой – Алматы: КА-media, 2007 – 108 с.
14. Резко снизить потери меди // Социалистическая Караганда – 1942. – 11 апреля. – № 86 (1701).
15. ГАКО. Ф.596. Оп.1 б. Д.10.

Тверитнева И.А.

Павлодарцы в годы Великой Отечественной войны

Все дальше в прошлое уходят суровые годы. Все меньше среди нас остаётся участников очевидцев величественных и горьких событий. Все важнее становится сохранить и передать следующим поколениям правду о том сложном и во многом противоречивом времени, беспристрастными свидетелями которого являются архивные документы.

Поиски документов у родственников участников войны, анализ многотомного издания «Книга памяти» [1], «Павлодарцы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945», беседы с ветеранами позволяют воссоздать историю участия евреев-павлодарцев в годы Великой Отечественной войне.

Весть о начале Великой Отечественной войны быстро облетела город. В первые дни поступило 538 одиночных и коллективных заявок

от желающих вступить в ряды Красной армии. Добровольцы вошли в 314-ю стрелковую дивизию и составили треть её личного состава. Формирование участвовало в боях под Ленинградом, в прорыве блокады города на Неве и линии Маннергейма, прошло с освободительными боями через всю Европу и закончило свой путь в Чехословакии.

Из Павлодарской обл. на фронт были призваны 46 тыс. человек, 22 тыс. погибли в боях, умерли от ран или пропали без вести.

В результате анализа содержания всех томов «Книги памяти» было выявлено, что из числа евреев-павлодарцев, призванных в армию и направленных на фронт объединенным городским и районными военкоматами области, погибло в боях 36, умерли от ран в госпиталях 11, пропали без вести 39. Всего 86 человек.

О потерях среди участников войны евреев-павлодарцев свидетельствует и то, что из некоторых семей погибло на фронте сразу несколько близких родственников. Это – Илья Львович и Иосиф Львович Перельманы из г. Павлодара, Григорий Исакович и Ион Исакович Майданские из Иртышского р-на, Лазарь и Николай Бронштейны из Актогайского р-на, Мина Петрович и Михаил Минович, а также братья Штельмах из Щербактинского р-на.

Вклад в победу над фашистской Германией внесли и труженики Павлодарской обл., и, хотя наша область находилась в глубоком тылу, и её жители не испытывали ужасов оккупации, бомбёжек, обстрелов, но трудности военного времени не могли их не коснуться.

С первых дней войны промышленность и сельское хозяйство области были подчинены интересам обороны, интересам победы, всё народное хозяйство перестраивалось на военный лад. 11 сентября 1941 г. в Павлодаре состоялось заседание Павлодарского облисполкома, где был заслушан вопрос «О ходе перестройки работы советских органов на военный лад» [2]. Перестройка промышленности для работы в военных условиях в области не заняла много времени, т. к. производство военной продукции на действовавших предприятиях не намечалось. В короткий срок необходимо было увеличить объём добычи золота, серебра, соли, огнеупорной глины, отремонтировать как можно больше речных судов, сельскохозяйственной техники. Для этого нужно было обязательно поднять производительность труда. Наряду с перестройкой хозяйственной жизни на военный лад область решала и другую задачу: приём и размещение эвакуированных предприятий, обеспечение быстреего ввода их в действие. Постановлением Павлодарского облисполкома и бюро Павлодарского обкома

партии от 19 ноября 1941 г. в г. Павлодаре были размещены Тульские центральные ремонтно-механические мастерские треста «Мостострой» Наркомата путей сообщения СССР. Предполагалось, что уже 5 декабря 1941 г. мастерские начнут работать: вести монтаж и оборудование мостопоездов специального назначения, выполнять ремонт различного оборудования, автотранспорта, электроустановок и другие работы, связанные со строительством мостов [3].

16 ноября 1941 г. из г. Харькова в Павлодар прибыло оборудование меховой фабрики. Фабрика была сдана в эксплуатацию 25 декабря 1941 г., но на полную мощность заработала с 10 января 1942 г. Тёплая одежда для воинов Красной армии – тулупы, полушубки, меховые жилеты, шапки-ушанки, рукавицы [4]. В одном из цехов работала член еврейской общины Азиил Таисия Андреевна. Когда началась война Таисии исполнилось 11 лет. Но несмотря на возраст работала – шила рукавицы.

В область продолжали прибывать эвакуированные предприятия и на их базе организовывались новые производства. В феврале 1942 г. в г. Павлодар прибыло оборудование Ленинградского завода художественного литья «Монумент-скульптура». Вместе с оборудованием завода выехали специалисты по художественной формовке, итальянскому и французскому методам литья, а также по художественной чеканке. По прибытии завод был перестроен на изготовление черепицы и гончарной продукции [3]. В 1942 г. в Павлодаре в соответствии с приказом Народного комиссариата среднего машиностроения СССР от 24 августа 1942 г. был организован завод «Октябрь». Оборудование Краснодарского завода «Октябрь», которое должно было послужить базой для Павлодарского завода, не было вывезено, и завод, по существу, строился заново. Цеха завода разместили в бывших купеческих лабазах, построенных до 1900 г. и в недостроенном Владимирском соборе. Основной продукцией предприятия являлись запасные части для сельскохозяйственных машин [5].

Непросто было в суровом 1942 г. на пустом месте пустить завод. Инженерно-технический персонал составили в основном специалисты, эвакуированные из Харькова. Рабочих всех профилей – токарей, литейщиков, инструментальщиков, шлифовщиков и других, предстояло подготовить на месте.

Наскоро набранная молодёжь 15–16 лет, женщины, не имевшие никакой специальности, штукатурили, утепляли бывшие купеческие лавки, цементировали фундамент под станки, сколачивали нары в

помещениях, отведённых под общежития. Морозы стояли сильные. Установили печки-буржуйки. На потолках и стенах были иней и лёд. Пола не было. Оттаявший снег с потока каплями капал на землю и замерзал. Люди спали в верхней одежде. В маленькое оконце едва проникал свет. Грязь, холод, голод привели к тому, что пришлось вести борьбу с насекомыми, бороться с завшивленностью.

Вот, например, заявление гражданки Кацман Р.Б. павлодарскому горэвакопункту о выдаче одежды и обуви семье, эвакуированной с Украины от 10 февраля 1942 г.: «Ввиду того что мы эвакуированы с Украины, с собой ничего не захватили, а посему прошу Вашего распоряжения о выдаче нам одежды, а также валенок. Из-за отсутствия пальто, валенок, а также платья дочка моя не ходит в школу. Нуждаемся также в белье. Проситель Кацман» [6].

Чтобы привести станки в движение, необходимо было построить электростанцию. Котёл и турбину установили в здании недостроенного Владимирского православного собора. Нужно было подвести воду из Иртыша. Никакой землеройной техники в то время не было. На рытьё траншей мобилизовали не только рабочих, но и горожан. Норма каждому была – выбросить 3 кубометра земли. Уже в 1943 г. были пущены такие цехи, как ремонтно-механический, инструментальный, первая очередь литейного цеха. В этом же году была построена насосная станция, которая снабжала завод водой [7].

С первых дней войны возникло и получило широкое распространение движение двухсотников, трёхсотников, четырёхсотников – рабочих, перевыполнивших нормы выработки в несколько раз. «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт» – под таким лозунгом трудились рабочие многих предприятий области.

На промышленных предприятиях работали не только взрослые, но подростки. Так же большую помощь фронту оказывали и дети.

Известно, что в Павлодаре размещался эвакогоспиталь №2448. Он прибыл в ноябре 1941 г. При мощности 600 коек, в первые же 2 месяца были пролечены 631 боец. Активную помощь госпиталю оказывали детдомовские дети, в т. ч. член еврейской общины Бер Яков Аронович. Когда началась война у Якова Ароновича умерла мама, отца забрали на фронт. Яков Аронович попадает в детский дом. Дети ухаживали за бойцами, стирали бинты, давали концерты, писали письма родственникам. Помимо того, что дети помогали в госпитале, они летом также работали на прополке и сборе урожая.

Ответственность тружеников сельского хозяйства области за судьбу Родины повышалась в связи с захватом врагом крупных сельскохозяйственных районов Украины, Белоруссии, России. Необходимо было в короткий срок перестроить сельское хозяйство области на военный лад, чтобы благодаря мобилизации материальных и трудовых ресурсов, расширению посевных площадей зерновых и технических культур, увеличению производства зерна, мяса, шерсти и другого обеспечить потребность фронта и тыла в необходимых продуктах сельского хозяйства.

В тылу понимали, что армия не может воевать и побеждать без своевременного вооружения, но она не может также воевать и побеждать без хлеба, без продовольствия. Несмотря, что в первые дни войны на фронт были мобилизованы военнообязанные, отправлена из района техника, оставшееся население работало с удвоенной энергией под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!».

Посевные площади в районе не уменьшались, многих ушедших на фронт мужчин заменили женщины. Они стали заведующими фермами, бригадирами, возглавляли самые ответственные участки сельскохозяйственной работы. Затем, уже в ходе войны, возвращались демобилизованные по ранению воины, которые также включались в работу. На помощь колхозам посылали людей из организаций и учреждений, особенно в период сева и уборки зерна.

Воспоминание ветерана труда Суворовского зерносовхоза Иртышского р-на А. Маликова: «В начале войны в наше село стали приезжать беженцы. Мы жили в комнате барачного типа, к нам поселили двух девушек из Одессы – медсестёр Марусю и Наташу. Затем в наш барак была поселена семья из Польши – евреи Баженовы – престарелые родители, две дочери – Ева и Сара, сын Яша. Дальше совхоз стал заселяться приволжскими и закавказскими немцами, чеченцами и ингушами. И все мы, дети, независимо от национальности, в своих детских играх дружно воевали против фашистов. Жили голодно. Для нас, детей, кусочек хлеба был роскошью, а о какой-то сладости не могло быть и речи. Матери шили нам брезентовые сумы через плечо, мы выходили осенью и ранней весной на скошенные поля и собирали колоски. Затем их вручную молотили, просеивали и мололи на ручных мельницах.

1944 г., первый класс. Ни учебников, ни тетрадей, ни карандашей. Азы науки мы воспринимали на слух. Писать приходилось между строк книг или газет. Чернилами служили свекольный сок или печная

сажа. Если закрыть страницу с такой писаниной, то вся твоя грамота превращалась в чёрное пятно. Из механизаторов-мужчин в селе оставалось 3–4 человека по брони или непригодности для фронта по здоровью. Вся работа в поле и на току легла на плечи женщин и подростков. А после работы женщины, сидя у коптилок, вязали варежки, свитера, а затем посылки отправляли на фронт» [8].

Всё перемогли, всё вынесли и ценой невероятного напряжения сил и невероятных потерь победили. Не могли не победить! И пусть не стоятobeliski в честь скромных тружеников тыла, но память народная навсегда сохранит имена тех, кто и в тылу ковал долгожданный день Победы.

1. «Книга памяти» в 3х томах. – Алматы, 1994–1997 гг.
2. ЦГА РК. Ф.1137. Оп.6. Д.1149. Л.117–175.
3. ГАПО. Ф.646. Оп.1. Д.201.
4. Там же. Д.175.
5. Там же. Д.211.
6. Там же. Ф.882. Оп.3. Д.63. Л.37.
7. Там же. Ф.646, Оп.1. Д.181.
8. Звезда Прииртышья (г. Павлодар). – 2009, 9 мая.

Кабдулова К.Д.

24 дивизии Кустанайской швейной фабрики «Большевичка» в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Кустанайскую обл. было эвакуировано 6 промышленных предприятий. Одной из первых была швейная фабрика «Большевичка» из украинского г. Херсона.

Основанием для эвакуации фабрики послужил приказ наркома Легкой промышленности СССР С.Г. Лукина от 4 июля 1941 г. № 520. Демонтаж оборудования и подготовка его к транспортировке в Казахстан заняли у работников фабрики рекордно короткое время – 3 дня. Первый эшелон с оборудованием прибыл в Кустанай 6 сентября 1941 г. [1, с.205].

Из докладной записки директора «Большевички» А.Г. Рябого, отправленной наркому Легкой промышленности в октябре 1941 г.: «Органы местной власти оперативно приняли вагоны с производственным оборудованием и разместили 327 рабочих фабрики вместе с их семьями».

Фабрике были предоставлены помещения областного земельного отдела по ул. Ленина,^{1*} 68, горкома ЛКСМК по ул. Ленина,^{1*} 66 [2]. Работники восстановили производство в течение 12 дней и оборудо-

^{1*} Ныне ул. Аль-Фараби.

вали 5 швейных цехов, на 158 рабочих мест. Все монтажные и ремонтно-строительные работы производились коллективом самостоятельно. 10 октября 1941 г. фабрика была готова [1, с.206], а введен в эксплуатацию 19 октября [3, 302]. На восстановление завода было потрачено 92 тыс. руб. [4].

Однако из докладной записки начальника отдела местной промышленности Государственной плановой комиссии СНК КазССР В. Чернявского секретарю ЦК КП (б) Казахстана Е.Д. Досымову о ходе дислокации промышленных предприятий, эвакуированных в г. Кустанай, от 6 января 1942 г. следует, что из-за нехватки сырья через месяц фабрика приостановил свою работу и только 28 декабря 1941 г. смогла возобновить работу [3, с.302].

При эвакуации с фабрики было вывезено все имеющееся оборудование и сырье: «223 швейные машины различных классов и марок, в т. ч. 175 швейных машин 31 класса фабрик «Унион», «Зингер», «Госшвеймашина», 10 машин 16 различных классов фабрик, 18 машин 15 класса, 19 пуговичных и петельных спецмашин, 1 оверложная машина, 119 чугунных станин, 32 электромотора, 33 рубильника, ленточная пила, резальная машина и др. Так же фабрика привезла весь запас пуговиц – 76 тыс. шт., машинных игл – 1900 шт., ручных иголок – 6400 шт. и различных нитей – 32 тыс. катушек и 10 тыс. метров байки, сатина и бязи» [1, с.203].

Существовала катастрофическая нехватка сырья, и не был решен вопрос оборотных средств. Кустанайская база текстильсбыта снабжала фабрику тканями (ситец, сатин, саржа), но приходилось использовать сырье, полученное от других организаций [2].

Но даже несмотря на нехватку сырья и электроэнергии, отставая при этом от довоенных мощностей на 13%, фабрика [4, с.205], согласно плану на IV кв. 1941 г., изготовила для нужд фронта: телогреек – 30 300 шт., брюк – 31 100 шт., нижнее белье – 11 760 комплектов [1, с.208]. А на II кв. 1942 г. план изготовления и поставки вещевого имущества для фабрики уже составлял: хлопчатобумажных гимнастерок и шаровар по 56,0 шт. каждого наименования [5].

В декабре 1984 г. одна из ветеранов швейной фабрики «Большевичка» Анна Андреевна Баишева, поступившая на работу на фабрику в 1943 г., в интервью рассказала о работе предприятия: «Если бы видели ту «Большевичку» военных времен, ни за что бы не признали в ней сегодняшнюю красавицу фабрику. Печку топили, воду доставали из колодца, оборудование на лошадях подвозили. Дом купца –

закройный цех, «белошвейки» – в подвальчике, кладовочки – столовая. А шили мы тогда гимнастерки для солдат» [6].

Действительно фабрика шила обмундирование для рядового состава, которое почти ежедневно отгружалось непосредственно в районы боевых действий и в места формирования воинских частей [1, 208].

Но даже в те трудные времена работницы фабрики старались поднять дух солдат на фронте, вкладывая записки в солдатские гимнастерки. Продолжая рассказ, Анна Баишева вспоминает: «Ответы нам от солдат через два–три месяца приходили, быстро. Маше Уколовой один сержант даже посылку прислал, а потом переписка прекратилась, погиб, наверное... А иногда пуговиц в карманы поднасыпем – пусть посмеются...» [6].

Как отмечается в различных источниках, в годы войны коллектив фабрики «Большевичка» выпустил обмундирование для 24 дивизий, отремонтировал 88 тыс. шт. шинелей, ватников, обмундирования и других необходимых для фронта изделий [1, с.208]. К примеру, присылаемые с фронта для ремонта шинели работницы фабрики стирали вручную в реке Тобол. Было холодно и сыро, но молодые хрупкие работницы справлялись. После шинели отправляли обратно на фронт [7].

Если валовая продукция в IV кв. 1941 г. составила всего 102,1 тыс. руб. (в неизменных цифрах 1926–1927 гг.), то уже в 1942 г. – 1219,3 тыс. руб., в 1944 г. – 1888,4 тыс. руб. [4, 205].

При этом суточная выработка изделий, например, в январе 1942 г. при двухсменной работе составила: курток – 624 шт., брюк – 615 шт., рубашек – 228 шт., кальсон – 228 шт. [3, с.303].

В выходные дни из остатков и отходов основного производства фабрика выпускала изделия ширпотреба, в которых остро нуждалось мирное население – детские товары, женские платья и юбки, мужские костюмы, предметы спецодежды и белья [4, с.205–206].

Если говорить о качестве продукции, то на фабрике вопросы качества продукции всегда были в центре производственной и массовой работы, в связи с этим на постоянной основе проводились специальные мероприятия по внедрению рационализаторских предложений и совершенствованию технологических процессов, что позволило полностью исключить продукцию III сорта, несортную и брак [4, с.206–207]. Качество продукции росло из года в год, о чем свидетельствуют следующие данные [4, с.206].

Таблица 1

Годы				Несортная и брак	Экономия от сортности
	I сорта	II сорта	III сорта		
1942	96,18	2,87	0,94	0,01	-
1943	99,26	0,70	0,04	-	9000
1944	99,55	0,45	-	-	17 000

Принятые меры позволили сэкономить 4818 м ткани в 1942 г., 8935 м в 1943 г. а в 1944 г. уже 13 000 м [8].

С фабрикой прибыли и сотрудники – всего 154 квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, а также членов их семей в количестве 173 человек.

Но из-за постоянного роста объемов производства одной из самых острых проблем стала нехватка квалифицированных кадров. В целом ощущалась нехватка кадров в сложных профессиях – слесарей швейных машин, закройщиков, контролеров и др. Нехватка рабочих кадров в значительной степени компенсировалась постоянным набором кадров из числа местного населения и эвакуированных. Важнейшим элементом освоения специальности стали практические занятия на фабрике по принципу «смотри и делай как я» [1, с.205].

Если на момент прибытия было 154 работника, то в январе 1942 г. было уже 227 человек из них: рабочих –170 чел., ИТР – 24, служащих –17 и других категорий – 16 [3, с.303]. Наибольшее число работников фабрики пришлось на январь 1943 г. – 544 человек. Если посмотреть на данные, то основная нагрузка легла на плечи женщин, они составляли подавляющее большинство работниц фабрики. Численность работников фабрики по годам:

Таблица 2

	На 01.01 1942 г.	На 01.01 1943 г.	На 01.01 1944 г.	На 01.01 1945 г.	На 05.01 1945 г.
Весь персонал предприятия	231	544	425	312	348
В т. ч. женщин	153	429	414	264	288
Производственных рабочих	168	413	320	234	256
В т. ч. женщин	132	380	290	211	229

Последующее уменьшение численного состава шло в связи с прекращающейся мобилизацией на фронт, отзывом на другие работы, возвращением эвакуированных в освобожденные от врага территории [4, с.206]. К примеру, за годы войны на фронт добровольцами ушли 200 фабричных девушек [9].

Стоит отметить, что среди работниц фабрики было 60 девушек 1923–1927 г. р., которые были направлены на фабрику в 1940–1941 гг. из колонии № 3 НКВД г. Тобольска и из детского городка (включал

5 детских домов) им. Петровского Николаевской обл.^{1*} Эти девушки прибыли в Кустанай совершенно без теплой одежды и обуви [1, с.205], как и многие другие эвакуированные, прибывшие в республику.

Эвакуация работников фабрики вызвала множество проблем. В первую очередь – жилищно-бытовое устройство. Одиноких работников фабрики, а это 60 человек разместили в общежитии, а остальные были расквартированы в семьях горожан. Работники фабрики были прикреплены к магазину и столовой для получения хлеба и питания, а для детей работниц фабрики выделили места в городских яслях [1, с.207–208].

Постепенно жизнь налаживалась. В 1942 г. было организовано подсобное хозяйство, открыта столовая, в 1943 г. детский сад на 60 мест. Помимо этого, нуждающимся сотрудникам оказывалась различная помощь по выдаче одежды, обуви, топлива, продуктов питания, а также – денежная помощь [4, с.207].

В 1943 г. за трудовую доблесть Наркомат легкой промышленности КазССР наградил «Большевичку» переходящим Красным Знаменем [4, с.207].

Анна Баишева вспоминала военные годы: «Дадут паек, вот и думаешь, то ли сейчас съесть, то ли на три части разделить... На работу пешком ходили – из Затоболовки час-полтора добирались. Однажды в ночную шла да по дороге заснула... А война кончилась, кому радость, кому слезы. Отцы, женихи с фронта возвращались. И не возвращались» [6].

Помимо основной работы по выполнению государственного заказа фабрика оказывала помощь селу направляя работников на посевную и уборочную кампанию, обеспечивала сельчан одеждой. К примеру, в 1944 г. фабрика изготовила 2000 комбинезонов для трактористов.

К концу войны фабрика уже работала на полную мощность, был сформирован профессиональный коллектив, с честью выполнил поставленную в военное время задачу по обеспечению обмундированием военнослужащих [1, с.210]. После победы предприятие так и осталось на казахстанской земле.

В мирное время традиции «Большевички» были продолжены, и фабрика заняла достойное место среди промышленных предприятий легкой промышленности Казахстана.

В память о боевых и трудовых подвигах женщин в годы Великой Отечественной войны 7 мая 2008 г. на здании производственного ко-

^{1*} [Электронный ресурс] Кузнецов А. Повести детских домов. URL: http://www.up.mk.ua/mainpage/show_item/9520 (дата обращения 27.09.2020).

оператива «Большевичка» была открыта одноименная мемориальная доска [1, с.210].

Война потребовала быстро разместить и пустить в эксплуатацию ряд крупных и средних предприятий, перебазированных в Казахстан из временно оккупированных территорий западных областей Советского Союза. Вывезенные на территорию Казахстана заводы и фабрики сумели в кратчайшие сроки развернуть массовое производство своей продукции. Все усилия рабочих, инженеров и служащих были направлены на обеспечение нужд фронта и укрепление боевой мощи страны. В свою очередь размещение промышленных предприятий в малых городах Казахстана способствовало развитию городской инфраструктуры, изменению социального состава населения этих городов.

1. «Қостанай облысы Ұлы Отан соғысы жылдарында: майдан мен тыл бірлігі». Қостанайская область в годы Великой Отечественной войны: Единство фронта и тыла. – Костанай, Костанайский печатный двор, 2010. – С.205, 206, 208, 210.

2. [Электронный ресурс] Здоровец Н. Хроника победы. Год 1941-й // Проект «Костанай и костанайцы». URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=80&Itemid=46; [Электронный ресурс] // Костанайский областной еженедельник «Наша газета». URL: <https://www.ng.kz/gazeta/151/hranit/?001>, (дата обращения: 29.08.2020).

3. Из истории города Костаная. Сборник документов и материалов. – Костанай. ТОО «Костанайполиграфия», 2009. – С.302–303.

4. Костанайская область: страницы истории (1936–2006 гг.). Сборник документов. – г. Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2006. – С.205–207.

5. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы: LEM, 2020. – С.278.

6. [Электронный ресурс] Мананникова Л. Однажды, раз и навсегда. // «Ленинская смена» (Алма-Ата). – 1984. URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4848&Itemid=46 (дата обращения: 28.08.2020).

7. [Электронный ресурс] Как Победа ковалась и в тылу. URL: <https://www.facebook.com/bolshovichkakostanay/posts/121393789541442> (дата обращения: 30.08.2020).

8. Балтабаева Ж.А. «Большевичка» тігін фабрикасы // «Қостанай облысының мұрағаттар және құжаттама басқармасы» ММ. Салалық ақпараттық бюллетень. – 2005. – № 1. – 93 бет.

9. Кустанай: вчера, сегодня, завтра. – Алма-Ата, Казахстан, 1979. – 248 с. 0,5 л. ил. – С.139.

Сактаганова З.Г.

Адаптация в Казахской ССР эвакуированных женщин в годы Великой Отечественной войны (по материалам воспоминаний)

В данной статье мы рассмотрим одну из множества проблем женской военной повседневности: адаптацию эвакуированных женщин на фронте на материалах воспоминаний.

Нельзя не согласиться с казахстанскими исследователями, что массовая эвакуация населения была беспрецедентной в истории стран

и народов, как по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась [1]. Однако общие цифры о количестве эвакуированных граждан СССР в тыловые районы весьма разнятся. В советских исследованиях 1960-х гг. приведены данные, что только в июле–ноябре 1941 г. было переправлено в тыловые районы, в т. ч., в КССР, более 10,4 млн. человек [2, с.548], общая же численность эвакуированного за годы войны населения, по подсчетам советских историков в их работах, составила примерно около 25 млн. человек [3, с.39]. Один из современных авторов В.Б. Дубсон считает эти данные преувеличенными и, называя причины искажений и фальсификации (политические соображения и т. п.), говорит, что эта цифра за 1941–1942 гг. колеблется от 6,63 млн. до 7,3 млн. человек [4, с.27].

В АП РК приведены цифры, позволяющие уточнить: с августа 1941 по январь 1942 г. прибыл основной поток эвакуированного населения в республику. Из 24 258 человек, эвакуированных в КССР до 1 сентября 1941 г., мужчины составляли чуть более трети – 39,2%, женщины составили абсолютное большинство – 60,8% [5, л.2].

По данным М.К. Козыбаева всего численность эвакуированных за годы войны составила 484 149 человек, из которых 213 944 (44,2%) были женщины и 146 990 – дети (30,7%), т. е. 74,8% эвакуонаселения составляли женщины и дети [6, с.433]. Причем значительное число из прибывших в республику женщин не имело никакой квалификации, вынужденные осваивать новые профессии. Большинство эвакуированных поселилось в сельской местности КССР.

Вынужденное, массовое переселение не было подготовлено, что порождало множество проблем: бытовых, жилищных, в снабжении продовольственными, промышленными и другими товарами, обустройство в работе и т. д. Были многочисленные факты, когда эвакуированные столкнулись с неподготовленностью властей, равнодушием и черствостью и т. п. [1].

Исследователи женской повседневности военных лет, анализируя воспоминания женщин, пишут, что ими «нарушение устойчивых ролей воспринималось как крушение самой жизни. Ощущение катастрофы пронизывает весь строй женских воспоминаний, преобладает в их тональности» [7]. Это касалось и эвакуированного населения, для которых переезд также был крушением их привычного образа жизни.

Дрейцер Фаня Вульфовна вспоминала: «В конце 1941 путешествие закончилось в Алма-Ате, откуда нас направили в Саркандский р-н, в с. Тополевка. Здесь папу мобилизовали и отправили на фронт.

Первая военная зима была очень тяжёлой. Стояли сильные морозы, а у нас почти не оставалось одежды – о зимней одежде я уже не говорю. В чём мы тогда ходили, стыдно писать даже сейчас. Помню, как маме (она работала на радиоузле) выдали шёлковый тонкий двойной шарф, и она сделала себе из него чулки. Хлеба в нашем магазине не было. И мы один раз в неделю ходили за ним в райцентр, чтобы получить полагавшийся паёк. Как-то шли мы с сестрой по дороге, и мимо проехала бричка, доверху гружённая туго набитыми мешками, а на них двое мужчин. Они гнали лошадей во всю прыть. Неожиданно с брички свалился один из мешков. Мы побежали за бричкой, громко крича, но ехавшие в ней, не обращая на нас внимания, умчались дальше. Мы оттащили мешок с дороги и бросили в ров. Я осталась караулить, а сестра Валя побежала в село за кем-нибудь из взрослых. Когда они пришли, то развязали неожиданный подарок, в котором оказалось настоящее сокровище: сверху лежали большие свежие лепёшки, а под ними полмешка пшена. Всё это разделили между несколькими семьями, этот день надолго запомнился нам, как самый настоящий праздник» [8, с.43–44]. «После снятия блокады Ленинграда к нам приехали папины родственники. Были они страшно худые, измученные настолько, что на них невозможно было смотреть без содрогания. Мы думали, что никогда не сможем их откормить. Когда они увидели, как мы чистим картошку, [это] привело их в такой ужас, что они чуть было, не пустились в драку с нами. Они не могли понять, как можно переводить попусту такой ценный продукт» [8, с.44].

Воспоминания Флициан Энны Иосифны во многом тождественны предыдущим материалам. «Мы приехали в Карагандинскую обл., нас высадили в степи. К счастью, нас уже ждали и повезли в первую очередь в баню. Это было ни с чем несравнимое удовольствие: избавиться от вшей и всей той грязи, которая накопилась за время нашего вынужденного путешествия. Нам всем выдали по кирпичику серого хлеба. Это тоже было огромной радостью для изголодавшегося желудка.

Наше семейство разместили в пос. Компанейском, основанном трудовыми поселенцами, раскулаченными в 1930-х гг. крестьянами из Воронежской обл. ...Поселили нас в мазанке из саманного кирпича из четырёх квартир. Кроме нас, в ней жили ещё три семьи, все местные. Нам выделили однокомнатную квартирку с глиняным полом и русской печкой, с тамбуром перед комнатой. Еженедельно приходилось мазать полы смесью из навоза с глиной. Эта обязанность лежала на мне. Русскую печь растапливали кизяком, а топили антрацитным углём, который собирали на железнодорожных путях.

... В тамбуре перед нашей комнаткой хранились уголь, кизяк, сухие веточки. Он выполнял функции кладовки-чуланчика. Одно рамное окно долго тепло не удерживало. А морозы в те военные зимы были под 40 и ниже градусов. Окно мы многократно замазывали, но мало что менялось. Поэтому мы, дети, предпочитали спать на печке, где помещались втроем. Помещение освещала коптилка, от которой было больше копоти, чем света. Но умудрялась читать даже при таком слабом освещении. Керосиновая лампа появилась только через два года, готовить уроки стало легче. Но вместе с лампой появилась проблема по приобретению керосина. Часов не было. Ориентировались по солнцу, но не всегда удачно. Были случаи, когда являлись в школу в пять часов утра.

В те годы деньги не имели особой ценности. Нам полагалось, как детям красноармейца, по 50 руб. в месяц. На троих выдавали 150 руб., а буханка хлеба стоила на рынке в г. Караганде 250 руб. Продукты мы получали по карточкам. Хотя предполагалось, что отоваривать нас должны были в ассортименте, но фактически мы получали только хлеб. В школе, мы с сестрёнкой с ноября посещали школу, выдавали ежедневно по 100 г этого продукта. Полученный в школе хлеб не мог сравниться с выданным в магазине: он был воздушный, белый и казался необыкновенно вкусным. Мама, после приезда на новое место, какое-то время ходила с другими женщинами на колхозное поле, с которого уже сняли урожай, подбирать оставшиеся колоски. У соседки была ручная мельница, собранные колоски освобождали от зёрен, из которых мололи муку, а из неё готовили затируху – воду с мукой. Но однажды, во время такого похода на колхозное поле, мама попала на глаза объездчику. Он отобрал у неё добычу и пригрозил отдать под суд. Надо было искать другие варианты. Мама сумела продать отрез сохранившегося шёлка и приобрести на вырученные деньги швейную машинку «Зингер». После этого события, жизнь немного наладилась. Мама шила, тётя Сара ей помогала (пуговицы пришивала, петли обметывала). Да и мы с Миной старались не быть обузой. Мина, любившая возиться с малышами, приглянулась нашей соседке тёте Дуне, у которой их было четверо. Тётя Дуня на землях, не используемых колхозом, как и многие другие жители поселка, выращивала просо. Местные сажали так же картошку. Были случаи, когда мы её воровали. В целом старались обеспечить себя трудом. Мина присматривала за детьми тети Дуни, в награду получала скромное дополнительное питание. Перепадало что-то и мне. Моя

же помощь семье заключалась в вязании. Спицами я владела. Соседская бабушка поделилась шерстяной пряжей, и я смогла обвязать членов семьи. ...Постепенно наша семья приспособилась к новым условиям жизни, хотя, конечно, в нашем окружении мы жили скромнее всех» [9, л.41–42].

Несмотря на сложности, нехватку продовольствия, проблемы адаптации, женское восприятие эвакуационной повседневности отмечало мелочи и детали, которые дарили маленькие радости в девичьем восприятии непростой военной действительности. «У нас с сестрой была одна пара обуви на двоих, а платья нам пошили из марли. Эти наши первые школьные платья очень нам понравились. А соседка сделала нам оригинальный подарок: она связала из белых ниток сумки-портфели, которые вызывали зависть одноклассниц: портфелей ни у кого не было» [8, с.46].

В работах российских исследователей нередко приведены конфликтные ситуации, возникавшие между эвакуированным и местным населением. В частности, Козурман С.О. отмечал: «На взаимоотношения эвакуированного и местного населения разных уровней, безусловно, влияло тяжелое материальное положение обеих сторон и психологический стресс военного времени. Эти обстоятельства часто приводили к нежелательным и трагическим ситуациям. Развитие взаимоотношений было далеко от пропагандистских идеалов, времён войны, да и всего советского периода. Вместе с тем, скорее всего, и без наличия материальных трудностей, сложности во взаимоотношениях возникли бы, так как являлись неизбежным следствием контактов двух архетипов: «своих» и «чужих» [10, с.23].

Особенности адаптации и восприятия трудностей советскими людьми в Казахской ССР имели свою специфику: люди, даже дети отмечали и эти плюсы в сложнейших условиях. Общее и типичное для воспоминаний такого рода – благодарность и доброта, с которой эвакуированные часто вспоминали отношение к себе местного населения, причем, независимо от этнической принадлежности. «Надо сказать, что эвакуированные люди жили дружно и поддерживали друг друга, чем могли. Наша мама, семья с большим уважением относилась к местным казахам, которые встретили эвакуированных людей очень хорошо и помогали, чем могли. Вскоре мама познакомилась с ними ближе, она, имея незаконченное медицинское образование, старалась помочь больным из местных. Она стала неплохо говорить по-казахски, а понимала почти всё» [8, с.46–47].

«Все жители посёлка – потомственные крестьяне, очень трудолюбивые, стойко выносившие житейские тяготы. Они, не так давно находившиеся еще в более худшей ситуации, чем мы, отнеслись к нам сочувственно и активно помогали в устройстве. Снабдили нас домашней утварью: кто тарелкой, кто кастрюлькой. Парнишки лет 14–15 сколотили нам лежанки, стол, табуретки» [9, л.43].

Адаптационный период исследователи делят на три стадии: ознакомления, приспособления и ассимиляции [11, с.82]. Поскольку внешняя среда характеризовалась достаточно экстремальными условиями, стадии адаптации у эвакуированных женщин проходили параллельно; женщины приспособились к существующим условиям, подчас непригодным и существовали в новой обстановке, не теряя ни веры, ни надежды, ни желания выжить, сохраняя детей. Адаптационные механизмы были во многом сродни фронтовым, что и оказалось эффективным в этих сложных условиях выживания. Неслучайно каждая из них подчеркивает: «Постепенно, положение начало улучшаться...», «стало немного легче...» [8, с.47]; «постепенно наша семья приспособилась к новым условиям жизни...» [9, л.42]. Синдром «жертвенности», характерный для советских женщин, как одна из главных черт характера, позволили не только выжить, но и считать эту адаптацию не аномалией, а нормой жизни.

1. [Электронный ресурс] Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан // URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9275/> (дата обращения: 10.09.2020).
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – М., 1961. – Т. II. – С.548.
3. Военно-исторический журнал (Москва). – 1963. – № 2. – С.39
4. Дубсон В.Б. К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны // История. Память. Люди. Материалы VI международной научно-практической конференции. – Алматы, 2013. – 446 с.
5. АП РК. Ф.725. Оп.4. Д.227. Л.2.
6. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник документов и материалов. Т.1. – Алма-Ата, 1964. – С.433.
7. [Электронный ресурс] Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны. URL: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения 03.05.2020)
8. Енина И. Незабываемое / Эвакуация в Казахстан. Из истории эвакуации населения западных районов СССР в Казахстан. 1941–1942 гг. – Алматы, 2008. – С.43–47.
9. Делопроизводство Центрального государственного архива научно-технической документации Республики Казахстан. Воспоминания Э.И. Флициан // ЦГА РК. Ф.48-Н. Оп.1. Д.166. Л.41–43.
10. Козурман С.О. Эвакуированное и перемещённое население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Автореферат диссертации на соискание ...к. и. н. – Саратов, 2011. – 26 с.
11. [Электронный ресурс]. Потемкина М.Н., Савичева Ю.О. Производственная адаптация женщин в условиях Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского металлургического комбината) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – №1. – С.77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-adaptatsiya-zhenschin-v-usloviyah-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-primere-magnitogorskogo-metallurgicheskogo/viewer> (дата обращения 30.09.2020).

Развитие науки в Украинском психоневрологическом институте в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны наступил новый этап в развитии советской медицинской науки, когда практически все интеллектуальные силы были брошены на создание новых методов лечения и совершенствования уже имеющегося опыта в области военно-полевой медицины.

Описать в статье развитие науки даже за небольшой промежуток времени невозможно. Поэтому целью данной работы является освещение научно-исследовательской деятельности Украинского психоневрологического института (далее – УПНИ) в 1941–1945 гг.

Эта проблема в некоторой степени освещалась в литературе. Одним из первых этой тематики коснулся профессор Н.М. Зеленский, возглавлявший институт в 1940–1951 гг. [1]. Интересный материал на данную тему хранится в фонде Института, который находится в Государственном архиве Харьковской обл. [2, 3].

Сам психоневрологический институт (сегодня – это Институт неврологии, психиатрии и наркологии Национальной академии медицинских наук Украины) имеет более чем двухвековую историю. Еще в 1793 г. по решению Приказа общественного призрения в Харькове был открыт «смирительный дом», а в 1796-м – построен дом для умиленных и неизлечимых душевнобольных, т. н. «богоугодное заведение». В 1812 г. учреждение разместилось в усадьбе бывшего харьковского губернатора Петра Федоровича Сабурова, и с тех пор местные жители называют его «Сабурова дача или Сабурка» [4].

В 1920 г. в Харькове – тогдашней столице Украине – было решено создать научно-исследовательский институт для изучения и лечения неврологических и психиатрических болезней. И на базе Сабуровой дачи был организован Украинский психоневрологический институт, который заложил основы соответствующего профиля медицинской науки как Советского Союза, так и Украины [4].

На Сабурке психологическую, неврологическую и нейрохирургическую помощь раненым бойцам начали предоставлять еще в 1870-х гг. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. здесь был построен специальный лазарет на 300 человек [1, с.126].

В XX в. количество коек в нем увеличилось. Некоторые врачи стали исследовать непосредственно психологическую, неврологическую или нейрохирургическую проблематику, связанную с военными

конфликтами. В результате этих исследований во время Первой мировой войны, в 1916 г., увидели свет три книги харьковского доктора А.И. Геймановича «О душевных заболеваниях военного времени», «Общественные психиатрические больные и война», «Материалы к неврологии войны».

1920–1930-е гг. отмечены в мировой истории многочисленными военными конфликтами. Поэтому тема лечения раненых была актуальной и многие ученые психиатры, неврологи, нейрохирурги работали в направлении улучшения качества и эффективности лечения центральной и периферической нервной системы. В советское время в научной литературе это направление называлось «оборонная тематика» [1, с.126]. И по этой теме в 1930-е гг. проводились научные сессии Нейрохирургического совета СССР, где рассматривались вопросы, касающиеся как огнестрельных, так и ножевых ранений [см., напр.: 5]. 30–31 мая 1939 г. в Москве состоялась совместная V сессия Нейрохирургического совета СССР и Всесоюзной ассоциации хирургов. На этом собрании с докладом о ранениях периферических нервов выступили харьковские профессора А.И. Гейманович и И.Б. Литвак [1, с.127].

В 1938–1941 гг. в самом Украинском психоневрологическом институте также проводились специализированные научные форумы, посвященные соответствующим раненым. В феврале 1938 г. на базе НИИ проходила IV сессия Всесоюзного Нейрохирургического совета. В этом же году организовывались конференции по проблеме боли и нейрогистологии. В 1939 г. был организован нейрохирургический декадник, а в 1940 г. проведены выездные конференции в Полтаве, Сталино^{1*} и ряде других городов [1, с.127]. В довоенные месяцы 1941 г. в Институте прошла X сессия, где главной темой обсуждения была «воздушная контузия». На июньской конференции, проходившей в Днепропетровске с участием ученых из УПНИ, рассматривался вопрос о пластике нерва [6].

Вскоре после вторжения немецких нацистов на Советский Союз по стране начали массово развертываться военные госпитали. 23 июня сотрудники поставили вопрос о создании на базе УПНИ специализированного госпиталя, на что было получено указание Главного Санитарного Управления Харьковского облисполкома об открытии такового и принятия его в число действующих в Красной армии [1, с.127]. Госпиталю был присвоен номер 3352. Его начальником был

^{1*} Сейчас Донецк.

назначен директор УПНИ проф. Н.М. Зеленский, начмедом – проф. М.С. Лебединский. Часть ученых была направлена на работу в госпиталь. Среди них выдающиеся профессора с мировым именем З.И. Гейманович, М.С. Лебединский, А.Л. Лещинский, Т.И. Юдин; доценты А.И. Вольфовский, Н.И. Погибко, Н.Б. Чибукмахер, Л.Г. Шмелькин и др. Консультантами были назначены профессора В.С. Бейлин, А.И. Гейманович, Л.Б. Литвак, В.П. Протопопов, доцент М.Е. Соболев [1, с.127–128].

Ученые не только лечили раненых, но и на основе полученных данных при оперировании, лечении и профилактики заболеваний проводили научные исследования. Основная часть научной тематики была направлена на изучение травм центральной и периферической нервной системы. Поэтому можно считать, что госпиталь 3352 стал клинической базой УПНИ.

Результаты исследований 6 августа обсуждались на объединенной конференции медработников института и госпиталя, где основной темой дискуссии была проблема огнестрельных ранений периферических нервов [1, с.128; 6].

В связи с приближением линии фронта 25 сентября институт и госпиталь были эвакуированы вглубь Советского Союза. Сначала планировалось их перевезти в Новосибирск, но позже отправили в Тюмень. В годы войны в Тюмени находилось 11 эвакуационных госпиталей, как местных, так и прибывших из других городов СССР [7]. Институту и госпиталю № 3352 предоставили помещения в зданиях школы на ул. Красных Зорь и филармонии на ул. Республики [7]. Начальником госпиталя был назначен директор УПНИ проф. Н.М. Зеленский, начмедом – проф. М.С. Лебединский. Среди эвакуированных сотрудников были заслуженный деятель науки проф. Т.И. Юдин, профессора З.И. Гейманович, М.С. Лебединский, А.Л. Лещинский, доценты Н.Б. Чибукмахер, Н.И. Погибко, Л.Г. Шмелькин, А.И. Вольфовский, кандидаты медицинских наук М.С. Горбачев, Р.А. Василенко, Г.С. Паперный, Т.Н. Татаринцева, М.Э. Телешевская и др.

На новом месте институт и госпиталь начали работу 21 октября – через 11 дней после прибытия [2, л.103]. Вначале в лечебное учреждение поступали общехирургические раненые, но со временем медики добились, чтобы к ним направлялись профильные раненые, т. е. требующие нейрохирургической, неврологической и психиатрической помощи.

По решению Совнаркома СССР за институтом был сохранен статус научно-исследовательского учреждения, его финансирование возлагалось на Наркомздрав СССР, а подчинялся он Госпитальному совету Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрав) СССР [1, с.129]. В институте были сформированы отделы: психологический, нейрохирургии, экспертизы, изучения центральной и периферической нервной системы, пато-гисто-анатомический, психиатрии [2, л.110]. Научные исследования сотрудников УПНИ велись одновременно с лечебной работой в госпитале.

Для проведения научной деятельности профессора, доктора использовали свои наработки в госпиталях. Именно диагнозы поступавших раненых показывали в каких направлениях следует вести исследования. Так, в 1942 г. было намечено проводить изыскания в пяти направлениях: 1) ранения периферических нервов (руководитель проф. З.И. Гейманович), 2) ранения позвоночника и черепа (руководитель проф. З.И. Гейманович), 3) клиника ранений черепа (руководители проф. З.И. Гейманович, проф. М.С. Лебединский), 4) острые коммоционные и психогенные психозы в военное время (руководитель заслуженный деятель науки, проф. Т.И. Юдин), 5) нейропсихиатрическая экспертиза в военное время (руководитель А.Л. Лещинский). Было определено 47 научных тем по этим проблемам [2, л.207–209; 3, л.2 об.]. На 1943 г. было запланировано 27 научных тем по следующим пяти научным направлениям: 1) травмы периферической нервной системы, 2) травмы позвоночника и спинного мозга, 3) невропсихопатологические синдромы при травмах центральной нервной системы, 4) восстановительная терапия и с темы [3, л.2 об.].

Проводимые эксперименты имели как положительные, так и отрицательные результаты. Иногда приходилось отказываться от дальнейших исследований. Например, в 1942–1943 гг. в УПНИ проводились эксперименты по трансплантации нервов для восстановления двигательных функций конечностей. Опыты проводились на кошках и собаках. Но положительного результата на тот момент добиться не смогли и поэтому исследования в этом направлении были прекращены [2, л.190–200]. В то же время для быстреего заживления ран медиками Института на основе местного сырья был создан новый вид клеола – «клеол 3352», которым снабжали соседние госпитали и местные медучреждения [2, л. 112 об.].

Находясь в эвакуации, четыре сотрудника УПНИ защитили диссертации на степень кандидата медицинских наук (Ю.В. Василенко, [??] Мастбаум, И.С. Розенцвиг, М.Э. Телешевская) [1, с.134; 3, л.2].

Важное значение для развития науки имеет обмен опытом между специалистами, происходящий во время научных форумов (конференций, сессий, советов и т. п.). Как видно из публикаций, архивных документов такие мероприятия проводились в основном локально, т. е. собирались специалисты близлежащих учреждений.

Как отмечалось выше, в годы Великой Отечественной войны ученые УПНИ подчинялись Госпитальному совету Наркомздрава СССР. На его заседаниях заслушивались доклады ведущих ученых страны о достижениях науки. На II заседании Госпитального совета с результатами работы УПНИ выступал проф. Т.И. Юдин [2, л.27].

Сотрудники УПНИ выступали на научных конференциях, проводившихся по инициативе Уральского военного округа, а также межокружных и межгоспитальных. За период с 20 октября 1941 по 1 августа 1943 г. работники института участвовали в 30 конференциях, выступив с 99 докладами [3, л.4].

Многочисленной, например, была сессия Свердловского государственного медицинского института, проходившая 10–12 июля 1942 г. На заседаниях рассматривался широкий спектр медицинских проблем. На ней выступило 46 человек. В основном с докладами выступали именитые профессора, среди которых было много представителей из УПНИ [2, л.99–100 об.].

Для самого института важной была XI сессия. Она планировалась на 23 ноября 1942 г. с приглашением специалистов из Омска, Оренбурга, Перми и других соседних городов. Однако мероприятие было отложено и состоялось в феврале следующего года одновременно со II конференцией невропатологов, психиатров и нейрохирургов Уральского военного округа. Собрание было посвящено вопросам огнестрельных поражений центральной и периферической нервной системы. На нем ученые УПНИ выступили с 32 докладами [3, л.4].

Многие из докладов были опубликованы в соответствующих сборниках статей. Также в эвакуации были напечатаны XII и XIII тома Трудов Института, в которых были отражены итоги последних исследований ученых. Кроме того, увидели свет монографии проф. З.И. Геймановича «Военно-травматологические поражения позвоночника и спинного мозга» (Тюмень, 1943), «Огнестрельные поражения периферических нервов и их лечение» (Омск, 1943); сборник под редакцией проф. Т.И. Юдина «Санитарная служба в дни Отечественной войны» (в 2 т., Тюмень, 1943) и др.

Особой датой в жизни харьковчан стало 23 августа 1943 г. – день освобождения города от немецких захватчиков. Узнав о таком радостном событии, сотрудники УПНИ принялись готовиться к возвращению домой. Но вначале была отправлена специальная группа, чтобы посмотреть состояние помещений. Перед их глазами предстала страшная картина: почти все здания Сабуровой дачи были разрушены. Вскоре началось восстановление лечебных корпусов, кухни и части центральной котельной [1, с.133]. В апреле 1944 г. институт и госпиталь № 3352 вернулись в Харьков, а 1 мая стали поступать первые ранбольные. После возвращения домой УПНИ и госпиталь были переподчинены Санитарному отделу Харьковского военного округа и Управлению госпиталей Наркомздрава УССР.

Продолжалась научно-исследовательская работа. В августе 1944 г. состоялась XII научная сессия УПНИ, проведенная совместно с Санитарным отделом Харьковского военного округа и Управлением эвакуационных госпиталей Наркомздрава УССР. На заседании рассматривался вопрос лечения огнестрельных ранений центральной и периферической нервной системы. Как и в Сибири, ученые Института активно участвовали в научных конференциях, проводимых Харьковским военным округом и Наркомздравом УССР [1, с.132].

1945 г. для Украинского психоневрологического института стал особенно знаменательным. 9 мая закончилась Великая Отечественная война. В сентябре Институт торжественно отметил свое 25-летие. На день рождения НИИ приехали гости из разных уголков Советского Союза, среди которых было много воспитанников, ставших руководителями профильных кафедр в других городах страны [1, с.133]. В истории УПНИ, как и всей медицинской науки начался новый этап развития, связанный с изучением не только военных, но и общечеловеческих проблем медицины.

Таким образом, ученые Украинского психоневрологического института внесли вклад в развитие медицинской науки, особенно таких ее разделов как военные нейрохирургия, неврология, психиатрия. Сегодня наука шагнула далеко вперед. На современном этапе используются новые технологии, методы лечения, новые медикаменты и медицинское оборудование. Но всё это зиждется на фундаменте, заложенном предшественниками, в т. ч. и работавшим в годы Великой Отечественной войны.

1. Зеленский Н.М. 150 лет Сабуровой дачи. – Киев, Харьков: Гос. мед. изд-во УССР, 1946. – 160 с.
2. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф.Р-6078. Оп.1. Д.1. Приказы Наркомздрава СССР. Докладные записки о работе госпиталя и института в период Отечественной войны. Справки и копии характеристик сотрудников института. 1942 г. На 226 л.

3. ГАХО. Ф.Р-6078. Оп.1. Д.6. Отчет о научно-исследовательской и производственной работе института за период с 20 октября 1941 г. по 1 августа 1943 г. На 6 л.
4. [Электронный ресурс] Яворский В.С., Москаленко В.Ф., Рогожин Б.А., Никитин Г.А., Химчан А.И., Петрюк П.Т. 200-летие Сабуровой дачи – знаменательная дата в истории украинской медицины // История Сабуровой дачи. Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: Сборник научных работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи) / Под общ. ред. И. И. Кутько, П. Т. Петрюка. – Харьков, 1996. – Т.3. – С.3–6. – URL: <http://www.psychiatry.ua/books/saburka/paper001.htm> (дата обращения 20.08.2020)
5. Вторая сессия нейрохирургического совета 5–7 июня 1936 г. / Под общ. ред. проф. Н.Н. Бурденко. – Москва: Медгиз. – 1938, – 308 с.
6. [Электронный ресурс] 25 лет Украинского психоневрологического института: Труды VII НИ. Т.15. – Харьков: Издание УПНИ, 1945. – 220 с. URL: <https://medznate.ru/docs/index-64750.html> (дата обращения 20.08.2020)
7. [Электронный ресурс] zampolit. Тюмень – город-госпиталь для раненых бойцов. URL: <http://safe-rgs.ru/3188-tyumen-gorod-gospital-dlya-ranenyh-boycov.htm> (дата обращения 20.08.2020).

Маликова С.З.

Эвакуационные госпитали Петропавловска

Работа тыловых госпиталей была также важна, как и фронтовых. Это были многопрофильные специализированные лечебные учреждения, которые действовали все четыре года войны. Их деятельность основывалась на помощи партийных, советских и общественных организаций, зависела от вклада местных и эвакуированных медиков. По сведениям исследователя Жакуповой М.А. в Петропавловске Северо-Казахстанской обл. были развернуты следующие госпитали: № 2446 на 700 коек (20.07.1941–01.12.1944), № 3595 на 400 коек (22.07.1941–01.11.1942), № 3813 на 820 коек (23.12.1941–25.03.1943), № 3895 на 200 коек (1942–1943) и опергруппа Медицинского института им. Сеченова на 200 коек (1942–1943 гг.) [1].

Анализируя документы, отложившиеся в документах Северо-Казахстанского государственного архива, можно внести отдельные уточнения и детализацию в цитируемое исследование.

В рапорте руководству от 24 сентября 1941 г. старший политрук Решидов докладывал: «[в Петропавловске] эвакогоспиталь № 3595 приступил к организации 21 июля 1941 г., а функционирует с 11 августа [1941 г.]». Госпиталь специализировался на оказании помощи раненым с нейрохирургическими, челюстно-лицевыми, глазными и отоларингологическими заболеваниями.

Политико-массовая работа проводилась по плану, составляемому на каждые 2 недели с таким расчетом, чтобы все раненые бойцы, командиры и политработники, находящиеся на лечении, были в центре внимания политработников и медицинского персонала госпиталя.

Судя по документам, эвакогоспиталь № 3595 был расформирован в марте 1943 г. [2].

В 1941 г. начал свою работу и эвакогоспиталь № 2446, который разместили на территории областной больницы. Эвакогоспиталь № 2446, как и эвакогоспиталь № 3595, был сформирован на базе 1-й городской больницы и Петропавловской физиолечебницы.

Постановлением бюро Северо-Казахстанского обкома КП (б) Казахстана от 13 октября 1941 г. был создан областной комитет помощи по обслуживанию бойцов и командиров, находящихся в госпитале. На комитет возлагалась организация помощи североказахстанцев в деле обслуживания раненых, повседневный контроль и наблюдение за работой госпиталей. Люди в госпиталях работали в трудных условиях, сталкивались с несвоевременным водообеспечением, перебоями продовольствия и отсутствием транспорта для их доставки [3, л.113].

В декабре 1941 г. бюро Северо-Казахстанского обкома партии обратилось к руководству Булаевского, Мамлютского, Полудинского районов с просьбой «изыскать возможность обеспечить выздоравливающим раненым красноармейцам двухнедельного или месячного пребывания в селах для накопления сил». Вскоре интернаты были открыты.

26 ноября 1941 г. руководители города и области получили телеграмму следующего содержания: «Срочная. Петропавловск. Решением Военного Совета Среднеазиатского округа в Петропавловск следует эвакогоспиталь № 3813. Просим обеспечить помещением на 1000 коек и квартирами 200 сотрудников, также топливом и транспортом для перевозки госпитального имущества, начальник госпиталя Аверкиев, военный комиссар Курович». Эвакогоспиталь № 3813 прибыл из г. Ростова-на-Дону и в г. Петропавловске выполнял функцию сортировочных госпиталей (для северной группы). В ЭГ-3813 работали выпускники фельдшерско-акушерской школы. Размещался он в зданиях центра города, удаленных друг от друга на 1,5–2 км.

В госпитале № 3813 в основном лечились раненые с психоневрологическими заболеваниями и контуженные. В документе читаем: «В ЭГ имеется одна операционная, которая помещается в отделении № 1, и 7 перевязочных в каждом отделении. Санитарное состояние операционного блока удовлетворительное. Обеспеченность перевязочных хирургическим инструментарием недостаточная. Также ощущается острый недостаток в биксах. Стерилизация материала производится в отделении № 1, откуда стерильный материал доставляется в отделения. Стерилизация белья проводится в полотняных мешках. В

отделении № 4 имеется оборудованный физиотерапевтический кабинет, который функционирует только в вечерние часы, ввиду отсутствия электроэнергии днем. Физиотерапевтическая аппаратура имеется в отделениях № 5, 6. Лечебная физкультура проводится двумя инструкторами по лечебной физкультуре. Врача по лечебной физкультуре нет.

В госпитале имеется клиничко-диагностическая лаборатория, расположенная в отделении № 1, которая оборудована всем необходимым материалом и полностью обеспечивает потребности ЭГ.

Рентгеновского кабинета ЭГ не имеет и для обслуживания прикреплен к ЭГ №2446 и 3595. В момент обследования рентгенологическим исследованием раненные были не полностью обеспечены».

В 1942–1943 гг. в госпитале № 3813 на 100 коек работало протезное отделение [4, 249 с.].

По документам, в госпитале № 3813 с 1 января по 25 июля 1942 г. при каждом отделении были организованы кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности. За этот период было обучено 94 неграмотных и 115 малограмотных. Из числа инвалидов подготовлено 12 счетоводов, которые впоследствии были трудоустроены в колхозах области [5, л.19].

По архивным сведениям, в январе–феврале 1942 г. в Северо-Казахстанской обл. было развернуто и действовало 5 эвакогоспиталей: три (№ 2446, 3595, 3813) располагались в Петропавловске [6, с.21]. Они размещались в помещениях больницы, здании Дома пионеров, школ и др. Кадры среднего медперсонала пополнялись за счет выпускников школы медсестер Петропавловска, врачи приезжали из других городов или же оставались в регионе после лечения от ранений, полученных в действующей армии.

Эвакогоспиталь № 2446 (начальник – военврач III ранга Адамов, военком – политрук Писковой), эвакогоспиталь 3595 (начальник – военврач II ранга Купицкий, военком – старший политрук Леонченко), эвакогоспиталь 3813 (начальник – военврач II ранга Авернеев, военком – батальонный комиссар Поляков). Вместимость госпиталей составляла соответственно 720, 500 и 900 коек. Однако раненых было гораздо больше, чем лечебных коек.

В середине июня 1942 г. в трех госпиталях Петропавловска насчитывалось более двух тысяч раненых бойцов и командиров. Из архивных данных за первый год действия эвакогоспиталей из числа выписанных раненых 71% возвращались в Красную армию. К началу 1943 г. смерт-

ность среди раненых несколько снизилась. Число врачей превысило 60 человек. Сложнейшие операции проводил доктор медицинских наук профессор Альпин. Среди врачей пятеро имели степень кандидата медицинских наук [4].

Со словами благодарности к врачам обращались воины в газету «Ленинское знамя». Так, 7 ноября 1941 г. лейтенант Пугачёв от имени раненых госпиталя № 3595 благодарил врачей Старовойтову Г.А., Глазкову К.М., сестер Рязанову, Константинову, Мустаеву. 24 мая 1942 г. опубликовано письмо красноармейца Матвея Ложкина, в котором он пишет: «В одном из боев вражеские пули изуродовали мне руку и ногу. Сейчас я нахожусь в госпитале г. Петропавловска. Здесь нам созданы все условия. Врачи и медсестры с материнской заботой выхаживают нас, раненых. Хочется снова на фронт».

1. Жакупова М. Тыловые эвакуогоспитали Казахстана и республик Средней Азии (САВО) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Астана: Елорда, 2015. – С.16, 268

2. СКГА. Ф.1189. Оп.1. Д.1128.

3. Там же. Ф.22. Оп.3. Д.307.

4. Сборник «Память сильнее времени». – Северный Казахстан, 2015. – С.249–254.

5. СКГА. Ф.1189. Оп.1. Д.1129.

6. Сборник «Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. К 65-летию Победы». – Петропавловск, 2010. – 384 с.

Такиров О.М.

Здравоохранение Костанайской обл. в годы Великой Отечественной войны

В предвоенный период в регионе на системной основе проводились противоэпидемиологические мероприятия. Но с начала Великой Отечественной войны в результате миграции и искусственной скученности в населенных пунктах при неподготовленности социальной инфраструктуры к такому количеству жителей, регистрировались факты возникновения и распространения инфекционных заболеваний: различные типы тифа, корь, кишечные заболевания и пр.

Уже в I кв. 1941 г. в области были зарегистрированы 24 случая заболевания брюшным тифом: в гг. Костанай и Джетыгара, в Тарановском, Мендыгаринском и Карабалыкском районах. Одной из причин возникновения эпидемической вспышки являлось антисанитарное состояние источников водоснабжения. 20 случаев заболевания сыпным тифом: в г. Костанай, Затобольском р-не и конезаводе № 13. В Костанай сыпной тиф был привезен жителями ст. Опановка, расположенной на пути железной дороги Акмолинск–Карталы. На конезаводе зимой не работала баня, как следствие завшивленность среди рабочих. Также было зарегистрировано 186 случаев заболевания

корью: в Тургайском р-не. Наиболее массовым заболеванием стал грипп (4147 случаев): в гг. Костанай и Джетыгара, а также в Мендыгаринском р-не. [1, л.36].

Статистика заболеваний региона в декабре 1942 г. возросла: 117 случаев сыпного тифа, 61 случай брюшного тифа и 8 случаев дизентерии. Наибольшее количество заболеваний регистрировалось на ферме № 1 Кушмурунского совхоза Карасуского р-на и в колхозе «Дружный труд» пос. Карсуль. Источником распространения сыпного тифа на территории Карасукского р-на стали спецпереселенцы, размещенные в поселках и совхозах района без осмотра врачей. 12 случаев сыпного тифа также выявлено у спецпереселенцев в Забеловском совхозе.

Согласно статистике, в области в 1942 г. возникли 797 случаев сыпного тифа. Наибольшее количество заболеваний выпало на февраль (114), март (111), апрель (170), май (153). Территориально наибольшее количество наблюдалось в г. Костанай (160), а также в Семиозерном (76), Карабалыкском (93), Урицком (127) районах. Первые случаи сыпного тифа являлись заразными. Источником распространения сыпного тифа на территории Карабалыкского р-на стали спецпереселенцы немцы, прибывшие из Крыма. В Семиозерном р-не – заключенные Атбасарской тюрьмы, которых перебрасывали в исправительно-трудовую колонию № 33. Наряду с сыпным тифом в области было зарегистрировано 569 случаев брюшного тифа. Наибольшее количество заболеваний брюшным тифом выпало на сентябрь (121) и октябрь (119). Вспышки данной инфекции отмечались в Костанай (190), Карасуском (88) и Карабалыкском (52) районах.

Одним из инфекционных заболеваний стала дизентерия. В 1942 г. в области регистрировалось 760 случаев. Очаги появились: в Костанай (394), в Джетыгаре (116), в Мендыгаринском р-не (39). В результате вспышки инфекционных заболеваний в области увеличился объём коечного фонда, который составил 375 единиц. Увеличение коечного фонда сопровождалось укомплектованием постельным бельем медицинских учреждений. На койку приходился 3-х сменный комплект. К приему инфекционных больных были готовы 26 больниц области, снабженные необходимыми техническими и финансовыми ресурсами. В областном центре развернула деятельность сеть санитарно-контрольных пунктов, облздравотдел увеличил гужевой транспорт городской санэпидстанции на 2 единицы, для обслуживания трудовых команд и воинских частей на местах их дислокации образовывались санитарные пункты.

В результате реализации плановых мероприятий, направленных на борьбу с инфекционными заболеваниями, сельские населённые пункты разбивались на десятидворки, за которыми были закреплены 1440 санитаров. В 1942 г. в области было 3267 индивидуальных, 650 общественных и 14 коммунальных бань. Однако ввиду отсутствия топлива большее количество бань работали со значительными перебоями. Например, общественная баня г. Костаная не работала больше месяца по причине отсутствия угля. Наряду с учётом работы бань санитарная инспекция проводила 3-х разовую проверку населения. В результате проверок выяснилось, что большая часть населения подверглась завшивленности. В райцентрах было создано 125 медицинских бригад для обслуживания сельского населения, выявления очагов и причин инфекций, а также госпитализации больных. На высоком слаженном уровне работала медицинская бригада Костанайского р-на под руководством врача Захаровой. Межрайонная Костанайская эпидемиологическая станция провела дезобработку 41 144 человек.

В г. Костаная было проведено 10 836 анализов воды и прохлорирован 301 колодец. Проведение прививок от брюшного тифа выполнено на 103,9%, от дизентерии – на 80,2%, вакцинация против оспы – 74%, ревакцинация оспы – 58,2%, вакцинация против дифтерии – 39,3% и др.

Несмотря на проведение комплексных мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями в области отмечались и недостатки: поздняя диагностика, несвоевременная госпитализация, отсутствие систематичности в работе бань. Особо остро данные недостатки проявлялись в период притока населения – эвакуированных, спецпереселенцев, беженцев. Например, в конце июня 1942 г. в ходе расселения спецпереселенцев в колхозах Карабалыкского р-на вследствие нехватки гигиенических средств не проводилась санитарная обработка от сыпного тифа [2, л.8].

В целях борьбы с инфекционными заболеваниями медики проводили подворный обход населения, госпитализацию сыпнотифозных больных, обработку очагов (8027) на начальном этапе, процесс термометрии в очагах распространения инфекций, вели наблюдение за контактируемыми, организовывали выезды эпидемиологических отрядов в места возникновения инфекций. На ферме № 1 Кушмуринского р-на и в ИТК № 33 Семиозерного р-на были созданы бараки, каждый на 15 коек. Таким образом, на территории Костанайской обл., невзирая на военное положение и нехватку кадров, облздравотдел проводил мероприятия для борьбы с инфекционными заболеваниями.

На зиму 1942 г. планировалось силами лечебных учреждений заготовить 17 773 кбм дров. Однако из-за нехватки рабочей силы и удаленности большинства лесничеств от медицинских учреждений на расстоянии 45–120 км было заготовлено 8030 кбм дров, т. е. менее 50%. К концу года медицинские учреждения получили разрешение на заготовку дров в Семиозерном лесничестве, дрова из которого доставлялись железнодорожным транспортом, что значительно ускорило и облегчило заготовку. Медицинские учреждения Федоровского, Карабалыкского, Пешковского и Тарановского районов приступили к заготовке дров поздно [2, л.8].

Одновременно проводился санитарный осмотр объектов оборонной промышленности, эвакуированных в регион. Например, располагавшийся в Костанайском зерносовхозе Карабалыкского р-на завод № 222 подвергался 5-кратному осмотру Госсанинспекцией, в ходе которых были выявлены санитарные недостатки, особенно по жилищно-коммунальному обслуживанию рабочих. В большинстве из 10 заводских цехов обнаружались пробоины и неровности зацементированных полов, отсутствовали вентиляция и душ. Рабочие завода обеспечивались питьевой водой с перебоями и в недостаточном количестве. Воду без всякой соответствующей обработки употребляли из р. Тогузак. В результате проведенных анализов в воде обнаружались коллититры – фекальное загрязнение воды и продуктов питания. Как следствие частые заболевания пиодермией (гнойное поражение кожи).

Комиссия выявила ряд санитарных недостатков и в работе жилищно-коммунального обеспечения. Заводчане проживали в общежитиях, большинство из которых отапливались с перебоями. Комнаты не укомплектовывались умывальниками, часто отсутствовала вода, рабочие, возвращавшиеся со смен, не могли вымыть руки. Несмотря на то, что при заводе функционировала баня на 50–60 чел., при которой имелась большая дезкамера, санитарная обработка рабочего персонала проводилась редко, 1–2 раза в месяц. При осмотре у рабочих обнаружилась завшивленность. Столовая сеть завода находилась в плачевном санитарном состоянии. Например, из-за отсутствия помойных и отхожих ям у входа в столовую лежали горы мусора. За антисанитарное состояние руководство отдела рабочего снабжения дважды подвергалось штрафу. На заводе функционировал здравпункт, в котором работали 3 врача и 3 средних медработника. По результатам проверок на ЖКО и завод были составлены протоколы саннарушений. Протоколы направлялись в КазГлавГСИ. Так, по предложению облГСИ была снята с должности заведующая столо-

вой № 1. Вышеперечисленные санитарные недостатки Госсанинспекция сочла результатом невыполнения постановления ГКО № 234-с от 2 февраля 1942 г. «О предупреждении эпидемических заболеваний в стране и Красной армии».

Питание рабочих завода № 507 являлось недостаточным, наблюдались перебои в снабжении жирами. ГлавГСИ взыскал штрафы со старшего повара столовой № 3 и с завсклада завода за антисанитарное содержание объектов. На заводе находилось 5 одиночных общежитий, 2 из которых не имели достаточного количества постельных принадлежностей и коек. Часть комнат были оборудованы нарами, 3-х разовая санобработка в месяц не проводилась. Обнаруживались единичные случаи завшивленности.

Несколько лучше складывалась ситуация в школах ФЗО, функционировавших при заводах. Согласно результатам санитарного осмотра, питание признавалось удовлетворительным. Общежития полностью обеспечивались постельными принадлежностями, проводилось регулярно отопление, 3 раза в месяц – санобработка. Завшивленность не обнаружилась.

В заводском здравпункте работали врач и 2 медсестры. За 10 месяцев количество посещений составило 4737 раз, было выдано 1816 бюллетеней.

За 1-е полугодие 1942 г. в результате несоблюдения техники безопасности и охраны труда 17 рабочих комбината Джетыгарзолото получили травмы. Установлен случай смерти в результате удара электротоком. Горполиклиника проводила профилактические беседы для рабочих комбината, чья деятельность связана с вредными условиями труда – с шахтерами и литейщиками. При комбинате находились 2 здравпункта: на руднике им. Кирова, в котором работали врач и 4 средних медработника и на руднике им. Чапаева – 1 средний медработник. Комбинат имел 3 общежития, отопление которых оценивалось недостаточным. Функционировала баня, но ввиду нехватки топлива работала редко, а в последние месяцы и вовсе прекратила свою работу. Данный фактор повлиял на завшивленность рабочих. Три столовые находились в антисанитарном состоянии, руководству налагались штрафы. Питание рабочих признавалось удовлетворительным, благодаря подсобному хозяйству.

В школах ФЗО при комбинате учились 120 чел. Постельными принадлежностями подростки обеспечивались полностью. Но из-за нехватки топлива общежития отапливались с перебоями. Среди уча-

щихся наблюдалась большая завшивленность. Питание считалось неудовлетворительным. Особенно часто отсутствовали мясо и жиры.

В соответствии с указаниями Костанайского облздравотдела, по устранению вышеназванных саннедостатков директор завода № 222 приказал начальнику жилищно-коммунального обеспечения Вессонову обязать квартиросъемщиков побелить квартиры, обеспечить их необходимыми материалами. Провести немедленную очистку уборных и выгребных ям. Привести в должный порядок ассенизационный обоз. Завершить оборудование кубовой, обеспечить со 2 июня 1942 г. бесперебойное снабжение цехов завода и общежитий поселка кипяченной водой. Совместно с медпунктом в каждой секции жилых домов организовывались санитарные посты. Обеспечивалась бесперебойная работа бани и санпропускника. В квартиры, гостиницы, общежития не заселяли лиц, не прошедших санобработку. Всем лицам, проживающим в жилых домах завода, предписывалось пройти санитарную обработку. Дела уклонившихся от санобработки передавались в милицию. Предписывалось обеспечить все заводское население поселка питьевой водой исключительно из скважин, при этом не допуская набора воды из реки. От жильцов требовали наведения и поддержания должного порядка в квартирах, лестничных клетках, коридорах. Совместно с представителями завкома приказывалось организовать систематические осмотры квартир. Жильцов, не желающих выполнять данные требования, предписывалось переселять в худшие квартиры, в крайнем случае выселять, с передачей материала руководству завода, с целью привлечения нерадивого жильца к ответственности.

Помощник директора по хозяйственной части Седов обеспечил доставку стройматериалов для постройки уборных, выгребных ям и мусорных ящиков, бесперебойную доставку топлива для регулярной работы бани, дезкамеры и пункта приготовления кипяченной воды. Обеспечил материалами изготовление инвентаря по заказу жилищно-коммунального обеспечения. Закрепил для постоянной работы в жилищно-коммунальном обеспечении 4 пары лошадей с упряжкой: для подвозки воды – 3 пары, для вывозки нечистот – 2 пары.

Начальник отдела капитального строительства Сумников по указанию начальника жилищно-коммунального обеспечения построил новые и отремонтировал старые уборные в поселке и на территории завода. Отремонтировал деревянные бочки для воза воды. Начальнику теплоцеха Леонтьеву предписывалось: устранить водоразборный открытый чан, который являлся источником загрязнения; обеспечить

бесперебойную подачу воды и пара в цеха по графику жилищно-коммунального обеспечения; оборудовать в бане душевую на 5 рожков. Начальнику цеха темаллоконструкции Алексееву предлагалось немедленно изготовить по заказам жилищно-коммунального обеспечения: ассенизационные бочки – 2 шт., решетки для выгребных ям – 10 шт., бачки, оцинкованные железом для питьевой воды – 15 шт.

Начальникам цехов и отделов предписывалось организовать в каждой смене санитарные посты, обеспечить 100% явку на профилактическую прививку против брюшного тифа по установленному здравпунктом графику. Списки уклонившихся предоставлялись директору для принятия соответствующих мер. Завхозу завода Паперову предлагалось обеспечить регулярную доставку кипяченной воды в цеха, зав. техникой безопасности Гусеву – подсоленной водой. Начальнику отдела рабочего снабжения Соколову предписывалось изготовить 80 железных кроватей. Заведующая здравпунктом Карачовская обязывалась организовать проведение цикла лекций по вопросам борьбы с эпидемиями, семинар с начальниками цехов по вопросам борьбы с инфекционными заболеваниями. Медицинский персонал привлекался для систематического наблюдения за проведением санитарно-гигиенических мероприятий в поселке и на заводе. В приказе Фефер предупредил всех исполнителей о том, что малейший срыв сроков выполнения, а также не выполнение данных требований, будут расцениваться как срыв важнейших мероприятий по санитарной обороне. Виновных обязали привлечь к строжайшей ответственности, вплоть до отдачи под суд по законам военного времени [3, л.12–15, 76–77]. Подобные недостатки Госсанинспекция приравнивала к уголовным преступлениям.

В декабре 1943 г. было зарегистрировано 116 случаев сыпного тифа: в Костанайском, Мендыгаринском, Затобольском, Карасусском, Карабалыкском, Джетыгаринском, Орджоникидзеvском, Семиозерном, Пресно-Горьковском, Федоровском районах, а также в гг. Костанай и Джетыгара. В декабре в медицинских учреждениях насчитывалось 215 эпидкоек и столько же резервных. Госпитализация сыпнотифозных больных проходила следующим образом: до 3 числа – 50 чел., 5 числа – 21 чел. Санобработка проводилась следующим образом: в течение 18 часов после вспышки инфекции 40%, в течение суток – 45%, в течение 2-х суток – 15%, после санобработку прекратили. По мере возникновения инфекций в районах создавались эпидемиологические отряды (30 единиц). В городе функционировало 4 бани на 260 чел. В сельской

местности насчитывалось 215 бань, с общей мощностью 1760 чел. в час и 9 бань, при которых функционировали дезкамеры. Функционировало 42 стационарных, 35 подвижных дезкамер и 129 простых дезинсекторов. Для проведения санитарных обработок местная промышленность произвела 175 кг мыла, что составило 31,4% от общего запланированного объема. 9866 дворов сельских населенных пунктов, а также 48 общежитий и бараков подверглись подворному обходу санитарными инспекторами. В области насчитывалось 2264 общественных санитарных инспектора.

С 11 по 20 февр. 1944 г. случаи заболевания сыпным тифом наблюдались: в Джетыгаринском (28), Карабалыкском (4), Карасуском (6), Костанайском (9), Орджоникидзевском (18), Семиозерном (39), Федоровском (10), в Мендыгаринском, Убаганском, Тарановском, Узункульском и г. Костанаяе 9 случаев. Тифознобольные были своевременно госпитализированы. Для проведения санитарной обработки руководство области запрашивало у республики разрешение на использование 5 т мыла из фондов хлебозакупа. В феврале 1944 г. председатель Костанайского облисполкома телеграфировал в Москву о том, что в результате возникновения 290 случаев сыпного тифа в области складывается крайне напряженное положение [3, л.13–14, 16].

Облздравотдел приказал обеспечить своевременную обработку очагов и госпитализацию сыпнотифозных больных, бани и вошебойки – топливом для бесперебойной работы. Обратит особое внимание на санитарную обработку прибывающих спецпереселенцев, не допускать их контактирования с местным населением без санитарной обработки.

Наряду с инфекционными заболеваниями в области распространялся грипп. Потеря дней по нетрудоспособности наносила ущерб народному хозяйству. Особенностью гриппозных вспышек являлись быстрота развития и чрезвычайно большой охват населения. В системе медицинского обслуживания населения в период гриппозности предусматривалось: усиление внебольничной и больничной помощи; вводились дополнительные приемные часы в амбулаториях и поликлиниках, надзор за больными на дому; введение санитарного режима в лечебных учреждениях. При возникновении роста заболевания гриппом к работе привлекались врачи различных специальностей и ведомств, а также фельдшерский и сестринский персонал. В некоторых случаях внебольничную помощь больным оказывали студенты старших курсов фельдшерской школы. С целью своевременного выявления и изоляции гриппознобольного, обеспечивалась помощь вра-

чом или фельдшером в день вызова. Утверждался штат патронажных сестер для выполнения назначений врача и других вспомогательных работ. При проведении лечения и надзора за больными на дому осуществлялась изоляция гриппозно подозрительных. Проводились противоэпидемические мероприятия, в частности влажная уборка с 0,5% раствором хлорной извести.

Устанавливался следующий порядок госпитализации гриппозных больных: в первую очередь госпитализировали больных с осложнениями из общежитий и барачков. При недостатке постоянных коек разворачивались временные койки, особенно для детей младшего возраста. С целью недопущения гриппа внутри стационарных лечебных учреждений, обслуживающих не гриппозных, проводилось выявление и немедленная изоляция больных с начальными синдромами гриппа; вновь поступающих больных удерживали в течение 2–3 дней, при этом помещая их в отдельные палаты, либо отделяя ширмой. Во время гриппозной вспышки запрещались посещения родственникам больных в больницах и особенно в детских учреждениях; вводилось требование обязательного ношения масок для медицинского персонала, обслуживающего стационары раннего детства и детские отделения больниц.

В целях профилактики гриппа в учреждениях со скоплением людей проводились влажная уборка и проветривание; выявляли и изолировали больных в школах, детсадах, яслях, детдомах и в общежитиях. В цехах промышленных предприятий избегалось загромождение помещений ненужными предметами. Медицинский персонал здравпунктов предприятий проводил систематические обходы, наблюдая за соблюдением санитарного режима. В случае повторного заболевания гриппом в цехах проводилась дезинфекция. С 2 по 20 января в Федоровском, Пресно-Горьковском и Костанайском районах, в старых очагах снова возникли 20 случаев заболевания гриппом. Больных госпитализировали. Очаги инфекций подверглись санитарной обработке.

За 2 месяца 1944 г. количество заболеваний сыпным тифом составило 50% от заболеваний 1943 г. По мнению руководящих структур, многие председатели райисполкомов, а также секретари райкомов партии отнеслись безответственно к выполнению приказа «О ликвидации эпидемических заболеваний в области». Положение осложняло еще то обстоятельство, что среди прибывшего спецконтингента с Северного Кавказа обнаруживались тифозные больные, а также контактируемые с ними.

Костанайские обком партии и облисполком предложили райисполкомам с 1 апреля по 1 мая провести месячник чистоты, с целью наведения санитарного порядка в жилых квартирах, дворах и улицах районов. В результате были отремонтированы и оборудованы колодцы, организована подвозка топлива для обеспечения бесперебойной работы бань и вошебоек. Мобилизовали весь медико-санитарный актив и советско-партийную общественность на ликвидацию завшивленности, а также на выявление и госпитализацию больных. Осуществлялся систематический контроль по вопросам своевременной диагностики, госпитализации больных, санобработки очагов сыпного тифа. В случае невыполнения данных мероприятий виновных предполагалось привлечь к судебной ответственности. Проводилась санобработка прибывших на посевную кампанию, не имевшие справку о прохождении санобработки, не допускались к работе и не заселялись в общежития. Карантин не объявлялся, т. к. это срывало выполнение государственных задач. С целью оперативного проведения мероприятий по ликвидации заболеваний в очаги сыпного тифа совместно с бригадами медицинских работников направлялись представители райисполкомов и райкомов партии. Обеспечивалось развертывание детских яслей, садов, площадок с целью максимального использования женского труда на посевной кампании и других полевых работах.

В 1944 г. обком отмечал повышение заболеваемости сыпным тифом: в Карасукском (574), Джетыгаринском (140), Карабалыкском (186), Орджоникидзевском (105), Семиозерном (114) районах. Медикам были предъявлены обвинения в служебной некомпетентности, в частности, в неправильной и несвоевременной диагностике; райадминистрации – в не разворачивание барачных бараков для размещения больных.

Считая эпидемическое состояние в области угрожающим, бюро обкома приказывало нижестоящим организациям: обеспечить работу бань и дезкамер, построить вошебойки, в течение месяца провести 3-х разовую санобработку эвакуированных, спецпереселенцев и местного населения в местах распространения сыпного тифа, мобилизовать местные ресурсы на борьбу с сыпным тифом. Облздравотделу предписывалось направлять эпидемиологические бригады в районы эпидемических вспышек, обеспечить обработку населения в очагах сыпного тифа, при дезобработке вещей применять хлорпикрин и другие дезсредства. Предписывалось обязать облавтоуправление выделить облздравотделу машину для переброски в районы медикаментов, мягкого инвентаря, мыла; обязать облторготдел выделить в пользование

эпидкомиссий 8 т. мыла из областного фонда, обеспечить питанием открытые эпидемические бараки и медицинских работников, борющихся с сыпным тифом, последним также выделить одежду и обувь.

Для обслуживания спецпереселенцев организовывалась специальная медицинская бригада: из врача, фельдшера, медсестры и санитаров. Из состава бригады назначался руководитель; проводился осмотр контингентов эшелона на предмет выявления больных с остроинфекционными заболеваниями; всех больных госпитализировали, при необходимости объявлялся карантин; проводилась 100% санобработка прибывших; медицинские группы направлялись в места расселения спецпереселенцев для их дальнейшего обслуживания; руководителю медицинской бригады предписывалось заполнять акты о разгрузке, расселении и санобработке спецпереселенцев.

В 1944 г. прослеживался рост заболеваемости сыпным тифом. За 11 месяцев 1944 г. было зарегистрировано 810 случаев. Наибольшее количество заболеваемости наблюдалось в Семиозерном и Федоровском районах. Причиной распространения сыпного тифа явилась неработоспособность бань и вошебоек в результате отсутствия топлива. Также, по мнению проверяющих комиссий, многие медицинские работники не выполняли своих прямых обязанностей. Например, медики Федоровского р-на проявляли халатность при госпитализации больных, что явилось причиной увеличения заболеваемости.

Областная чрезвычайная полномочная комиссия утвердила план мероприятий по борьбе с сыпным тифом на 1944 г. Председатели чрезвычайных районных комиссий обязывались возобновить свою деятельность, пополнив состав райкомиссий. Облздравотдел направлял эпидемические бригады в населенные пункты для проведения санитарного осмотра населения и обеспечения своевременной диагностики и госпитализации тифознобольных, также проводилась санобработка эпидочагов. Начальник обл. УНКВД контролировал строительство вошебоек при всех КПЗ, ИТК, тюрьмах. Заведующему облторготделом предписывалось обеспечить бельем парикмахерские, снабдить райбольницы продуктами питания, согласно установленных норм, обеспечить эпидбригады 30 парами валенок. Облпрокурору совместно с представителями облздравотдела предполагалось провести расследование вспышки сыпного тифа в Федоровском р-не с привлечением виновных к уголовной ответственности [4, л.6].

Вышеизложенное постановление направлялось в облздравотдел председателю Областной чрезвычайной противоэпидемической ко-

миссии Михеевой. Невыполнение пунктов постановления рассматривалось на уровне облпрокуратуры и облУНКВД. Таким образом, все действия медицинских работников координировались и контролировались вышестоящими областными структурами, виновные привлекались к уголовной ответственности по законам военного времени. В плане мероприятий по предупреждению сыпного тифа на 1944 г. отмечалась безответственность местных административных органов, хозяйственных организаций, органов здравоохранения и медицинских работников. Основу борьбы с сыпным тифом составляли профилактические мероприятия: бесперебойная работа бань, вошебоек, регулярная массовая санобработка населения. Для борьбы с сыпным тифом проводились заседания ЧПК, на которых проверялись результаты проведенных мероприятий по предупреждению сыпного тифа. Члены ЧПК контролировали и несли ответственность за госпитализацию больных и дезобработку очагов. Следили за работой бань, вошебоек и выработкой мыла. Осуществляли контроль за проведением противоэпидемических мероприятий в местах заключения (КПЗ, ИТК, тюрьмы, лагеря). Проверялось санитарное состояние и подготовленность медико-санитарных учреждений к проведению противоэпидемических мероприятий, деятельность бань и вошебоек. На регулярных заседаниях ЧПК обсуждались результаты проверки и доклады лиц, ответственных за санитарное состояние объектов. Для бесперебойной работы инфекционных больниц, бань, санпропускников, вошебоек, прачечных и дезкамер осуществлялась заготовка топлива. Применялись меры для выполнения местной промышленностью и кооперацией установленного плана по выработке мыла. В лечебных учреждениях увеличилось количество коечного фонда на 150 единиц. Выделялся транспорт для каждой эпидстанции с целью госпитализации больных и дезобработки очагов.

Областные органы управления считали, что увеличение заболеваемости сыпным тифом явилось результатом беспечного отношения со стороны местных партийных организаций по проведению санитарных противоэпидемических мероприятий. Таким образом, ответственность прежде всего возлагалась на низовые партийные организации и контролировалась по иерархии. Как отмечалось выше, в этот период велся тотальный прокурорский контроль за деятельностью медицинских учреждений по проведению противоэпидемических мер. Виновные не выполнявшие и нарушавшие указания вышестоящих органов привлекались к строгой уголовной ответственности [5, с.1, 3, 8–9].

В годы войны из Костанайской обл. ушли на поля сражений сотни медицинских работников. Многие из них, отличившиеся в бою, награждались правительственными наградами. Несмотря на военное положение в Костанайской обл., как и во всем Казахстане открывались различные медицинские учреждения. Медицинские институты, согласно официальным данным на 1944 г. подготовили 1500 медиков для работы в регионе.

1. Государственный архив Костанайской области (далее – ГАКО). Ф.249. – Отдел областного здравоохранения. Оп.3. Д.75 – «Приказы по Народному Комиссариату Здравоохранения КазССР и по Кустанайскому областному отделу здравоохранения».
2. Там же. Д.52 – «Годовой статистический отчет Кустанайского облздравотдела за 1942 г.».
3. Там же. Оп.1. Д.10 – «Оперативные донесения по противоэпидемическим донесениям 1943 г.».
4. Там же. Д.13 – «Конъюнктурные обзоры и оперативные донесения о санитарном состоянии населения области за 1944 г.».
5. Там же. Д.11. Л.1, 3, 8–9.

Байкаш Ж.Т.

Казахстанский период деятельности врача Фрумина И.О.

К началу Великой Отечественной войны Казахский научно-практический туберкулезный институт имел в штатном составе трех кандидатов и одного доктора медицинских наук. Профессором, доктором медицинских наук являлся Фрумин И.О. [1, с.225].

Илья Осипович Фрумин (1876–24.05.1945) – советский ученый в сфере ортопедии и травматологии, доктор медицинских наук (1930), профессор (1929). Родился в г. Бобруйске Минской губ. В 1897 г. поступил на медицинский факультет Киевского университета, в 1898 г. был исключен за революционную деятельность. Затем восстановился и окончил институт в 1905 г. Инициатор создания в 1919 г. и директор первого в г. Киеве ортопедического учреждения – Дома увечного ребенка, преобразованного в 1924 г. во Всеукраинский государственный детский ортопедический институт (ВГДОИ). В 1926 г. на базе института была создана кафедра ортопедии и травматологии Киевского института усовершенствования врачей, эту кафедру также возглавил И.О. Фрумин. После реорганизации в 1931 г. ВГДОИ в Украинский институт ортопедии и травматологии руководил им до 1932 г. Научные труды посвящены проблемам пороков развития у детей, костно-суставного туберкулеза, ампутации конечностей и их протезирования [2].

Предположительное появление Фрумина в Алма-Ате связано с государственной антисемитской политикой. Как сообщила дочь

ученицы Фрумина Л.Е. Карелиной,^{1*} врач по специальности: «Мама, вспоминая Илью Осиповича, рассказывала, что от ареста его спасла его специальность. Сын одного из руководителей НКВД Украинской ССР нуждался в помощи ортопеда». Возможно, оказав эту помощь, доктор поспешил оставить г. Киев.

С января 1940 г. профессор И.О. Фрумин являлся консультантом Костного отделения Казахского научно-практического туберкулезного института. В 1943–1944 гг. Костное отделение института возглавляли профессора Я.А. Керцман и И.О. Фрумин [1, с.241].

7 апреля 1941 г. на основании распоряжения наркома Здравоохранения Казахской ССР Научно-практическим туберкулезным институтом была направлена в г. Лениногорск научно-исследовательская экспедиция по борьбе с туберкулезом. В состав экспедиции вошел И.О. Фрумин. По данным зам. наркома Здравоохранения КазССР профессора Ермолаева состояние заболеваемости в г. Лениногорске на январь и февраль 1941 г. следующее: неактивные формы туберкулеза – 4,6%. Общий процент составляет 8,1%. Смертность от туберкулеза органов дыхания определяется в 26,5% от общей смертности. Сравнивая приведенные данные по заболеваемости и смертности с данными других местностей Казахстана, по Лениногорску был отмечен завышенный процент по заболеваемости и смертности [3].

Согласно отчету Казахского туберкулезного института о работе за 1941 г. по итогам поездки в Лениногорск собран материал по вопросу о распространенности, дифференциальной диагностике и клинике пылевых заболеваний туберкулеза среди шахтеров города; собрана коллекция из 350 рентгеновских снимков. Экспедицией было всего осмотрено 4710 человек, в т. ч. взрослых 3590 и детей 1120, произведено 4710 рентгеноскопий, большое число лабораторных анализов [4].

Во время поездки по костно-суставному туберкулезу профессор И.О. Фрумин прочитал доклад на тему «Физическая увечность, ее профилактика и лечение» [3], провел в поликлинике осмотр около 40 больных с тяжелой формой костно-туберкулезного заболевания, зафиксировал мероприятия, необходимые в отношении каждого из них. В хирургической больнице были проконсультированы все стационар-

^{1*} Карелина Л.Е. родилась в г. Верном. В 1938 г. окончила лечебный факультет КазГМИ. В 1939–1944 гг. работала врачом костно-хирургического отделения Казахского научно-практического туберкулезного института, где и трудился профессор И.О. Фрумин. «Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. / Отв. ред. Г.С. Сарсенова. Сост. коллектив: О.С. Богданова, Б.А. Жуматаева, Е.М. Грибанова (отв.), В.Е. Печерских. – Алматы, 2015. – С.471.

ные больные с травмой и намечена дальнейшая методика их лечения. В целях ознакомления врачей больницы с современной гипсовой техникой трем больным сделаны гипсовые повязки и гипсовая кровать. Продемонстрировано врачам вправление отломков при тяжелом переломе плеча.

На рудниках профессором И.О. Фруминым была проверена система подачи первой помощи при травме на здравпунктах и доложено о дефектах Лениногорскому горздраву и Президиуму горисполкома [5].

В период с 1943 г. по начало 1944 г. с целью оказания практической помощи противотуберкулезным организациям Фрумин выезжал в командировки в июне в г. Джембул, в январе в г. Семипалатинск [6].

В военные годы по всей республике были размещены эвакуогоспитали, в которых лечились, главным образом, тяжело раненые. Во всех госпиталях Республики проводились лекции для повышения квалификации медицинских работников. К обучению врачей, вместе с Фруминым, были привлечены квалифицированные специалисты: профессора А.Н. Сызганов, С.А. Баккал, А.И. Малинин, В.П. Рошин, доцент В.И. Зюзин, Коплавский и ряд практических врачей и ассистентов [7].

Профессор И.О. Фрумин и другие врачи отделения читали лекции по травматологии, проводили практические занятия по технике гипсования с врачами г. Алма-Ата. В первый год войны 158 врачей прослушали в Институте цикл лекций профессора Фрумина [1, с.208]. В костное отделение удалось привлечь новых врачей, которые работали под руководством профессора Фрумина [1, с.112]. В частности, по воспоминаниям дочери врача Людмилы Евгеньевны Карелиной, в становлении ее матери как специалиста роль сыграл И.О. Фрумин [1, с.18].

И.О. Фрумин читал двухчасовые лекции для действующих врачей эвакуогоспиталей в Институте усовершенствования врачей на темы: «Повреждения конечностей, закрытые и открытые переломы, первая помощь и этапное лечение», «Шины, гипс, общая гипсовая техника». Лекции проводились Казнаркомздравом в рамках оборонных мероприятий. По г. Алма-Ата организовано обучение около 350 врачей техники переливания крови и по травматологии, также врачи прошли курс военно-полевой хирургии и военно-санитарной тактики. Эта работа проводилась с 1 июля по 20 июля 1941 г. С 25 июля по г. Алма-Ата планировалась подготовка 300 чел. среднего медицинского персонала по обучению технике наложения гипса, операционной технике, рентген-технике и переливания крови, переливанию крови будут обучено 100 чел. [8].

Предположительно, Фрумин обучал по травматологии пять врачебных групп. Занятия начинались с 8-ми часов вечера [7].

Война и связанная с ней мобилизация специалистов поставили Туберкулезный институт перед трудностями. Так например, в докладной записке «Перестройка работы Казахского научно-практического туберкулезного института в условиях военного времени (22 июня 1941 г. – 1 июля 1942 г.)», направленной в ЦК КП (б) Казахстана, отмечалось, что из-за мобилизации хирургов Г.Е. Вознесенского, Н.В. Желвакова хирургическая работа детского костно-туберкулезного клинического отделения с июля 1941 г. целиком перешла к консультанту, профессору И.О. Фрумину [9]. Во втором полугодии 1941 г. было проведено 63 операции [1, с.128].

Профессор Фрумин помимо хирургической деятельности и преподавания занимался научно-исследовательской работой. Он имел 25 печатных работ. По данным отчета института о работе за 1941 г. профессором И.О. Фруминым совместно с климатологом С.М. Горленко, доктором И.И. Великановым была проведена научно-практическая работа на тему «Солнцелечение туберкулеза костей и суставов, наружных желез и легких в условиях г. Алма-Ата». В рамках исследования собраны клинические, лабораторные, метеорологические материалы.

Согласно плану научно-исследовательской и научно-организационной работы института на 1942 г. профессор Фрумин руководил темой «Гелиотерапия при костно-суставном, железистом и легочном туберкулезе», проводил работу об ампутациях, в 1942 г. была издана книга «Гипсовые повязки и шины». Данное издание имело оборонное значение в военное время [1, с.190, 235]. В фонде Национальной библиотеки Республики Казахстан отложился этот труд профессора [10].

Также профессором Фруминым были собраны клинические материалы и сделан доклад на совместном научном заседании с хирургами «Внесуставные артродезы в лечении костно-суставного туберкулеза» с демонстрацией ряда больных, проводились исследования на тему «Остеосинтезы» [1, с.116–117].

Он работал в Костном отделении Казахского научно-практического туберкулезного института до своей смерти [1, с.242].

По сведениям врача-онколога, онкохирурга, ассистента кафедры онкологии Казахского национального медицинского университета им. С.Д. Асфендиярова Георгия Алексеевича Афонина Фрумин И.О. захоронен на Центральном кладбище г. Алматы.

1. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. Сборник доку-

ментов и материалов / Ответственный редактор Г.С. Сарсенова. Составители: О.С. Богданова, Б.А. Жуматаева, Е.М. Грибанова ответ. В.Е. Печерских. – Алматы, 2015. – 534 с. +вкладыш на 8 л.

2. ЦГА НТД РК. Ф.84. Оп.1–6. Д.172. Л.3. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. – С.495–496.

3. АП РК. Ф.708. Оп.5/2. Д.179. Л.23, 40.

4. ЦГА НТД РК. Ф.84. Оп.1–6. Д.146. Л.1–9. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. – С.113–114.

5. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.1375. Л.3–4.

6. ЦГА НТД РК. Ф.84. Оп.1–6. Д.215. Л.1. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. – С.196.

7. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.1378. Л.26–27.

8. ЦГА РК. Ф. Р-1473. Оп.1. Д.190. Л.3–5.

9. ЦГА НТД. Ф.84. Оп.1–6. Д.172. Л.16–20 и об., 24–28 и об. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан. 1941–1945 гг. – С.162–163.

10. Фрумин И.О. «Гипсовые повязки и шины и основные принципы их изготовления. Ампутационная культя и ее протезирование». – Алма-Ата: Казгостубинститут, 1942. – 28 с. (400 экз.).

Тлепина Ш.В.

Деятельность эвакуированных в Казахстан высших юридических учебных заведений (1941–1943 гг.)

Семье Коган посвящается

*Подготовительная работа директивных органов
по созданию Первого государственного юридического
института НКЮ СССР*

Вторая мировая война (1939–1945 гг.) принесла горе, страдания, нищету народам нашей планеты. Однако война – это еще и труд. Труд, требующий выносливости, силы характера, организованности, высокой дисциплинированности одновременно. В годы Великой Отечественной войны советского народа (1941–1945 гг.) было организовано и проведено большое количество работ, связанных с эвакуацией; перестройкой промышленного цикла; системы снабжения населения, производства, армии; слияния предприятий, укрупнения коллективных хозяйств, объединения учреждений образования. Архивные документы свидетельствуют, что у истоков становления юридического образования и юридической науки в Казахстане стояли ученые советской России и Украины. Их пребывание в Алма-Ата в составе I ГЮИ НКЮ СССР в 1942 – начале 1943 г. связано с драматическими страницами советского государства.

В годы Великой Отечественной войны в Казахстан было эвакуировано 22 высших учебных заведения, из них в Алма-Ату – 12 вузов [1, с.68]. В числе эвакуированных институтов был Московский юридический институт (далее – МЮИ) Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) СССР [2, с.58]. Решением Совета по эвакуации (далее –

СЭ) при Совете народных комиссаров (далее – СНК) СССР от 15 октября 1941 г. за № 14322 МЮИ был эвакуирован в г. Алма-Ата для размещения на базе Алма-Атинского юридического института (далее – АЮИ) НКЮ КазССР [3]. Совместным Постановлением ЦК КП (б) К и СНК КазССР о размещении МЮИ НКЮ СССР было принято 4 декабря 1941 г. 260 эвакуированных студентов МЮИ зачислили на соответствующие курсы АЮИ НКЮ КазССР. Укреплением преподавательского состава АЮИ за счет преподавателей МЮИ одновременно занимались кадровики ЦК КП (б) К и НКЮ КазССР [4, л.52, 57].

29 декабря 1941 г. совместным постановлением ЦК КП (б) К и СНК КазССР объединенным Московскому и Алма-Атинскому юридическому институтам [5, с.80] присвоили наименование Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (далее – I ГЮИ) [4, л.323, 350]. В его состав входили студенты и Юридического института Прокуратуры СССР (г. Москва), Ленинградского юридического института НКЮ СССР, Минского и Харьковского юридического институтов, других юридических вузов (в 1942 г. 196 вузов были временно закрыты – Ш.Т.), а также слушатели Фрунзенской юридической школы (далее – Фрунзенской ЮШ) [6]. Об этом свидетельствует документ Всесоюзного Комитета по делам высшей школы (далее – ВКВШ) при СНК СССР № Д-09-68 от 25 ноября 1941 г., направленный в I ГЮИ: «Лица, прибывшие из других местностей в порядке эвакуации и имеющие на руках документы принадлежности их в течение 1940/1941, 1941/1942 уч. г. к числу студентов однородного с Вашим институтом вуза, могут быть приняты на соответствующий курс и специальность Вашего института» [7, л.60].

Подготовительная работа по приему эвакуированных преподавателей, студентов в АЮИ была проведена директором Института Т.М. Культелеевым.^{1*} Приказом № 13 от 28 января 1942 г. он был призван в ряды РККА [8]. В период нахождения в РККА Т.М. Культелеев служил помощником военного прокурора Томского гарнизона, одновременно являясь слушателем и преподавателем Военно-юридической академии РККА, демобилизован по отзыву директивных органов [в 1942 г.] [9].

^{1*} [Электронный ресурс] Культелеев Таир Мулдагалиевич (1911–1953). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2_%D0%A2%D0%B0%D0%B8%D1%80_%D0%9C%D1%83%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 17.06.2020).

Приказом НКЮ СССР директором I ГЮИ был назначен профессор Борис Яковлевич Арсеньев (Лейбман)^{1*} [10].

Учебный процесс

В военное время произошла перестройка учебного процесса. Вводились новые учебные планы, сокращавшие сроки обучения в вузах с 5 до 3, 5 лет, тех, кто учился 4 года до 3-х лет. Новые учебные планы, как правило, сохраняли ту же сетку часов, какая была до войны. Предусматривалось сокращение часов производственной практики и написания дипломной работы за счет увеличения теоретических занятий. Перестройка учебного процесса включала в себя отмену зимних каникул и сокращение летних. В каникулярное время запрещалось привлекать студентов к мобилизационным работам. Исходя, из новых учебных планов, студенты выпускных курсов раньше срока завершали учебу и получали дипломы. Студенты 1 курса всех вузов в 1941/1942 уч. г. занимались по новым учебным планам. Студентам разрешалось трудиться на предприятиях народного хозяйства ежедневно по 4–6 часов, вводилось свободное посещение занятий [2, с.69–71, 86].

Введение новых правил в учебном процессе в военное время объясняет регулярную отчетность о положении дел в эвакуированных вузах, в т. ч. в I ГЮИ. Сведения подавались в Главное управление учебных заведений (ГУУЗ) НКЮ СССР [11, л.4].

Служебное письмо о состоянии дел в I ГЮИ [11, л.40, 133] было направлено за подписью директора Института профессора Б.Я. Арсеньева [12]. По предварительным данным на 7 января 1942 г. I ГЮИ должны были окончить 292 чел. [11, л.22], завершение обучения планировалось к 7 марта. В письме шла речь о студентах 4 курса, приступивших к сдаче государственных экзаменов, о производственной практике третьекурсников [11, л.34]. Б.Я. Арсеньев доводил до сведения вышестоящего руководства, что ввиду отсутствия мест в общежитии не все студенты 1 и 2 курсов приступили к занятиям; студенты из Казахстана вызывались на занятия лишь по мере нахождения для них места жительства. Также поднимался вопрос о нехватке аудиторного фонда, вследствие чего занятия проводились в зале судебных заседаний в будние дни с 18.00. до 22.00 час., в воскресные – с 09. до

^{1*} [Электронный ресурс] Рута Марьяш «Быль, явь и мечта. Книга об отце». URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/mariash-book-about-my-father/r-mariash-chapt-17.html> (дата обращения 17.06.2020).

15.00 час. [2, с.48, 85]. Студентам было предоставлено право свободного посещения занятий, кроме военно-физкультурной подготовки и казахского языка [11, л.40]; некоторым студентам разрешалось работать. Профессор отмечал низкий уровень знаний и практических навыков работников местных судов.

Выпускников 1942 г. при I ГЮИ распределили на работу в органы суда, прокуратуры, следствия, адвокатуры в областях Казахстана – 36 чел., 15 – были направлены в распоряжение НКЮ СССР в Москву [11, л.48].

По профессорско-преподавательскому составу доводилось до сведения ГУУЗ, что по причине мобилизации ряда преподавателей бывшего АЮИ по партийной линии, профессора А.К. Стальгевич [13] и С.В. Юшков [14], преподаватель Москаленко переведены на полную ставку. В этом письме сообщалось, что постановлением ЦК КП (б) К зам. директора I ГЮИ по учебной и научной работе А.Н. Агеева [15] перевели на работу в правительство КазССР [11, л.34], с сохранением ставки доцента кафедры «Гражданского права» [16, л.15].

Народный комиссар юстиции СССР также интересовался состоянием дел в Институте [2, с.83]. 18 февраля 1942 г. в Москву направили ответ на запрос замнаркома НКЮ СССР Н.К. Морозова. Директор I ГЮИ, профессор Б.Я. Арсеньев, сообщал о ходе учебного процесса, о сокращении учебного плана и создании переходного учебного плана в военных условиях, о проблемах с нехваткой аудиторий, о нежелательности проведения учебных занятий в вечернее время ввиду их неэффективности, об отсутствии мест в общежитии для студентов. В письме говорилось, что по рекомендации отправителя зам. директора по учебной и научной работе был назначен И.С. Перетерский^{1*} [17]. В преподавательский состав Института включили С.М. Берцинского^{2*}, специалиста по Административному праву. Сообщалось о работе кафедр и научных докладах. Профессор С.Л. Фук [18] приступил к чтению нового, разработанного им курса Истории государства и права Казахстана [11, л.34]. По указанию НКЮ СССР впервые начали читать лекции по дисциплинам «Иностранное гражданское право», «Международное частное право» [11, л.108–108 об.], «Англо-американское гражданское право» и «Англо-американский уголов-

^{1*} [Электронный ресурс] Летопись Московского университета: Перетерский Иван Сергеевич. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/1420> (дата обращения 17.06.2020).

^{2*} [Электронный ресурс] Берцинский Семен Моисеевич. URL: <http://www.e-heritage.ru/ras/view/person/history.html?id=43209173> (дата обращения 17.06.2020).

ный процесс» [19, л.21–21 об.]. Ученые эвакуированных вузов оказывали помощь местным учебным заведениям в организации и совершенствовании учебного процесса и подготовки кадров [2, с.64].

Из содержания писем директората I ГЮИ в адрес НКЮ СССР следует, что профессорско-преподавательский состав вуза был мобильным. Академическая мобильность состава обучающихся, к сожалению, была связана с военными событиями: преподаватели выезжали по направлению НКЮ СССР в другие города, в которых также размещались эвакуированные юридические вузы, факультеты университетов (в Джамбуле,^{1*} Фрунзе.^{2*} НКЮ СССР регулировал научно-педагогический состав всех эвакуированных в Казахстан и Среднюю Азию вузов. Штатный состав I ГЮИ был динамичен и поэтому на протяжении 1941–1943 гг. наблюдаются его изменения. В штат I ГЮИ, сведения о котором подавались в НКЮ СССР, не входили преподаватели, направленные в филиалы. К примеру, по состоянию на март 1942 г. в Институте без учета профессорско-преподавательского состава, находящегося в гг. Джамбуле и Фрунзе, работали: 49 преподавателей, из них 37 преподавателей по специальным юридическим дисциплинам, из них 3 члена-корреспондента АН СССР и заслуженных деятеля науки РСФСР [1, с.69], 10 профессоров, 16 доцентов, 4 доктора юридических наук, 1 доктор исторических наук, 11 кандидатов юридических наук, 3 кандидата экономических наук, 3 аспиранта дневного отделения (в т. ч. из эвакуированных вузов Москвы и Харькова [20]) и 3 аспиранта заочного отделения [11, л.45, 47, 53] (из них 2 аспиранта по Истории государства и права СССР: А.Г. Лашин, научный руководитель С.Л. Фукс [20] и М.А. Нудель, научный руководитель С.В. Юшков, 1 аспирант по Теории государства и права Я.С. Вальденберг [21]).

Деятельность кафедр в подготовке учебников и учебных пособий

Направления деятельности кафедр Института были разнообразны и все они служили повышению качества обучения студентов в условиях военного времени, профессионального мастерства, навыков исследовательской работы местного преподавательского состава, проведению научно-исследовательской работы, способствующей становлению и развитию историко-правовой, государственно-правовой и других сфер юридической науки Казахстана. Подобная работа была характерна для всех эвакуированных вузов, исследовательских институтов [22].

^{1*} Ныне г. Тараз.

^{2*} Ныне г. Бишкек.

В Институте нередко проводились теоретические конференции по проблемам государства и права. Например, 6 июня 1942 г. на очередной конференции профессорско-преподавательского состава был заслушан доклад А.К. Стальгевича «Некоторые вопросы теории и их освещение в специальных юридических науках». Прения по докладу были назначены на следующий день [11, л.97–97 об.]. Доклад вызвал оживленное обсуждение среди преподавателей, 19 и 26 июня была проведена теоретическая конференция по прениям названного доклада [11 л.108–108 об.]. С самостоятельными докладами по проблемам международного права и международного положения выступили профессора С.М. Гофман [23] и Д.Н. Розенберг [24].

В I ГЮИ кафедры Теории и истории государства и права и Государственного права временно объединили [11, л.11, 65]. Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы (далее – ВКВШ) при СНК СССР специальным распоряжением № П-4-5 от 14 января 1942 г. было рекомендовано организовать на кафедрах Института обсуждение ранее изданных учебников и учебных пособий по общетеоретическим и ведущим специальным учебным дисциплинам учебных планов Института. В результате обсуждения кафедрам надлежало отобрать для переиздания по каждой дисциплине одну, максимум две книги, наиболее отвечающие требованиям, предъявляемым к учебной литературе, и дать краткие аннотации на учебники и учебные пособия, рекомендуемые к переизданию. Институт проводил обсуждение дважды. 24 января 1942 г. [11, л.32] к переизданию рекомендовали книги С.В. Юшкова и А.К. Стальгевича. Второе обсуждение было более подробным. В результате обсуждения отмечалось, что все учебники требуют серьезных изменений: должны быть изложены темы, выдвигаемые Великой Отечественной войной, в частности должен быть дан анализ законодательства военного времени; необходимо уделить серьезное внимание фашистским теориям в области государства и права; развить исследования правовых и политических доктрин фашизма; в каждом учебнике есть ряд недостатков, отмеченных в уже опубликованных рецензиях, следовало учесть их при написании новых учебников и переиздании уже написанных; отмечалось, что нельзя говорить о переиздании некоторых учебников, поскольку их вообще нет. В отношении их следует ставить вопрос о срочном издании, тем более что большинство из этих учебников подготовлены и ожидают начала работы по набору.

В обсуждении принимали участие все кафедры Института.

В данной работе мы ограничились представлением предложений кафедр по государственно-правовым и историко-правовым дисциплинам.

Выводы кафедры Теории и истории государства и права [11, л.10]:

1. По дисциплине Теория государства и права.

Студенты занимались по теории государства и права по учебнику С.А. Голунского [22] и М.С. Строговича [25]. Кафедра считала, что ввиду наличия ошибок и принципиально неправильного построения не следует рекомендовать его к переизданию. Был принят вывод о необходимости подготовки нового учебника по Теории государства и права [26].

2. По дисциплине История государства и права.

Следует отметить, что до 1967 г. название дисциплины Всеобщая история государства и права менялось несколько раз. Изменения в названии предмета происходили по методологическим, политическим, научным причинам. Дисциплина называлась: История государства и права, История государства и права зарубежных стран, Всеобщая история государства и права [27]. Участники рассматриваемого обсуждения называют дисциплину Историей государства и права. В документах говорится, что полный учебник по Истории государства и права отсутствовал. Была составлена только 1 часть, которая находилась в юридическом издательстве. Кафедра признала необходимым просить НКЮ СССР об ускорении издания отдельными выпусками истории государства и права Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима. Доводится до сведения, что 2 часть учебника в основном составлена и, следовательно, необходимо продолжить работу по подготовке данного учебника. В процессе обсуждения рефреном звучала идея народного патриотизма, гражданской консолидации.

Формирование политико-правовой мысли военного периода было обусловлено влиянием естественно-правовой теории права. Естественные права людей на свободу, безопасность, сопротивление насилию, идеи гражданско-национального освободительного движения стали главными в разделах историко-правовых учебных дисциплин.

3. По дисциплине История государства и права СССР.

В обращении студентов был учебник профессора С.В. Юшкова (до 1917 г., Ч.1) [28.]. Кафедра рекомендовала переиздать учебник с учетом отдельных изменений, а также продолжить работу над Ч.2, посвященной истории советского государства и права [29].

4. По дисциплине Советское государственное право.

Ставился вопрос об издании нового учебника [30]. Кафедра сообщила, что им известно о подготовке нового учебника Советское государственное право Институтом права и государства АН СССР.

5. Ввиду отсутствия учебников по дисциплинам: Административное право, Государственное право буржуазных стран, Международное право кафедра вносила предложение составить их.

Сообщалось, что из числа профессоров и преподавателей I ГЮИ выразили согласие работать над составлением и переработкой учебников: профессор А.К. Стальгевич – учебник Теория государства и права; профессор С.В. Юшков – учебник История государства и права СССР, Ч.2; профессор С.Л. Фукс – учебник История государства и права СССР, Ч.2; профессор С.М. Гофман [11, л. 10] – учебник Международное право; профессор С.Я. Булатов [31] – Сборник законодательства и судебной практики военного времени по Уголовному праву [11, л.38–39].

Помимо рекомендованного обсуждения, профессорско-преподавательский состав I ГЮИ составил, утвердил и направил для координации план издания учебников и учебных пособий. Согласно документу, старшим преподавателем Е.А. Башариновым планировалось подготовить к изданию «Извлечения из институций Юстиниана» (Со словарем и комментариями. Пособие для юристов. 10 печатных листов (п. л.); доцент Л.В. Дюков [32] обязался подготовить Материалы к лекциям по истории государства и права (Учебное пособие. 4 п. л.); профессор А.К. Стальгевич – Курс теории государства и права (24 п. л.), Материалы к лекциям по теории государства и права (4 п. л.); профессор С.В. Юшков – История государства и права (2 издание. 50 п. л.); профессор С.Л. Фукс – История социалистического государства и права (учебник для вузов) [11, л.88].

Накопленный исследовательский материал стал основой для дальнейших разработок государственно-правовой науки в послевоенный период советских ученых. Вопросы истории государства и права, а также истории государственно-правовых воззрений нашли свое отражение в трудах С.В. Юшкова [33], С.Л. Фукса [34], др. Большие исследования были проведены профессором И.С. Перетерским [35].

Общественная деятельность

Ученые Москвы, Харькова внесли большой вклад в дело подготовки ученых юристов Казахстана. Они относились к этому как к государственному делу. Директор Института Б.Я. Арсеньев просил

разрешить ВКВШ принимать в ряды студентов казахов с неполным средним образованием с тем, что Институт сумеет организовать их подготовку по общеобразовательным предметам, организацию аспирантуры для казахской молодежи, в т. ч. с неюридическим образованием [11, л.50, 132, 72]. В письме в НКЮ СССР, ВК ВШ Б.Я. Арсеньев сообщал, что «...перевели в заочную аспирантуру Института аспиранта здешнего университета (по кафедре «Основы марксизма-ленинизма») т. Ермагамбетова, имеющего высшее юридическое образование. Но мы надеемся, что за ним последует еще ряд товарищей» [11, л.72].

Одновременно с преподавательской деятельностью руководство вуза организовало научную исследовательскую работу студентов, проведение конкурсов на лучшую студенческую научную работу [36], изучение проблем истории государства и права, работу с аспирантами и соискателями. Профессорско-преподавательский состав I ГЮИ с заботой и вниманием осуществлял воспитательную работу среди студентов. К примеру, преподаватели планировали «...ставить регулярно доклады по истории музыки, литературы, архитектуре, по логике и теории познания, о кино, [...],^{1*} химии, астрономии и т. д.» [11, л.34, 36, 40, 41, 43, 45, 46, 66, 132], координация благотворительных, добровольных мобилизационных работ студентов [11, л.40–42] и членов своих семей [11, л.47] – еще не полный перечень того, что сделано усилиями объединенных юридических институтов Москвы, Алма-Аты, Ленинграда, Харькова, Минска, др.

Осуществлялось повышение квалификации практических работников. Работа проводилась через экстернат [11, л.41] (в т. ч. находящийся в г. Фрунзе) [11, л.83–83 об.] и преподавание профессорско-преподавательского состава на трехмесячных Юридических курсах [11, л.41–42]. На Юридических курсах НКЮ КазССР вступительные лекции читали профессора А.К. Стальгевич и И.С. Перетерский. Уголовное право читали профессора А.А. Пионтковский [11, л.72] и С.Я. Булатов. Уголовный процесс вели профессора Б.Я. Арсеньев, М.А. Чельцов-Бебутов. Работали курсы переподготовки судей, прокуроров и следователей [11, л.50].

14 декабря 1942 г. приказом НКЮ СССР в I ГЮИ было организовано чтение лекций для повышения военно-юридической квалификации работников военных трибуналов Красной армии, Военно-Морского флота и войск НВКД. Списки преподавателей, ведущих за-

^{1*} Слово не читается.

нения на данных курсах, утверждались ГУ Военных трибуналов НКЮ СССР [19, л.25].

Из документов фонда I ГЮИ следует, что в его состав входила Фрунзенская юридическая школа (ЮШ), ее деятельность также координировалась нормативными документами за подписью Б.Я. Арсеньева. Преподаватели Фрунзенской ЮШ – профессор И.П. Трайнин [37, с.1360], доценты Д.Н. Розенберг, С.М. Потравнова, М.Л. Якуба – были зачислены в штат I ГЮИ [16, л. 34].

Практиковались юридические консультации и разрешение юридических вопросов для государственных учреждений, судебных и прокурорских работников [11, л.61]. В ходе консультаций судебных и прокурорских работников выяснилось, что поскольку судопроизводство в ряде судов Казахской ССР велось на казахском языке, необходим перевод популярной юридической литературы на казахский язык, в частности, «Библиотеки народного судьи и народного заседателя». Вместе с тем говорилось об издании книг по уголовному и гражданскому процессам [38].

Директор Института Б.Я. Арсеньев обратился в Отделы агитации и пропаганды ЦК КП (б) К, ГК КП (б) Алма-Аты с просьбой разрешить организовать постоянно действующие консультации для трудящихся, а также проводить работу по популяризации советского социалистического права в военный период в воскресные дни [11, л.69–70, 74]. При Институте работали также подготовительные курсы [39]. Предлагалось открыть вечернее отделение для работающей молодежи [11, л.86]. Преподаватели С.М. Гофман, А.К. Стальгевич, А.З. Александров, И.М. Шелымагин, Х.Х. Арсланов [16, л.79–79 об.], Маевский по распоряжению ЦК КП (б) К выезжали в командировку в Джамбульскую, Карагандинскую области [11, л.146]. Профессора I ГЮИ выезжали в г. Джамбул [36] для чтения лекций в эвакуированном Ленинградском юридическом институте [40].

В военные годы студентам было предоставлено право свободного посещения занятий, кроме военно-физкультурной подготовки и казахского языка. Они принимали участие в повышении профессионального уровня работников местных судов.

Выпуск студентов 1942 г. при I ГЮИ был в основном распределен на работу в органы суда, прокуратуры, следствия, адвокатуры в областях Казахстана – 36 человек. Специалисты в области гражданского права приглашались в СНК Казахстана для проведения экспертизы, представления различных заключений. По указанию НКЮ СССР

впервые начали читать лекции по дисциплинам «Иностранное гражданское право», «Международное частное право» «Англо-американское гражданское право» и «Англо-американский уголовный процесс».

Ряд ученых-юристов, работавших в I ГЮИ, увлеченные обычным правом казахского традиционного общества, посвятили свои последующие научные исследования проблемам истории государства и права казахов. Среди них ученый-юрист С.Л. Фукс, первым защитивший докторскую диссертацию по истории государства и права казахов в XVIII–XIX вв. в 1948 г. в Москве. Полностью докторская диссертация Фукса была издана спустя 60 лет – в 2008 г. [41].

Фукс эвакуировался из Харькова будучи известным советским ученым в области теории права, теории земельного права. Еще до войны в 1938 г. ему было присвоено ученое звание профессора Гражданского права. Впоследствии С.Л. Фукс – доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Украинской ССР. В 1961 г. он выступил официальным оппонентом докторской диссертации будущего академика Зиманова С.З.

Документы свидетельствуют, что в I ГЮИ Фукс первым стал читать курс лекций по истории государства и права казахов. Историю государства и права СССР первым читал С.В. Юшков. Он рассматривал некоторые вопросы из истории Казахского государства и права в рамках истории государства и права СССР. Юшков одновременно активно занимался изучением государственно-правовой истории России, Украины, Узбекистана, Дагестана, ряда славянских народов Восточной Европы. Результатом стал учебник История государства и права СССР 1947 г., решение об издании которого было принято в 1942 г. в I ГЮИ. В 1946 г. Академия наук Казахской ССР избрала С.В. Юшкова академиком в первом составе.

Рядом с С.В. Юшковым в I ГЮИ начинал свою активную научно-педагогическую деятельность П.И. Пакарклис, эвакуированный в Алма-Ату в 1941 г. из Литвы. В довоенный период он, будучи народным комиссаром юстиции Литовской ССР, преподавал уголовный процесс в Вильнюсском университете [42]. Работа среди основателей научной и учебной дисциплины история государства и права СССР, возможно, оказала влияние на последующую научную и исследовательскую деятельность Пакарклиса. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского Ордена за свою государственность». Официальным оп-

понентом был академик Юшков. Позднее П.И. Пакарклис, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Литовской ССР, специалист в области истории государства и права Литовской ССР, истории государства и права СССР.

Большое значение в I ГЮИ имели исследования истории государства и права зарубежных стран, римского права, международного права. И.С. Перетерский продолжил работу над историей государства и права Древнего Рима, избранными отрывками из Дигест с примечаниями и указателями значений терминов, собственных имен, законов, интерполяций [42]. В 1945 г. были изданы История римского государства и права, в 1948 г. Римское частное право и в 1956 г. Дигесты Юстиниана в переводе и комментариями И.С. Перетерского. В 1984 г. Е. А. Скрипилев переиздал работу Перетерского Дигесты Юстиниана [43]. Были переизданы и другие труды Перетерского, работу над которыми он начинал в эвакуации в Алма-Ате в I ГЮИ.

Профессор Перетерский И.С. – известный советский юрист и дипломат, историк права. Один из авторов советской доктрины международного частного права. Им написаны учебники и монографии по вопросам международного и международного частного права [44].

После реэвакуации МЮИ вошел в состав МГУ им. М.В. Ломоносова. Профессора И.С. Перетерский, С.С. Кравчук, С.В. Юшков, А.А. Пионтковский, М.А. Чельцов-Бebutov, А.К. Стальгевич, Б.Я. Арсеньев, Б.С. Донях, доценты – И.М. Шельмагин, М.Н. Андреев, В.Н. Бельдюгин, С.М. Берцинский, Д.Я. Мирский, М.О. Рейхель, Стерник реэвакуировались в г. Москву и вошли в штат МЮИ НКЮ СССР [45].

Недолгий период функционирования I ГЮИ НКЮ СССР оказал большое влияние на последующее развитие высшего юридического образования и юридической науки Казахстана.

Научно-исследовательская работа в вузе, проведение научно-теоретических конференций, установление контактов с ведущими научно-исследовательскими учреждениями, проведение расширенных заседаний кафедр, опыт проведения научных семинаров и научных докладов, специфика организации научных студенческих обществ, юридическое консультирование населения преподавателями и студентами, упрочение творческого содружества ученых с практиками, организация учебного процесса в вузе и системы повышения квалификации практических работников оказали влияние на дальнейшее формирование высшего юридического образования и юридической науки Казахстана.

В последующем восстановленный Алма-Атинский юридический институт, юридический факультет КазГУ продолжили сотрудничество с Московским юридическим институтом, юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова (далее – МГУ) в учебном процессе, подготовке кадров ученых-юристов, др.

Среди студентов, обучавшихся в I ГЮИ, впитавших его традиции следует назвать Менделя Абрамовича Биндера, Узакбая Дильмагамбетовича Кудайбергенова, Султана Сартаевича Сартаева, Айдарата Нурекеловича Таукелева, Максута Насыровича Сыздыкова, Александру Афанасьевну Филимонову, Станислава Николаевича Савицкого, Габбаса Бактыяровича Шакаева, Михаила Васильевича Шилова и многих др. Ряд выпускников позже стали аспирантами МЮИ, докторские диссертации защитили на юридическом факультете МГУ.

Дружественное профессиональное научно-исследовательское, научно-педагогическое взаимодействие юридических вузов и факультетов университетов Казахстана и России в настоящее время получило новый импульс и устремлены в будущее, основанное на традициях бережного отношения к памяти первого поколения ученых-юристов, поддержки инициативы молодых исследователей и начинающих преподавателей высшей школы, развития содружества науки-образования-практики.

1. Жаманбаев К.Ж. Высшая школа Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1972. – 184 с.
2. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1980. – 232 с.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф.1694. Оп.1. Д.12. Л.30.
4. Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф.708. Оп.5/1. Д.140.
5. Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1970. – 314 с.
6. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.14. Л.28, 71; Круглянский М.Р. Высшая школа СССР...указ. соч. – С.80; [Электронный ресурс] Кодинцев А.Я. Управление юридическим образованием в СССР в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://www.wxwww.centerberreg.ru/12752.html> (дата обращения 16.06.2020); Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. – М.: Высшая школа, 1963. – 223 с. (–С.66).
7. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.10.
8. Там же. Д.17. Л.12; Д.20. Л.10; Тлепина Ш.В. Т.М. Культелеев и его книга «Уголовное обычное право казахов». / Библиоковедение. Библиография. Книговедение. Сб. науч. ст. Вып. 12. – Алматы: Национальная библиотека РК, 2005. – С.104.
9. Архив КазНУ им. аль-Фараби. Ф.1352. Оп.2. Д.338. Л.44.
10. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.14. Л.34; Д.17. Л.13.
11. Там же. Д.14.
12. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М.: Наука, 1960. – 212 с.; ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17. Л.79; Д.20. Л.3–3 об.
13. Плотниекс А.А. Развитие общей теории права в период становления основ социализма в СССР. АДЮН. – М., 1979. – 27 с.; Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли. – М., 1928. – 96 с.; его же. Программа по общей теории права. – М., 1929. – 35 с.; ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17.

14. Биобиблиография обществоведов Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 477 с. (– С.471); Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1989. – 1632 с. (– С.1592); Юшков Серафим Владимирович / Сборник «Труды выдающихся юристов». – М.: Юридическая литература, 1989. – 462 с. (– С.21, 22); ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17.
15. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.10. Л.85; АП РК. Ф.708. Оп.8. Д.42. Л.189; Оп.11. Д.145. Л.30; ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.13. Л.3; Д.14. Л.34; Тулеугалиев Г.И. История развития и современные проблемы юридического образования в Республике Казахстан / Материалы юбилейной научно-теоретической конференции, посвященной 5-летию Казахской государственной юридической академии (г. Алматы, 17 марта 1999 г.). – Алматы, 2000. – С.29; его же. Становление юридического образования в Республике Казахстан и некоторые проблемы его развития на современном этапе // Право и государство. – № 1. – 2001. – С.3.
16. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17.
17. Там же. Л.18, 79; Советский энциклопедический словарь... – С.999; Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения... указ соч. – С.65.
18. Фукс С.Л. Очерки истории государства и права Казахстана XVIII и первой половины XIX вв. Автореф. докт. дисс. – Харьков, 1949; его же. Обычное право казахов XVIII и первой половины XIX вв. – Алма-Ата, 1981. – 224 с.; ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.13. Л.148; Д.27. Л.22; Д.17. Л.79, 167; Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева / Предисл. – С.Ф. Ударцев и Н.О. Дулатбеков (на рус. и каз. языках) Вступит. ст. – Ш.В. Тлепина. Комментар. и подгот. текста – К.А. Алимжан, Ш.В. Тлепина, С.Ф. Ударцев. – Астана / СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан» / ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. – 816 с. (– С.40–80); Ударцев С.Ф. С.Л. Фукс о кочевом обществе, государстве и праве казахов // Ударцев С.Ф. Учителя и коллеги. Из истории юридической мысли Казахстана XX – нач. XXI вв.: Очерки и воспоминания. – Алматы: Раритет, 2011. – 576 с. (– С.441–457); Тлепина Ш.В. Очерки истории государства и права казахов в XVIII – начале XIX вв. С.Л. Фукса. История. Память. Люди: Материалы VII Международной научно-практической конференции. (19 сентября 2014 г., Алматы). – Алматы, 2015. – 532 с. (– С.445–463).
19. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.15.
20. Там же. Д.3. Л.9.
21. Там же. Д.19. Л.9; Д.17. Л.51.
22. Советское государство и право. – 1975. – № 4. – С.136.
23. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.13. Л.111; Д.17. Л.79.
24. Там же. Д.10. Л.19; Д.17. Л.210.
25. Советское государство и право. – 1975. – № 4. – С.136; Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 304 с.; Советский энциклопедический словарь... указ. соч. – С.1293; Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса... указ. соч.; Опередивший время. К столетию со дня рождения. – М., 1994. – 256 с.; АП РК. Ф.708. Оп.33. Д.1563. Л.4.
26. Советское государство и право. – 1954 – № 1.; – 1957. – № 12 – С.8.
27. Курицын В.М. Советская историко-правовая наука: очерки становления и развития. – М.: Наука, 1978. – 352 с. (– С.318)
28. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. – М., 1940. – 672 с.
29. Его же. История государства и права СССР. Учебник. Ч.1. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 767 с.
30. Стучка П.И. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. – М., 1922; 2-е изд. – М., 1923. – 449 с.; Гурвич Г.С. Основы Советской Конституции. Вып. 1. Т.1. – М., 1923. – 223 с.; Малицкий А.В. Советское государственное право: Очерки. – Харьков, 1926. – 321 с.; Советское государственное право / Под ред. Вышинского А.Я. – М., 1938. – 652 с.
31. Биобиблиография обществоведов Казахстана... указ. соч. – С.120; Плотниекс А.А. Развитие общей теории права... указ. соч.; Ударцев С.Ф. Письма С.Я. Булатова М.Н. Гернету (1947 – 1948) // Предупреждение преступности (Алматы). – № 1(3). – 2002. – С.2–9; ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17. Л.79–79 об; Ударцев С.Ф. С.Л. Фукс о кочевом обществе, государстве и праве казахов... указ. соч. – С.437–441.

32. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.17. Л.79–79 об; Д.13. Л. 99, 116.; Ударцев С.Ф. С.Л. Фукс о кочевом обществе, государстве и праве казахов...указ. соч. – С.68–100.
33. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. – М., 1940.; Юшков С.В. Об основных моментах истории казахского государства // Известия АН Казахской ССР. Серия историческая. Вып. 4. – 1948. – С.43–57.
34. Фукс С.Л. Барымта // Ученые записки Харьковского юридического института. Выпуск III. – 1948. – С.131–170; его же. Некоторые вопросы истории казахского государства// Известия АН Казахской ССР. № 102. Серия юридическая. Вып. 3. – 1951. – С.91–107.
35. Павлов И.В. О развитии советской правовой науки за сорок лет // Советское государство и право. – 1957. – № 11. – С.46.
36. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.22. Л.24.
37. Советский энциклопедический словарь...указ. соч. – С.1360.
38. ЦГА РК. Ф.1694. Оп.1. Д.14. Л.91, 92; АП РК. Ф.708. Оп.3/1. Д.142. Л.301.
39. Там же. Д.23. Л.11.
40. Петров Г.И. Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина в годы Великой Отечественной войны. // Правоведение. Известия ВУЗов. (Ленинград). - 1969. - № 1. - С.22–31.
41. Фукс. С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в...указ. соч. – Астана / СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан» / ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008.
42. Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). – Алматы: КазГЮУ, 2005.
43. Перетерский И.С. История римского государства и права. – М., 1945; Римское частное право / Сост.: Перетерский И.С., Краснокутский В.А., Флейшиц Е.А., Розенталь И.С., Новицкий И.Б. / Под общ. ред. Новицкого И.Б. и Перетерского И.С. – М., 1948; Римское частное право. Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др. / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юристъ, 2004. – 314 с.; Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. Перетерского И.С. / Ред. Скрипилев Е.А. – М.: Наука, 1984. – 456 с.; Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Госюриздат, 1956. – 132 с.; его же. Воздушное право. – М., 1922; его же. Право воздушной войны. – М., 1925
44. Перетерский И.С. Очерки международного частного права РСФСР. – М., 1925; его же. Очерки судоустройства и гражданского процесса иностранных государств. Международный гражданский процесс. – М., 1938; его же. Толкование международных договоров. – М., 1959; его же. Международное частное право. 2 изд. – М., 1959 (совм. с С.Б. Крыловым).
45. Петров Г.И. Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина в годы Великой Отечественной войны. // Правоведение. Известия ВУЗов. (Ленинград). – 1969. – № 1. – С.22–23; АП РК. Ф.708. Оп.3/1. Д.142. Л.1.

Оразбақов А.Ж.

Эвакуация населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны на материалах Кызылординской обл.

Из источников, которые опубликованы в наши дни, видно, что советская власть догадывалась о начале войны и предпринимала множество мер для усиления армии и повышение ее боеспособности. Но с началом войны стало видно, что принятые меры оказались недостаточными. В первые дни немецкие войска наступали достаточно быстрыми темпами и многие регионы с предприятиями и с населением попали под немецко-фашистскую оккупацию. Красная армия тоже понесла ощутимые потери: только за три недели войны армия потеряла 850 тыс. солдат и офицеров, около 6 тыс. танков, 9,5 тыс. круп-

нокалиберных орудий, около 12 тыс. минометов и 3,5 тыс. самолетов. Потери немцев составили: 100 тыс. солдат и офицеров, 1700 танков и 950 боевых самолетов [1, с.4].

24 июня при СНК СССР был организован «Совет по эвакуации» под руководством Н.М. Шверника, который занимался эвакуацией промышленных предприятий и населения из прифронтовых зон. Благодаря работе этой организации и жесткой политике государства с июля по ноябрь 1941 г. было эвакуированы на восток 1523 крупных промышленных предприятий и 12 млн населения [2, с.504]. Всего же за годы войны были эвакуированы 25 млн чел.

Большинство промышленных предприятий были эвакуированы в Сибирь, на Урал, некоторая часть предприятий – на Дон. Эти предприятия в период летнего наступления немцев 1942 г. были снова эвакуированы в глубь страны.

С 1941 по 1942 гг. Казахстан принял более 300 заводов, 142 из них крупные заводы, которые впоследствии стали основой многих крупных предприятий Казахстана. Казахстан также принял 532,5 тыс. эвакуированных советских граждан. Плюс к этому вместе с промышленными предприятиями прибыли 50 тыс. рабочих и специалистов. Говоря об эвакуированных, думаю, следует добавить к ним 970 тыс. представителей депортированных народов, которые были высланы в Казахстан с 1941 по 1944 гг. [3]. Из всего этого видно какова была демографическая ситуация в Казахстане в годы войны.

По последней переписи населения накануне войны, в 1939 г. в Казахстане проживало 6 151 102 человек, 120 395 из которых были представителями депортированных перед войной в Казахстан народов. В 1939 г. в Кызылординской обл. проживало 328 067 чел. из которых 94 593 городское и 233 474 чел. сельское население [4, с.61], т.е. 18% проживали в городе, 82% в аулах.

С началом Великой Отечественной войны в Кызылординской обл., как и по всему Казахстану начались подготовительные работы по приему эвакуированных с западных областей Советского Союза. 8 июля 1941 г. был образован эвакуационный пункт, которому передали 10 общежитий на 1300 чел. В обязанности эвакуационного пункта входило: прием эвакуированных, санобработка и обеспечение общежитием до трудоустройства. 23 июля 1941 г. в Кызылорде было открыто справочное бюро, в обязанности которого входило обеспечение сведениями об эвакуированных. При областном исполкоме был открыт отдел по приему эвакуированных [5, л.186–187]. Все эти от-

делы, пункты, бюро дополняли общую работу по устройству, обеспечению информацией эвакуированных. Так как большинство людей покинули свои дома торопясь и не захватили с собой необходимых вещей, в местах расселения их старались обеспечить всем необходимым. Для питания – открыли столовую, где в одну смену могли накормить 600 чел. Здесь эвакуированные питались до обеспечения жильем и трудоустройства.

По данным эвакуационного пункта на 5 августа 1941 г. в область прибыло 1273 эвакуированных, из них 664 мужчин, 609 женщин, в т. ч. 357 детей. Трудоспособных – 904 [6, л.12], из них 704 чел. были устроены на работу по своей специальности или же по специальностям, которые можно быстро освоить. 1026 чел. из первой волны эвакуированных были расселены в областном центре – г. Кызылорде, им было представлено 4530 кв. м. жилья, по 4,4 кв. м. на человека. Это конечно было меньше в сравнении с жильем, оставленным на оккупированных территориях, но это было намного лучше, чем то, что досталось тем, кто прибыл в область впоследствии. 247 чел., размещенных в Аральске, трудоустроили в организации «Аральский водный транспорт».

Руководители, проинформированные о том, что в регион ожидается наплыв эвакуированного населения, подготовили еще 10 530 кв. м. жилья. Это было сделано благодаря общежитиям пединститута им. Н.В. Гоголя, сельскохозяйственного и торгового техникумов. В районных центрах было подготовлено 563 комнаты, в колхозах 1342 комнат и в совхозах 20 комнат. Основная часть домов и комнат в сельской местности были жилищами умерших во время голода начала 1930 гг., сараями, амбарами во многих случаях без окон и стекол. Но в июне–августе, в разгар лета, на это особого внимания не обращали.

Кызылординцы не только помогали обустроить переселенцев, но также помогали эвакуировать предприятия. Для этого они выезжали в города откуда предприятия должны были быть эвакуированы в нашу область и помогали при демонтаже предприятий и эвакуации. Так, в 1941 г. 16 кызылординцев выехали в г. Ярцево Смоленской обл. и помогли с эвакуацией завода «Дзержинск» Наркомата путей сообщения, который переехал на станцию Саксаульск.

Поток эвакуированных в Кызылорду составили жители тех районов СССР, куда первыми в июне–июле 1941 г. пришли немцы: 231 чел. из Минска, 220 – Могилева, 131 – Белостока, 50 – Бреста, 30 – Виленска, 143 – Витебска, 58 – западной Украины, 20 – Литвы, 84 –

Латвии, 156 – Эстонии. Из обустроенных в г. Кызылорда, только 92 были колхозниками. Видимо у колхозников в первые месяцы войны не было возможности эвакуироваться, да и информация доходила до них намного позже чем городскому населению. С другой стороны, колхозники не могли оставить свой дом, хозяйство, да и урожай 1941 г., благодаря которому питались колхозники не был собран. Видимо последние факторы и повлияли на низкий процент эвакуации сельского населения. Среди городского населения большинство составляли семьи советских и партийных сотрудников, инженеры, рабочие и служащие эвакуированных предприятий. Спустя 4 дня, 9 августа численность эвакуированного населения области составило 1422 чел.

Август–октябрь 1941 г. был периодом прибытия в область большого количества эвакуированных. Среди них была высокая смертность, т. к. многие заболели в дороге или трудно привыкали к новым условиям жизни, к новому климату, что усугублялось нехваткой медикаментов и продуктов питания, особенно для детей школьного возраста, которые составляли 18–20%. Постепенно началось налаживание расселения и обеспечения вновь прибывающих в область. Представители региональной власти при размещении эвакуантов в первую очередь руководствовались не возможностью обеспечения работой, а районами с наличием жилья.

По данным эвакуационного пункта на 14 октября 1941 г. в область прибыло 5822 чел., не считая прибывших в область 6 детских домов с 625 детьми. Два детских дома были расселены поближе к городу в колхозе Сталина и Молотова. Из 5822 чел. 4287 были поселены в г. Кызылорда и многие из них трудоустроены на предприятиях и учреждениях города [7, л.107]. Благодаря эвакуированным школы и медицинские учреждения региона, в первую очередь областного центра, пополнились дипломированными специалистами.

В связи с приездом детей в школах города, районных центрах и в колхозах начали открываться дополнительные классы с русским, украинским, белорусским и даже польским языком обучения. На соответствующих языках были открыты и детские сады.

С довоенного периода в Кызылорду приезжали на постоянное жительство, война усилила этот процесс. Так, до 14 октября 1941 г. по этой линии в область переехали 3651 чел., 1049 из них расселены в Аральском, 2199 – Казалинском, 53 – Шиелинском районах [7, л.108].

По статистическим данным до 7 февраля 1942 г. в область эвакуировалось 30 062 чел. За семь месяцев население региона увеличи-

лось на 10% [10, л.8]. Из числа эвакуированных 11 706, или 39% составляли мужчины, 61% – женщины, Из мужчин трудоспособными были 50%, или 5872 чел., среди женщин – 64%, или 11 704 чел. Малое количество трудоспособных мужчин объясняется тем, что мужчины с 1890 по 1923 г. р. были призваны в ряды РККА. 39% были несовершеннолетними, из которых 18%, или 5284 чел. – школьники 7–16 лет. В общем, 58% эвакуированных были трудоспособного возраста – мужчины до 60 лет, женщины до 55 лет. 39% – дети до 16 лет, и 3% пенсионеры.

Обеспечение жильем, работой и питанием такого большого количества людей создало определенные трудности. Эвакуированные, прибывшие в область до 7 февраля 1942 г., были жителями Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии, т. е. тех районов на территории, которых летом 1941 г. велись боевые действия. С окончанием лета начали прибывать и с западных Российских областей.

На 7 февраля 1942 г. в область прибыли жители 69 областей и краев Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии Украины, Белоруссии и России. Здесь, надо заметить, что военные действия на территории некоторых областей, не велись, однако население таких регионов как Челябинск, Свердловск в небольшом количестве все же сочли нужным переместиться на юг страны. На наш взгляд, эти люди были свидетелями гражданской войны и голода и поэтому годы войны с ее лишениями и невзгодами решили пережить в богатой своими садами Азии, среди них были и те, кто по окончании учебы, возвратились в родные края.

Таблица № 1. Сведения о численности и месте откуда прибыли эвакуированные [10, л. 8].

№	Место откуда прибыли	Численность прибывших в Кызылординскую обл.	№	Место откуда прибыли	Численность прибывших в Кызылординскую обл.
1.	Харьков	4658 чел.	17.	Днепропетровск	419 чел.
2.	Москва	2436 чел.	18.	Орел	419 чел.
3.	Сталинск	2284 чел.	19.	Чернигов	412 чел.
4.	Воронеж	2106 чел.	20.	Николаевск	384 чел.
5.	Киев	1804 чел.	21.	Ростов	370 чел.
6.	Курск	1352 чел.	22.	Витебск	361 чел.
7.	Одесса	1241 чел.	23.	Гомель	349 чел.
8.	Могилев	1019 чел.	24.	Ворошиловград	271 чел.
9.	Майск	918 чел.	25.	Латвия	254 чел.
10.	Крым	738 чел.	26.	Рязань	248 чел.
11.	Молдавия	729 чел.	27.	Белосток	224 чел.

12.	Житомир	662 чел.	28.	Эстония	221 чел.
13.	Смоленск	624 чел.	29.	Калинин	219 чел.
14.	Ленинград	543 чел.	30.	Полтава	217 чел.
15.	К-Подольский	484 чел.	31.	Львов	176 чел.
16.	Белоруссия	460 чел.	32.	Литва	138 чел.

По статистическим данным из 30 062 чел., эвакуированных в Кызылординскую обл., 14 521 чел., или 48% были евреи. Этому есть свое объяснение: в районах, оккупированных немецкими войсками, евреи подвергались полной изоляции в гетто или же в концлагерях, где велось их полное уничтожение, поэтому евреи старались эвакуироваться из мест, которые могли быть оккупированы. Из данных статуправления СССР за 1941 г. видно, что 24,8% населения, подлежащего эвакуации, составляли евреи, 52,9 – русские [11, с.28]. 9198 чел., или 31% населения, прибывшие в область, составляли русские, 4613 чел., или 15% – украинцы, 850 чел., или 3% – белорусы. Евреи, русские, украинцы и белорусы составляли 97% эвакуированных в Кызылординскую обл. Они прибыли в регион по собственной воле, кроме них в область прибыли люди и по принуждению.

В первую очередь это были немцы из Автономной Республики немцев Поволжья. Советское правительство решило перестраховаться из-за боязни, что немцы Поволжья могут превратиться в пятую колонну, хотя видимых причин этого не было, наоборот, в первые дни войны от немцев поступило 2500 заявлений с просьбой отправить на фронт, а 8000 немцев сражались в рядах народного ополчения, но несмотря на это после посещения Поволжья Молотовым и Берией был принят Указ Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в Поволжье». Накануне войны из 1 472 222 немцев Советского Союза 92 тыс. проживало в Казахстане [12, с.172]. Согласно Указу с 3 по 20 сентября 1941 г. немцы были переселены в Сибирь и на территорию Казахстана [13, с. 37].

До 25 октября 1941 г. намечалось переселить в Казахстан 467 тыс. немцев, из них 15 тыс. в Кызылординскую обл. Видимо в верхах решили, что Кызылординская обл. и без того перенаселена, т. к. в действительности в область прибыло 3145 немцев и 14 австрийцев. Они были обустроены в двух районах, 1291 чел. в Аральском и 1854 немца и 14 австрийцев в Казалинском р-не [10, л.23]. В Казахстан прибыло 420 тысяч немцев [14, с. 63]. Из документальных воспоминаний тех лет видно, что казахи с пониманием отнеслись к немцам, видя в них трудолюбивых, верных слову и аккуратных людей, которые работали наравне с местным населением и внесли свою лепту в копилку победы.

С учетом эвакуированных и насильственно депортированных немцев до 7 февраля 1942 г. население области увеличилось на 33 221 чел.

Таблица № 2. Данные эвакуированных по этническому признаку

№	Национальность эвакуированных	Численность эвакуированных	№	Национальность эвакуированных	Численность эвакуированных
1.	евреи	14 521	6.	поляки	189
2.	русские	9198	7.	эстонцы	159
3.	украинцы	4613	8.	литовцы	114
4.	белорусы	850	9.	другие национальности	157
5.	татары	261			

Наплыв населения в область, увеличивавшийся с каждым днем, социально-экономические проблемы, решение которых центральная власть перепоручила местной власти, не всегда справлявшейся с поставленными задачами, участившееся воровство основной причиной которого были голод и отсутствие необходимых условий для жизни в некоторых случаях становились причиной межэтнических конфликтов. Правоохранительные органы жестко пресекали подобные выступления. К примеру, только с 1 августа по 4 сентября 1942 г. в Алма-Атинской и Семипалатинской областях 42 чел. были привлечены к ответственности за межэтническую пропаганду [15, с.15–16].

В ноябре 1941 г. в Сырдарьинском р-не проживало 1114 эвакуированных, не считая детей двух детских домов, также обустроенных в колхозах этого района. 274 чел. эвакуированных проживало в колхозе «Сталина», который располагался на месте нынешней школы по ул. аль-Фараби, 164 чел. были расселены в колхозе «Огородник», 121 – в колхозе «Бирлестик», 102 – в Сулутобе [7, л.49]. Руководители районов и колхозов как могли помогали эвакуированным. Ввиду того что эвакуированные второпях, под бомбежками покидали свои дома, в местах расселения ощущалась нехватка зимней одежды и обуви, посуды для приготовления и приема пищи. С наступлением холодов остро встал вопрос нехватки зимних постельных принадлежностей. Однако центральным вопросом оставалась нехватка жилья. По данным на 1940 г. на 1 городского жителя приходилось 5,1 кв. м жилья, в годы войны этот показатель снизился до 4,3 кв. м. В Караганде же, где были сосредоточены тысячи рабочих трудовой армии, ставшей основным поставщиком угля, после взятия немцами Донбасса, на одного человека приходилось по 2,2 кв. м. жилья. Для всего Казахстана был характерен пример, семьи Рывкиных, состоящей из 31 чел., 16 из которых – дети, проживали в колхозе «Теренсай» в комнате в 25 кв. м. [16, с. 433]. Основной пищей эвакуированных были картошка и мука.

К 5 декабря 1941 г. в Жалагашский р-н были поселены 2338 эвакуированных, из них 426 мужчины, 760 женщины и 1102 детей [7, л. 46]. 1602 эвакуированных были расселены в колхозах, 736 – в районном центре. Из этих данных видно, что в сравнении с данными за август уменьшилось количество эвакуированных мужчин. Причиной этого стало то, что в прифронтовой зоне в момент эвакуации мужчин призывного возраста стали забирать в армию, для этого даже стали выставлять пикеты на станциях и на дорогах. С другой стороны, среди эвакуированных увеличилась численность инвалидов. Если в августе они составляли 1% из эвакуированных, то к концу года они составляли уже 4,6%. Думаю, это можно объяснить тем, что в первые дни войны, люди оставляли инвалидов в надежде скорейшего возвращения и из-за трудностей переезда с инвалидами. Впоследствии, имея некоторое время, люди стали вывозить своих близких из числа инвалидов и стариков. Большинство эвакуированных составляли семьи железнодорожников и военнослужащих. В районе также обустроили 458 детей эвакуированного интерната. Эвакуированные оказали большую помощь школам, больницам и поликлиникам района, где были трудоустроены 52 дипломированных специалиста. Для обеспечения эвакуированных хлебом кроме хлебопекарни в самом Жалагаше были открыты еще две, на станции Каракеткен и в колхозе «Красный октябрь». Были отремонтированы все бани района и построены новые, тем самым полностью обеспечены банями эвакуированные. Руководство района старалось обеспечить детей эвакуированных молоком. Дети, жившие в колхозах, получали молоко у себя в колхозе, а жившие в районном центре, за счет близлежащих колхозов. Завод по производству изделий из камыша и артель «Жана омир» обеспечивали переселенцев дровами.

К 10 января 1942 г. в Жанакорганском р-не были расселены 3097 чел. из них мужчины 619, 1330 женщины и 1148 несовершеннолетних. 2361 чел., или 76% были расселены по колхозам, им было выделено 230 комнат, остальные размещены в районном центре. Учитывая, что у переселенцев нет посуды, им выделили 60 ведер, 708 тарелок, 122 керосиновых ламп и 45 одеял. Кроме этого, решением колхозных собраний им было выдано 123 065 кг хлеба. Дополнительно к этому эвакуированным было выдано за деньги 4085 кг и в долг 2937 кг картошки, 3067 кг и 142 кг соответственно мяса, 233 и 53 кг масла, 6571 и 1563 л молока. Кроме этого, чтобы обеспечить молоком многодетные семьи, было выделено 61 корова и 219 т дров. В районе, включая вновь по-

строенные, работали 16 бань. Через систему потребкооперации эвакуированные могли приобрести товары, которые производились вне территории района и области. Так, до 10 января 1942 г. через систему потребкооперации района было реализовано мануфактуры на 44 890 руб.; 33,8 т. муки; 8,9 т. овца; 275 кг чая; 555 кг хозяйственного мыла; 15 т. местной рыбы; 9 т. сушеной дыни; 26 ящичков стекла и др. [7, л.6].

В Казалинском р-не до 16 января 1942 г. поселились 2976 чел., в колхозы – 108 чел., в городе – 1076 чел. и в поселке – 1792 чел. 50% из них были безработными, товары, выделяемые в помощь, зачастую растранижировались, не была организована продажа товаров за наличный расчет, в районе работало всего 2 бани, не было условий для 260 детей детского дома – грязные постели, некачественные продукты питания, более 100 детей школьного возраста в районе не ходили в школы из-за отсутствия обуви. И только после рассмотрения данной ситуации в райкоме партии начали приниматься меры по устранению недоработок.

В Кармакчинском р-не были размещены 3263 чел. Из них 1155 мужчин, 2108 женщин. 342 чел. устроены на промышленные предприятия, 565 – на транспорт, 5 – на МТС, 528 – в разные организации, 851 – в колхозы, 151 нетрудоспособных были обеспечены продуктовыми аттестатами.

Среди эвакуированных в Кызылординскую обл. самое тяжелое положение было именно в Кармакчинском р-не. Во-первых, когда они приехали, их никто не встретил, хозяева домов, куда были распределены эвакуированные не были заранее предупреждены, поэтому людям пришлось долго ждать на улице, многие были расселены в небольших комнатах, а некоторые вынуждены были платить за жилье. Распределенные в колхозы не работали и при первой же возможности были готовы переехать в другое место. Однако руководители района и колхозов по мере возможности исправляли ситуацию.

К сожалению, учет прибывающих в область велся не на должном уровне. Это объясняется тем, что прибывающие в некоторых случаях самостоятельно устраивались или же меняли место жительства, направляясь в другие регионы Казахстана. Поэтому 14 октября эвакуационный пункт Кызылорды указал, что в область прибыло 5822 чел., а эвакуационный отдел дал цифру – 7358 чел. Думаю, здесь более полные данные может дать статистика того времени. По ней за весь 1941 г. в область прибыло 34 437, а выбыло 12 973 чел., т. е. 21 460 чел. остались на территории области [8, л. 1]. Основной причиной, из-

за которой прибывающие меняли место жительства и уезжали из области, явились климатические условия нашего региона, летом – жара, зимой – холодно, порывистые ветры и т. д. Люди, прибывшие из лесистых, более-менее прохладных западных районов СССР не могли привыкнуть к нашей погоде и переезжали в Восточный Казахстан, Семиречье, Северный Казахстан и в Джамбульскую обл. С другой стороны, в связи с тем, что большинство эвакуированных были членами семей сотрудников партийных и советских органов, командиров Красной армии, сотрудниками системы культуры и науки, они старались обустроиться в городах, где располагались культурные и научные центры Казахстана и эвакуированные организации.

По данным на 1 июня 1943 г. 64,6% эвакуированных расселены в сельской местности, а 35,4% в городской местности [9, с.76].

В 1941 г. население области увеличилось за счет эвакуированных, однако, естественного прироста населения не было, т. к. численность родившихся оказалась ниже численности умерших. Уже в первый год люди почувствовали трудности и лишения, которые принесла война.

В 1942 г. советские войска вновь отступали, сдавали города и миллионы людей были вынуждены эвакуироваться в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан. И снова десятки тысяч людей в поисках крова прибыли в Казахстан, в т. ч. в Кызылординскую обл., которая к тому моменту уже была переполнена эвакуированными. Однако терпеливый казахский народ с возгласом «Бог даст» принимал и помогал чем мог людям другой веры и говорящим на другом языке, но сыны и отцы которых вместе с их сыновьями и отцами на фронте боролись с общим врагом.

Война в 1942 г. подошла близко к Казахстану. На территории западного Казахстана, которые были объявлены прифронтовой зоной, эвакуированные не заселялись. Триста казахстанцев погибли во время бомбежки западных областей республики. 1942 г. был вторым периодом эвакуации, но по сравнению с 1941 г. эвакуация проводилась более планомерно и тщательно, чем в 1941 г. В этот период на восток были эвакуированы жители и предприятия Воронежской, Сталинградской, Ворошиловградской, Ростовской областей и многих других регионов СССР, включая Северный Кавказ.

1. История СССР (Москва). – 1992. – № 2.

2. Великая Отечественная Война 1941–1945. – М.: Политиздат, 1985. – 559 с.

3. Трудовой подвиг Казахстана: цифры и факты (www.zakon.kz)

4. Население Казахстана по всесоюзной переписи населения 1939 г. – Алматы: Арыс, 2009. – 400 б.

5. ФГА КО. Ф.283. Оп.1. Д.82.

6. Там же. Ф.268. Оп.1. Д.2281.
7. Там же. Оп.2. Д.2478.
8. АДС КО 19-8 дело.
9. Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.) // Новый исторический вестник. – 2005. – № 14. – С.73–84.
10. ГА КО. Ф.585. Оп.1. Д.7062.
11. Потемкин М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история (Москва). – 2002. – № 3 – С.150. URL: <http://1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/RUHIST/EVAC.HTM> (дата обращения 15.08.2020).
12. Бугай Н.Ф. 40-е годы «Автономию немцев ликвидировать...» // История СССР (Москва). – 1991. – № 2 – С.172–180.
13. Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9.
14. ЦГА РК. Ф.1987. Оп.1. Д.14.
15. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. – М.: Международные отношения, 1994. – 399 с.
16. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сборник документов и материалов. Т.1. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 596 с.

Социально-бытовое положение эвакуированного населения в документах партийных и советских органов Кустанайской обл. Казахской ССР в 1941–1942 гг.

Долгое время тема эвакуации в годы Великой Отечественной войны описывалась в пафосных, мажорных тонах, когда освещение проблем уходило на второй план. В настоящее время казахстанские учёные привлекают рассекреченные документы, судя по которым, видно, в каких невероятных сложных условиях проходило размещение эвакуированного населения. Авторами статьи привлечены и публикуются документы партийных и советских государственных органов: Исполнительного комитета Кустанайского областного Совета депутатов трудящихся, Кустанайского районного Совета депутатов трудящихся, Кустанайского эвакоотдела.

75-летний юбилей Великой Победы над фашистской Германией вызвал не только очередную массу исторических публикаций, но и ожесточённые споры в политической сфере. Через год научная общественность обратит внимание на 80-летие начала Большой эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Казахстанские историки вносят свой достойный вклад в изучение данного вопроса. Так, историк Б.О. Жангуттин опубликовал директиву за подписью секретаря ЦК ВКП (б) А. Андреева в адрес секретаря ЦК КП (б) Казахстана Н. Скворцова от 25 ноября 1941 г. В документе прямо указано: «В ЦК ВКП (б) поступают факты о неправильном отношении к эвакуированным из прифронтовых районов рабочим, служащим и колхозникам как в пути следования, так и по прибытии к месту назначения со стороны местных органов». От-

дельно акцентировалось внимание, что «имеют место так же факты, когда прибывающие на место назначения эвакуируемые не только не получают помощи в размещении и устройстве на предприятиях, в колхозах и совхозах, но часто встречаются и явно недоброжелательное отношение со стороны местных органов» [1].

Все эти проблемы нашли отражение в документах партийных и советских органов Кустанайской обл. КазССР. Как описывают современные костанайские историки и краеведы, с самого начала войны в область хлынул поток беженцев и эвакуированных вместе с предприятиями людей. Нередко они совершенно не имели запаса продуктов, обуви, одежды, элементарных предметов домашнего обихода. Всё это создавало массу сложнейших проблем. Из-за грязи и неустроенности в городе участились случаи вспышек сыпного тифа. Баням было приказано работать по 18 часов в сутки, организовывались новые инфекционные бараки, прачечные, больше стали производить мыла. Прокурор и начальник милиции обязывались «усилить репрессивные меры, вплоть до привлечения к уголовной ответственности, за срыв санитарных и противоэпидемических мероприятий» [2, с.239].

Проблем с размещением и соцобеспечением людей становилось всё больше и больше. 9 августа 1941 г. руководство работой эвакуационного отдела Кустанайской обл. было возложено на заместителя председателя облисполкома Григория Порфирьевича Мачнёва. Его заместителем по медицинской части была утверждена Ирина Дмитриевна Памурзина. Облисполком и обком возлагали ответственность за активизацию работы с эвакуированным населением на всех руководителей – не было ни одной сферы, которая бы за них не отвечала, но ждать улучшения пришлось долго [3, с.104].

Проблемы накапливались – их старались решить облисполкомы, обкомы, а также и районные, городские комитеты. Кустанайская обл. активно включилась в работу по размещению эвакуированного населения. В первые месяцы войны область (как и все другие регионы Казахстана) пока ещё плохо справлялась с наплывом эвакуированных людей. По состоянию на 1 октября 1941 г., в регион прибыло 11 681 человек, из которых 1131 мужчин, 4830 женщин и 5720 детей. Всего трудоспособных насчитывалось 5244 человек. Из прибывших 6420 человек было размещено в колхозах, 679 – в совхозах, 42 – в МТС, 2052 – в г. Кустанае, остальные – в районных организациях [3, с.105]. Буквально через месяц, до ноября 1941 г., этот поток жертв войны достиг в целом по области 32 394 человека. [2, с.250].

В результате прибытия эвакуированных рабочих из прифронтовых территорий СССР резко обострились бытовые и, в первую очередь, жилищные проблемы. Судя по материалам спецархива ДКНБ по Костанайской обл., положение с жильем вызывало немало конфликтов и их приходилось решать, в т. ч. и силовым методом. Так, в декабре 1941 г. рабочих и управленцев прибывшего кожевенного завода расселили в домах близлежащего квартала № 3, «выселив хозяев в другие помещения в порядке уплотнения». Облисполком своим решением 16 мая 1942 г. обязывал председателя исполкома горсовета И. П. Маякина до 25 мая освободить жилой дом для рабочих завода № 507 в порядке предоставления жильцам других квартир. Состоялось несколько заседаний городского суда над хозяйками жилья, сразу не пожелавшими потесниться [4].

До конца 1941 г. только г. Кустанай принял 5635 человек. В итоге, для размещения эвакуированного населения в г. Кустанайе был произведен учет излишней жилплощади и в порядке уплотнения было выдано 1000 ордеров на вселение. В квартирах, где жили эвакуированные, за счет государства производился текущий ремонт, конечно же, сами жильцы своими силами тоже приводили в порядок отведенное им жилье. Через горисполком оказывалась помощь в обеспечении дровами, углем. А также выдавались самые необходимые промтовары. [2, с.245].

В первые два года войны документов по размещению, трудоустройству, обеспечению продуктами и промышленными товарами, по профилактике инфекционных заболеваний и лечению, по санитарному состоянию принималось много. Они часто походили друг на друга, т. к. предыдущие выполнялись не в полной мере, и процессы приходилось подстёгивать новыми решениями по старой тематике. Речь в них шла о неудовлетворительной работе в отношении эвакуированного населения обл. и райздравотделов, о недостаточной разъяснительной работе, о фактах формально-бюрократического отношения к эвакуированному населению со стороны отдельных руководящих работников. Исследователи обратили внимание, что, несмотря на острый дефицит бумаги, на её нестандартный формат, отчёты составлялись по всем направлениям деятельности руководящих и ответственных органов. [3, с.104–107].

Об этом можно судить по публикуемым документам. Первый из них – «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Кустанайском и Затобольском районах» за под-

писью председателя Кустанайского облисполкома Даниала Керимбаева был принят 19 декабря 1941 г. Два последующих указания советских и партийных органов в адрес руководителей Кустанайского р-на от имени начальника Кустанайского эвакоотдела Е.М. Червиной в марте 1942 г. и заместителя председателя облисполкома А.Г. Михеевой, секретаря областного комитета КП (б) К В.Ф. Мельникова в октябре 1942 г. позволяют проследить насколько были решены предыдущие задачи, в какой мере устранены недостатки в работе в отношении эвакуированного населения. Публикация подготовлена Беркимбаевой А.М., Легким Д.М.

№ 1

Решение Кустанайского облисполкома «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Кустанайском и Затобольском районах»

г. Кустанай

19 декабря 1941 г.

Заслушав доклады председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся Кустанайского – т. Дохно и Затобольского – т. Плеханова, исполком областного Совета депутатов трудящихся отмечает, что исполкомы Кустанайского и Затобольского районных Советов депутатов трудящихся совершенно неудовлетворительно выполняют постановление исполкома облсовета и бюро обкома КП (б) К от 16 октября 1941 г. «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения», в результате этого до сих пор дело трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения поставлено плохо.

Руководители ряда колхозов, совхозов и МТС, рассматривая эвакуированных как временную рабочую силу, не проявляют действительной заботы о них и не чувствуют ответственности за их трудоустройство.

Имеются факты, когда в отдельных колхозах и совхозах не предоставляют работы и квартир эвакуированному населению (колхоз 3-й Интернационал, Затобольского р-на), не обеспечивают продуктами питания (колхоз им. Ленина, Затобольского р-на, колхоз «5-е декабря», Кустанайского р-на и совхоз «Казахстанец») и не снабжают топливом (колхоз «Свободный труд», Затобольского р-на).

Пользуясь нетрудоспособностью и необеспеченностью жильем, топливом и продуктами питания эвакуированного населения, многие колхозники и единоличные хозяйства берут с эвакуированного насе-

ления за предоставленную им жилую площадь или продовольствие непомерно высокую плату натурой и деньгами, доходящую в ряде мест до мародерства, а органы прокуратуры и милиции не ведут необходимой борьбы со спекуляцией и спекулянтами.

В ряде мест вследствие плохих бытовых условий имеются случаи заболевания детей. В результате нечуткого и невнимательного отношения к эвакуированному населению, многочисленные их жалобы и просьбы остаются не разрешенными.

Факты подобного нетерпимого отношения к трудовому устройству и бытовому обслуживанию эвакуированного населения имеют место и в других районах области.

Все эти факты являются следствием того, что многие руководители Советов, колхозов и совхозов до сих пор не поняли, что трудоустройство и бытовое обслуживание эвакуированного населения является важнейшей задачей, имеющей большое государственное и политическое значение.

Считая подобное отношение районных и низовых советских и хозяйственных организаций к делу трудоустройства и бытового обслуживания эвакуированного населения совершенно нетерпимым, исполком областного Совета депутатов трудящихся *решил*:

1. Указать председателям исполкомов райсоветов депутатов трудящихся, Кустанайского – т. Дошно и Затобольского – т. Плеханову на их совершенно неудовлетворительное руководство делом трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения.

2. Предложить председателям исполкомов райсоветов депутатов трудящихся лично проверять состояние трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения, рекомендовать колхозам в соответствии с постановлением Совнаркома и ЦК КП (б) К от 1 декабря 1941 г. № 129 проводить следующие мероприятия:

а) вовлекать эвакуированное население в члены колхоза, в соответствии с Уставом Сельхозартели, устанавливая для них минимальный вступительный взнос, а в необходимых случаях допускать рассрочку выплаты в счет будущих трудов дней;

б) вновь принятых в члены колхоза наделять приусадебными участками в соответствии с установленной нормой для данного колхоза. Наделение приусадебными участками производить, как за счет колхозных земельных приусадебных фондов, так и за счет выявления излишков приусадебных участков у колхозников и единоличников;

в) наряду с созданием натуральных фондов, предусмотренных

Уставом Сельхозартели, до распределения продуктов колхозникам на трудодни, создать специальные продовольственные фонды для оказания помощи эвакуированному населению;

г) выдачу зерна из специальных продовольственных фондов эвакуированному населению производить в счет будущих трудодней. Обратив особое внимание на оказание натуральной помощи нетрудоспособным, многодетным матерям, семьям красноармейцев и женам командного состава, прибывшим в колхоз в порядке эвакуации;

д) вовлекать все трудоспособное эвакуированное население в участие в колхозном производстве, имея в виду, что каждый трудящийся, где бы он не находился, не должен забывать о своем долге перед Родиной и своим личным участием в производстве должен помогать фронту;

е) в целях наиболее полного и эффективного использования эвакуированного населения, принять все меры к максимальному расширению существующих, а также организации новых подсобных предприятий в колхозах на базе использования местного сырья и оборудования, или специальные цеха для ближайших промысловых артелей.

3. Предложить директору Гостреста совхозов – т. Власенко и всем директорам совхозов принять срочные меры по размещению и трудовому устройству эвакуированного населения в совхозах, для чего провести следующие мероприятия:

а) обеспечить жилой площадью, топливом, предметами домашнего обихода и выдачу авансов в счет заработной платы трудоустроенному эвакуированному населению, организовав общественное питание, как на центральных усадьбах совхозов, так и на отделениях и фермах;

б) использовать все трудоспособное население во всех отраслях хозяйства: животноводство, растениеводство, на ремонтах и текущих хозяйственных работах и в конторах;

в) организовать в совхозах краткосрочные курсы для эвакуированного населения по подготовке из них трактористов, слесарей, рабочих на прицепных машинах и других профессий.

4. Обязать председателя исполкома Затобольского райсовета депутатов трудящихся – т. Плеханова немедленно проверить факты нечуткого отношения к эвакуированному населению в колхозе им. Ленина и совхозе «Казахстанец» и в случае их подтверждения привлечь виновных к строжайшей ответственности.

5. Обязать исполкомы районных Советов депутатов трудящихся систематически заслушивать на заседаниях исполкомов райсоветов депутатов трудящихся отчеты руководителей сельаулсоветов, колхо-

зов и совхозов о трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения, принимая конкретные меры для обеспечения их квартирами, работой, питанием и топливом.

6. Обязать Облторготдел, Облпотребсоюз и райпотребсоюзы обеспечить завоз в сельскую местность товаров домашнего обихода, также других промышленных и продовольственных товаров, выделяемых фондов для эвакуированного населения, не допуская при этом их разбазаривания.

Немедленно организовать дело колхозной торговли так, чтобы на каждом колхозном рынке было достаточное повседневное поступление продуктов сельского хозяйства.

7. Поручить облпрокурору – т. Хаярдинову, начальнику облмилиции – т. Кожевникову привлекать спекулянтов промышленными, продовольственными товарами, а также нарушителей принципами советской и колхозной торговли к немедленной и строгой судебной ответственности.

8. Обязать областной и райгоротделы народного образования обеспечить полный охват обучением в школах эвакуированных детей.

9. Потребовать от облздравотдела – т. Пичугиной принять срочные меры к улучшению медицинским обслуживанием эвакуированного населения, не допуская распространения каких бы то ни было заболеваний.

10. Обязать исполкомы районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся вести повседневную массово-политическую работу среди местного и эвакуированного населения, не допуская проявления антагонизма, антиобщественного и рваческого отношения отдельных слоев местного населения к эвакуированным.

11. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на заместителя председателя исполкома областного Совета – т. Ибрагимова.

Настоящее решение разослать всем председателям исполкомов районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся.

Председатель исполкома
Областного Совета

Д. Керимбаев

Секретарь исполкома
Областного Совета

В. Федориненко

Верно: зав. протокольной частью **Кривонос**.

Государственный архив Костанайской обл. (ГАКО). Ф.250. Оп.1. Д.166. Л.119–122.

Заверенная копия.

№ 2

Директивные указания № 836 Кустанайского эвакуотдела инспектору по эвакуации Кустанайского райисполкома Тимофеевой о тяжелых жилищно-бытовых условиях эвакуанаселения

г. Кустанай

Март 1942 г.

В ряде районов имеет место формально-бюрократическое, а порой преступное отношение со стороны руководителей колхозов и совхозов к нуждам эвакуированного населения.

Специальной проверкой, произведенной эвакуотделом установлено, что эвакуированные, проживающие в колхозах Кустанайского и Пешковского района, находятся в очень тяжелых жилищно-бытовых условиях, живут в нежилых помещениях, совершенно не получили топку, не имеют вещей домашнего обихода (кроватей, столов, стульев), не снабжаются продуктами питания, солью, спичками.

Подобные вопиющие факты преступного отношения к обездоленным людям, пострадавшим от фашистских варваров, проходят мимо наших инспекторов.

Большинство инспекторов больше занимаются разбором жалоб эвакуанаселения, размещенных в райцентре, мало выезжают с обследованиями в колхозы, совхозы, поэтому не знают действительного положения вещей.

В связи со специальной телеграммой обкома КП (б) К и облисполкома за №180/с обязываю Вас наметить конкретные мероприятия по реализации данного указания.

Совместно с райкомом КП (б) К, райисполкомом мобилизуйте и пошлите партийный, советский актив во все колхозы, где размещены эвакуированные в целях детальной проверки состояния жилищно-бытовых условий эвакуанаселения, изыскания всех возможностей материальной помощи, обеспечения топливом, квартирами, питанием.

При проверке необходимо создать комиссию в составе председателя сельисполкома, члена правления колхозов. После произведенного подворного обхода составьте акт и результаты обследования обсудите на сель, райисполкоме. (Один экземпляр акта пришлите в эвакуотдел).

В дальнейшей работе обязываю ежемесячно обследовать не меньше 5–7 колхозов, результаты обследований поставьте на исполкоме райсовета и бюро РК КП (б) К.

В конце каждого месяца присылайте в эвакуотдел информационную записку с полным отчетом о проделанной Вами работе за

отчетный месяц, информируя нас обо всех проявлениях формально-бездушного отношения со стороны руководителей колхозов к эвакуонаселению.

Предупреждаю, что за невыполнение данного указания будем принимать административные меры и взыскания.

Начальник эвакуоотдела

Червина

ГАКО. Ф.779. Оп.1. Д.223. Л.36. [Подлинник].

№ 3

**Директива № 1023-8 советского и партийного руководства
Кустанайской обл. председателю Кустанайского райисполкома
Журкамбаеву и секретарю райкома КП (б) К Дудину об ускорении
строительства и ремонта жилдомов для эвакуонаселения,
прибывающего в регион**

г. Кустанай

Октябрь 1942 г.

Несмотря на неоднократные решения исполкома облсовета депутатов трудящихся и соответствующие указания обкома КП (б) К об окончании жилищного строительства и ремонта домов для эвакуонаселения и переселенцев установленный правительством срок – 1 октября 1942 г., в большинстве районов строительство и ремонт домов фактически сорван.

Производственной проверкой в Мендыгаринском, Узункольском, Федоровском, Семиозерном, Пешковском и Карабалыкском районах установлено, что председатели исполкомов райсоветов и секретари райкомов КП (б) К передоверили этот важнейший участок работы второстепенным лицам, совершенно не контролировали ход строительства, в результате чего отпущенные кредиты не использованы, лесоматериалы не вывезены, дома не строятся, а помещения, требующие восстановления, не отремонтированы.

Вследствие отсутствия жилищного фонда, вновь прибывающее эвакуонаселение размещается в невыносимо тяжелых квартирных условиях, что может вызвать опасность заболевания населения эпидемическими болезнями.

Исполком областного Совета и обком КП (б) К такое положение в деле строительства и ремонта домов считают абсолютно нетерпимым и требуют лично от вас:

1. Проверить во всех местных Советах, колхозах состояние жилищного строительства и ремонта домов, результаты проверки обсудить на объединенном заседании исполкома райсовета и бюро райко-

ма КП (б) К, наметив конкретные мероприятия по окончанию строительства и ремонта жилдомов.

2. Во всех колхозах немедленно выделить транспортные бригады для вывозки лесоматериалов, а также строительные бригады, мобилизовав для этого само эвакуанаселение и переселенцев.

3. Полностью освоить отпущенные кредиты, часть кредитов по усмотрению исполкома райсоветов ассигновать на восстановление и достройку полуразрушенных и недостроенных домов.

4. Принять решительные меры и максимально развернуть работу по строительству землянок и зданий со сводчатыми перекрытиями, также с кровлей местного типа, с окончанием всех фондов и объектов работы до 15 ноября.

Исполком облсовета и обком КП (б) К предупреждают Вас, что невыполнение плана строительства будет расцениваться как нежелание создать эвакуанаселению, пострадавшему от фашистских варваров, нормальных жилищных условий.

Виновных лиц в срыве строительства будем привлекать к строгой государственной и партийной ответственности.

О ходе строительства информируйте нас каждую пятидневку.

Зам. председателя исполкома областного Совета

А. Михеева

Секретарь областного комитета КП (б) К

В. Мельников

ГАКО. Ф.779. Оп.1. Д.223. Л.27. [Подлинник].

1. [Электронный ресурс] Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-sovetskogo-naseleniya-v-kazahstan-1941-1942-gg/viewer> (дата обращения 28.09.2020)

2. Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла. Сборник документов и материалов. Ред. коллегия: Ахметчин Г.Г., Дуанбаева А.М., Исмаилов С.С., Легкий Д.М., Семёнова В. Г., Укин К. У. и др. – Костанай: Печатный двор. 2010. – 508 с.

3. Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад. Монография. Ред. коллегия: Ахметчин Г.Г., Легкий Д.М., Саталкина Г.А., Семёнова В.Г., Укин К.У. и др. – Костанай: Костанайский печатный двор. 2013. – 854 с.

4. Каратаев А.В., Легкий Д.М. На фронте и в тылу. Кустанай в военные 1941–1945 годы. // Кустанай – Костанай: очерки истории. В 2 т. Т. 2. (с 1936 по 2013 гг.). Монография. Алексеев М.В., Ибраев Е.Е., Легкий Д.М., Каратаев А.В. и др. – Костанай: Костанайполиграфия. 2013. – 800 с.

**Об эвакуированных в Кустанайскую обл. детских домах,
положении воспитанников детских домов и розыске детей
(по документам Государственного архива Костанайской обл.)**

Казахстан в составе СССР наряду с другими союзными республиками участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Географическое положение Казахстана (удаленность от западных границ СССР) и исход боевых сражений позволяли ему находиться в глубоком тылу. В Кустанайскую обл. были эвакуированы промышленные предприятия и учреждения культуры, военные госпитали, детские дома. В период войны временный приют на территории Кустанайской обл. получили 32 149 человек, эвакуированных из прифронтовой полосы, среди которых 13 995 человек трудоспособных, остальные – старики, инвалиды и дети [1, с.1].

Из детских домов первым на территорию области был эвакуирован Дергачевский детский дом Харьковской обл. Телеграмма Наркомпроса КазССР в Кустанайский облоно от 9 октября 1941 г. извещала о том, что в распоряжение облоно направляется Харьковский детдом контингентом 300 человек. Следовало организовать прием и размещение [2, л.55]. В телеграмме директора детского дома Когана, отправленной в Кустанайский облоно из Илецка 16 октября 1941 г. с просьбой подготовить помещение, питание и транспорт, указано количество детей – 350 [2, л.56]. В письме в Наркомпрос от 3 ноября 1941 г. Кустанайский облоно ставит в известность, что Дергачевский детдом № 1 из УССР г. Харькова прибыл 21 октября 1941 г. с контингентом детей 270 человек и размещен в Федоровском детдоме, который заранее был освобожден и готов к приему эвакуированного детского дома [2, л.36]. В письме Кустанайского облоно в Наркомпрос КазССР от 4 декабря 1942 г. говорится о 300 воспитанниках, прибывших в составе Дергачевского детского дома Харьковской обл. [3, л.167]. Как мы видим, количество прибывших воспитанников Дергачевского детского дома в различных источниках варьировалось от 270 до 350.

Несмотря на то, что уже 20 октября 1941 г. Кустанайский облисполком телеграфировал Казсовнаркому Ундасынову, что детские дома Кустанайской обл. перегружены [2, л.22], Кустанайский облоно телеграфирует в Наркомпрос о прибытии 24 ноября 1941 г. Малаховского детгородка Московской обл. с контингентом – 432 человека и размещении в Боровском детдоме – 300, Мендыгаринском и Убаганском 64 и 68 соответственно [2, л.34] и 22 декабря 1941 г. – Павловского дет-

ского дома Воронежской обл. с контингентом 224 воспитанника, из них детдом им. Карла Маркса – 145, им. Калинина – 64, глухонемых – 12 [2, л.33]. По числу прибывших детей существенных расхождений не наблюдается.

Из письма Кустанайского облоно в Наркомпрос КазССР от 4 декабря 1942 г. видим, что Малаховский детгородок вначале был размещен как самостоятельный детдом, но после передачи всех помещений Боровской кумысолечебницы для организации туберкулезного санатория для больных бойцов, детей разместили в четырех существовавших детдомах: Мендыгаринском, Семиозерном, Убаганском и Урицком районах Кустанайской обл. Дети Павловского детского дома Воронежской обл. размещены на базе старых детских домов: Боровского школьного, Мендыгаринского и Федоровского [3,167].

В документах Кустанайского облоно за 1941 г. имеются телеграммы о направлении Ворошиловградского Лисичанского детдома с контингентом 91 и обслуживающим персоналом 11 человек [2, л.32] и 100 детей Сталинградского детдома [2, л.39], однако сведения об их приеме и размещении не обнаружены.

К концу 1941 г. контингент воспитанников детских домов Кустанайской обл. увеличился почти вдвое. В детские дома области влились порядка 966 воспитанников эвакуированных детских домов, тогда как по состоянию на 1 сентября 1941 г. в 9 детских домах Кустанайской обл. находилось 1179 детей (школьных детдомов – 7 с контингентом 932, дошкольный – 1 с контингентом 97, детский дом глухонемых – 1 с контингентом 79 с распределением по детским домам: Мендыгаринский – 167, Боровской дошкольный – 87, Пресногорьковский – 204, Урицкий – 189, Убаганский – 150, Семиозерный 120, Федоровский – 210, Карабалыкский – 99, детдом глухонемых – 79 [2, л.71].

В отчете в Наркомпрос указывалось, что дети эвакуированных детских домов, размещенных на базе старых детских домов, проживали в таких же условиях, как и все воспитанники. Из обмундирования не хватало теплой одежды, постельных принадлежностей, нижнего белья и кожаной обуви. Питание в детдомах неудовлетворительное. В централизованном порядке получали только хлеб, остальные продукты: мясо, жиры, крупы, молоко – должны были поступать из подсобного хозяйства, которое не могло удовлетворить больших потребностей детей. По решению облисполкома детские дома должны были получать только картофель и капусту.

Все эвакуированные дети школьного возраста обязаны были учиться и, как и все остальные школьники, принимать участие в сельскохозяйственных работах. В связи с этим для 5–10 классов учебный год начинался с октября и отменялись зимние каникулы [4, л.8]. Одним из основных и обязательных элементов нахождения в детском доме было трудовое обучение, которое проводилось в мастерских. В Мендыгаринском детском доме имелись прядильно-вязальная, сапожная и столярная мастерские. За пропуск мастерской без уважительной причины воспитанники подвергались взысканию [5, л.11 об.,12]. Часто работа мастерских была эпизодической из-за отсутствия сырья, ниток, запасных частей к швейным машинам, лесоматериала, гвоздей для столярных мастерских.

В отчете Кустанайского облоно в Наркомпрос говорится о том, что «налажено медико-санитарное обслуживание в детских домах. В штатах детских домов имеются врачи и медсестры, которые осуществляют контроль над санитарным состоянием детей. Никаких инфекционных заболеваний среди воспитанников детских домов нет. Были только 2 случая заболевания сыпным тифом, но приняты своевременные меры по госпитализации детей и дезинфекции всех помещений не дали распространить заболевание» [3,167]. Тем не менее, в приказах Мендыгаринского детского дома нередко встречается информация о выбытии воспитанников в связи со смертью [5, л.7, 13, 15, 38, 47]. Самой распространенной причиной смерти указан туберкулез.

Основная масса воспитанников детских домов, достигших 16 лет и считавшихся переростками, выпускалась из детских домов и подлежала трудоустройству в колхозы и совхозы. В соответствии с решением Кустанайского облисполкома от 2 декабря 1942 г. «считая в настоящих условиях трудоустройство 14–15 летних детей вполне нормальным явлением», требовалось изыскать в 1942 г. за счет неиспользованных ассигнований по детдомам необходимые средства в сумме 120 тыс. руб. на покрытие расходов по трудоустройству сверх плана 300 детдомовцев из расчета 400 руб. на человека [6, л.362]. Таким образом, количество трудоустроенных в колхозы детдомовцев достигло в общем 489 человек. Многих из них могла ожидать участь эвакуированного из г. Одессы Александра Каплана, изложенная в заявлении заведующему Кустанайским облоно, датированном 12 ноября 1941 г.: «Прошу меня определить в детдом в связи с тем, что я эвакуированный (из Одессы). Мать осталась в Одессе из-за отсутствия талона, отец на фронте. Я остался один с обмороженными в пути но-

гами, (прилагаю справку от доктора). Не имея никаких средств к существованию, поехал работать в колхоз «Новая Сила» (74 км. от Кустаная), но, к великому сожалению моему, для меня работы не оказалось, мои ноги отморожены, я совершенно не гожусь к полевой работе, поэтому председатель колхоза отправил меня обратно в город быками. В дороге я еще хуже отморозил ноги, отморозил руки. Думал, что живым до города не доеду. К счастью, доехал и прошу не отказать в просьбе, ибо я буквально погибну: средств к существованию не имею. Работы нет. В колхозе не могу работать. К тому же я один. Я не ел со вчерашнего дня, (я вчера приехал из колхоза) и поэтому прошу очень, пожалуйста, отправить побыстрее, ибо я умру с голода (без преувеличения!) Никто кроме Вас мне не может помочь и поэтому убедительно прошу помочь. Я окончил 7 классов, обещаю заниматься отлично, как подобает комсомольцу, очень хочу учиться. Прошу также определить меня в школу в 8 класс».

Одним из направлений выбытия воспитанников детских домов были школы ФЗО. Накануне войны зампред облсовета направил председателям райсоветов Кустанайской обл. письмо, датированное 10 июня 1941 г., о призыве в первую очередь воспитанников детских домов и воспитанников, трудоустроенных в колхозы, достигших 16–17 летнего возраста, в школы ФЗО [2, л.127]. Из приказов Мендыгаринского детского дома видно, что 21 августа 1943 г. 21 воспитанник выбыл в школу ФЗО, а 2 сентября 7 из них вновь зачислены в детский дом как не принятые [5, л.10]. Выбытие так же шло в Кустанайскую школу механизации, ремесленное училище, Алапаевский техникум [5, л.10 об., 13, 20 об.].

В соответствии с инструкцией о материальном обеспечении воспитанников, выпускаемых из детдомов, детские дома, производящие выпуск воспитанников, должны были обеспечить их необходимым обмундированием за счет фондов, отпускаемых централизованным порядком.

Каждый воспитанник, выпускаемый в самостоятельную жизнь – на производство, в колхозы и совхозы, в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, техникумы, интернаты средних школ и т. п., должен получить следующие предметы обмундирования: нательное белье 2 пары, костюм зимний 1 (для мальчиков), платье зимнее 1 (для девочек), платье летнее 1 (для девочек), рубашка верхняя 1 (для мальчиков), брюки летние 1 (для мальчиков), пальто зимнее 1, обувь новая 1 пара, чулки, носки 2 пары, головной убор 1, полотенце 1.

Кроме обмундирования каждый воспитанник должен быть обеспечен единовременным пособием в соответствии с бюджетными ассигнованиями на трудоустройство, кроме призванных в школы ФЗО, железнодорожные и ремесленные училища. Эти воспитанники обеспечивались денежными средствами на проезд до ближайшей железнодорожной станции и продуктами питания на время следования в пути до места назначения [2, л.119].

Отдельной категорией можно выделить выбывших к родственникам. В приказах Мендыгаринского детского дома за 1944 г. имеются сведения о выбытии Кацмана Михаила и Зюкиной Нины к матери, Грабельковских Фиры и Розы к родственникам и др. [5, л.12, 14, 18]. Этот вопрос наиболее сложным был особенно для эвакуированных детей, т. к. родители или другие родственники не всегда знали о местонахождении детей.

В целях облегчения розыска детей с ноября 1941 г. вводился учет прибывающих по эвакуации детдомов и детей независимо от их прибытия в организованном порядке или индивидуально [2, л.23]. Для этого всем директорам детских домов предлагалось немедленно составить список воспитанников строго по прилагаемой форме и представить к 1 декабря 1941 г. В дальнейшем по мере поступления нового контингента представлять данные по этой же форме каждого 1 числа нового месяца. В списке воспитанников детдома следовало заполнить 8 граф: 1) фамилия, имя, отчество, 2) год рождения, 3) образование (указать класс), 4) когда и откуда прибыл в данный детдом, 5) национальность, 6) имеются ли родители или другие родственники с указанием фамилии, имени, отчества, 7) адрес родителей, 8) когда и куда выбыл воспитанник [2, л.30].

В фонде Кустанайского облоно сохранилась переписка о розыске детей.

На запрос от 17 февраля 1942 г. о розыске Реформатского Юрия Георгиевича, 7 лет, до войны ввиду болезни его матери находившегося в Харьковском первом Дергачевском детдоме [7, л.53], сектор детдомов Кустанайского облоно сообщает, что в детских домах Кустанайской обл. таковой не числится и что дошкольного возраста дети Дергачевского детдома выехали вместе с Карачаевским еврейским детдомом по направлению г. Алма-Ата [7, л.52].

На телеграмму о розыске Баталова Александра Александровича сектор детских домов Кустанайского облоно сообщил, что он находится в Боровском школьном детдоме, здоров и чувствует себя хорошо [7, л.55].

Гораздо больше встречается отрицательных ответов. На письмо в облздравотдел от 19 ноября 1942 г. с просьбой сообщить, не находится ли на территории области эвакуированный из г. Ельца Орловской обл. детский тубсанаторий им. Семашко [7, л.56], облоно сообщает, что в Кустанаской обл. такового нет [7, л.57]. «На Ваш запрос о розыске детей Волковых или Швальник Варвары 14 лет, Софии 11 лет, Владика 6 лет сектор детских домов сообщает, что в детдомах Кустанайской обл. вышеуказанных детей не числится» [7, л.61]. Сектор детдомов облоно сообщает, что Левиной Анны и Левина Леонида в детдомах Кустанайской обл. не числится [7, л.62]. «На Ваш запрос о розыске сына Грикитиса Элмарс Вольдемаровича сектор детдомов облоно сообщает, что в детдомах Кустанайской обл. Вашего сына нет» [7, л.63]. «Сектор детдомов и дошкольных учреждений Кустанайского облоно сообщает, что на территории Кустанайской обл. эвакуированного детского дома горпарактива партизан из г. Славянска Сталинградской обл. нет» [7, л.71]. «На ваш запрос о розыске детей Капнер Мани – 16 лет, Лоры – 14 лет, Ривы – 12 лет, Иды – 15 лет сектор детских домов облоно сообщает, что в детдомах нашей области вышеперечисленных детей нет» [7, л.69]. «Сектор детдомов облоно сообщает, что в детдомах Кустанайской обл. Гурвич Рома Лазаревич не числится, эвакуированных детсадов из г. Минска нет» [5, л.73]. На запрос о розыске Лукьяновой Бианиды Емельяновны, 16 лет, сектор детских домов Кустанайского облоно в апреле 1942 г. сообщил, что в детдомах Кустанайской обл. Лукьянова Бианида не числится [7, л.74]. «На ваш запрос о розыске Рубинчика Абрама Максевича, 1927 г. р. сектор детдомов Кустанайской обл. сообщает, что в детдомах Кустанайской обл. Рубинчика Абрама нет» [7, л.78].

В 1941 г. из детских домов Кустанайской обл. возвращено родителям 32 ребенка, но отдельного учета, сколько из них детей эвакуированных, в облоно не велось [3, л.167].

В 1942 г. Наркомпрос КазССР дал разъяснения, что воспитанники детских домов и интернатов, у которых нашлись родители или близкие родственники, возвращались последним по их требованию за счет средств текущего содержания детского дома или интерната.

Прежде чем направить ребенка к родителям, необходимо было установить точный адрес родителя и получить пропуски. Направлять детей к родным следовало в сопровождении представителя детдома или обл. (рай)гороно с материалами переписки с родными и с отношением облоно, требовать от сопровождающего расписку в приеме ребенка, которая прикладывалась к делу ребенка, отправлять детей с

полным обеспечением обмундирования (годным к носке) за счет детского дома, а также обеспечивать продуктами питания на следование в пути [8, л.115].

Согласно постановлению СНК СССР от 11 марта 1945 г. № 4004-Р детские дома, эвакуированные во время войны вглубь страны, подлежали возвращению в порядке реэвакуации. Реэвакуации подлежал и Федоровский детский дом, эвакуированный в свое время из с. Дергачи Харьковской обл. Постановлением СНК СССР предусмотрена необходимость реэвакуации детских домов со всем принадлежащим им имуществом [9, л.67]. Сведения о реэвакуации Малаховского детского дома Московской обл. и Павловского детского дома Воронежской обл. в документах Государственного архива Костанайской обл. отсутствуют.

1. Государственный архив Костанайской области (ГАКО). Ф.П-72. Оп.8. Д.92.

2. Ф.Р-250. Оп.1. Д.168.

3. Там же. Д.250.

4. Ф.Р-394. Оп.1. Д.14.

5. Ф.Р-1526. Оп.1-л. Д.176.

6. Ф.Р-268. Оп.1. Д.448.

7. Ф.Р-250. Оп.1. Д.98.

8. Там же. Д.201.

9. Там же. Д.221.

Шаяхметов Р.Р.

У нас дома во время войны

Войну ждали. Это чувствовалось по общей ситуации в стране, художественным фильмам, кинохронике, газетам того времени. Об этом свидетельствуют воспоминания о том периоде и рассказы старших родственников. Если добавить к этому материалы архивных изысканий, то картину того времени можно восстановить на примере семьи моего деда Жумабая Шаяхметова. В то время он работал вторым секретарем Центрального Комитета партии и жил в Алма-Ате вместе с женой и тремя детьми по адресу: проспект Сталина, 105^{1*} угол ул. Джамбула.^{2*}

Шаяхметовы жили в доме, ворота которого выходили на столовую Казкрайкома. Строение входило в группу из нескольких казенных одноэтажных коттеджей, которые занимали ответственные работники партии и правительства. В частности, соседями Шаяхметовых были Алиби Джангильдин – революционер и путешественник, Василий Канарейкин – председатель партийной комиссии КП (б) Казахстана, Нуртас Ундасынов – председатель Совета Народных Комиссаров

^{1*} Ныне пр. Абылай хана.

^{2*} До 1938 г. ул. Госпитальная.

(СНК) Казахской ССР, с семьей которого дружили с 1938 г., когда переехали на работу в Алма-Ату. Шаяхметовы – из г. Петропавловска, а Ундасыновы с двумя сыновьями, Искандером и Генихом, – из г. Семипалатинска. Все эти дома были огорожены деревянным зеленым забором по периметру улиц Исыкульская^{1*} – Калинина^{2*} – Сталина – Джамбула. В заборе между их домами не было пары досок, что было весьма кстати, т. к. дети постоянно вместе играли и носились из одного двора в другой. На углу пр. Сталина и ул. Калинина стоял продовольственный магазин «Казмаслопром». В городе этот район неофициально назывался «Кремль». После 1953 г. домики снесли и на их месте начали строить капитальные жилые дома – так называемые «сталинки», в одном из которых разместился знакомый с детства многим алматинцам гастроном «Столичный» или сокращенно ЦГ, т. е. центральный гастроном.

Дом Шаяхметова состоял из столовой, гостиной, кабинета, спальни и детской. Еще были кухня, ванная, туалет и веранда. Мебель была казенная, стандартная – железные «солдатские» кровати с панцирной сеткой. Все дети любили такие кровати, потому на них можно было прыгать, как на батуте. В комнатах стояли два дивана, сервант, буфет, столы, стулья, два кожаных кресла, книжные шкафы, которые изготавливались в Финляндии для советской номенклатуры со времен Ленина. Еще в доме было две печи. Одна из них – «голландская» – стояла в центре дома и обогревала все комнаты. Другая печь была на кухне, где готовили еду. В ней же можно было испечь в золе картошку, которую так любил Жумабай. В доме часто гостили родственники, особенно перед войной.

Примерно такая же обстановка была и в других домах. Так, Изгилик Дабаев, заведующий отделом наград Президиума Верховного Совета Казахской ССР, советник Алиби Джангильдина, в своей книге «XX век: портреты выдающихся деятелей» вспоминает квартиру Джангильдина в таком доме: «Жил он в трехкомнатной квартире в одноэтажном доме на углу улиц Калинина и Мира. Отопление печное, холодная вода; в зале – его портрет чрезвычайного комиссара Степного края, рояль, книжный шкаф, несколько старых стульев, железная кровать» [1].

Шаяхметов жил в доме с супругой Майнур, сыновьями Равилем, Ноэлем, Владимиром и дочерью Алмой. Володя был усыновлен Жумабаем в 1941 г., когда стали прибывать эшелоны с детьми, родители

^{1*} Ныне ул. Желтоксан.

^{2*} Ныне ул. Кабанбай батыра.

которых погибли в первые месяцы войны на западных территориях Советского Союза. Володя, урожденный Малько, 1938 года рождения, прибыл из Харькова. Ему было тогда три года. Он был записан, как Владимир Жумабаевич Шаяхметов, казах. В дальнейшем он научился хорошо говорить по-казахски, вырос открытым, доброжелательным человеком, хорошим семьянином. Его дочери, Татьяна и Виктория, до замужества носили фамилию Шаяхметовых.

Еще в доме жила Асма – близкая родственница со стороны Майнур со своей дочерью Сарой, ровесницей и верной подругой Алмы. Какое-то время она ходила в детский сад № 20, что располагался на другой стороне проспекта Сталина, и Алма ей очень из-за этого завидовала. Удивительно, но этот довоенный детский сад сохранился и работает до сих пор.

В феврале 1941 г. Шаяхметов принял участие в работе XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП (б). К тому моменту Вторая мировая война была уже в разгаре. Сталин обратил внимание делегатов на настоятельную необходимость укрепления промышленной базы на востоке СССР, в т. ч. в Казахстане. В годы Великой Отечественной войны это сыграло важную роль. Тогда же был создан институт секретарей по промышленности и транспорту в обкомах и в ЦК союзных республик.

Ранним утром 22 июня 1941 г. война пришла практически в каждый дом большой страны: мирная созидательная жизнь людей была нарушена. В этот день во многих районах Алма-Аты прошли собрания. На 25-тысячном митинге в Парке культуры и отдыха Жумабай Шаяхметов обратился ко всем казахстанцам с речью, в которой призвал народ подготовиться к суровым испытаниям и перестроить свою работу на военный лад, направить все силы на разгром врага, проявить «ответственность, сознательность, бдительность, самоотверженность, героизм, воинственность и подтянутость» [2].

Казахстан превратился в мощный арсенал фронта. Для оперативного решения неотложных вопросов была выделена пятерка членов бюро ЦК КП (б) Казахстана с конкретным распределением обязанностей. Первый секретарь ЦК Николай Скворцов собрал слаженную команду управленцев-практиков, на которую он мог смело опереться. Сам он отвечал за мобилизационную работу, партийное строительство, профсоюзы, комсомол. Шаяхметов курировал промышленность, строительство, транспорт, связь, торговлю. В круг обязанностей Ундасынова входили сельское хозяйство, финансы, советская работа [3]. Шаяхме-

тов отвечал также за размещение на территории Казахстана гражданского населения, промышленных и оборонных предприятий, вузов, культурно-просветительских учреждений, научно-исследовательских институтов, сотрудников, специалистов, членов их семей, эвакуированных с западных территорий СССР, а потом и за решение социально-бытовых вопросов депортированных народов. Эти вопросы оперативно решались совместно с секретарем ЦК Койшигуловым, внесшим большой вклад в судьбу автомата Калашникова, Ундасыновым, председателем СНК и его первым заместителем Заговельевым и многими др. С апреля 1942 г. к этой команде присоединился Д. Кунаев, который стал заместителем председателя СНК по союзной промышленности и транспорту. С этого времени он часто приходил в дом Шаяхметовых.

Осенью 1941 г. в столицу Казахстана были эвакуированы многие учебные заведения и учреждения культуры. Среди них Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК), киностудии Ленфильм и Мосфильм, на базе которых была создана Центральная объединенная киностудия (ЦОКС).

В Алма-Ате собрался весь цвет советского кинематографа. Многие из известных его деятелей бывали в доме Шаяхметова. Дети Жумабая вспоминали эти встречи, в частности, известного советского актера Николая Черкасова, который снимался в то время в историческом фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Черкасов рассказывал, что съемки проходили после полуночи, когда киностудия могла получать в необходимом объеме электроэнергию, которую днем направляли на нужды военных предприятий. Он в красках описывал, как ему по многу часов накладывали грим, ведь он играл царя Ивана Грозного, который по ходу фильма проживал жизнь длиною в 30 лет, а это 16 возрастных гримов, начиная с 17-летнего возраста. В то время самому Черкасову было под 40.

Мой отец Равиль, старший сын Шаяхметова, вспоминал, как Черкасов рассказывал детям о том, как снимали любимый всеми приключенческий фильм «Дети капитана Гранта» по одноименному роману Жюль Верна. В поисках пейзажей, похожих на природу Патагонии и Кордильер, съемочной группе пришлось преодолеть тысячи километров на всех доступных тогда видах транспорта. Необходимая натура была найдена в заповеднике Аскания-Нова, в предгорьях Эльбруса, в Чегемском ущелье, у водопадов Твиберского перевала, на вершинах Тихтингена, склонах Башиля и в других местах, включая Парголовские холмы под Ленинградом. Это было настоящее путеше-

ствии, как в самом романе! Черкасов играл, пожалуй, наиболее привлекательного в фильме героя – Жака Паганеля, чудаковатого, высокого, худощавого, ироничного, но отважного ученого-географа, очень подходившего по фактуре самому Черкасову, рост которого был 1 метр 98 см! Незабываемое впечатление оставили у детей исполнение самим Паганелем ставшей популярной в стране песенки отважного капитана и возможность подпевать ему знаменитый припев: «Капитан, капитан, улыbnитесь, ведь улыбка – это флаг корабля. Капитан, капитан, подтянитесь, только смелым покоряются моря!».

Однажды в воскресный день Черкасов пришел в дом Шаяхметовых вместе с Сергеем Эйзенштейном, которому нужна была помощь в решении организационных вопросов в съемках «Ивана Грозного», проходивших не только в Алма-Ате, но и под Каскеленом. Вместе с ним был Лева – молодой помощник великого режиссера. Как потом выяснилось, это был Лев Аронович Инденбом. «Молодой Инденбом в условиях войны и эвакуации киностудии доставал Эйзенштейну необходимую литературу, вел переговоры с историками, а главное, работал в библиотеках (Москвы, Ташкента, Новосибирска и др., куда постоянно наезжал и оттуда посылал письма Эйзенштейну), делал выписки из исторических сочинений и составлял исторические справки. Инденбом настолько оказался полезен Эйзенштейну, что после первой серии фильма из ассистента был переведен вторым режиссером, а во время съемок второй серии стал соавтором. По согласованию с режиссером он редактировал сценарий, текущие съемки часто обсуждали вдвоем. Инденбом читал и делал выписки из сочинений, которые сам Эйзенштейн не успевал осваивать» [4].

Мой отец вспоминал, что ему тогда Эйзенштейн подарил рисунок из своих раскадровок к фильму «Иван Грозный» и как Черкасов, прощаясь с Шаяхметовым, сказал: «Жумабай Шаяхметович, приходите завтра в павильон, я Казань брать буду!».

Многие знали, что если ваше дело служит на благо общества и государства, то надо обращаться к Жумабаю Шаяхметову, который решает вопросы оперативно. Наталия Сац, выдающийся театральный режиссер и драматург, в своей книге воспоминаний «Новеллы моей жизни. Книга вторая» пишет, что главной темой ее жизни оставалась любовь к детям, любовь к искусству, к ним обращенному, хотя это так мало соответствовало духу военного времени. Письма о том, что в Алма-Ате должен быть создан первый театр для детей и юношества в Казахстане, она начала писать уже после первого организованного ею

утренника. Наталья Сац вспоминает: «И вот на одно из моих писем приходит ответ. Мне назначен прием у т. Шаяхметова! В приемной второго секретаря ЦК КП (б) Казахстана меня встретил его помощник и точно в назначенное время подвел к дверям большого кабинета.

За столом, отягощенным множеством бумаг и телефонов, я увидела маленького человека, с круглым лицом и острыми глазами. ...

Я заметила лежащую около него раскрытую папку...с моими письмами! Может, сердится, что я всем надоедаю...Не надо паники. Делаю то, что должна, во что верю. Дошла до секретаря ЦК. Высоко будет падать.

Он говорит тихо, очень четко. Смотрит пристально, не улыбается, но я хорошо чувствую себя на «острие» его глаз.

И я заговорила, сдерживая горячность:

– Мне говорят – война, новое создавать не время. Как – не время? Отцы на фронте, матери на работе, а заглянуть в сердце десятилетнему человеку, дать ему радость, веру нужно именно сейчас, чтобы детский театр стал большим другом, когда...

Шаяхметов встал и протянул мне крепкую руку.

– Театр для детей всех национальностей, что живут у нас, создавать будем. На русском, вслед ему – на казахском, первый Театр для детей и юношества Казахстана. Ваш опыт нам очень нужен. Спасибо.

Я вышла, ошарашенная краткостью и строгой деловитостью нашей встречи» [5].

Однажды вместе с театральными деятелями на встречу в доме Шаяхметовых пришла выдающаяся балерина Большого театра СССР Галина Уланова. Бабушка по простоте душевной обратила внимание на её дорогой макинтош и резиновые боты, надетые на толстые шерстяные носки. «Ноги – главный инструмент балерины, их надо беречь», – с улыбкой сказала Галина Сергеевна. Она почти год была солисткой нашего оперного театра, танцевала партии Жизель и Марии, выступала в госпиталях для раненных. В 1943 г. ей было присвоено почетное звание «Народный артист Казахской ССР». Уланова была самой титулованной балериной Советского Союза.

Часто приходила Вера Марецкая, которая стала подругой Майнур Галиевны, играла с детьми в прятки, брала их на съемки фильма «Она защищает Родину». В 1943 г., когда съемки фильма подходили к концу, пришла весть о гибели её второго мужа Юрия Троицкого, любимого Троши. Она очень тяжело перенесла эту потерю и замуж больше не выходила. У сына Жумабая Ноэля сохранилась фотография с её теплой надписью с пожеланиями.

В течение всех военных лет Шаяхметов много ездил по Казахстану, особенно часто бывал в Гурьеве.^{1*} Сафи Утебаевич Утебаев, почетный нефтяник СССР, заслуженный деятель науки и техники Казахской ССР, почетный гражданин Атырауской обл. и Актау, а также Жанаозена вспоминал: «Жумабай Шаяхметов во время войны месяцами находился в Гурьеве. В те годы остро ощущалась ежедневная потребность в нефти Эмбы. Не оттого ли, днем и ночью велись работы? Работа кипела, не замирая ни на секунду, и всем этим руководил Жумабай Шаяхметов, секретарь Центрального комитета компартии Казахстана. Именно поэтому он в основном пребывал в Гурьеве. Дорогой Жумекен...» [6, с.121]. Об итогах работы нефтяной промышленности Казахстана за 1941 г. и мероприятиях по выполнению плана нефтедобычи в 1942 г. Шаяхметов докладывал на бюро ЦК КП (б) Казахстана 26 января 1942 г. [7]. А уже в «марте 1942 г. за героизм группа нефтяников была отмечена правительством страны. Жумабай Шаяхметов провел в Гурьеве торжественное собрание, чтобы вручить награды отличившимся нефтяникам. Тогда он лично пристегнул на лацкан Сафи орден «Знак Почёта» [6, с.120].

Во время частых перелетов по Казахстану попутчиками Шаяхметова были самые разные люди – специалисты, ученые, военные, изобретатели, корреспонденты... Запомнилась встреча с Романом Карменом, известным советским кинорежиссером, кинооператором, кинодокументалистом, сценаристом, одним из 15 фронтовых кинооператоров, которые участвовали в создании документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой» – первого советского фильма, получившего в 1943 г. премию Американской киноакадемии «Оскар» в категории «Лучший документальный фильм». На память об этой встрече Роман Кармен подарил Шаяхметову книгу «Год в Китае: записки кино-журналиста», воспоминания о войне китайского народа против японских захватчиков, с надписью «Уважаемому т. Шаяхметову на память о встречах на воздушных просторах Казахстана. Роман Кармен, 1943 г.».

Во время войны трудовые будни ответработников были интенсивными. Как вспоминала дочь Шаяхметова Алма: «У папы был очень напряженный рабочий день, продолжительностью 13–15 часов. К 9 часам утра он уезжал на работу и возвращался домой к 6 часам вечера. После ужина он ложился спать, а в половине 11 ночи я его будила, и он снова ехал на работу до 3-х, 4-х часов ночи. А на следующий

^{1*} Ныне г. Атырау.

день снова на работу к 9 часам. И так в течение 6 дней. Иногда к концу дня я приходила к нему на работу и видела у него на рабочем столе пепельницу с горой окурков. Он за день выкуривал по 2 пачки папирос «Казбек», иногда он курил трубку, табак «Золотое руно» [8].

Одним из важных дел своей жизни Шаяхметов считал открытие в 1944 г. Женского педагогического института. Казахским девушкам получить высшее образование было очень трудно. Нужна была уверенность родителей за будущее своих дочерей и средства доехать до столицы, ведь какие в Казахстане огромные расстояния! А тут государство выделяло деньги на обучение, учебники, питание, проживание и одежду. Шаяхметов был на приеме у наркома (министра) финансов СССР Арсения Зверева по поводу выделения средств для столь уникального не только для Востока института. Своим коллегам Шаяхметов говорил, почему многие видные казахские деятели женятся на русских, татарках и еврейках? Потому что они образованные, с ними есть о чем поговорить, поспорить, поэтому надо создать казахским девушкам условия для получения полноценного образования и возможности делать карьеру не только на ниве сельского хозяйства и просвещения, но и в других сферах, включая государственную. Судя по повесткам заседаний бюро ЦК партии, гендерным вопросам, как теперь говорят, уделялась большое внимание.

Шаяхметов проработал со Скворцовым плечом к плечу семь лет. Особенно тяжело было в военные годы. Тогда они практически подорвали здоровье. Скворцов доверял Шаяхметову самые ответственные задания и участки работы, зная, что он не подведет, что он пользуется авторитетом и доверием у народа, государственного и партийного аппарата, свободно владеет казахским и русским языками. В личном архиве нашей семьи сохранилось письмо Скворцова Шаяхметову, которое он написал 5 августа 1945 г. в Кисловодске, после перевода его на работу в Москву. В частности, Скворцов пишет: «Провожу время вполне организованно, много читаю особенно художественную литературу, аккуратно слежу за газетами и конечно прежде всего в газетах интересуюсь жизнью родного близкого мне Казахстана. Почти 1/6 всей своей не многолетней жизни я прожил в Казахстане, а какие это были годы, это могут понять и почувствовать только такие мои друзья и товарищи как Вы, с которыми я рука об руку, добросовестно не считаясь со здоровьем, боролись и трудились на благо нашей Родины, для родного казахского народа, для его дальнейшего благосостояния и счастья. А сколько было трудностей и невзгод, особенно в годы

войны. Да есть чем вспомнить нашу совместную работу и дружбу. Где бы мне ни пришлось работать, куда бы ни забросила меня судьба, я всегда и всюду буду с благодарностью и с чувством гордости вспоминать наш родной и близкий моему сердцу Казахстан и Казахский народ, Вас моих друзей и товарищей и прежде всего тех, которые все эти долгие семь лет плечом к плечу работали со мной. Сейчас имею большую возможность и время подвести итоги работы в Казахстане, хотя бы несколько обобщить весь тот богатейший опыт, который накоплен на всех участках организационной работы, приходишь к интересным выводам.

Конечно, много хорошего и правильного было в методах и формах работы, но ещё больше, кажется сейчас, можно и нужно было сделать.

Семья в Москве. 12.09 буду в Москве. Шлю горячий привет семье, а также товарищам по работе.

С приветом ув. Вас Скворцов

В получении этого письма черкните, сообщите о себе, о семье и товарищах» [9].

В семейных воспоминаниях Николай Александрович и его супруга Елена Васильевна Скворцовы остались теплыми и преданными людьми. У них была дочь Галина и приемный сын Борис. Я с ним разговаривал только по телефону в один из своих приездов в Москву в 2006 г. Он очень обрадовался, когда узнал, что я сын Равиля: «Ринат, как я любил твоего папу, твоего деда, всю вашу семью! Нам надо обязательно встретиться, только я болею, обязательно мне перезвоните». К сожалению, к тому моменту, когда я перезвонил, Борис Николаевич уже скончался.

История усыновления Владимира и Бориса семьями Шаяхметовых и Скворцовых восходит к первым месяцам войны. «В 1941 г. в нашу республику в порядке эвакуации прибыло 109 детских домов с контингентом 12 832 воспитанника» [10, л.48.], а уже «на 1 октября 1942 г. в Казахской ССР насчитывается 159 детских домов с контингентом 23 320 детей. В 1942 г. с августа месяца из южных областей Советского Союза прибыло еще 18 детдомов с контингентом 1934 человека. Кроме того, в КазССР имеется 15 московских школьных интернатов, в которых живут 2152 человека» [10, л.42].

Дети размещались в основном в Алма-Атинской, Джамбульской, Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Семипалатинской областях. На заседаниях бюро ЦК КП (б) Казахстана регулярно выносились вопросы «О состоянии детских домов», «Помощь эвакуирован-

ным детям», «О состоянии детдомов и интернатов республики», где обсуждались вопросы, касавшиеся состояния медицинского обслуживания, питания, обеспеченности обувью и одеждой, воспитательной работы, патронирования и усыновления.

Взяв на воспитание двух мальчиков, родители которых погибли под бомбежками в первые месяцы войны, Скворцов и Шаяхметов подали людям пример. Ему последовали многие семьи по всей республике. Некоторые из них усыновляли сразу по несколько детей, нашедших в Казахстане не только вторую родину, но и родной дом.

Было еще много интересных, драматических и исторических событий в течение 1418 дней войны, завершившейся долгожданной победой, которую Шаяхметовы встретили в том доме на пр. Сталина, 105. Через год Жумабая избрали первым секретарем ЦК КП (б) Казахстана и семья переехала в дом на Фурманова^{1*} – Курмангазы, но это уже другая история.

1. Дабаев И. XX век: Портреты выдающихся деятелей: серия очерков. – Алматы, 2012. – С.143.
2. Казахстанская правда. – 22 июня 1941 г., экстренный выпуск.
3. АПРК. Ф.708. Оп.5/1. Л.3. Предисловие, 1941 г.
4. Илизаров Б.С. Сталин, Иван Грозный и другие. – М., Вече, 2019. – С.420, 421.
5. Сац Н.И. Новеллы моей жизни. Книга вторая. – М., Искусство, 1984. – С.3–5.
6. Сафин Н. Сафи Утебаев. Знатные нефтяники земли казахской. – Алматы, 2009.
7. АПРК. Ф.708. Оп.6/1. Д.109. Л.52.
8. Хисматуллина А. Глазами дочери. В кн. Воспоминания о Жумабае Шаяхметове. – Астана: Аударма, 2002. – С.194.
9. Письмо Скворцова Шаяхметову. Личный архив Шаяхметовых.
10. АПРК. Ф.708. Оп.6/1. Д.548.

Кубик Н.А.

Из истории депортации польских граждан на территорию Павлодарской обл. в 1939–1946 гг.

Депортация представителей отдельных народов и национально-этнических групп во внутренние районы СССР, в т. ч. и в Казахстан, началась в предвоенные годы. Целесообразность этой акции объяснялась обеспечением безопасности страны. Так, в конце 1937–1938 гг. в Казахстан были переселены курды, армяне, турки, ассирийцы и другие представители различных этнических групп, выселенные из Азербайджана и Армении, в 1939–1940 гг. депортации подверглись поляки.

В результате сговора с гитлеровской Германией в сентябре 1939 г. и в июне 1940 г. Советский Союз занял восточные территории довоенного польского государства. Восточная Польша стала частью СССР.

^{1*} Ныне пр. Назарбаева.

Эти территории образовали западные области Белорусской и Украинской ССР, а также частично отошли к Литовской ССР. Советский режим в несколько приемов провел насильственное выселение вглубь страны больших групп жителей этих регионов как социально опасных элементов. В 1940 г. были проведены 3 операции по массовому выселению, начатые 10 февраля, 13 апреля и 29 июня. В мае и июне 1941 г. на разных территориях последовательно была проведена четвертая операция. Депортации гражданского населения стали самым массовым видом репрессий 1939–1941 гг. на захваченных территориях.

Население Восточной Польши было многонациональным: на этих землях издавна проживали украинцы, белорусы, поляки, евреи, русские, литовцы, татары, цыгане, при этом польское еврейство составляло по разным подсчетам от 8 до 10% местного населения [1]. Вследствие миграции в СССР польскими гражданами из них признавались лишь лица польской национальности, жившие на территории западных Украины и Белоруссии до 1–2 ноября 1939 г., и те переселенцы из Литвы, чьи места проживания находились в пределах польского государства. Лица украинской, еврейской и других национальностей в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. считались гражданами СССР, исключение для них делалось лишь в том случае, если они прибыли на территорию западных Украины и Белоруссии из Польши после 1–2 ноября 1939 г. [2, л.55 об.].

Не позднее 26 августа 1941 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление об освобождении из мест заключения, ссылки, высылки осужденных, а также находящихся под следствием польских граждан и разрешении им свободного проживания на территории СССР, за исключением пограничных районов, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категорий.

В Павлодарскую обл. были высланы, в основном, спецпереселенцы, прибывшие из западных областей Украинской и Белорусской ССР с территорий, оккупированных немцами. По состоянию на 25 сентября 1940 г. в области числилось спецпереселенцев-поляков 11 201 чел. [3]. Польских граждан по сведениям на 20 декабря 1941 г. – 9233. Большая их часть была расселена в Баянаульском, Павлодарском районах и г. Павлодаре. В условиях нехватки материальных и продовольственных ресурсов приезд такого количества переселенцев

обострил обстановку в регионе. Все они нуждались в продовольственном и материальном обеспечении, создании жилищно-бытовых условий. Этими вопросами занимались местные исполнительные органы [4]. Однако им далеко не всегда удавалось справиться с поставленной задачей.

Формально бывшие польские граждане считались эвакуированными, фактически были ограничены в правах также, как и представители других депортированных народов. Спецпереселенцы были обязаны соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться указаниям и распоряжениям спецкомендатуры НКВД. За нарушения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа или ареста. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой НКВД. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Так, например, Гавенда Збигнев Франчишкович за побег из места высылки (с. Качиры Максимо-Горьковского,^{1*}) 30 декабря 1940 г. был осужден Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей [5].

После зажиточной Польши жизнь в Казахстане в условиях военного времени оказалась для бывших польских граждан непростым испытанием. Объединенные общей бедой старались держаться вместе, оказывая друг другу моральную поддержку. Собираясь на квартирах, в частных беседах они высказывали недовольство бытовыми и материальными условиями, запретом на свободное передвижение, несогласие с административными порядками советского государства. Часто эти беседы становились причиной ареста, поскольку критика советской власти со стороны бывших иностранно-подданных расценивалась как антисоветская деятельность, профашистская агитация.

Бывшие в Польше заводчиками Шмуш Иосиф Абрамович, Енатансон Наум Шаевич и происходящий из семьи фабриканта Щупак Моисей Мордкович были осуждены в 1940 г. как социально-опасные элементы. После отбытия наказания прибыли в Павлодарскую обл., где «не прекратили свою вражескую работу против советской власти, а продолжили в форме проведения контрреволюционной агитации среди населения. Антисоветская деятельность Шмуш и Енатансона носила организованный характер, свою агитацию они проводили на

^{1*} Ныне Качирского р-на.

квартире Шмуш среди поляков-спецпереселенцев... Систематически собираясь на квартире, Шмуш и Енатансон возводили клевету на жизнь трудящихся в СССР, противопоставляя жизни в бывшей Польше, а также не препятствовали контрреволюционным выпадам других лиц». Шмуш И.А., Енатансон Н.Ш., Щупак М.М. были осуждены на 8, 10 и 7 лет лишения свободы по ст. 58-10 ч. 2^{1*} [6].

Летом 1941 г. после восстановления дипломатических отношений между СССР и Польшей на территории Советского Союза была создана Сеть представительств (делегатур) польского посольства [7], главной функцией которых была опека над своими гражданами. В местах массового проживания польских граждан из числа поляков избирались доверенные лица, задачей которых было выявление всех категорий польского населения, нуждавшегося в поддержке. Делегатуры занимались консульскими вопросами (гражданство и выдача паспортов), вопросами амнистии и освобождения польских граждан из тюрем, лагерей и поселения. В их ведении также находилось трудоустройство, размещение, опека польских граждан, в частности, распределение гуманитарной помощи, организация детских домов для польских детей, хозяйственно-бытовые вопросы и др.

В г. Павлодаре деятельностью польских граждан в 1941 г. руководил ротмейстр Свенцицкий (по другим документам – Свинтицкий) Казимир, имевший 37 представителей в районах. Главной задачей был учет количества польских граждан в области, их трудоустройство, мобилизация в Польскую армию [8].

В списке первоочередных задач представительства в июне 1942 г. значилась организация пунктов питания для детей и неспособных к труду, организация складов, покупка коров, направление польских граждан на работу, организация курсов для польских граждан, в первую очередь, санитарно-лабораторных, подготовка польских детей к приему в советские школы [2, л.2об.].

^{1*} Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 – 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении влекут за собой расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнание из пределов СССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/58-%D1%8F_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F (дата обращения 25.02.2020 г.).

Наиболее остро перед представительством стояла задача обеспечения питанием, поскольку среди прибывшего населения основную массу составляли нетрудоспособные лица, не получавшие продовольственный паек, положенный работающим. Представительство было обеспокоено положением польских граждан, особенно проживающих в пос. Майкаин и в целом в Баянаульском р-не, поскольку нетрудоспособные иждивенцы, старики, дети и инвалиды вынуждены были питаться только хлебом за неимением горячей пищи. Обследуя их санитарное состояние, врач представительства Сковроньская в докладной записке представителю Ликкиндорфу отмечала, что значительная часть польских граждан не была трудоустроена и не получала хлеб. Воду приходилось добывать из талого снега и луж. В пос. Майкаин имелись случаи смертей от истощения [9].

В марте 1942 г. с согласия местных властей и при их помощи представительством были организованы детские площадки как питательные пункты для детей польских граждан. Этими пунктами могли пользоваться дети-сироты, дети рабочих и инвалидов, неспособных к труду, а также больные и истощенные вследствие недоедания дети. Для питания выделялась мука из спецфондов области, а также использовались продукты, полученные из Америки и Англии. Например, в помещении по ул. 1 Мая, 76 в г. Павлодаре докармливались 283 ребенка и 137 пожилых людей и инвалидов, всего 420 чел. [2, л.32].

Голод и нужда, отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий гнали переселенцев в город. На 15 июня 1942 г. в Павлодаре числилось около 800 польских граждан, из них взрослых трудоспособных 600 чел., большинство из которых не работали [2, л.46].

После осложнения советско-польских отношений в 1943 г. польские представительства на территории СССР, в т. ч. и Казахстана, были закрыты. Паспортам и удостоверениям, выданным представительством польского посольства в Павлодарской обл. в 1942/1943 г., советская власть отказала в легитимности. Практически одновременно с ликвидацией представительств в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 января 1943 г. на местах спецпоселения продолжилась принудительная паспортизация лиц, ранее состоявших в польском гражданстве, начатая в 1939 г. после раздела Польши, в результате чего положение переселенцев в правовом отношении еще более ухудшилось [1].

Арестам за отказ от получения советского паспорта были подвергнуты Рейман Пинхус Моисеевич, Цибульский Ханан Семенович и многие др., сохранившие польские документы и именно с их наличи-

ем связывавшие надежду вернуться на освобожденную от фашистов польскую землю.

Такое обвинение было предъявлено в 1943 г. и Сегал Моисею Фишелевичу, высланному в 1940 г. в административном порядке в Павлодарскую обл.

Моисей Сегал родился в г. Замбров Белостокской обл. Семья была довольно зажиточной: отец являлся одним из четырех компаньонов небольшой сельскохозяйственной мельницы в г. Высоки-Мозовецк. Моисей Сегал в сентябре 1925 г. поступил в Варшавскую мужскую гимназию, после двухлетнего обучения в которой переехал в г. Вильно и там продолжил учебу в частной гимназии. После окончания 8 классов в 1929 г. поступил в электротехнический институт в г. Брно.

В 1935 г. от дипломников из Польши еврейского происхождения Сегал М.Ф. узнал, что они собираются после окончания института ехать в Палестину, где можно хорошо заработать, по приглашению фирмы по строительству шоссейных дорог. Эта идея нашла отклик в сердце Моисея Фишелевича, он бросил учебу и вернулся к родителям в г. Высоки-Мозовецк, откуда через полгода выехал в Палестину в г. Хайфу.

В Палестине Сегал М. работал чернорабочим на строительстве домов и посещал вечернюю школу, где преподавание велось на еврейском языке, одновременно изучал английский язык. Затем поступил в еврейскую фирму по строительству дорог на должность десятника. В конце 1937 г. Сегал вернулся в Чехословакию для окончания института, но возобновить учебу не удалось из-за отсутствия свободных мест. Пришлось вернуться к родителям в Польшу.

В 1940 г. Сегал М. вместе с женой Шифрой Абрамовной по распоряжению особого совещания НКВД были высланы в Казахстан как социально опасные элементы. После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан Сегал М.Ф. был амнистирован, о чем получил удостоверение НКВД. 5 мая 1942 г. представительство Польского комитета в Павлодарской обл. ему был выдан паспорт гражданина польского государства [10, л.14].

8 марта 1943 г. Сегал М.Ф. был арестован по обвинению в отказе от получения советского паспорта и антисоветской профашистской пропаганде. Из протокола допроса от 24 марта 1943 г. известно, что помимо указанных документов у Сегала М.Ф. «имелась брачная бумага, выданная в 1939 г. в г. Варшаве». Однако перечисленные документы милицией не были признаны достаточным основанием для

подтверждения польского гражданства. На вопрос следователя НКВД об уточнении национальной принадлежности Сегал М. ответил: «Я считаю себя по национальности поляк, но вероисповедания еврейского, закон Моисея». Из дальнейшей беседы: «Вы даете следствию неверные показания. Следствие располагает данными о том, что вы по национальности еврей». «Да, действительно, по национальности я еврей, но по прибытии в г. Павлодар в апреле 1940 г. я, Сегал Моисей, и жена моя Сегал Шифра были на положении ссыльных, лишенных всех прав гражданства, без соответствующего разрешения местных органов советской власти даже не имел возможности свободного передвижения по районам области. В сентябре 1941 г. получил удостоверение об амнистии, как польский гражданин, в мае 1942 г. добился от Польского посольства паспорта, кроме того, несколько раз от Польского комитета получал материальную помощь, как одеждой, так и продуктами питания, и поэтому я обязан всем Польскому государству, считая себя по национальности поляком. В сентябре 1942 г. от знакомого мне поляка Домбровского Стефана узнал о призыве польских граждан в польскую армию и желал тоже записаться в польскую армию, но в военкомате в момент прохождения призывной комиссии я не был призван как по национальности еврей, а евреев не брали никого в польскую армию» [10, л.18 и об.]. Понятно, что истинной причиной данных поступков Сегала М.Ф. было стремление получить защиту и покровительство представительства Польского посольства, а также заручиться гарантиями выезда за пределы СССР.

В Павлодаре Сегал М. нашел адрес раввина Мишковского [11], проживавшего в Палестине, и написал ему письмо с просьбой разыскать Климентовского Хирша, с которым познакомился еще в г. Варшаве. Последний занимался адвокатской деятельностью и в 1939 г. являлся председателем местного комитета сионистской партии в г. Белостоке. С приходом советской власти в Западную Белоруссию в сентябре 1939 г. Клементовский Х. выехал в г. Вильно, а оттуда в Палестину. Сегал М. получал письма от Клементовского Х., в которых тот спрашивал о судьбе своих родственников и обещал похлопотать перед английским консульством в получении Сегалом М. документов-сертификатов на право выезда в Палестину [10, л.19–19 об.].

Помимо отказа в получении советского паспорта Сегалу М.Ф. инкриминировалось участие в еврейских националистических политических партиях в период проживания на территории Польши и анти-советская агитация. Допросам в качестве свидетелей по делу Сегала М.Ф. подверглись люди из его окружения Цвейбах Шмуль Артиле-

вич, Фридман Мария Зельмановна, которые также были высланы из г. Белостока в 1940 г.

Допрошенные никакой антисоветской деятельности Сегала М.Ф. не подтвердили и эти обвинения были сняты. Следствие длилось 2 месяца, все это время Сегал М.Ф. находился в тюрьме НКВД г. Павлодара. В мае 1943 г. он написал заявление о согласии получить советский паспорт и с просьбой в связи с этим о прекращении дела [10, л.41].

В 1943 г. после ликвидации Польского дипломатического представительства в г. Павлодаре деятельность открытых им благотворительных учреждений была признана исполнительной властью незаконной, поэтому детский сад, аптека, склад, дом инвалидов и престарелых были переданы в ведение соответствующих отделов облисполкома, а руководителями учреждений назначены «советские граждане». В районах все польские учреждения (питательные пункты, столовые, дома для престарелых и детей-сирот) в течение марта–апреля 1943 г. подлежали ликвидации как незаконно организованные, дети и престарелые и инвалиды были определены на попечение польских граждан, а дети, не имеющие родственников, – в детские дома [12].

Ситуация с продовольствием по-прежнему была острой. Письма с просьбой отпустить фонды на хлеб, одежду из районов, г. Павлодара шли теперь в адрес облисполкома, горисполкома. Из заявления: «Я, Боксер И.А., 11 августа 1943 г. прибыл из Караганды, был в трудармии. Меня освободили по состоянию здоровья. А потому прошу рассмотреть мое заявление и помочь мне в питании и одежде, т. к. я не имел помощи, которые были посланы для польских граждан. А поэтому прошу рассмотреть мое положение и помочь мне в ближайшие дни, ибо я очень нуждаюсь. К сему Боксер Израиль А.» [13, л.21]. Розенблюм Дора Беркович писала: «Я нахожусь одна с ребенком восьми месяцев, но положение у меня плохое. Муж в Армии, так что прошу вас выдать мне какие-нибудь продукты. Ребенок очень слаб, я не работаю и не имею, чем питать ребенка [13, л.33]. Вейнберг (имя не указано): «Прошу Вас оказать мне материальную помощь, т. к. я есть польская подданная, уехавшая из Польши в 1939 г. из г. Лудь в Белоруссию от немцев, а с начала войны меня эвакуировали в Сталинградскую обл., а оттуда – в г. Павлодар. Так что в данный момент я ничего не имею и за все время ничего не получала. Прошу не отказывать мне в моей просьбе и выдать мне одежду и обувь, т. к. мне не в чем даже ходить на работу» [13, л.42]. Кернер Раза: «Я эвакуировалась из г. Львова в 1941 г. 26 июня с предприятием в чем была одета,

т. к. домой идти было невозможно, убедительно Вас прошу выделить мне кое-что из одежды» [13, л.181].

За специалистов ходатайствовали руководители предприятий. Так например, председатель артели «Деревообработка» обратился в обл-исполком с просьбой оказать помощь мастеру токарного цеха: «Тов. Врублевский Сергей на протяжении нескольких лет работает на нашем производстве, лучший стахановец, получивший переходящий приз артели, выполняющий систематически нормы на 300–400%, выучивший не одного ученика. Семья т. Врублевского состоит из жены, недавно перенесшей тяжелую болезнь, и годовалого больного ребенка. Правление артели убедительно просит Вас помочь, чем можно, т. Врублевскому и его семье» [13, л.51].

Для решения подобных вопросов 24 мая 1943 г. приказом по Народному Комиссариату Торговли СССР (далее – НКТ) № 3205/1811 было создано Управление по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, – «Упрособторг» [14]. В местах расположения базисных складов, ранее находившихся в ведении Польского посольства, учрежден институт уполномоченных НКТ СССР с соответствующим аппаратом [15]. В г. Павлодаре склады, организованные в 1941 г. Польским представительством для хранения и распределения благотворительных грузов, получаемых из-за границы, среди нуждающихся польских граждан, в 1943 г. были переданы в ведение НКТ СССР, который взял распределение товаров под свой контроль. База Упрособторга располагалась на колхозном рынке и помимо Павлодарской обл. обслуживала Кулундинский, Карасукский и Славгородский р-ны Алтайского края [16]. Для учета продовольственных и промышленных товаров на складах, а также их распределения среди польских учреждений и польского населения на местах были созданы комиссии содействия из числа польских граждан, проживающих в этой местности. Комиссии состояли из 5–9 чел. в зависимости от количества проживающего в данной местности польского населения. Комиссии были подконтрольны Союзу польских патриотов (далее – СПП) и рассматривали заявления на оказание помощи, поданные учреждениями и особо нуждающимися польскими гражданами на получение благотворительных товаров и продуктов питания. Окончательное распределение производилось на заседании комиссии содействия с участием инспектора, назначаемого на должность СПП и под председательством уполномоченного НКТ СССР.

Для выявления нужд польского населения и определения «нуждаемости» инспектор обязан был выезжать в места проживания поляков. Товары и продукты питания распределялись в первую очередь, среди польских детских и школьных учреждений, благотворительных учреждений (домов инвалидов, стационаров, больниц и т. д.), и среди эвакуированных польских граждан, члены семей которых находились в Красной армии, дивизии им. Тадеуша Костюшко, в армиях союзников и немецком плену [15].

Инструктивным письмом начальника Упрособторга НКТ СССР и ответственного секретаря Президиума Главного Правления СПП уполномоченным НКТ СССР по обслуживанию эвакуированных поляков и комиссиям содействия по распределению благотворительных грузов от 10 августа 1943 г. определялся порядок работы комиссий содействия и их взаимодействия с Уполномоченным НКТ по вопросам работы с благотворительными грузами. На польское население распространялись все нормы снабжения, действующие для соответствующих категорий советских граждан. Кроме того, они обеспечивались дополнительным снабжением за счет имеющихся и поступающих из-за границы благотворительных грузов [15], которые бесплатно доставлялись по железной дороге и размещались на складах НКТ СССР.

К распределению грузов приступили с июля 1943 г. Основную часть составляли продовольственные товары: мука, сахар, жир и др. При этом отмечалось, что на складах отсутствовала посуда и хозяйственный инвентарь, в котором у населения была потребность: кружки, ведра, тазики, умывальники и др. Для удовлетворения потребности населения в этих товарах уполномоченный НКТ СССР по Павлодарской обл. Пирогов был готов самостоятельно делать умывальники из имеющейся на складах металлической тары из-под продуктов, о чем писал в письме начальнику Упрособторга Иванову от 11 августа 1943 г. В этом же письме он отмечал, что на складах совершенно отсутствуют детские промтовары, поэтому одежду выдавали взрослую, т. к. ее можно было перешить, а детская обувь, в которой была острая необходимость, отсутствовала [15].

В августе 1945 г. началась подготовка к репатриации польских граждан. При Павлодарском облисполкоме была создана специальная комиссия в составе председателя облисполкома Д. Керимбаева, представителя прокуратуры области Сагитова, заместителя начальника областного отдела МВД Гаврилина. Комиссия работала с 4 декабря 1945 г. по 15 июля 1946 г. В ее задачи входило определение права на выезд с территории СССР в Польшу, составление списков и соб-

ственно переселение. Списки составлялись на основании личного заявления (либо заявления главы семьи). Покинуть СССР могли польские граждане, ставшие таковыми до 17 сентября 1939 г. Факт государственной принадлежности должен был быть документально засвидетельствован, например, советским паспортом с соответствующей отметкой о принадлежности заявителя к польскому гражданству; польским паспортом, польским военным билетом, свидетельством о рождении, дипломом, справкой об амнистировании и т. д. [17, л.2–3].

В связи с предстоящей реэвакуацией комитет настоятельно просил сосредоточить всех польских детей-сирот, которых на тот момент по сведениям Главного Правления СПП в СССР по Павлодарской обл. имелось 207, из них только 125 были размещены небольшими группами в местных детдомах, до момента отправки в 1–2 специальных детдомах или в 4–5 филиалах при местных детдомах, «чтобы организовать работу с детьми на родном языке и подготовить к отправке на родину» [2, л.182].

В отчете комиссии от 22 июля 1946 г. отмечается, что к началу работы комиссии на территории Павлодарской обл. числилось польских граждан, подпадающих под действие советско-польского соглашения от 6 июля 1945 г., – 6311 чел., из них детей до 14-летнего возраста – 1575 чел. До 15 июля 1946 г. в областную комиссию поступило 3769 заявлений. При рассмотрении удовлетворено на выезд в Польшу 3697 и отказано в праве выезда из СССР ввиду отсутствия документов, подтверждающих польскую или еврейскую национальность, по 72 заявлениям. Отказалось от выезда в Польшу из числа лиц, имеющих право выезда, по 49 заявлениям, умерло 13 чел., выехало в другие области 6, не явилось за получением удостоверения 4 чел., 15 чел. выехало в одиночном порядке по распоряжению советской делегации» [17, л.2–3].

В г. Павлодаре, райцентрах были выделены помещения под общежития и столовые для перевалочных пунктов, а также соответствующие фонды продуктов. Для временного размещения граждан польской и еврейской национальности, прибывших из районов, были отведены барак № 2 судоремонтного завода – 100 чел., клуб техникума молочной промышленности – 100 чел., Дом малютки – 50 чел. При необходимости предполагалось дополнительно выделить помещения клуба завода «Октябрь» и второго зала кинотеатра – 75 чел. [18].

Польское правительство Национального Единства выделило продовольственные товары для оказания помощи репатрируемым – бывшим польским гражданам польской и еврейской национальностей. Для этой цели на базу было отправлено: молоко – 20 000 кг, ры-

ба – 20 000 кг и горох 7310 кг, рыба – 12 500 кг. Из промышленных товаров (грузов ЮНРРА [19]) для репатриантов было выделено 6 мест^{1*} фланели, 83 ящика ботинок, 19 мешков одежды, 21 ящик хлопчатобумажной ткани, 5 тюков одеял и простыней. Распределение грузов ЮНРРА производилось в два приема: 65% продовольственных товаров выдавались бывшим польским гражданам немедленно равным пайком, остальные 35% продуктов выдавались репатриантам в момент формирования эшелонов [20].

Кроме того, отправляемые граждане обеспечивались продуктами по установленным нормам в соответствии с приказом Министерства торговли СССР. Из фондов Особторга было выдано рыбных консервов 23 632 банки, молочных консервов 17 724 банки и др. Из фондов облисполкома в порядке оказания единовременной помощи нуждающимся гражданам 436 семей получили деньгами 48 000 руб., хлопчатобумажных тканей 1181 м, обуви 225 пар. Воспитанникам детских домов было выдано по 2 комплекта новой одежды и обувь [17, л.2–3].

Без сомнения, репатриация польских граждан для советского правительства имела важное политическое значение, ее необходимо было осуществить без сбоев, поэтому репатриантам оказывалась продовольственная и промтоварная помощь. Нужно отметить, что в условиях военного времени и всеобщей нужды польским гражданам было выделено достаточное количество продуктов питания, одежды, иных необходимых в пути товаров, организовано перемещение к пунктам отправки, размещение на период ожидания, медицинская и иная помощь.

Отправка польских граждан производилась специальными эшелонами: первый эшелон был отправлен 19 февраля 1946 г. в составе шести вагонов, в которых размещены 1670 чел. [17, л.2–3].

Ввиду многочисленности отъезжающих и задержки отправки эшелонов польские граждане в количестве 3000 чел., собранные на станциях отправления, находились в трудных условиях. В период отправки второго и третьего эшелонов не были предоставлены вовремя помещения для реэвакуированных, поэтому прибывшим из Баян-Аульского р-на пришлось из-за отсутствия транспорта две ночи провести на берегу Иртыша под открытым небом, в помещении СПП, рассчитанном на 100 чел., разместили 200 реэвакуированных, из них 50 чел. были вынуждены ночевать во дворе, а в помещении молтехникума, рассчитанном на 400 чел., разместились 730 чел. [17, л.115]. Также отмечались случаи взимания платы за временное размещение в сборных пунктах: от 2 до 100 руб. [17, л.118].

^{1*} В тексте – тонн, исправлено на [мест] – неразборчиво.

Из-за сильных морозов, буранов и отдаленности железнодорожных станций от мест проживания поляков облисполком просил Совнарком перенести отправку следующих эшелонов на конец апреля – май 1946 г. [17, л.196].

Второй эшелон в составе 62 вагонов был отправлен 9 мая в количестве 1545 чел., третий эшелон в составе 60 вагонов отбыл 16 мая в количестве 1490 чел., четвертый эшелон в составе 47 вагонов отправлен 23 мая в количестве 1203 чел. 20 июля 1946 г. отбыли последние 47 чел., которые не могли уехать раньше по уважительным причинам.

Специально выделенными отдельными пассажирскими вагонами в сопровождении персонала детского дома и представителя облоно 24 июня 1946 г. отдельно отправлены в Польшу 97 воспитанников детских домов [17, л.2об.].

До пограничных контрольных пунктов станции Брест эшелоны следовали в сопровождении начальников, затем были пересажены в польские вагоны и переданы представителям Польского государства по актам [17, л.84].

После окончания массовой отправки репатриантов база Упрособторга была ликвидирована, имущество передано облторгу [17, л.104].

На долю депортированных в годы Великой Отечественной войны народов, в т. ч. высланных с территорий Восточной Польши, вошедших в состав СССР, выпали тяжелые испытания: изгнание, ограничения в гражданских правах, голод и лишения. Большая помощь, несмотря на трудности, была оказана исполнительными органами Павлодарской обл. совместно с представительством Польского посольства, что позволило успешно решить задачи, связанные с размещением, бытовым устройством польских граждан, их духовной и культурной жизнью. Во многом, именно благодаря деятельности представительства совместно с исполнительными органами подавляющему большинству польских граждан удалось пережить тяжелейшие годы войны и вернуться на родину.

1. [Электронный ресурс] Карпенкина Я.В. «Паспортизация» еврейского населения в Западной Белоруссии (1940–1941 гг.). URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2018_tirosh-18_karpenkina.pdf (дата обращения 28.01.2020).

2. ГАПО. Ф.646. Оп.1. Д.213.

3. АП РК. Ф.708. Оп.4/2. Д.55. Л.116–120. Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т.3. – Алматы: ЛЕМ, 2019. – С.119.

4. ГАПО.Ф.646. Оп.1. Д.178. Л.15.

5. Там же. Ф.864. Оп.3с. Д.1382.

6. Там же. Д.1785. Л.26–28.

7. [Электронный ресурс] Губайдуллина М.Ш. Дипломатическая активность на территории Казахстана в годы войны (1941–1943): к вопросу о полномочиях польских предста-

- вительств. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/806-1-1532-1-10-20181018%20(1).pdf (дата обращения 25.02.2020 г.).
8. ГАПО. Ф.646. Оп.1. Д.178. Л.15.
 9. ГАПО. Ф.646. Оп.1. Д.213. Л.18. Также см. Спецзаписка № 19255 начальника УНКВД по Павлодарской обл. Г.С. Марсельского и начальника 1-го отделения ЭКО УНКВД Д.Г. Москвитина замнаркома НКВД КазССР Н.К. Богданову «О состоянии бытового обслуживания спецпереселенцев-осадников по комбинату Майкаинзолото по состоянию на 1 сентября 1940 г. / Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т.3. – Алматы: LEM, 2019. – С.115–118.
 10. ГАПО. Ф.336. Оп.2. Д.106.
 11. Раввин Хизкияу Йосеф Мишковский – приближенный главы поколения, раввина Хаима Озера Городзенского (главного (неофициального) раввина Вильнюса и крупного еврейского общественного деятеля Польши в период между двумя мировыми войнами. Поддерживал связь с евреями, высланными в Павлодарскую обл.
 12. ГАПО. Ф.646. Оп.1. Д.288. Л.9.
 13. Там же. Ф.17. Оп.1. Д.167.
 14. Там же. Ф.467. Оп.1. Д.21. Л.9.
 15. Там же. Д.1. Л.35–36.
 16. Там же. Д.4. Л.42.
 17. Там же. Ф.646. Оп.1. Д.414.
 18. Там же. Ф.17. Оп.1. Д.181. Л.27–27об.
 19. ЮНРРА – Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration UNRRA, ЮНРРА) была создана в 1943 г. во время Второй мировой войны для оказания помощи в районах, освобожденных от держав «Оси». 52 страны-участницы внесли средства в размере 2% от их национального дохода в 1943 г. Порядка 4 млрд долларов было потрачено на снабжение продовольствием и медикаментами, восстановление коммунальных услуг, сельского хозяйства и промышленности. Большая часть помощи поступила в Китай, Чехословакию, Грецию, Италию, Польшу, Белорусскую ССР, Украинскую ССР и Югославию. При содействии ЮНРРА около 7 млн перемещенных лиц вернулись в страны, где они проживали до войны. Были созданы лагеря для перемещенных лиц, где размещалось около 1 млн беженцев, не пожелавших вернуться на свою родину. Более половины всех средств поступило от США, все три генеральных директора ЮНРРА были американцами.
 20. ГАПО. Ф.467. Оп.1. Д.14. Л.69, 71.

Панто Д.

Эвакуация армии Андерса в 1942 г. с территории Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана на территорию Ирана

Тема моего выступления посвящена эвакуации армии генерала Андерса из Средней Азии в Иран в 1942 г. В первую очередь необходимо сделать несколько водных комментариев к тому как польские граждане появились на территории Советского Союза. 17 сентября 1939 г. Советский Союз вступает во Вторую мировую войну, нападая на территорию независимой Польши, пересекая её восточные границы. С этого момента начинается советская оккупация восточных воеводств Второй Речи Посполитой. После административных изменений и нелегально проведенных «выборов» эти территории инкорпорировались в западную Украину и западную Беларусь. После того как

была установлена советская власть, начинается масштабный террор, для того чтобы уничтожить всё, что связано с Польшей. В первую очередь, советская власть, боролась с проявлением польскости, а также делала все, чтобы избежать появления движение сопротивления. В рамках советизации, было проведено 4 волны депортации: начиная с 10 февраля 1940 г. и последняя волна закончилась на переломе мая–июня 1941 г.

С началом немецко-советской войны 22 июня 1941 г. – прекратилась четвёртая волна депортации. В течение всех этих волн депортации принудительно было переселено в северные районы Российской Федерации, Казахстан, Среднюю Азию и на Дальний Восток более 320 тысяч человек. Еще ранее осенью 1939 г. в плену были взяты польские солдаты и офицеры. Солдаты и унтер-офицеры были отпущены, офицеры были отправлены в лагеря. Впоследствии, часть из них, около 22 000 были расстреляны в Катыни и других местах. Данное введение показывает нам, как было разбросано огромное количество польских граждан на территории Советского Союза в спецпоселках архипелага ГУЛАГ и в других отдаленных местах.

30 июля 1941 г. генералом В. Сикорским и послом СССР в Великобритании И. Майским был подписан двусторонний договор о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством Польской Республики в изгнании. Один из пунктов этого соглашения – восстановление и создание польской армии. И. Сталин понимал, что огромное количество польских солдат, размещенных на территории Советского Союза, могли помочь в борьбе с Третьим рейхом – не так давно союзником, ныне уже – противником. 14 августа 1941 г. был подписан приказ о создании польской армии в Оренбургском регионе. В г. Бузулук был создан штаб польской армии в соседних селах Тоцкое и Колтубанка – другие дивизии. Изначально оговаривалось одно количество дивизий, потом, со временем, оно было увеличено, потому что достаточно много было польских граждан в лагерях, проявивших желание вступить в ряды формирующейся армии. Стоит отметить, что в двустороннем договоре череду негодований среди польского эмиграционного правительства в Лондоне вызвало слово амнистия. Якобы люди подвергались амнистии, это можно было бы понять, если бы слово амнистия было в кавычках. Большая часть людей не имели никаких преступлений на своём счету, они были депортированы только административными решениями советской власти. Поэтому конечно, ни о какой амнистии не шла речь. У людей

появилась возможность вырваться из лагерей. После пребывания в тюрьмах, лагерях, на спецпоселении, после долгих месяцев недоедания, болезней и изнуряющего принудительного труда они собирались в околицах г. Бузулука и там формировались в польскую армию.

Условия жизни в формирующихся 5-й и 6-й дивизиях и резервном полку были бедственными. Подавляющее большинство людей разместили в палатках. Ввиду стихийного прибытия к месту формирования все новых и новых желающих вступить в армию, для которых не предусматривалось снабжение продовольствием и которые не имели никаких средств к существованию, пайки, выделявшиеся для польской армии, делились и на этих людей. Помимо военнообязанных в поисках своих пропавших мужей, многие из которых были расстреляны в апреле–мае 1940 г., в лагерь прибывали женщины с детьми. Их также приходилось как-то кормить. Еды требовалось гораздо большее количество. Естественно голод способствовал тому, что происходили различного рода конфликты.

Были проблемы и с предоставлением амуниции, обмундирования и питания. Договорённость была следующая, что Советский Союз даёт амуницию для одной дивизии, англичане, поляки, американцы дают остальным.

30 ноября 1941 г. в Москву прилетел генерал Владислав Сикорский, чтобы лично встретиться с Иосифом Сталиным, вести переговоры на тему расширения и дальнейшей судьбы польской армии. В протоколах после этой встречи имеется следующее решение: польская армия должна была состоять из 96 000 человек, также в этом приказе шла речь о перенесении формирующейся армии Андерса на юг Советского Союза. Советское правительство должно было указать в какое место должны были передвинуть армию. Здесь было несколько причин, одна из них – почему выбрали именно южные республики, потому что необходим был прямой контакт к английскому сектору. Близость границы, куда англичане могли бы доставить оружие и снабжения обмундированием для дивизий, которые они должны были оснастить. Конечно здесь был вопрос близости портов. Поэтому, когда ранее выбирали Бузулук, он примерно находился посередине между Архангельском, где был международный порт, куда приплывали и поставляли разные вещи, к примеру, та же Персия (Иран). Второй вопрос – это был вопрос климата. Конечно суровый сибирский климат для больных измученных людей из ГУЛАГа был достаточно тяжелым. К сожалению, перевод формирований в Узбекистан

не сильно улучшил их самочувствие. Малярия и не адаптированный к местному климату организм истощенных людей очень тяжело переносили это перемещение из Сибири в южные регионы СССР. Во время этого перемещения около 10 000 человек умерло от многих инфекционных заболеваний.

Стоит подчеркнуть, что эта эвакуация проходила с 15 января по 25 февраля 1942 г., в т. ч. и на юг Казахстана. На территории Казахстана разместились 8 дивизия в Чокпаке, 10 дивизия в Луговом и первый полк уланов в Отаре, то есть три места, где размещалась в других азиатских республиках польские формирования, я не буду это перечислять, это тоже достаточно известные факты. Разместились там, и стал вопрос какая будет дальнейшая судьба? Тут были разные аспекты перемещения: близость немецких дивизий к Москве и наступательным пунктам, нацисты могли прорваться и взять в плен польские войска под Бузулуком, и никто не смог бы им помочь. Стоит обратить внимание, что до недавнего времени говорили, что это эвакуация – такая дипломатическая игра между Великобританией и Советским Союзом, которые решили, что поляки должны эвакуироваться. Вернее, Черчилль попросил Молотова, а он – Сталина, чтобы он переслал поляков на помощь англичанам. По последним сведениям, которые буквально в этом году появились в польской науке, стоит обратить внимание что это было прямое решение генерала Владислава Андерса, который лично написал к Сталину о предоставлении такой возможности об эвакуации из Казахстана и Средней Азии сначала части, а потом полностью всех формирующихся дивизий в Иран, чтобы укрепить положение английских войск в Египте и в Ливии. Потому что в это время там началась контратака генерала Роммеля – пустынного лиса. В битвах под Тобруком – важным портом в Киренаике, англичане потерпели сокрушительное поражение, и в своем меморандуме, вернее, даже на встрече, генерал Андерс подчеркнул о том, что там необходима помощь, второй вопрос – что там нехватка буквально всего была.

Нехватка содержания, нехватка продуктов питания для солдат, нехватка амуниции... И Сталин согласился, и британские войска согласились, чтобы состоялась эвакуация с территории Казахстана. Первая партия отправилась через Красноводск – территория Туркменистана между 24 апреля и 5 марта 1942 г. Во время первой волны было эвакуировано около 44 000 человек, в т. ч. 33 000 солдат. Вторая эвакуация произошла между 5 и 25 августом 1942 г., то есть в общей

сумме было эвакуировано более 116 000 человек. Среди них 78 631 солдат, 18 000 детей, остальное мирное население, которое они забрали с собой, что стало для них спасением. Спасло жизни особенно детям. Станция в Красноводске продолжала эвакуацию до ноября 1942 г., что помогло ещё около 2,5 тысячи человек переместиться на территорию Ирана, где далее формирующаяся польская армия Андерса стояла бок о бок, плечом к плечу с союзниками.

После эвакуации армия Андерса начинает свой боевой путь, в т. ч. участие в известной битве под Монте-Кассино. После этого 2-й Польский корпус был переброшен на Адриатический фронт и принимал участие под Анконой и закончил свой боевой путь в апреле 1945 г. взятием Болоньи.

Таким образом, выглядела эвакуация с территории Средней Азии в Иран армии Андерса. В проведение этой эвакуации было задействовано огромное количество людей, которые помогали и также те, которые мешали, в т. ч. НКВД СССР.

В конце своего выступления хотелось бы сказать, что на территории Казахстана Кыргызстана и Узбекистана находится большое количество польских кладбищ, именно военных польских кладбищ. Стоят памятники, есть возможность помолиться, возложить венки, помянуть солдат, которые не доехали в этом тяжелом пути. Часто его называют «Путь надежды», потому что никто не знал, когда умрет от инфекционной болезни, от голода, либо от трудностей, которые могли встретиться в жизни.

К сожалению, нет кладбищ, по понятным причинам, в Туркменистане, несмотря на то что и в Красноводске, и в Ашхабаде имеются могилы польских солдат, которые не дождались эвакуации.

Эвакуация закончилась, часть людей, которые не погибли, вернулись в Польшу, основали семьи. Их внуки и правнуки заботятся о сохранении этих событий в памяти. Но как видно для нас, например, для историков, которые занимаются Востоком, важность в сохранении памяти – это кладбища, которые остались на территориях этих республик. Они являются как бы памятником, местом, на основании которого, мы можем проводить наши совместные исследования. Это наша общая память. Мои соотечественники лежат в этой земле, которые вместе с союзниками хотели бороться против нацистской Германии.

Вабсія

Родившейся в Полесье девчужке не ведомо было знать, какой жизненный путь ей предначертано пройти. Зося, так уменьшительно-ласкательно назвали своего первого ребенка Игнатий и Тэкла Клапоть – молодая семейная пара, проживавшая в дер. Ситницкий Двор Минской губ. Шел 1894 г., на пороге было XX столетие.

Годы детства пролетели для Софии своей чередой. Юность, как и первая влюбленность, закужила Зося и Михаила – лихого деревенского парня. Венчание прошло в местном католическом костеле, после которого свадьбу отмечали всей деревней.

Первая мировая война нанесла Минской губ. большие потери и разрушения. За ней последовал беспокойный период «хозяйствования» в Полесье различных военно-политических сил и государственных образований. К концу 1920 г. у Софии и Михаила было двое детей: Николай и Анна. Большие изменения произошли и в Полесье. В 1921 г. был заключен Рижский мирный договор. За Польшей закрепились западные области Украины и Белоруссии. Михаил, в надежде обрести стабильность, эмигрирует в Соединенные Штаты Америки на лайнере компании Hamburg-Amerika Linie. С той поры София в течение пяти лет не имела ни малейшей информации о судьбе мужа. Также не мог знать и Михаил о рождении еще одного сына – Василия. Годы неведения, дни ожидания терзали сердце Софии. Все запросы о Михаиле возвращались с пометкой: «Местонахождение неизвестно».

Правдива людская истина, что от судьбы не уйдешь. На приграничном с Советским Союзом кордоне, работал лесничим отставной офицер войска Польского Игнаций Гриб. Давно наблюдал он за молодой полькой с малыми детьми, не пропускающей воскресных служб в костеле. На его предложение о создании семьи, София вскоре ответила взаимностью, однако родители её были против. В конце концов София и Игнаций соединяются браком, а дети: Николай, Анна и Василь остаются у родителей Зоси.

Словно второе цветение пробуждались чувства. Чувства, которые Зося утратила после долгого ожидания вестей от первого мужа. Со временем она нашла в Игнации то, чего была лишена в период поисков Михаила: надежность, любовь и уверенность в завтрашнем дне. Годы счастливой семейной жизни дали свои плоды. К 1935 г. Игнаций и София имели пятерых детей, а самое главное – все девочки. Старшая дочь – Вероника 1926 года рождения. За ней следо-

вали Нина (Янина) 1928 г. р., Лида (Леокадия) 1930 г. р., Лена (Хелена) 1932 г. р. и Таня (Тереса) 1935 г. р.

Неспокойное было время. Игнаций, как бывший военный, прекрасно это понимал. Понимал, но не предполагал, что скоро Польшу разделят на две части. Как набат по всему Полесью разлетелась страшная весть: «Война».

1 сентября войска Вермахта перешли границу республики Польша, тем самым развязав вторую Мировую войну, а 17 сентября СССР атаковали восточную Польшу. 28 сентября правительства Германии и Советского Союза согласовали новые границы. Это разделение получит название «Линия Керзона». Согласно заявлениям советского руководства, целью операции являлась защита украинского и белорусского населения восточных районов Польского государства в условиях его распада, произошедшего в результате германского вторжения. Беда приходит не одна. В декабре 1939 г. политбюро ВКП (б) и Совнарком утвердили постановление № 2010-558 о выселении осадников из западных областей БССР и УССР.

В ночи раздался громкий, требовательный стук в дом. Лай собаки приглушили два сухих, как удар хлыста, выстрела. В проеме распахнутой двери стоял молодой советский офицер, позади которого четыре вооруженных солдата. Довольно вежливо офицер уточнил фамилии Игнация и Софии, а также количество детей. После чего была команда собрать вещи и документы. София принялась лихорадочно будить детей, одновременно пытаюсь собрать вещи. Младшие дочери плакали от испуга. Старшая, тринадцатилетняя дочь Вероника, старалась успокоить сестёр, хотя сама тряслась как осиновый лист. Дрожащими руками Вера помогала матери подавать теплую одежду для младших. «Szybciej, szybciej»,^{1*} – повторяла как в бреду, шепотом мать. Страх и постоянные окрики военных не позволяли Софии сосредоточиться. С белым, как снег лицом, собирал документы и вещи Игнат. Эта страшная, морозная ночь 6 февраля 1940 г., разделит всю жизнь Софии на «до» и «после».

На железнодорожной станции с. Синкевичи, куда на подводе доставили семью Игната Гриб, уже находились порядка тридцати человек: мужчин с женщинами и детьми. На детях были намотаны шалевые платки, женщины и мужчины пытались плотнее стоять друг к другу, прижимая детей. Но это не спасало их от жгучего февральского мороза. К утру на станцию подали крытый вагон и поступила ко-

^{1*} Быстрее, быстрее (перевод с польского).

манда грузиться. Трое суток вагон простоял на станции. Чтобы как-то спастись от холода, мужчины обрывками одежды конопатили щели в деревянных стенах вагона. Вскоре, военные разрешили родственникам передать в вагон еду и теплую одежду.

10 февраля 1940 г. прямо на станции Синкевичи состоялся суд в составе трех сотрудников НКВД и был зачитан приговор: «Осуждены судом от 10 февраля 1940 г. Обвинение: осадник. Приговорены к выселению» [1].

Более недели железнодорожный состав двигался в неизвестном направлении. Многие дети стали кашлять, просили еду и кукожились от холода, женщины плакали, мужчины скрипели зубами от бессилья. Остатки еды, полученной от родных, делили по крохам. В первую очередь давали детям. София смотрела на мужа уставшими глазами, в которых он читал лишь один вопрос: «За что?».

Станция, на которой выгрузили обессиленных, голодных и обмороженных людей, представляла собой полуразрушенное здание, с поросшей мхом крышей. Несколько подвод, с конвоиром в каждой, ожидали прибывших. София прижимала к себе дочерей и постоянно повторяла слова молитвы. Женщин и детей разместили на подводах, мужчины двигались рядом, придерживаясь за край телег.

В поселке, куда их привезли, стояло два больших барака, с сколоченными внутри нарами из неструганных досок. После проверки и переклички, мужчинам приказали занять один барак, женщин с детьми поместили в другой. Софии с дочерьми удалось разместиться недалеко от печки-буржуйки. Оставив детей под присмотром Вероники, София с другими женщинами обустроивали жильё, растопили буржуйку, грели воду.

Положение спецпереселенцев, выгруженных в дремучей тайге, где чаще всего не имелось никаких следов жизни людей, было чем-то средним между положением первобытных людей, отшельников, отвергнутых обществом и положением заключенных. Весь смысл их существования состоял только в одном – приспособлении к условиям суровой природы и стремлении не умереть от голода или мороза до наступления следующего дня.

В пос. Озереновский, Биряковского р-на Вологодской обл. Софии предстояло прожить почти два года. Понемногу осваивали русский язык. Мужчин задействовали на вырубке леса, женщины выполняли всю хозяйственную работу в поселении. С местным населением также налаживался контакт, хотя чаще всего для них поселенцы были

«врагами народа». София предложила женщинам и детям подросткового возраста, проводить сбор ягод и грибов в местных лесах, чтобы как-то улучшить скудный дневной рацион лагерной пайки. Вот тогда-то и произошел случай, первый предвестник скорого расставания.

Стоял теплый июльский день. София с дочерьми – Верой и Ниной собирали в лесу грибы. Когда по времени необходимо было возвращаться в лагерь, не оказалось рядом Веры. На крики матери дочь не отзывалась. София тщетно звала, кричала и плакала. Сорвав голос, мать продолжала издавать беспомощные, хриплые звуки. София, крепко сжав руку Нины, побежала в лагерь. Она не могла себе представить, как скажет о случившемся Игнату, ведь Вера была его любимой дочерью.

На удивление всех поселенцев, начальник лагеря распорядился организовать поиски, к проведению которых были привлечены как солдаты, так и мужчины, спецпереселенцы, имеющие в лагере жён и детей. По прошествии суток, поиски Веры были прекращены. София не могла поверить в потерю дочери. Сутки напролёт отрешенно молилась: «Ojczy nasz, któryś jest w niebie, święć się imię Twoje...».^{1*} На третий день к забору лагерного поселения подошла пожилая женщина, видно из местных, старожил северной тайги.

И, о чудо, рядом с ней была Вероника! Сбежался весь лагерь. София не верила своим глазам, судорожно обнимая дочь. В своем душевном порыве мать не смогла даже отблагодарить неожиданную спасительницу и внять ее словам: «Не плачь. Живи настоящим. А дочь твоя уйдет».

В начале советско-германской войны, вышел указ ПВС СССР № 19/160 от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР». В июле 1941 г. правительство СССР приняло решение разрешить формирование на территории СССР национальных комитетов и национальных воинских частей из чехов, словаков, югославов и поляков. В августе 1941 г. командующим польской армией был назначен генерал В. Андерс. Вступить в формируемую польскую армию – шанс вырваться из «сибирского ада». Игнаций, как бывший офицер Войска Польского, записывается в армию генерала Андерса. Ориентировочно в ноябре–декабре 1941 г. амнистированная семья Гриб, как и многие польские граждане, выезжает эшелонами в Среднюю Азию.

^{1*} Слова из молитвы «Отче наш» (польский язык).

Амнистия не снимала с бывших арестантов клейма «враг народа». Это понимали Игнат с Софией. В пути следования, условия и отношения к ним были ничуть не лучше, чем в 1940 г. В теплушке, крытом железнодорожном вагоне, находились в основном поляки со своими семьями. София старалась держаться с детьми рядом с мужем. Она научилась уже относиться с недоверием к незнакомцам. По пути следования эшелона менялась природа. Уже не видно было непролазного таёжного леса и все чаще мелькали лесополосы, порой переходящие в степь. Холод сменила духота. В вагоне стоял запах запрелой одежды, нечистот у дверей вагона, гниющих ран бывших спецпереселенцев. Постоянный кашель, отсутствие в достаточном количестве воды и еды, создавали в вагоне удручающую обстановку. София, со слезами на глазах, смотрела на своих дочерей. Веронике исполнилось 15, Янине 13 лет, Лидке 11, и она уже неплохо говорила на русском языке. Хеленке исполнилось 9 лет, а младшей Тересе шел 7 год. Что их ждёт, как сложится дальнейшая жизнь, что это за неизведанный край, куда они направляются? Все размышления Софии были безответными.

В нескольких вагонах спецэшелона стали появляться больные, с признаками брюшного тифа. София с ужасом смотрела, как больных в беспомощном состоянии снимали на станциях, а умерших попросту выкидывали из вагона во время движения. Это было бесчеловечно, но условия, в которых они находились, диктовали свои правила. И каково было ее состояние, когда у Вероники поднялась температура, появилась рвота, вздулся живот и открылась диарея. София не допускала мысли, что может потерять дочь. Когда состояние Вероники достигло критической точки и ее жизнь была на волоске от смерти, присутствующие в вагоне стали требовать ее изоляции любым путём, но Игнат не выпускал из рук тело любимой дочери. Эшелон миновал Туркестан и приближался к станции Арысь.

По прибытию в Арысь Игнат, схватив бездыханное тело Веры, побежал, в надежде найти врача или больницу. Сколько отсутствовал муж, София не могла понять и лишь лязг вагонных колес отрезвил и вернул ее в реальность. Поезд начинал движение к конечному пункту следования. Через мгновение София поняла, что едет одна, с оставшимися детьми, неизвестно куда.

К несчастью, еще и пропал небольшой портфель со всеми личными документами и адресом места воинской приписки Игната.

Позже выяснится, что формирование польской армии планировалось провести на территории Узбекской ССР, Казахской ССР и Кир-

гизской ССР. Фактически, штаб армии Андерса находился в пос. Вревский Янгиюльского р-на Ташкентской обл. Узбекской ССР. Конечно же всего этого София знать не могла.

В полуобморочном состоянии ее, с четырьмя детьми, посадили на какой-то станции. Сколько они потом ехали на одноосной телеге, запряженной тощим ослом, София не помнила. Рёв этого осла не раз пугал девочек. Погонщик – пожилой мужчина, пытался что-то объяснить Софии, но она его не понимала. Покачивая головой, он с жалостью смотрел на исхудавших детей. К концу следующего дня прибыли в село. Люди, дома, окружающая природа, незнакомый язык – все напоминало страшный сон. Их встретил седовласый мужчина, в ватном, стеганном халате, подпоясанный платком и в четырёхугольной шапочке на макушке головы. Он немного говорил по-русски. Из его слов София поняла, что он является председателем колхоза им. Ленина, а село имело название Шаян. Дом, в котором Софии с детьми отвели место, представлял собой строение из глины, с плоской крышей, на которой обильно росла трава. Женщина, по всей видимости хозяйка дома, жестом позвала Софию в другую комнату. На полу, в центре комнаты была расстелена скатерть, вдоль которой лежали одеяла. Хозяйка угостила Софию и ее детей сухим круглым хлебом, вялеными фруктами и чаем, разбавленным молоком.

Прошло несколько дней. Девчонок своих София отмыла, постирала и починила одежду, помогала хозяйке дома по хозяйству. Дети стали с осторожностью выходить на улицу. Местная детвора рассматривали необычайно белолицых девочек. А особенно их удивляла самая младшая Терезка (Таня), у которой были длинные золотистые волосы. «Алтыншаш, Алтыншаш!»^{1*} – звали ее ребяташки. Председатель колхоза определил Софию на прополку хлопкового поля. Нашлось у хозяйки дома и старенькое платье в яркую полоску. Работу приходилось начинать с рассвета, т. к. к полудню солнце невыносимо пекло. Возвращалась София уже поздно, а всю заботу о младших взяла на себя Нина. Уставшая от тяжелой работы, от непривычного для неё палящего солнца, София не сразу могла уснуть. Все ее мысли были о муже и дочке. Нет более тяжелого состояния, чем ожидание и неизвестность.

На девятый или десятый день их пребывания в с. Шаян, по дороге, ведущей вдоль поля, появился грузовик. Что-то сжалось в сердце у

^{1*} Золотые волосы (перевод с казахского).

Софии в ожидании приближения машины. В клубах пыли, исходящей от колес полуторки, бежали мальчишки. Видно автомобиль был редкостью в их районе. Водитель притормозил возле дома, в котором жила София с детьми. Из кузова с трудом вылез мужчина. Игнат! Игнат! Сердце Софии забило, и сама того не понимая, уже бежала в его сторону. Упав на грудь мужу, София боялась задать вопрос о Веронике. Он не заставил ее долго ждать и рассказал о том, что доставил дочь в больницу.

Три дня Вера не приходила в сознание. Ждать больше он не мог. Сотрудник НКВД предупредил его о последствиях в случае неприбытия в пункт сбора. Игнат оставил в одежде дочери адрес места их поселения. Перед отъездом, отец еще раз попросил врача увидеть дочь. Вера была также в бессознательном состоянии, но уже в больничной пижаме и пострижена наголо. Для Софии образ дочери, обрисованный мужем, навсегда остался в сознании. В сердце теплилась надежда о скорой встрече с Вероникой. Но не предполагала, что никогда больше не увидит дочь.

На второй день по приезде, у Игната поднялась высокая температура, мучил озноб и ломка всего тела. Это могли быть последствия лагерного пребывания, или первые симптомы тифа. Через день Игнат умер. Еще один удар судьбы приняла София, почва уходила из-под ног. Всю ночь она провела возле тела мужа. Слез уже не было и только губы монотонно проговаривали слова молитвы: «Zdrowaś Maryjo, łaski pełna, Pan z Tobą».^{1*}

Утром пришли местные старики, завернули тело в кусок материи, положили на арбу, увезли и похоронили вблизи местного кладбища.

Заканчивалось лето 1942 г. София работала. Того, что она получала в колхозе, не хватало для пропитания её семьи. И если бы не местные люди, которые часто угощали её и дочерей то фруктами, то вареным рисом с маленькими кусочками мяса, то пахучей тандырной лепёшкой, она не в состоянии была бы прокормить дочерей. София часто задумывалась о том, что здесь, среди людей иной веры, с непонятным ей языком, с другим менталитетом ей было не страшно жить. Она перестала бояться за дочек, видя, что ничто им не угрожает. Лидка, Хеленка и Терезка играли с местной детворой. Стали повторять слова на казахском языке: «Қыз қайда барасың?».^{2*}

^{1*} Слова из молитвы Деве Марии (польский язык).

^{2*} Куда девочка идет (перевод с казахского).

Лучше всего понимала и начала говорить на казахском языке Лида. Терезка – Алтыншаш запомнила пару песен и пела их на казахском языке. Казахское население с. Шаян принимало польскую семью как за своих. Ни один той (праздник) не проходил без белокурых веселых девчат.

Там, в лагере, даже с мужем, ее не покидал страх. Страх, идущий от конвоиров, от местных людей, зачастую называющих их врагами народа, от стен барака, невыносимого холода и вездесущего гнуса.

В один из дней в колхозе появился неисправный грузовик. Водитель – пожилой еврей никак не мог объяснить слесарю причину поломки. Как обычно, вокруг машины вертелись дети, среди которых была и Лида. Услышав, что слесарь не понимает водителя грузовика, Лида выступила в роли переводчика, тем самым устранила межязыковую проблему.

Позже тот старый еврей, узнав о судьбе Софии, посоветовал отдать детей в детский дом, который находился в г. Туркестан. Однако мать и слушать не хотела об этом. Осенью, после окончания сельскохозяйственных работ, большинство детей с. Шаян пошли в местную школу. София не знала, как долго может продлиться война, и мысль о необходимости обучения детей, постоянно преследовала ее. В ноябре 1942 г. в Шаян вновь приехал водитель-еврей. После продолжительной беседы было решено определить Лиду, Хеленку и Терезку в детский дом. Янина, которой в то время исполнилось 14 лет, уже работала вместе с матерью в колхозе, осталась с Софией. По придуманной легенде Лида, Хелена и Терезка должны прибыть в Туркестанское отделение НКВД, представиться сиротами, назвав девичью фамилию мамы, т. е. Клапоть. Фамилия Гриб могла фигурировать как фамилия разыскиваемого польского офицера Игнация Гриб. Любой контакт Софии с детьми исключался, с целью сохранения вымышленной легенды.

Разлука с детьми была для Софии новой душевной болью. Отправив трёх младших дочек в детский дом в конце 1942 г., без возможности общения, София чувствовала будто предала близких ей людей. Нинка как могла, поддерживала мать. София потеряла счет бессонным ночам, когда зубами вгрызалась в подушку, набитую соломой, чтобы не разбудить своим надрывным плачем дочь.

Прошли годы. В мае 1945 г. с. Шаян зазвенело от громкого рёва карнаев, дутаров и песен под звуки домбры. Все обнимались, танцевали и повторяли слова: «Жеңіс! Победа!». Всеобщая праздничная

эйфория не отразилась на настроении Софии. Конечно же, она радовалась за женщин, встретивших с фронта своих мужей, за счастливых детей и матерей, обнимавших своих сыновей. О всех этих событиях она рассказывала сидя у могильного холмика, с деревянным крестом, своему покойному мужу. У матери разрывалось сердце от разлуки с детьми. София надеялась на скорую встречу с ними.

Настал 1946 г. По всем просторам Сибири и Средней Азии прокатилась долгожданная весть о возможности возвращения на историческую Родину депортированных граждан Польши и других государств. Провожать Софию с дочкой пришли все жители с. Шаян. София вдруг осознала, что все эти казахи и узбеки, стали ей родными. Её уже не шокировал громкий призыв муллы к намазу, она свободно говорила на казахском языке и знала все обычаи мусульман, а их темные, загорелые лица светились от добродушия и были неправдоподобно милы. Здесь, в этом мусульманском мире, никто, никогда её не обидел, ни словом, ни делом. София видела, как делились с ней хлебом и кровом. За все это время она стала частью их большой семьи.

Формирование вагонов для отправки польских граждан проходило на станции Ташкент. Детей-поляков со всех детских домов, также готовили к отправке в Польшу. София с дочерью Ниной ехала, ничего не зная о младших дочерях. В Польше она сразу же начала поиски детей через Красный крест. Вскоре София получила информацию о том, что в г. Квидзын прибыли вагоны из Средней Азии. У Софии перехватывало дыхание от волнения предстоящей встречи с детьми. И вот долгожданная встреча через четыре года! «О, Боже! Как они изменились!» – София была вне себя от счастья. Не хватало только старшей дочери Вероники. После того, как Игнаций оставил Веру в больнице, сведений о ней не было. Все поиски сводились к нулю. Но сердце матери подсказывало, что дочь жива.

После возвращения в Польшу София долго пыталась отыскать старшую дочь по линии Красного Креста. Время неумолимо утекало, как и сама надежда увидеть Веронику.

Железный занавес холодной войны не давал возможность навестить детей от первого брака, которые остались на территории Белоруссии. Однако материнские чувства помогли Софии отыскать дочь Анну, которая проживала в окрестностях Варшавы. Анна рассказала матери о том, что Николай (сын Софии от первого брака) был застрелен гитлеровцами у порога своего дома. Рассказала о страшной трагедии дер.

Ситницкий Двор, когда 12 ноября 1942 г. фашистами расстреляны и погребены заживо 480 человек женщин, стариков и детей. Рассказала и о том, что была вывезена с мужем в концентрационный лагерь Германии, об освобождении и возвращении в Польшу. Позже София узнает и о судьбе младшего сына Василия (от первого брака), который также проживал на территории Белоруссии, воспитывался ее родителями, женился на польке и имел четверых детей: трех девочек и сына.

В Польше София продолжала жить с Яниной. С течением времени стали устраивать свою жизнь и младшие дочери. Некоторые еще учились, кто-то уже работал, создавали свои семьи, родили детей. Несомненно, героиня из них была Янина, которая родила 2-х дочерей и 8 сыновей.

Но не все еще повороты судьбы прошла София. В середине 1970-х гг. получила известие от дочери Анны о том, что вернулся из Америки Михаил – ее первый супруг, и он желал бы воссоединиться с ней. Как на киноплёнке летели в глазах Софии кадры ее жизни: свадьба и рождение трех детей, отъезд в неизвестность Михаила и пять лет ожидания, Игнат, рождение пяти дочек, арест, ссылка, потеря Веры, смерть мужа, расставание с детьми, долгий путь домой, встреча с детьми. «Нет» – ответила она Анне. Простить первого мужа она не смогла, как и не хотела очередных зигзагов судьбы.

Последние годы своей жизни София жила с младшей дочерью Тересой. Умерла в 1982 г. и похоронена на кладбище в г. Гдыня.

Перед смертью София просила детей, а особенно Янину, молиться за Веронику, но молиться как за живую. Видно существует какая-то, данная нам Богом связь, когда родители чувствуют своих детей на расстоянии. И эту нить с Вероникой, София не обрывала до последнего дня своей жизни.

В том, далёком 1941 г., Вероника чудом выжила! Более пяти месяцев находилась она в больнице, где оставил ее отец. Постепенно приходила в себя, но еще не осознавала всей трагичности ситуации. Вся ее одежда, вместе с запиской отца, была сожжена. Шла война. У шестнадцатилетней Веры не было абсолютно никаких документов, не знала языка, была частичная потеря памяти. В поисках семьи, из южного Казахстана и Узбекистана, она попадает на юг Киргизии. В г. Узген Ошской обл., Вероника проведет основную часть своей жизни. Более тридцати лет Вероника будет пытаться отыскать своих родных, но безрезультатно. До самых последних минут своей жизни Вероника верила в то, что живы её младшие сестры: Янина, Леокадия, Хелена и Тереса.

И я – младший сын Вероники Гриб, как мантру повторял рассказы о ее прошлом. Желание моей мамы о встрече с родными, действительно по Божьей воле, осуществится после 76 лет разлуки. Встреча с родными сестрами мамы произошла в августе 2017 г. в г. Нидзица республики Польша. Невозможно словами выразить радость и эмоции, переполнявшие нас. Это была встреча со слезами и радостью на глазах. Встреча, через 76 лет разлуки! Многие из изложенного мне рассказали Янина и Леокадия. Я не переставал удивляться стойкости и самоотверженности Софии – моей родной бабушки!

Это маленькая, хрупкая женщина, которая прошла ужас репрессий, не сломалась в Сибири, выжила и сохранила детей в Казахстане, возвратилась на историческую Родину и была центром большой и дружной семьи. Находясь в Польше, я слышал от своих тетушек слова глубокой благодарности всему казахскому народу, за его безграничную помощь всем депортированным в Казахстан людям. Это пример того, что, невзирая на различие вероисповедания, национальности и языка общения, могут жить в дружбе разные народы!

1. Осадники – военные и гражданские колонисты, вышедшие в отставку солдаты, офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной полонизации территорий.

Сатаева Ж.А.

«Твое письмо может не дойти...» (Из истории полевой почты в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – одна из самых изучаемых тематик историками, архивистами, которые вносят свой посильный вклад, обнаруживая новые архивные документы [1].

В Архиве Президента Республики Казахстан наиболее информативный комплекс документов по Великой Отечественной войне сосредоточен в фонде № 708 «Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстан (большевиков)». Документы фонда отражают всю полноту политической, экономической и общественной жизни Казахстана, содержат свидетельства как фронтовой обстановки, так и о буднях тыловикиков. В фонде № 811 «Институт политических исследований ЦК КП (б) Казахстана» (*Истпарт*) отложились воспоминания участников Великой Отечественной войны, фронтовые газеты, отдельные документы дивизий, которые формировались на территории Казахстана и др. Фонды личного происхождения Архива Президента

РК хранят документы, которые дополняют официальные хроники о войне и свидетельствуют о тяготах военного времени, лишениях и героических усилиях народа по их преодолению. Такие архивные документы относятся к истории повседневности, изучение которой становится все более популярным научным направлением сегодня. Среди документов личного происхождения к особо ценным нередко относят фронтовые письма, содержание которых вносит порой новые грани в освещение истории Великой Отечественной войны, несёт представление о военной действительности через призму взгляда непосредственных участников событий.

Передача фронтовых писем на хранение в архивы в составе документов личных фондов происходило благодаря их сохранности. Поэтому немаловажное значение при изучении их как исторических источников имеет то, как была организована почтовая служба военного времени, через которую и осуществлялась пересылка писем.

В исследованиях о военно-полевой почте в годы Великой Отечественной войны приводится статистика о том, что в действующую армию ежемесячно отправлялось порядка 70 млн. писем. «До войны нашу страну называли самой читающей в мире. В войну она стала – самой пишущей. За четыре года Великой Отечественной почтальоны доставили адресатам 10,7 миллиарда писем» [2]. В передовице газеты «Правда» от 18 августа 1941 г. (№ 228 (8636) «Фронту и тылу – образцовую связь» отмечалась особенность войны: подвижность, отсутствие сплошной линии фронта, часто меняющаяся обстановка, поэтому связь приобретала исключительное значение, «важно чтобы все отрасли связи – почта, телефон, телеграф – работали четко и бесперебойно. Надо чтобы газета пришла к бойцу на фронт в минимально необходимый для этого срок. Важно, чтобы письмо бойца родным, письма и посылки бойцам, которые огромным потоком идут со всех концов страны, не задерживались, не залеживались по вине работников связи. Каждое такое письмо, каждая такая посылка именем отцов и матерей, братьев и сестер, родных и знакомых, именем всего народа вливают новые силы в бойца, вдохновляет его на новые подвиги» [3].

С первых же дней войны, как на фронте, так и в тылу почту относили к объектам особой важности. Постановлением бюро ЦК КП (б) Казахстана «О состоянии и мерах усиления охраны промышленных предприятий в республике» от 28 июня 1941 г. руководству НКВД республики было поручено проверить и принять конкретные «меры по организации усиленной охраны промпредприятий, транспорта,

важнейших государственных учреждений (телеграф, банки, почта), а также складов мобзапасов и хранилищ пищевых продуктов (элеваторы, зерносклады и т. д.)» [4].

За годы войны в организацию военно-полевой почты вносились существенные изменения. При транспортировке почтовую корреспонденцию приравнивали к грузам стратегического значения наряду с вооружением и боеприпасами. По воспоминаниям участников войны получение писем от родных и близких было одним из самых радостных событий на фронте, переписка солдат поощрялась командирами, этому уделялось большое значение. В сентябре 1942 г. приказом наркома Оборона СССР введена в действие Инструкция по адресованию почтовой корреспонденции в Красной армии в военное время. В воинских частях в беседах и на страницах фронтовых газет давали подробные разъяснения, как написать письмо. «Твое письмо может не дойти до родных и письма из дому не дойдут до тебя, если ты неправильно запишешь адрес», – обращали внимание военнослужащих на оформление письма [5]. Так в октябрьском номере за 1942 г. газеты «За Родину», которая издавалась в 8-й Гвардейской стрелковой, Режицкой, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова им. Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова дивизии, говорилось: «Прежде чем сообщить родным и знакомым свой почтовый адрес, спроси у своего командира, какой правильный адрес установлен для нашей части. Точно выполняй следующие правила:

а) Не сообщай своим родным и знакомым неправильного адреса. Не прибавляй к нему от себя ни одного лишнего слова. Сообщи только тот адрес, который установлен командованием вашей части. Номер полевой почты пиши перед словами «Полевая почта», как указано в примерах, а не после. Запомни, что по неправильно сообщенному адресу письма к тебе не дойдут.

б) На всех письмах, посылаемых родным, обязательно указывай свой обратный адрес.

в) Если наша часть перешла к другой полевой почте, поторопись узнать у своего командира новый правильный почтовый адрес и немедленно его сообщи родным и знакомым.

г) Требуй от родных и знакомых, чтобы они правильно писали на письмах твой почтовый адрес, не искажали номера полевой почты и номера части. Малейшая неточность приведет к неполучению тобой писем» [5].

В каждом номере газеты указывался адрес редакции: «993 Полевая почта. Часть 74» [5], это адрес 8-й Гвардейской дивизии, который сегодня можно установить по Справочнику полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 гг. на сайте *soldat.ru*.

Пересылка писем с фронта осуществлялась бесплатно, кроме того не было необходимости покупать конверты, почтовые открытки, марки, достаточно было особым способом сложить письмо в виде «треугольника» и написать адрес. Максимально упрощалась форма почтовой корреспонденции, намного сложнее дело обстояло с адресацией и содержанием писем.

Захват почтовой корреспонденции противником мог иметь тяжелые последствия от раскрытия секретных сведений о дислокации воинских соединений, до информации о характере вооружения и т. д. Поэтому военнослужащие предупреждались: «Письма родным и знакомым старайся писать кратко. Лучше пиши чаще, но короче, не занимай больше листа почтовой бумаги, не пиши в письмах, в какой части ты служишь, какой вид у вас оружия, где ваша часть находится, куда и откуда переезжали или переезжаете. Запомни, что болтовня в письмах о вооружениях части, ее численности и ее месте расположения – находка для шпионов врага» [5].

Здесь уже подключалась особая служба военных цензоров, которые проверяла содержание писем и имели право «вымарать» (закрасить черной краской) информацию, имеющую характер секретных сведений. На письмо ставился особый штамп «Проверено военной цензурой» [6]. В самом начале войны 6 июля 1941 г. ГКО секретным постановлением «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» запрещает сообщать сведения военного, экономического или политического характера, оглашения которых могут нанести ущерб государству. Установлен размер письма не более 4-х страниц формата почтовой бумаги, органы НКГБ в прифронтовой полосе просматривали все письма и телеграммы [6]. Военнослужащим настоятельно рекомендовалось отправлять письма через военно-полевую почту, т. к. в этом случае исключалась «утечка» информации. «Написанные письма сдавай в полевую почту или своему воинскому почтальону. Не пользуйся услугами случайных попутчиков» [6].

В феврале 1943 г. в организации военно-полевой почты вводится новая система почтовых обозначений воинских соединений: приказ наркома Обороны СССР от 6 февраля 1943 г. № 0105 «О порядке ад-

ресования корреспонденции в Красной армии и правилах сношения войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами». В публикациях о военно-полевой почте этот документ упоминается намного чаще остальных, в связи с чем стоит привести его полностью, текст взят из интернет-ресурса *ru.wikisource.org/wiki*.

**Приказ народного комиссара Обороны Союза ССР № 0105
о порядке адресования корреспонденции в Красной армии и
правилах сношений войсковых частей и соединений с граждан-
скими организациями и частными лицами**

6 февраля 1943 г.

Существующая система адресования секретной корреспонденции с указанием пунктов дислокации, а также простой корреспонденции по номерам полевых почтовых станций и условным номерам частей не обеспечивает в должной мере скрытности дислокации войск и вместе с тем усложняет и замедляет доставку корреспонденции адресатам.

Установленный порядок сношений войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами, по действительному наименованию частей, дает возможность сосредоточивать в этих организациях сведения о дислокации войск.

С целью скрыть истинные наименования частей и соединений Красной армии, а также для обеспечения большей секретности дислокации войск и упорядочения адресования корреспонденции *приказываю*:

1. Установить для всех частей и соединений Красной армии номера полевых почт, которые должны являться официальным наименованием части и соединения для сношений с гражданскими организациями и частными лицами, а также постоянным несменяемым адресом для направления простой корреспонденции как служебной, так и военным служащим.

2. Организационному управлению Генерального штаба к 15 февраля с. г. присвоить централизованным порядком всем отдельным частям, соединениям и учреждениям действующей армии, а также всем строевым частям и соединениям, дислоцируемым на территории военных округов, номера полевых почт.

Вновь формируемым частям и соединениям номера полевых почт присваивать одновременно с отдачей директивы о формировании.

В последующем назначение или изменение номеров полевых почт производить только централизованным порядком Организационным управлением Генерального штаба.

Учреждениям и заведениям Красной армии, постоянно дислоцируемым на территории военных округов, номера полевых почт не присваивать. При всех видах сношений и переписки эти учреждения и заведения называются по их действительным наименованиям.

3. С момента получения номера полевой почты запретить командирам частей, соединений и учреждений вести переписку с гражданскими организациями и частными лицами по действительному наименованию части. Для этой цели пользоваться номером полевой почты, как официальным наименованием части, имеющим юридическую силу.

4. При секретной переписке, а также при личном общении военнослужащих и должностных лиц, части, соединения и учреждения называть только по действительным наименованиям.

5. Во всех отдельных частях, соединениях и учреждениях, которым будут присвоены номера полевых почт, помимо штампов и печатей по действительному наименованию, иметь штампы и печати по номерам полевых почт.

Изготовление штампов и печатей производить в соответствии с приказом НКО № 155 1942 г.

Штабам фронтов, армий, дивизий и бригад штампы и печати изготовить централизованно распоряжением Генерального штаба.

6. Секретную и совершенно секретную корреспонденцию адресовать и направлять в соответствии с прилагаемой Инструкцией.

7. Начальнику Канцелярии НКО обеспечить прием всей секретной и совершенно секретной корреспонденции, направляемой главными и центральными управлениями НКО, штабами фронтов, округов, отдельными частями и соединениями, ее сортировку и направление адресатам.

В связи с этим реорганизовать отдел почтовой связи Канцелярии НКО, укрепив его командным составом.

8. Начальнику Главного управления связи Красной армии к 1 марта с. г. разработать в соответствии с настоящим приказом инструкцию по работе пунктов сбора донесений штабов фронтов и армий. Совместно с Народным комиссариатом связи и Народным комиссариатом внутренних дел определить взаимоотношения фельдсвязи НКВД, спецсвязи НКС со штабами частей и соединений по приему и направлению секретной корреспонденции в Красную армию.

9. Адресование простой служебной корреспонденции, воинских грузов по железной дороге и водным путем, а также всех почтовых

отправлений военным служащим производить исключительно по номерам полевых почт. При адресовании и направлении корреспонденции строго руководствоваться прилагаемой Инструкцией.

10. Существующие полевые почтовые станции и полевые почтовые агентства частей и соединений реорганизовать в военно-почтовые станции, возложив на них функции по приему, выдаче и пересылке всех видов несекретных почтовых отправлений для полевых почт частей и соединений.

Начальнику Оргштатного управления Главупраформа совместно с Организационным управлением Генерального штаба и Главным управлением связи Красной армии пересмотреть штатное расписание обеспеченности частей и соединений Красной армии органами и учреждениями военно-полевой почты и упорядочить штаты для всех военно-полевых почтовых станций.

Во всех частях, которым будут назначены номера полевых почт, распоряжением командиров частей выделить войсковых почтальонов.

11. Переход на новую систему адресования корреспонденции произвести с 1 апреля с. г.

В период времени с 1 апреля по 15 мая с. г. корреспонденцию, адресованную по старой системе, т. е. по номерам ППС и условным номерам частей, от граждан и учреждений принимать и направлять в закрытых пост-пакетах до военно-почтовых баз.

12. Приказ НКО 1942 г. № 0679 отменить.

Заместитель
Народного комиссара обороны
генерал армии **Василевский** [7]

В этот же период было принято решение о бесплатной пересылке писем на фронт. Постановлением Совнаркома СССР от 7 января 1943 г. № 25 «О бесплатной отправке писем военным служащим и в их адрес» устанавливается на время войны бесплатная пересылка корреспонденции военным служащим в виде простых писем и почтовых карточек (*данный порядок действовал и до названного постановления для писем с фронта*). Новое было в отношении корреспонденции на фронт: «Также бесплатно пересылаются личные простые письма и почтовые карточки, адресуемые военным служащим Красной армии и Военно-Морского флота» [8].

Через военно-полевую почту доставлялись письма, газеты, журналы и посылки. Отправка последних имела свои ограничения и была платной. Информацию о приеме посылок публиковали на страницах газет. «Разрешен прием посылок весом до 5 кг в адрес бойцов и

начальствующего состава действующей Красной армии и Военно-Морского флота, а также в части и учреждения, расположенные в тылу. Посылки принимаются до 1 января 1943 г. в областных, краевых, республиканских, районных центрах и выделенных городах. В Москве посылки принимаются на Главном почтамте и в почтовых отделениях: Верхне-Радищевская, 15, Шоссе Энтузиастов, 102, Банный переулок, 3, Коровий вал, 23, Лесная, 8-12, Бакунинская, 30» [5, л.22 об.].

Письмо с фронта через военного почтальона поступало на военно-почтовую станцию, далее на военно-почтовую базу армии, затем на военно-сортировочный пункт [9], затем через гражданскую почтовую связь в почтовое отделение конкретного населенного пункта.

Исследователи Великой Отечественной войны все чаще обращаются к фронтовым письмам, как особому документальному источнику участников войны, в которых вместе с содержательной частью писем интерес вызывает и информация адреса отправителя корреспонденции, номер его полевой почты. Сегодня разрабатываются базы данных с помощью которых можно уточнить боевой путь военнослужащего, например, где и в какой воинской части он служил на момент отправки письма с фронта, информацию можно отследить по Справочнику полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 гг. (сайт *soldat.ru*). Наряду с известными базами данных, созданные при активном участии российских архивистов, таких как ОБД «Мемориал», «Подвиг солдата», названные поисковые системы во многом облегчили труд исследователей, а также привлекли к поисковой работе миллионы людей, а значит история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пополнится новыми фактами и подробностями.

1. Рассекреченная война. «Особые паки ЦК КП (б) Казахстана 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы: ЛЕМ, 2020. Письма с фронта. 1941–1945 гг. Сборник документов / Сост. Д.И. Ибрагимов, И.А. Мустакимов, Г.Н. Фаезова, В.Г. Хамидуллина, Л.В. Хузеева, Н.А. Шарангина. – Казань: Гасыр, 2010. Войной опаленные строки. Авторы-составители: В.Д. Болтина, Т.Е. Покидаева, Л.В. Шевелёва. – Павлодар: ЭКО, 2020.

2. [Электронный ресурс] Коц И. Треугольный клин. URL: <https://rg.ru/2020/02/28/rodinapisma-pobedy-10-milliardov-pisem.html> (дата обращения 30.09.2020).

3. [Электронный ресурс] Правда, 18 августа 1941 г. URL: mpgu.su/wp-content/uploads/2020/05/Правда-№-228-от-18.08.1941.pdf (дата обращения 30.09.2020).

4. АП РК. Ф.708. Оп. 1/1. Д.2. Л.213–216. Цитируется по книге: Рассекреченная война. «Особые паки ЦК КП (б) Казахстана 1941–1945 гг. – С.27

5. АП РК. Ф.811. Оп.23. Д.337. Л.8 об.

6. [Электронный ресурс] РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д.1. Л.127. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367172/images> (дата обращения 30.09.2020).

7. [Электронный ресурс] РГВА. Ф.4. Оп.11. Д.75. Л.225–228. Цитируется по книге: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. – М.: Терра, 1997. – Т.13 (2–3). – С.63–

64. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_6.02.1943_№_0105 (дата обращения 30.09.2020).

8. [Электронный ресурс] РГВА Ф.4. Оп.12. Д.107. Л.60. Подлинник. Цитируется по книге: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. – М.: Терра, 1997. – Т.13 (2–3). – С.22. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_1943_с_объявлением_постановления_СНК_СССР_о_бесплатной_отправке_писем_военнослужащим_и_в_их_адреса (дата обращения 30.09.2020).

9. [Электронный ресурс] О. Чагадаева. «Письмо именем отцов и матерей, братьев и сестер...». URL: <https://rg.ru/2020/02/28/dokumenty-pobedy-pismo-imenem-otcov-i-materej-bratev-i-sester.html> (дата обращения 30.09.2020).

Сырлыбаева Г.Н.

Преподаватели и выпускники Харьковского художественного института. Эвакуация. Алма-Ата. 1941–1944

Изучение архивных документов позволяет открыть новые страницы в истории изобразительного искусства в период эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Обращает на себя внимание большая группа художников, прибывших из Харькова. Среди них преподаватели и выпускники Харьковского художественного института (далее – ХХИ), старейшего учебного заведения на Украине. Он был основан в 1921 г. За годы работы в институте сложился коллектив профессиональных преподавателей, многие из которых сами когда-то были его студентами.

В начале войны институт был эвакуирован в Самарканд. Но некоторые сотрудники оказались в Алма-Ате.

Как известно, Харьков был оккупирован немецкими войсками 24–25 октября 1941 г. Но уже в сентябре в Алма-Ату начинают пребывать первые эвакуированные из города художники. Среди них были представители различных национальностей, но преобладали евреи. Для них эвакуация была наиболее актуальной. По различным источникам удалось выявить 20 человек. В основном это те художники, кто встал на учет в Союзе художников Казахстана (далее – СХК) и активно участвовал в его мероприятиях. Дату прибытия не всегда удастся с точностью определить. Информацию дают анкеты, заполняемые при постановке на учет в СХК. Трудно сказать, приехали они все вместе или добирались до Алма-Аты разными путями, поскольку даты регистрации у всех разные. Период прибытия охватывает примерно сентябрь 1941 – начало 1942 г. Официальной датой освобождения Харькова считается 23 августа 1943 г. Художники сразу же стали покидать Алма-Ату, уезжая кто в Москву, кто в Киев, но большинство вернулось в Харьков.

Что еще объединяет мастеров, приехавших из Украины, кроме принадлежности к ХХИ? В первую очередь, высокий профессионализм. Многие из них учились и за границей, экспонировали там свои произведения, имели опыт организационной и педагогической работы, занимали руководящие посты в творческих организациях. Трудовой стаж у большинства – 20 и более лет. Их художественная специализация охватывала основные виды изобразительного искусства – живопись, графику, скульптуру. Все это в совокупности помогло им активно включиться в творческий процесс буквально с первых дней пребывания в Алма-Ате. И психологически им, вероятно, было легче адаптироваться к новым условиям. Ведь они вместе работали и хорошо знали друг друга. В довоенный период некоторые из них совместно трудились над проектами, складывались творческие тандемы на многие годы.

Исследование изобразительного искусства военного периода имеет большие сложности. Одна из основных проблем – практически полное отсутствие самих произведений. Хотя работы приобретались с выставок и Художественным Фондом (далее – ХФ), и СХК, но судьба многих на сегодняшний день неизвестна. Безусловно, это создает большие трудности для искусствоведческого анализа, необходимо все-таки иметь представление и о художественных достоинствах выполненных работ, учитывая при этом и специфику творческого труда в военные годы – отсутствие материалов, условий для работы, сжатые сроки исполнения. В какой-то степени решить эту проблему помогают сохранившиеся списки работ, экспонируемых на крупнейших выставках, позволяющих составить представление о количественном, жанровом и тематическом характере создаваемых произведений. Автору статьи повезло. Удалось обнаружить несколько фотоснимков, воспроизводящих некоторые произведения, что дало возможность более предметно говорить о специфике творчества художников этого непростого периода в их биографии. В связи с этим, важно зафиксировать даже малейшую полученную информацию, как биографического, так и художественного характера.

Основную группу харьковчан расселили в станице Талгар. Семейных старались разместить в самой Алма-Ате. Условия проживания были сложными, тем более для художников, которым требовалось дополнительное пространство для творческой работы. Факт общеизвестный, но еще раз об этом напомним. Многие на вопрос в анкете о жилплощади указывали даже не метры, не наличие комнаты, хотя бы

небольшой, коротко писали – «угол», «с подселением». Таковы были реалии военного времени.

Конечно, харьковские художники оказались удаленными от центра, где происходили основные события. К тому же были большие проблемы с транспортом. Учитывая такое скопление художников, для организации их творческой деятельности, уже 2 декабря 1941 г. было принято решение открыть филиал СХК в Талгаре. Уполномоченным был назначен В.И. Касиян, членом Правления отделения ХФ – А.И. Страхов. Это способствовало активному участию харьковских художников в общем творческом процессе.

Василий Ильич Касиян (1896–1976) – крупнейший украинский график, получивший известность еще в довоенный период. В основном занимался разработкой плакатов. Окончил Пражскую Академию изящных искусств. С 1930 г. жил и работал в Харькове, преподавал в ХХИ. Был эвакуирован в станицу Талгар, но пробыл там недолго. Чуть позже переехал в Самарканд, но успел принять участие в одной из крупнейших выставок 1942 г. – 1-й Республиканской. Была представлена акварель «Партизаны» (70x52) [1].

Не менее известным художником был и Адольф Иосифович Страхов (1896–1979). Его настоящая фамилия – Браславский. Страхов – псевдоним, под которым он начинает работать с 1919 г. Мировую славу ему принес плакат «В.И. Ленин» (1924), получивший золотую медаль на Международной выставке в Париже.

На учет в СХК художник встал 17 ноября 1941 г. [2]. Работал в различных графических техниках. Но основной род деятельности – скульптура. Уже в январе 1942 г. начал трудиться над скульптурной композицией «Отомстим» для республиканской выставки. На 2-й Республиканской выставке экспонировалась его работа «Гунны XX века». В период 1941–1943 гг. работал над созданием серии акварелей «Талгар. Алма-Атинская область» и др. [3].

Жена художника, Раиса Мироновна, вспоминала: «Когда началась война, Адольф Иосифович ушел на фронт, вскоре был ранен и отправлен в госпиталь в Среднюю Азию [скорее всего речь идет об Алма-Ате – С. Г.]. Я была там же в эвакуации, и мы встретились. Его демобилизовали, и мы оставались в Средней Азии, пока не освободили от немцев наш родной Харьков. Большую часть работ, которые он здесь сделал, нам удалось привезти домой в Харьков. То, что вы видите здесь, на стенах квартиры, – это все и есть работы Страхова. К этому времени относится работа А. Страхова такая как библейско-

величественная акварель «Предгорья Ала-Тау». И далее «Стены небольшой четырехкомнатной харьковской квартиры Страховых были сплошь завешены работами художника. Их негромкая лирика, задушевность, объемность и наполненность воздухом, тонкость и изысканность колорита говорили о руке Мастера. Это был как будто другой художник, непохожий на автора урбанистического плаката» [4]. Сохранилась черно-белая фотография одного из акварельных пейзажей Талгара – «Морозно» (1943). Возможно, снимок сделан на Республиканской выставке 1943 г. Эта работа упоминается в машинописном каталоге выставки. С высокой степенью конкретности и достоверности художник изобразил на фоне заснеженных гор несколько небольших бревенчатых домиков. И хотя снимок не дает представления о цветовом решении листа, тем не менее, чувствуется, что автор добился передачи ощущения солнечного дня: тонкие изящные деревца отбрасывают на белый снег четкие графические тени [5].

На базе исторического опыта, используя традиции, уже сложившиеся в русском и советском искусстве, в первые годы войны СХК определил основным видом работы – выпуск плакатов и других художественных форм политической агитации и пропаганды, призвал всех художников мобилизоваться для выполнения работ оборонного значения. Типографии города первое время не могли обеспечить необходимый тираж, оперативно справиться с поступающими заказами. Тогда стали выпускать плакаты путем трафарета в две–три краски, обеспечивая, таким образом, тиражи до 50 экземпляров за ночь. Работали так, чтобы уже к утру распространить их по городу.

Для тиражирования «Окон ТАСС» и «Агитокон КазТАГ» создали две бригады художников. Одна находилась в Алма-Ате при ССХ. В ее состав входили: В.В. Воинов – бригадир, З.Д. Назыров – заместитель, В.В. Каптерев, О.Д. Кужеленко, М. Ускенбаев и др. Вторую бригаду было решено организовать в Талгаре из числа художников, эвакуированных из Украины [6]. Они подключились к выпуску плакатов в 1942 г. И это было оправданно, поскольку практически все харьковчане имели творческий опыт как в области печатной, так и станковой графики. Особенно активно участвовали в этом И. Дайц («Все, чем богат Казахстан», «Посылаем на фронт!»), Н. Карповский («Репка», «Разгильдяй свою вину охотно валит на войну»), Д. Шавыкин, Вс. Аверин («Уничтожайте убийц наших детей!») [7].

В создании агитационной продукции участвовали не только художники, но и писатели, и поэты. В связи с этим необходимо назвать

имя еще одной харьковчанки – Натальи Львовны Забилы (1903–1985), украинской писательницы, известной своими произведениями для детей. В свое время она окончила историческое отделение Харьковского института народного образования. Ею были написаны тексты ко многим плакатам своих земляков-художников.

Также одним из первых прибыл в Казахстан в октябре и встал на учет в СХК 20 ноября 1941 г. Иван Васильевич Бойченко (1896–1959), в равной степени занимавшийся живописью и графикой. Преподавал в ХХИ, заведовал кабинетом живописи и рисунка [8, л.1].

Художники Алма-Аты в годы войны стремились использовать свои творческие возможности как можно шире и всесторонне. Когда в 1943-м в горах под Алма-Атой началось строительство ГЭС, художники откликнулись на это событие: оформляли боевые листки, стенгазеты, доски почета. Первая группа прибыла на ГЭС 11 мая. И. Бойченко возглавил одну из творческих бригад, которая проработала на стройке 20 дней. Художники фиксировали трудовой процесс, создавали портреты строителей, делали зарисовки окружающего горного пейзажа, выполняли заказы прикладного характера, например, работали над созданием эскизов грамоты для стахановцев ГЭС.

Одним из участников этого «художественного десанта» был Бер Пинхусович Бланк (1907–1983) – один из основателей графической школы Харькова. Окончил ХХИ (1925–1930), работал в области ксилографии и линогравюры в основном над иллюстрированием и художественным оформлением книги. С 18 октября 1941 г. художник находился в Бийске Алтайского края [9, л. 6]. А уже с августа 1942-го до конца мая 1944 г. жил и работал в Алма-Ате.

Б.П. Бланк так описал свои впечатления о пребывании на ГЭС: «Я приехал на строительство в разгар земляных работ. Вначале я растерялся при виде огромного муравейника, где тысячи людей в самом разнообразном одеянии копошились на ослепительном солнце, выворачивая камни, работая кирками, ломami, лопатами, среди которых непрерывной цепью двигались пары с носилками с песком, щебнем, камнями. ... Я делал многочисленные наброски работающих. В перерывах и после работы рисовал портреты ударников. ... Из собранного материала, вернувшись домой, я вырезал 15 гравюр на линолеуме» [6, с.34–35]. Эти 15 гравюр объединились в серию «Строительство ГЭС». Фотография одной из них оказалась в архиве автора. Лист представляет собой достаточно сложный по композиционному решению рисунок. Это многофигурная композиция, наполненная множеством персонажей, и достаточ-

но динамичная: участники трудового процесса показаны в различных движениях. Действительно, художнику удалось передать ощущение «огромного муравейника». Одни копают землю и наполняют ею носилки. Другие уносят их и возвращаются уже с пустыми носилками, создавая определенный ритм в движениях работающих. Нет отпечатка скорби и усталости на лицах. И, казалось бы, ничто не напоминает о военных событиях. Но кто же изображен? Художник фиксирует внимание зрителя на характерной примете времени – трудятся только женщины, заменившие ушедших на фронт мужчин. Д. Митрохин, написавший вступительную статью ко 2-й Республиканской выставке 1943 г., на которой как раз и демонстрировались эти линогравюры, отметил: «Художник Бланк дал серию интересных зарисовок и акварелей со стройки алмаатинской гидроэлектростанции» [3].

Уникальным оказалось и творчество Всеволода Григорьевича Аверина (1889–1946), вставшего на учет в СХК 19 ноября 1941 г. [9, л.1]. Художник равноценно работал в области станковой, книжной графики, экслибриса, плаката; виртуозно владел техниками печатной графики – литографией, офортом, с равным успехом создавал пейзажи, портреты. В 1942 г. В. Аверин, имея опыт в оформлении естественнонаучных изданий, принимал участие в подготовке большого «Атласа промыслово-охотничьего хозяйства КазССР» по казахстанскому филиалу Академии наук СССР. В составе коллектива авторов был представлен на соискание премии И.В. Сталина [9, л.9]. Но наиболее ярко проявил себя в анималистическом жанре, считался одним из лучших украинских художников-анималистов. И в Казахстане в лучших традициях советской школы детской иллюстрации он выполнял произведения на «звериную» тематику: «Зайнышка», «Братишка», «Овода напали», «Синички», «Ослик», «Лисенок», «Зайчик». Потребность в таких рисунках сохранялась. Искусство создавалось и для детей. В годы войны продолжался выпуск детских книжек и открыток для самых маленьких читателей. Акварель «Мишка-музыкант» представляет медвежонка в милом клетчатом костюмчике, играющем на виолончели. А вот второй рисунок более замысловатый по сюжету, можно сказать – действительно сказочный. Огромный медведь, запряженный в телегу, громко ревя, взбирается по стволу огромной ели. Белки в ужасе разбегаются во все стороны, птицы разлетаются в испуге. Художник настолько достоверно воспроизводит сценку, что начинаешь верить в реальность происходящего.

Иллюстрировал детские книжки и украинский график Иосиф Абрамович Дайц (1897–1954), выпускник (1921–1929) и преподаватель (с 1935 г.) ХХИ. Известны его детские иллюстрации – «Два дяди», «Сестренка» (тушь, акварель). Уделил внимание этому непростому жанру вышеупомянутый Б. Бланк. В списках к выставкам значатся его работы – «Мишка с ульем», «Белки», «Лягушки», «Ежик». Не будем забывать о вкладе в развитие детской иллюстрации военных лет художника Д. Шавыкина. В технике графитного карандаша он выполнил 8 рисунков к детской книжке «Подвиг деда Матвея». На Республиканской художественной выставке 1943 г. организовали даже специальный «Уголок детской тематики», где экспонировали свои работы не только эти указанные художники, но и их земляки – харьковчане Л. Худяк с иллюстрациями к книжке «Друзья», М. Фрадкин – «Кот и лиса» [3].

Документальные фотографии позволяют познакомиться с творчеством Дмитрия Николаевича Шавыкина (1902–1965), преподававшего в ХХИ в 1930–1940 гг., более подробно. Умение работать в жанрах пейзажа, тематической и исторической картины, а также в области книжной графики позволили ему активно и ярко проявить себя в годы эвакуации. Уникальный снимок военной поры зафиксировал фрагмент экспозиции 1-й Республиканской выставки 1942 г. На нем среди картин полотно Шавыкина «Они побывали» (1942), написанное на тему зверств немецких оккупантов среди мирных жителей. В первые годы войны эта тематика была особенно востребована. Достаточно вспомнить широко известные в советском искусстве произведения, например, картину крупнейшего художника Аркадия Пластова «Фашист пролетел», выполненную как раз в 1942 г. Шавыкин изобразил на первом плане старика, оплакивающего расстрелянных родных и покидающих село немцев, за плечами которых мешки с награбленным добром.

Другая композиция экспонировалась в 1943 г. на 2-й Республиканской выставке – «Пленение генералов в Сталинграде». Работа вызывает ассоциации с историческим полотном испанского художника XVII в. Диего Веласкеса – «Сдача Бреды». В обеих картинах присутствует немой диалог побежденных и победителей. Слева на фоне разрушенных зданий, как бы символизирующих крушение захватнических планов Германии, изображена группа плененных немецких генералов. Справа на возвышенности – офицеры и солдаты Красной армии. Рядом – фрагмент танка, воспринимающийся как

символ крепкой и надежной защиты родной страны. Необычность трактовки этого сюжета заключается в том, что идущий во главе колонны пленный генерал отдает честь советскому офицеру, признавая тем самым мужество и героизм, военное превосходство защитников Сталинграда и в целом Красной армии.

Практически все украинские художники в довоенный период, так или иначе, обращались к образу Тараса Шевченко, иллюстрировали его произведения, проектировали памятники, посвящали живописные полотна. И в годы войны его образ был востребованным. Тем более, что Казахской государственной художественной галерее в связи с 125-летним юбилеем Т. Шевченко в 1939 г. было присвоено его имя. В 1937 г. специально для коллекции галереи украинским художникам были заказаны пять живописных копий с произведений Т. Шевченко. Что примечательно, в те годы музей поэта-художника находился в Харькове и в этой акции участвовали как раз художники из Харькова.

Григорий Борисович Беркович (1905–1976) окончил Киевский художественный институт (1925–1930), но с 1932 г. жил и работал в Харькове. Анкета СХК заполнена 12 ноября 1941 г. [11, л.2]. В 1944 г. он пишет картину «Шевченко в ссылке», в которой пытается объединить казахстанскую и украинскую истории. Как известно, Шевченко отбывал ссылку в Западном Казахстане. Художник пишет суровый мангышлакский пейзаж, изображает хмурое небо с мрачными тучами, несколько юрт. А в центре живописного полотна изображен сам поэт, задумчиво вслушивающийся в звуки домбры, на которой играет один из присутствующих в сцене казахов. Глубоко драматичен другой сюжет, реализованный художником в композиции «После варварства» (1943), в котором также прослеживаются ассоциации с сюжетами мирового искусства. Освободившие город танкисты помогают снимать тела повешенных мирных жителей. Параллели с евангельской сценой «Снятия с креста» в данном случае очевидны, что позволило художнику расширить границы видимого, придать эпизоду более глубокий общечеловеческий смысл.

Важно отметить, что Г. Беркович на 2-ю Республиканскую выставку предоставил девять карандашных портретов шахтеров Караганды. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на недостаток средств, СХК организовывал творческие командировки по городам и регионам республики. Достаточно вспомнить творческие поездки 1943 г. – московского художника Б. Месропяна на Чимкентский свинцовый завод и харьковчанина Л. Худяка в Гурьев [12, с.140].

О Сергее Фотиевиче Беседине (1901–1996) мы уже писали в связи с его знаменитой графической сьютой «8-я гвардейская дивизия им. генерала И.В. Панфилова» (1943, карандаш) [12, с.140]. Он также был выпускником и преподавателем ХХИ. Но хотелось бы расширить представления о нем, как о художнике, ввести в оборот информацию и о других его произведениях, созданных в эвакуации. К сожалению, в нашем распоряжении лишь их описания: «Следующий автопортрет – 1942 г., Казахстан, период эвакуации харьковских художников. Традиционные атрибуты профессии – черный берет, кисти – не отвлекают внимание от бледного лица, бессильно опущенной руки с кистью. Идет война, тяжело вдали от дома, но работа не прекращается. В годы эвакуации в Казахстане (Талгар, Алма-Ата), куда выехали многие харьковские художники, Беседин приобрел много друзей-казахов, поддержавших харьковчан в годы военных испытаний. На выставке немного работ того периода: «Казашка» (1949, карандаш), «В Талгаре» (1942), «За книгой» (Талгар, 1942), «Портрет молодого казахского скульптора Хакимжана Наурзбаева» 1949» [13].

Скульптура не получила развития в Казахстане в довоенный период. Работали лишь несколько мастеров – А. Пономарев, В. Крошин, иногда привлекали А. Риттиха. Ее развитие начинается уже в 1950-е гг. И в этом процессе огромную роль сыграли именно харьковские художники, среди которых в Алма-Ату прибыли ведущие мастера ва-яния. Именно они обеспечивали присутствие этого вида изобразительного искусства на выставках в годы эвакуации. Харьковчане представили целую группу талантливых скульпторов, причем различных поколений. Основоположником этой плеяды со всей очевидностью необходимо признать выдающего старейшего мастера Элеонору Абрамовну Блох (1881 – 17 января 1943, Алма-Ата). Специальное образование она получила в мастерской французского скульптора импрессиониста Огюста Родена, проучившись в Париже семь лет, до 1912 г. Своими впечатлениями о встречах и общении с великим мастером она поделилась в своих воспоминаниях, которые были опубликованы в 1967 г. в книге «Так учил Роден» [14]. С 1917 г. начинается ее карьера в Харькове как педагога – сначала в Харьковском художественном техникуме, затем в ХХИ. Активизировалась и ее творческая деятельность как скульптора. С 1935-го – она уже профессор, заведующая кафедрой скульптуры. Среди ее учеников: Н. Лысенко, О. Кудрявцева, Л. Муравин. Все они оказались в Алма-Ате. Скульпторам было особенно сложно: не было достатка в материале – пласти-

лина, гипса, что ставило под угрозу их участие на выставках. Но они как-то приспособивались.

Э. Блох заполнила анкету 26 ноября 1941 г. и встала на учет в СХК 8 января 1942 г. [15, л.1], а уже 12 февраля с ней был заключен договор на выполнение скульптуры в гипсе – «Санитарка», другое название «Казашка-медсестра» (1942). Этим годом датируется и вторая работа «Рабочая молодежь» (1942). Сроки сдачи – июнь: шла полным ходом подготовка к 1-й республиканской выставке, посвященной Великой Отечественной войне [15, л.8], Свой большой педагогический и практический опыт она стремилась передать своим ученикам. В годы войны работала над книгой «Методики скульптуры», которую не успела завершить. 17–18 января 1943 г. в возрасте 62 лет она скончалась в Талгаре, о чем сообщил СХК. А 23 февраля пришла телеграмма из Москвы от одного из ее учеников – Л. Муравина: «Узнав смерти Леоноры Блох глубоко скорбим. Передайте соболезнования семье, товарищам».

Михаил Григорьевч Лысенко (1906–1972) учился в ХХИ в 1926–1931 гг. Чуть раньше в 1924–1929-х обучался на скульптурном факультете этого же института и Лев Давыдович Муравин (1906–1974), с 1939-го ставший его преподавателем. Их творческий союз сформировался еще до войны. Они совместно работали над целым рядом проектов. Пожалуй, один из самых значительных – создание скульптурных композиций для Советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке (1939).

В творческом дуэте, находясь в эвакуации, они работали над проектированием памятника «28 гвардейцам-панфиловцам». Тема 28-ми героев-панфиловцев вызвала широкую дискуссию на 1-й Республиканской выставке 1942 г. Был поднят вопрос как в произведениях изобразительного искусства отразить современное историческое событие. Полемика развернулась вокруг трех работ – картин Белопольского и А. Риттиха, а также скульптурной группы М. Лысенко и Л. Муравина Работа ваятелей вызвала многочисленные положительные отзывы, хотя были и критические [12, с. 131–135].

Также ими совместно выполнены скульптурные композиции «Товарищи», «Партизаны». Основным материалом для эскизов был пластилин. По свидетельству Н.С. Мухина, бывшего в те и последующие годы секретарем СХК, творческим дуэтом был создан памятник-бюст генералу И.В. Панфилову и установлен в Алма-Ате на ул. Панфилова. Бюст имел 15 отливов и был распространен по населенным пунктам Казахстана.

В сентябре 1941 г. прибывает в Алма-Ату Ольга Николаевна Кудрявцева (1896–1964) вместе с семьей – мужем Б.П. Остащенко-Кудрявцевым и дочерью Зоей. Б.П. Остащенко-Кудрявцев – крупнейший ученый-астроном, доктор физико-математических наук. В Алма-Ате он работал в качестве профессора в Горно-металлургическом институте, заведовал кафедрой геодезии.

Ольга Николаевна также училась в ХХИ в 1924–1929 гг., как и Л. Муравин. В годы эвакуации она преподавала в Алмаатинском художественном училище и обратила внимание на талантливую юношу Хакимжана Наурзбаева, который поступил на учебу в мае 1943 г. Скульптурного отделения тогда в училище не было, и О. Кудрявцева рекомендовала отправить его на учебу в Москву. Но и там возникли проблемы. Его не приняли, поскольку не было среднего образования. Уже после войны Ольга Николаевна пригласила Наурзбаева в ХХИ, который он и окончил в 1951 г. Вернувшись в Алма-Ату, дипломированный скульптор организовал скульптурное отделение в училище, что безусловно, способствовало развитию этого вида изобразительного искусства в республике.

Необходимо сказать несколько слов и о Доре Ефимовне Гуревич (1907–1993), которая, как выяснилось, была еще одной ученицей Э. Блох. Начинала она свое художественное образование в Харьковском художественном техникуме под руководством знаменитого скульптора. И хотя она приехала в Алма-Ату из Москвы, а речь у нас идет о мастерах-харьковчанах, наша задача сохранить все имена, причастные к истории эвакуации. В 1941 г. она эвакуировалась сначала в Ашхабад. Затем в 1942-м оказалась в Алма-Ате. Сведений о ней очень мало, поскольку встала на учет СХК 17 января 1944-го. Вся ее деятельность в эвакуации была связана с работой на Центральной студии художественных фильмов в качестве театрального художника. Вернулась в Москву в 1944-м [7].

Иосиф Львович Рык (1897–1958) также специализировался в области скульптуры после обучения в Мюнхене и Харькове. На 2-й Республиканской выставке представил необычные экспонаты – три камеи – «Голова Афины», «Купальщица», «Автопортрет» [3]. На конкурс, посвященный 25-летию со дня смерти Амангельды в 1944 г. выполнил фигуру героя из дерева высотой в один метр.

Оказался в Алма-Ате и Наум Павлович Карповский (1907–1978), выдающийся украинский график, выпускник и преподаватель ХХИ. В военные годы активно участвовал в создании политического и агит-

тационного плаката для «Агитокон КазТАГ» – «Каждое зерно урожая – снаряд по врагу!» (1941), работал в творческо-производственном объединении художников Казахстана «КазИЗО». За свои достижения был удостоен звания Заслуженный деятель искусств КазССР.

Вместе с Карповским трудился и другой график – Моисей Залманович Фрадкин (1904–1974), выпускник и преподаватель ХХИ (1929). Д. Митрохин отметил его работы: «Очень своеобразные работы Фрадкина, посвященные фашистским зверствам во временно оккупированных немцами районах Белоруссии (Украины?)». Возможно, Митрохин имел в виду серию линогравюр «Пляска смерти» – «Танец огня», «Хоровод всадника» [3].

Обратимся к описанию этих произведений: «Пронзительной остротой, связанной уже не с выразительностью техники, а с сюжетами и композиционным построением, отличаются работы из серии «Фашистские оккупанты на Украине», 1942–1945 гг. В листе «Балаган» на фоне деревянных крыш местечка изображена большая группа евреев, принужденных под дулами пистолетов паясничать и плясать перед фашистами. В геометрическом центре листа изображен престарелый мужчина с талесом на плечах, который для смеха посажен на деревянного коня, вокруг которого пляшут еще несколько человек. На переднем плане, у нижнего края листа, изображен убитый еврей. Однако центральный образ еврея наделен таким скорбным спокойствием и достоинством, что фигуры фашистов по сравнению с ним выглядят незначительно и карикатурно, а сюжет напоминает иллюстрацию к Торе – к одной из многочисленных ее страниц, повествующих о бедствиях, обрушивающихся на еврейский народ.

Уникальной по лаконичности композицией является гравюра из той же серии «Расстрел». В прямоугольном, близком к квадратному, формате перед рвом спиной стоит человек с непокрытой обритой головой, на его длиннополом сюртуке нашита шестиконечная звезда, руки связаны за спиной. Фигура дана в обрез, ее силуэт имеет мощный монументальный контур. По другую сторону рва видна покосившаяся мацева – символ смерти, два сухих деревца беспомощно простерлись в серое небо. В произведении прочитывается больше, нежели конкретная человеческая смерть – это гибель всего мира еврейского местечка, его уход в небытие, подобно птицам, улетающим за край листа» [16].

Но вернемся к Бойченко. Покидая Казахстан, он направил 13 августа 1944 г. письмо в адрес СХК, в котором высказал пожелания не терять связь с Казахстаном, выразил готовность принимать участие в

творческой работе СХ. В частности, продолжать и дальше работу над казахстанской тематикой: написать портреты панфиловцев и композиции, посвященные их подвигу, портреты Амангельды и эпизоды из его жизни и деятельности и запечатлеть образы воинов Казахстана – защитников Украины. И далее: «Возвращаясь на родину, выражаю ССХ КазССР и всем художникам сердечную благодарность за оказанную нам эвакуированным художникам, в т. ч. и мне, помощь и работу в тяжкие годы Великой Отечественной войны» [17, л.3].

1. Республиканская художественная выставка Великая Отечественная война. Живопись, скульптура, графика, плакат. 22 июня 1942 года. Каталог. Авт. вст. ст. П. Новицкий. Машинописный вариант. Картоoteca Н.С. Мухина. Отдел «Изобразительное искусство Казахстана». ГМИ РК им. А. Кастеева.
2. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.2 л/д. Д.45.
3. Республиканская художественная выставка Великая Отечественная война. Живопись, скульптура, графика, плакат. 22 июня 1943 года. Каталог. Авт. вст. ст. Д. Митрохин. Машинописный вариант. Картоoteca Н.С. Мухина. Отдел «Изобразительное искусство Казахстана». ГМИ РК им. А. Кастеева.
4. [Электронный ресурс] Харьков, события, люди. URL: <https://www.facebook.com/kh.ljudi/posts/527330777679075/> (дата обращения 04.03.2020).
5. Архив Г. Сырлыбаевой.
6. Сырлыбаева Г.Н. История Союза художников Казахстана. 1933–1991. – Алматы, Интерпринт, 2009 – 278 с. с илл.
7. Картоoteca Н.С. Мухина. Отдел «Изобразительное искусство Казахстана». ГМИ РК им. А. Кастеева.
8. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.2. л/д. Д.38.
9. Там же. Д.32.
10. Там же. Д.3.
11. Там же. Д.29.
12. Сырлыбаева Г.Н. Крупнейшие выставочные проекты Союза художников Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Вторая Республиканская художественная выставка «Великая Отечественная война». 22 июня 1943 г. Алма-Ата. / История. Память. Люди: Материалы VIII Международной науч.-практ. конференции. 16 сентября 2016 г., Алматы-2017.-588 с.
13. [Электронный ресурс] Ровесник века. URL: <https://vecherniy.kharkov.ua/news/5164/> (дата обращения 04.03.2020).
14. Блох Э. Як учів Роден. – Київ, Мистецтво, 1967. –143 с.
15. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.2 л/д. Д.33.
16. [Электронный ресурс] Котляр Е.Р. Образы штетла в графике Моисея Фрадкина. URL: file:///C:/Users/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0/Downloads/had_2008_9_16.pdf (дата обращения 28.06.2020).
17. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.2. Д.278.

Танская О.А.

«Культурная эвакуация, ставшая для Алма-Аты культурной «революцией»

Созданное на базе тематического экскурсионно-лекционного материала, сообщение – результат анализа краткого экскурса в отдельный исторический эпизод из истории столицы советского Казахстана

с обзором некоторых архитектурных объектов, сегодня ставших достопримечательными. По очевидным и объективным причинам, автор использует в тексте старые названия улиц и сам г. Алматы называет по манере того времени – Алма-Ата.

Многие помнят старую алматинскую прибаутку: «Была станица – стала столица», подразумевающую тот факт, что Алматы, находясь на издревле обитаемой территории, наследует свою историю, прежде всего, от г. Верный, в 1921 г. получившего имя Алма-Ата, а в 1927 г. перенявшего от Кзыл-Орды столичный статус. Но именно Великая Отечественная война с ее эвакуацией, а также послевоенные годы сделали из провинциального городка не только и не просто столицу Советского Казахстана, но полноценный современный город [1].

О столице советского Казахстана слагали стихи и песни, писали в путевых дневниках и художественной прозе: «Алма-Ата – не город, а сама мечта», «город-сад» и «город цветов». Но это позже, а в 1940-е гг. Алма-Ату объявили Всесоюзным тылом, т. к. в период Великой Отечественной войны город наполнился тысячами переселенцев из прифронтной полосы, рабочими и инженерно-техническими работниками, сопровождавшими перебазированные промышленные предприятия, сотрудниками эвакуированных научно-исследовательских институтов и творческих коллективов [2].

По сведениям портала Qazaqstan Tarihy в Алма-Ате было развернуто 8 эвакогоспиталей, 15 вузов и техникумов, размещено свыше 20 культурно-просветительских учреждений [3].

Город быстро перешел на ритм жизни в условиях войны, вести становились все тревожнее день за днем. Фронту требовалась не только сверхсрочная выдача военной продукции, но и пропаганда идеологии, вдохновляющей на победу. Несмотря на тяжелейшие для всей страны годы, в СССР продолжали снимать кино, писать песни, издавать книги, создавать картины. Для поднятия духа организовывались общереспубликанские айтысы^{1*} народных исполнителей. В 1943 г.^{2*} здесь гастролировал артист-менталист Вольф Мессинг [4]. Актер Владимир Зельдин играл на сцене объединенного Казахско-русского драматического театра, выступала эстрадная певица Изабелла Юрьева. Сюда приезжал джаз-оркестр Эдди Рознера и давал гастроли актер Аркадий Райкин с театром миниатюры. Культурная жизнь Алма-Аты в те годы была насыщенной и разнообразной. «В Ленинграде горели

^{1*} Музыкальные «слеты» и выступления акынов, поэтов-импровизаторов.

^{2*} По другим сведениям, в 1942 г. Соколова Т. Война – войной, концерт – по расписанию. URL: <http://arhiv.kp.kz/2030> (дата обращения 15.08.2020).

Бадаевские продовольственные склады, начались бомбежки, а мы сочиняли и снимали для фронта. Важно было одно: экран, повешенный в землянке на двух шомполах, воткнутых между бревен, должен был воевать», – вспоминал советский режиссер с мировой известностью Григорий Козинцев [5]. Согласно данным Киносправочника Казахстана, в Алма-Ату было эвакуировано порядка трех тысяч кинематографистов, среди них известные режиссеры, актеры, операторы, сценаристы и художники кино.

В столице Казахской ССР обустроилась и так называемая «писательско-поэтическая колония». Кадыр Хасанов – уйгурский прозаик, в одной из своих неопубликованных рукописей вспоминает: «80 казахстанских писателей, поэтов и драматургов живут в Алма-Ате, половина из них сейчас на фронте. В годы войны Алма-Ата стала временным пристанищем для сотен русских, украинских, еврейских, белорусских, литовских, латвийских писателей. Здесь жили лауреаты Сталинской премии С.Н. Сергеев-Ценский, С. Михалков, К. Симонов, приезжал А. Толстой. Здесь писался «Брусиловский прорыв», отсюда по телеграфу в «Правду» передавались острые антифашистские эпиграммы Маршака. Здесь создавались первые киносценарии, посвященные войне. Панферов и Зоценко, Шкловский и Форш, Паустовский и Пятрас Цвирка, Шторм и Бела Балаж, Фридрих Вольф и Исаак Рубинштейн, десятки других не менее известных писателей нашли здесь приют...».

Многие из поэтов и прозаиков, ставших классиками советской литературы еще до войны, продолжили работу над созданием своих знаковых произведений и во время эвакуации в Алма-Ату. Так, Алексей Толстой работал над трилогией «Иван Грозный», Михаил Зоценко завершал повесть «Перед восходом солнца». С фронта периодически приезжал писатель Сергей Михалков. Он работал военным корреспондентом и навещал свою семью, эвакуированную в Алма-Ату: жену Наталью Кончаловскую и сына Андрея Кончаловского. По завершению войны и возвращению в Москву, у супружеской пары на свет появится Никита Михалков. Но это будет позже, а тем временем в Алма-Ате в военные годы жил также поэт, драматург и автор популярных детских книг Самуил Маршак. Здесь он написал свою известную поговорку-тараторку «Рассеянный в Алма-Ата», впервые опубликованную в журнале «Веселые картинки» в ноябре 1956 г.

В годы войны в Алма-Ате также жил советский прозаик, поэт, киносценарист Константин Симонов. Он работал над написанием воен-

ных очерков и над сценарием к фильму «Жди меня», в котором главную роль должна была играть его жена – Валентина Серова. Впечатления от недолгого пребывания в столице Советского Казахстана отзовутся спустя годы в повести «Двадцать дней без войны», где одним из героев стал его друг и бывший учитель, поэт Владимир Луговской.

В это же самое время с фронта несколько раз приезжала русская поэтесса, писательница и переводчица, военный корреспондент «Красной звезды» Аделина Ефрон, работавшая под псевдонимом Адалис.

В алмаатинских госпиталях для военных раненых, которых привозили в город с фронта сотнями тысяч, давали концерты Любовь Орлова, Михаил Жаров, Леонид Леонов, Борис Чирков и Вера Марецкая.

Связующим звеном не только между членами русской секции Союза писателей, но и всеми деятелями культуры был историк-публицист, литературный и театральный критик, социальный деятель Лев Варшавский. Лев Игнатьевич по политическим причинам был выслан в Алма-Ату в 1939 г. Работал старшим научным сотрудником библиотеки им. А.С. Пушкина,^{1*} в годы Великой Отечественной войны занимал должность уполномоченного председателя Союза писателей Казахстана.^{2*}

В одном из документов, находящихся в фонде Союза писателей Казахстана, имеется решение о необходимости ознакомить эвакуированных деятелей искусства с достижениями культуры Казахстана. Литературные вечера организовывались в Пушкинской публичной библиотеке, семинары проходили по четвергам в Союзе писателей. Ряд лекций о литературе и истории Казахстана было поручено читать писателям Мухтару Ауэзову, Сабиту Муканову, Габиту Мусрепову. Говорят, все исправно посещали эти семинары и яблоку упасть было негде.

В лихие военные годы у города сложился еще один эпитет – «советский Голливуд». И все потому, что в ноябре 1941 г. сюда перебазировались ВГИК^{3*} и Всесоюзная сценарная студия, но главное – «Мосфильм» и «Ленфильм». Вместе с Алма-Атинской студией хроники они образовали Центральную объединенную киностудию Союза – знаменитый ЦОКС, с которой связана большая часть истории советского военного кинематографа. В целом, за годы Великой Отече-

^{1*} Ныне Национальная библиотека Республики Казахстан.

^{2*} В годы войны секретарь, затем председатель русской секции, а также консультант и уполномоченный сначала по делам эвакуированных, а потом по лекционно-массовой и шефской работе Союза писателей Казахстана. / Л. Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!! – Алматы: Vesta, 2019. – С.473

^{3*} Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова.

ственной войны в Алма-Ате было отснято более 20 полнометражных картин и с десятков короткометражных кинолент, вошедших в историю отечественного и зарубежного кинематографа. Это составило 80% всей союзной кинопродукции. Такие высокие показатели стали возможными благодаря «культурной» эвакуации, свершившейся в Алма-Ате в период между первой волной эвакуации и победой в Великой Отечественной войне, когда город, явившийся «Всесоюзным тылом» одновременно стал кинематографической столицей СССР – «советским Голливудом».

И все-таки до сих пор никто не сможет однозначно ответить, почему было решено эвакуировать «Мосфильм» и «Ленфильм» в столицу Советского Казахстана, а не в какой-нибудь другой город страны Советов. Возможно, благодаря фактуре города и его погодным условиям, позволяющим широко использовать натурные съемки, вместо возведения дорогостоящих павильонов. Только тогда, зимами Кинофабрике было особенно холодно. Кино – снимали ночью. Света было мало. Днем – город работал. Многие режиссеры «Мосфильма» и «Ленфильма», работавшие в те годы в Алма-Ате, позднее вспоминали, что, как будто, сама казахстанская земля, теплый климат и радушная атмосфера помогли им в творчестве, вдохновляя и настраивая на успех. Некоторые кинокритики даже утверждали, что фильмы, снятые в Алма-Ате, можно было безошибочно узнать, что называется, «на глаз». Поскольку в них хорошо угадывалось какое-то необъяснимое очарование, навеянное неповторимо яркими впечатлениями, которые испытали мастера, работая и творя в Алма-Ате. И, как считал упомянутый выше Л.И. Варшавский, «советская кинематография не в праве забывать огромной братской помощи, которую ей оказал казахский народ в те тяжелые годы».

В декабре 1941 г. в Алма-Ату прибыли первые эшелоны с мосфильмовцами и ленфильмовцами. Здесь к их приезду уже был готов Дворец культуры на пересечении улиц Комсомольская^{1*} и 8 Марта^{2*}, наспех переоборудованный под киностудию и новый жилой дом на углу улиц Кирова^{3*} и Пролетарской,^{4*} получивший громкое название «лауреатник». Изначально, легендарный дом кинематографистов строился специально для преподавателей Казахского педагогического института. В распоряжении кинематографистов было всего восемь

^{1*} Ныне улица Толе би.

^{2*} Ныне улица Калдаякова.

^{3*} Ныне улица Богенбай Батыра.

^{4*} Ныне улица Зенкова.

трёхкомнатных квартир, поэтому «звезды» советского кино жили по несколько семей в одной квартире. Всего 70 чел. на 24 комнаты (!). Среди жильцов Дома кинематографистов были ярчайшие деятели советского кино: Всеволод Пудовкин, Иван Пырьев, Григорий Александров, Николай Черкасов, Любовь Орлова, Борис Бабочкин, Григорий Широков, братья Васильевы (творческий псевдоним однофамильцев, советских кинорежиссёров и сценаристов, Георгия и Сергея Васильевых) и легендарный Сергей Эйзенштейн. Многие из них были лауреатами Сталинской премии, и кто-то в шутку называл дом «лауреатником». Название так крепко закрепилось за Домом кинематографистов, что живет в Алматы и поныне. Однако были и другие неофициальные имена, к примеру Дом искусств или Дом Советов. Позже, упоминая о нем и повествуя об Алма-Ате военных лет, прославленный советский поэт Владимир Луговской написал поэму «Город снов», в первом варианте которой были строки, посвященные «лауреатнику»:

Мое жильё. О, Боже! Дом искусства, без электричества, без лампочек, без печек.

Набитый бесприютными людьми. Войдешь – ударит духом общежития.

Актеры спят, покрывшись чем попало.

Мигают одноглазые коптилки, а все-таки как прежде жив курилка.

Жив человек. Его не одолеешь ни холодом, ни голодом, ни смертью, ни разговорами!

Владимир Луговской, эвакуированный в Ташкент, часто приезжал в Алма-Ату по приглашению С. Эйзенштейна для составления текстов песен и диалогов для фильма «Иван Грозный». По приезде селся в «лауреатнике» в одной комнате со своей сестрой, писательницей и художницей Татьяной Луговской и ее мужем, писателем и сценаристом Сергеем Ермолинским. Все спали на полу. Было тяжело и трудно, бытовые условия столицы того времени были сравнимы с необходимостями обыкновенной деревни. Не было ни транспорта в достаточном количестве, ни питания, ни бани, ничего столичного. Кто-то голодал, кто-то стоял в очередях, другие болели тифом, многие умирали, но, несмотря на трудности, продолжали работать и своими силами приближать Победу. Из воспоминаний Л.И. Варшавского: «Были тяжелый потери. Умерли от брюшного тифа блистательные актеры Борис Блинов, создавший незабываемый образ Фурманова в фильме «Чапаев», Софья Магарилл – жена Козинцева, которая еще в 1920-х гг. приобрела широкую известность в немом кино, умер старик Черкасов, навсегда памятный нам как создатель образа Суворова. Больно поразила всех смерть молодого режиссера Кадочникова, который хотел снимать кинокартину «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

У него было больное сердце, и он был освобожден от призыва в армию. Студии понадобилось топливо, он поехал в Баканас на заготовки саксаула, надорвался и умер. В Алма-Ату его привезли уже мертвым. Тяжело вспоминать об этом. Но горе идет рука об руку с радостью. Скорбь сменяется весельем. И удивительно, что светлые моменты всегда врезаются в память глубже, чем скорбь и печаль» [6].

Приведем также отрывок с воспоминаниями С. Ермолинского о его вселении в «лауреатник» из книги Натальи Громовой «Все в чужое глядят окно»: «... Был конец 1942 г., а война все продолжалась. ...Неприменно нужно вспомнить и о том, как в день моего приезда в Алма-Ату меня вселили в «Дом Советов». Верно – «Ноев ковчег» эвакуированных из Москвы и Ленинграда! В коридорах были свалены в угол кадки с пальмами, украшавшие раньше гостиничные холлы, пахло кухонным бытом густо населенного общежития. Я очутился в небольшом номере. Там стояла железная кровать с небольшим матрацем, стол и два стула из прежней стандартной мебели, вот и все. Я присел на кровать, задумавшись, как бы устроиться здесь поуютнее. У меня ничего не было. Но чудеса продолжались.

Первым появился Эйзенштейн. Этот человек, чуждый какой-либо сентиментальности, принес мне продолговатую подушку (она сохранилась у меня до сих пор) и произнес:

– Подушки у вас, разумеется, нет. Без подушки спать неудобно. А мне навезли их зачем-то целых три. Так что вот – пользуйтесь!

– Во-первых, – начал я, – мне надобно поблагодарить вас, Сергей Михайлович...

– Вы не меня благодарите, а Черкасова, – перебил он меня.

– А Черкасов сейчас здесь?

– Здесь. Но не вздумайте идти к нему. Сахновский сунулся было, так он на него взвизгнул полежаевским голосом: «Вы что, батенька, смеетесь надо мной? Не забывайте, я царь Иван Грозный! Царь!»

Я не успел ответить Эйзену, как ворвался Пудовкин. Был он, не в пример Сергею Михайловичу, эмоционально взвинчен, что вообще было ему свойственно.

– Простыня! Вы понимаете, Анна Николаевна задумала адский план обмена её на соль, или сахар, или что-то ещё в этом роде, но я вовремя схватил эту простыню.

– Вы поступили правильно, Всеволод Илларионович, – сказал Эйзен, раскланявшись в мою и в его сторону.

– Где он достанет простыню? Смешно! – воскликнул Пудовкин. – Прошу, Сережа, чем, как говорится, богат. ...

Сердце мое согрелось. Так началась моя алма-атинская жизнь: радушно! И что греха таить, сперва я даже расслабился. Я просто задохнулся от чувства свободы» [7].

На втором этаже «лауреатника» в небольшом фойе располагался радиорепродуктор и в моменты, когда передавались победоносные сводки Информбюро «там былолюдно, как в автобусе в часы пик».

Также среди постояльцев Дома искусств ненадолго оказалась Галина Серебрякова, чьим именем гордится казахстанская культура – русская советская писательница и журналистка, автор романов о Марксе и Энгельсе. Еще до начала войны в процессе работы над романом о Карле Марксе и циклом художественно-исторических новелл «Женщины эпохи Французской революции», она собирала материал в Европе, по заданию «Комсомольской правды» в качестве репортера побывала не только в Швейцарии и Франции, но и в Китае, за что потом была обвинена в шпионаже и сослана в Казахстан, где познакомилась с юной Бибигуль Тулегеновой. Здесь Серебрякова давала Тулегеновой первые уроки музыки. По настоянию Галины Иосифовны Бибигуль поступила на вокально-хоровой факультет Казахской консерватории в Алма-Ате.

После 3-дневного пребывания в Алма-Ате «мне предложили выбрать город в пределах республики и отправиться туда в ссылку. Я назвала Семипалатинск, вспомнив, что там отбывал срок ссылный Достоевский». В одноэтажном Семипалатинске Серебрякова жила после дворцов и небоскребов Москвы, Лондона и Рима. Испытав все ужасы сталинских злодеяний, писательница с теплотой напишет о своей ссылке в Казахстан, о республике и ее людях в повести «Смерч» [8].

Здание столичного Дворца культуры, предоставленное ЦОКС, возведено в 1933–1936 гг. ленинградскими архитекторами Д. Фоминым, Е. Цейтлином, конструктором В. Райляном, представляет собой памятник архитектуры 30-х гг. XX в., построенный в стилевых характеристиках «упрощенной классики», т. е. в переходных тенденциях от классицизма к функционализму. Вплоть до возведения Дворца спорта им. 50-летия Октября в 1967 г. здание оставалось крупнейшей концертной площадкой республики.

В 1941 г. строителям пришлось наспех его переоборудовать под киностудию. На месте зрительного зала расположился большой павильон для съемок, во дворе киностудии складировался прибывающий с Москвы и Ленинграда груз с реквизитом, проявочными машинами, лабораторным оборудованием и осветительной аппаратурой.

В 1983–1985 гг. проведена реконструкция здания по проекту архитекторов Ю. Ратушного, Т. Ералиева, О. Балыкбаева, конструктора Ж. Сыздыкова, после которой здесь обосновался «Казахконцерт». Ныне это здание занимает Казахская Национальная филармония им. Жамбыла, а в годы войны на «больших бульварах», как тогда называли фойе ЦОКС можно было увидеть крупнейших мастеров советского кино, прославленных режиссеров и операторов: Ивана Пырьева, Юрия Райзмана, Всеволода Пудовкина, Абрама Роома, Фридриха Эрмлера, Константина Юдина, Александра Столпера, Григория Рошаля, Герберта Раппапорта, братьев Васильевых и, конечно же, Сергея Эйзенштейна.

Кино военных лет – это кино для Победы. Поэтому ЦОКС готовила военные киноальбомы, о которых критики писали, что «далеко не все короткометражки удалась с художественной точки зрения, но невозможно не оценить их вклад в поднятие боевого духа солдат». Помимо военных киноальбомов в павильонах ЦОКС завершались съемки больших полнометражных фильмов, начатых еще в Москве и Ленинграде. Среди них «Свинарка и пастух», «Котовский», «Машенька», «Парень из нашего города», «Александр Пархоменко». Из воспоминаний многих деятелей советского кино очевидно, что единственной проблемой киношников была маскировка алмаатинской зелени, дабы улицы в кинокадре максимально напоминали ленинградские и московские. Вместе с тем, шла подготовка к съемкам киноленты «Песни Абая» и легендарного «Ивана Грозного» с Николаем Черкасовым в главной роли – фильм, ставший настоящей сенсацией и сделавший своего режиссера – гениального С. Эйзенштейна, «создателем новой кинематографии».

С. Эйзенштейн был знатоком предметов искусства и замечательным художником-графиком. И надо признаться, что рисовал Эйзенштейн также профессионально, как и снимал кино. «Революция дала мне в жизни самое для меня дорогое – это она сделала меня художником. Желания были, но только революционный вихрь дал мне основное – свободу самоопределения», – говорил Сергей Эйзенштейн [9]. Помимо творческих работ он создал полную визуализацию замысла киноэпопеи «Иван Грозный». Каждый рисунок – это отдельный и полноценный кадр будущего фильма с точной прорисовкой всех мизансцен. По задумке Сергея Михайловича фильм об Иване Грозном состоял из трех серий. В итоге на экран вышла только первая серия, вос-

певающая идею великодержавности. Она же была удостоена Сталинской премии. Эйзенштейн мечтал снять картину в московском Кремле, но началась война и во время съемок фильма в Алма-Ате декорации Кремля были созданы из отштукатуренных и покрашенных циновок.

В павильонах ЦОКС создавались также «Боевые киноальбомы» [10], представляющие собой игровое короткометражное кино с призывными лозунгами и вместе с тем первые видеосвидетельства военного времени. Один из ярчайших примеров – «Сын бойца», в работе над сценарием к которому принимал участие писатель Габит Мусрепов, а главную роль сыграл актер Капан Бадыров. В 1943 г. эта киноновелла попала в США и была включена в полнометражную ленту под названием «Песнь о России», смонтированную американскими кинодокументалистами из разных отрывков советских фильмов. На фронте эта лента имела исключительный успех, советские солдаты воспринимали ее как документальную хронику.

Одним из последних фильмов, снятых на ЦОКС, была картина «Черевички» Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро. Во второй половине 1944 г., когда положение на фронтах в корне изменилось, студия с честью завершила свое существование, вернулись к себе домой «Мосфильм» и «Ленфильм», а вместе с ними и С. Эйзенштейн. На его сердце отрицательно сказался не только предгорный алмаатинский климат, но и тот факт, что вторая серия фильма «Иван Грозный» подверглась критике и запрету выхода на экран, а третья так и не увидела свет. В постановлении ЦК ВКП (б) от 4 сентября 1946 г. отмечалось, что режиссер «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов...» [11].

Мастер не мог прозаически покинуть гостеприимную столицу Казахстана. По воспоминаниям «грозненцев», «на плоской крыше киностудии был устроен прощальный ужин, где собравшимся открылась величественная панорама Алма-Аты на фоне гор Заилийского Алатау, освещенной заходящим солнцем».

С отъездом «Ленфильма» и «Мосфильма» существование ЦОКС практически завершилось, киностудия Союза стала Алма-Атинской студией художественных и хронико-документальных фильмов. На ее базе образовалась казахская национальная кинематография. Как и гарантировал в свое время Совнаркому КазССР Михаил Ромм, основные съемочные цеха вместе с оборудованием и необходимой аппара-

турой были полностью переданы Алма-Атинской киностудии. Для подготовки будущих специалистов осталась здесь временно и часть кадров, состоящих из москвичей и ленинградцев. Такие мастера своего дела, как кинорежиссёр и сценарист Ефим Арон,^{1*} поэт и сценарист Владимир Файнберг, кинооператор Михаил Аранышев, кинохудожник Павел Зальцман,^{2*} остались здесь насовсем. Каждый из них воспитал ни одно поколение ярчайших деятелей отечественной культуры и искусства.

В предместьях Алма-Аты располагались, т. н. «писательские колонии». На Клеверных участках, по взгорьям реки Алмаатинки, где еще несколько лет назад проводились айтысы, а позже возник зоопарк, исстари располагалась Верненская Хохлатская слободка. Хохлатской ее прозвали потому, как здесь жили украинские переселенцы, в годы эвакуации сюда же распределили десятки украинских прозаиков и поэтов. К примеру, здесь жила и работала над украинским вариантом «Слова о полку Игореве» переводчица Наталка Забила.

Здесь же поселился писатель-сатирик Михаил Зощенко, прозванный «Магистром народной литературы». В Алма-Ате он работал над написанием повести «Перед восходом солнца», за которую в 1943 г. партийная элита окончательно вычеркнула его из списка советских писателей. Об Алма-Ате, приютившей его в военные годы, сам Михаил Михайлович говорит, как о месте его «гражданской казни». Приехал к нам М. Зощенко из Петербурга глубокой осенью 1941 г., в переполненном вагоне «третьей волны эвакуации». В своих записях про Казахстан он говорил, что привез с собой полтора чемодана. Ведь вес багажа, позволенного везти эвакуированному, не должен был превышать 12 кг. Зощенко собрал в путь в основном только тетради-заготовки будущей книги [12].

Михаил Зощенко дружил с Максимом Зверевым. Писатель-натуралист Михаил Зверев «числился» в ГУЛАГе, но ему было позволено жить дома и, отдавая всю зарплату государству, работать в городском зоосаду. В военные годы в Москве ему предложили помочь в эти нелегкие дни зоопарку в Алма-Ате и сделать все посильное, чтобы сохранить животных. Предложение Зверев принял и, прие-

^{1*} И стал я казахстанцем. / Л. Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!!
...указ. соч. – С.111–113.

^{2*} Жизнь – поиск, или Художник школы Филонова. / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно !!!...указ. соч. – С.287–294.

хав в Казахстан, стал оказывать содействие Мурзахану Толебаеву^{1*} – первому директору и основателю Алма-Атинского зоопарка. Ехал в Казахстан Максим Дмитриевич всего на пару месяцев, а остался здесь навсегда, с первой минуты пораженный красотой алмаатинской природы. Однажды председатель казахской секции Союза писателей Сабит Муканов сообщил Звереву, что в Алма-Ате проживает друг Максима Дмитриевича советский писатель Алексей Бармин и, что Союз ничем не может ему помочь. И тогда Зверев отыскал бедствующую семью Александра Гавриловича в маленькой глиняной хатке на Восьмой линии по пути в район Тастак и, будучи тогда директором Алма-Атинского зоопарка, предложил переезд. «В зоопарке, надо сказать, за месяцы войны от голода погибли все экзотические обезьяны и тропические попугаи. Зверев предложил Барминим пустующую, относительно удобную для жилья клетку. В хозяйственной части зоопарка нашлась кое-какая мебель, посуда и утварь. Помещение, с пролетарскими условиями содержания, находилось в дальнем углу зоопарка. В заборе сделали калитку. Ключ от замка был только у Бармина, и он мог в любое время выйти на улицу Многоводную. Уже потом нашлась квартира против дома Зверева на ул. Грушевой» [12]. Вместе со своей семьей он тоже жил сначала в домике у птичьего пруда на территории зоопарка, а позже у него появился собственный дом на ул. Грушевой, чуть выше ул. Калинина. Теперь эта улица в районе алмаатинского «Компота» носит имя писателя и зоолога Максима Зверева.

Еврейские деятели литературы и искусства по распоряжению Москвы селились в районе Татарки, так до сих пор в Алматы называют бывшие казачьи Большую и Малую Алматинские станицы. В Большой Алматинской станице, к слову, еврей-переселенцы селились еще со времен основания г. Верного. В годы Великой Отечественной войны «творческая колония» еврейской диаспоры была настолько масштабной, что при Союзе писателей Казахстана усилиями деятелей антифашистского комитета (тоже эвакуированного в Алма-Ату), была образована еврейская секция.^{2*}

В Алма-Ате работали такие мастера слова как Исаак Рубинштейн, Бела Балаж, Пятрас Цвирка, Фридрих Вольф, литературовед Н.Е.

^{1*} Байкаш Ж.Т. Эпизоды из жизни Мурзахана Толебаева – первоодиректора Алма-Атинского зоопарка // Қазақстан архивтері (г. Астана) – № 2 (42) – 2017 – С.19–24.

^{2*}Чиликова Е.В. Еврейские литераторы в Казахстане. Штрихи к биографии одного из «других» – Пинчевского М. Я. / История. Память. Люди: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017 – С.99–111.

Берковский, известные советские ученые А.В. Думанский и В.А. Догель, а также десятки других не менее известных прозаиков и поэтов.

По эвакуации в Казахстан из Харькова продолжила учиться на филологическом факультете Алма-Атинского университета и будущий израильский литературовед, политолог и советский публицист Дора Шток (Штурман). опубликовавшая более трехсот научно-популярных статей, а в тандеме со своим супругом Сергеем Тиктиным написала около 15 книг о новейшей российской истории и политики. Большинство из ее произведений были подготовлены к печати в Израиле, а первая нашумевшая книга Штурман-Тиктиными «Наш новый мир» (позже «Экономика катастроф») была издана в Алма-Ате. Дора Моисеевна была названа самой известной женщиной мира и внесена в почетные списки Ассоциации женской интеллектуальной элиты Международным биографическим центром в Кембридже. Д. Штурман является родственницей казахстанского художника, профессора алмаатинского художественного училища Абрама Черкасского,^{1*} в 1941 г. также эвакуированного в Казахстан из Украины.

Классик казахстанского искусства Абрам Маркович Черкасский попал сначала в Актюбинск, оттуда приехал в Алма-Ату для преподавания в художественном училище им. Н.В. Гоголя. В Алма-Ате он прожил более четверти века. Причем приехал уже сложившимся художником, но при соприкосновении с иным типом природы, при познании истории, культуры и людей Казахстана он пережил необычайный подъем творческих сил. За 25 лет, которые он прожил в республике, художник создал впечатляющую по своему объему и художественному размаху живописную сюиту, воспевающую неповторимую красоту казахстанской природы, жанровые картины эпического и монументального характера. Алма-Ата с ее улицами, утопающими в зелени, особенно вдохновляла художника.

Алма-Ата, к слову, вдохновляла к творчеству еще одного всеми любимого «хранителя древностей» Алма-Аты Юрия Домбровского.^{2*} Ярчайшая его фигура также занимает особое место среди советских писателей, чья судьба была связана с Казахстаном. Юрий Осипович, трижды ссыльный в наш город, был не только писателем, но настоящим универсальным мастером: музеевед, археолог, искусствовед и

^{1*} Незабвенный Абрам Маркович / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!!...указ. соч. – С.300–306.

^{2*} Мой любимый дядя Юра / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!!...указ. соч. – С.389–412.

журналист. Первый раз он попал в Алма-Ату молодым и еще неизвестным, и стал здесь автором книг, среди которых, в первую очередь, роман «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», где щедро описывается и старый город, и архитектурные достопримечательности Алма-Аты и, вместе с ними, жемчужина алмаатинского деревянного зодчества – «полуфантастический зенковский собор» – Свято Вознесенский кафедральный собор. У Домбровского с Алма-Атой связана большая часть его почти семидесятилетней жизни. За это время он успел сменить несколько адресов, но в Алматы на доме № 121 по ул. Мира^{1*} имеется мемориальная табличка, возвещающая, что здесь жил русский советский прозаик, поэт и литературный критик Ю. Домбровский.

Некоторое время он жил и в другом доме чуть ниже ул. Мира – Дом делегатов, который своим центральным фасадом открывается к ул. Кирова^{2*}. Здесь в годы военной эвакуации проживала элита русской и советской литературы и искусства. Среди них: Самуил Маршак, Виктор Шкловский с семьей, Михаил Зощенко и др. И все друг с другом тесно общались. К Виктору Борисовичу Шкловскому, к примеру, в гости часто навещался Константин Паустовский со своей женой, художницей Валерией Валишевской. Нередко в гостях у Шкловского бывал режиссер С. Эйзенштейн со сценаристом и телеведущим Владимиром Шнайдеровым. Здесь же, в номере советского поэта Виктора Шкловского проживал и знаменитый польский поэт-футурист, писатель и переводчик с русского, французского и немецкого языков Александр Ват. Автор и создатель небезызвестного «Литературного ежемесячника», который называли «лабораторией марксизма», Александр Ват в своих воспоминаниях пишет о самой гостинице и о ее жильцах: «Вхожу в вестибюль – огромный, как в европейских парижского класса отелях, вокруг много народу. В основном это приехавшие в отпуск по ранению офицеры и прекрасно одетые молодые женщины. Звезды большие и малые. Тут же стоят и поляки. Пришли в свое представительство. Оно расположено на втором этаже – это гостиница. Они выстроились на лестнице, ждут, когда откроются двери» [13].

Построенная в 1937 г. по проекту архитектора В. Крошина как «Дом делегатов», позже гостиница поменяла свое название на «Ала-

^{1*} Ныне ул. Желтоксан.

^{2*} Здание Zepher International Богенбай батыра, 140. Памятник архитектуры и градостроительства местного значения.

тау», а затем стала гостиницей «Иссык». Трехэтажному зданию, выполненному в стиле сталинского ампира, до последнего времени удалось сохранить следы той помпезности, красоты и величественности, которые так поразили расселившихся здесь эвакуированных. В те времена это была вторая по величине гостиница в Алма-Ате, рассчитанная на 120 номеров для постояльцев. В народе ее название по-прежнему звучит, как «Дом делегатов». Осенью 1941 г. в ней должны были разместить эвакуированных артистов «Мосфильма» и «Ленфильма» с семьями. Однако после передачи гостиницы военному ведомству Иностранных дел, чьи апартаменты располагались в итоге на первом этаже, многих артистов переселили в «лауреатник».

На втором этаже «Дома делегатов» располагалась польская делегатура, то есть посольство. Здесь определяли место жительства каждого, из вновь прибывших в Алма-Ату поляков. Именно в этом здании формировались списки для армии генерала Владислава Андерса, главный штаб которой находился в Узбекистане, неподалеку от Ташкента, в г. Янгиюле. «Армия Андерса» – это условное название формирований вооружённых сил Польской Республики, созданных в 1941 г. на территории СССР по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании из польских граждан, находившихся на территории СССР (в т. ч. беженцев, интернированных военнослужащих польской армии и амнистированных заключённых). В соответствии с соглашением от 14 августа 1941 г. Армия Андерса рассматривалась как «часть вооружённых сил суверенной Польской Республики». Таким образом, каждый новоприбывший в Алма-Ату поляк, а их в этот период прибыло много, обязан был прийти в «Дом делегатов» для того, чтобы получить соответствующие документы. Надо признать, старая Алма-Ата вдохновляла польских поэтов и писателей, которые говорили, что город весьма интернационален, чем и напоминает Варшаву.

В числе первых прибывших в эту гостиницу еще в начале осени 1941 г. был творческий коллектив советских художников-графиков и живописцев Кукрыниксы, в который входили действительные члены Академии художеств СССР и народные художники Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов. Кукрыниксы входили в плеяду мастеров советского изобразительного искусства и считались мастерами политической карикатуры, известными во всем мире. Первый их военный плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!»

был посвящен нападению гитлеровской Германии на СССР. На нем изображен Гитлер, разрывающий договор о ненападении, натыкающийся на штык солдата Красной армии.

В 1943 г. в гостинице некоторое время жила театральная режиссер Наталия Сац.^{1*} В 1937 г. она была арестована и осуждена по статье «Член семьи изменника Родины», как супруга народного комиссара внутренней торговли СССР Израиля Яковлевича Вейцера (арестованного и расстрелянного по обвинению в контрреволюционной деятельности). После пяти лет лагерей волей судьбы и ввиду отсутствия разрешения находиться в Москве, Н. Сац оказалась в Алма-Ате, где в последующем стала основателем Театра юного зрителя, сегодня носящим ее имя. На страницах книги «Новеллы моей жизни» Наталия Ильинична вспоминает: «Несколько дней назад нас с дочкой перевезли из администраторской Театра оперы в гостиницу «Дом делегатов», дали большую комнату с диваном, креслами, хорошими кроватями, роялем и даже... пальмой» [14].

В годы Великой Отечественной войны в этой гостинице жила также прима-балерина Галина Уланова [15]. Она приезжала в отпуск и останавливалась в номере своего мужа – режиссера Юрия Завадского, находившегося в Алма-Ате в эвакуации вместе с театром Моссовета, занявшем здание бывшего Республиканского русского театра драмы, который теперь носит имя Лермонтова. К слову, Эйзенштейн предлагал Улановой сниматься в роли Анастасии, жены Ивана Грозного, но театральные гастроли не позволили балерине надолго задержаться в городе. В тандеме с Александром Владимировичем Селезневым, одним из основателей балетной школы в Алма-Аты, руководителем хореографического училища, которое позже назовут его именем, организовывала творческие выступления в военных госпиталях для раненых советских солдат. «7 ноября 1941 г. в сверхсрочном порядке было завершено строительство здания Театра оперы и балета им. Абая и в нем впервые выступила Галина Сергеевна Уланова, так много сделавшая потом для создания казахского национального балета». В 1942–1943 гг. Галина Уланова исполняла главную партию Марии на сцене казахского оперного театра в балете «Бахчисарайский фонтан» композитора Бориса Асафьева.

В районе Оперного театра, на ул. Калинина^{2*} перед самой войной

^{1*} Наша «тетя Наташа» / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!!...указ. соч. – С.90–110.

^{2*} Ныне ул. Кабанбай Батыра.

по проекту архитектора Левинсона возвели трехэтажный дом, который благодаря своей монументальности и, не характерной этажности для Алма-Аты тех лет, сразу же стал достопримечательностью одноэтажной столичной улицы. Дом Левинсона официально назывался Пятым жилкомбинатом горисполкома [16] но несмотря на то, что среди жильцов дома были не только мастера творческого цеха, горожане окрестили его «Домом Союза писателей». Среди других счастливых новоселов, состоящей из элиты старой Алма-Аты, здесь поселился казахский советский писатель и общественный деятель Мухтар Омарханович Ауэзов. В его квартире № 29 в годы эвакуации жил Константин Паустовский, который в одном из своих писем семье так и писал: «Живем здесь писательской колонией».

Когда началась Великая Отечественная война Константин Дмитриевич Паустовский становится военным корреспондентом. Он служил тогда на Южном фронте. В одном из писем 1941 г. он писал: «Полтора месяца я пробыл на Южном фронте, почти всё время, не считая четырёх дней, на линии огня...». В августе Константин Паустовский вернулся в Москву и был оставлен для работы в аппарате ИТАР ТАССа.^{1*} Вскоре по требованию Комитета по делам искусств был освобождён от службы для работы над написанием новой пьесы для МХАТа и эвакуировался с семьёй в Алма-Ату. Здесь он работал над пьесой «Пока не остановится сердце», романом «Дым отечества» и написал еще ряд рассказов, например, рассказ «Спор в вагоне», где с особой теплотой отзывается о степях Казахстана и г. Алма-Ате: «...Я вижу, товарищ, что вы любите мою землю и пишете в газетах. Напишите об этой земле. Пусть наши бойцы читают на фронте. И пусть каждый вспомнит свою степь, и свои горы, и свои леса, и своё детство. И Алма-Ату пусть вспомнит. Красивый город, очень красивый. Мой отец в нём был, когда там ещё стояли деревянные дома и щели в стенах конопатили сеном. Птицы выклёвывали это сено, и потому в домах было очень холодно зимой. Ну, прощайте!»

Исмаил вскинул на спину вещевой мешок и пошёл по дороге, что вела к Джунгарским горам».

Постановку пьесы «Пока не остановится сердце» готовил московский Камерный театр, эвакуированный в Барнаул. В процессе работы с коллективом театра Паустовский некоторое время (зима 1942 и ранняя весна 1943 г.) провёл в Барнауле и Белокурихе. Этот период

^{1*} Информационное теле-радио агентство.

своей жизни он назвал «Барнаульские месяцы». Премьера спектакля по пьесе «Пока не остановится сердце», посвящённой борьбе с фашизмом, состоялась в Барнауле 4 апреля 1943 г.

Алма-Ата в годы войны стала, наряду с Ташкентом, крупнейшим центром эвакуации. Помимо сотрудников киностудии и более сотни писателей из России, Украины, Белоруссии, сюда были эвакуированы известные музыканты и видные деятели культуры, здесь трудились академики и ученые с мировым именем. Десятки промышленных предприятий и научных учреждений размещали в городе и вблизи него экстренно, спешно, не считаясь с генпланом. В результате, город приобрел новые масштабы и стал разрастаться. Столица Казахской ССР вошла в послевоенный период мощным промышленным и интеллектуальным центром, но все же страдающим от инфраструктурных проблем и тяжелого жилищного кризиса. Многие из ярчайших представителей московско-питерской интеллигенции, приехавших в Казахстан во время войны, после её окончания вернулись домой, но многие и остались, чтобы исполнить важную роль в развитии новых пластов культуры города.

И как бы там ни было, но «культурная эвакуация» в Алма-Ате стала настоящей «культурной революцией», а пребывание в ссылке или в тылу Второй мировой войны видных мастеров многонациональной советской и зарубежной литературы и искусства дало толчок дальнейшему развитию культуры Казахстана. «Культурная революция» не стала временным явлением процесса становления столицы и отнюдь не была исповедью временного пристанища в годы Отечественной войны сотен эвакуированных Страны Советов. Наш город был и по сей день является настоящей архивной, полузабытой рукописью и одновременно главным, фундаментальным трудом многих советских писателей и других деятелей культуры и науки.^{1*}

1. Броновицкая А., Малинин Н., Пальмин Ю. Алма-Ата: архитектура советского модернизма

^{1*}При подготовке сообщения использовались сведения, опубликованные в книгах: Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник документов и материалов. Т. 1. – Алма-Ата, 1964; Луговская Т.А. Как знаю, как помню, как умею: Воспоминания, письма, дневники – М.: Аграф, 2001. – 384 с.; Гречко А.А. и др. История Второй Мировой войны 1939–1945. В 12 томах. М.: Воениздат, 1973–1982; Оболенский И. Четыре друга эпохи. Мемуары на фоне столетия – М.: Аст, 2013. – 320 с.; Штурман Д. Моя школа — Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. – 152 с.; Наша общая победа. Журнал «Консул» № 2 (21). – 2010; И.Л. Гринберга «Записные книжки Луговского» – / Луговской В. Материалы к творческой истории. Середина века (Т.74). – М.: Наука, 1965. – С.669–720; [Электронный ресурс] Трудовой подвиг Казахстана: цифры и факты. URL: www.zakon.kz.

- 1955–1991. Справочник-путеводитель. – М., 2018.
2. В 1941–1942 гг. в Казахстан из европейской части России было передислоцировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей, а также 50 тыс. кадровых рабочих и инженерно-технических работников. В 1941–1945 гг. было построено 460 заводов, фабрик, рудников, шахт и отдельных производств. В их число вошли и эвакуированные предприятия, в т. ч. металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, выпускавшие мины и снаряды, торпеды и бомбы, огнеметы, радиостанции и другие виды оружия и военной техники. В республике в 1941–1942 гг. нашли кров и работу 532,5 тыс. эвакуированных из западных районов СССР, более 500 тыс. депортированных поляков и немцев, которые в основном были расселены в аулах и селах. В ряды рабочего класса республики влились 2 тыс. строителей шахт Донбасса. [Электронный ресурс] Научный журнал «Современные проблемы науки и образования». URL: www.science-education.ru/; Журнал «Новый исторический вестник/The New Historical Bulletin». URL: www.nivestnik.ru/ (дата обращения 15.08.2020).
 3. [Электронный ресурс] Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан. URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9275/> (дата обращения 15.08.2020).
 4. [Электронный ресурс] Прокопенко В. Деятели культуры в тылу – Алматы в годы Великой Отечественной войны. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/deyateli-kulturyi-v-tyilu-almaty-i-v-godyi-vov-293966/ (дата обращения 15.08.2020).
 5. [Электронный ресурс] Кинематограф Великой Отечественной войны: время героев и гениев. URL: <https://tass.ru/kultura/1920192?page=5> (дата обращения 15.08.2020).
 6. Енисеева-Варшавская Л.Ф. Вычитано и выверено мной окончательно. – Алматы, 2019.
 7. [Электронный ресурс] Громова Н. Все в чужое глядят окно. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=56782> (дата обращения 15.08.2020).
 8. Галина Серебрякова рассказывает, что в июне 1937 г. приговором Особого Совещания при НКВД она вместе с матерью и двухлетней дочерью была выслана в Казахстан. Серебрякова Г.И. Смерч / «Дело №...». Летопись горького времени: повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – С.6-54.
 9. [Электронный ресурс] Эйзенштейн Сергей. Автобиография. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72999> (дата обращения 15.08.2020).
 10. По данным портала ТАСС.ru боевые киносборники, так называемые БКС выходили под девизом «Враг будет разбит, победа будет за нами!» и состояли из нескольких частей. В выпуск входили новости с фронта, очерки, сатирические короткометражки и музыкальные номера. Первый киносборник вышел практически через месяц после начала войны – 2 августа 1941 г. Сценарий для него писали Григорий Козинцев и Леонид Трауберг, а снимала команда режиссеров во главе с Сергеем Герасимовым.
 11. [Электронный ресурс] Хрестоматия. Из Постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) О кинофильме «Большая жизнь», 4 сентября 1946 г. URL: <https://history1-35.ucoz.ru/forum/156-1089-1> (дата обращения 15.08.2020).
 12. [Электронный ресурс] Проскурин В.Н. Очерки истории Алматы. URL: <http://vernoye-almaty.kz/studies.shtml>. (дата обращения 15.08.2020).
 13. Ватова О. Все самое важное – М.: Corpus, 2014 – 256 с.; [Электронный ресурс] Мочалова В.В. Век Александра Ват (01.5.1900. – 29.07.1967) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vek-aleksandra-vata-1-v-1900-29-vii-1967/viewer>; Биографии и мемуары: Александр Ват и другие. URL: <https://www.corpus.ru/blog/biografii-i-memoiry-alexandr-wat-i-drugie.htm>. (дата обращения 15.08.2020).
 14. – Москва: Искусство, 1984–1985.
 15. [Электронный ресурс] Галина Уланова в Алма-Ате: три мифа и одна загадка. URL: <http://alnaz.ru/almaty/galina-ulanova-v-almaty.html> (дата обращения 15.08.2020).
 16. [Электронный ресурс] Город в боевом строю. URL: https://kzaif.kz/society/gorod_v_boevom_stroyu. (дата обращения 15.08.2020).
 17. Из материалов справочника «Алма-Ата: архитектура советского модернизма 1855–1991».

Культурная жизнь Караганды в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны культурная жизнь Казахстана не только не прекратилась, а приобрела еще более ярко выраженный характер. Все искусство – театры, кино, музыка, изобразительное искусство, народное творчество «должно выковать духовное оружие для морального вооружения нашего народа и содействовать скорейшему разгрому немецко-фашистских варваров» [1, с.107].

Во время войны была проделана работа по перестройке работы театров на военный лад. Имея в виду, что искусство является могучим массовым агитатором, работники искусства и литературы работали над созданием боевого и политического репертуара, создавали произведения, зовущие на героические подвиги на фронте и в тылу.

26 июня 1941 г. Карагандинским областным отделом по делам искусств был издан приказ, в котором говорилось: «...Задача всех видов советского искусства в настоящий момент, как никогда быть агитатором, пропагандистом. Еще более упорной работы в тылу и бесстрашного мужества на фронте. Показать в художественной форме широким массам трудящихся отвратительное лицо фашизма, вскрыть его звериные замыслы, показать его зверский режим беспощадного террора, бесстыдного грабежа, неслыханного гнева и физического истребления народов неарийской крови, ширить священную ненависть трудящихся к фашистам поработителям... Изготовить и вывесить в помещениях театров, клубов плакаты и лозунги, мобилизующие на борьбу с врагом». В репертуары театров были включены следующие пьесы: «Ключи Берлина», «Парад лицемерия», «Троянский конь», «Бертольд Оппенгейм», «Борьба продолжается», «Годы испытаний», «Гибель Эскадры», «Очная ставка», «За родину», «Братья Крамер» и др. Карагандинскому областному театру кукол была рекомендована концертно-эстрадная оборонная программа: оборонные песни и частушки, художественные чтения, миниатюры «Заколдованный круг», «Очарованная сабля», «Фашистских гадов встречать как надо», «Боевой петрушка» и др. [2, л.184, 197].

С первых дней войны Карагандинский областной русский драматический театр активно включился в обслуживание госпиталей, воинских частей, шахт. Всего было проведено 107 шефских мероприятий. Сроки подготовки новых спектаклей устанавливались более короткие – 10–20 дней. Перед художниками ставилась задача «как можно быстрее и проще оформлять спектакли, экономя материал и не сни-

жая при этом качества работы». Каждый артист, режиссер, художественный руководитель должен был «максимально уплотнить свой рабочий день, повысить производительность труда, дать высокое качество подготовки спектакля при сокращенных сроках работы над ним». И уже в июле 1941 г. театр практически полностью сменил репертуар на оборонную и антифашистскую тематику. Были поставлены спектакли «Профессор Мамлок» и «Шел солдат с фронта», а также выпущен ряд одноактных пьес. Всего только за 1941 г. было подготовлено и показано 15 премьер.

Неоценимый вклад в развитие театрального искусства в годы войны внесли директор театра Портнов В.М., артисты Шлыгин Д.А., Зеленин Т.Ф., Давыдова Т.А. Лаврова В., Караваев В.В., Снежинская Т.В., Демидова А., художник Белкин Н., режиссер Лепяцкой В.Д. и др.

Театром был развернут сбор средств в фонд строительства авиаэскадрильи «Советский Казахстан» на восстановление разрушенных городов и в фонд помощи детям фронтовиков. Всего было собрано 100 000 руб. [3]

В 1942 г. Карагандинский облисполком издал постановление о повышении цен на театральные билеты с 25 коп. до 50 коп., эти средства перечислялись эвакуированным детям и детям-сиротам [4].

В конце октября 1942 г. в Караганде на базе областного Казахского драматического театра был размещен Киевский государственный академический русский драмтеатр им. Леси Украинки, который работал в городе до июля 1943 г. Вместе с театром было эвакуировано 12 заслуженных, 16 ведущих артистов. Это был творческий союз артистов разных национальностей. Для приближения победы над фашистами на сцене бились в унисон сердца казахов, русских, украинцев. На театр была возложена ответственная задача – борьба оружием искусства за Родину, за ее независимость.

Театр включил в репертуар такие спектакли как: «В час испытания» М. Ауэзова, «Русские люди» К. Симонова, «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева. Коллектив киевского театра содействовал творческому росту карагандинских актеров, совершенствуя их исполнительское мастерство. За короткий период пребывания в Караганде театр подготовил и дал 5 премьерных спектаклей: «Кремлевские куранты», «Дети солнца», «Нашествие», «Жди меня», «Синенький платочек». Театр проводил военно-шефскую работу, выступая с концертами в госпиталях, призывных пунктах, школах. Служители театра были отмечены благодарностью наркома обороны СССР за вклад в фонд обороны

страны. Директора Киевского театра Латынский и Махновецкий руководили областным Казахским драматическим театром, оказывая тем самым творческую помощь молодому коллективу [5, л.139–140].

В июне 1943 г. Киевскому театру было вручено благодарственное письмо: «Прощаясь с нашими украинскими гостями, облотдел по делам искусств желает вам творческих успехов в обслуживании рабочих Грозненских нефтепромыслов, выражает глубокую благодарность за высококачественную, художественную и активную общественную работу и желает Театру скорейшего возвращения на родину, в цветущую Украину, твердо веря, что недалек тот час, когда доблестная Красная армия очистит украинскую братскую землю от гитлеровских захватчиков» [6].

За годы войны Казахский драматический театр создал репертуар оригинальных пьес современных казахских драматургов, а также из произведений русской и западно-европейской классической драматургии. Наиболее популярными у зрителей были оперы «Кыз-Жибек», «Жалбыр», «Ер-таргин», музыкальные драмы «Козы Корпеш и Баян-Сулу», музыкальные комедии «Айман Шолпан», «Слуга двух господ». Ежегодно театр выступал на импровизированных сценах в колхозах и промышленных предприятиях.

4 октября 1944 г. в Караганде состоялось торжественное собрание, посвященное присвоению почетных званий и награждению почетными грамотами Верховного Совета КазССР работников искусств. Грамоты о присвоении звания заслуженного артиста республики были вручены Абдыкаримову, Кошкумбаеву, Мусабековой, Суртубаеву, Шаймерденову, Шашкиной [7].

В начале 1944 г. в Караганду был переведен Северо-Казахстанский театр оперетты, созданный в 1941 г. из артистов, эвакуированных из различных городов Советского Союза в качестве ансамбля оперетты. До апреля 1943 г. ансамбль обслуживал мелкие площадки Казахстана. Постановлением областных партийных организаций было решено реорганизовать ансамбль в Театр оперетты. В качестве художественного руководителя был приглашен режиссер оперетты В.Д. Ахматов, состав творческого коллектива пополнили новыми квалифицированными артистами, увеличили хор, оркестр, оснастили театр декорациями, костюмами и бутафорией. Театр оперетты стал единственным русским театром, который обслуживал преимущественно горняков Карагандинского бассейна [5, л.44].

В задачу кукольного театра, как наиболее подвижного, входило об-

служивание в основном детей – учащихся школ и дошкольных учреждений. Только за первый год войны театр выпустил 290 постановок. На его спектаклях побывало более 3000 юных зрителей [5, л.151].

Особое значение для творческих коллективов театров и их зрителей имело проведение в январе–феврале 1944 г. месячника «Работники искусства – шахтерам Караганды». Мероприятие проходило под девизом «использование средств искусства в деле борьбы за подъем угледобычи бассейна». Агитбригады областных театров и Казфилармонии в период месячника провели более 100 встреч в бригадах шахт, которые посетило около 40 000 шахтеров [8].

Помимо эвакуированных театрально-зрелищных предприятий, в Казахстане работало 38 театров, в т. ч. республиканских – 6, из них 2 казахских, областных – 14, из них 12 казахских. Артисты театров и Казахской государственной филармонии им. Джамбула проводили общественно-массовую художественную работу. Выезжавшие на фронт художественные бригады дали для бойцов Красной армии сотни концертов. Свыше 15 тыс. концертов было дано в госпиталях, на призывных пунктах, в воинских частях. На промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах художественные бригады Казахской государственной филармонии дали около 40 тыс. концертов, обслужив более 10 млн. слушателей [1, с.106].

В 1945 г. в Карагандинской обл. работало 3 областных театра, областная филармония, областной кукольный театр и три районных театра [2, л.2].

1. Г. Абишев. Казахстан в Великой Отечественной войне. 1941–1945. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1958.
2. ГАКО. Ф.1268. Оп.1. Д.3.
3. Там же. Ф.377. Оп.1. Д.1. Л.1, 2, 7.
4. Там же. Ф.18. Оп.1. Д.616. Л.3.
5. Там же. Ф.1268. Оп.1. Д.5. Л.139–140.
6. Там же. Ф.915. Оп.1. Д.9. Л.138, 140.
7. Социалистическая Караганда – 6 октября 1944 г., № 197.
8. ГАКО. Ф.3п. Оп.1. Д.194. Л. 8.

Калашникова Н.П.

Эвакуация в годы войны: устные истории и новые имена

Мы живем в эпоху беспрецедентного интереса к памяти. Как пишет С.А. Еремеева, «XX в. озаботился проблемами памяти. Что мы запоминаем и что забываем? Зачем мы помним? Как мы помним? Какие следы прошлого мы видим и пытаемся сохранить? Помимо памяти индивидуальной, казалось бы, разъединяющей нас, обнаружилась память коллективная, представляющая основу идентичности» [1].

Так на первый план в научных исследованиях и в практиках общественно-политических сил вышла проблема памяти исторической, т. е., как определяет ее известный российский социолог Ж.Т. Тощенко, «сфокусированного» определенным образом сознания, «которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» и, таким образом, является «выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [2].

Действительно, историческая память – своеобразный банк памяти, обеспечивающий преемственность поколений, основа национальной культуры и ее ценностей, пантеон национальной идентичности. Историческая память живет активной жизнью, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма. Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни [3], но без памяти реальная жизнь невозможна – она систематизирует настоящее, помогает нам ориентироваться в настоящем и формирует наши представления о будущем.

Именно поэтому столь высок интерес к воспоминаниям участников (метод устной истории) и, главным образом, жертв трагедий XX в., в т. ч. связанных с тоталитарными режимами – например, с имевшими место в Советском Союзе массовыми депортациями и репрессиями. Несмотря на то, что в последние годы возросла общественная и исследовательская активность, направленная на освещение, изучение, оценку данных событий, необходимо отметить, что до сих пор они воспринимаются в постсоветских социумах очень неоднозначно, а зачастую – болезненно. И тем не менее, возвращение к трагедиям советской истории, память о них и их осмысление необходимы – более того, это является залогом будущего нравственного здоровья социума и государства.

Высокую значимость приобретает в наши дни историческая политика и политика памяти. От успешности этой политики, без преувеличения, зависят и стабильность государственности, и, что особенно важно, динамичность этих процессов, и качество нациостроительства. В этой работе мы попытаемся проанализировать казахстанский опыт выстраивания и реализации курса исторической политики при помощи важнейшего общественно-политического института – Ассамблеи

народа Казахстана (далее – АНК), который с 2009 г. осуществляет международный проект «Память во имя будущего». Мы полагаем, что данный проект может служить ярким примером укрепления общей исторической памяти и национального сознания, убедительным свидетельством эффективности казахстанской политики, в основу которой положены принципы мира и созидания, общественного согласия и общенационального единства.

В последние годы возрождается незаслуженно забытый метод устной истории. Устная история как микроистория – качественный метод, демократизирующий подход к общей истории. Он отражает так называемую «малую историю», индивидуальные воспоминания, историю, создаваемую «снизу» (*history from below*). Устная речь в этом методе фиксируется специалистами с целью получения и сохранения информации.

В этой связи Международный проект «История. Память. Люди», реализуемый Архивом Президента РК совместно республиканским еврейским О.Ю.Л. «Мицва», является одним из ключевых проектов Ассамблеи народа Казахстана по сохранению исторической памяти.

Посредством данного проекта вопросы, к примеру, политических репрессий в довоенные и военные годы, эвакуации и беженцев стали неотъемлемой частью проблем, исследуемых отечественной историографией. Десять международных научно-практических, исторических конференций посвящены исторической памяти, связанной с эвакуацией людей, промышленных предприятий, учреждений культуры, творческой и научной интеллигенции в Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

История жизни населения, вынужденного в военные годы менять место жительства... история судеб народов, переживших насильственное переселение..., вспоминая те годы многие эвакуированные, а особенно депортированные, отмечают, что выжили благодаря братской помощи казахского народа и местного населения.

Проект по сохранению информации об эвакуированном населении – создание электронных баз данных, аналогичных «Книгам памяти», увековечившим имена и фамилии миллионов современников, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны или «Книгам скорби», в которых опубликованы списки лиц, репрессированных по политическим обвинениям на территории Казахстана в 1930–1950 гг. и др., стал живой связующей нитью между поколениями.

Река истории, как и река времени, течет, наполняя животворной силой родники нашей памяти... По словам академика Магжана Исина «Величие народов и государств заключается не только в создании чего-то нового, но и в сохранении и восстановлении старого, чем может гордиться, что следует считать культурным наследием и что можно завещать потомкам».

На онлайн-выставке, представленной на международной научно-практической, исторической конференции «История. Память. Люди», прошедшей 23 сентября 2020 г., был выставлен любопытный документ – Постановление СНК и ЦК КП (б) Казахстана от 20 июля 1941 г. «Об организации приема и размещения прибывающего в Казахскую ССР эвакуированного населения» под грифом «совершенно секретно» [4], с помощью которого появились в доступе дополнительные данные об эвакуации в Казахстан в годы войны.

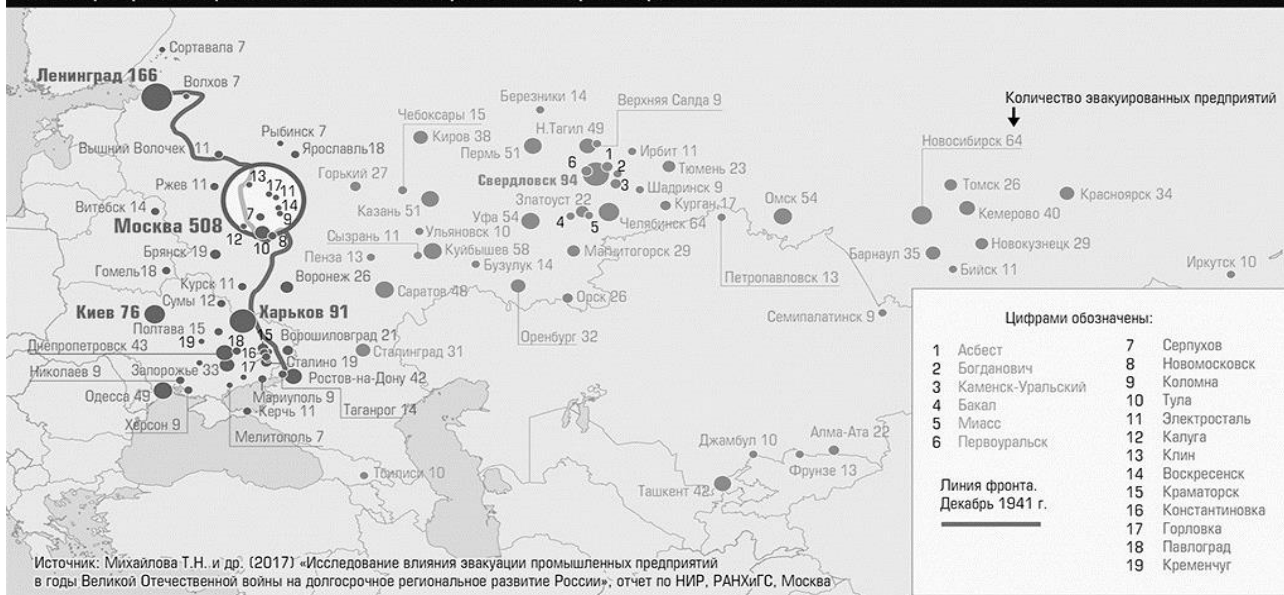
В фондах Архива Президента РК сосредоточен массив документов по эвакуации. Это документы о размещении и о работе эвакуированных в республику промышленных предприятий, научных и культурных учреждений в годы Великой Отечественной войны, об устройстве эвакуированного населения.

Уже через пять дней после начала войны в СССР был создан Совет по эвакуации, который определял порядок перемещения на восток фабрик, заводов, театров и вузов, а главное – сотен тысяч людей. Из-за острого дефицита пассажирских вагонов людей зимой перевозили в товарняках, а иногда и на обычных железнодорожных платформах.

По данным эвакуационного отдела при СНК Казахской ССР только с августа 1941 по январь 1942 гг. прибыло 386 492 эвакуированных. В республике восстановили 220 крупных, средних и мелких заводов, фабрик, мастерских, артелей и промкомбинатов. В ходе войны были реэвакуированы 20 заводов, фабрик, мастерских и конструкторских бюро. Большая часть эвакуированных предприятий осталась в Казахстане, дав мощный импульс для развития и укрепления промышленности.

Представленная в статье карта, еще раз демонстрирует о беспрецедентной в истории операции по переброске промышленности на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Это свидетельства об эвакуации в Казахстан промышленных предприятий, на карте показано из каких городов они были эвакуированы в первые годы войны.

СССР провел в начальный период Великой Отечественной войны беспрецедентную в истории операцию по переброске промышленности на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию

Не всегда война в документальных источниках предстает такой отшлифованной, какой мы знаем ее по плакатам, песням и некоторым воспоминаниям. Эвакуация была также трагична, как и сама война: вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. Не хватало жилья, элементарных предметов быта. Не только органы партийной и государственной власти, профсоюзные и другие общественные организации оказывали эвакуированным помощь, но и простые казахстанцы делились с эвакуированными и беженцами, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и др. Многие жители Казахстана брали в свои семьи эвакуированных детей-сирот. И таких примеров можно приводить бесчисленное множество!

Каждая эпоха оставляет в памяти свой особый отпечаток. Это образы прошлого, знания о которых существуют в настоящем, а порой и определяют это настоящее [5].

Расширились производственные мощности старых заводов, а с размещением эвакуационных предприятий оборудование некоторых было использовано для завершения строящихся промышленных комплексов. Наибольшее количество эвакуированных предприятий приходилось на долю Наркомата пищевой промышленности – 54. Так в Казахстан было эвакуировано 14 сахарных заводов с Украины. На ст. Талды-Курган прибыло оборудование сахарного завода из Полтавской обл., на базе 5 заводов возник Алма-Атинский сахарный завод. К примеру, Карабулакский сахарный завод был построен на базе эвакуированного в октябре 1941 г. сахарного завода им. К. Либкнехта из Курской обл. Помещения отдельных сахарозаводов, например, в г.

Джамбуле и пос. Мерке Джамбулской обл. были переданы под обустройство эвакогоспиталей, соответственно № 3221 на 300 коек и № 1598 на 360 коек. Оба госпиталя прибыли по эвакуации из г. Ростова-на-Дону [6].

Как свидетельствует представленный материал, предприятия с неполным и некомплектным оборудованием также направлялись в Казахстан, среди них Смелянский песочный и рафинадный заводы, Сумско-Степановский сахзавод и многие др. [7]

Свою устную историю, передаваемую из поколения в поколение в нашей семье, начну с поселка городского типа – Кировский^{1*} Алма-тинской обл. В этом населенном пункте был построен в 1934 г. сахарный завод, носивший имя С.М. Кирова, в 1930-е гг. являющегося членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП (б). Во время поездки он побывал на строящемся предприятии. Как рассказывали очевидцы, запустить завод не представлялось возможности из-за отсутствия важной детали – ременной установки. Администрация обратилась с просьбой о помощи в ее приобретении. Вернувшись в Ленинград, Киров С.М. не забыл о просьбе заводчан, направил необходимую установку, и завод был пущен. В честь этого события сахарный завод стал носить его имя, а строящийся поселок – Кировский.

Рассмотрим исторические аспекты депортации и эвакуации, архивные документы и устные истории, свидетельствующие, что суровые довоенные, военные и послевоенные годы коснулись и этого региона – благодатную жетысуйскую землю.^{2*}

Со строительством сахарного завода, его дочерних предприятий и подсобных хозяйств (I и II отделения свеклосовхоза, где в основном и были расселены депортированные азербайджанцы (1937 г.), позднее чеченцы и ингуши (1944 г.), а также поселка, куда интенсивно прибывало население, было связано размещение и депортированных народов. В довоенный и военный период население поселка увеличилось в пять раз. С 1935 по 1945 гг. в регион насильственно были депортированы белорусы, азербайджанцы, корейцы, поляки, немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, греки, и другие этносы. Все это создало серьезные проблемы с их адаптацией, размещением, получением работы и жилья.

В 1934 г. строилась школа, впоследствии, получившая имя первого наркома просвещения СССР А.В. Луначарского и ставшая одним из ведущих учебных заведений в регионе. Во время войны школьники на все лето выезжали на поля, ухаживали за посевами свеклы, на

^{1*} Ныне Балпык би.

^{2*} Алма-Атинской и Талды-Курганской областей, так они назывались в тот период.

солнечной стороне классов выращивали шелкопрядов, т. к. авиации был необходим шелк...

Семьи эвакуированных размещались не только в поселке и близлежащих колхозах, некоторые временно были размещены в школе. Многие из эвакуированных из разных городов Советского Союза остались работать в школе после войны. Среди них Сницер Д.П. – замечательный математик, географ Колонская З.П. была примером выдержки и тактичности, Забегалова Е.А. владела в совершенстве несколькими иностранными языками. Обучаясь в этой школе в конце 1960-х гг., я застала семью эвакуированных из блокадного Ленинграда, удивительных, интеллигентных Сорокатовых. Она была учительницей русского языка и литературы, он – музыкант, в военные и послевоенные годы руководил народным хором в клубе сахарного завода, поднимая настроение и патриотический дух сельчан и молодежи. Вспоминая свои годы учебы в школе, каждый класс, понимаю, что это была маленькая Ассамблея. В нашем классе обучалось 45 учеников, представители 20 национальностей – это дети заводчан, депортированных и эвакуированных.

Не обошли эти трудные времена и нашу семью. В возрасте 19 лет папа – Неруш Павел Павлович, услышав о строительстве и введении в строй крупного сахарного предприятия, впоследствии долгое время имевшего статус союзного, отправился в пос. Кировский Алма-Атинской обл. на «разведку». В 1936 г. его семья, приняла решение из с. Дмитровка Северо-Казахстанской обл. переехать в Алма-Атинскую обл., в этот теплый, благодатный край.

По приезду папа познакомился и подружился с представителями многих этносов, проживавших в поселке. Так по жизни, нам из поколения в поколение на генетическом уровне прививали чувство солидарности, сопричастности и дружбы. Окончил успешно курсы бухгалтеров, что сыграло огромную роль в его трудовой биографии на сахарном заводе, в которой только одна запись на протяжении 37 лет – Кировский сахарный завод им. С.М. Кирова. Проработав непродолжительное время на подсобных предприятиях сахарного завода, в 1937 г. был призван в ряды Красной армии для службы на Дальнем Востоке. Участник боев на Халхин-Голе, где получил ранение самураевским штыком, от смерти его спасли комсомольский билет и армейская книжка, позже семья передала залитые кровью документы в Музей 28-панфиловцев, в г. Алматы.

Как свидетельствуют воспоминания и архивные документы, размещенные на сайте Центрального Архива Министерства Обороны Российской Федерации, в разделе «Герои войны», в галерее «Дорогами памяти», Неруш Павел Павлович после ранения был призван на фронт, где сражался и был ранен под Москвой. После продолжительного лечения в госпиталях, в 1943 г. возвратился в родной поселок. Проработал на сахарном заводе всю жизнь, занимая разные руководящие должности.

В 1948 г. папа был принят в ряды КПСС, в последующем неоднократно избирался в руководящий состав партийной организации завода, функционирующей на правах райкома.

Как фронтовику, инвалиду войны II группы, в 1944 г. завод выделил папе земельный участок. Вся его семья и многочисленная родня из Киргизии, Северного Казахстана поселились в поселке. В этом доме родились я и мои братья. Папа блестяще владел казахским языком. Находясь на ближайшей к заводу улице, дом всегда был полон людей, приходивших к фронтовику за советом... Наш дом мама в сердцах называла «домом открытых дверей».

Следует отметить, что в военные и послевоенные годы завод представлял собой полиэтничное предприятие, работающее на нужды фронта и восстановление тяжелых военных последствий.

Эвакуированная из союзных республик инженерная интеллигенция завода составляла цвет пищевой промышленности республики, в которую позже влились раненые фронтовики. Сегодня в памяти остались эти удивительные люди – Подлесный, Молдабергенов, Мухамеджанов, Мартынюк, Рыженко, Зальзберг, Ахмеджанова, Плавич, Михневич, Герасимов и многие др., которые умели самоотверженно работать, дружить, делиться...

Изучив архивные пожелтевшие документы, старые фотографии, устные истории и воспоминания очевидцев, переполняешься чувством глубокого уважения к своим землякам, гордости за свой народ, который не сломали война, тыл, эвакуация, депортации, репрессии и массовые переселения.

Сегодня через призму научного осмысления невозможно «втиснуть» полностью эту историю в какие-либо научные методы, однако понимаешь, что она должна базироваться и сохраняться на исторической правде, общей памяти и справедливости.

1. Еремеева С.А. Памяти памятников: практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX вв. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. – 529 с.

2. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и Новейшая история (Москва). – 2000. – №4. – С.3–15 [Электронный ресурс]. VIVOS VOCO: Образовательная библиотека для молодежи России. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. (дата обращения 27.05.2020).
3. Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации / Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. [Электронный ресурс]. Научный портал «Площадь Д.С. Лихачева»: Международные Лихачевские научные чтения / 2006 год. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2006/3sec/lih2006_3_13.pdf (дата обращения 27.05.2020).
4. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.2. Л.340–342. URL: <http://archive.president.kz/wp-content/uploads/2020/10/Evakuatsiya-2020.pdf> (дата обращения 04.11.2020).
5. Абдукадырова Ж., URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/5242/> (дата обращения 25.09.2020).
6. Протасова Л.М. Эвакуация предприятий из Украины в Казахстан / Материалы V Международной конференции: История. Память. Люди. – Алматы, 2011. – С.63. АП РК. Ф.708. Оп.9. Д.1479. Л.66.
7. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.619. Л.25.

Нисенбойм Г.Ю.

К вопросу создания коллективной памяти в Израиле

Введение

Когда сталкиваешься со словосочетанием евреи – беженцы, так и просится заменить тире на дефис. Эти два слова очень давно слиплись и шествовали по миру рука об руку с незапамятных времен. Страны Центральной Азии познакомились же с этим явлением лишь после того, как их в середине XIX в. поглотила российская империя. Единичные случаи – когда евреи бежали в основном от преследования властей, а главное – от погромов в XIX в., в начале XX в., особенно после революции в Гражданскую войну, переросли в сотни и тысячи. Но все это было лишь ростками предстоящей печальной участи евреев. С началом Второй мировой войны (1939–1945 гг.) эта напасть погнала евреев Западной Европы на Восток. [...]

Уйти от наступающих немцев сумело не более 10–12% еврейского населения западных областей. Лишь 5 июля советское правительство приняло меры по организации эвакуации. Но к этому времени более 1,5 млн. евреев уже находились под немецкой, румынской и венгерской оккупацией.

Эвакуация евреев из старых советских областей, особенно из промышленных центров, проходила более успешно. Сумели эвакуироваться, уйти самостоятельно или были мобилизованы в армию три четверти евреев Киева, 85% Харькова и Днепропетровска, 90% Гомеля.

Около 1 млн. евреев из западных областей СССР эвакуировались на Восток, но 1 млн. остался. Всего под немецкой и румынской оккупацией оказалось 2 700 000 евреев СССР. Их трагическая судьба известна.

Коллективная память

Человеческая память в русле времени неизбежно исчезает вместе с ее физическим носителем. Бег времени, с возрастом ускоряется и неумолимо делает свое черное дело. Редуют не только шеренги победителей, участников боев во Второй мировой войне, но и гражданских лиц, перенесших все тяготы военного лихолетья в детском возрасте. К счастью, коллективная память не исчезает, а исторические записи передаются по наследству. Времена устной Торы давно миновали, и именно записи надежно, как и артефакты, хранят страницы истории.

Более десяти лет назад в Израиле по инициативе общественной организации «За достойное будущее» («Хазит хаКавод»), председатель док. Александр Берман, был открыт проект «Опаленное детство» по созданию архива воспоминаний бывших беженцев, пострадавших в Холокосте на территории СССР, ныне живущих в Израиле. Целью этого проекта является сбор воспоминаний пожилых людей – «детей войны», бежавших от наступающей гитлеровской армии, об упреждающей или экстренной эвакуации своих семей, о жизни в тылу во время Второй мировой войны. В процессе реализации этого проекта сотни невымышленных воспоминаний размещены на специально созданном для этого сайте [1], а во многих городах Израиля издаются книги воспоминаний горожан, бывших беженцами Великой Отечественной войны, которые выжили вопреки обстоятельствам и чаянию врагов. Многие живущие в Израиле участники трагических событий того времени были малолетними детьми, поэтому отдельные подробности им известны из свидетельств старших членов семьи, но, прежде всего, своих матерей, вынесших на хрупких плечах бремя минувшего лихолетья. 16 таких книг уже издано в бумажном переплете и несколько в цифровом виде. В каждой такой книге от нескольких десятков до сотни авторских эпизодов. Среди этих воспоминаний немало впечатляющих историй. Приведу лишь три взятые из разных по своей сути групп эвакуантов:

- а) беженцы, ставшие красноармейцами;
- б) раненные в боях красноармейцы-эвакуанты;
- в) эвакуированные старики, женщины и дети.

1. Вилен Белый (1925–2020) в 16 лет, находясь на заработках вдали от дома, не знал, что семья оказалась в эвакуации. Скитаясь в поисках семьи, оказался на оккупированной территории. В наступившем 1942 г. самостоятельно вышел из оккупированного немцами района, при этом прошел пешком без обуви почти 250 км. Уже в эва-

куации, пройдя фильтрационный пункт и перешагнув в 17 лет, призывной возраст, был определен рядовым в 545 стрелковый полк [2].

В дальнейшем после первого ранения вернулся в строй, но под Краковом, в январе 1945 г. его боевая судьба дала осечку, и он получил сокрушающее ранение разрывной пулей в голень. А дальше газовая гангрена, ампутация и госпиталя, госпиталя... Несмотря на тяжелое увечье, этот человек после войны стал известным на мировом уровне ученым лингвистом. Вилен читал и переводил с немецкого, французского, болгарского, итальянского и некоторых других европейских языков. Немного знал японский и профессионально английский, как специалист в американской и английской лингвистике. Этот человек, доктор филологических наук, профессор, обладавший редкостным даром, работая в вузах, писал не только научные труды, но ещё и серьезные, красивые стихи [3].

2. Во время Великой Отечественной войны эвакуантами оказались не только беженцы, но и красноармейцы – те из них, кто был безнадежно покалечен вражеским огнем, и не мог вернуться в армейский строй. Таких раненых, перемещая по госпиталям, эвакуировали на Восток.

Так одессит Юлька свой воинский путь начал в Алма-Ате в рядах дивизии Панфилова и в боях под Москвой получил тяжелейшие ранения. Затем кочуя по госпиталям, оказался в Новосибирске, перенес ампутацию правой руки. Там же ему, младшему лейтенанту-панфиловцу, был вручен орден Красного Знамени. Человек сильного духа, он не отчаялся и даже помогал в госпитале обрести себя другим раненым. Был там один скрипач с ранением другой руки, так они с ним научились играть на одной скрипке вдвоем и даже выступили в концерте, «напилив» несколько музыкальных вещей, тем самым подав пример стойкости для тех, кто пал духом [4]. Впоследствии он окончил университет в Ташкенте и учительствовал до самой пенсии.

За плодотворную работу на ниве просвещения Ю.З. Нисенбойм^{1*} (1921–2011) был награжден знаками «Отличник просвещения Узбекской ССР», «Отличник народного образования СССР» и медалью «Ветеран труда» [3, 5].

Конечно, основная масса беженцев – это были старики, женщины и дети. О роли женщин в этой эпопее – выживании народа и их вкладе в Победу – нельзя без особого волнения говорить и вспоминать.

Так, молодая женщина 27 лет с двумя малолетними детьми и третьим грудным, оказалась в товарном вагоне эшелона, направлявшего-

^{1*} См. в данном издании Ахметова Л. Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии.

ся из Брянской обл. на Восток – Западную Сибирь. О тяжелом пути на краю жизни и смерти с непрекращающимися бомбардировками вражеской авиации рассказала ее старшая дочь Дора Фрадкина [6]: «На одной станции к вагону подошли двое мальчишек. Грязные, изможденные, в каком-то тряпье, кожа покрыта коростами. Оказалось, что они погодки из чувашей. Их бросили родители-пьяницы. Жили в лесу, питались ягодами и листьями. Мамочка заплакала и посадила их в наш вагон, чем-то покормила, и мы увезли их с собой в эвакуацию. Так у нас появилось еще два брата, которые стали частью нашей семьи. Ребята оказались успешными в обучении: после семилетки окончили лесотехнический техникум и призвались в армию. После армии Валя окончил летное училище в Новосибирской обл., а затем Академию им. Жуковского. Второй братишка, Леня, окончил Ленинградскую лесотехническую академию, защитил диссертацию и остался там преподавать. Мои родители для них и всю последующую жизнь были мамой и папой».

Основной рефрен всех воспоминаний беженцев: поспешные сборы, путь-дорога под бомбежками, голод, холод, неустроенность, болезни, гибель близких и возвращение к руинам отчего дома. В каждом рассказе, кроме общих черт, своя трагедия выживания в эвакуации. Главное ощущение по прочтении книг воспоминаний, что ты соприкоснулся с железным поколением, которое, благодаря силе своего духа, не просто выжило в беспощадную годину, а состоялось в дальнейшей жизни, добившись успехов на личном или общественном «фронте».

*Вызовы, которые мы преодолеваем,
собирая живые истории в сборники воспоминаний*

1. История не только творится людьми, но ими же пишется. К сожалению, в этом деле всегда было и есть множество фальсификаций и мифов, особенно во времена Великой Отечественной войны. Газеты, радио, школьные учебники истории еще долго после войны обрушивали на сознание советских граждан мифологизированную историю.

Часть народа советско-российского происхождения до сих пор принимает развенчивание мифов как агрессию против исторической памяти, навязывая нам связь исторических событий, усвоенных с детства в школе и дома еще с середины XX в. В этой связи неопределимое значение приобретают живые свидетельства людей, переживших Катастрофу в целом и в эвакуации в частности.

В изменившейся парадигме освещения исторических событий в век интернета каждый выбирает для себя. Одни, глотая слезы, признают, что жили в обмане, другие, возможно, тоже глотая слезы,

яростно отвергают разоблачения, предпочитая привычную ложь. И тем, и тем за державу обидно. Только мораль у них разная [7]!

2. В последнее время мы являемся свидетелями быстротечности изменяющегося мира и вместе с ним ключевых понятий в глазах, прежде всего, современной молодежи.

Понятие «беженцы» – люди, ищущие убежища ввиду чрезвычайных обстоятельств, сделав несколько «кульбитов» во времени, настолько исказилось, что мало чего общего имеет с тем, что было в XX в. С некоторых пор в «беженцы» под шумок военных действий стали записываться все подряд, ищущие лучшей жизни на нашем «шарике». В кадрах телехроники мы видим, во что эти люди одеты, какой современной электронной мобильной техникой оснащены, как они выбрасывают на рельсы (!), предлагаемые им еду и питье, требуя, да-да, не прося, а именно требуя, да еще гневно, удовлетворить их конкретные желания.

Когда видишь эти кадры телехроники XXI в., представленные в новостях, то невольно всплывают картины памяти: оборванные, замершие и голодные беженцы прошлых времен. Это были другие беженцы! Без долларов или рублей в карманах и, тем более, не качающие свои права. Для нас, выходцев из СССР, наиболее понятными и характерными остаются картинки беженцев Второй мировой войны, и прежде всего, евреев, спасавшихся от геноцида [8].

Выводы

Практически во всех историях о беженцах постоянно звучат слова: сирена, тревога, бомбёжка, бегство, холод, голод, хлеб, жмых, макуха, болезни, смерть. Но главным словом в каждом рассказе, я бы даже сказал святым, является *МАМА!*

На территории СССР под антисемитским градусом культивировалось представление о том, что евреи «воевали» в Ташкенте, с явной презрительно-негативной коннотацией, при том, что под названием города, действительно принявшем огромное число беженцев, подразумевался глубокий тыл – все, что за Уралом, в Казахстане и в Средней Азии. Если разобраться, то... так оно и было. Да-да! Евреи действительно без всяких кавычек воевали и в тылу, в Ташкенте. Но надо понимать, что в данном случае «воинами-евреями» были преимущественно еврейские женщины, в то время как полмиллиона их отцов, братьев и мужей били врага с оружием в руках на фронтах войны. И воевали наши женщины истово и жертвенно во имя будущего своих детей и народа.

Проникнув в суть воспоминаний, приведенных в книгах, можно увидеть, что еврейские женщины сохранили в эвакуации древо народа, которое после войны разветвилось, укрепилось и дало новые побеги. Главное – большая часть этих побегов в третьем и четвертом поколениях поднялась уже под солнцем Израиля.

Поэтому в название сборника «Войны незатухающее эхо», над которым я имел честь работать, включено определение: «Ода еврейским матерям» [6]. (Ода – это средний род между гимном или дифирамбом и песнею – Виссарион Белинский).

Читатели сборников воспоминаний участников событий времен Великой Отечественной войны – это те, кто выбирает историю, которую нам рассказывают очевидцы и участники событий, порожденных Великой Отечественной войной. Эхо войны с поколениями, естественно, затухает, как и любое эхо. Но пока на земле существует поколение, соприкоснувшихся с Великой Отечественной войной, можно узнать доподлинные факты из первых уст.

P. S.

Как можно оставаться безмятежным, читая о том, как матери пухли от голода, отдавая детям последнее, а выхаживая раненых отцов этих детей, из еды могли себе позволить лишь то, что периодически не принимавший пищу больной организм изрыгал обратно?

Как можно без крайнего волнения читать о том, как молодая женщина в условиях беженства с тремя малолетними детьми, находящимися в постоянном состоянии голода и холода, подбирает и принимает в свою семью еще двух истощенных бродяжничеством мальчишек и делит с ними то, что судьба отвела для ее троих?

Как можно без содрогания и ужаса читать о крайней подлости бывших соседей или сослуживцев, преследовавших еврейских матерей и членов их семей и посягавших на их честь, а порой и жизнь?

Как не вздохнуть облегченно и с теплом в сердце, лишний раз увидев, услышав и ощутив доброту и сострадание народов советских республик Центральной (или как ее еще называют Средней) Азии и Казахстана – казахов, узбеков, таджиков, киргизов и пр., которые приняли у себя основную массу беженцев, потеснившись в своих «хоромах» – более чем скромных – глинобитных жилищах, предоставляя им кров и скудную еду?

1. [Электронный ресурс] Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. URL: <http://www.lost-childhood.com/neskolko-slov-o-nashem-proekte> (дата обращения 05.09.2020).

2. Нисенбойм Г. С войной покончили мы счеты...? – Израиль: IASA, 2015. – С.175.

3. Его же. Войны минувшей Человеки. – Израиль: IASA, 2013. – С.192.

4. Его же. Всего пять месяцев в войне. Всероссийский литературный конкурс «Герои великой Победы», Сборник работ полуфиналистов и финалистов. Ч.2 – М., 2017. – С.241–245.
5. Его же. Формула Гете. – Израиль: IASA, 2018. – С.102.
6. [Электронный ресурс] Нисенбойм Г. Войны незатухающее эхо. Ода еврейским матерям. – С.107. URL: <http://www.lost-childhood.com/knigi/485-> (дата обращения 05.09.2020).
7. [Электронный ресурс] Нисенбойм Г. Глотая слезы. URL: <http://www.arad-plus.com/glodaya-slezy/> (дата обращения 05.09.2020).
8. [Электронный ресурс] Нисенбойм Г. Беженцы – новый / старый вызов. URL: <http://www.arad-plus.com/s-vojnoj-pokonchili-my-schety/> (дата обращения 05.09.2020).

Берман А.

Жгучая память об эвакуации

Испытания, которые выпали на долю еврейских беженцев на территории СССР во время войны с нацистской Германией (1941–1945 гг.), почти полвека оставались в тени главной трагедии еврейского народа – гибели 6 млн. евреев. Причиной этого была советская цензура, которая запрещала какие-либо публикации об участии евреев, спасшихся от уничтожения нацистами только благодаря тому, что успели уйти из родных мест и эвакуироваться на восток до того, как туда вошли немцы. Только после перестройки, раскрытия секретных архивов и массового выезда советских евреев в Израиль и другие страны начала приоткрываться правда о жестоких испытаниях, которые выпали на долю сотен тысяч еврейских беженцев на территории СССР во время войны с нацистской Германией. Большую роль в этом процессе играют воспоминания еврейских беженцев, опубликованные в последние годы [1–20]^{1*}, а также исследования ученых-историков об эвакуации гражданского населения СССР в 1941–1945 годах [21–32]. Следует сказать, что свидетельства о судьбах еврейских беженцев на территории СССР публиковались и ранее (см., например, [32]), но они не получили публичного резонанса и мало известны широкой общественности.

Многие обстоятельства, связанные с эвакуацией гражданского населения СССР во время той войны, до сих пор изучены недостаточно. В советской печати речь всегда шла об организованной эвакуации и никогда – о стихийном бегстве сотен тысяч людей в первые месяцы войны СССР с нацистской Германией. По данным В. Дубсона [24], еврейские беженцы составляли непропорционально большую часть среди всего эвакуированного гражданского населения СССР – от 70% до 80% среди неорганизованных беженцев в первые месяцы войны и от 20% до 30% среди всех эвакуированных. Напомним, что

^{1*} Здесь и далее дается отсылка на порядковый номер публикации в пронумерованном Списке литературы, помещенном в конце статьи.

до войны евреи составляли около 2,5% от всего населения СССР. Старшее поколение еврейских беженцев не дождалось эпохи гласности и массового отъезда евреев СССР в Израиль и другие страны, и поэтому летописцами страшных военных событий стали те, кто пережил их ребенком.

Многие воспоминания, представленные в указанных книгах [1–20], написаны настолько эмоционально и с такими подробностями, что иногда кажется, будто речь идет о событиях, которые происходили вчера, а не более полувека тому назад. В действительности все эти повествования записаны через 6–10 и более лет после войны и эвакуации. С этим связана и другая особенность этих воспоминаний: во время тех трагических событий, о которых идет речь, почти все авторы вошедших в эти книги воспоминаний были детьми. Наконец, нельзя не заметить, что авторы сосредоточили основное свое внимание на одних и тех же событиях из жизни беженцев. И хотя события эти происходили в разных местах и в разное время, они всегда были критическими для участников: решался вопрос их жизни и смерти. В этом отношении очень показательны воспоминания Реувена Руха [2–5, 20], которому в начале войны было 13 лет. Его семья, жившая в литовском г. Рокишкис, пыталась уйти от приближавшейся нацистской армии и перейти на российскую территорию. В своих воспоминаниях, записанных 65 лет спустя, Р. Рух восстанавливает события первой недели войны очень детально, буквально час за часом. Однако с того момента, когда семья переходит границу и попадает на территорию РСФСР, воспоминания становятся более фрагментарными и менее эмоциональными. В беседе со мной Реувен Рух так объяснил эту перемену: пока они оставались на территории Литвы и Латвии, они знали, что им угрожает смертельная опасность – не только от наступающей немецкой армии, но и от местных националистов, которые буквально охотились на евреев. После перехода границы его семья почувствовала себя в относительной безопасности, поскольку попала в общий поток беженцев и эвакуируемых. Постоянное напряжение первой недели после начала войны уступило место уверенности, что самое страшное осталось позади, – и воспоминания утратили свой эмоциональный накал.

Все отмеченные выше особенности воспоминаний, представленных в этих книгах, и прежде всего их чрезвычайно высокая эмоциональность, свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что авторы воспоминаний, бывшие еще детьми, получили во время бегства и эвакуа-

ции тяжелую психическую травму, и поэтому мучительные воспоминания о событиях военного детства преследуют их всю жизнь.

Поскольку разные авторы воспоминаний обращаются к одним и тем же ключевым моментам в жизни беженцев, к одним и тем же событиям, эти воспоминания можно рассматривать как коллективное свидетельство детей – участников этих событий – об испытаниях, которые выпали на долю еврейских беженцев на территории СССР. Высокая эмоциональность, яркая образность публикуемых в этих книгах текстов позволяют читателям почувствовать свою сопричастность к событиям того времени и вызывают острое чувство сострадания – и к еврейским беженцам, и к их близким, погибшим во время Холокоста.

Многие авторы воспоминаний выражают глубокую благодарность своим матерям, которые в тяжелых условиях военного времени делали все возможное и невозможное, чтобы спасти детей, иногда – ценой собственной жизни. Многие вспоминают своих родных, которые погибли, сражаясь в рядах Красной армии, или были убиты нацистами на оккупированных территориях СССР, или умерли (или пропали без вести) в эвакуации. Пожилым авторам воспоминаний очень важно, чтобы слова «Никто не забыт, ничто не забыто» имели самое непосредственное отношение к их близким, погибшим во время той войны.

О каких же событиях военного времени чаще всего рассказывают те, кто ребенком пережил бегство или эвакуацию? Прежде всего речь идет о мучительном выборе, который предстояло сделать еврейским семьям – бежать из родных мест от приближающейся нацистской армии или остаться, поверив рассказам пожилых людей о том, что немцы народ цивилизованный, и понадеявшись, что ничего плохого они евреям не сделают. Очень часто решение необходимо было принять в считанные часы. Как оказалось впоследствии, это был выбор между жизнью и смертью. Об этом вспоминают многие авторы, например, Р. Рух и А. Шарнопольский [2, 20]. Как известно, большинство советских евреев (около 3 млн) остались на территории, оккупированной германской армией; они погибли от рук нацистов и их помощников из местного населения. Многих по сей день мучает вопрос, почему их близкие не приняли правильное решение и не ушли из родных мест. Основная причина этой трагедии нам видится в том, что еврейское население в большинстве своем не знало, насколько опасно евреям оставаться на территории, оккупированной немецкими войсками. В первые месяцы войны советская власть позаботилась об эвакуации семей партийных работников и командиров Красной ар-

мии, но не предупредила о грозящей опасности еврейское население пограничных с Германией областей СССР – Литвы, Латвии, Эстонии, а также Западной Украины, Белоруссии, и Молдавии.

Очень важный материал, который позволяет понять, почему большинство еврейского населения Белоруссии, в которой проживали около 1 млн. евреев, в первые дни войны не попыталось уйти от наступающей немецкой армии, представлен в воспоминаниях сотрудницы белорусского радио Муси Левиной [6, 20]. Из-за паники, которая царил в первые дни войны во властных структурах Белоруссии, государственное радио этой республики так и не передало в эфир ни одного сообщения, которое позволило бы гражданскому населению понять, как развиваются военные события, которое позволило бы евреям решить – бежать или оставаться дома. Государственное радио молчало – молчало, пока в столицу Белоруссии, г. Минск, не вошла немецкая армия. Многие евреи не смогли уйти от приближавшейся немецкой армии и погибли от рук нацистов. Иногда советские власти препятствовали самостоятельной эвакуации еврейского населения в тыл страны. Реувен Рух [2–5, 20] рассказывает в своих воспоминаниях, как советские пограничники в первые дни войны отправили на верную смерть – в Латвию, уже захваченную немецкой армией, – целый железнодорожный состав с беженцами-евреями (по словам Р. Руха – около 800 человек) со словами: «Мы через несколько дней освободим всю Прибалтику от нацистской армии, и вы будете снова спокойно жить в своих домах».

Местное население в тылу страны принимало самое непосредственное участие в приеме и размещении в своих домах нескольких миллионов беженцев и эвакуированных, и делало это по отношению ко всем эвакуированным, независимо от их национальности. Многие авторы рассказывают о помощи, которую оказывало семьям еврейских беженцев местное население.

Многие авторы вспоминают и об антисемитизме, с которым пришлось столкнуться беженцам-детям. Некоторые из них именно в эвакуации впервые узнали, что они не такие, как остальные дети, что их не любят только за то, что они евреи. Иногда бытовой антисемитизм оборачивался семейной трагедией, как это произошло, например, в семье братьев Ваксман [1–5, 20]. Один из братьев, Семен Ваксман, под влиянием антисемитской атмосферы детдома, где он жил какое-то время, сам стал антисемитом. Антисемитские выпады сверстников глубоко врезались в память и стали одним из факторов психической

травмы, полученной детьми – авторами воспоминаний во время войны. Проявлениям антисемитизма по отношению к еврейским беженцам в республиках Средней Азии во время войны СССР с нацистской Германией было посвящено исследование З. Левина [29]. Вопросы борьбы с проявлениями бытового антисемитизма по отношению к еврейским беженцам не раз стояли на повестке дня местных органов советской власти во время войны, наряду с необходимостью обеспечения всем необходимым эвакуированных многодетных матерей [30]. Тяжелые условия военного времени, как и нацистская пропаганда, способствовали усилению бытового антисемитизма в тылу страны.

В течение многих лет трагедия семей, потерявших близких во время эвакуации, оставалась их личным делом. Только сегодня приоткрывается завеса секретности над истинными масштабами жертв, принесенных советскими людьми во имя победы над нацистской Германией, – и сегодня пришло время понять, какую цену заплатило за эту победу гражданское население. Необходимо восстановить историческую правду не только в отношении военных событий, но и в отношении испытаний, выпавших на долю гражданского населения в тылу страны. Большую роль в этом могут сыграть свидетельства о том, в каких условиях работали во время войны подростки на военных заводах, см. главу «Все для фронта, все для победы» [2]. Во многих воспоминаниях представлены очень важные подробности жизни эвакуированных в тылу страны, которые недостаточно освещены в исторической литературе, посвященной войне 1941–1945 гг.

Большинство советских евреев, оставшихся в живых после окончания войны с нацистской Германией, выжили только благодаря тому, что бежали или эвакуировались из родных мест. Из 5,2 млн евреев, живших в СССР до войны, в живых после войны остались всего 2,26 млн, из которых 1,5 млн были беженцами. Среди еврейских беженцев большинство составляли женщины с детьми и пожилые люди. Матери предпринимали героические усилия, чтобы спасти детей от смерти, от голода и болезней в условиях бытовой неустроенности, в которых оказались многие эвакуированные.

Особенно трудно пришлось многодетным еврейским матерям-беженкам в республиках Средней Азии, куда во время войны были эвакуированы около 800 тысяч советских евреев. В условиях военного времени выжить могли только те семьи эвакуированных, в которых хотя бы один человек работал и получал рабочую продуктовую карточку. Семьи эвакуированных без рабочей карточки были обречены на голодную смерть, а ведь многодетные матери-беженки далеко

не всегда могли найти работу, которая была необходимым условием для получения рабочей карточки. Это очень ярко и очень страшно показано, например, в воспоминаниях Клары Фридман [2–5, 20]. Многие авторы вспоминают, как беженцы, прежде всего дети и старики, умирали от голода и болезней в республиках Средней Азии (см., например, воспоминания Б. Шнайдера, Б. Вольфлэнка, Н. Стражас, А. Ханиной, А. Гольдберг) [1, 20].

О постоянном чувстве голода говорится почти во всех воспоминаниях. На всю жизнь дети беженцев запомнили, что по рабочей продуктовой карточке дают 800 г хлеба в день, а по иждивенческой (для неработающих членов семьи) – только 400 г. По сей день они помнят, каким счастьем оказывался для них крохотный довесок хлеба, который можно было съесть прямо в магазине, и какой трагедией для семьи оборачивалась потеря или кража продуктовой карточки. Конечно, во время войны не только беженцам приходилось трудно. Однако местное население, как правило, легче решало проблему выживания в то тяжелое время, нежели беженцы и эвакуированные.

Большая концентрация эвакуированных евреев в республиках Средней Азии способствовала распространению антисемитского мифа о том, что советские евреи «воевали на ташкентском фронте». Этому содействовала советская цензура, которая скрывала, что около 500 тыс. евреев сражались в рядах Красной армии [31] и что евреи занимали первое место среди народов СССР по относительному числу солдат и офицеров, воевавших против нацистской Германии во время войны 1941–1945 гг. Суровая правда об условиях жизни эвакуированных в республиках Средней Азии – о голоде, болезнях, неустраиваемости – также не попадала на страницы советской печати.

Мне представляются особенно важными свидетельства о том, что десятки тысяч, а возможно и сотни тысяч эвакуированных и беженцев умерли в тылу СССР от голода и болезней... Кто сегодня может сказать, сколько еврейских беженцев погибли во время той войны от обстрелов с немецких самолетов или от голода и болезней? Возможно, исследователи Холокоста и войны СССР с нацистской Германией в дальнейшем найдут ответы на эти вопросы.

Восстановить справедливость по отношению к еврейским беженцам на территории СССР чрезвычайно важно. Страдания и испытания, выпавшие на долю еврейских беженцев на территории СССР, спасшихся от уничтожения нацистами, до сих пор остаются недостаточно изученной частью истории Холокоста.

Наиболее страшными моментами по дороге в эвакуацию были налеты немецкой авиации на поезда, уходящие на Восток. Вспоминает Виктор Розенцафт: «В пути нас неоднократно бомбили и обстреливали. Вскоре в вагоне появились умершие. Их некогда было хоронить. Помню запах разлагающихся трупов, горевшего человеческого тела, смрада и чада горящих строений и вагонов. Слышу крики, мольбу и стоны раненых и изувеченных. Вижу мёртвых мам и плачущих возле них детей, мам с трупиками на руках или у груди...» [19].

Второй момент, на который следует обратить внимание, прочитывается «между строк». Речь идет о существенной разнице между тем, что прошли «официально» эвакуированные, и тем, как складывалась судьба «стихийных» беженцев: в этой книге представлены воспоминания и тех и других.

Как и в опубликованных прежде воспоминаниях, так и здесь постоянно возникают такие темы, как самоотверженность матерей, смерть близких от голода, болезней и мороза в условиях эвакуации. Временами появляется и тема бытового антисемитизма, который разгорелся во время войны – как, например, в воспоминаниях Исаака Заславского: «Тридцать первого августа я пошёл учиться во второй класс в другую школу. Когда я подошел к группе учащихся моего второго «Б», кто-то из ребят спросил: «А нет ли у нас в классе новеньких?» В ответ прозвучало: «Да есть тут в списке один жидёнок – Заславский Исаак». Кто-то ухмыльнулся, кто-то рассмеялся, а я промолчал. В восемь лет я даже словесно не мог защитить себя, еврея».

Многие воспоминания завершает тема непростого возвращения домой: реальность, в которую попадают вернувшиеся из эвакуации, оказывается своеобразным продолжением предыдущей главы – люди возвращаются на родину домой, но дома их больше нет, или там уже живут другие люди, работу тоже предстоит еще найти, везде разруха, голод и плохо скрываемая неприязнь к вернувшимся, казалось бы, домой еврейским беженцам.

Свидетельства, вышедшие в этом сборнике, дополняют уже собранный нами материал, и эта работа продолжается.

Выводы

Опубликованные воспоминания беженцев холокоста на территории СССР во время войны 1941–1945 гг. позволяют нам обратить внимание на некоторые центральные моменты.

1. Повторяемость одних и тех же критических для жизни еврейских беженцев событий, упомянутых в воспоминаниях разных авто-

ров, говорит о том, что эти детские воспоминания можно рассматривать как коллективное свидетельство о жестоких испытаниях, которые выпали во время той войны на долю беженцев от Холокоста. К таким событиям относятся неорганизованное бегство сотен тысяч людей от приближающейся немецкой армии, обстрелы гражданского населения с немецких самолетов, смерть беженцев и эвакуированных от голода и болезней, столкновения еврейских детей с проявлениями антисемитизма во время войны и т. д.

2. В первые дни войны еврейское население западных районов СССР не получило от советской власти необходимой информации об опасности, которая угрожала им на захваченных нацистской армией территориях. Спаситься от уничтожения, как правило, удавалось тем, кто решился бежать из родных мест на свой страх и риск – или тем, кто получил от советских органов власти указание срочно эвакуироваться (т. е. работникам эвакуировавшихся предприятий, партийным работникам и членам семей командиров Красной армии).

3. Во время войны во многих районах СССР (например, в Средней Азии) беженцы и эвакуированные часто страдали от голода, в частности потому, что не могли найти работу и поэтому не получали рабочей продовольственной карточки.

4. Воспоминания свидетельствуют не только о тяжелейших испытаниях, выпавших во время войны на долю еврейских беженцев на территории СССР, но и о том, что очень многим не суждено было это пережить – многие погибли от бомбежек, голода и болезней. Оставшиеся в живых тяжело пострадали: многие получили психологическую травму из-за пережитого в экстремальных ситуациях военного времени, из-за нависшей над ними угрозой уничтожения.

1. Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945. Иерусалим, 2009. Составитель и редактор сборника Алла Никитина. – Иерусалим, Союз ученых-репатриантов Израиля и Ассоциация Хазит ха-кавод, 2009.

2. Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945. Составитель сборника Александр Берман. – Иерусалим: Союз ученых-репатриантов Израиля и Ассоциация Хазит ха-кавод, 2015.

3. 1945–1941, מרוסית: דינאל פידלמן, חיים דולגופולסקי; עריכה: אריאל כהנא, ורד דוד. ירושלים, הוצאת עמותת פליטי השואה. פליטים ומפונים יהודים בברית המועצות. זיכרונות של ילדות בצל השואה והמלחמה חזית הכבוד, אגודה ישראלית למדענים עולים, 2015

4. The Refugees: Jewish Refugees and evacuees in the USSR 1941:1945. Recollections of Wartime Childhood. From Russian Sergei Makarov, Michael Gribov, English editors: Fern Seckbach, Gila Ansell Brauner, Marie Cochran. Jerusalem, Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2017.

5. Flucht und Evakuierung. Die unbekanntes Geschichten jüdischer Kinder im Schatten des Holocaust. Chefredakteur: Dr. Alexander Berman, Hrsg. Haim Dolgopolsky, deutsche Übersetzung: Viatcheslav Obodzinskiy. Hazit Hakavod Association & Israeli Association of Immigrant Scientists, 2019.

6. Лев Слобин. Осталось за кадром и между строк. – Минск, 2009.

7. «Как хочется жить!» Война глазами ее «детей». Женнидора Медник (сост.). – Тель-Авив, 2011.
8. Аркадий Цфасман / Arkady Tsfasman. Последние свидетели войны и Холокоста. Еврейские мигранты Мекленбурга – Передней Померании вспоминают о своем детстве в СССР в годы Второй мировой войны / Die letzten Zeugen des Krieges und des Holocaust. Jüdische Migrantiinnen und Migranten aus Mecklenburg-Vorpommern erinnern sich an ihre Kindheit in der UdSSR während des Zweiten Weltkrieges. – Rostock, 2012.
9. Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний – 1. / Анна Кипнис (сост. и ред.) – Ашдод, 2013.
10. Взрослое детство войны. Сборник воспоминаний – 2. / Сост. и ред. Анна Кипнис. – Ашдод, 2013.
11. Иосиф Есаков / Iossif Jessakow. Шрамы войны. О евреях – новых гражданах Нюрнберга, переживших войну и Холокост / Narben des Krieges. Über jüdische Neubürger Nürnbergs, die Krieg und Holocaust erlebten. – Nürnberg, 2013.
12. Военное детство. Сборник воспоминаний. Ашкелон – Тель Авив, 2014.
13. Наум Райскин, Опаленное детство. – Тель-Авив, 2014
14. Григорий Нисенбойм С войной покончили мы счеты...? – Израиль, 2015.
15. Военное детство. Сборник воспоминаний жителей Цфата, переживших войну. Рива Фукс (сост.). – Цфат, 2015.
16. Берта Файнштейн. «Крапивка». Повесть // Девочка из гетто. – Израиль: Компас, 2016.
17. Иосиф Скарбовский (автор и составитель). Дети войны помнят хлеба вкус. – Израиль: Studio Fresco, 2016.
18. Joseph Skarbovsky (author and compiler). The children of the war remember the taste of bread. – Israel: Studio Fresco Publishers, 2016.
19. Чтобы помнили. Сборник воспоминаний беженцев Холокоста. / Ефим Кипнис (сост.). – Израиль, 2017.
20. Проект «Опаленное детство» 2007–2020 гг. «Воспоминания спасшихся беженцев Холокоста об эвакуации. СССР. 1941–1945 гг.». Интернет-сайт движения «Хазит ха-кавод» – www.lost-childhood.com на 4-х языках – русском, иврите, английском и немецком.
21. מרדכי אלטשולר. הפינוי והמנוסה של יהודים מביילורוסיה המזרחית בתקופת השואה, יוני – אוגוסט 1941 יהדות . זמנו 1986 , 3(119-158).
22. Ицхак Арад. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). – Т.І. – Днепропетровск – Москва, 2007. – С.135–157.
23. Kaganovitch A. «Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II» // Yad Vashem Studies. Vol. 38, № 2 (2010), 85–122.
24. Vadim Dubson. «On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources)» // Jews in Eastern Europe. Vol. 40, № 3 (1999), 37–56.
25. Rebecca Manley. To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
26. Семен Швейбиш. «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы» // Вестник еврейского университета в Москве. – 1995. – № 2 (9), 36.
27. Vadim Dubson. «Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews' Names, for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories» // Holocaust and Genocide Studies, Vol. 26, № 1 (2012), 95–119.
28. История, память, люди. Материалы VI Международной научно-практической конференции 18 октября 2012 г. – Алматы, 2013.
29. Zeev Levin. «Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942» // Jews in Russia and in Eastern Europe. № 1 (50) (2003).
30. Марина Потемкина. Эваконаселение в Уральском тылу (1941–1948 гг.). – Магнитогорск, 2006. – С.149–150.
31. «Красная армия». / Холокост на территории СССР. Энциклопедия. – Москва, 2011. – С.472.
32. Ben-Zion Pinchuk. Soviet Jews in the Face of the Holocaust: A Study in Deportation and Removal Problems. – Tel Aviv: Tel-Aviv University Press, 1979.

Личный Холокост Мечислава Вайнберга

В декабре 1919 г. в мире широко отмечалось столетие со дня рождения композитора Мечислава Вайнберга. Еще один повод вспомнить замечательного человека, которого мне посчастливилось знать, и послушать его пронзительную музыку.

В контексте нашей конференции разговор о Вайнберге уместен также потому, что в годы Второй мировой войны молодого композитора, как и многих тысяч других эвакуированных и беженцев, приютил Ташкент.

Я не позволю себе сказать, что была его другом. Сблизиться с ним было далеко не просто. Невероятно талантливый, благородный, необычайно скромный и светлый, он в то же время был замкнутым. И все-таки что же нас сближало?

Я была намного моложе его: он родился сразу после Первой мировой войны, а я – после второй. Но при этом – как ни парадоксально – я была частью его... прошлого. Потому что я, как и он, была тесно связана с Польшей. Он – польский еврей, застрявший после войны в Советском Союзе, а я – «полька» по выбору – занималась польской и, в частности, польско-еврейской историей, культурой, литературой. У нас в прямом и в переносном смысле был общий язык – это был польский язык; язык его детства и юности, а для меня – язык моей профессии. Со всеми окружающими, включая самых близких, он говорил по-русски и потому, как мне кажется, они и воспринимали его как часть русской жизни. Однако он не был, ни русским русским, ни русским евреем. Несомненно, он оставался польским евреем. Мне казалось, что он радовался тому, что мог говорить со мной по-польски. Такие случаи выпадали ему нечасто: изредка с приезжавшими в Москву польскими коллегами и с сотрудниками посольства Польши в Москве (да и то лишь в последние годы жизни, когда общение частного лица с дипломатами стало возможным). В Варшаве после войны он был только раз – в 1966 г. как гость музыкального фестиваля «Варшавская осень». Свой город он узнал с трудом и больше туда не возвращался.

По-русски он говорил с сильным польским акцентом, думается, что по доброй воле, намеренно – попросту не хотел избавляться от акцента, истреблять его, что без труда мог бы сделать, обладая совершенным музыкальным слухом. Наверное, таков был один из его способов сохранить свою идентичность.

Круг его общения был весьма ограничен. Никто не мог прийти к нему без предупреждения, заскочить, заглянуть по-дружески на ми-

нутку. Те, кто был ему близок, в подавляющем большинстве были музыкантами – и великими музыкантами. Мне же просто повезло иметь возможность время от времени оставаться с ним один на один, беседовать о серьезных вещах с глазу на глаз. Я поставляла ему книжные новинки, которые привозила в Москву из Варшавы, куда часто ездила в научные командировки. Между нами было заведено, что после каждой поездки я заходила к нему в его малюсенький кабинет с портретом замечательного польского поэта Юлиана Тувима на стене. Это была самая маленькая комната в его и без того небольшой трехкомнатной квартире. В кабинете были полки с книгами, в основном поэтические сборники, среди которых было много польской поэзии, и – пианино. Приобретать рояль не имело смысла – он бы туда не поместился. Посещая Вайнберга, я с пылом (по молодости) рассказывала ему, что нового в польской музыке и в относительно свободной – по сравнению с советской – польской политической жизни. Он слушал меня внимательно, но моего энтузиазма, кажется, не разделял. Жизнь научила его быть осторожным в оценках. И после всего пережитого им, о чем речь еще впереди, его из раза в раз повторяющийся еврейский вопрос, словно рефрен: «А чем это обернется для евреев?» – вовсе не казался праздным.

О его военном прошлом мы говорили мало – больше об отражении этой темы в литературе и искусстве.

Трудился Вайнберг безостановочно. Вспоминается такой случай: как-то мы отдыхали (точнее, работали) в Доме творчества композиторов в подмосковной Рузе. Там каждому музыканту предоставлялась дача с роялем. Наши дачи оказались рядом. И я чем свет слышала звуки его инструмента, а я – такой же трудоголик, с раннего утра сидела за печатной машинкой (это было в докомпьютерную эру). Однажды он сказал мне: «Стук Вашей машинки, помноженный на шелест листьев и пение птиц на заре, непременно войдет в одно из моих сочинений». А я парировала: «А Ваша музыка, надеюсь, зазвучит в моей статье».

В одном из интервью Вайнберга спросили, как он работает. На что он ответил: «Мне кажется, что почти любой миг в жизни настоящего художника в каком-то смысле работа. Работа интересная, упорная, бесконечная. Работа не только за письменным столом, но и наблюдение, впитывание звуков, красок, движений, ритмов действительности. Я всегда работаю» [1].

Кстати, мы были соседями не только по даче, но и в Москве. Наши квартиры были в одном подъезде, в доме, где жили многие вы-

дающиеся российские композиторы: Борис Чайковский, Эдисон Денисов, Андрей Эшпай, Револь Бунин, Карен Хачатурян, Роман Леде-нев, Сергей Беринский... Музыка лилась из каждого окна... Добавлю, что я была женой либреттиста Вайнберга, ныне покойного Александра Медведева. Но об этом чуть позже.

Иногда мы (Вайнберг с супругой и я с мужем) вместе ходили на концерты. Помню, например, концерт польского композитора Кшиштофа Пендерецкого или концерт израильского, бывшего советского композитора Марка Копытмана, другие концерты выдающихся исполнителей. Не припоминаю, чтобы мы ходили в Большой театр на оперные спектакли. Скорее Вайнберг слушал великие арии (хотя в его инструментальных произведениях много танцевальности, и он сам был автором балетов, он намекал, что балету предпочитает оперу). Вообще же из дома он выходил только по необходимости. Как говорила его жена Ольга, он долго отказывался купить новое пальто, объясняя это тем, что оно ему не нужно, т. к. он почти не выходит. Но выход в концертный зал он считал торжеством. Надевал элегантный костюм, завязывал модный галстук, непременно с платком паше (в СССР тогда это было редкостью), в начищенных до блеска ботинках. Загодя вызывал такси, чтобы, не дай Б-г, не опоздать. Помню, я встретила его у подъезда, где он ждал машину, и спросила по-свойски: «Вы куда?» Он отвечал: «На концерт». Я удивилась: «Так рано?!» Он ответствовал: «Уже пора!» Как свойственно многим музыкантам, он был педантом, и опасение опоздать безусловно было ему присуще. Может, это был страх, психический шлейф, который тянулся с войны? Может, еще в сентябре 1939-го, когда он уходил из оккупированной нацистами Варшавы, он осознал, что за минуту опоздания порой приходится платить ценой жизни.

Коротко остановлюсь на происхождении Вайнберга.

Вайнберг пришел на свет в неортодоксальной еврейской семье в Варшаве. Его родители не были потомственными варшавянами. Они были родом из Кишинева. В Варшаву они бежали в 1916 г., в самый разгар войны. Поспешили уехать, зная, что в кризисное время больше всего страдают те, кто в меньшинстве и безоружны, тем более что в семье была жива память об отце и деде Вайнберга-старшего, погибших в Кишиневском погроме 1903 г. Почему бежали именно в Варшаву? В годы войны вряд ли там было спокойнее, безопаснее, но там были родственники, которые могли на первое время предоставить кров и помочь устроиться.

Беженцы Вайнберги, как беженцы всегда и везде, жили более чем скромно – это что касается быта. Но они обладали и неизмеримым богатством – у них была музыка. Отец Самуил (Шмуэль) был скрипачом, дирижёром и композитором еврейского театра «Скала», в котором играли на идише, ездил по стране с бродячими труппами, а мать Сарра Котлицкая была там же актрисой. Сын, дома его звали на польский манер Метек (уменьшительное от польского Мечислав; в действительности он был зарегистрирован как Моше, Моисей), практически вырос в театре, среди музыки. Он рассказывал мне, что ребёнком, видя, как отец дирижировал, думал, что дирижерская палочка – это один из музыкальных инструментов. Дома фортепиано не было, ходил заниматься к кузине. Начал играть рано, вундеркинд – сколько себя помнит, всегда играл. Уже в 10 лет играл в ансамбле еврейского театра. Подрастком подрабатывал тапером в кинотеатре, сопровождая немые фильмы. В 12 лет поступил в Варшавскую консерваторию по классу фортепиано. Тогда же начал сочинять. А закончил консерваторию в 20 лет, в 1939-м, перед самым началом Второй мировой войны.

Нацистская Германия напала на Польшу 1 сентября 1939 г. Польские евреи знали, чего ждать от оккупантов. Самые энергичные и решительные, не раздумывая, покидали страну. Вопрос стоял: куда бежать? Реальная и едва ли не единственная возможность – бежать на восток, к границе с Белоруссией, Советским Союзом. Среди уходивших – и те, кто считал Россию страной, разрушившей не только традиционную еврейскую жизнь, но и все свободы, и коммунисты, полагавшие, что СССР есть место привлекательного социального эксперимента. Но кем бы беженцы ни были, видели ли «за чертой» великолепную реализацию идеи ужасной социальной системы или ужасную реализацию идеи великолепного общества будущего – выбора у них не было – как только бежать на восток. В такой ситуации молодой Вайнберг вряд ли пускался в размышления о политике.

В течение нескольких месяцев с сентября по декабрь 1939 г. граница с Советским Союзом для беженцев оставалась открытой. Родители Вайнберга решили пока оставаться в Варшаве, а он и его младшая сестра направились к той самой советской границе. Уходили пешком. К несчастью, сестра натерла ногу (я слышала и другую версию, будто сломался каблук) и рискнула вернуться домой, чтобы поменять обувь. Это было роковое решение.

Ни сестру, ни родителей Вайнберг никогда больше не увидел. Они погибли, возможно в Варшавском гетто или в нацистском лагере уничтожения, по предположениям – в лагере Травники.

Вайнберг, как и другие поляки, оказался зажат между немецкими и советскими оккупантами (в то время как в сентябре гитлеровцы вторглись в Польшу с запада, Красная армия оккупировал восточные польские земли). А у границы скопилось такое количество беженцев, что очередь растянулась на километры, и пограничники едва успевали проверять документы. И через десятилетия Вайнберг помнил отчаяние матерей с младенцами на руках, цеплявшихся за шинели красноармейцев, умоляя их разрешить им перейти на другую сторону.

Наконец подошла очередь Вайнберга. То, что случилось вслед за тем, напоминает байку и, видимо, поэтому многократно цитированную в статьях о композиторе. Однако случившееся было чистой правдой: красноармеец задал дежурный вопрос: «Как зовут?». «Мечислав», – ответил юноша. «Еврей?» – Вайнберг утвердительно кивнул головой. Солдат буркнул: «У евреев таких имен не бывает. Записываю – «Моисей». На том диалог был исчерпан. Так Метек Вайнберг стал Моисеем на последующие сорок с лишним лет. Однако для своих друзей он оставался Метekom. Многие годы композитор мечтал восстановить имя, которым подписывал свои первые сочинения в прошлой жизни в Варшаве. Это стало возможным благодаря помощи посольства Польши в Москве лишь в 1980-е гг.

Однако вернемся в сентябрь 1939-го.

Перейдя границу, Вайнберг направился в Минск. Там поступил на композиторское отделение консерватории. Учился у профессора В.А. Золотарева, который некогда был учеником Римского-Корсакова. На выпускном концерте в Минске 21 июня 1941 г. исполнялась Симфоническая поэма Вайнберга.^{1*} На следующий день нацистская Германия напала на Советский Союз. Была объявлена всеобщая мобилизация, но в армию молодой композитор призван не был по состоянию здоровья (у него был больной позвоночник). Война наступала Вайнбергу на пятки. И снова он был вынужден бежать. С тысячами других, эвакуированных и беженцев, преодолевал огромные пространства России. В теплушках, без намека на санитарные условия, ни еды, ни воды, на самообеспечении – ведь война. Поезда шли вне расписания, часто останавливались и ладно если на станциях или полустанциях, а то и вовсе в чистом поле. Наконец добрались до Ташкента. А ведь уходя из Варшавы, Вайнберг думал, что остановится где-то неподалеку от границы. Но история привела его почти за пять тысяч километров от польской столицы, в Узбекистан, к подножию Тянь-

^{1*} Диплом был выдан ему 23 июня 1941 г.

Шаня: другой климат, другой язык, другие традиции, обычаи... Но Ташкент, самый крупный город в Средней Азии, как оказалось, был богат культурой. В городе было много талантливых музыкантов, исполнявших интересную национальную музыку. Еще в 1920-е гг. там был создан оперный театр, работали и другие театры, в т. ч. с 1933 до 1940 г. местный еврейский театр, выступавший по всему Туркестану еще с 1920-х гг. Это факт, сам по себе весьма любопытный, хотя и не связанный непосредственно с Вайнбергом, ибо он жил в Узбекистане с осени 1941 г. и спектаклей театра видеть не мог. Но интересно, заглядывал ли он на концерты других еврейских артистов, которые в годы войны давали представления в Ташкенте. Этого я выяснить не могла, т. к. наткнулась в архивах Ташкента и Самарканда на разрозненные документы, свидетельствующие о деятельности таких еврейских актрис, как Клара Юнг, Сиди Таль и Анна Гузик, уже после кончины композитора. Аналогичный вопрос можно было бы задать Вайнбергу относительно других еврейских театров, эвакуированных в Узбекистан: Киевского, Харьковского, Одесского, Львовского, Кишиневского, Белостокского. Но и этот вопрос, увы, остался без ответа.

Итак, прибыв в Ташкент, Вайнберг тут же постарался найти работу по своей профессии. И он нашел ее – в Еврейском театре, эвакуированном из Москвы в октябре 1941 г. наряду с другими культурными учреждениями и промышленными предприятиями. Государственным Еврейским театром (ГОСЕТ) в Москве руководил Соломон Михоэлс, великий актер и режиссер. В Ташкент Михоэлс прибыл с большой группой артистов. К нему и обратился в поисках работы Вайнберг. Еврейские пьесы и музыку он хорошо знал буквально с детства, и кто лучше, чем он, мог подойти на должность руководителя оркестра этого театра в Ташкенте?! Театр Михоэлса разместился в Старом городе в помещении театра, в котором ныне играет Узбекский драматический театр им. Хидоятова.

Согласно разысканиям работавшего в узбекских архивах Макса Ваксельмана, автора интересной книги «Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане: 1933–1947», изданной в Иерусалиме в 2005 г., Михоэлс по просьбе руководителей Узбекистана возглавил (или какое-то время возглавлял) и художественное руководство Узбекского государственного театра оперы и балета, который нуждался в поддержке опытного организатора. Это отчасти объясняет и существование довольно распространенной устной версии о том, что Вайнберг также работал в местной опере. Вполне возможно, что Михоэлс привлекал к

этой работе талантливого музыканта, служившего в его главном, т. е. Еврейском театре. Правда, в архиве я не нашла ни списка сотрудников оперного театра и оркестра времен войны, ни каких-либо иных документов, подтверждающих причастность Вайнберга к этому музыкальному театру. Но это, пожалуй, не является антидоказательством последнего.

К сожалению, мне не удалось установить, по какому адресу в Ташкенте жил Вайнберг. Предполагаю, что где-то поблизости от театра, в той же части Старого города. В этом отношении ничего не дали ни мои настойчивые расспросы местных краеведов, историков, музыкантов, ташкентских старожилов из евреев. Более того, некоторые ташкентские музыканты уверяли меня, что Вайнберга в войну в городе не было. Не удивительно, что, насколько мне известно, во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., его имя не упоминалось ни в одном из трудов Института Искусствознания Узбекской Академии Наук. Впрочем, поиски ташкентского дома Вайнберга вряд ли могли увенчаться успехом – сделать это было с каждым годом все труднее, от Ташкента военной эпохи почти ничего не осталось.

В то же время осталось значительно более весомое свидетельство ташкентского периода Вайнберга. Это – одно из его сочинений, созданное как раз под влиянием восточной музыки в 1942 г. в содружестве с молодым узбекским композитором Муталем Бурхановым (1916–2002), сочинение «Меч Узбекистана», фигурирующее в списках их опусов то как опера, то как музыкальная драма.^{1*}

Часто приезжая в Ташкент в конце 1990-х – начале 2000-х гг., я упорно искала в архивах отпечаток его жизни здесь на протяжении двух лет, о чем знала из уст самого Вайнберга. Надеялась на удачу, как надеется на нее каждый историк – и не нашла. В конце концов отступилась, сочтя неудачу еще одним доказательством того, что архивные «не-находки» вовсе не означают, что разыскиваемого человека в этом городе не было. И вдруг, относительно недавно, можно сказать, совсем недавно в ЦГА Узбекистана нашелся след пребывания Вайнберга в Ташкенте. Признаюсь, сожалею, что нашла его не я. Но, в конце концов, дело ведь не в том, кому из исследователей принадлежит «право первой ночи», а в том, что стал доступен письменный документ, скромный, но важный. Узбекский исследователь Баходир

^{1*}Написано, помимо Вайнберга и Бурханова, совместно С. Т. Джалиловым и Т. Садыковым; впервые исполнено в Ташкенте в 1941 г.

Эргашев оказался удачливее меня. 11 марта 2019 г. он впервые опубликовал в благословенном Интернете (в лучшей его части, ибо, как известно, есть и худшая) в открытом доступе выданную Вайнбергу справку [2]. С благодарностью Эргашеву позволяю себе полностью воспроизвести этот документ:

Справка

Дана настоящая справка тов. Вайнбергу Мойсей Самуиловичу в том, что он действительно является членом Союза Советских Композиторов Узбекистана и Музфонда. В настоящее время работает в области создания оборонной оперетты для Ташкентского театра.

Пред. Оргкомитета
Союза Советских Композиторов Узбекистана

Садыков
Секретарь СКК УзССР

Исаханова

К сожалению, в самой справке не указана дата ее выдачи, а в материале не указан номер фонда, описи и дела, что позволило бы сделать некоторые дополнительные выводы. Так, из справки не следует, с какой целью Вайнберг обращался за ней. Узбекский исследователь вполне логично предполагает, что она была нужна ему, чтобы присовокупить ее к просьбе о выдаче продовольственной карточки и дров, направленной в соответствующую инстанцию. Не удержусь и я от собственного комментария. Найденный Эргашевым документ будто объяснил мне, почему так трудно было найти в архивах вайнберговский «знак». Дело в том, что подавляющее большинство документов, связанных с делами польско-еврейских беженцев, проходили через так называемый Союз Польских Патриотов, политическую прокоммунистическую организацию (создана в марте 1943 г.), Вайнберг же почти наверняка не был ее членом, как никогда в жизни не был членом ни одной организации, кроме сугубо профессиональной, как, например, Союз композиторов. Не состоял он и на учете в Союзе Польских Патриотов, хотя с ним за спиной было легче выжить, ведь через него шло распределение продуктов, одежды, обуви и других предметов первой необходимости, получаемых в поддержку беженцам из разных источников.

Жизнь в Ташкенте в годы войны несмотря на то, что он был известен как «город хлебный» и выделялся среди других городов, принимавших в больших количествах эвакуированных и беженцев, своим дружелюбием, была для последних тяжела. Как и другие беженцы, Вайнберг жил с постоянным чувством неопределенности, ведь никто

не знал, когда придет конец этой чудовищной войне и что происходит с его близкими в теперь такой далекой Польше. Они пытались получить хоть какую-то информацию, но их попытки не имели успеха. Оставалась музыка, которая заменяла Вайнбергу все.

Существенный факт: в Ташкент был также эвакуирован симфонический оркестр Ленинградской консерватории. В Ташкенте укоренилось мнение, что в 1942 г. здесь была исполнена Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича и что это было второе исполнение этой симфонии (первое состоялось в Куйбышеве).^{1*} Не исключено, что в Ташкенте исполнялись фрагменты этой моментально ставшей знаменитой симфонии. Или, что ташкентцы слышали ее по радио. Так или иначе, Вайнберг был потрясен этой музыкой. Он и раньше знал некоторые сочинения Шостаковича, познакомился с ними во время учебы в Минске, но Седьмая симфония была для него подлинным открытием. С тех пор Шостакович стал для молодого композитора непререкаемым музыкальным авторитетом. Когда Вайнберг, находясь в Ташкенте, сочинил свою Первую симфонию (1942), Юрий Левитин, один из учеников Шостаковича, также эвакуированный в Ташкент, предложил ему послать клавиш Шостаковичу и попросить его об отзыве.^{2*} Мнение Шостаковича была сверхпозитивным. Вскоре Вайнберг получил вызов в Москву. Так было положено начало многолетней дружбе между двумя композиторами. Так что «встреча» Вайнберга с Шостаковичем, пусть опосредствованная, состоялась в каком-то смысле благодаря Ташкенту.

Вайнберга не раз называют «любимым учеником Шостаковича» (хотя собственно его учеником Вайнберг не был), а порой «малым Шостаковичем» или даже эпигоном Шостаковича. Как же далеко это от правды! Как же несправедливо! Вайнберг всегда был собой – Вайнбергом. Правда состоит в том, что два композитора безмерно уважали друг друга. Вайнберг показывал Шостаковичу все свои новые работы от песен до опер. Он был виртуозным пианистом и обычно впервые исполнял свои сочинения сам в малом кругу своих друзей и коллег. Я имела счастье быть на некоторых из этих презентаций. Он сам исполнял и свои оперы: играл и пел все партии за всех персонажей.

В свою очередь, Шостакович не раз просил Вайнберга исполнить свое новое сочинение в Союзе композиторов, иногда они играли в че-

^{1*} В то время как в авторитетных источниках сообщается, что второе исполнение состоялось в Москве, а третье в Новосибирске.

^{2*} Левитин заведовал музыкальной частью Театра эстрады в Ташкенте в 1941–1942 гг.

тыре руки – и в первый раз уже в 1947 г. Они посвящали друг другу свои композиции. Так, например, Шостакович посвятил Вайнбергу свой Десятый квартет, о чем в шутку писал: «Он [Вайнберг] написал девять квартетов (у меня их было восемь). Я поставил задачу догнать и перегнать Вайнберга, что и сделал».

Но вернемся в военно-тыловой Ташкент.

Как Вайнберг пережил суровую жизнь и неустроенный быт? Пережил благодаря музыке и...любви. В Ташкенте он встретил дочь Соломона Михоэлса Наталью Вовси-Михоэлс (1921–2014). Это была высокообразованная девушка, театровед по профессии, добродетельная, деликатная. В Москву они вернулись осенью 1943 г. парой. Так, Ташкент стал поистине судьбоносным городом для Вайнберга – в определенном смысле «свел» его с Шостаковичем и с женой, с которой прожил более 25 лет (1943–1970).

В 1945 г. польские граждане в СССР, те, которые имели польское гражданство до сентября 1939 г., получили право на репатриацию. Более 200 тыс. евреев вернулось в Польшу – Вайнберг остался в Москве. Закономерно спросить, почему? Как он однажды сказал мне, «потому что не мог бы жить «на кладбище» (подобную фразу я не раз слышала и от других польских евреев). И действительно, довоенная еврейская жизнь в Польше была испепелена.

Следует сказать несколько слов о жизни Вайнберга в Москве, когда он был частью семьи Михоэлса. Хотя история трагической смерти великого актера неоднократно описана, думается, что когда речь идет о Вайнберге, повторить ее вполне уместно.

Во время Второй мировой войны Михоэлс был председателем Еврейского антифашистского комитета, ставившего целью привлечение евреев в разных странах к борьбе с нацистской идеологией. Сталин, мягко говоря, был не в восторге от широких контактов Михоэлса с мировым еврейством. Был придуман коварный план расправы над этим ярким деятелем еврейского общественного движения: в январе 1948 г. Михоэлс был убит в Минске по личному приказу Сталина. А дальше – разыгранное дорожное происшествие: тело Михоэлса было подброшено на дорогу, «искренне соболезнуем», попал под колеса грузовика, скончался на месте... Михоэлсу было всего 57 лет. Сталинское «театрализованное представление» на сем не закончилось: тело Михоэлса доставили в Москву, где состоялись государственные похороны со всеми надлежащими почестями. А в 1949 г. в Москве был закрыт Еврейский театр; члены Антифашистского комитета были арестованы.

После похорон семья Михоэлса оставалась под домашним арестом около пяти лет. Членам семьи запрещалось работать, телефонная связь была отключена, выходить из дома разрешалось только с «сопровождающими лицами». Сутки напролет под дверью их квартиры дежурила охрана [3]. Много позже рассказывая мне об этих событиях, Вайнберг сказал: «Вторая мировая война закончилась, но для меня лично началась другая война». Все эти годы Михоэлсы жили в напряжении, ожидая арестов. И этот день настал.

6 февраля 1953 г., после полуночи, раздался сильный стук в дверь. Вайнберг беседовал с друзьями, композиторами Борисом Чайковским (1925–1996) и Николаем Пейко (1916–1995), обсуждали только что прослушанный концерт: в этот вечер в зале им. Чайковского Ойстрах играл транскрипцию вайнберговской «Молдавской рапсодии» для скрипки с оркестром. Они стали свидетелями ареста композитора. Вайнберг был в недоумении, спрашивал: «За что меня?» Наивный вопрос – тирании не нужны причины, чтобы мучить и убивать людей.

А за что на самом деле арестовали Вайнберга? Что ему – как члену семьи Михоэлса – вменялось или могло вменяться: еврейский буржуазный национализм; связи с Еврейским антифашистским комитетом; с вражеской разведкой («агент Джойнта»); намерение основать еврейскую республику на полуострове Крым; связь с так называемым делом врачей-вредителей (последнее потому, что жена Вайнберга была племянницей знаменитого и замечательного доктора Мирона Семеновича Вовси...). Все это было частью послевоенной антисемитской кампании, порожденной большим воображением вождя и его приспешников.

Вайнберга посадили в печально знаменитую тюрьму Бутырки. Сутками не давали спать, направляя в глаза луч прожектора. Под таким давлением трудно не сдаться. Рассказывали, что после ареста Вайнберга Шостакович не находил себе места, повторял: «Слабый он, не выдержит, наговорит...». Других композиторов унижали, запрещали исполнение и публикацию их сочинений, их называли «формалистами», что считалось оскорблением. Вайнберг был единственным композитором, который подвергся аресту. И ни на одном из дознаний он никого не оговорил.

Раз следователь издевательским тоном «доложил» Вайнбергу: «Знаешь ли, что за тебя дружки заступаются?» Этими «дружками» были Шостакович и Пейко. Подписанная ими просьба освободить Вайнберга была направлена лично «дружку» Сталина – Берии. Более того, Шостакович выразил готовность позаботиться о дочери Вайн-

берга в случае ареста его жены. «Я могу поручиться за Вайнберга в том, что он честный художник и гражданин, и не изменник и не американский шпион! (...) Я знаю, что у вас бьют. А его мучить нельзя, у него слабое здоровье».

Несмотря на заступничество Шостаковича, трудно сказать, что случилось бы с Вайнбергом, если бы не смерть Сталина 5 марта 1953 г. Вскоре после этого бесследно исчезли охранники, караулившие квартиру Михоэлсов-Вайнбергов. После трехмесячного заключения Вайнберг был освобожден. Сразу после возвращения он послал телеграмму Шостаковичу (которого в это время не было в Москве) с сообщением, что он уже дома. Можно сказать, он просидел в Бутырках всего три месяца. Но провести три месяца в аду, под пытками, не зная, что происходит с его семьей – много это или мало? Возникает вопрос, как этот нездоровый человек выдержал этот срок? Нет сомнения, его спасла музыка, которая билась в его сердце.

Зная все это, понятно, почему трагическая тема звучит в большинстве сочинений композитора: в симфониях, концертах, квартетах, сонатах, романсах, музыке к радиопередачам, спектаклям и фильмам, в числе которых «Летят журавли», завоевавшие не только Золотую пальмовую ветвь на кинофестивале в Каннах в 1958 г., но и свое место в классике мирового кинематографа.

Поделюсь еще несколькими личными воспоминаниями о Вайнберге. Они связаны с сотрудничеством композитора с либреттистом Александром Медведевым, моим мужем. Вместе они создали четыре оперы: «Пассажирка» (по повести польской писательницы Зофьи Посьмиш, бывшей заключенной двух нацистских концлагерей в Освенциме и Равенсбрюке; опубликована впервые на русском языке в роман-газете; 1967–1968), «Мадонна и солдат» (по повести Юрия Богомолова «Зося»; 1970), «Портрет» (по повести Гоголя; 1980) и «Идиот» (по роману Достоевского; 1985–1986).

«Пассажирка» не была поставлена при жизни Вайнберга. Премьера состоялась в 2010 г. в Австрии и в Польше. Сейчас она широко идет на мировых сценах и в 2020-м добралась даже до далекого Ванкувера). У «Портрета» была лучшая судьба. Премьера этой оперы состоялась в г. Брно в Чехословакии в 1983 г. Я присутствовала на премьере и могу свидетельствовать, что Вайнберг был удовлетворен оркестром, чего не скажешь о голосах. Те, кто хорошо его знал, видели, как тень пробежала по его лицу, но он не проронил ни слова – из врожденной деликатности. Что касается оперы «Идиот», то ее премь-

ера состоялась в Московском камерном театре в 1991 г. Постановка была прекрасной как в инструментальном, так и вокальном отношении. Но вот беда – в середине представления часть декорации, подвешенной на колосниках, ко всеобщему разочарованию, с грохотом упала на сцену. Такое случается и на больших премьерах, и в больших театрах. Но будучи свидетелем того промаха, Вайнберг страдал так, будто выронил из рук собственного младенца. Он едва справился с болью. Несомненно, он был не столько педантом (он мог производить такое впечатление), а подлинным перфекционистом.

Что касается длительного и успешного тандема Вайнберга и Медведева, то их объединяла любовь к музыке и литературе, особенно к поэзии. Их также сближала личная драма. Ибо от тирании досталось и Медведеву. В 1937 г. его отец – инженер, специалист по возведению мостов был арестован и сослан в Сибирь за «организацию саботажа на строительстве». В свою очередь, его мать – врач-педиатр, была арестована как жена врага народа. Медведева и его младшего брата полагалось (в случае ареста обоих родителей) поместить в детский дом. К счастью, 10-летний Александр сумел позвонить деду, который успел спасти внуков, отправив их в далекую деревню, с глаз долой рьяных помощников Сталина. Мать Медведева сидела в тюрьме четыре года и была освобождена только потому, что началась Великая Отечественная война и врачи были нужны как никогда. Отец же находился в тюрьме и ссылке 17 лет, вплоть до самой смерти Сталина.

Насколько я знаю, Вайнберг и Медведев никогда не говорили подробно на эту тему, но каждый из них по-своему испытал, что такое деспотия и война. Этот схожий опыт, видимо, играл определенную роль в их отношениях.

Помню, по случаю уже упомянутой мною премьеры оперы «Портрет» в Чехословакии мы гуляли с Вайнбергом по Праге. И случайно оказались на улице, где в 1787 г. жили Моцарт и его либреттист Лоренцо да Понте в период, когда композитор, накануне премьеры оперы «Дон Жуан», вносил в нее последние исправления. Улица была узенькая, дома Моцарта и да Понте стояли напротив, их балконы едва ли не касались друг друга и, как гласит легенда, композитор и либреттист несколько раз в день переговаривались друг с другом, отшлифовывая последние строчки текста и гармонизируя их с музыкой. Там и тогда Вайнберг тихонько сказал мне: «А мы с Александром Викторовичем тоже соседи». То, как он это сказал, явно значило, что жить по соседству в одном здании значило для него нечто большее,

чем просто встречаться в лифте или у почтового ящика. Отношения между Вайнбергом и Медведевым были крайне уважительными.

Десять лет спустя после смерти Вайнберга, в 2006 г., в Москве, в Доме музыки, состоялась премьера «Пассажирки» в концертном исполнении, на которой присутствовал Медведев. Зофья Посмыш, автор повести, как и Медведев, тоже мечтала о постановке оперы, в основе которой лежала ее история. В 1980-е гг. мы с Медведевым несколько раз посетили ее в Варшаве. Она верила, что ей будет дано услышать оперу на сцене. Ее надежда исполнилась – ей было уже 95 (она родилась в 1923 г.), когда она посетила премьеру в Москве в 2017 г.

Мы также поддерживали хорошие отношения с первой женой Вайнберга Натальей Соломоновной Михоэлс, которая с 1970-х гг. жила в Тель-Авиве. Когда мне случалось бывать в Израиле, я виделась с ней, и раз в доме на площади Михоэлса, названной в честь ее отца – мы всегда говорили о Метеке, о его здоровье и новых сочинениях. Конечно, мы были в добрых отношениях и с нашими соседями – второй женой Вайнберга – Ольгой Рохальской и их дочерью Аней.

В 1990-е гг. Вайнберг много болел. Довольно долго был прикован к постели. Я часто посещала его в этот период, но наши встречи были все короче. Я пыталась говорить с ним на обычные для нас темы: значительные культурные события в Польше, в Москве, читала ему новые польские стихи. Было очевидно, что он все чаще отсутствует. Он слабел раз от разу. Незадолго до его смерти он сказал Медведеву, что жалеет, что не имел возможности услышать «Пассажирку». Медведев уверял его, что однажды эта опера будет непременно исполнена. Медведев свято в это верил – не как соавтор, а как музыковед, который знал цену настоящей музыке. И его предсказания сбылись.

За три недели до смерти Вайнберг был крещен. Этот, в сущности, глубоко личный, интимный акт («Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» – «Всеобщая декларация прав человека») вызвал разноречие среди его друзей. Все-таки трудно найти композитора, в музыке которого было бы столько не просто общечеловеческой, а именно еврейской боли. Когда Вайнберга отпевали в православной церкви, я не могла избавиться от чувства, что совершается какая-то ошибка. Меня одолевало желание поделиться тем, что однажды

прошептал мне Вайнберг, словно доверил мне свою тайну, но я не посмела произнести вслух то, что сверлило мой мозг будто в него вставили раскаленный гвоздь. Сегодня, по прошествии многих лет после его кончины, я думаю, что вправе сказать об этом. А было это так: мы бродили с ним по Праге, забрели в Еврейский квартал Йосефов, лучший из сохранившихся еврейских районов в Европе – Гитлер планировал открыть в нем музей «исчезнувшей еврейской расы». Мы зашли и на Старое еврейское кладбище. Рассматривали мацевы. Неожиданно Вайнберг произнес: «Интересно, можно ли здесь захорониться?» Конечно, Вайнберг знал, что это кладбище – теперь музей, последнее захоронение здесь состоялось в конце XVIII в. Так он просто высказал свою невероятную тоску по «исчезнувшей еврейской культуре».

Вайнберга хоронили в холодный февральский день 1996 г. На его могиле был поставлен православный крест. Спустя годы, стоя над его могилкой, я думала: что случилось, то случилось; во всяком случае его тело не было кремировано, как это произошло с ему подобными в Освенциме.

С сугубо музыкальной точки зрения Вайнберг не может быть назван ни традиционалистом, ни модернистом. В одном из своих писем жене Ольге, опубликованном в «Музыкальном обозрении», Вайнберг писал: «Традиционализм», «авангардизм», «модернизм» [все эти понятия] для меня не имеют значения. Важно одно: это твоя [твоя музыка]. ... Композитор – это не забава, это вечный разговор, вечный поиск гармонии в людях и в природе. Этот поиск – смысл и обязанность нашего кратковременного пребывания на Земле. ... Сила или бессилие художника в том, сможет ли он выразить вечную всем известную правду, озарив ее новым светом.... Если да, тогда он [добавляет] свой кирпичик к храму. Если нет, тогда он резонер, который повторяет многожды пережеванную истину. И тогда не помогут и новейшие средства выражения, – хоть гвоздем *glissando* по голому заду» [4].

Свои ранние композиции Вайнберг подписывал польским именем Мечислав. Позднее, в Советском Союзе, подписывал кириллицей: Моисей. В польских источниках о нем пишут как о польском композиторе, в российских – как о советском или русском композиторе. В действительности он просто был собой – евреем, который пережил войну, человеком в поисках правды, справедливости и гармонии.

Вернусь к заголовку статьи. О наполнении слова Холокост часто спорят. Споры не утихают и через 75 лет после окончания войны. Кого считать жертвами Холокоста? Только ли тех, кто погиб в нацистских

лагерях уничтожения или был замучен на оккупированных Германией территориях? Или тех, кто пострадал от нацизма, где бы они ни находились? Или и тех, кто спасся ценой невероятных страданий? На мой взгляд, жертвами Шоа не в меньшей степени являются и те, кто выжил. И остался на всю жизнь с тяжелейшим чувством вины за то, что выжил, в то время как другие, родные, близкие, любимые, друзья, ни в чем не повинные, погибли. Это чувство Мечислав Вайнберг пронес до самого своего конца и сохранил на века в своей музыке.

1. Никитина Л. Мечислав Вайнберг: «Почти любой миг жизни – работа...» / «Музыкальная академия», – 1994. – № 5.
2. [Электронный ресурс] Справка, выданная Мечиславу Вайнбергу во время его пребывания в Ташкенте. URL: <https://mytashkent.uz/2019/03/11/m-weinberg/> (дата обращения 03.10.2020 г.).
3. [Электронный ресурс] Из воспоминаний дочери Михоэлса Нины в интервью, взятом израильской журналисткой Софьей Межирицер (дата обращения 03.10.2020 г.). URL: http://world.lib.ru/g/gorfinkelx_a/gorfinkelx22332.shtml
4. URL: <https://muzobozrenie.ru/pis-ma-o-lyubvi-moisej-vajnberg-ol-ge-rahah-skoj/> (дата обращения 03.10.2020 г.).

Грибанова Е.М.

**П.М. Пахмурный – преподаватель,
комиссар эвакогоспиталя, ученый**

В. Гюго, французский писатель XIX в., тяготевший к жанру исторического романа, в одном из своих произведений написал: «История – та же ночь. В ней нет заднего плана. Все, что не находится на авансцене, немедленно пропадает из виду и тонет во мраке. Когда декорации убраны, память о них исчезает, наступает забвение. Прошедшее и неведомое – синонимы» [1, с.524]. Цитата даёт богатую пищу для размышлений не только исследователям философии истории, историографам, но и многим другим специалистам, работающим с ретроспективной информацией. Не углубляясь в осмысление высказанного писателем наблюдения, отметим, что как только в общественно-политической жизни страны меняется расстановка акцентов, определенная часть граждан, оставившая заметный след в истории социума, теснимого новой властью, выпадают из сферы внимания исследователей. Историк Пахмурный оказался в их числе. Одна из самых страшных казней – казнь забвением. И не важно, запланированное это наказание, как в случае с Геростратом, или в этом забвении есть элемент случайности, определяемый исследователями термином «не актуально». Для историков современного Казахстана не актуальны темы распространения идей марксизма и большевизма на территории республики, её политическая жизнь в 1917 г., установление советской власти, гражданская война и многие другие, рассматриваемые иссле-

дователями суверенной страны как чуждые казахскому социуму. Именно поэтому есть основания утверждать, что на данном этапе не следует рассчитывать на возможность появления строго научной биографии Павла Михайловича: нет сейчас специалистов, адекватно способных оценить вклад историка Пахмурного в историческую науку Казахстана, ведь он разрабатывал именно названные темы. Однако это не повод отворачиваться от его биографии, интересной уже просто с точки зрения судьбы рядового советского гражданина, сумевшего найти своё достойное место в жизни.

Первые шаги

Родился герой данного повествования 3 марта 1915 г. в с. Песчаное Кременчугского р-на Полтавской обл. Его анкетные данные запечатлело личное дело, сохранившееся в силу того, что Павел Михайлович с 1951 г. до самой своей смерти в феврале 1977 г. занимал ответственные должности, подотчетные Центральному Комитету Коммунистической партии Казахстана. Заполнялись анкеты в 1946, 1948, 1955, 1972 гг. [2]. Место рождения указывалось в соответствии с существовавшим тогда административно-территориальным делением СССР. О родителях Павел Михайлович с государством особо не откровенничал: бедные крестьяне, украинцы, в 1929 г. вступили в колхоз и на момент заполнения первой анкеты так и оставались в статусе колхозников. Из устных воспоминаний сына Павла Михайловича Сергея [3] известно, что его бабушка и дедушка, Варвара Афанасьевна и Михаил [Богданович], имели троих детей. Старшие – девочки, Арина и Маруся. Павлуша был младшеньким, любимцем всей семьи. Глава её отличался предприимчивостью: брал землю в аренду, какую-то её часть сам обрабатывал, а какую-то так же сдавал в аренду. Крестьянским детям трудиться приходилось с ранних лет. Однако добросовестный и упорный труд, как в дореволюционной России, так и в советской, не всегда был залогом материального благополучия. Возможность получить образование и приподняться по социальной лестнице, предоставленные советской властью, молодежь той поры быстро оценила по достоинству. В 1931 г. Павел Пахмурный поступил в Днепродзержинский электрометаллургический техникум на прокатный факультет. Выбор не удивляет: шел период интенсивной индустриализации страны, особенно ярко выраженный в регионе проживания семьи.

Павел не завершил образование в техникуме, ушел с 3-го курса. С сентября 1933 г. по июль 1937 г. он – студент исторического факультета Харьковского педагогического института. Чем объяснить такой резкий поворот? Харьков – до 1934 г. являлся столицей Украины.

Но имело ли это какое-то значение для юноши? Если «да», то, думается, только в плане определенных возможностей для подработок. Или ему важно было разобраться как в прошлом, так и в настоящем? В течение всей короткой на тот момент жизни вокруг него бурлили события одно трагичнее другого: первая мировая война, еврейские погромы (и не важно кто ты – украинец или еврей, люди в сельской местности жили рядом и вместе, боль одних сопереживалась и другими), революционные события и борьба за власть политических сил разных «цветов» и «оттенков», гражданская война, голод 20-х, голод 30-х...

Студентом Павел был добросовестным, до «отлично» не дотянул только по 3-м предметам: иностранному языку, политэкономии, эконом географии. По языку, скорее всего, не было базовых знаний, которые сложно получить в сельской школе. Что касается двух других предметов, остается только гадать: то ли не доспал перед экзаменом из-за необходимости подрабатывать, то ли преподавателю не приглянулся... Может быть, сказались голодные будни. Сестры, как могли, помогали брату. Но они сами частенько питались лебедой да молодой крапивой.

Становление

После завершения высшего образования младший Пахмурный вернулся поближе к малой родине в Кременчуг преподавателем истории СССР в строительном техникуме и учительском институте.

Через пять месяцев был призван на воинскую службу. И опять Харьков, в котором он 10 месяцев обучался в школе военных штурманов при 43 авиабригаде, что не помешало ему жениться на студентке экономического факультета Харьковского университета Александре Валентиновне Петровой. Через два года семья увеличилась: родился первенец, сын Юлий.

С октября 1938 г. по декабрь 1943 г. Павел Михайлович преподавал историю СССР, а затем ВКП (б) поочередно в Харьковском военном училище старшего комсостава, в военно-политическом училище Красной армии, в Харьковском военном авиатехническом училище.

Тому поколению историков, к которому принадлежал Павел Михайлович, преподавательский труд давался нелегко. В ноябре 1938 г. вышло издание «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год». Это означало, что любое отклонение в изложении событий ближайшего прошлого от текста названной книги было чревато не только выговорами, потерей рабочего места и партийного билета, но и свободы... Появлению учебника предше-

ствовало методичное устранение тех, кто знал историю в «домашнем халате» [1, с.535], иными словами был активным участником политической борьбы или её свидетелем, а может быть просто прочувствовал её отражение в повседневной жизни. Было ликвидировано «Общество старых большевиков», свернута и поставлена под жесткий контроль краеведческая работа, реорганизована Комиссия для собирания, изучения и издания материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (Истпарт), слившаяся с системой научных учреждений, подотчетных ЦК партии [4]. История в «официальном мундире», которую должны были изучать следующие поколения, разнилась с первой как крокодил со львом. Напомним так же, что годы начала профессиональной деятельности преподавателя Пахмурного совпали с лихолетьем «большого террора». Возможно, пережитое и передуманное в этот период изменило некоторые взгляды юноши на жизнь.

Изучая сведения, сообщенные Павлом Михайловичем во всех личных листках по учету кадров, сохранившихся в Архиве Президента РК, нельзя не заметить, что автор предпочел не детализировать ход своей жизни между октябрём 1938 г. и декабрём 1943 г., лишь указав последнее место пребывания того учебного заведения, в котором он преподавал: Сталинобад (современный Душанбе). В одной из граф он отрицает свое участие в боях в Великой Отечественной войне. По воспоминаниям его современников он никогда не касался темы своего участия в ней. Между тем, один из тех, с кем он общался ежедневно, дружил семьями, был Бейсембаев Серикбай Бейсембаевич, его шеф в Институте истории партии. Этот человек воевал ни один день. И ему было что рассказать о тех суровых днях.

Никто из бывших коллег Павла Михайловича не помнит его портрета на доске ветеранов войны, готовившихся в каждом советском учреждении к очередному юбилею Победы. Его родные свидетельствуют об упоминании им об участии в полетах в качестве штурмана на бомбардировщике. Но, возможно, полеты были учебными? В таком случае, где и при каких обстоятельствах Павел получил ранение? Или это была травма, не связанная с военными действиями?

Харьков был оккупирован 24 октября 1941 г. По опубликованным данным училище с 20 по 29 сентября 1941 г. вместе с курсантами, преподавателями и членами их семей эвакуировали в Сталинобад [5]. Уже в октябре на фронт было отправлено более 1000 авиатехников. Был ли Павел в действующей армии? Почему предпочитал не фиксировать внимание на этой странице своей биографии?

Нахождение на оккупированной территории как самого человека, так и его близких в 1940-х гг. рассматривалось как факт, компрометирующий гражданина, не говоря уж о членах партии. Павел Михайлович членом ВКП (б) являлся с мая 1940 г. Без этого членства он не мог ни преподавать её историю, ни заниматься её изучением. Между тем, Александра Валентиновна и Юлий остались в Харькове «под немцами». Как получилось, что его семья не успела эвакуироваться?

Вопросы, на которые, вероятно, уже не будут даны исчерпывающие ответы.

Комиссар эвакогоспиталя

В Алма-Ате Павел Михайлович оказался осенью 1943 г. как пациент. По утверждению его сына, кроме ранения, он страдал от легочного туберкулёза. Вероятнее всего болезнь не дала ему возможность вместе со сверстниками сражаться за Родину, что он мучительно переживал.

В 1941–1945 гг. в строй советские медики возвратили 72,3% раненых и 90,65 больных воинов. Это 17 млн человек. Численность армии на 1 января 1945 г. – 6 млн 700 тыс. бойцов. Иными словами, победа была одержана солдатами и офицерами, возвращенными в строй медицинской службой [6].

В системе здравоохранения периода войны определенное место занимали эвакогоспитали. В глубоком тылу была создана госпитальная база специализированных лечебных учреждений. К началу 1942 г. в системе Наркомздрава КазССР действовало 78 госпиталей, могущих принять одновременно 34 100 пациентов, в 1943 г. их число снизилось до 30, однако количество коек увеличилось до 13 250. В 1945 г. осталось только 2 госпиталя на 800 коек. За период Великой Отечественной войны через госпитали Казахстана прошло 151 407 человек. В его столице к концу 1941 г размещалось 11 госпиталей. На 1 января 1945 г. в Алма-Ата действовало 4 госпиталя: один подчинялся Наркомату здравоохранения, и три – ВЦСПС, в т. ч. в урочище Медео [7]. Вот в этот-то эвакогоспиталь и попал Павел. «Эвакогоспиталь № 4113 на 400 коек занял здание в Доме отдыха имени «10-летия Казахстана» по соседству с домом отдыха «Учитель» (впоследствии «Просвещенец») на высоте 1800 м над уровнем моря на живописной площадке, защищенной от ветров окружающими горами с зарослями стройной тянь-шанской ели. Начальниками госпиталя были капитан медицинской службы Е.П. Скуратова, а с 1943 г. – майор медицинской службы Г.М. Варшавский^{1*}.

^{1*} Добро по-Варшавски / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!!...указ. соч. – С.261–263

Чистый воздух, живописная природа, преобладание солнечных дней в году, мягкий климат оказывали благоприятное влияние на общий обмен, ускоряли процесс заживления ран, особенно вялотекущих. При госпитале были организованы лаборатория и зубной кабинеты с солнечными рефлекторами для облучения концентрированным солнечным светом» [8].

В каждом эвакогоспитале в обязательном порядке существовала должность заместителя начальника по политической части. Такого рода должности имелись во всех воинских подразделениях. Автором идеи создания института политических организаторов и вдохновителей в воинских частях – комиссаров – был Л. Троцкий, первый руководитель наркомата по военным делам в советской России и фактический создатель Красной армии. По его инициативе в неё были вовлечены военные специалисты царской армии, за которыми и должны были приглядывать комиссары. Их функции этим не ограничивались. В Красной армии образца 1918 г. было немало «элемента негодного – хулиганов, лодырей, отбросов». Всю эту разнородную массу надо было сплотить, воспитать, научить и повести за собой. Позже должность замполита была узаконена не только в армейских структурах, но и гражданских [9].

В октябре 1943 г. в эвакогоспитале № 4113 на должность замполита был назначен Павел Пахмурный. Насколько замполиты были необходимы? Психика человека весьма хрупка, в экстремальных ситуациях нуждается в поддержке. Традиционно за ней люди шли в церковь, погружаясь в религию. Советская власть её не приветствовала, хотя в годы Великой Отечественной войны «безбожникам» разрешалось не быть «воинствующими». В результате репрессий ряды священнослужителей перед войной значительно поредели. Да и в сознании молодежи уже начал укрепляться стереотип «религия – опиум для народа». Время психотерапевтов и психологов ещё не пришло. Должность заместителя начальника по политической части или комиссара госпиталя предполагала работу по поддержке здорового психического состояния раненых. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях исполнявшая обязанности комиссара в эвакогоспитале № 1515 в г. Красноярске М. Шумилова: «В результате наших неудач на фронтах, боев в первые месяцы войны, отступлений, прорывов из окружения многие из раненых воинов находились в подавленном состоянии». Она отмечает, необходимо было вселять в воинов оптимизм, бодрость духа и уверенность в нашей победе над врагом. Большинству предстояло вернуться на фронт. И на это была нацелена

вся агитационно-пропагандистская работа среди раненых бойцов партийной и комсомольской организациями госпиталя, работавших под руководством комиссара. «Мы читали наиболее яркие статьи из газет, проводили беседы, устраивали встречи раненых с женами-колхозницами, с пионерами и школьниками» [10].

Работа замполита требовала от человека определенных качеств: грамотность, способность ориентироваться в политической ситуации и уметь преподнести её, разбираться в людях. Следует отметить, что в начале 1930-х гг. в СССР была уже создана сеть военно-политических учебных заведений. Эвакогоспитали – порождение войны, появление их предусмотреть заранее было невозможно, следовательно, возник дефицит политических работников. Назначение замполитов из числа пациентов было обычной практикой. Правда, среди них не всегда попадались те, которые по всем параметрам соответствовали предъявляемым им требованиям.

Случались казусы, об одном из которых поведала Т.Я. Шайкевич–Ильина в воспоминаниях о работе в эвакогоспитале в качестве волонтера в бытность старшеклассницей в г. Акмолинске: «...Однажды пришли на работу и прочли стихи, написанные красивым почерком: "Все ерунда, натура – дура, судьба –индейка, а жизнь копейка". Иванов. В это время к нам зашёл комиссар госпиталя. Он был из раненых, хромотал и ходил с палочкой. Человеком был славным, но образования ему не хватало. Прочитав написанное, спросил: «Кто такой Иванов? Что за упаднические настроения?»

Объяснили, что в госпитале Ивановых пятеро. Всех пригласили к комиссару.

– Кто из вас это написал? – грозно спросил комиссар

Один из Ивановых ответил:

– Лермонтов.

– Позвать Лермонтова! – распорядился начальник.

Тогда Сережа Иванов объяснил, что Лермонтов, замечательный российский поэт, давно убит. А строки его на доске написал он.

– Надеюсь, что у Вас не такое упадническое настроение, как у Лермонтова. В войне ожидается перелом. Мы скоро перейдем в наступление, и победа будет за нами» [11]. Нельзя не отметить, что, несмотря на свою малограмотность, замполит эвакогоспиталя отреагировал на поэтические строки, не соответствующие моменту, подобающим образом.

На этом фоне Иосиф Самуилович Барон, боец, получивший тяжелейшее ранение под Курском и оказавшийся в том же эвакогоспитале

№ 4113, что и Павел, выглядел профессором: ранее его назначали политруком роты одной из стрелковых дивизий в действующей армии. Его образование на тот момент состояло из 5 классов еврейской школы и рабфака. [12]. Павел Пахмурный, окончивший исторический факультет, имевший опыт преподавательской деятельности по специальности и вовсе воспринимался на уровне академика.

Не сохранилось воспоминаний, отражавших работу Павла Пахмурного в госпитале. Думается, она шла в традиционном русле пропагандистской и просветительской деятельности, участия в судьбах раненых бойцов. Об этом свидетельствуют и некоторые фотографии, запечатлевшие коллектив эвакогоспиталя с артистами Центральной объединенной киностудии, находившейся в тот период в Алма-Ата.

В судьбе самого Павла так же произошли глобальные изменения. В отрыве от родных, он страдал без семейного тепла. Неизвестно, знал ли он что-либо о жене и сыне? Возможно, он считал их погибшими. В госпитале работала начинающий врач, Жигулева Лидия Павловна, моложе Павла на 6 лет. Молодые люди потянулись друг к другу и однажды пришло решение соединить судьбы. Как и когда Павел узнал о том, что Александра и Юлий выжили, как он сообщил обеим женщинами о существовании друг друга, не известно. Но в последующем двое сыновей супругов, Сергей (1947 г. р.) и Владимир (1954 г. р.) постоянно общались со своим старшим братом.

Преподаватель и учёный

В апреле 1946 г. Павел Михайлович демобилизовался из армии «по состоянию здоровья». В его жизни завершился «госпитальный период». Он дал ему кроме нового в профессиональном плане опыта, семьи, ещё и новых друзей. Долгое время в доме Пахмурных за одним столом собирались не только Иосиф Самуилович Барон, но и Гдалий Маркович Варшавский, некогда начальник госпиталя, перешедший затем в медицинский институт. Это поколение умело дружить.

На малую родину Пахмурный так и не вернулся. Теперь его родиной был Казахстан, Алма-Ата. Здесь родилась его жена, здесь вместе с ними жила и его теща Мария Федоровна, здесь родились два его сына. Павел Михайлович продолжил преподавательскую деятельность, проработав несколько месяцев старшим преподавателем основ марксизма-ленинизма Алма-Атинского педагогического института иностранных языков. За этот небольшой период «т. Пахмурный проявил себя как высоко квалифицированный преподаватель. Его лекции проходят на высоком идейно-теоретическом уровне, он систематиче-

ски проводит занятия кружка преподавателей и студентов по изучению русской классической философии. К лекциям готовится добросовестно. Как временно исполняющий обязанности заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма провел большую работу по подготовке к учебному году и в настоящее время много внимания уделяет повышению качества работы кафедры как в области воспитательной, так и научной. Тов. Пахмурный серьезно работает над повышением своей квалификации: он сдал экзамены по кандидатскому минимуму и пишет диссертацию. Кандидатуру т. Пахмурного на заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма считаем вполне подходящей, два месяца его работы в Институте показали, что с этой работой он справится. Директор Института Кузнецов. Секретарь партбюро Григорьев» [2, л.16]. С августа 1946 г. Пахмурный – руководитель кафедры основ марксизма-ленинизма Казахского института иностранных языков. С апреля 1951 г. – его директор.

По воспоминаниям Сергея Павловича его отец очень трепетно относился к получению молодежью высшего образования. Он мотивировал к поступлению в вузы не только своих племянников, некоторые из которых получали образование в г. Алма-Ате, невестку Валентину, жену Сергея, но и соседку по коммунальной квартире, и водителя директорской машины Васю, который окончил автодорожный институт.

В тот период времени молодая семья ютилась в двух комнатках в коммуналке на Ботаническом бульваре,^{1*} позже институт выделил отцу участок, где был построен дом. Семья, особенно дети, отпуск часто проводили на Украине, а зимой родичи, после завершения сезонных работ, приезжали в Алма-Ату.

Профессиональный рост продолжался. В 1950 г. Павел Михайлович окончил Институт повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при Московском Государственном университете. Несомненно, что это довольно-таки длительный период он использовал для работы в архивах столицы над кандидатской диссертацией, которую успешно защитил в 1951 г. Через четыре года в его научном арсенале уже имелась монография, брошюра и серия статей о большевиках Казахстана в годы гражданской войны, об иностранной военной интервенции в тот же период, о партийном строительстве. Такая результативность научной деятельности, перемежавшейся с активной общественной работой как в районном городском, так и городском Советах не могла не остаться не замеченной властными структурами.

^{1*} Ныне Бухар Жырау.

С декабря 1955 г. и до самой своей смерти Павел Михайлович возглавлял научную работу в Институте истории партии при ЦК КП Казахстана, являясь заместителем директора. Через 12 лет после своего назначения он защитил и докторскую диссертацию, имея к этому времени высокий личный рейтинг среди не только историков Казахстана (в тот период было принято выражение «партийный историк», которое подразумевало специалистов в области истории Коммунистической партии СССР или политической истории), но и СССР в целом. Как считает один из его младших коллег: «Пахмурный тащил на себе всю партийную историческую науку Казахстана». К 1972 г., году 50-летия Института, на личном счету Пахмурного было «свыше 100 научных работ общим объемом около 300 п. л. по истории Компартии Казахстана, партийного строительства, Великого Октября и гражданской войны, в т. ч. "Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане" и др.» [2, л.3 13]. И это не удивительно. Он поражал свое окружение высокой работоспособностью, хотя трудоголизм в тот период являлся распространенным явлением в отличие от современной эпохи, уже окрещённой некоторыми исследователями «цивилизацией праздности». Историк даже свое свободное время предпочитал проводить за письменным столом, занимаясь любимой работой.

Как вспоминает Аврум Ильич Ульман [14], изучая проблемы гражданской войны, профессор Пахмурный открыл тему казачества, т. к. из 11 казачьих соединений Российской империи 5 находились на территории Казахстана [15]. Под руководством Павла Михайловича историк занимался выполнением проекта, инициированного МГУ: составлением исторических карт, связанных с распространением демократического движения в Казахстане, Октябрьской революцией, гражданской войной. К сожалению, финансирование не позволило реализовать его в полном объеме. Был издан атлас такого рода карт только по Северо-Казахстанской обл. Тираж его был незначителен. Книга раритетная.

Одним из приоритетных направлений деятельности в начале «хрущевской оттепели» для Института была работа, начатая, но не завершённая Истпартом: сбор воспоминаний участников Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства. Через коллектив института прошли десятки людей со своими неповторимыми житейскими историями. У многих из них явно отсутствовал не только писательский дар, но и дар рассказчика. Павел Ми-

хайлович настоял на приеме в Институт профессионального редактора З.А. Швыдко. Трудность работы по редактированию отражена в сохранившихся многочисленных вариантах готовившихся к изданию воспоминаний. Инициатива исходила от высших партийных органов. Институт марксизма-ленинизма, филиалом которого являлся Институт истории партии в Алма-Ате, подготовил пособие, регламентирующее работу с воспоминаниями. В связи с этим в текстах ни на шаг нельзя было отклоняться от темы. Если шел рассказ об участии в гражданской войне, то рассказы об истории семье, о бытовых деталях категорически отклонялись [16].

Сложность работы в этом научном учреждении заключалась и в необходимости строго соблюдения идеологического соответствия результатов исследований с установками «генеральной линии партии». Например, требовалось к юбилеям Октябрьской революции найти первых коммунистов и «борцов за советскую власть» разных национальностей. Вот таковыми и оказались, например, Павел Виноградов и Токаш Бокин. Но если первый страдал только от того, что в политико-идеологическом плане был по определению В.И. Ленина «черноземом», то второй явно отличался склонностью к уголовно наказуемым поступкам, за что, по всей вероятности, и был убит соплеменниками. Автор данного текста в 1989 г. опубликовал статью в связи с юбилеем этого «коммуниста», основываясь на комплексе собранных Институтом документов. Образ вырисовывался четкий. Павел Михайлович, видимо, уже изучив весь собранный материал по Токашу, сам записывал воспоминания о нём Нины Балашовой, дворянки в прошлом, знавшей Токаша по Верненской гимназии, знавшей об его заигрываниях с верненской аристократией. Конечно, эта информация в воспоминаниях о Бокине отражена не была, чем вызвала резкие пассажи в адрес Пахмурного у сына воспоминательницы уже в его собственных мемуарах [17].

Коллеги запомнили Павла Михайловича добрым человеком, что сказывалась и на стиле общения, в котором добродушие, хорошее чувство юмора доминировали. Но доброта не синоним безволия. Он не смог бы быть успешным организатором, если бы не проявлял высокой требовательности не только к себе, но и к своим подчиненным. Из воспоминаний Нины Павловны Калиты: «Я принимала активное участие в составлении всех сборников по Великой Отечественной войне. В 2-х томном издании «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», вышедшем в 1964 и 1967 гг.,

мне пришлось писать 4 примечания к документам, выявленным в партийном архиве. Помню, я очень болела, температура 39 градусов по С, а Павел Михайлович Пахмурный, заместитель директора Института истории партии при ЦК Компарии Казахстана, невзирая ни на что, буквально выжимал из меня этот ответственный комментарий» [18].

Анна Григорьевна Кукушкина подтверждает: «... П.М. Пахмурный (А.Г. перечислила все его регалии – Е.Г.), мой непосредственный куратор, был человеком дела, достаточно категоричным и жестким: нет, он меня не ругал, мне хватало одной его фразы «О, бог ты мой!». После чего я сидела и вечерами, и в выходные, лишь бы успеть закончить работу к сроку. Ему многое можно простить – он был настоящим ученым» [19].

Жесткость Павла Михайловича была разумной. В дни празднования 50-летия Института съехались руководители аналогичных и родственных учреждений со всего Союза. В соответствии с традициями помимо деловой программы была и развлекательная. Гостей в поездке по памятным местам столицы республики сопровождала молодая сотрудница Галия Абдулкадыровна Карпыкова, тогда просто Галочка, быстро нашедшая общий язык с гостями. В завершение программы предполагался банкет, запланированный на вечернее время с возможностью продолжения и в ночное. Руководство партийной и профсоюзной организации просило молодую женщину принять участие и в этом, последнем мероприятии. В партийных учреждениях такого рода просьбы воспринимались как приказ, их не обсуждали, но выполняли, что называлось соблюдением «партийной дисциплины». Галия с супругом растили маленькую дочку, в тот момент заболевшую. Она обратилась к своему непосредственному руководителю Д.А. Искаковой [20], освободить её от этого поручения. Диляра Атаулиновна переадресовала просьбу ответственному за проведения этого юбилея, т. е. Павлу Михайловичу. Он понял ситуацию с полуслова, и молодая женщина могла посвятить себя в тот вечер семье [21].

Павел Михайлович в связи с состоянием здоровья избегал командировок. Их брала на себя Диляра Атаулиновна Искакова которая была его моложе на 9 лет. Как правило, командировки порождали необходимость частых публичных выступлений не только за пределами города, но и республики. Павел Михайлович всегда был открыт для консультаций, мог подсказать тему, указать на источниковую базу, помочь набросать план статьи или выступления.

Как настоящий ученый он имел много учеников. К ним смело можно отнести всех, кто работал под его началом и в партнерстве с

ним. К сожалению, количество официальных учеников, т. е. тех, кому он был назначен в научные руководители и кем руководил в процессе написания последними диссертаций, в личных листках по учету кадров не отражено. Но известно, что он консультировал и Серикбая Бейсембаевича, и будущего академика Манаша Кабашевича Козыбаева в процессе подготовки ими докторских диссертаций.

«Замечательный человек», «пользовавшийся безусловным авторитетом» – такие характеристика в адрес Павла Михайловича звучат во всех воспоминаниях о нем. Как известно, «один в поле не воин». О специалистах, с которым он работал, Д.А. Искакова написала замечательные строки: «Искренне признательна [...] всему коллективу за мудрую науку жизни, за умение растить человека, окрылять его, научить трудолюбию, привить любовь к этому неприметному на первый взгляд, очень трудному, важному и очень нужному архивному делу. [...]» [22].

К сожалению, жизнь Павла Михайловича оборвалась слишком рано^{1*}. Заниматься научными изысканиями в области истории партии в те годы было сложно из-за многочисленных идеологических запретов. Ситуация была идеальной для формирования внутренних конфликтов. Кто знает, возможно, Павел Михайлович пережил четыре инфаркта именно в поисках выхода из них?

В заключение добавлю, что жены профессора Пахмурного намного его пережили, не изменив своего семейного статуса разведенной и вдовы. Дети все здравствуют: если старший гражданин Украины, то младший – житель г. Бреста Беларуси. Сергей Павлович так и остался алмаатинцем. Среди внуков – три носителя фамилии, один из них – Павел. Среди третьего поколения потомков носителей фамилии уже нет. Наверное, это не так уж важно. Гены такого замечательного человека, каким был Павел Михайлович Пахмурный, передаются во времени.

1. «Человек, который смеётся». Собр. соч. в 10 т. Т.9 – М.: Правда, 1972.

2. АПРК. Ф.708. Оп.75. Д.246.

3. Беседы с респондентом состоялись в начале сентября 2020 г.

4. Известия ЦК РКП (б). – 1922. – С.33; Сборник руководящих материалов по архивному делу. 1917 г. – июнь 1941 г. – М., 1961. – С.241.; Козыбаев И.М. Создание научно-исторических центров в Казахстане. Формирование кадров историко-марксистов. / Историческая наука советского Казахстана (1917–1960 гг.). Очерки становления и развития. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С14, 16.

5. [Электронный ресурс]. Харьковское высшее военно-командное училище. URL: ru.m.wikipedia.org (дата обращения 14. 09.2020 г.).

^{1*} Памяти товарищей / Вопросы истории Компартии Казахстана. Вып.13. – Алма-Ата: Казахстан, 1977. – С.276–277.

6. [Электронный ресурс]. Медицина в годы Великой Отечественной войны. URL: medicport.ru (дата обращения 11. 03. 2015 г.).
7. АП РК. Ф.708. Оп.8. Д.1479. Л.52.
8. [Электронный ресурс]. Строим Верный, Алма-Ату и Алматы из воспоминаний... URL: <https://vse.kz/topic/761042-stroim-vernyj-alma-atu-i-almaty-iz-vozpominanij/page-45> (дата обращения 30. 08. 2020 г.)
9. Джагфаров Н.Р. Формирование режима личной, тоталитарной власти в стране (1917–1938 гг.). – Алматы, 2013 г. – С.145.; Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 296 с.; Архив Президента республики Казахстан. Путеводитель. – Алматы, 2016. – С.200–201.
10. [Электронный ресурс] Воспоминания. О работе эвакогоспиталя 1515. URL: sib-medport.ru/article/1515 (дата обращения 14.09.2020).
11. Пламя Победы: в 3-х т. Т.3. – Алматы, 2015. – С.281–282, Т.2. – С.168–173.
12. После войны И.С. Барон получил юридическое образование и возглавил в качестве заместителя директора по общим вопросам строительный объект «Институт ядерной физики», в т. ч. и создание ядерного реактора. Как и Пахмурный, он был уроженцем Украины, его сверстником (род. в 1913 г.). Общность судеб сроднила их: дружба стала семейной и прошла через всю жизнь. Там же. Т.2. – С.168–173.
13. Достижения Института за 50 лет его существования освещены в коллективной монографии «Институт истории партии при ЦК КП Казахстана» – Алма-Ата: Наука, 1973 г.
14. Историк А.И. Ульман проработал в Институте истории партии при ЦК КП К (*далее – Институт*) 3 года. Основной его деятельностью являлась преподавательская. С 1961 по 1993 г. преподавал историю СССР и КПСС в КазГУ, совмещая эту работу с преподаванием в других учебных заведениях. Беседа с респондентом состоялась 15 сентября 2020 г.
15. Насильственное выселение граждан страны началось именно с семиреченских казаков: их, как кулаков, первыми выселили из Семиречья в 1921 г. Пахмурный и его коллеги не могли остановиться на этой теме в силу её засекреченности. Попытка изучения истории казачества предпринята в монографии Митропольской Т.Б. (Из истории семиреченского казачества. – Алматы: ЭдилетПресс, 1997 г. Из-за ранней смерти автора труд не был завершён. Тема в полном объёме не изучена до сих пор.
16. В огне революции. – Алма-Ата, 1957. Казахстан в огне гражданской войны. – Алма-Ата, 1967.
17. Алма-Ата. Энциклопедия. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1983. – С.192. Грибанова Е. Токаш Бокин. // Казахстанская правда. 1989. 7 марта; Балашов Б. Верность Отечеству (воспоминания верненца). – М.: Издательский дом «Твое время», 2006. – С.153.
18. Д.А. Исакова в 1951–1964 гг. архивариус, мнс, снс сектора партархива, в 1964–1987 гг. заместитель директора Института по партархиву. См.: Архивисты. Биографический справочник по партархиву. – Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2005. – С.39. Беседа с респондентом состоялась 12 сентября 2020 г.
19. Я любила своё дело. Публикаторская работа в архиве была для меня праздником души (интервью с Н. Калитой). /Архивисты и архивы Казахстана. XX и XIX вв. Сборник документов и материалов. – Алматы: Архив Президента РК, 2015. – С.240. Н.П. Калита в 1960–1966 гг. снс ЦГА КазССР. В 1966–1975 гг. старший инспектор Главархива КазССР. В 1975–1985 гг. снс, мнс, сектора партархива Института. См.: Архивисты. Биографический справочник. – С.40
20. Аннушка из когорты «железных леди» Архива Президента Республики Казахстан (интервью с А. Кукушкиной). /Архивисты и архивы Казахстана – С.244. А.Г. Кукушкина в 1951–1972 гг. технический сотрудник, мнс секторов истории, затем партийного строительства. В Институте проработала до его ликвидации, затем до 1997 г. в Архиве Президента РК, созданного на его базе. См.: Архивисты. Биографический справочник. – С.45–46.
21. Г.А. Карпыкова в 1972–1991 гг. мнс сектора партийного архива Института. В 1994–1997 г. первый директор Архива Президента РК. Архивисты. Биографический справочник. – С.41. Беседа с респондентом состоялась 10 сентября 2020 г.
22. В моей трудовой книжке была только одна запись (интервью с Д.А. Исаковой). / Архивисты и архивы Казахстана – С.235.

Jerusalems of Central Asia: Yiddish Culture in Uzbekistan during World War II^{1*}

One of the unintended consequences of the evacuation was the fact that for the first time in East European Jewish History, the Jews from four important centers of Yiddish culture, Poland, Romania, Lithuania and the Soviet Union found themselves at the same geographic location, and their cultures profoundly influenced each other. This resulted in a temporary blossoming of Yiddish culture and of Judaism in such major centers of evacuation as Tashkent, Uzbekistan, and religious life in smaller cities as well as in remote settlements where Polish Jews found themselves.

During this period, Tashkent became a center of a vibrant Jewish culture, featuring Yiddish theatrical performances, concerts, and literary events. It also witnessed a significant religious revival, one of the most visible signs of which was the fact that the first Hassidic yeshiva was established in Samarkand during this period.

In 1942, *Eynikayt* (Unity), a Soviet Yiddish weekly, published a very small article entitled: «Roza Plotkina Performs a Yiddish Concert in Saratov» [1]. The piece described the singer's beautiful voice, as well as her repertoire, which included both Yiddish folk tunes, and songs with lyrics by Soviet Jewish composers. The final paragraph discussed the audience, which, according to the author, consisted of people of many ethnicities: Russians, Jews, Armenians and others, all appreciative of the singer and her music.

There is nothing extraordinarily special about this article, even the fact that a Yiddish concert took place in Saratov, an industrial town near the Volga river, where before the war, the Jewish population was less than 1000 people, and where Yiddish had not been heard until the war began. *Eynikayt* published hundreds of similar notes over the three years, and its archives contain even more reports of such concerts.

These reports reflect one relatively unknown fact about Jewish life in the Volga region, Siberia and Central Asia from 1942 to 1946 when Yiddish culture experienced nothing short of a Renaissance. Some of the largest concentrations of Yiddish culture of the time were in Uzbekistan. In 1942, Shakhno Epshtein reports that in his estimation, «Uzbekistan now houses over 400,000 Jews, that Yiddish is heard on the streets». Mostly, Epshtein observes, «The Yiddish speakers come from the Western parts of

^{1*} Иерусалим Центральной Азии: культура идиш в Узбекистане во время Второй мировой войны. Вследствие эвакуации, евреи из четырех центров идишской культуры – Польши, Румынии, Литвы и СССР оказались в одном географическом месте. Это привело к временному расцвету идишской культуры и иудаизма в таких крупных центрах эвакуации, как Ташкент, и религиозной жизни в небольших городах, а также в отдаленных поселениях, где оказались польские евреи.

Ukraine». Epshtein estimates that Tashkent became the most Jewish of all cities in the Soviet Union» [2]. The line was later crossed as the piece was prepared for publication.

In fact, just in Tashkent, during the month of April of 1943, one could catch a play by Ida Kaminska, the star of the Lviv Yiddish theatre, visiting from Kyrgyzstan, listen to three concerts of Yiddish music, including one with the former Cantor Misha Alexandrovich from Riga, attend a reading of Sholem Aleichem's stories, and hear the fiery poetry of Peretz Markish. In addition, one could visit meetings of prominent Polish Zionists, attend two working synagogues, and pick up matza at a local bakery. The city of Tashkent hosted over 30 thousand Jews out of the four hundred thousand that found their temporary home in Uzbekistan during the war.

By the end of 1941 the cream of the crop of Soviet Yiddish intelligentsia together with their family members lived in the Soviet rear. Jewish cultural institutions, including the Kiev Cabinet for Jewish Culture, the Moscow State Yiddish Theater, the Kharkov Yiddish Theater and others, were given priority to evacuate. Soviet Yiddish writers, including Peretz Markish, Itsik Fefer, Isaac Nusinov, Dovid Bergelson, Pinkas Kaganovich (known as Der Nister), Yeheskil Dobrushin, Shakhno Epshtein and many others were provided with the means of evacuation, similar to major Russian writers, actors and cultural workers. Moreover, Jewish intelligentsia from recently occupied Lithuania and Eastern Poland found refuge there as well. For example, many workers of YIVO, were evacuated to the town of Fergana, Uzbekistan, where they were employed as school teachers, and collected folklore. Also, the Moldavian (Romaina) Jewish Jazz Orchestra worked in Samarkand.

Almost all of the Soviet Yiddish theaters were saved. A theater for Jewish sketches (Malykh form) existed in Bukhara; The Moscow State Yiddish Theater and the Odessa Yiddish Theatre worked in Tashkent, as well as the local Tashkent Jewish Theater, which was established there in 1933; A Belorussian Jewish Theater was based in Novosibirsk; The Kiev Jewish Theater in Fergana, as was the Kharkov Jewish Drama theatre. All in all, over 30 professional collectives performed regularly in Yiddish during the war. Polish Yiddish actors got involved in Soviet productions: Ida Kaminska, Zigmund Turkow, Anna Guzik, and Sol Lyubimov all performed with actors from Soviet Yiddish theaters.

I was fortunate to interview some of the former actors of Yiddish theaters that performed in the Soviet Union during the war, such as Mariya Kottiarova, Sofiya Dubson, Ida Vanshtok, and Moyshe Loev. I also read

memoirs by Alla Zuskin (daughter of Venyamin Zuskin, the lead actor of the Moscow Yiddish Theater), Ester Markish (wife of Peretz Markish, Soviet Yiddish poet, Ida Kaminska, Zigmund Turkow, and many others). Among many other things, the details that emerge from cross-examining the interviews and the published sources tell stories of intellectuals who were invested in the preservation and development of a distinctly Jewish culture and spirit. While the newspapers cover the descriptions of these events, interviews can provide in-depth interpretations of the significance of those (even if the details are sometimes forgotten).

Here is one example of such a juxtaposition. I would like to cross-examine the Eynikayt report that I quoted at the beginning with the eyewitness account of the history of this concert.

The story is told by Zoya Lichtman, who was born in 1919, in Kiev. In 1942 she was an aspiring pianist, who almost finished her studies at the Kiev Conservatory. She was evacuated to Saratov from Kiev, and lived there together with her mother. She worked as a pianist at the Saratov Conservatory.

One day, someone knocked on her door. Standing there was a beautiful, tall, brunette, with bright eyes. She asked to see Zoya. And then she began to cry. Zoya recalls: «My mother gave her food and drinks. She eats well, but cries. At the end, she told us that she came from Byelorussia, she walked on foot to Saratov. She does not know if her family is still alive. Her husband is at the front. He is a famous Yiddish writer Moisei Teif, the poet.

I said to her: How can I help you?

She said: I was a student at the Minsk conservatory. I would like to study in Saratov's conservatory, they will give me a dorm. But to take the test, I need a pianist to accompany my singing.

I asked her to sing, and played for her. I see that she can sing, but she was in no shape to perform.

I said to her: Don't worry, they will take your situation into consideration. But maybe, dear Roza (Rozochka), you should sing a folk song, a Byelorussian folk song.

She said: I know some Byelorussian songs, I sing them together with our songs, my songs.

I asked: what do you mean, 'my songs?' She says – I sing Jewish folk songs in Byelorussia.

What do you mean, 'Jewish,' I asked?

Yes, Jewish songs. I have a huge repertoire. And people like it. I participated in the competition of folk songs in Byelorussia. I have a prize. My

husband introduced me to all the Jewish writers: Fefer, Perets Markish, Mikhoels, Kvitko, Hofshstein. All of them came to visit us when they came to Minsk. I sang for them, and they all liked me.

I asked her to sing a Jewish song. She began to sing. It was magic.

During the exam, Roza performed Jewish songs. When they heard her, they admitted her to the conservatory on the spot.

Later, I helped her to organize an entire concert of Yiddish songs in Saratov. I played piano for her. We did not know if people would come, but we decided to try. Someone made her a concert dress from the old theater decorations.

The huge Saratov Conservatory Hall was sold out. People cried. I don't know if the hall was full with Jews. It is impossible that Saratov had so many Jews who were interested in this concert. I didn't believe in it, you understand? But nevertheless, there was a full concert hall. It was the beginning of 1942. Maybe the public was mixed, maybe the conservatory public was there. She was extremely successful. The public screamed. She sang several encores.

She sang dance songs, and lullabies, a song by Leib Kvitko entitled «Fidele», many children's songs.

After that concert, she performed Yiddish songs a lot, also in Moscow, and at the frontlines for soldiers [3].

The description of the audience in this story deserves special attention. Likhtman suggests that Yiddish music from Byelorussia signified the ultimate anti-enemy, anti-German phenomenon. This belief was quite firmly established in all areas of the Soviet Union, in all levels of the Soviet society. Depending on the circumstances, this fact led to various consequences. The evacuees felt very strongly that the German invasion disrupted their lives, they truly and honestly hoped that the German Army would be defeated. Many evacuees, Jews and non-Jews alike, represented the elite of the Soviet society; they stood most to lose had the German Army won the war.

For them, Jews were the ultimate anti-German symbol, and thus Yiddish as their language, began to symbolize the essence of anti-German fighting, the spirit of resistance, and the expression of hope that the war would be won. I think that this explains the sudden popularity of Yiddish culture in places of evacuation, as described by Zoya Lichtman, in the story about Roza Plotkina.

As mentioned in the story, after her success in Saratov, Plotkina was dispatched to perform at the front, for the soldiers, and she sang in Yiddish. Eynikayt's archive contains reports of her performance and hundreds of others.

Emanuel Kaminska, a Polish Yiddish actor, wrote, for example, that after his time in Uzbekistan, he travelled to the front line, and read stories by Sholem Aleichem, upon request by non-Jewish soldiers with amazing success [4]. He attributed this result to the power and talent of Sholem Aleichem. But in fact, his story is not that different from the one of Roza Plotkina. He first performed in sites of evacuation, became very successful and then was dispatched to the front to perform for soldiers, to help raise their spirits.

Many letters to Eynikayt suggest a similar trajectory: the artists first become popular in Tashkent or another site of evacuation, and then gain wider popularity when they perform at the front lines, sometimes also in Moscow. The key to their success is the ability to engage the non-Jewish public.

Meanwhile, the popularity of such artists among Jews grew precisely because of mainstream sympathy to Yiddish culture. Even most assimilated Jews, who distanced themselves from Jewish culture, began to pay attention to things Jewish: after all, not a single person was left untouched by what was happening to Jews in Ukraine and Byelorussia. Moreover, the fact of Jewish origin began to be significant again starting from 1943. The combination of these factors led to the rise of Jewish consciousness in the 1940s in the Soviet Union, and Yiddish became the symbol of this revival.

The scholars who did study, albeit briefly, the phenomenon of evacuation used to suggest that it was the large influx of non-Soviet Jews, «zapadniki» into the Soviet Union, that played a crucial role in consciousness-raising among Soviet Jews. Later-day interviews with former evacuees, both Soviet-born and Polish/Romanian-born, but also Soviet newspapers (which are a lot less reliable in this case), as well as the memoirs by Polish and Lithuanian Jews who survived the war in the Soviet rear, do not usually support this claim. Both memoirs and interviews suggest that Polish Jews and Soviet Jews had very little contact with each other, even if they lived on the same street. In fact, even Eynikayt correspondents who usually emphasized the international nature of the public at Yiddish performances, remarked that Polish Yiddish artists tended to entertain Polish Yiddish audiences, and that Polish Jews socialized separately from Russian Jews.

But the situation was different in the circles of cultural elites. Yiddish theatres hired Polish Yiddish actors, whose performances often changed the political messages of plays. Eynikayt describes the play «Oath» by Yehiskel Dobrushin, staged by the Kharkov Yiddish Theatre in Samarkand, which featured a cast of Polish Yiddish actors [5]. The play told the story of a heroic struggle of a Jewish soldier, who does not give up fighting because of the oath he gave to defend his country. The review suggested that

the play contained unapologetically Jewish elements, including pride in heritage and history. While in the 1930s, such interpretations of characters would have resulted in severe consequences, maybe even arrests; in the 1940s, censors tended not to notice speaking a few words in Hebrew, a sympathetic portrayal of Jewish rituals and customs, and even making fun of some Communist characters, to the absolute delight of the public.

The most popular Yiddish plays staged during the war were the ones that emphasized the resistance of Soviet people, and especially Jews, to the German invasion. At least ten plays written during this period that portrayed heroic Jewish soldiers, sacrificing everything for their country, and also, and that seems important in this context, for their lost families, burned alive and killed during the first months of war. I believe that their popularity is not accidental. For Jewish audiences, these plays articulated the motivation to fight the German invasion, the motivation not to give up hope and the motivation to cope with extreme hardships that people were experiencing during the evacuation.

Soviet Yiddish writers and activists often discuss the role that they played in helping Polish Jewish colleagues to survive in Asia. Esther Markish describes that much of Peretz Markish's role was in helping Polish Yiddish writers:

Маркиш бывал в Ташкенте наездами – вырывался на пару дней из Москвы или с фронта. Как только он появлялся в Ташкенте, к нему сразу приходили еврейские писатели, в основном из Польши: тем было хуже, чем другим, они нуждались в помощи и защите. Как-то пришел человек, похожий на свою собственную тень: кожа да кости, в тряпье, в рваной солдатской шинели, подпоясанный куском веревки. Маркиш не узнал его – это оказался Кайтельман, еврейский писатель из Польши. Он, действительно, был на краю гибели – от голода, от отчаяния... Маркиш отдал ему свою одежду, дал денег, пошел с ним «по начальству». После отъезда Маркиша в Москву Кайтельман еще некоторое время прожил у нас, а потом уехал куда-то, исчез. Я не знала о нем ничего до моего приезда в Израиль. Здесь меня нашла вдова Кайтельмана – он умер не так давно – и рассказала, что покойный ее муж часто говорил ей о встрече с Маркишем в Ташкенте, говорил, что ему он обязан жизнью. Много евреев прошло тогда через «дом Маркиша» – всех не упомнишь. Многие из этих евреев спаслись, приехали в Израиль. И сейчас часто находят меня незнакомые или забытые мной люди, говорят о том, что Маркиш помог им, вдохнул в них бодрость и надежду, спас их.

Огромное впечатление произвела на Маркиша встреча с одним еврейско-польским беженцем, подошедшим к нему во время стоянки поезда. Этот человек шел в обратном направлении – на Запад.

– Здесь мне плохо, – рассуждал этот человек, – никто обо мне не заботится, я голодаю и не могу заработать себе на кусок хлеба. Я хочу вернуться в Польшу. Съедят меня немцы, что ли?

Этого человека вскоре задержали и «на всякий случай» посадили в тюрьму. Тюрьма – он вышел оттуда уже после войны – спасла его от гитлеровских печей... И таких людей встречалось тогда – в 41 г. – немало

Ida Kaminska describes similar incidents in her memoirs, but she is more critical of Soviet Yiddish writers, both as potential agents of help, and also of the artistic tastes of the Soviet public, especially Kirgiz locals. In a similar manner, Alla Zuskin Perelman, Zuskin's widow mentions quite a few contacts between Gosset and Polish Jewish actors, who were looking for work in the theater and asked for help. But all in all, all of these groups: Soviet, newly Soviet and Polish Jewish elites seemed to have been in contact with one another.

The renaissance of Yiddish culture that developed spontaneously, grew into a force of nature, invigorated Jewish writers and artists into true leaders of the Soviet Jewish community, and in many ways, actually created a new Jewish community itself as another form of this resistance. Perhaps the strength of this Yiddish culture was something that frightened the Soviet leadership into destroying it just a few years after the war. I think that the renaissance of Yiddish culture during the war is nothing short of a remarkable example of Jewish spiritual strength at the face of grave and seemingly non-avoidable danger.

When it came to contacts beyond writers, actors and other intellectuals, those between Soviet and Polish Jews were a lot more strained. The Soviet press portrayed Polish Jews as poor, lost, abandoned, sick and miserable. At the same time, their success in contributing to the Soviet war industry ended up being reported widely. Such stories often came to Eynikayt in forms of letters and article submissions from Polish Jews themselves.

One such submission, sent to Eynikayt in 1942, reported: Warsaw Jews ran away to Western Byelorussia, and then evacuated to the Saratov region – 20 people, liked by collective farmers. They worked on tractors, combines, a tailor became a driver, all are winners Stakhanovite competitions [6].

Discussing Polish Jews, and the horrors that they lived through enabled the journalists from Eynikayt to discuss the destruction of Jews openly. In

fact, Polish Jews were portrayed as people rescued by the Soviet Union from destruction, which in newspapers' portrayal was happening almost exclusively on Polish soil. Yiddish and Russian version of these reports differed. Consider, for example, an article submitted for publication in 1943 by a Polish Jewish author: I left my home with heavy feelings – Jews have a hard fate, they are eternal exiles, sent around the world, they are like the leaves which fell off a tree, and now they always travel to strange new lands. But they learned to resist and now their energy, initiative, born qualities of these people, helped them to survive. Hitler killed their families, houses, possessions, they became lonely, and now they fight for their motherland [7].

The resistance and fighting for the motherland comes as a direct consequence of the attack on Jews. In preparing the Russian translation of this piece, however, the editors took quite drastic measures and wrote the following: All these people, ordinary workers, all found their place among participants of the great fight against human enemy – German Fascists.

Although the press coverage of Polish Jews is limited, it is still quite positive. The interviews and memoirs, by both Polish and Soviet Jews present quite a different story. If Polish Jews end up in stories of Soviet Jews, they are usually stand-offish, keep to themselves and snobby, although extremely poor, but with the behavior of formerly rich people, who lost their social status. Polish Jews thought of themselves as more cultured.

During their interviews about World War II, many former evacuees and deportees emphasized the rarity and scarcity of the contact between two groups. Such assertions are especially puzzling because both groups insisted that the wartime experience in the Soviet central Asia represented the turning points in their lives, and in their Jewish identity. They do not remember thriving Yiddish culture either. We know of at least 28 professional Yiddish theaters and musical collectives that performed between 1941–1944 in all areas of Soviet central Asia, and even Siberia. The texts of these performances and the reviews by critics are available through the contemporary press, memoirs, and some interviews. How can hundreds of successful performances by the Sidi Tal troupe alone and a similar number of performances by Ida Kaminsky Lvov Yiddish Theater, the Dzigan and Shumacher duo, and even performances of Moscow State Yiddish Theater in Tashkent be largely forgotten, almost erased from the memory of the former evacuees in refugees?

I think this is because Soviet Jews firmly associated being Jewish with misfortune, and not with discoveries about one's culture and identity.

Their memory did not preserve the stories that failed to contribute to this perception, and erased, effectively, one of the most fascinating chapters in Jewish cultural history during World War II.

1. Fayvl Sito, Kontsert evreiskikh pesen v Saratove [Concert of Yiddish songs in Saratov], GARF (State Archive of the Russian Federation). F.8114. [Op.1]. D.169.
2. Shakhno Epstein, Spletenie Dvukh pesen evreev, [Mix of Two Songs of Jews], GARF. F.8114. Op.1. D.254. P.169.
3. Interview with Zoya Lichtman, Finberg Interviews. – Kiev, 2001, interviewer Tsekhnovitskaya.
4. Emanuel Kaminka, Der groyser yiddisher klasiker in mayn repertuar, [Great Jewish Classic in my repertoire], GARF. F.8114. Op.1. D.117. P.73–83.
5. Viktor Vismond, Varshever yidish aktyorn in a kharkover yidish melukhe teater, [Warsaw Yiddish actors in a Kharkov Jewish theater]. GARF. F.8114. Op.1. D.127. P.178.
6. В. Марк, Еврейские беженцы на доске почета лучших полевых работников, GARF. F.8114. Оп.1. D.23. P.88.
7. Иона Розенфельд, «На празднике пасхи среди ташкентских евреев». GARF. F.8114. Оп.1. D.124. P.162.

Ронкин В.Г.

Все мы родом из детства

Ронкин Владимир Григорьевич (род. 6 сентября 1937, г. Велиже Смоленской обл.). С 1941 по 1945 гг. находился в эвакуации в г. Оренбурге. После войны семья переехала в г. Можайск Московской обл. Окончил МГУ по специальности историк (1960 г.). В июле 1960 г. по направлению ЦК ВЛКСМ приехал в Казахстан на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку в Карагандинскую обл. С 1962 г. по семейным обстоятельствам переехал в Алма-Ату. Работал замдиректора СШ № 23 (1962–1966 гг.), зав. кабинетом воспитательной работы, зав. лабораторией внеурочного воспитательного процесса Алма-Атинского городского института усовершенствования учителей (1966–1992 гг.). В 1997 г. вышел по возрасту на пенсию. Эмигрировал в США, г. Нью-Йорк. Работал гидом в русскоязычной туристической компании New Tours. Автор 4 книг «Клуб старшеклассников» (в соавторстве с Л.И. Гусевым). – Алма-Ата: Казучпедгиз, 1964 – 50 с.; «Воспитание гражданственности» – Алма-Ата, 1969; «Уроки самому себе» – Алматы, 1997; «Последний день «Близнецов» – Алматы, 2002.^{1} Опубликовал в сборниках, журналах, СМИ Казахстана, Москвы, Нью-Йорка, Штутгарта более 150 статей. Совместно с телевидением Казахстана подготовил и провел около 170 передач. Награды: медаль «За освоение целинных земель» (1957 г.), «Ветеран труда» (1989 г.), грамоты ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ Казахстана, Почетные грамоты Минпросов КазССР и СССР, 2 бронзовые медали ВДНХ СССР, значки «Отличник просвещения КазССР» (1964 г.), «Отличник просвещения СССР» (1980 г.), заслуженный работник народного образования КазССР (1990 г.).^{2*}*

Осмысливая 1418 военных дней, прожитых моим поколением, я сделал важный вывод: наше взросление проходило гораздо быстрее,

^{1*} См. [Электронный ресурс] Брусиловская Е. Американская трагедия. URL:

<https://www.kazpravda.kz/fresh/view/amerikanskaya-tragediya> (дата обращения 19.09.2020).

^{2*} Попова Л.А. «Личное время Владимира Ронкина» // Открытая школа (Алматы), – № 7 (168), – сентябрь 2017 – С.51–57.

чем у детей мирного времени. Дети военной поры чаще испытывали страхи, и у них развивались различные фобии. В то же время они реже плакали, учились терпеть лишения и преодолевать физическую боль. Я помню себя только раз плачущим от боли в детском саду. Наша воспитательница Ирина Денисовна, размахивая полотенцем, случайно ударила меня по главному яблоку. У меня посыпались искры из глаза, и боль была нестерпимой. Глагол «хочу» почти исчез из словаря ребёнка военных лет. Понятия, известные только взрослым: война, фронт, тыл, бомбёжка, обстрел, налёт, эвакуация, беженцы, товарный вагон, паёк и т. д. постепенно наполнялись конкретным содержанием и прочно закреплялись в словаре повседневного общения детей военного времени.

Когда началась война, мы жили на Смоленщине в небольшом г. Белом. Однажды в синем небе июньским утром 1941 г. появился самолёт, на крыльях которого я увидел непонятные чёрные знаки. Мама объяснила доступным мне языком, что это кресты – зловещие символы начавшейся войны. Я и сегодня вижу эту картину: мы стоим на холме, а внизу пролегает белая лента дороги. На ней лежат какие-то люди, над ними возвышаются другие, с ружьями. Я услышал и запомнил непонятные слова – десант, парашютисты.

А на мой вопрос: «Когда придёт папа?» – ответ был краткий: «Он не скоро придёт. Папа ушёл на фронт».

Слово фронт было непонятным. Что же там делает папа? Однако оно быстро наполнилось конкретным содержанием: он там, где стреляют и убивают, он воюет с фашистами. Я представлял на груди папы красную звезду, а у фашистов – чёрные кресты.

Так входила в наше детское сознание символика войны и деление на «наших» – красных и «не наших» – немцев, фашистов. Позже это нашло своё отражение в детских играх и рисунках. И у нас была абсолютная детская уверенность в обязательной победе наших.

Первые знаки войны

Мне запомнились первые разрушительные следы войны – руины разбомблённой станции Западная Двина, куда мы приехали, спасаясь от войны. А потом я помню бесконечную ленту товарных вагонов и пронзительные гудки паровозов. Огромные толпы людей с узлами, корзинками, чемоданами и среди них маму, бегущую с чайником. Она, как и многие женщины, бегала за кипятком.

Так я узнал слово «кипяток» – горячая вода. Я помню округлившиеся от ужаса глаза бабушки и её крик: «Соня отстала!» Мне было непонятно, о чём она кричит? Оказывается, мама отстала от поезда. Несколько часов мы находились в растерянности.

На узловой станции нас нагоняли поезда, движущиеся на Восток. В одном из них была мама. Её товарняк догнал именно наш поезд, а ведь мы могли потеряться и не встретиться. Нам несказанно повезло.

И тогда я на всю оставшуюся жизнь запомнил тревожные слова: эвакуация, беженцы. Так проходило моё первое многонедельное «путешествие» от западной границы СССР до Южного Урала. Так же «путешествовали» сотни тысяч и миллионы моих сверстников. Нам крупно повезло. Нас не разбомбили по дороге.

Жизнь в Оренбурге

Наконец, мы добрались до г. Чкалова – ныне Оренбург. Город до революции был столицей уральского казачества. Его прославил А.С. Пушкин в своей повести «Капитанская дочка». Нас, беженцев, разместили в каком-то обширном помещении, видимо, в спортзале. Каждой семье достался свой участок пола.

Зимой 1941 г. мы получили «отдельную квартиру» в огромном многоквартирном доме. Это был холодный и полутёмный подвал. На мир из него можно было смотреть через небольшое оконце, едва приподнятое над землёй.

Из мебели я помню какое-то деревянное сооружение. Взрослые называли его топчан. Ещё имелись небольшой столик и пара деревянных табуреток. Воды и туалета в нашей квартире не было.

Зато я узнал два новых слова: буржуйка и коптилка. Первое означало небольшую железную печку с трубой, похожей на изогнутую в коленке человеческую ногу. Её конец был выведен через окошко. Мы с бабушкой её топили и кипятили воду. Печка очень быстро нагревалась и также быстро остывала.

А вот коптилка горела или чадила долго. Светильник имел очень простую конструкцию. В тёмно-коричневую бутылочку бабушка наливала какую-то маслянистую жидкость и вставляла верёвочку. Она называла её фитиль. Затем зажигала. Он горел неярким, маленьким огоньком, испуская длинный шлейф копоти. Так освещалась наша квартира.

Спустя десятилетия я размышлял о том, с какими же сложными проблемами столкнулись местные органы власти на Урале, в Казахстане, Средней Азии, Сибири. Разместить миллионы беженцев, найти им хоть какую-то крышу над головой, трудоустроить. А ещё они решали не менее трудную задачу: найти места для размещения заводов, фабрик, институтов, учреждений культуры.

Ведь эвакуация в тыл – это великое переселение народов, и власти с этим тоже справились. Через несколько месяцев наш жилищный

вопрос вообще решился наилучшим образом.

Мы получили маленькую комнатку в том же доме, в большой квартире оренбургского чиновника. Я услышал новые слова – подселение и уплотнение. Теперь – о, счастье! – у нас были настоящая печка, электрический свет, туалет и большое окно, через которое я мог обозревать мир.

Ещё одно тяжёлое воспоминание времён военного детства, точнее 1941–1942 гг. – полуголодное существование. Я узнал два новых малопонятных слова: продовольственные карточки и паёк. Также появилось новое слово – иждивенец. Так называли меня и бабушку. Мы не работали, и нам полагалось меньше еды, чем маме.

Продовольственные карточки – это незамысловатые с виду бумажки, разлинованные квадратиками. В клетках находились какие-то непонятные цифры. Однако они стали символом выживания миллионов людей в тылу. Их утрата – потеря, кража, что тоже не редко случалось, означало почти голодную смерть.

Карточки выдавались сроком на месяц. Их нужно было отovarить, т. е. получить очень мизерное количество самых необходимых продуктов, и самое главное – хлеб. Много позже я узнал, что это означало в годы войны «нормированное распределение продуктов».

Карточки существовали до 1947 г. Конечно, на рынке можно было купить хлеб, мясо, яйца, молоко, овощи по баснословным ценам. Зарплаты моей мамы, скромного бухгалтера в цеху оборонного завода, едва хватало на пару буханок хлеба, или на 2–3 кг картофеля. Можно было обменять продукты на какие-то носильные вещи: пальто, меховые шубы, костюмы или на золотые и серебряные украшения. Увы, мы имели только старинный медный подсвечник, который бабушка использовала для молитвы. Он до сих пор сохранился у меня.

Мамины слезы

Замечу, что именно к этому времени относится мой тяжёлый конфликт с мамой. Она меня редко наказывала за мои шалости, а тут избивала бельевой верёвкой.

Вечером она вернулась с работы и узнала от бабушки ужасную вещь. Я, пятилетний оболтус, съел без спросу кусочек хлеба, оставленный для меня же на ужин. В нашем подвале наступила грозная тишина. Потом мама схватила злополучную верёвку, на которой обычно развешивают бельё, и стала меня яростно стегать. Помню, было больно, но я не плакал.

Потом, спасаясь от побоев, залез под наш маленький столик и кричал: «А мне не больно! Ты – толстый кабан!».

До сих пор не понимаю, почему я произносил эти обидные слова. Кабанов я никогда раньше не видел, а мама никогда не была толстой. Однако этот скандал застрял почему-то в моей памяти на всю жизнь. Мама, дав волю чувствам, села на табуретку и заплакала. И эти слёзы я тоже запомнил.

С войны у меня осталось сакральное отношение к хлебу. Мы, дети военной поры, должны быть всю жизнь благодарны нашим мамам и бабушкам за то, что они, отказывая себе во всём, спасали нас как могли. Они изворачивались, чтобы накормить нас. Я помню абсолютно безвкусный суп, который назвался затируха. По-моему, это «суп из топора» с небольшим добавлением муки и крупы и, конечно, без жира.

В пайке иногда был какой-то белый жир. Он назывался лярд, или получали немного маргарина. Самая большая вкуснятина того времени – американская тушёнка в больших продолговатых банках и омлет из американского яичного порошка. Очень редко эти продукты мама получала на заводе. Я ещё не знал, что такое ленд-лиз – помощь, которую получал Советский Союз от США в годы войны, и какая дорогая цена за неё заплачена: тысячами жизней американских, английских, советских моряков, погибших в пучине северных морей.

Безотцовщина

Надо честно признать, мальчишки и девчонки военных лет не отличались примерным поведением. Безотцовщина – это полусиротство, а для многих война обернулась полным сиротством, сделала их подранками.

Детские дома были переполнены. И всё равно их не хватало. Жестокость войны, лишения, голод, тотальный дефицит самого необходимого – всё это огрубляло наши нравы. Улица стала нашим воспитателем. Мы гоняли в пыли тряпичный мяч и нередко дрались. Правда, строго соблюдали один неписанный закон улицы: «лежачего не бить!».

Игры тоже были грубыми. Как-то мне, шестилетнему пацану, старшие ребята предложили играть в войну. Вожак спросил: «Ты хочешь играть за красных? – Да, – с радостью согласился я. – Тогда намажь голову густой-густой глиной и подожди, пока она засохнет».

Я легко исполнил это условие. Когда же дело дошло до игры, то оказалось, что это ребячья шутка. Я не плакал от обиды, т. к. заплакать – это означало потерять лицо. А я соблюдал законы улицы.

Голод толкал нас на самообеспечение, т. е. воровство. Любимым лакомством в нашей компании стал жмых – спрессованные в лепёшки

отходы семян подсолнечника. Жмых считался питательным кормом для коров. Маслозавод находился всего в нескольких кварталах от нашей улицы. Машины, нагруженные этим продуктом, нередко задерживались у заводских ворот. Мы же научились ловко подворовывать эти лепёшки, так что водители нас не замечали. А потом друг перед другом хвастались своей добычей.

Разумеется, мама и бабушка о моих «подвигах» не догадывались. Но это, так сказать, безобидное воровство, хотя могли легко получить по шее от шоферов.

Но были среди нас и настоящие воры, блатные. Вообще слово «блатной» стало очень популярным в среде мальчишек военных лет. Оно было овеяно каким-то флёром, излучало некую таинственность и опасность.

Вспоминается белобрысый Юрка с нашего двора. Мальчишка учился в пятом классе и гордо называл себя второгодником. Нам, мелюзге, Юрка казался великаном и почти героем. Он затягивался сигаркой и, небрежно сплёвывая, рассказывал о своих подвигах. Мы же упивались его рассказами о воровских похождениях. Юрка делился секретами своего мастерства: как нужно чистить карманы и сумки всяких хмырей и раззяв.

От него я впервые узнал, что бумажник на воровском языке назывался «лопатник», а бежать означало «рвать когти». Он показывал свою «добычу» – красные денежные купюры с изображением Ленина. Кто такой Ленин – мы плохо себе представляли, а вот номинальную стоимость купюры – 30 руб. – знали.

Рассказывали, что Юрка состоял в какой-то шайке, которая промышляла на оренбургском рынке. Потом я запомнил этого пацана, лежащего на топчанчике в узком коридорчике, где он проживал с тёткой. Подросток громко стонал и держался за живот. Оказывается, его кто-то жестоко избил.

Потом Юрка умер. Война тяжёлым катком прошла по жизни таких мальчишек и рекрутировала многих в криминал. Такова грустная правда войны.

Детские болезни

Хочу сказать ещё об одной военной напасти: множество болезней, которые нас доставали в те времена.

Мой коклюш – это пустяк. Подумаешь, кашель! А вот скарлатина оказалась посерьёзнее. Весь горишь огнём. Малярия меня совсем доконала. Я даже слова такого не ведал. На улице жара. Температура

скачет, как заяц, а ты весь дрожишь от озноба. На тебя навалены одеяло, пальто, но это не спасает.

Спасибо папе. Он помог. Мы же об отце не слышали два года. Наконец, он нас всё-таки нашёл. По рассказам мамы, в г. Бугуруслане размещалось Центральное адресное бюро СССР. Там собиралась информация обо всех беженцах. Солдаты действующей армии, потерявшие свои семьи, делали запросы. Их поиски часто увенчивались успехом. Они получали адреса родных. Так папа нашёл и нас. Очень большое и гуманное дело организовало советское государство в годы войны.

Шёл 1944 год. Третий Украинский фронт, в составе которого сражался дивизион моего отца, находился на территории Румынии. Мама написала отцу о моей болезни. Папа где-то сумел достать и прислать какие-то жёлтенькие таблетки. До сих пор помню их название – акрихин. Это лекарство избавило меня от малярии.

Начальные симптомы туберкулёза у меня тоже обнаружили во время войны. Рентген зафиксировал затемнение в лёгких, а по-настоящему эта опасная болезнь обрушилась на меня в середине 1960-х гг. Десять месяцев я провёл в санатории «Старый Крым» и потом ещё несколько лет долечивался. Да, мы, дети войны, сражались с болезнями и цепко держались за жизнь.

Страшное слово

Война продолжалась и творила своё чёрное дело. Самое горькое слово, рождённое войной – похоронка. Как я уже писал, мы жили в большом доме, и у нас был обширный двор. Там часто можно было услышать громкий плач и увидеть истерику женщин, получивших эту ужасную бумагу.

В этом документе содержалась лаконичная стандартная запись: «Ваш муж (или сын, или брат, в зависимости от степени родства) погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками, защищая советскую родину».

В нашем детском восприятии слово родина ассоциировалось с понятием Советский Союз. В похоронках же слова родина и смерть стояли рядом.

Конечно, война – бездушный конвейер истребления массы людей, холодная статистика больших чисел. В то же время, это перманентная трагедия жизни отдельно взятой семьи и конкретного человека. Мы знали виновника этой трагедии. Им был Гитлер. О нём говорили взрослые, проклиная его. В детском восприятии добра и зла именно Сталин стал символом добра, а Гитлер воплощал зло. Сталина мы видели на портретах.

Символом же Гитлера являлся чёрный крест с загнутыми краями – свастика. Если посмотреть на наши рисунки военного времени, то можно увидеть, что краснозвёздные танки и самолёты беспощадно уничтожают танки и самолёты со свастикой.

Я очень любил в те годы песню «Священная война». Мне нравился её возбуждающий ритм. «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой». Слово «орда» я, конечно, не понимал. Оно таило в себе таинственный и страшный смысл «не наших». Мы же ждали скорой победы «наших».

Отцовские письма

Слава Богу, мой отец был жив, хотя имел два ранения. Он писал нам с фронта и посылал свои фотографии. Я жадно их рассматривал. Эти скромные фронтовые фотографии я бережно храню в своём архиве. На них отец – бравый старший сержант – я знал его звание. На груди у него орден Славы и медаль «За отвагу».

Мы, дети военных лет, хорошо разбирались в воинских наградах. Я же пацанам с гордостью рассказывал о его орденах и медалях. Сейчас я с волнением перечитываю его автографы – надписи на обратной стороне фотографий. Для меня, как историка, очень важно, что отец аккуратно фиксировал события во времени и пространстве. Это вехи его боевого пути. Надпись: «Дарю на память своему другу жизни и дорогому сыну от вашего любящего отца. 1 ноября 1944 г. Белград, столица Югославии». Именно за десять дней до зафиксированной им даты Красная армия освободила столицу этой балканской страны. (Теперь столица Сербии.) А отец получил медаль «За освобождение Белграда».

Вот ещё один фронтовой автограф отца. На лицевой стороне фотографии группа солдат, сержантов и два офицера. Они с автоматами. На головах солдат пилотки, у сержантов фуражки. У многих боевые награды. Отец сидит рядом с командиром, у которого в руках планшет. Лица у бойцов сосредоточенные, серьёзные. Только один старшина, сидящий на земле, широко улыбается.

Надпись на оборотной стороне (привожу, не меняя орфографии и синтаксиса) гласит: «Посылаю тебе, дорогая Соня, на память свою фоту со своими тов. по оружию в дни отечественной войны. На территории Венгрии Будапешт 28 февраля 45 г.». Если обратить внимание на дату, то понимаешь, что солдаты недавно вышли из боя. Именно в феврале 1945 г. войска 3-го Украинского фронта, которыми командовал маршал Толбухин, освобождали столицу Венгрии Будапешт на Дунае и вели очень тяжёлые бои у озера Балатон.

Отец был командиром отделения телефонистов отдельного дивизиона ракетных войск, т. е. знаменитых «катюш». Он не любил рассказывать о боях, как и многие фронтовики. Но об одном факте всё-таки поведал. На их позиции гитлеровцы сбросили пропагандистские листовки, которые поразили своим цинизмом и наглостью. В них содержалась только одна фраза: «Жукова пушу в Берлин, а Толбухина утоплю в Дунае». Видимо, этот опус был рассчитан на морально-психологическое подавление воли советских бойцов.

За взятие Будапешта отец получил медаль. А за бои на Балатоне – грамоту Верховного главнокомандующего Сталина. Закончил он войну в Вене – столице Австрии. Спустя 75 лет я смотрю на эту фотографию и думаю: сколько же пришлось этим ребятам пережить и сколько из них дожили до победного мая 1945 г.?

Возможно, с этой групповой военной фотографией связана одна грустная история, рассказанная отцом. Когда Красная армия вступила на территорию стран, входивших в фашистский блок – Германию, Венгрию, Австрию, Сталин разрешил фронтовикам отправлять семьям на родину посылки с трофейными вещами. Однако количество и вес этих посылок были строго лимитированы. Также они были ранжированы в соответствии с воинскими званиями.

В посылках находились отрезки материи, одежда, обувь, наручные часы. Так я познакомился с новым для меня понятием – трофеи.

Общеизвестно, что гитлеровцы, захватив значительную часть территории СССР, занимались тотальным грабежом. Даже украинский чернозём отправляли в Германию. Так что эти трофейные посылки стали скромной компенсацией победителям от побеждённых и оплачены кровью наших солдат.

Наши матери, обносившиеся за годы войны, были в восторге от невиданных вещей. Во-первых, эти вещи можно было продать или обменять на продукты. Во-вторых, они и сами хотели приодеться.

Моя мама была красивой женщиной. Я запомнил её в новом нарядном чёрном платье с цветочками. Всего папа прислал две посылки.

Однако с этими посылками связана очень тяжёлая история. Дело происходило в Венгрии. После тяжёлых боёв дивизион отца отвели в небольшой городок. Там, как писал поэт, «считать стали раны, товарищей считать». Городок был почти пуст. Население, зомбированное фашистской пропагандой о «зверствах красных», покинуло его.

«Командир дивизиона, – рассказывал отец, – вызвал меня, приказал взять машину, двух-трёх бойцов и привезти для личного состава части какие-нибудь трофейные вещи.

Мы разыскали магазин тканей. Там не было ни души. На полках лежали рулоны разнообразной материи. Мы выбрали 10–12 таких тюков и погрузили в машину.

Вдруг к нам подъехала чёрная эмка. Из неё вылез тучный генерал, его сопровождал адъютант. «Что вы тут делаете? – грозно обратился он ко мне. Я доложил. – Кто приказал? – строго спросил он. – Командир дивизиона майор такой-то, – ответил я.

Генерал поднял голос до крика: «Вы – мародёры, мать вашу так! По законам военного времени я расстреляю тебя на месте, сержант!» Мысленно я уже попрощался с жизнью и с вами.

А сам тихо ответил ему: «Воля ваша, но я только исполнял приказ». Генерал помолчал, потом приказал: «Перегрузите эти тюки в мою машину».

Мы с трудом втиснули рулоны в багажник и на заднее сиденье. Генерал с адъютантом сели в эмку и уехали. Настроение у нас было испорчено. Когда вернулись в расположение части, я доложил командиру о происшествии. Он смачно выругался по-русски, адресуя брань неизвестному генералу. Ну, а если говорить правду, то немало генералов и высших офицеров хорошо нажились на этих «подарках» Сталина. Увы, война имеет и свои тёмные стороны.

Осколки детской памяти

А.С. Пушкин в своей повести «Капитанская дочка» нарисовал яркую картину снежной метели в оренбургской степи. В начале 1960-х гг. я работал в Карагандинской обл. Казахстана. И там я узнал грозную силу этих степных буранов.

А пока в феврале 1943 г. мы с мамой с трудом пробирались в такую метель по сугробам. Она крепко держала меня за руку, а в другой руке несла подушку. Мы с ней направлялись в круглосуточный детский садик, куда меня, наконец, приняли. Это была большая удача.

Слово «круглосуточный» я уяснил сразу. Оно означало, что 6 дней я буду находиться в этом дошкольном учреждении, а на воскресенье мама заберёт меня домой. Садик считался богатым. Его финансировал оборонный завод, на котором трудились наши родители. Располагался он в огромном одноэтажном особняке и имел просторный двор – удобное место для наших прогулок. Окна закрывались деревянными ставнями на железных болтах, и сторож по утрам с грохотом открывал их.

До того времени мне не приходилось видеть ставни. Когда окна закрывали на ночь, у меня было ощущение, что мы находимся в кре-

пости. Это ощущение усиливалось тем, что дом стоял посередине двора и был окружён высоким, крепким забором, за пределы которого запрещалось выходить.

Ещё нам нравились многочисленные хозяйственные постройки – сараи, погреба. Мы их использовали для игры в прятки и в войну. До революции эта «крепость» принадлежала какому-то оренбургскому купцу, а теперь хозяйничали мы – дети.

Ещё одно воспоминание тех далёких лет. Работники детсада в Зауральной роще имели большой участок земли. Они выращивали картофель, капусту, помидоры и заготавливали соленья на зиму. Именно в те годы я полюбил жареную картошку с солёным зелёным помидором. Это блюдо нам нередко давали на ужин. Во время войны государство стимулировало трудящихся, раздавая участки земли для огородов.

Двухлетнее пребывание в детском саду качественно повлияло на мои представления об окружающем мире и ускорило моё развитие.

Я был дичок-одиночка. Мой мир был ограничен пространством подвала, потом стенами маленькой комнаты, а моё общение: дворовой и уличной компанией ребят старше меня. В садике сразу же возникли новые связи. Проходило активное общение со взрослыми-педагогами, техническим персоналом и, конечно, с множеством сверстников.

Я заимел первого друга – Толика Эдельмана. Его отец тоже воевал, а мама работала на заводе. Появилось много интересных занятий – рисование, лепка, пение, танцы. Для нас устраивали костюмированные детские праздники. Я впервые увидел настоящую новогоднюю ёлку и получил подарки. Таким образом активно протекал процесс социализации моей личности.

Фото Сталина

Я сделал для себя удивительное открытие: оказывается, обед бывает из трёх блюд. Причём третье – самое вкусное: кисель, компот или кусок арбуза.

Я впервые увидел в нашем танцевальном зале большой портрет И.В. Сталина. Особенно мне понравились его пышные усы, которые хотелось потрогать. До этого я не видел мужчин с усами. Педагоги рассказывали, что Сталин – вождь всех народов нашей страны и что он любит всех детей. Они показывали нам картинки столицы Москвы. Мы узнали, что Сталин живёт в Москве, в Кремле.

Я рисовал кремлёвские башни со звёздами и реально представлял, что в одной из них живёт Сталин. Мы разучивали его любимую песню «Сулико». Мне нравилась пронзительно щемящая грустная мелодия этой действительно прекрасной грузинской народной песни.

Мне было только не понятно, почему воспитатели нам не разрешают рисовать портрет Сталина, такого родного и любимого. Я всей силой своего детского воображения чувствовал, что Сталин – олицетворение ДОБРА и скорой ПОБЕДЫ над врагом.

Как-то мне мама прочитала очерк «Таня» о московской комсомолке девушке-партизанке, замученной фашистами. Позже я узнал, что настоящее её имя Зоя Космодемьянская. Я едва сдерживал слёзы, слушая маму. Особенно меня впечатлил ответ девушки на вопрос фашиста: «Где Сталин?» – И её мужественные слова: «Сталин на посту». И я представлял, что он стоит у кремлёвской башни, сжимая в руке винтовку.

Летом 1951 г. мы совершили пионерский поход в подмосковную русскую деревеньку Петрищево. Там казнили в 1941 г. Зою. Мы встречались с крестьянками, так как мужиков практически не осталось, заходили в избы, слушали их рассказы.

Один только раз в жизни я видел Сталина живьём. Это произошло летом 1947 г. Мы жили уже в Можайске, под Москвой. Отец получил билеты на авиационный праздник в Тушино. Я смотрел, напрягая зрение, на далёкую трибуну, где в белых кителях стояли руководители правительства, генералы, но я смотрел только на Сталина.

Все люди сидели на обширном зелёном лугу. В синем небе Москвы группами и в одиночку летали самолёты, совершая головокружительные пируэты. Они показали картину воздушного боя. Затем в небе раскрылись яркими цветами купола парашютов. Таким образом, мой детский восторг Сталиным начался в 1943 г. Закончился он в 1956 г., когда я стал студентом исторического факультета Московского университета. Тогда мы узнали жестокую правду о культе личности Сталина.

Я, к сожалению, не помню имён наших детсадовских воспитателей. Они были милыми, добрыми людьми. И много сделали для нас. А вот художницу Ирину Денисовну я хорошо помню. Она эвакуировалась из блокадного Ленинграда. Некрасивая, нервная и хромая Ирина Денисовна была прекрасным рассказчиком.

Вечером после ужина, когда закрывались ставни на окнах, мы садились в кружок и, затаив дыхание, слушали её рассказы. Мы узнавали об экзотических странах, о диковинных животных, о великих путешествиях. Мы погружались с ней в фантастический мир неизвестного. Наше воображение расцветивалось всеми цветами радуги. Потом уже сами в спальне из табуреток, стульев, одеял строили какие-то пещеры, замки, проигрывая сюжеты из её рассказов.

Мне думается, что под влиянием рассказов Ирины Денисовны, я пережил свою первую любовь. Как-то в один прекрасный день нас всех, воспитанников старшей группы, накрыла «эпидемия» любви. Мой «роман» продолжался 24 часа. Объектом моей страсти стала девочка Элла. Помню, что её волосы были подстрижены ровным кружком. Это меня очень волновало. Я вообразил себя рыцарем-защитником. Сделал себе из газеты шлем и вооружился копьём. Копьём служила деревянная палка-штатив от сломанного фотоаппарата.

Наступил вечер. Мы с ней легли вместе спать в мою кровать. Наши кровати стояли на раздвинутых деревянных ножках, с натянутым на раму брезентом. Утром, когда я проснулся, к моему колоссальному удивлению Элла спала в кроватке с другим мальчиком. Так закончился этот «роман», а удивление осталось на всю жизнь. О, загадочная женская душа...

Жизнь в детском саду шла своим чередом. Иногда случались неприятности. Я был мальчик любознательный, но доверчивый. Зимы в Оренбурге суровые. Как-то в морозный день мы гуляли в нашем дворе. Ко мне подошёл один пацан и предложил языком коснуться железной трубы, на которой висели качели. Я доверчиво высунул язык и лизнул трубу. Это длилось мгновение. Я отдёрнул язык, а на трубе остался кусок окровавленной кожи. Было очень больно. Мальчишка убежал. Я не ревел. Терпению нас учила война.

За рекой Урал находилась дача нашего детского сада. Это место называлось Зауральная роща, куда нас вывозили летом. Неподалёку располагался стрелковый полигон, где новобранцев обучали стрельбе. Солдаты нам, пацанам, дарили стреляные гильзы от холостых патронов. Для нас эти пахнущие пороховым дымом металлические стаканчики становились желанным подарком. Ведь это был запах войны.

В субботние вечера мама забирала меня домой, и воскресные дни я обычно проводил с ней и бабушкой. Это были прекрасные мгновения семейного общения. Мама мне что-нибудь читала вслух или пела. У неё был очень мелодичный и сильный голос. Благодаря ей, я выучил много песен тех лет: «Синий платочек», «Землянка», «Тёмная ночь», «Вечер на рейде». Это знаменитые песни военного времени. Они рассказывали не столько о войне, сколько о силе человеческих чувств, о разлуке, о любви. В их музыке и словах ощущалась мощная сила человеческого духа и сердечного притяжения.

«Катюша» стала неофициальным гимном России. Я понимаю, почему эти песни пользовались огромной популярностью среди бойцов. Они стали эмоциональным мостиком между фронтом и тылом, выдер-

жали испытание временем. Песни военных лет любимы и сегодня миллионами людей. Эти песни, как эстафета, передаются от поколения к поколению, обеспечивая связь времён. Ещё я помню, как мама пела народную еврейскую песню. Она исполняла её на идиш – языке восточноевропейских евреев. Эта песня о бедной девушке, которая смотрит на огонёк, зажжённый на предпечье, и он остаётся её последней надеждой. Я плохо понимал язык, но эта грустная мелодия наполняла мою душу состраданием к жизни этой бедной еврейской девушки.

И здесь я не могу не сказать ещё об одном печальном факте войны. Я знал, что немецкие фашисты были беспощадны к советским людям, но не понимал, почему они особенно жестоки к евреям. От мамы я услышал странное сочетание слов: *еврейское гетто*. Это место, где гитлеровцы собирали евреев, а потом без милосердия уничтожали их.

Я родился на Смоленщине в г. Велиже. В нём до войны проживали несколько тысяч евреев, в т. ч. наши родственники. Все они во время войны уничтожены в еврейском гетто.

Я безмерно благодарен моей маме, Софье Исааковне Ронкиной за то, что она спасла меня от этой трагической участи и увезла на Урал. Папа, когда уходил на фронт, порекомендовал нам поехать в Велиж и переждать там войну.

В июле 1983 г. мы с моим зятем Павлом Красниковым и сыном Димой решили съездить на мою малую родину. Я там попытался что-то узнать о наших родственниках. А в ответ – тишина. Все ссылались на массовое истребление жителей в годы войны. Я стоял у обелиска, где находилось еврейское гетто и где девять тысяч моих соплеменников были зарыты в шар земной. А ведь среди них мог быть и я. Мир их праху!

Теперь я знаю, что это называется Холокост – массовый геноцид еврейского народа.

Мама ввела меня в культурное пространство города. Несколько раз мы посещали с ней спектакли театра оперетты. Во время войны композитор Тихон Хренников написал популярную оперетту «Давным-давно». Много лет спустя, на этом материале поставили фильм «Гусарская баллада». Сюжетная линия этого спектакля отражала события Отечественной войны 1812 г. В 1944 г. я впервые узнал об этой драматической странице истории России и о знаменитом русском полководце Михаиле Кутузове.

До чего странная штука жизнь. Или действительно ничего случайного не бывает? Зимой 1945 г. папа получил назначение на работу

в г. Можайск, в Подмосковье. В 10 км от города раскинулось знаменитое Бородинское поле, на котором и произошло главное сражение Отечественной войны 1812 г. В 1941 г. там тоже шли тяжелые бои, т. к. проходила линия обороны Москвы. Я полюбил эти места. В первый раз я увёл свой класс без разрешения родителей в поход на Бородинское поле. Мы учились тогда в 3-м классе. Потом, уже будучи историком, десятки раз показывал это историческое место множеству людей – родственникам, друзьям, алма-атинским учителям, студентам Казахского государственного университета и даже алма-атинским чиновникам.

Моя любимая учительница русского языка и литературы и мой классный руководитель Анна Степановна Кудряшова многие годы работала директором Бородинского военно-исторического музея. Природа этого прекрасного уголка Среднерусской равнины находится в удивительной гармонии с человеком. Если бы не памятники двух страшных войн, трудно поверить, что эта земля обильно полита кровью русских, французов, поляков, немцев, итальянцев, грузин, татар, казахов и людей многих национальностей.

Мама также открыла для меня волшебное искусство кино. Первую картину, которую я посмотрел с ней, называлась «Багдадский вор». И еще, благодаря маме, я узнал, что такое демонстрация трудящихся. 7 ноября 1944 г., в двадцать седьмую годовщину Октябрьской революции, я шагал в колонне рабочих и инженеров ее завода. Сам гордо нес какой-то плакатик на длинной деревянной палке. Изнемогал от усталости, но донёс. Кругом были красные знамёна, транспаранты и портреты вождя. Было много музыки и песен. Чувствовалось, что у людей хорошее настроение. Видимо, все понимали, что скоро наступит Победа.

И действительно, наступил долгожданный май 1945 г. Нам, детям войны, ничего не надо было объяснять. Слово «Победа» вошло в наш лексикон как состоявшаяся реальность. Это осознавала и моя будущая жена Ира Филиппова, которая жила с семьей в годы войны в Алма-Ате. Мы с ней ровесники. Это слово понимали мой зять, муж моей сестры Инны, Павел Красников и его старший брат Илья Долгановский. Их семейная драма заключалась в том, что война разлучила братьев на долгие годы. Павел не подозревал, что у него есть старший брат. Это стало известно ему, когда он стал взрослым.

Гордое слово «Победа» понимали все люди нашей страны. Но каждый радовался по-своему. Я помню громкую музыку во дворе

нашего большого дома: играли на гармошках, трофейных аккордео-нах, целовались, громко кричали «Ура!». Я помню свою сумасшедшую пляску вприсядку так, что мама не могла меня остановить. Таким образом праздник Победы стал всенародным.

Наступил долгожданный мир. В сентябре папа вернулся с фронта, а я пошел в первый класс оренбургской школы. Так закончилось мое военное детство.

Крутова Н.В.

Мария Фертель. Судьба в эвакуации

Родом Мария Фертель (1916–1999) из местечка Юзефовка Барановского р-на Новоград-Волынского у. Еврейское население Барановки составляло большинство – 1990 человек из 2095 проживающих. Семья Марии была из бедняков. В 1947 г., заполняя личный листок по учету кадров она напишет: «...сословие родителей – крестьяне; основное занятие родителей до Октябрьской революции – крестьяне-бедняки; после Октябрьской революции – крестьяне». Советская власть в крае была установлена в 1918 г., когда Марии было два года. Она росла смышленной девочкой, и в четыре уже писала и читала. В годы Гражданской войны отец Айзик Фертель возглавил местный комитет бедноты и стал именоваться на русский манер – Аркадий. Сложное и беспокойное было время: то махновцы, то петлюровцы. А цыгане подожгли дом и угрожали расправиться с отцом, вспоминала Мария Айзиковна. В 1925 г. умерла мать.

В Лениногорском филиале Государственного архива Восточно-Казахстанской обл. (ГАВКО) сохранилось Свидетельство об обучении Марии Фертель в Барановской еврейской трудовой школе в 1925–1928 гг. Документ на двух языках: идиш и украинском. В 1931 г. она закончила Барановскую семилетнюю еврейскую школу и здесь же осталась работать библиотекарем. На следующий год поступила работать секретарем в школу ФЗУ при Барановском фарфоровом заводе. Уже тогда Мария выделялась из общего коллектива и несомненно была его лидером. Товарищи выбрали ее комсоргом [1].

В 1937 г. умер отец, и Мария переехала в Харьков к старшему брату. Жили в рабочем поселке Артем, где на военном танковом заводе работал брат. Мария устроилась библиотекарем. В 1940 г. закончила курсы бухгалтеров и стала учетчицей, счетоводом, затем бухгалтером на обувной фабрике «Прогрессе».

Начало войны застало Марию в Харькове. Тем временем родная Барановка уже 12 августа 1941 г. была оккупирована наступающими

немецкими войсками. Начались массовые убийства гражданского населения. Евреев согнали в гетто. За лето и начало осени здесь было расстреляно более 400 человек, оставшихся в живых, собрали в рабочий лагерь. В 1942 г. расстрелы продолжились, около 600 евреев из окрестных сел было расстреляно [2]. О возвращении домой не могло быть и речи.

Принимается решение уехать в далекий Восточный Казахстан, г. Лениногорск. К тому времени здесь проживала родственница – Виногодова Фаина Моисеевна.

О том как ехали, что пришлось пережить в пути, Мария Фертель рассказала корреспонденту газеты «Лениногорская правда» Л. Поломошновой.

«То, что дорога была трудной и долгой – это ничего не сказать. Бомбежки, голод, грязь и холод, а главное страх и тревога, как добраться живыми? Случай с арбузом на всю жизнь остался у нее в памяти. Уже ехали по казахстанским степям и на одной из остановок Мария увидела арбузы. Состав мог тронуться в любую минуту, но пить очень хотелось, и она решила рискнуть. Состав большой, успею... прибавив шаг и удерживая драгоценный арбуз она пыталась заскочить в вагон. Ноша мешала, а вагоны набирали скорость. Тогда она, расколов арбуз надвое, одной рукой удерживала драгоценную половинку, другой ухватилась за подножку последнего вагона. Арбуз был спасен, а главное – она успела и смогла! Тот арбуз вспоминался ей часто» [3, с.2–3].

Наконец состав дошел до последнего пункта назначения, г. Лениногорск Восточно-Казахстанской обл. Прибывших встретили, обогрели и накормили. Эвакуированных в городе было немало, но городские власти старались по возможности обеспечить всех жильем и работой. Марии повезло, ее взяли в отдел статистики городской поликлиники.

*«О состоянии бытового и санитарного обслуживания
трудящихся города и эвакуированного населения»*

Для удовлетворения нужд трудящихся и эвакуированного населения в мыле обязать директора Промкомбината т. Рыбченко организовать производство хозяйственного мыла из имеющегося сырья в районе.

Обязать председателя кустпромартели т. Еловского организовать в мастерских штат мастеров по починке обуви и одежды, удовлетворяя полностью все нужды трудящихся и эвакуированных граждан в этом деле.

Эвакуированных, расквартированных в городе и на втором районе Ульбастроя, не связанных с работой на предприятиях и в учреждениях, расселить по колхозам» [4, л.50–52].

Всю войну Мария Фертель прожила в Восточном Казахстане. Здесь она окончила 9 классов средней школы и двухгодичную школу медсестер. Здесь же встретила свою судьбу, вышла замуж, но в 1944 г. получила похоронку. В 1945 г. война закончилась, семья брата вернулась в Харьков, Мария приняла решение остаться. Теперь вся ее последующая жизнь будет связана с Восточным Казахстаном, с г. Лениногорском, который приютил ее в тяжелое военное время.

Характеристика от 25 июля 1946 г.: «Тов. Фертель Мария Айзиковна 1916 года рождения, по национальности еврейка, член ВКП (б) с 1945 г. В системе Лениногорского горздрава работает с ноября 1941 г. и в настоящее время медсестрой инфекционной больницы и медстатистиком Горздрава. За время работы т. Фертель проявила себя как преданный и честный работник, как медсестра она непрерывно повышает свою квалификацию. За хорошую работу имеет целый ряд благодарностей по Горздраву, награждена медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тов. Фертель принимает активное участие в общественной работе, является заведующей агитколлективом и пропагандистом» [1, л.4].

В 1947 г. Мария Фертель была назначена председателем Лениногорского райкома профсоюза медицинских работников. И вновь учеба, не хватает знаний. В течение двух лет она проучилась в Ташкентской школе профдвижения ВЦСПС. В 1952 г. закончила, получив звание экономиста по труду, так она напишет в своей автобиографии.

1953 г. стал поворотным в ее судьбе. Мария Фертель была назначена заведующей клуба им. X годовщины Октября, больше известного в городе, как клуб «Цветников». Теперь вся ее последующая трудовая судьба была связана уже с культурой. Жизнь в клубе была ключом. Большое хозяйство и ответственность легли на плечи молодой заведующей: четыре хора, пять оркестров, танцевальный кружок, народный театр, любительская киностудия, две изостудии, агитбригада. Народный театр клуба неоднократно занимал призовые места в конкурсах художественной самодеятельности.

На культурном поприще Мария Аркадьевна показала себе профессионалом, демонстрируя деловые качества и целеустремленность. И совершенно по праву в год сорокалетия клуба «Цветников» М.А. Фертель была удостоена почетного звания заслуженного работника культуры Казахской ССР. Летом 1961 г. клуб отпраздновал

свое новоселье, теперь это уже был настоящий Дворец культуры Лениногорского полиметаллического комбината, М.А. Фертель стала его первым директором. Своей профессией работника культуры Мария Аркадьевна всегда гордилась и любила повторять: «Долг работника создавать настроение людям. Поменьше в щелочку заглядывать, побольше делом заниматься. Этой работе надо отдаваться полностью, до конца. Иначе зачем занимать чье-то место?».

Долгую жизнь прожила еврейская Мария на казахстанской земле, здесь и нашла свое последнее пристанище. За свой добросовестный труд, любовь и отзывчивость к людям Мария Фертель удостоена самого главного звания – Почетный гражданин г. Лениногорска. Горожане, характеризуя директора Дворца культуры, всегда отмечали ее простоту, доступность, естественность и доброжелательность. Сегодня документальные материалы о ее жизни хранятся в Государственном архиве Восточно-Казахстанской обл. и историко-краеведческом музее г. Риддера.

1. Лениногорский филиал Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Личные документы М.А. Фертель за 1928–1984 гг. Ф.53. Оп.1. Д.45а, б, в.

2. Российская еврейская энциклопедия. URL: <http://www.rujen.ru>

3. Поломошнова Л. Однажды на летней эстраде // Лениногорская правда – 1996 – 29 мая.

4. ГАВКО Ф.130 п. Оп.2. Д.5.

Каштелюк Ю.И.

Сердечная память

Семейные фотоальбомы – бесценные исторические архивы, где за каждым снимком стоят судьбы людей и судьба страны, пережившей самую кровопролитную войну в истории человечества.

С раннего детства, рассматривая пожелтевшие семейные фотографии, я слушал рассказы бабушки и дедушки, мамы и папы о роковых сороковых, и эти истории стали частью моего мировосприятия, частью моего генетического кода. Они всегда со мной...

Мой дедушка по линии мамы, Соломон Израилевич Клионский (1918 г., Минск, Белоруссия – 1987 г., Алма-Ата Казахская ССР), был минчанином, учился в политехническом институте. Именно 22 июня 1941 г. он должен был защищать диплом по специальности «теплогазоснабжение и вентиляция», накануне до глубокой ночи готовился, а потом начались массированные бомбардировки Минска. Страшно было всем, у людей был шок, но дед собирался идти на защиту диплома. Это казалось безумием, сестры отговаривали своего брата Соломона идти в институт, и он колебался: впору было бежать в бомбоубежище, спасти жизнь, а не идти по открытой улице навстречу гибели.

«Ты куда собрался, ты сумасшедший, никто не придет», – в один голос заклинали сестры. Но Соломона в стремлении идти в институт поддержал отец – минский милиционер Израиль Клионский. И дед, надев строгий костюм, пошел на защиту диплома.

Бомбежки шли волнами, немцы утюжили Минск, но ему правдами и неправдами удалось добраться до здания политехнического института. В коридорах не было никого, Соломону даже подумалось, что сестры были правы, но все же он поднялся в аудиторию, где должна была проходить защита диплома, вошел... За столом сидела комиссия. Защита диплома состоялась.

Защищаться пришли не все, но дед был в числе тех немногих, кто в тот страшный первый день войны проявил студенческую дисциплину и человеческое мужество. Та защита дипломного проекта стала примером духовного противостояния профессорско-преподавательского состава и студентов Минского политехнического института врагу.

Дедушке и его сестрам удалось пройти живыми сквозь горнило войны, а прадедушке нет... К началу войны он уже вступил в пенсионный возраст, мог выйти в отставку и эвакуироваться, но посчитал, что в такое время не имеет морального права покинуть строй, и продолжил служить в милиции до оккупации фашистами города.

Как сообщал дедушка в автобиографиях, которые в советские годы часто по разным поводам приходилось писать по месту работы, его отец был зверски замучен фашистами...

Моя бабушка, Малка Хаимовна Клионская, в девичестве Хинич (1924 г., с. Паричи Белорусская ССР – 1993, Алма-Ата Республика Казахстан), к началу войны была подростком. Ей буквально за час до прихода немцев в белорусское с. Паричи удалось вскочить в последнюю полуторку, увозившую эвакуированных. Бабушка рассказывала, что на проселочной дороге их машина встретилась с грузовиком, под завязку забитым немецкими солдатами, но по великому везению немцам было не до пассажиров полуторки – они спешили. Машины мирно разъехались и продолжили путь каждая в свою сторону. Это был эпизод, длившийся минуты, но бабушка вспоминала его часто...

Вместе с мамой, Рахиль Юдковной, и отцом, Хаимом Исааковичем, бабушка эвакуировалась в Новосибирск. Всю войну простояла у станка – трудилась на военном заводе, производившем снаряды для фронта, перевыполняла план и была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Но была еще одна награда, о которой бабушка очень любила рассказывать. Ей вручили

пригласительный билет на открытие Новосибирского оперного театра. Это было поощрение, но бабушка воспринимала его именно как награду. На открытии давали «Пиковую даму» Чайковского, в Новосибирск съехались члены правительства, включая министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова. Бабушке казалось, что после заводского цеха, бессонных ночей у станка она очутилась в сказке.

«Такую музыку я не слышала ни до, ни после этого спектакля», — делилась со мной бабушка впечатлением от того похода в театр.

А брат бабушки, Евгений Хинич (1922 г., с. Паричи, Белорусская ССР — 1996 г., Хайфа Израиль), был призван на войну, служил военфельдшером. Он был очень жизнерадостным человеком, не любившим вспоминать войну. Но все же одну историю он рассказал. От взятого в плен языка красноармейцы получили информацию о якобы находящихся в районе расположения частей Красной армии замаскированных фашистских складах с продовольствием. Проверили. Склады действительно существовали, в них находились банки с селедкой. Провизии катастрофически не хватало, и был большой соблазн распределить селедку по частям, но поступил приказ командования отправить банки с селедкой в тыл. На первый взгляд, жесткий, даже жестокий приказ, но командиры знали, что делали. Вместе с едой катастрофически не хватало и воды, если бы солдаты отведали селедку, то наступила бы жажда, а за ней неминуемое обезвоживание организма и медленная, мучительная смерть. Вот такую изощренную пытку приготовили немцы красноармейцам, однако этот коварный план удалось разгадать. Во время рассказа бабушкин брат, удостоенный ордена Красной Звезды и других боевых наград, жестикулировал, и можно было увидеть, что на одном пальце у него не хватает фаланги, это был след войны...

Мой дедушка по отцовской линии, Хаим Моисеевич Каштелюк (1908 г., с. Новые Веледники, Российская империя. Украина — 1944 г., погиб в боях за освобождение Белоруссии), был призван в действующую армию, а его жена, моя бабушка, Хайка Абрамовна в девичестве Розенберг (1912 г., с. Новые Веледники, Российская империя. Украина — 1975 г., г. Коростень Украинской ССР), успела эвакуироваться с четырьмя детьми, один из которых — мой папа Исаак Хаимович — был грудным ребенком, из украинского местечка Новые Веледники в Узбекистан. Из всех вещей, которые удалось взять с собой, самой ценной была швейная машинка «Зингер», к слову, она до сих пор хранится у моей двоюродной сестры, Ирины, проживающей в Израиле.

Бабушка была модисткой, и швейная машинка вместе с одаренностью бабушки, которая ухитрялась фактически из лоскутков шить одежду, помогли прокормить детей. В 1944 г. пришло известие о том, что глава семьи пропал без вести. В отличие от похоронки эта формулировка, с одной стороны, дарила призрачную надежду на то, что он жив, но с другой – не давала права на дополнительные хлебные карточки. Но бабушка не роптала, она вырастила детей, каждый из которых состоялся как личность. Дед с войны так и не вернулся. О его ратном подвиге напоминают фронтовые треугольники, в которых он писал о любви к жене и детям.

У моих дедушек и бабушек – родителей мамы и родителей папы – были разные судьбы, и в то же время у них была одна общая судьба – судьба жителей великой страны, совершивших подвиг в борьбе с врагом. Память о них хранят пожелтевшие фотографии в альбомах, хранит мой разум и хранит мое сердце.

Щёголева Л.М.

Воспоминания членов еврейского этнокультурного общества «Бэяхад», г. Экибастуз Павлодарской обл.

22 июня 1941 г. – день начала Великой Отечественной войны, стал Днём памяти и скорби. Всё дальше уходят от нас в историю 1940-е и всё меньше остается с нами тех, кто на своих плечах вынес тяготы военного времени.

Крамар Раиса Исааковна: «Я родилась 15 октября 1942 г. в г. Златополь, Кировоградской обл. Украины. По национальности еврейка. Мой отец, Соколовский Исаак Юдкович 1909 г. р., пропал без вести на фронте, в 1944 г. Мне тогда было 2 года, я даже не помню его. Во время войны я, моя мама Соколовская Любовь Давидовна 1913 г. р. и брат Дмитрий 1935 г. р., жили на оккупированной немцами территории Украины. С приходом немцев, жизнь евреев стала невыносимой. Сам факт принадлежности к еврейскому народу обуславливал смерть человека. Златопольские евреи пытались спрятаться в чужих домах, в подвалах, у знакомых, но и те знали, что за сокрытие евреев обречены на смерть. Это коснулось и нашей семьи. Мы выжили благодаря хорошим соседям. К сожалению, фамилии их я не помню, маленькая была. Мама, брат и я скрывались в подвале дома. Несмотря на то, что у соседней семьи были дети, они кормили нас, принося еду по ночам. Об этом рассказывал мой брат, Дмитрий.

После освобождения г. Златополя мама пошла работать, мы с братом оставались одни дома. В 1946 г. мама сильно заболела, у неё был

туберкулёз лёгких. Она легла в больницу. В 1947 г. нас с братом отдали в детский дом. Я не помню в каком месяце это было, но помню, что было холодно и голодно. В детском доме нас обижали дети, только потому, что мы были евреи. Унижения приходилось терпеть и в школе, даже учителя старались укорить. Брат был старше меня на 7 лет, он заступался за меня и не давал меня в обиду. Мне стало плохо и тяжело, когда он пошёл учиться в ФЗО. Моё детство было испытанием на прочность и выживание. В 1951 г., после продолжительной болезни наша мама, Любовь Давидовна, умерла.

В 1958 г., после окончания 8 классов, меня направили учиться в швейное училище г. Зенькова, Полтавской обл. В 18 лет, получив специальность швеи, по комсомольской путёвке поехала в Казахстан. Нас девочек распределили и расселили по всем областям республики. Я попала в пос. Шалдай Щербактинского р-на Павлодарской обл. Здесь, знали, что я еврейка, но никогда меня не упрекали в этом.

В Казахстане живу с 1960 г. В 1961 г. вышла замуж за Крамар Николая Егоровича 1936 г. р. Здесь у меня родились сыновья. Сергей 1962 г. р., Александр 1964 г. р. и Николай 1974 г. р. Имею 8 внуков и 3 правнука. С 2015 г. проживаю в г. Экибастузе Павлодарской обл. В 2017 г. узнала, что в Доме дружбы есть еврейское этнокультурное общество «Бэяхад» – «Вместе». Этнокультурное общество стало для меня вторым домом. Здесь мы учим и знакомимся с традициями, культурой еврейской жизни. Учим еврейский разговорный язык. Горжусь своим происхождением, своей нацией, горжусь тем, что я еврейка. Мне легко жить в многонациональном мирном Казахстане.

Солопекина Светлана Фёдоровна: «Родилась 22 декабря 1937 г. в с. Григорьевка, Новопокровского р-а Днепропетровской обл. На Украине. Нам до сих пор не верится, что живы мы. Слезы и боль этого страшного времени сохранились в моем сердце. Мирная жизнь была прервана 22 июня 1941 г. Самое первое, что я помню, как мы едем в кибитке, нас четверо детей – Михаил 23 сентября 1932 г. р., Владимир 25 апреля 1936 г. р., я и Галина 1940 г. р. Моя мама, Наровлянская Таисия Тихоновна 19 августа 1914 г. р., правит лошадьми. Отец, Наровлянский Фёдор Михайлович 31 мая 1908 г. р. и ещё несколько мужчин, гонят скот. Дорогой нас бомбили. Люди гибли. В одну из бомбежек отца ранило и его с другими ранеными увезли в г. Орск. Скота много погибло. Мы получили от отца письмо из г. Орска. Он там лежал в госпитале. Нам хотелось поехать к нему, но не получилось. Мама заболела тифом, попала в больницу, в пос. Новоайдар,

родила мёртвого ребёнка. Ехать дальше мы не смогли. Остались в пос. Новоайдар, проживали у одной женщины. Имя не помню теперь. Она пустила нас жить к себе, так как знала отца еще по Донецкой обл., знала, что он был член партии, что по национальности еврей. Разместила нас в летней кухне.

Вскоре пос. Новоайдар оккупировали немецко-фашистские захватчики. Немцы смотрели на нас всех проживающих в посёлке, и, если на людях не было крестика на груди, значит – это дети и жены коммунистов. Мама, чтобы сохранить нас, поделала из денежных монет крестики. Тем самым скрывала нашу национальную принадлежность. Солдаты ходили по домам, забирая все ценное и проверяя, не прячет ли кто коммунистов. Хозяйка не выдала нас.

Помню, как согнали население, и на глазах у всех закапывали живыми пойманных партизан. Потом, земля несколько дней шевелилась, людям нельзя было подойти близко.

После освобождения Ворошиловградской обл., мы смогли переехать поближе к Орску. Мама устроилась на ферму дояркой. Братья помогали пастухам. Мы с сестрой Галей сидели дома. К весне 1944 г. мы вернулись в родную Григорьевку. Учились в школе. Я даже помню в школе, в 5 классе, мы учили такое стихотворение:

«[Летней ночью, на рассвете]
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских –
Это значит – против нас...»^{1*}.

Родители работали и до конца своей жизни проживали на Украине. Ушли из жизни: папа умер 12 декабря 1982 г., мама 5 мая 2008 г.

В 1954 г. я уехала в Казахстан, в с. Алексеевка Баянаульского р-на, Павлодарской обл. Здесь, в 1955 г. вышла замуж за Солопекина Петра Семёновича. В 1956 г. родился сын Пётр. В 1958 г. мы переехали в пос. Баянаул Павлодарской обл. В 1959 г. родился сын Михаил. Для моих детей Казахстан стал Родиной.

С 1962 г. по 19 января 1982 г. трудилась на почте, телефонисткой, потом оператором почтовой связи. Работала в Сельхозэнерго. В 1984 г. награждена медалью «Ветеран труда». В 1992 г. ушла на заслуженный отдых – на пенсию, но ещё продолжала работать.

С октября 2000 г. проживаю в г. Экибастузе Павлодарской обл. Муж всю жизнь проработал шофёром. Умер 26 декабря 1988 г. У меня

^{1*} Цитируется стихотворение С. Михалкова «Быль для детей».

два прекрасных сына. Прекрасные снохи. Четыре внучки и одна правнучка. Горжусь своим происхождением, своей нацией, горжусь тем, что я еврейка. С 2015 г. состою в этнокультурном обществе «Бэяхад».

Чмырова Мария Михайловна: «Родилась 5 августа 1936 г. в с. Еремино Гомельской обл. В Белоруссии. Когда началась война, моего отца, Певцова Михаила Ефимовича 1898 г. р., забрали на фронт. Нас – маму Певцову Дору Иосифовну 1900 г. р., бабушку и моих сестёр Александру 1920 г. р., Евдокию 1924 г. р., Елизавету 1931 г. р. и меня эвакуировали. В начале нас повезли эшелонами в Харьковскую обл. Фашисты жестоко бомбили города и железнодорожные станции, целились по бегущим людям. Когда немцы подходили ближе к Харькову, нас снова погрузили в эшелон и отправили в с. Понамарёвка Романовского р-на Чкаловской^{1*} обл.

Голодные и оборванные мы очутились здесь, в с. Понамарёвка. В 1943 г. моих старших сестёр, Александру и Евдокию отправили учиться в ФЗО. В с. Понамарёвка мы находились до сентября 1945 г. Я училась до 3 класса в сельской школе. Я, мама и сестра Елизавета работали на разных работах в колхозе: на прополке свеклы и других овощей, а также подметали зерно на току. Собирали в поле колоски. Мужчин в селе не было, все работы выполняли женщины и дети-подростки. В 1944 г. папу комиссовали из-за ранения, и он тоже работал в колхозе. В 1946 г., мы всей семьёй, вернулись в г. Гомель, где я окончила среднюю школу.

После окончания десятилетки, в 1954 г. по комсомольской путёвке приехала на целину, в с. Джурун Джурунского р-на Актюбинской обл. Работала в основном прицепщицей. В 1955 г. окончила курсы трактористов-комбайнеров при Конжарском УМСХ. После чего уже работала трактористкой. В 1957 г. переехала в г. Экибастуз Павлодарской обл. и проживаю здесь до сегодняшнего дня. Работала в автобазе № 1 в качестве диспетчера. В 1976 г. переводом перешла работать в АТПО треста «Экибастузэнергострой». В 1978 г. работала старшим диспетчером в РСЖЭУ треста ЭЭС. В 1979 г. заочно окончила Гомельский автодорожный техникум, отделение «Эксплуатация автотранспорта». В 1978 г. вышла замуж за Чмырова Евгения Фёдоровича. В 1980 г. 26 ноября родилась дочь Елена.

Проработала я в РСЖЭУ до 1991 г., награждена медалью «Ветеран труда». В 1992 г. вышла на заслуженный отдых – на пенсию, но продолжала работать диспетчером штаба в СУ ГРЭС-2 и проработала до полной ликвидации предприятия (1997 г.).

^{1*} Ныне Оренбургской обл.

В 2007 г. за долголетний и добросовестный труд, в честь 50-летия города, награждена медалью.

Мой муж, Чмыров Евгений Фёдорович, умер 28 октября 2013 г. В настоящее время со мной проживает моя дочь.

В заключение, останавливаясь на кратких воспоминаниях наших героинь, добавлю от себя лично, что для этих женщин с нелёгкой биографией, Дом Дружбы в г. Экибастузе Павлодарской обл. стал вторым домом. Несмотря на свой возраст, они принимают активное участие в жизни еврейского общества «Бэяхад» и города; знакомятся с традициями, обычаями, культурой еврейского народа; принимают участие в воскресной школе; учат разговорную еврейскую речь. С удовольствием изучают традиции, обычаи, и культуру казахского народа. Мы все разные, но мы вместе.

Человечество не должно забывать трагедий прошлого для того, чтобы они не стали реалиями настоящего и будущего! Мы не имеем права забывать ужасы войны, чтобы они не повторились вновь. Мы не имеем права забывать тех солдат, отцов, дедов наших, прадедов, родных и близких, которые погибли ради того, чтобы мы сейчас жили. Мы помним и будем помнить обо всех, кто завоевал Великую Победу для нас и грядущих поколений.

Кокоулин В.Г.

Тема Холокоста в исторической памяти о войне в постсоветской России

На тему Холокоста написано огромное количество исследовательской литературы. Многие аспекты этого явления основательно изучены историками [1]. В частности, рассматривалась проблема Холокоста в массовом сознании [2], трансформация политики исторической памяти в контексте политических изменений в отдельных странах [3]. Однако тема Холокоста в исторической памяти постсоветской России пока остаётся неизученной. Причина достаточно очевидна – к этой теме политика исторической памяти обратилась лишь несколько лет назад.

В советской идеологии евреи растворялись в «мирном советском населении» – это была трансформация как жертв, так и врагов: сталинский режим полностью менял логику нацистов, настаивавших на примате «крови». Расовый вектор заменялся вектором политическим: людей, в соответствии с этой новой логикой, убивали за то, что они были советскими гражданами, поголовно сопротивлявшимися оккупационным властям. В результате этой подмены «мирное советское население», часть которого непосредственно участвовала в Холоко-

сте, само превращалось в главную жертву нацистов. Еврейская тема почти полностью табуировалась, а многочисленные случаи коллаборационизма редуцировались до незначительного числа «отщепенцев», которые эвфемистически назывались «полицаями» [4].

В период Перестройки и в постсоветской России к этой теме практически не обращались. Первый российский фильм «Рай», посвящённый теме Холокоста, появился в 2016 г. В анонсе фильма было заявлено, что он посвящается русским эмигрантам – участникам Французского Сопротивления, спасавшим в годы Второй Мировой войны еврейских детей. Однако в самом фильме тема Сопротивления совершенно не раскрыта – постоянно рассказывалось, что это Сопротивление где-то действует, доставляя проблемы фашистам и французам-коллаборационистам, но единственным представителем этого сопротивления была показана русская эмигрантка, которая спрятала двух еврейских детей. Зато немцы показаны с положительной стороны – это аристократы, которые любят русскую литературу, читают Чехова, слушают Стравинского и после стакана шнапса рассуждают о том, что Сталин – незаурядный человек. На их фоне узники концлагеря показаны зверьми, готовыми убить за тарелку похлёбки, и отправляющие вместо себя в газовые камеры детей и стариков. Фильм не был воспринят российскими зрителями, поскольку его автор показал лишь европейского обывателя с его проблемами. Вот что отмечал журналист Михаил Трофименков: «Как ни жестоко это звучит, но меньше всего Сопротивление занималось спасением евреев <...> Организации побегов полезных людей из лагерей, спасение сбитых английских лётчиков, диверсии, шпионаж, выпуск листовок и подпольных газет – это да. Сопротивление – это война. Но современное кино почему-то избегает жестокой сути Сопротивления, изображая его такой Армией Спасения. А тема Холокоста, сколь бы спекулятивно и неправдоподобно (в «Раю» эсесовцы охотятся на евреев в немецкой деревне 1942 г.) она ни эксплуатировалась, почему-то считается пропуском в рай фестивалей и призов» [5].

Два следующих фильма на тему Холокоста: «Свидетели» (2018) и «Собибор» (2018) российским массовым сознанием были восприняты в типично советском духе. Об этом свидетельствуют отзывы российских зрителей на эти фильмы, которые писали, что не следует акцентировать внимание только на то, что во время войны погибло 6 млн. евреев, потому что во время войны «погибло 20 млн. советских людей только потому, что они советские люди».

В этом же году на российские экраны выходит второй сезон сериала «По законам военного времени» (2018). Характерно, что поиски «агентов Абвера», «диверсантов» и «скрытых врагов» проходят на фоне еврейского квартала в Харькове, а также на рынке, где торгуют евреи и цыгане. Они в своих диалогах и затрагивают тему Холокоста, упоминая о том, что сделали с евреями в Киеве и что нацисты творят с цыганами. В финальной сцене показано как гитлеровцы с собаками выводят из дома двух пожилых евреев.

Кинофильмы и сериалы являются самым массовым идеологическим продуктом в постсоветской России. Однако они не являются единственным способом воздействия на массовое историческое сознание. Что касается школьного и студенческого возраста – то для формирования их исторического сознания предназначены учебники истории и научно-популярная литература, а также многочисленные Интернет-сайты и ресурсы военной тематики. Если обратиться к учебникам по истории, которые выпускались в постсоветской России в разные годы, то тема Холокоста там даже не упоминается. Весь смысл Великой Отечественной и Второй Мировой войн сводится к борьбе против фашистской Германии, а идеология нацизма – к уничтожению «неарийских» народов, в число которых включаются славянские народы, цыгане и евреи (но не во всех учебниках). На думающее среднее и старшее поколение россиян направлена публицистика и документальные фильмы. Символическое пространство также активно используется для формирования нужных представлений о прошедшей войне. Конструирование новых смыслов войны и деконструкция исторической памяти происходит в исторических музеях и музейных экспозициях, посвящённых войне. Причём, это происходит не только в современной России, но и в других странах, и порой принимает достаточно странные формы [6].

Следует отметить важную особенность политики исторической памяти в постсоветской России. Великая Отечественная война в этой политике явно и намеренно «отрывается» от Октябрьской революции. Если в фильмах раскрываются биографии героев, то всегда показывается, что они вышли «не из Октября», а из раскулачивания и репрессий 1930-х гг., из белых эмигрантов и любых других социальных и прочих групп, которые пострадали от сталинского режима. Этот феномен был обстоятельно проанализирован в работе О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова, которые показали, что в данном разрыве политика исторической памяти стремится стереть из массового сознания тот факт, что советские солдаты и многонациональный советский народ сражались за «новую жизнь,

путь к которой лишь открыла Октябрьская революция, которая в желаемых формах была так далека от осуществления и которую, тем не менее, советский народ увидел, почувствовал. Общество без эксплуатации человека человеком, общество фактического социального равенства и социальной справедливости» [7].

Интересно также и то, что в разного рода версиях Октябрьской революции, она трактуется в конспирологических идеологемах, в которых главную роль играют «лица еврейского происхождения» – Ленин, Троцкий, Свердлов и др.

Отрыв от будущего в политике исторической памяти в постсоветской России также очевиден. Военные действия отрываются от Победы в войне. Хотя герои большинства кинокартин периодически поднимают тосты «За Победу!», но связь военных и прочих действий во все не ведёт к Победе, а лишь к новым страданиям и поражениям. А в фильмах о послевоенной жизни также не показывается роль и значение Победы и восстановление разрушенного хозяйства, а опять же – расцвет бандитизма после войны, происки недобитых фашистов и фашистских пособников и «закручивание гаек» окрепшим после войны сталинским режимом.

Хотя в постсоветской России до настоящего времени существует «разрыв» между тем образом войны, который навязывает политика исторической памяти, и тем представлением о войне, которое имеется в массовом сознании, но этот «разрыв» постепенно сокращается. Связано это как с тем, что поколение, которое участвовало в этой войне, постепенно уходит. А новое поколение воспринимает Вторую Мировую и Великую Отечественную войны как событие «давней» истории, практически не имеющее отношение к современности.

В итоге тема Холокоста оказывается на периферии как политики исторической памяти, так и массового исторического сознания в постсоветской России.

1. Смотри, например: Cohen B. Bound to Remember – Bound to Remind. Holocaust Survivors and the Genesis of Holocaust Research // Als der Holocaust noch keinen Namen hatte. Zur frühen Aufarbeitung des NS-Massenmordes an Jüdinnen und Juden. – Wien, 2016. – P.290–300.
2. Смотри, например: Rothberg M., Trauma, Memory, Holocaust // Memory: A History. – Oxford, 2015. – P.280–290.
3. Смотри, например: Wilson H. The Re-Conceptualisation of Sobibor Memorial Site // War, Revolution and memory. Post-War Monuments in Post-Communist Europe. International Conference. – Zagreb, 2017.
4. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. – М., 2020. – Т.1. – С.192.
5. Трофименков М. Фальшь и туман // Коммерсант-Weekend. – 2017, 20 января. – № 1. – С.20.
6. Смотри, например: Ben-Ze'ev E., Lomsky-Feder E. Remaking generational memory: practices of decanonisation at historical museums // International Journal of Heritage Studies. – 2020. Apr. – P.1–15.
7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч. 2 // Дискурс-Пи. – 2016. – № 2(23). – С.8–17, 11.

О проекте создания «Музея эвакуации в Ташкенте»^{1*} [1]

XX в. предоставил народу Узбекистана замечательную возможность проявления и демонстрации своих лучших гуманитарных черт и свойств.

Когда на западных границах тогдашнего СССР разразилась война, в ходе которой под угрозой оказалось мирное население европейской части страны узбеки приютили у себя огромную волну беженцев, эвакуированных с Запада, народ поделился не только кровом, но и последним куском хлеба, обогрел и усыновил сирот, принял, вылечил и выходил тысячи раненых бойцов Красной армии, обеспечил прием и работу заводов, эвакуированных из оккупированных Беларуси, Украины и районов России.

Узбекистан спас в годы войны цвет интеллигенции Советского Союза, а лучшие сыны республики ушли воевать за свободу, независимость и само существование всей огромной страны.

Уникальный опыт Узбекистана по жизнеобеспечению, реабилитации и адаптации беженцев вообще и беженцев-евреев в частности не только вошел в золотой фонд человечества, но и, по нашему убеждению, является примером и предметом изучения, осмысления и подражания в лучшем смысле этого понятия.

При работе над маленькой повестью «Полихромные хроники...» [2] и заметками «Ташкент. Возвращение» [3], которые были опубликованы на Портале доктора Е. Берковича я, не мог обойти эту тему и отобразил её.

Многие европейские страны с удовлетворением зачеркнули бы, забыли бы те страницы своей истории, когда они в годы Второй мировой войны не только не смогли спасти своих граждан – евреев, но и по сути дела сотрудничали с нацистами в этом позорном, не достойном понятия «цивилизованное общество» процессе уничтожения целого народа.

Сказанное ни в коей мере не отрицает или ставит под сомнение подвиги отдельных героических людей, названного впоследствии явлением «Праведников народов мира», но если можно говорить о народе – Праведнике мира, то узбекский народ безусловно в числе первых, заслуживающих это звание.

Каждый обогретый теплом узбекского дома сохраняет в своей душе и памяти чувство благодарности к народу Узбекистана и поэтому не удивительно, что сын эвакуированных и спасенных в годы войны господин Вячеслав Шатохин, материал которого публикуется ниже, со своими единомышленниками предпринимают попытки исследования, систематизации сведений, сохранения свидетельских показаний, сохранения вещественных доказательств подвига массового спасения узбекским народом эвакуированных в годы Второй мировой войны.

Сам факт такого явления, такого проявления гуманизма целым народом по-своему уникален, свидетельствует о многом и безусловно является входным билетом в гуманитарный клуб свободного мира, что не менее важно, чем достижение успехов в экономике, промышленности и т. п.

Вячеслав Шатохин уроженец Ташкента, получивший юридическое образование в Ташкентском университете и в настоящее время проживающий в Нью-Йорке, считает, что в полной мере задача сохранения памяти об этом

^{1*} В порядке предложения и обсуждения.

подвиге, изучении накопленного опыта может быть реализована в создании и работе «Музея эвакуации» [4] (условное название) в Ташкенте. Марк Фукс, Израиль, Хайфа

О документальном фильме «Последнее лето детства» [5]

В конце 2017 г. в Нью-Йорке состоялась презентация документального фильма «Последнее лето детства». Фильм был создан мной и кинорежиссёром Наби Раззаковым по инициативе и на основе материалов, собранных мной и при моем непосредственном участии.

В апреле 2018 г. Наби Раззаков предпринял поездку в Узбекистан с тем чтобы уточнить некоторые моменты, вошедшие в фильм, и на основе этих новых данных перемонтировал его.

Фильм повествует о судьбах еврейских детей, эвакуированных из европейской части Советского Союза и спасенных узбекским народом в годы Второй мировой войны.

Фильм получил положительную оценку во многих странах, он демонстрировался в Узбекистане, в США, в Канаде, в Австралии, в Израиле, в Аргентине, в Германии и в Украине и согласно нашему плану и надеждам и во исполнение его, и стал одной из частей проекта, призванного сохранить память об уникальном явлении XX в., которое вошло в историческую память поколения Второй мировой войны под названием «эвакуация».

Второй частью этого проекта является готовящаяся к печати в Москве книга о спасении еврейских детей в Узбекистане в годы войны.

И наконец третья часть, заключающая проект, – создание «музея эвакуации» в Ташкенте.

Возвращаясь к фильму – исполненному первому этапу плана работы в этом направлении следует указать, что вклад Узбекистана в победу над нацизмом заключался не только в том, что тысячи узбеков ушедших на фронт, частью сложивших головы на полях сражений и вырвавших победу у врага, но и в том, что Узбекистан стал надежным тылом страны, приняв у себя эвакуированные заводы из европейской части СССР, тысячи эвакуированных женщин, стариков и детей. Тысячи сирот, детей войны получили в Узбекистане теплый приём, крышу над головой, стали членами узбекских семей.

Руководство Узбекистана рассматривало заботу о детях войны, патронаж над ними, как задачу соизмеримую с задачей производства оружия и обеспечения фронта всем необходимым.

Время неумолимо. Дети эвакуации, некогда обретшие тепло и кров, семью в Узбекистане, ставшие на ноги там, получившие образование, создавшие свои семьи, вырастившие своих детей и внуков, состоявшиеся в жизни в наши дни, стареют, уходят.

Вместе с ними может и уйти память – документ эпохи, свидетельство милосердия, широты души, самоотверженности и готовности жертвовать собой ради ближнего.

Со сбором материала, свидетельских показаний, с организацией Музея нельзя медлить. Большое видится на расстоянии.

Среди спасённых в ходе эвакуации в Республики Средней Азии были дети многих национальностей, причем национальная принадлежность интересовала узбекский народ в последнюю очередь. Дело делают конкретные люди, а конкретная узбекская семья видела перед прежде всего собой человека лишенного хлеба и крова, ребенка лишенного детства.

Как мы знаем особый интерес, в смысле уничтожения, для нацистов представляли евреи и поэтому неудивительно что в волне эвакуированных, бежавших от войны они составляли значительную часть.

Та часть проекта, которая к настоящему времени состоялась, документальный фильм «Последнее лето детства», потребовал подготовки в течение десяти лет. Это было сделано мной по велению сердца. В этом времени я собирал материал, искал героев будущего фильма, вел переписку, брал интервью, встречался уже с «детьми эвакуации», с их детьми и внуками. Я видел перед собой состоявшихся людей с удивительной памятью о детстве и о том добре, которое подарил им Узбекистан. Я видел в их глазах благодарность и любовь к своим спасителям.

Первые же шаги по созданию фильма поставили вопрос о финансировании проекта. До встречи режиссером фильма Наби Раззаковым вся финансовая составляющая готовящегося фильма лежала на моих плечах.

Наби-ака, так обращаются в Узбекистане к брату, включившись в работу над фильмом, взял часть расходов на себя. Фильм оценили в Узбекистане. Президент Узбекистана счел фильм значительным и весомым вкладом в укрепление дружбы между народами США и Узбекистана и в 2018 г. наградил режиссёра фильма Наби Раззакова орденом «Дустлик» – «Дружба».

Работа потребовала, как мы уже писали, поездки в Узбекистан, встречи с теми, кто спасал детей, теми, кто спасал будущее народа. Беседы были настолько захватывающими, что люди забывали о съемке и уже не сдерживали эмоций.

Интересно, что, когда мы брали интервью у спасённых здесь, в США оказалось, что годы не властны и многие, несмотря на возраст помнят стихи на узбекском языке и с удовлетворением вспоминают их.

Мы это сделали, мы создали фильм-документ [5], и он сейчас живет своей жизнью, свидетельствуя о человеческой памяти, чувстве благодарности, о гуманизме узбекского народа.

Несколько слов о готовящейся к печати книге

Мы – народ книги. Отношение к печатному слову – один из характерных показателей и характеристик еврейского народа. Поэтому совершенно естественным стал наш следующий шаг – написание и издание книги о величайшем гуманитарном подвиге узбекского народа в годы Второй мировой войны.

Мы понимали насколько во всех отношениях это сложная задача, но успех нашего фильма, его востребованность и актуальность вдохновляют нас.

Книга под условным названием «Спасённые души» готовится к печати в Москве. Предполагаемый объем издания – 400 стр., тираж 1500 экз.

Эта книга будет моей совместной работой с профессиональным историком, выпускником Московского историко-архивного института Леонидом Терушкиным. Книга базируется на воспоминаниях и свидетельствах детей войны. Нами отобрано около шестидесяти воспоминаний еврейских детей, эвакуированных в Узбекистан.

Предполагается, что книга будет снабжена документами, фотографиями и другим графическим материалом.

Вопрос финансирования издания, как обычно, является одним из основных, и я с удовлетворением могу сообщить, что одним из первых на наш призыв в оказании материальной помощи откликнулся господин Бурхон Расулов из Коканда, Республика Узбекистан. Это свидетельствует не только о высоком сознании и готовности жертвовать, но и понимании того насколько важен вопрос сохранения гуманитарного наследия собственного народа.

Музей эвакуации в Ташкенте

Венцом проекта по идее должно стать создание в Ташкенте «Музея эвакуации». Сама идея уже получила информационную поддержку во Франции, США, Израиле, Великобритании, Бельгии и что самое важное в данном случае – в Узбекистане.

Каким я вижу этот музей?

Выделяется одно из старых зданий в районе Центрального вокзала в Ташкенте, вокзала на который прибывали составы с эвакуированными, в районе, где располагались службы по приему детей, куда приходили простые узбеки из Старого города с просьбой дать им детей на воспитание.

Здание подвергается ремонту с учетом требований для строений, предназначенных для музеев. Одновременно с этим идет сбор материалов, документов, экспонатов. Поиск и сбор экспонатов проводится как в Узбекистане, так и за его пределами. На сей счет у нас есть четкое представление о том, как это сделать и где найти материал.

Предполагается что музей будет вести обширную работу по воспитанию молодежи, т. е. предусматривается сотрудничество с органами образования и воспитания детей и подростков, музей должен вести также исследовательскую работу, продолжать поиск материалов, участвовать в проведении конференций, издании научно-просветительских материалов по гуманитарной тематике. Естественно, что наш XXI в. с его информационными технологиями предоставляет нам возможность создания интерактивных экспозиций. В своей работе музей может и должен опираться на накопленный опыт музейного дела в Узбекистане, на опыт работы таких центров как «Яд ва шем» и музей «Лохамей а-Гетаот» в Израиле, на опыт мемориально-музейных комплексов в Польше, Венгрии, США и т. д.

Естественно, что без поддержки Правительства Республики Узбекистан, общественности Ташкента создание такого небольшого, компактного, но активного центра гуманитарного наследия узбекского народа невозможно.

Уверен, создав такой музей, активизировав в нем работу, выйдя на международный уровень, республика получит в свое распоряжение явление такого гуманитарного потенциала, который поможет ей в дальнейшем развитии во многих направлениях, в решении многих задач, стоящих перед Узбекистаном.

1. [Электронный ресурс] Народ–Праведник. О проекте создания «Музея эвакуации в Ташкенте». URL: https://nuz.uz/intervyu/39507-vyacheslav-shatohin-esli-by-prisvaivali-zvanie-pravednik-mira-strane-ego-dolzhen-by-by-l-poluchit-uzbekistan.html?fbclid=IwAR3sr2ectTbH3a9NTxqX0v954__3mfknn6i09FMztcwX0tgiPjUeEkZ7PQY; https://youtu.be/ZqcUrS5BEVY; [Электронный ресурс] Urush davrida yahudiylarga quchoq ochgan O'zbekiston haqida film. URL: <https://blogs.voanews.com/uzbek/inter-gap/2018/02/28/urush-davrida-yahudiylarga-quchoq-ochgan-ozbekiston-haqida-film/>; Президента Узбекистана просят помочь в создании музея эвакуации. URL: <http://www.asiaterra.info/news/prezidenta-uzbekistana-prosyat-pomoch-v-sozdanii-muzeya-evakuatsii>; [Электронный ресурс] Вячеслав Шатохин: «Узбекистан достоин звания «Праведник мира». URL: <https://nuz.uz/intervyu/39507-vyacheslav-shatohin-esli-by-prisvaivali-zvanie-pravednik-mira-strane-ego-dolzhen-by-by-l-poluchit-uzbekistan.html>; [Электронный ресурс] Предложение создать в Ташкенте «Музей эвакуации». URL: http://www.kultura.uz/view_2_r_13041.html (дата обращения 28.07.2020).
2. [Электронный ресурс] М. Фукс: Полихромные хроники серых времён (Случайные совпадения). URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=25344> (дата обращения 28.07.2020).
3. [Электронный ресурс] М. Фукс: Ташкент. Возвращение – 2013. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=7835> (дата обращения 28.07.2020).
4. [Электронный ресурс] Пресс-служба Управления мусульман Узбекистана Вячеслав Шатохин выступил с инициативой по созданию музея эвакуации в Ташкенте. URL: <http://muslim.uz/index.php/rus/novosti-2018/item/13570-vyacheslav-shatohin-vystupil-s-initsiativoj-ro-sozdaniyu-muzeya-evakuatsii-v-tashkente> (дата обращения 28.07.2020).
5. [Электронный ресурс] Последнее лето детства – YouTube. URL: <https://youtu.be/I-yxYtvmBJI> (дата обращения 28.07.2020).

Левинтов Мордехай, г. Витебск, 1918 г.

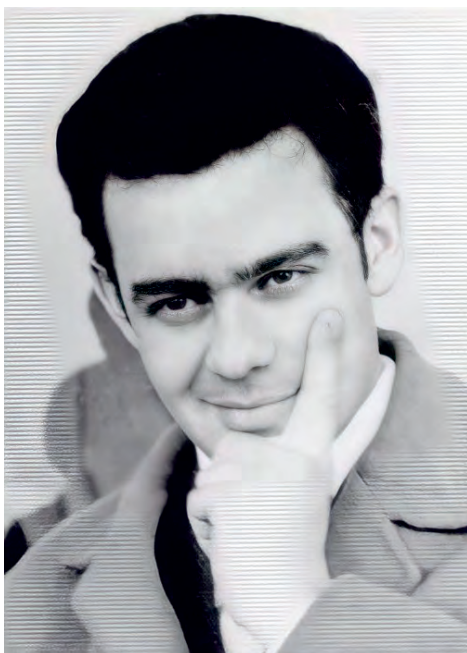

Левинтова Раиса, г. Витебск, 1922 г.

Сидят: Левинтов Л., Семен (сын),
Рая (жена), семья Острун: Залман, Дифа
(дочь), Мина (родная сестра Левинтова Л.);
стоят: Мара, Бася, Гита (родные сестры
Левинтова Л.), г. Москва, 1932 г

Левинтов Борис Львович,
г. Алма-Ата, 1965 г. ►

*К сообщению Слудской Н.В. «Борис Львович Левинтов – ученый из Казахстана»
Фото из семейного архива Левинтовых*

Каштелюк Хайка Абрамовна
и Хаим Моисеевич,
с. Новые Веледники (Украина), 1930-е гг.

Хинич Евгений Ефимович (стоит),
Чехословакия, 1945 г.

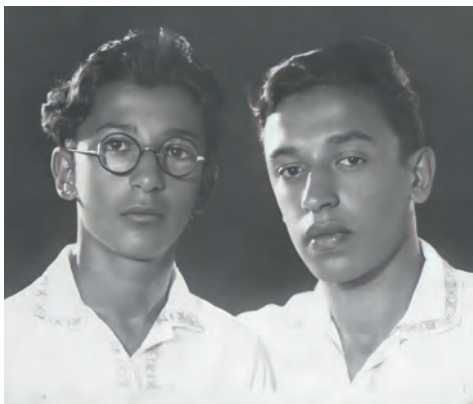

Клионская (Хинич) Малка Хаимовна,
г. Усть-Каменогорск, 1950-е гг

Клионский Соломон Израилевич,
г. Усть-Каменогорск, 1950-е гг.

К сообщению Каштелюк Ю.И. «Сердечная память». Личный архив автора

Братья Юрий и Александр Фрадлины,
[г. Ленинград], конец 1930-х гг.

Фрадлин М.Г. (первый слева) с коллегами.
Надпись на обороте: «14 парт. конф. М.Г.Б.М.
подпись: А. Баруя [...]»,
[г. Москва], конец 1930-х гг.

Выпускник военного училища Фрадлин А.
Надпись на обороте: «Моим дорогим брату
и маме. 1941 г.», [г. Ленинград], июнь 1941 г

Кошелева (Колонская) З.Р. Надпись на обороте
Фрагмент «Мать» из серии портретов
в интерьере будущего кинооператора
В. Кошелева, г. Киев, середина 1970-х гг.
Автор съемки В. Кошелев

*К сообщению Калачевой Д.Н. «Плетенье судеб: житейские зарисовки советской эпохи»,
Личный архив автора*

Бенцион Коган на рабочем месте в нотном отделе Книжного магазина на пересечении ул. Панфилова и Комсомольской (ныне ул. Толе би), г. Алма-Ата, 1950-е гг.

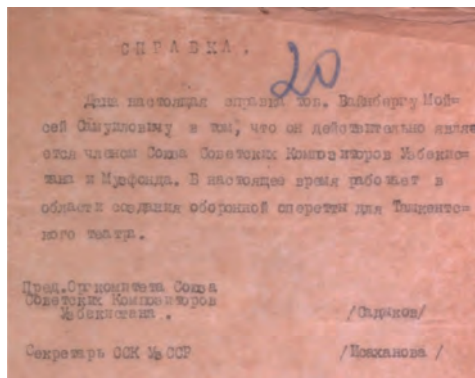

Братья Семен и Иосиф Коганы и сестра Ева, г. Кишинев, 1938 г

После концерта в N-ской части.
За роялем народный артист КазССР Семен Коган.
Стоят заслуженный артист КазССР Иосиф Коган,
народная артистка КазССР и СССР Бибигуль Тулегенова. 1970-е гг.

К сообщению Шалковой Е.И., Бычкова Е.А. «Семья Коган. Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана». Личный архив авторов

Государственный исторический архив Узбекистана, г. Ташкент.
URL: <https://mytashkent.uz/2019/03/11/mweinberg/>

Портрет Мечислава Вайнберга.
URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Могила композитора, [2008 г.] Домодедовское кладбище под Москвой,
URL: <http://bozaboza.ru/people/vajnberg-mechislav-moisej-samuilovich-1919-1996/>

*К сообщению Медведевой-Нату О.Р. «Личный Холокост Мечислава Вайнберга»,
электронные ресурсы, дата обращения 03.10.2020*

Панорама рудника Ачисай. Рабочий поселок. 1947 г. РГАЭ. Ф.9022. Оп.4С. Д.100. Л.68.

Великий Михайлович 38/2
 Обращаюсь к вам с просьбой. Задумав
 ехать мне домой здесь, как вы знаете,
 в поезд. Я пишу, Великий Михай-
 левич, пожалуйста не помню. Я
 самовольно из здания рудника,
 где пишу в это время в Улан-Удэ,
 выполняю путь не с чем и нечем.
 Нет возможности, нет, хлеба, нет одежды
 и негде купить, у кого можно,
 со мной только и будуей братки.
 Я на работу уже не пойду.
 Я-я, была лишена всего (суден
 деп в тюрьме - в тюрьме).
 Я переводчица - переводчица
 ее же не считая (суден) через
 себя. Здесь где-то нужно сделать
 в свет. Я с большим трудом про-
 тола погасившая здесь работаю
 переводчицу, которая работает в
 Улан-Удэ. Она писала, работая
 здесь будет с вами, - она не могу

Туркестанская узкоколейная железная дорога. Из паспорта Ачисайского рудника, 1947 г. РГАЭ. Ф.9022. Оп.4С. Д.100. Л.68.

Я мужику, который здесь
 думаю ездить на Верный
 но что-то, не много-то одес-
 тельно. - Подпишьте и не много
 денег, слухом или хвостом
 переводите, Василий Михайлович
 переводите. - здесь не
 ездить,
 18/12-41. Зыбина.

Письмо Зыбиной о быте эвакуированных в ауле Урангай Туркестанского р-на. 12 июля 1941 г. Кентауский региональный госархив. Ф.35. Оп.1. Св.1. Д.19. Л.42.

К сообщению Мырзатаевой З.Б. «Темір жол транспорты жэне оның қызметі: эвакуация. (Түркістан ауданы материалдары негізінде. 1941 ж.)»

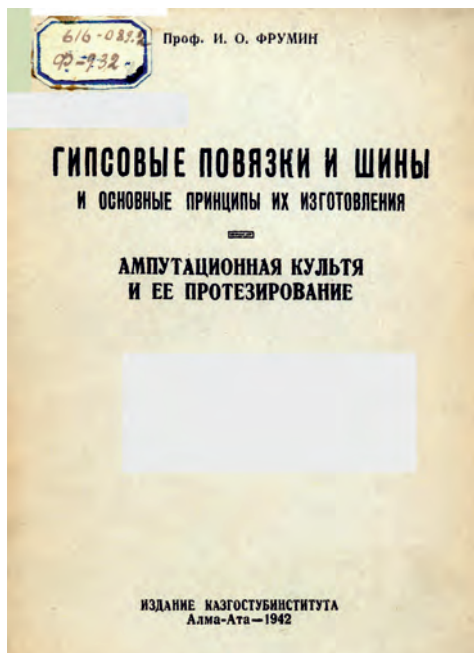

Ландсман Абрам
URL: <https://www.geni.com/people/>

Нисенбойм Юлий Земович
URL: <https://mytashkent.uz/2012/01/30/yuliy-zemyich-nisenboym-poslednee-foto/>

К сообщению Ахметовой Л.С. «Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии», электронные ресурсы, дата обращения 03.10.2020

Осмотр раненого Фруминым И.О., г. Алма-Ата, 1945 г. Кадр из документального журнала «Советский Казахстан» № 8. ЦГА КФДЗ РК. № 635.

◀ Из фонда Национальной библиотеки Республики Казахстан, г. Алматы

К сообщению Байкаш Ж.Т. «Казахстанский период деятельности врача Фрумина И.О.»

Группа офицеров-преподавателей Бакурианской школы.

Второй слева в верхнем ряду Кельс Л.П.
 URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5196

Кельс Л.П. после демобилизации из Вооруженных сил СССР
 URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/kels-leonid-izrail-pavlovich>
<http://www.alpklubspb.ru/persona/kels.htm>

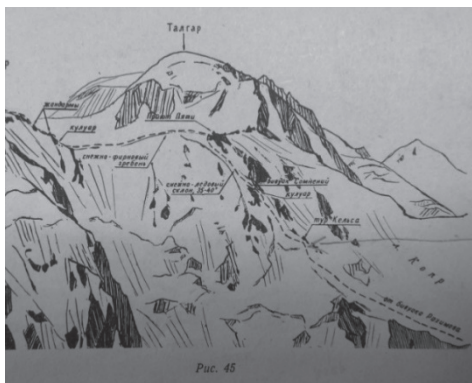
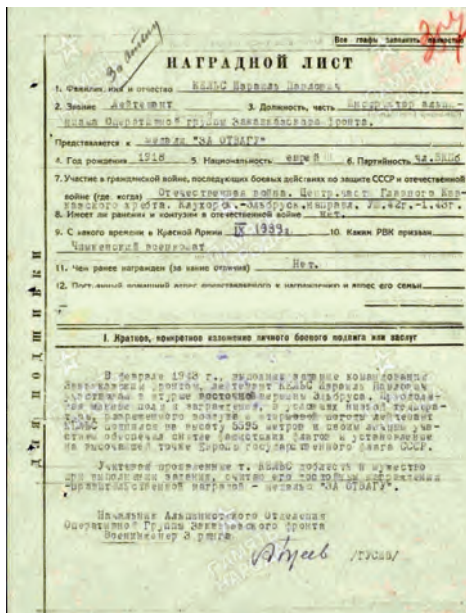

Рис. 45

Рисунок маршрута первопрохождения на вершину Копр (Зайлийский Алагау) с туром Кельса Л.П.

URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie11712441

К сообщению Вуколова В.Н. «Военный альпинист и педагог»,
 электронные ресурсы, дата обращения 03.10.2020

Семья секретаря ЦК КП (б) Казахстана
Ж. Шаяхметова. Сидят: Шаяхметов Жумабай,
Алма, Владимир, Майнур Галиевна.
Стоят: Равиль, Ноэль, г. Алма-Ата,
проспект Сталина, 105, декабрь 1943

Майнур Галиевна Шаяхметова
с приемным сыном Владимиром
и дочерью Алмой.
г. Алма-Ата, 7 ноября 1947 г.

*К сообщению Шаяхметова Р.Р. «У нас дома во время войны»
Личный архив автора*

Қазақстандағы балалар үйінің тәрбиеленушілері 1945-ж.

Қазақстан КП (б) ОК мектеп бөлімдері меңгерушісінің орынбасары Д. Костенконың Қазақстан КП (б) ОК хатшысы Ж. Шаяхметовке соғыс жылдарында халық ағарту комитетінің мектеп және басқа мекемелердің атқарылған жұмыстары туралы хатынан
5 маусым 1945 ж.

Детские дома в Казахстане.

После войны СССР разместила 149 эвакуированных в домах с комплектом вещей 19,0 тысяч в 16 интернатных московских учреждениях с комплектами 19,0 детей. Кроме того, на время войны устроено в городах 92,154 эвакуированных детей, оставшихся без родителей, за этот же период трудоустроено свыше 14,0 тысяч детей.

В 700 детских домах содержится 42,609 детей, матери которых погибли на фронтной войне.

ҚР ПА. 708-қ. 9-т. 114-іс. 44-п.

ҚР ОМА КФДЖ. Позитивтер мен түпнұсқа.

К сообщению Алексеенко М.А. «Об эвакуированных в Кустанайскую обл. детских домах, положении воспитанников детских домов и розыске детей»

Дом семьи Неруш, построенный в 1944 г.,
пос. Кировский Алматинская обл., 2000 г.

Неруш Павел Павлович

Записи из проекта

Дорога Памяти

Дата рождения 17.01.1917

Место рождения с. Дмитровка Северо-Казахстанской обл.

Место призыва п. Кировский Талды-Курганская область

Дата призыва 1941

Воинское звание рядовой

Место службы на фронте под Москвой

История Неруш Павел Павлович, призван в 1941 году, ранен в 1942, остальное время периода войны работал на сахарном заводе п. Кировский Талды-Курганской (Алматинской области), инвалид 2 группы. Об участии в боях под Халхин-Голом семья знает мало. Был ранен самуравским штыком, лежал в госпитале..., потом призван был на фронт, Армейская книжка и комсомольский билет были переданы в музей 28-ми диванцев в г. Алматы.

Дата смерти 17.04.1981

Страница героя на проекте:

[Галерея Дорога памяти](#)

Делегаты сахарного завода им. С.М. Кирова районной партийной конференции,
пос. Кировский Алма-Атинская обл., 1968 г.

*К сообщению Калашиковой Н.П. «Эвакуация в годы войны:
устные истории и новые имена». Личный архив автора.*

Юрий Самуилович Шнейдерман.
Персональная выставка в Союзе художников РК,
г. Алматы, ноябрь 2006 г.

«Партизанскими тропами», 50x36

«На проселочной дороге. 41-й год», 50x36.

«...Мы теряли друзей боевых...», 41x41.

*К сообщению Брусиловской Е.Ф. Солнечный художник,
или жизнь и судьба Юрия Шнейдермана.
Картины Шнейдермана Ю.С. публикуются по альбому «Моя страна АкварелиЯ» –
Алматы: Принт Экспресс, 2017 – 72 с.*

Страхов А. Талгар. Морозно. 1943 г.

Бланк Б. Строительство ГЭС. 1943 г.

Шавыкин Д. Пленение генералов в Сталинграде. 1943 г.

К сообщению Сырлыбаевой Г.Н. «Преподаватели и выпускники Харьковского художественного института. Эвакуация. Алма-Ата. 1941–1944». Фото картин из личного архива автора.

 Кав. ССР
 Народный Комиссариат Просвещения

ПЕРЕВОДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Фертель Мария (фамилия и имя) образован
 1944 | 1945 (год(ы) обучения) в **девятиклассной (9)** школе
 средней ступени в **г. Ленинградском** районе
Рост. Кадатов. ст. (улицы, дома)
 (район) (область)
 в период с **1944** по **1945** класс при **степеновой** школе

по русскому языку	4/5лет	по химии	5/5лет
по литературе	4/5лет	по конституции СССР	5/5лет
по арифметике	—	по иностр. языку	5/5лет
по алгебре	4/5лет	по рисованию	—
по геометрии	5/5лет	по немецк.	—
по естественным	5/5лет	по черчению	3/5лет
по истории	5/5лет	по физическ. культуре	4/5лет
по географии	4/5лет	по классической музыке	3/5лет
по трудовым	4/5лет	по начальной военной подготовке	4/5лет

№ **37** от **17 июля** 1945 г.
 Директор школы **Крючков**
 Учителя: **Кудель**

Ленинградский районный комитет народного просвещения
 Ленинград, ул. Мухоморова, 10
 17 июля 1945 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. ФЕРТЕЛЬ Мария Александровна, 1914 года рождения, по нынешнему адресу, член ВЛКСМ с 1933 года. В августе Ленинградского Государства работала в больнице 1941 года и в это время эпидемиологической больницы в местностях такти Госздрав.

За время своей работы тов. ФЕРТЕЛЬ проявила себя, как честная и преданная работница, как медсестра она безукоризненно выполняет свои обязанности, работает над повышением своего профессионального уровня. За хорошую работу имеет много благодарностей от Госздрав. В настоящее время работает в должности старшей медсестры в госпитале.

Тов. Фертель отличается активным участием в общественной работе, является заведующей антиколлективной и пропагандисткой.

Зав. Госздравом **А.С.Ф.** (подпись)
 Секретарь инст. спец. Госздравом **С.И.С.** (подпись)
 Председатель Р. **С.И.С.** (подпись)
 "Центру" **С.И.С.** (подпись)

25 июля 1946 г.

Производственная характеристика на медсестру инфекционной больницы, сотрудника горздрава Фертель М.А., г. Ленингородк ВКО, 25 июля 1946 г.

Переводное свидетельство, г. Ленингородк ВКО, 17 июля 1945 г.

Встреча с народным артистом СССР Крючковым Н.А. (в центре), директор Дома культуры Полиметаллического комбината Фертель М.А., г. Ленингородк ВКО, 2 сентября 1968 г.

К сообщению Крутовой Н.В. «Мария Фертель. Судьба в эвакуации». Личный архив Фертель М.

Гирш Л.Ю., г. Алматы, 7 мая 2020 г. Автор съемки Конуспаев К.

Абрамович Б.С. с супругой Васильковой Е.И., г. Алматы, май 2000-е гг.

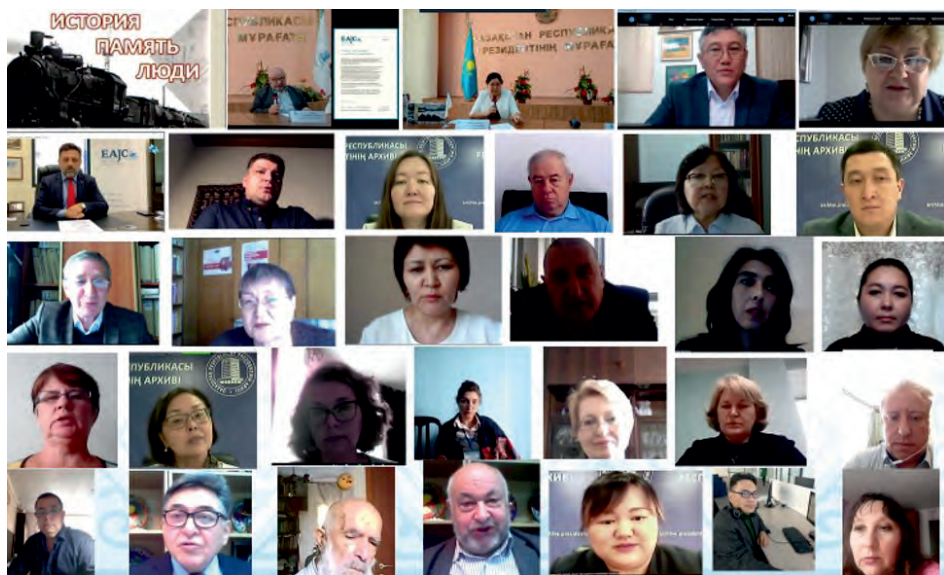
Чествование ветеранов в Ассоциации Еврейских национальных организаций Республики Казахстан «Мицва», г. Алматы, май 1997 г.

Презентация сборника документов АП РК «Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг.» Кабульдинов З.Е., директор Института им. Ч.Ч. Валиханова Комитета Науки МОН РК, Абдукадырова Д.Ю., директор АП РК; Алдажуманов К.С., главный научный сотрудник Института им. Ч.Ч. Валиханова, 23 сентября 2020 г. АП РК.

Организаторы Международной научно-практической конференции. 22 сентября 2020 г., АП РК

Участники онлайн Международной научно-практической конференции. г. Алматы, 23 сентября 2020 г.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Нисенбойм Г.Ю.

Об издании книг

«Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии»

Вместо предисловия: народная память

Всегда интересно послушать очевидца смены эпох, тем более, если это образованный человек, профессионал своего дела, специалист самой гуманной на земле профессии – врач.

Итак, вторая половина XX в. Между двумя собеседниками, возрастом из разных поколений страны «победившего социализма», размышления старшего вперемежку с воспоминаниями касались межнациональных отношений.

А разговор на эту тему возник после того, как молодой собеседник рассказал о грязном событии, случившемся с его отцом, инвалидом Великой Отечественной войны – орденоносцем, заслуженным человеком в системе образования республики, в Ташкенте, которого однажды уговорили возглавить другую школу.

Вступив в должность директора, он начал готовить школу к новому учебному году. Как вдруг разгорелась война между Израилем и арабскими странами, известная как Шестидневная. Спустя пару дней после сообщения об этом в СМИ, его на «всякий случай» сняли с должности. Конечно же, он, как человек чести, не оставил этот вопрос без ответа и добился, чтобы перед ним извинились. Однако, когда дело уладилось, отказался вновь принять должность, которой его лишили по антисемитским мотивам.

В то же время граждане многонациональной советской страны поразному восприняли Шестидневную войну, и в глазах многих Израиль и евреи серьёзно поднялись. А у некоторых, в т. ч. и антисемитски настроенных людей, вызвали даже восхищение победой в неравной войне с врагом, за спиной которого стоял грозный союзник – СССР. Однако заметная часть мусульманского населения страны резко и откровенно ухудшила свое отношение к евреям на почве религиозной солидарности. И как следствие, малозаметный до тех пор градус антисемитизма в республиках Средней Азии, зашкаливая, подскочил вверх, особенно в среде молодых людей – будущего своего народа. Об этом с печалью в голосе и рассуждал пожилой узбек, полковник Советской армии, последние 15 лет перед выходом на пенсию прослуживший в московском госпитале им. Бурденко.

Этот человек вспоминал, как в царские времена до прихода большевиков, когда он был еще ребенком, военные русского гарнизона в г. Ташкенте могли по пьяни запросто стрелкнуть из пушек в сторону жилых районов старого города, населенного мусульманами. Просто так, от скуки. Подобные деяния вызывали справедливый гнев и ненависть местного населения к оккупационному царскому режиму и, соответственно, к русским людям.

Кроме русских пришлыми в Ташкенте были большие общины немцев и ашкеназских евреев. Отношения с населением у этих общин были диаметрально противоположными.

Немцы обслуживали своими институтами местных баев – богачей и элиту русской общины. Евреи же, их мастера, учителя, юристы, медики и собственники, содержавшие аптеки, родильные дома, больницы, школы, обслуживали бедноту. Поэтому из всех чужестранцев местный народ не просто доверял евреям, но и глубоко почитал их за профессиональную деятельность в самой гуще узбекского народа. Понятие «антисемитизм» здесь просто не существовало.

Вспоминая об этом, старый узбек, интеллигентный человек, повидавший жизнь, печалился, что бациллы антисемитизма на почве мусульманской солидарности проникли и в его народ [1].

О Центре ЕРЗИ

Евреи, евреи, кругом одни евреи!

В. Высоцкий

Созданный док. М. Пархомовским Научно-исследовательский центр, с его уходом из жизни 20 сентября 2015 г., не прекратил свою деятельность благодаря гендиректору док. Юлии Систер, а был лишь переименован и известен сегодня под названием «Евреи России в Зарубежье и Израиле» им. Пархомовского (НИЦ ЕРЗИ).

НИЦ ЕРЗИ собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности в различных странах мира ашкеназских евреев – выходцев из России и СССР, после эмиграции, и о их роли в возрождении Государства Израиль. А таких ни много ни мало, а миллионы. Миллионы евреев за последние два минувших века, которые рассыпались по всему миру. Эти люди внесли существенный вклад в сохранение русской культуры за рубежом и строительство современной западной цивилизации.

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о Русском Зарубежье.

Нашими авторами и редакторами книг являются – историки, литературоведы, писатели, искусствоведы, культурологи, журналисты,

музыковеды, мемуаристы из Израиля, многих стран Европы, Америки, Австралии и Центральной Азии. К тому же некоторые из них имели опыт работы в Краткой еврейской энциклопедии.

Первая серия из пяти томов «Евреи в культуре Русского Зарубежья» была издана в 1992–1996 гг. Все книги представляют собой сборники статей, публикаций мемуаров и эссе. В них авторы разных стран рассказывают о роли российских евреев в литературе и искусстве, издательской деятельности и радиовещании, благотворительности.

К 2020 г. издано более 40 книг, 24 из которых представляют собой тематический пронумерованный многотомник. В основном это сборники о жизни и деятельности бывших российских евреев в Великобритании (т.7), Франции (тт.8 и 9), Палестине/Израиле (тт.11, 14, 17, 19). Эта серия выходила под общим названием «Идемте же отстроим стены Иерусалаима»), в Германии и Австрии (т.16), «Русские евреи в Польше». 6 книг в рамках многотомника посвящено русским евреям в Америке (тт.12, 15, 18, 20–22).

Отдельные книги, суммирующие собранную информацию, издавались без указания номера, и среди них «Русско-еврейская диаспора» (Иерусалим, 2012, – 288 с.), «Евреи России в Зарубежье: Очерки истории» (2008, – 655 с.), «Израиль: русские корни» (2011, – 664 с.) и др.

Об издании двухтомника «Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии»

Ашкеназские евреи кардинально повлияли на развитие народов Западного Туркестана («Страна тюрков», каз. Түркістан), вложив свой талант как в становление этих бывших Российских колоний, так и в сохранение в этих краях русской культуры и культуры языка идиш. Поэтому совершенно естественно, что после издания Центром ЕРЗИ 22 томов, осветивших судьбы российских евреев в странах Европы и Америке, вектор НИЦ сменился с западного направления, на восточное [2]. Очередная работа по сбору материалов о евреях, внесших свой вклад в развитие общества стран, ранее входивших в состав Российской империи, затем бывших союзными республиками в СССР, а позднее ставших самостоятельными государствами, вылилась в две книги [3, 4]. Эти объемные книги (более сотни фотографий и 800 стр. текста) были созданы усилиями трех редакторов – Йоси Бирнбаума (зам. гендиректора Центра), Лены Драгицкой и автора этих строк. Под руководством гендиректора Центра Юлии Систер, в мае 2020 из Иерусалимской типографии вышли очередные два тома 23 и 24 – под общим названием: «Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии».

Том 23 (книга 1) содержит один раздел – «История» (11 авторов) [3], в то время как Т.24 (книга 2) состоит из двух частей: «Наука и образование» и «Литература и искусство» (15 авторов) [4]. В основном каждый автор преподносит историю одной персоны, в то время как проф. С. Гитлин разворачивает картину евреев Узбекистана с десятками ярких личностей, а журналист А. Баршай дает углубленный обзор не меньшего масштаба о евреях Киргизии. Вместе эти две работы занимают половину 23-го тома. Издание предназначено для широкого круга читателей.

Пионеры еврейской истории в Центральной Азии

Герои наших книг попали в Азию в XIX–XX вв., следуя личным профессиональным интересам или служебной необходимостью, спасаясь от погромов, насильственным перемещением для отбывания срока в лагере или ссылки на поселение, в процессе эвакуации во время Великой Отечественной войны. Независимо от этих причин очень многие из них успешно занимались научно-просветительской деятельностью в среде местных жителей и зачастую стояли у истоков формирования не только национальных научных школ в краях, куда забросила их судьба, но и являлись лидерами в создании там новых отраслей народного хозяйства.

Первые еврейские общины в Туркестане насчитывали 200–300 человек, появившихся здесь во второй половине XIX в., преимущественно в составе русской оккупационной армии – рядовых, унтер-офицеров, военных фельдшеров, а также небольшого числа ремесленников, купцов и беженцев. В частности, в Казахстане – после возникновения (1856) российской колониальной крепости Верный^{1*}. По разным оценкам, к концу века здесь жили уже от 100 до 300 евреев, торговцев и ремесленников и была одна синагога. Позже их количество выросло. Схожая картина была и в Узбекистане, как это описывает историк проф. Семен Гитлин (1929–2019), – общая численность еврейского населения Ташкента в те времена достигла 200 человек [3].

Закон разрешал селиться в Туркестанском крае далеко не всем желающим, а только имеющим профессию – ремесленникам, купцам, военным. Это были скромные труженики, нисколько не похожие на искателей приключений. Некоторые из тех, кто участвовал в присоединении Средней Азии, остались на этой территории.

До прихода россиян, конечно, были единичные случаи проникновения евреев в Туркестан. Так, в 1832 г. Бухару посетил миссионер и

^{1*} Первое название Алматы

путешественник выкрест Иосиф Вольф (1795–1862). Ему не удалось узнать, живут ли в Средней Азии потомки легендарных 12 колен Израиля, но зато он оставил записки, в которых уделил некоторое внимание евреям Бухары. Спустя три десятилетия в Средней Азии побывал востоковед и писатель венгерский еврей Арминий Вамбери (Герман Бамбергер) (1832–1913).

Этнограф Исаак Симхович Лурье (1874–1938), поселился в Самарканде, где вел научно-просветительскую деятельность среди бухарских евреев. Он участвовал в экспедициях по изучению туземцев-евреев Туркестана и Бухары. В годы Гражданской войны деятельность Лурье начали подавлять, а в 1938 г. он был арестован и погиб. Кроме упомянутых, десятки имен поселенцев приводит в своих очерках проф. С. Гитлин.

Наш Центр принимал участие во введении в научный оборот Михаила Владимировича Грулева (1857–1943), яркую личность, который, несмотря на то, что родился в еврейской семье, впоследствии, будучи боевым офицером, стал генерал-лейтенантом, членом генерального штаба. В 1909 г. он занимал должность военного министра и ездил с докладами к Николаю II. Об этом своего рода уникаме мы узнаем от проф. А. Черняка (1921–2015) в его очерке, помещенном в 23 томе.

Научно-литературная деятельность М. Грулева началась в Ташкенте с большой статьи в газете «Голос» о военной политике России, где ее поместили как передовицу. Некоторые аспекты этой работы он развил в своих статьях по среднеазиатским проблемам, позже переведенных на немецкий и английский языки. Генштабист М. Грулев четырежды исколесил Сибирь на лошадях и два раза по железной дороге, пробирался по тайге Забайкалья, Приамурья, по побережью Тихого океана, по вершинам Памира и Кашгарских гор, по закаспийским и туркменским пустыням, по трупам Кавказа. Довелось Грулеву побывать в Индии, Китае, Японии, Египте, Аравии, странах Америки, почти во всех государствах Европы. Во главе экспедиции он исследовал Маньчжурию. Указал место для строительства Харбина. Все это нашло отражение в его многочисленных научных трудах. М. Грулев стал главным редактором газеты «Туркестанские ведомости», поднимая ее на международный уровень; он редактировал «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества» и «Туркестанский литературный сборник».

Евреи Центральной Азии послереволюционной России

После революции еврейское население уже исчислялось тысячами, но тем не менее не превышало 0,2% от всего населения региона, и резко возросло в период Великой Отечественной войны. Максимальное же число европейских евреев, живших уже в советском Узбекистане, составляло, по мнению проф. Гитлина, свыше 200 тыс. человек [3].

Среди героев очерков, представленных в наших книгах, живших в Казахстане, мы обнаруживаем такие имена, как Лев Троцкий, сосланный своими же партийцами по указанию Сталина в Алма-Ату отбывать ссылку; доктор Абрам Кауфман, появившийся в этих краях в составе армии Колчака, (Акмолинск), а при советской власти оказавшийся в ссылке под Карагандой; сионистский деятель Б.Л. Гурвич, отбывавший срок в кустанайской тюрьме, которого помогла освободить Екатерина Павловна Пешкова (бывшая жена М. Горького); Цви-Герш (Григорий Израилевич) Прейгерзон (1900–1969) – писатель, известный ученый в области обогащения угля, автор основополагающих монографий, учебников и изобретений по этой специальности, доцент Московского горного института. Свои литературные произведения писал на иврите. Главным для себя считал литературное творчество. Поскольку при советской власти иврит в СССР был под запретом, он писал свои произведения тайно, по ночам, в течение всей жизни. Во время войны получил направление в Караганду на работу в качестве главного инженера крупной углеобогатительной фабрики. Второй раз он очутился в Караганде в 1949-м не по доброй воле, а в качестве осужденного заключенного.

О Евгении Исааковиче Ривлине, определившем становление современной методики обучения русской словесности в казахской школе поведали казахстанские ученые Халима Бекмухамедова и Галина Гуревич. По их мнению, Е.И. Ривлин и воспитанные им методисты, защитившие под его руководством кандидатские диссертации по проблемам преподавания русской литературы и русского языка в 50–70-е гг. прошлого века, определяли содержание и направление русской лингводидактики в Казахстане. Евгений Исаакович прожил и проработал в Казахстане 45 лет. Действительный член Академии наук Белоруссии, заместитель наркома просвещения Белорусской ССР, он был сослан в Казахстан в 1930-е гг. Здесь он обрел семейное счастье, стал отцом двух сыновей. Здесь остался и после реабилитации. Умер на 77-м году жизни в мае 1978 г. Похоронен в Алматы.

В Караганде жил еще один персонаж нашего издания – доктор Вильдерман, который осел и обосновался там, потому что не мог найти достойную работу в родных краях. Альберт Моисеевич Вильдерман, будучи профессором, известным в СССР фтизиатром, репатрировался в Израиль в 1992 г. в семидесятилетнем возрасте и почти 20 следующих лет посвятил свои таланты еврейской стране.

О его успешной деятельности ученого и врача в Караганде поведал В. Шапиро. В книге 2 док. Адела Розенштрах в подробностях знакомит читателя с творчеством Мориса Симашко, лауреата президентской премии мира и духовного согласия, лауреата государственной премии им. Абая, Вице-президента Казахского ПЕН-клуба, члена русского ПЕН-клуба в Москве и бывшего номинантом на Нобелевскую премию.

Борис Хайкин во второй книге (т.24) рассказал о еще одном «казахском пленнике» – Юрии Домбровском, который начал по милости НКВД хождение по мукам в Алма-Ате. По своему характеру и призванию Домбровский был просветителем, потребностью которого было делиться своими знаниями с окружающими. Как искусствовед, критик, переводчик, педагог увлеченно участвовал в становлении и развитии казахской литературы и казахского искусства.

Писатель Домбровский провел в разных лагерях в общей сложности 23 года (обвинение – антисоветская пропаганда). Такого продолжительного срока заключения не было ни у одного из литераторов. Ю. Домбровский прошел через все, ничего не признав и ничего не подписав. После освобождения (1955 г.) вернулся в Алма-Ату, а после реабилитации – в Москву. Связи Домбровского с Казахстаном не прерывались и позднее, периодически он приезжал в Алма-Ату, публиковал статьи в журнале «Дружба народов».

Людмила Енисеева-Варшавская прислала нам «Этюд памяти», в котором рассказала о своем отце Льве Игнатьевиче Варшавском, видном деятеле искусств, педагоге, делившемся своими знаниями в сценарной мастерской киностудии «Казахфильм». Этот разносторонний человек очень помог в свое время скульптору Исааку Яковлевичу Иткинду, который до последней минуты был благодарен ему за это, и лицо его всякий раз еще больше добрело при упоминании имени «этого хорошего человека – тов. Варшавского».

Невозможно, конечно, не упомянуть о судьбе ещё одного еврейского гения, нашедшего приют в Казахстане. Скульптор И.Я. Иткинд был сослан в захудалый поселок, где ужасно бедствовал. Председа-

тель Акмолинского горисполкома Ашимбек Бектасов – сумел вывезти умирающего старца в Алма-Ату.

И. Иткинд, сын раввина, сам раввин, в возрасте 30 лет порывает с религией и, будучи самородком, становится известнейшим скульптором, прожив 97 лет, треть из которых в Казахстане. Об этом гении в Т.24 собран десяток воспоминаний современников – писателей, журналистов, скульпторов и его сына.

Заключение

Судьбы героев очерков и эссе, представленные в этих двух книгах, стран, где им довелось жить, объединяет необходимость преодоления препятствий, зачастую невероятные усилия в реализации своего таланта и достижения успеха ради благой цели. Авторы очерков, безусловно, отмечают лидерство и значимость вклада этих людей в становление и развитие науки, просвещения, медицины и искусства.

Нет сомнений, евреи внесли неоценимый вклад в становление Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении. Можно надеяться, что народы бывшего Туркестана надолго и с благодарностью сохранят память об этих людях.

«Когда смотришь на издания НИЦ, возникает ощущение чуда. Оно усиливается, если знаешь, что за этим изданием стоит не научно-исследовательский институт с солидным штатом и хорошим бюджетом, а небольшая группа подвижников. Но еврейские чудеса тем и отличаются от других, что реализуются не по мановению руки Божьей, а в результате напряженной работы знающими своё дело специалистами здесь, на Земле. Из инициативы НИЦ родилось новое направление исторической науки, которое развивается по своим законам» [5].

«Чем мы объясняем столь большое влияние русских евреев на западный мир и страны Центральной Азии? Расовыми особенностями? Не будем отрицать их из страха, что нас запишут в расисты. Этим особенностей по меньшей мере две: генетически выработанная приспособляемость к чужеродной среде евреев, многие века живших среди инородцев; и, вторая, – неутомимая активность, как у бескорыстных чудаков, так и у тех, кто стремился стать выше и богаче в борьбе за место под солнцем. Не меньшую роль сыграли исторические обстоятельства.

В результате собственного духовного пути, поглощения идей и культурных ценностей Византии и Западной Европы в России возник высочайший тип духовной культуры, высокая интеллигенция, неотъемлемой частью которой стали русские евреи. Более того, «во многих

случаях лучшее в русской культуре <...> сделано и делается евреями.

Вместе с миллионами евреев, выехавшими из России и СССР, Европа, Америка и Израиль получили русско-еврейскую интеллектуальную элиту, оставившую и продолжающую оставлять глубокий след в западной цивилизации» [6].

1. Нисенбойм Г. «Лехаим. Обыкновенная легкость бытия». – Израиль: IASA, 2018, – 270 с.
2. [Электронный ресурс] Нисенбойм Г. Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии. URL: <http://www.arad-plus.com/evrei-iz-rossijskoj-imperii-i-sssr-v-centralnoj-azii/> (дата обращения 20.08.2020).
3. Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии. Том 23, Книга 1, – Израиль, НИЦ ЕРЗИ, Реховот, 2020 г.
4. Евреи из Российской империи и СССР в Центральной Азии. Том 24, Книга 2, – Израиль, НИЦ ЕРЗИ, Реховот, 2020 г.
5. [Электронный ресурс] док. Систер Юлия, Юбилейная конференция НИЦ ЕРЗИ. URL: <http://madan.org.il/ru/groups/yubileynaya-konferenciya-nauchno-issledovatel'skogo-centra-evrei-rossii-v-zarubezhe-i-izraile> (дата обращения 20.08.2020).
6. [Электронный ресурс] док. Пархомовский Михаил, док. Систер Юлия. Евреи России в Зарубежье и Израиле. О Научно-исследовательском центре и его изданиях. URL: <http://www.elektron2000.com/article/1278.html> (дата обращения 20.08.2020).

Каштелюк Ю.И.

Страницы истории алматинской синагоги

Со времен глубокой древности синагога служила и продолжает служить духовным, образовательным и социальным центром еврейской общины. Алматинская синагога не исключение. В разные исторические периоды она помогала общине сохранить приверженность своим корням, преодолевать невзгоды революционного периода, тяготы Великой Отечественной войны.

Первые упоминания о синагогах в регионе Центральной Азии датируются периодом Средневековья, тогда с караванами по Великому шелковому пути путешествовали негоданты и лекари еврейского происхождения. Их путь лежал через юг Казахстана, в т. ч. через поселения Семиречья. В Центральном государственном музее РК, Центральной научной библиотеке Гылым ордасы, Национальной библиотеке РК находятся свитки Торы того периода.

Однако в ту эпоху синагоги носили временный характер. Это было связано с постоянным передвижением негодантов иудейского происхождения с караванными поездами.

Первые упоминания о стационарной синагоге датируются второй половиной XIX в.

Главным образом еврейская община Верного – так до революции назывался Алматы – стала формироваться из вышедших в отставку солдат царской армии еврейского происхождения. После окончания

службы они предпочли Верный местам своего традиционного проживания. Тем более что это позволял закон Российской империи: после службы в армии евреи имели право селиться вне черты оседлости – местечек Украины, Белоруссии, Польши, юга России.

В пользу решения остаться в Семиречье было отсутствие серьезных антисемитских гонений, мягкий климат, перспективы ведения собственного дела – ремесленной мастерской: Семиречье наращивало потенциал [1]. Развитие региона было обусловлено повышением статуса Верного – в 1867 г. укрепление получило статус города и Верный стал центром одноименного уезда и Семиреченской обл., подчинявшейся Туркестанскому генерал-губернаторству. Уже в конце 50-х гг. XIX в. Верный был центром проживания различных этносов. Здесь насчитывалось около 5 тыс. жителей. Наряду с казахским населением это были казаки из разных округов Сибири, сибирские крестьяне, татары, уйгуры и дунгане.

Верный быстро разрастался: в 1871 г. в городе уже жило около 13 тыс. человек различных национальностей. В «Очерке Семиреченского края», опубликованном в научном «Военном сборнике» в 1872 г., автор Л. Костенко перечисляет «коренных поселенцев» – русских, казахов, украинцев, представителей народов Поволжья и добавляет: «Кроме того, Верный населяют татары... сарты (узбеки. – прим. Ю. К.) ... калмыки. В Верном употребляются, преимущественно как чернорабочая сила, китайцы, приходящие сюда из Небесной империи по торговым делам. Наконец, евреи тоже живут торговлею» [5].

При этом евреи-торговцы, как правило, не входили в число инициаторов создания общины. Они не стремились к подобной интеграции потому, что не имели права жительства вне черты оседлости, а следовательно, не обладали разрешительными документами, дающими право жить и работать в регионе. Участие же в общинной жизни, которое во всех регионах Российской империи проходило под бдительным контролем полиции, могло раскрыть их статус, что привело бы к высылке и лишению не высокого, но стабильного дохода.

В 1879 г. в крае был проведен учет населения. По данным переписи в соответствии с вероисповеданием, еврейское население города составлял 81 человек. В уезде жили 36 человек. В этот же год, согласно переписке чиновников Семиреченского областного правления, была создана еврейская община Верного, начиная с этого времени действовал молельный дом, а в 1884 г. уже была обустроена капитальная синагога. Географически она размещалась на пересечении

улиц Пишпекской и Кульджинской^{1*}. По стечению обстоятельств именно на этом перекрестке сегодня располагается центр еврейской общины республики – Ассоциация «Мицва».

При синагоге действовал хедер – еврейская начальная школа, проводились свадебные обряды, обряд обрезания, организовывалась помощь нуждающимся, действовала похоронная служба – Хевра кадиша. Первого раввина звали Шломо Рейтборт. Шломо, или, как его называли на русский манер, Соломон Израилевич, долгие годы стоял у руля общины. Его не стало в середине 1930-х гг. Раввин вел всю общинную работу: учил детей еврейской грамоте, следил за тем, чтобы у членов общины была кошерная, т. е. приготовленная по всем правилам традиции, еда, сам выступал в роли моэля, специалиста, выполняющего обряд обрезания. Вся эта работа требовала основательных знаний в области образования, медицины, других научных дисциплин, которыми обладал раввин.

В 1908 г. было зарегистрировано Верненское еврейское молитвенное общество. Первого старосту звали Симха Абрамович Аронович.

В числе почетных членов общины были владелец завода безалкогольных напитков Гирш Гамбург, владелец мебельной мастерской Миха-Лейб Блэнд, один из основателей фотографического дела в городе Абрам Лейбин^{2*}, окулист и терапевт Лейб Фидлер [2].

Деятельность доктора Фидлера описана в романе-эпопее Мухтара Ауэзова «Путь Абая»: «Вот уже пятнадцать лет он врачевал в этом маленьком городе, поднимая на ноги старых и молодых, мужчин и женщин. Были и случаи, когда он вырывал людей прямо из рук смерти, вылечивая, казалось бы, безнадежно больных. Здесь, в глуши, катастрофически не хватало эскулапов разного профиля, поэтому Фидлеру пришлось практиковать лечение почти всех болезней, проводить сложнейшие хирургические операции...» [3].

Упомянув врачей – членов общины, нельзя не отметить доктора Израиля (Александра) Рязанского. Сосланный в г. Верный за революционную деятельность он был в числе основателей верненской больницы Красного Креста.^{3*} До сегодняшнего дня сохранились одноэтажные здания – бывшие больничные корпуса, где работал Рязанский. Они расположены напротив современного здания БСНП в районе нынешних улиц Казыбек би, Амангельды, Масанчи и Байтурсынова.

^{1*} Ныне перекресток улиц Макаатаева и Байсеитовой.

^{2*} ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.3532. Династия Лейбиных. Абрам – младший из Лейбиных. / Л. Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно!!! – Алматы, 2019. – С.319–322.

^{3*} Ныне БСНП – больница скорой неотложной помощи.

Члены общины исправно поддерживали синагогу, давали пожертвования – цдаку, продолжая древние традиции еврейской благотворительности.

Ежегодно на общинных собраниях верстался бюджет, а специальная комиссия, избранная прихожанами синагоги, следила за его исполнением.

Советская власть в Семиречье была установлена 3 марта 1918 г. 26 августа 1920 г. была образована Киргизская АССР^{1*} в составе Российской Федерации. А в марте 1921 г. Верный переименовали в Алматы (Алма-Ату) [1].

Несмотря на перемены, город сохранял патриархальный уклад, между тем критическое отношение революционных властей к религиозным конфессиям затронуло и еврейскую общину: в 1920-х здание синагоги передали в распоряжение верненского руководства.

Синагога обустроилась в одноэтажном здании в районе Большой станицы.^{2*} С виду здание синагоги напоминало обычный верненский жилой дом. Вот как описали подобную архитектуру Алма-Аты И. Ильф и Е. Петров, посетившие город во время строительства Турксиба: «Алма-Ата еще сохранила свой старорежимный вид полковничьего городка. Вся она обставлена одноэтажными, одноквартирными домиками с деревянными ставнями наружу, резными карнизами и тенистыми помещичьими крылечками» [4].

Здание синагоги ничем не выделялось на фоне картины, описанной Ильфом и Петровым. Синагога представляла собой дом с наличниками, ставнями и резьбой в духе традиций деревянной архитектуры русского модерна.

Несколько раз синагоге приходилось переезжать, но район оставался прежним вплоть до недавнего времени – 1997 г., когда в городе открылось новое современное здание синагоги по адресу: проспект Райымбека, 206е.

Одно из старых зданий синагоги сохранилось до наших дней, но находится в заброшенном состоянии. Здание расположено по адресу: проспект Райымбека, 3. Этот номер дому присвоили в 2020-м в связи с тем, что в начале проспекта появились новые дома. Ранее на здании был указан адрес: Райымбека (Ташкентская), 1а.

Революционные власти не жаловали синагогу, равно как и религиозные центры других конфессий. Тем не менее, синагоге удавалось сохранять свои традиционные институты – обучение традиции и ев-

^{1*} С 1925 г. – Казахская АССР

^{2*} Примерно на пересечении нынешнего проспекта Райымбека и улицы Жангельдина.

рейской грамоте, проведение свадебных обрядов, поддержку нуждающихся, организацию похорон.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Алма-Ате насчитывалось около 45 тыс. жителей. Еврейское население составляло примерно 240 человек. По сравнению с дореволюционным временем оно практически не увеличилось, несмотря на то, что теперь для евреев никаких ограничений на выбор места жительства не существовало. В благодатный край не стремились, как прежде, евреи из Сибири и других районов Казахстана. Объясняется это просто: Алма-Ата в те годы представлялась бесперспективным захолустьем. Между тем в конце 1920-х ситуация с еврейским населением изменилась в сторону роста. Связано это было с тем, что в апреле 1927 г. город поменял статус: правительство РСФСР приняло решение перенести сюда столицу, находившуюся с 1925 г. в Кызыл-Орде. Почти одновременно было принято решение о строительстве железной дороги, связывающей Сибирь со Средней Азией и проходящей рядом с Алма-Атой.

По прошествии нескольких лет после превращения Алма-Аты в столицу город обзавелся всеми атрибутами административного, хозяйственного и культурного центра союзной республики, статус которой Казахстан получил в конце 1936 г.

Население новой столицы увеличивалось бурными темпами. По данным Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1939 г., в Алма-Ате насчитывалось 230,5 тыс. жителей, из них евреев – 2216 человек. Если общая численность населения за 13 лет, прошедших с предыдущей переписи, увеличилось в 5 с небольшим раз, то количество евреев увеличилось в 10 раз. Большинство приехало из западных районов Советского Союза [5].

В настоящее время история алма-атинской синагоги периода 1930–1940-х гг. изучена мало – исследования в этом направлении только начинаются. Однако доподлинно известно, что религиозная община существовала все эти годы.

В статье Семья Коган. Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана», представленной на X Международной исторической научно-практической конференции «История. Память. Люди» (Алматы, 23 сентября 2020 г.), потомки музыкальной династии – Елена Шалкова и Евгений Бычков упоминают синагогу военного времени в контексте рассказа о старшем поколении своей семьи.

Елена Шалкова: «Последние годы жизни Бенциона и Миндли Коган (дедушки и бабушки. – прим. Ю. К.) прошли в небольшом домике

на ул. Новосельской^{1*} – тогда это была почти окраина Алма-Аты. Неподалеку, на ул. Ташкентской, в маленьком доме располагалась синагога, которую Бенцион Давыдович регулярно посещал. Известно, что в эту синагогу еще в военные годы часто заходили видные деятели искусств из эвакуированных – говорят, например, что там видели Сергея Эйзенштейна, снимавшего в те годы в Алма-Ате «Ивана Грозного»... Не исключено, что так или иначе в этой синагоге пересекались многие...»

Евгений Бычков: «Я помню большой сундук в одной из трех крохотных комнаток на Новосельской, из которого дед доставал мацу – мы ее очень любили, хотя не имели ни малейшего представления, с чем связаны эти вкусные сухие лепешки».

Вот как описывала прихожан того периода Хана Шнеерсон, жена сосланного в Казахстан раввина Леви-Ицхака Шнеерсона: «Большинство были люди в возрасте, семейные. Те, у кого были дети, иногда приходили вместе с ними. И это в то время, когда советская власть уделяла много внимания молодежи, а особенно детям, с целью удержать их в сфере своего влияния и не допустить, чтобы они воспитывались в традициях отцов» [6].

Таким образом, созданные в XIX в. и развитые в последующие периоды общинные институты в 1940-е гг. стали центром морального противостояния тяготам войны, местом, где члены общины могли чувствовать свою связь с духовными корнями.

Изучение истории алматинской синагоги продолжается.

1. Энциклопедия Алматы. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 1996, -С.7, 8.
2. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.48262. Л.37.
3. Ауэзов М. Путь Абая. Т.2, Ч.2. – Алматы: Жазушы, 2016. – С.437.
4. Ильф И., Петров Е. Осторожно, овеяно веками! Очерки, отрывки, фельетоны. – Ташкент, 1963. – С.36.
5. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы, 2005. – С.9, 41.
6. Хана Шнеерсон (Воспоминания Ребецн). // «Лехаим». – Октябрь, 2012. Тишрей 5773, 10(246). Рубрика «Дом учения».

Берман Е.А.

**Соломон Хаимович Бейлин – фольклорист, этнограф,
общественный деятель, казенный раввин Иркутска 1901–1920 гг.**

Во второй половине XIX в. в Иркутске сформировалась одна из самых крупных еврейских общин за чертой постоянной еврейской оседлости и самая крупная еврейская община в Сибири. Для большинства евреев Сибирь вначале была местом политической и уголовной ссылки, каторги, кантонистских батальонов и военной службы.

^{1*} Ныне Колпаковского.

Однако по окончании военной службы, каторги или ссылки, евреи не торопились возвращаться в черту постоянной оседлости, а из глухих сибирских поселений перебирались в Иркутск.

Этот богатый и культурный купеческий город для многих еврейских семей стал родным домом. Вдали от своих религиозных и культурных центров иркутские евреи всеми силами сохраняли язык, религию и национальную культуру, и уже к концу XIX в. в городе была двухэтажная каменная синагога, общественное бесплатное еврейское училище с отделениями для мальчиков и для девочек, женские ремесленные классы, благотворительные учреждения для одиноких стариков, детей-сирот и больных, погребальное братство и ряд других организаций, объединяющих вокруг себя самую крупную в Сибири еврейскую общину. В это время евреи Иркутска составляли 6–7% от чуть более 100 тыс. населения города.

В 1901 г. по приглашению иркутских купцов возглавить общину прибыл из Рогачева Могилевской губ. Соломон Хаимович Бейлин. Этот человек, фольклорист, публицист и этнограф, вошел в историю общины как один из самых образованных руководителей и ярких общественных деятелей, при котором в первые десятилетия XX в. в Иркутске расцвела еврейская национально-культурная жизнь. К сожалению, имя раввина Бейлина со временем было не заслуженно забыто. Автору статьи по крупицам удалось собрать личную, творческую и профессиональную биографию этого выдающегося человека, однако ныне здравствующих его потомков к настоящему моменту найти не удалось.

С.Х. Бейлин родился 13 июня 1858 г. в черте постоянной еврейской оседлости в г. Новогрудке Минской губ. в семье купца 2-й гильдии Хаим-Лейба Гиршевича Бейлина (урожденная Духон) (1826–1892) и его супруги Ципы Шимоновны Бейлин (1826–1905). Отец держал единственную в Новогрудке почтовую станцию, а мать занималась воспитанием десятерых детей [1]. Он учился в хедере и, предположительно, кроме хедерного, получил еще и светское домашнее образование, заключающееся в изучении русского и немецкого языков, а также математики. Затем он окончил Пинское реальное училище (аттестат № 222 от 07.06.1880 г.). После окончания училища он работал меламедом в Царском Селе, а в 1891–1901 гг. служил казенным раввином в г. Рогачев Могилевской губ. [2].

В 1901 г. С.Х. Бейлин становится казенным раввином Иркутска с жалованием от общины 2400 руб. в год. Этот человек пользовался уважением в общине и в городе, был яркой личностью и руководителем с непререкаемым авторитетом. Он официально представлял об-

щину в правительственных учреждениях, в его обязанности входило принимать присягу у евреев-новобранцев, вести книги записи рождений, бракосочетаний, разводов и смертей, разъяснять государственные законы и заниматься просветительской деятельностью. Должность казенного раввина ограничивалась трехлетним сроком с установленным жалованием от общины. Избранный общиной раввин утверждался генерал-губернатором, от которого он получал свидетельство на звание раввина. На должность казенного раввина иркутская община будет выбирать С.Х. Бейлина единогласно шесть раз на трехлетний срок.

После Октябрьской революции Совнарком РСФСР снимет с духовных учреждений функции регистрации браков, рождений и смертей и передаст их специальным гражданским отделам при городских или районных управах, а 16 сентября 1918 г. окончательно закрепит эти функции за отделами записей гражданского состояния (ЗАГС) [3]. Должность казенного раввина и Хозяйственное правление общины упраздняются, происходит реорганизация общины, и С.Х. Бейлин входит в состав нового Совета иркутской еврейской общины 1-го созыва от внепартийных избирателей [4]. Еще до середины 1920 г. он будет уже неофициально вести все еврейские метрические книги [5] и исполнять другие обязанности главы общины.

В мае 1923 г. на общем собрании община поддержит постановление Правления выдавать С.Х. Бейлину ежемесячно пенсию 30 руб. золотом по курсу Финотдела и предоставит Правлению право «на будущее время, если это окажется нужным, пересмотреть это постановление в сторону увеличения» [6, л.13 – 13 и об.]. Вплоть до 1927 г. фамилия Бейлина будет фигурировать в протоколах ежегодных собраний Погребального братства [6, л.129 и об. – 129 (об.), 178 и об. – 178 (об.)]. В Государственном архиве Иркутской обл. сохранились обширная рабочая переписка С.Х. Бейлина, квитанции благотворительных денежных переводов от общины, нотариально заверенные свидетельства, паспортные книжки, прошения о внесении изменений в метрические записи, переписка по выдаче справок на основании метрических книг и многие другие документы. Из них можно узнать о должностных обязанностях общественного раввина.

Семья Соломона Бейлина

Первая жена С.Х. Бейлина предположительно умерла в Рогачеве при родах или в первый год после них, оставив мужа с грудным сыном Малкиэлем, родившимся в мае 1892 г. В 1893 г. Соломон Хаимович женился во второй раз на Розе Исааковне Фромберг, которая вырасти-

ла Малкиэля как родного сына. В июне 1894 г. у них рождается первый совместный ребенок – Хана, а в 1895 г. и 1897 г. еще две дочери – Зельда и Либе. Уже в Иркутске в 1902 г. у супругов родились сын Исаак и в 1905 г. дочь Ципора [2]. Первые годы в Иркутске Роза Исаковна давала частные уроки, готовя детей к поступлению в гимназию и обучая их немецкому и французскому языкам [7], а в 1912 г. она открыла в Иркутске частное двухклассное еврейское училище [8]. В ГАИО сохранилась некоторые документы, связанные с его открытием, а также свидетельства на звание меламеда Соломона и Малкиэля Бейлиных. Училище Р. Бейлин существовало до 1917 г. и после революции, как и многие подобные учебные заведения, было закрыто.

В настоящее время удалось найти информацию только о младшем сыне Бейлина – Исааке Соломоновиче, двух его дочерях – Зинаиде Соломоновне и Любове Соломоновне и ее сыне, внуке Бейлина, – Давиде Абрамовиче Киржнице. Судьба жены, сына Малкиэля и двух других дочерей остается неизвестной [9].

С.Х. Бейлин – член Еврейского историко-этнографического общества (Санкт-Петербург)

В 1909 г. С.Х. Бейлин становится членом только что образованного в Санкт-Петербурге Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО). Многие иркутские евреи, последовав его примеру, вступали в члены Общества и к 1914 г. его иркутские представители оказались третьими по численности после петроградцев и екатеринославцев. В 1909–1916 гг. С.Х. Бейлин был постоянным сотрудником выпускаемого ЕИЭО трехмесячника «Еврейская Старина», практически во всех его номерах он публиковал свои статьи по еврейскому фольклору и этнографии.

С.Х. Бейлин – товарищ председателя Иркутского отделения общества для распространения просвещения между евреями в России

Стараниями раввина С.Х. Бейлина и председателя Хозяйственного правления синагоги Я.Д. Фризера в январе 1914 г. было открыто Иркутское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ИО ОПЕ). Главными его задачами стали организация просветительских лекций, вечерних курсов по еврейским и общим предметам, оказание материальной поддержки членам общества, подготовка учителей по еврейским и общим предметам, открытие библиотеки [10, л.1–2.].

Благодаря активной работе комитета ИО ОПЕ была открыта еще одна библиотека для членов общины (первая библиотека была осно-

вана при синагоге в 1890-х гг. И.Л. Нейманом и насчитывала более 4000 томов), регулярно проводились концерты еврейской музыки, лекции, посвященные традициям и культуре еврейского народа, сбор от которых шел на стипендии и оплату обучения, тех, кто желал получить профессию учителя. Активное участие в работе ОПЕ принимали ссыльные члены РСДРП – этнограф и юрист М.А. Кроль, публицисты А.Д. Киржниц и Б.И. Гольдман, литературовед и историк А.Д. Юдицкий. Достаточно полную картину работы членов иркутского комитета ОПЕ дает сохранившаяся в ГАИО «Протокольная книга комитета общества просвещения между евреями» за 1914–1916 гг. [10, л.20–21]. Известно, отделение ОПЕ существовало в Иркутске до конца 1917 г., насчитывало более 180 членов, а его работа активно освещалась в иркутских газетах.

В 1915 г. по инициативе С.Х. Бейлина и благодаря усилиям членов Комитета Иркутского отделения ОПЕ совместно с Хозяйственным правлением синагоги был издан фундаментальный труд «Евреи в Иркутске», знакомящий читателя с историей еврейской общины Иркутска. Благодаря двухлетней работе энтузиастов общины был собран материал, восстанавливающий ее историю с 1850-х гг. Этот материал собирался из устного опроса старожилов, синагоги архива того времени, материалов, публикуемых об общине в иркутской периодической печати, юридических документов о правовом положении евреев в Сибири и их участии в хозяйственной жизни Иркутска [11]. Вскоре после издания книги в иркутской газете «Сибирь» на нее вышла рецензия, написанная ссыльным журналистом А.Д. Киржницем [12].

В настоящее время книга «Евреи в Иркутске» является одним из ценнейших источников информации о жизни иркутской общины середины XIX – начала XX вв. и ее сохранившиеся экземпляры хранятся в отделах редких книг некоторых иркутских библиотек, в т. ч. в Иркутской областной государственной научной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского и библиотеке Иркутского областного краеведческого музея.

В 1916 г. Иркутское отделение ОПЕ приняло активное участие в совместных заседаниях культурно-просветительных учреждений и научных обществ Иркутска по вопросу организации университета в Иркутске. Однако на призыв Городской Думы о сборе частных пожертвований на университет оно ответило резолюцией, гласящей о том, что Комитет примет самое деятельное участие в пропаганде идеи Университета одинаково доступного для всех без различия нацио-

нальностей и вероисповеданий, но посчитал невозможным сбор средств в пользу будущего университета, пока не будет отменена ограничительная норма для евреев [10, л.96–98].

*С.Х. Бейлин – председатель Иркутского отделения
Еврейского литературно-художественного общества
им. Леона Переца*

В 1917 г. под председательством С.Х. Бейлина в Иркутске работало отделение Еврейского литературно-художественного общества им. Л. Переца (ЕЛХО) [4], созданного в Петрограде в 1916 г. Общество носило имя еврейского писателя и общественного деятеля, классика еврейской литературы на идиш Леона (Ицхока-Лейбуша) Переца. Главной его задачей так же стало содействие в изучении и развитии литературы на иврите и идише [13]. ЕЛХО просуществовало недолго и было закрыто в Иркутске в конце 1917 г., в Петрограде – в конце 1919 г. [14].

Литературная и научная деятельность С.Х. Бейлина

В последнее десятилетие XIX в., еще живя и работая в Рогачеве, Соломон Бейлин начинает активно публиковать собранный и записанный им еврейский фольклор и другие этнографические материалы – сначала на немецком языке в Германии и на русском языке в России. В 1898 гг. в Одессе и Вильне выходят два сборника записанных им еврейских сказок на русском языке. Будучи учеником и последователем академика А.Н. Веселовского, он публикует ряд статей (1895–1906), касающихся историко-сравнительного анализа фольклора, в т. ч. в журнале *Восход* (1899) и в иркутской еженедельной газете «Епархиальные ведомости» (1905). В 1907 г. эти исследования входят в его книгу «Странствующие повести и сказания в древне-раввинской письменности». В приложении к журналу «Юный Израиль» (Луганск) выходит серия рассказов-воспоминаний детства С.Х. Бейлина (1907–1910), в 1909–1915 гг. его публицистика и статьи о еврейском фольклоре размещаются на страницах журналов «Еврейская Старица» (Санкт-Петербург) и «Сибирский архив» (Иркутск). Среди существующих на сегодняшний день публикаций нет указаний на то, что еврейский фольклор издавался кем-либо на территории России раньше С.Х. Бейлина.

В 1906–1913 гг. в Санкт-Петербурге выходит «Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем» под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Гинцбурга. В 1909 г. в нее входит и имя Соломона Бейлина, как исследователя еврейского фольклора [15].

Работа над книгой «Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности»

Соломон Бейлин не только публиковал собранный им еврейский фольклор, но и, под влиянием работ академика Александра Веселовского, занимался его историко-сравнительным анализом. В свои работы С.Х. Бейлин включает исследование древних еврейских текстов, показывая этим, что устное народное творчество евреев является неотъемлемой частью общемирового культурного наследия. В 1895 г. выходит его статья «Талмудический элемент в русской народной сказке Судома», а в 1899 г. он публикует статью «Сказания о гордом Аггее и его источники» в еврейском учебно-литературном журнале на русском языке «Книжки Восхода» [16].

Свои исследования в области историко-сравнительного фольклора он продолжает и в Иркутске. В 1901 г. в помещении музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО), а затем в 1904–1905 гг. в помещении Общественного Собрания прошли его научные доклады о работе над темой сравнительного фольклора. В том же 1905 г., в еженедельной газете «Иркутские епархиальные ведомости» (официальном издании иркутской Епархии), была опубликована статья С.Х. Бейлина «Евангельская мораль в сравнении с талмудическою». В дальнейшем все исследования С.Х. Бейлина, касающиеся сравнительного фольклора, были собраны им в книгу «Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности», которая была издана в 1907 г. в Иркутске [17]. Эту книгу автор посвятил памяти своего учителя, историка литературы, академика Александра Николаевича Веселовского, коллегам и друзьям – доктору Льву Сергеевичу (Израилевичу) Каценельсону и этнографу, фольклористу и публицисту Григорию Николаевичу Потанину, с которым раввин состоял в переписке [17]. В настоящее время экземпляр этой книги, переданный автором Иркутской городской публичной библиотеке в 1908 г. с дарственной надписью хранится в Фонде редких книг Иркутской областной государственной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского.

Малые жанры фольклора, опубликованные С.Х. Бейлиным

В 1909–1915 гг., в журнале Еврейского историко-этнографического общества «Еврейская Старина» (г. Санкт-Петербург), под редакцией С.М. Дубнова, С.Х. Бейлин публикует ряд своих статей, посвященных малым формам фольклора – еврейским пословицам, поговоркам, анекдотам, загадкам и задачкам. Первой его подобного рода публикацией

в данном журнале в 1909 г. стали «Хедерные загадки и задачи литовских евреев». В том же 1909 г. в «Еврейской Старине» публикуются «Анекдоты о еврейском бесправии», записанные С.Х. Бейлиным в два последних десятилетия XIX в. Следующей его публикацией становится статья «О некоторых поговорках» (1911 г.), в которой он дает подробные комментарии и разъяснения к каждой поговорке и развернутое предисловие [18].

Если в черте постоянной еврейской оседлости, где евреи составляли большую часть населения, данные пословицы, поговорки, загадки и шутки не были редкостью, то еврейское население Иркутска в это же время составляло менее 10% населения, практически все оно говорило уже на русском языке. Сибирскими евреями забывался не только родной язык – идиш, но и вместе с ним уходил и фольклор. Соломон Хаимович Бейлин оказался единственным исследователем, занимающимся сбором и публикациями именно еврейского фольклора, сохранившегося у сибирских евреев и передаваемого в устной речи из поколения в поколение. Собранные им пословицы и поговорки сибирских евреев были опубликованы в 1912–1913 гг. в трех номерах журнала по археологии, истории и этнографии Сибири «Сибирский архив» и стали единственными публикациями о еврейском фольклоре в иркутских изданиях того и последующего времени.

Очерки С.Х. Бейлина из жизни кантонистов и николаевских солдат

Школа кантонистов возникла в Иркутске в конце 1830-х гг. не только и не столько для воспитания еврейских детей черты, сколько для исполнения Правил от 15 мая 1837 г., заключающих в себе «меры против переселения евреев в Сибирские губернии и для уменьшения числа поселенных уже в Сибири евреев». Пункт 8 данных Правил предписывал «детей мужского пола евреев ссыльнопоселенцев, не достигших еще 18-летнего возраста, и впредь рождающихся детей зачислять в военные кантонисты». Далее Пункт 9 этих же Правил предоставлял евреям, происходящим от ссыльных и уже приписавшимся к сословиям, право выбора: записывать своих детей мужского пола в военные кантонисты или же отправить их, по достижении ими 16-летнего возраста, в черту еврейской оседлости. В последнем случае казна принимала на себя расходы по их перевозке в Россию [18].

Кантонистские учебные заведения были упразднены в 1856 г. Указом Александра II. В конце 1850-х гг. еврей-кантонисты вышли из казарм, в 1860-х гг. евреи, отбывшие военную службу по рекрутскому уставу, получили право повсеместного жительства. Многие иркут-

ские кантонисты, отставные николаевские солдаты законно поселились в Иркутске и оказались родоначальниками ряда еврейских семейств [11]. Архивные материалы, связанные с деятельностью полубатальона кантонистов в Иркутске, в ГАИО не сохранились. В связи с этим информация, изложенная в книге В. Войтинского и Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске» и публикации С.Х. Бейлина на данную тему, являются ценнейшими историческими источниками.

К началу XX в., к приезду С.Х. Бейлина в Иркутск, таких старейшин в общине было уже немного и их воспоминания стали еще одной важной темой в публикациях С.Х. Бейлина в «Еврейской Старине». В 1909 и в 1915 гг. выходят два его исторических очерка: «Из рассказов о кантонистах» и «Рассказы бывших кантонистов», в 1914 г. его собственные детские воспоминания некоторых эпизодов этих событий – «Воспоминания о последних годах рекрутчины» [19].

В предисловии к статье С.Х. Бейлина «Из рассказов о кантонистах» (1909 г.) С.М. Дубнов пишет: «Трагедия еврейских «кантонистов» в царствование Николая I известна нам не из исторических, а из беллетристических очерков. У нас до сих пор еще нет ни одного исторического исследования о происхождении и развитии этого достопамятного института, одной из частей того инквизиционного механизма, который, вопреки общепринятому мнению, существовал в самобытной форме и в России. Повесть о тысячах малолетних еврейских рекрутов, которые загонялись в далекие восточные губернии и насильственно вовлекались в «лоно» православной церкви, – эта повесть должна, наконец, быть рассказана историком, на основании достаточного фактического материала.

Этот материал – официальные документы, рассказы очевидцев и т. п. – еще должен быть собран. Вот почему мы охотно даем здесь место группе рассказов, слышанных нашим сотрудником, иркутским раввином С.Х. Бейлиным, из уст некоторых бывших кантонистов. Мы готовы и в дальнейшем помещать материал, как архивный, так и устный, относящийся к исторической трагедии, последние герои которой ныне вымирают, унося с собой в могилу тайну великого мученичества маленьких детей» [19].

С.Х. Бейлин опубликовал ряд статей и о жизни и быте субботников – православных (в основном крестьян) из центральной России, перешедших в иудаизм, и сосланных за это в Сибирь, которые являются в настоящее время ценнейшим материалом для исследования этого движения [17].

Творчество С.Х. Бейлина после 1917 г.

Уже при советской власти, в 1920 г., С.Х. Бейлин отметил свой 25-летний юбилей литературно-научной деятельности, организованный местным молодежным объединением еврейской социал-демократической рабочей партии «Бунд». Объявление о предстоящем юбилее было опубликовано 4 июня 1920 г. в газете «Власть труда» [20].

После Октябрьской революции начался короткий подъем советской еврейской культуры на языке идиш, поддерживаемый государством и просуществовавший менее двух десятилетий. В СССР одним из центров по исследованию языка становится в 1924 г. еврейский отдел Института белорусской культуры (Минск), выпускающий журнал «Цайтшрифт», а главным международным центром – Еврейский научный институт (ИВО). С.Х. Бейлин также переходит в своих статьях о еврейском фольклоре с русского и немецкого языков на идиш. Он публикуется и «Филологише шрифтн», и «Цайтшрифт». В 1929 г. фамилия Бейлина, как исследователя фольклора, вошла в том А-Ж Сибирской Советской энциклопедии под общ. ред. М.К. Азадовского, вышедшей в Новосибирске [21].

С.Х. Бейлин был верным своему делу и общине более 25 лет. В 1929 г., перешагнув 70-летний рубеж, он вместе с семьей переезжает из Иркутска в Москву. В Москве он сменил несколько адресов, последним из которых был Подколокольный пер., д. 21. Через девять дней после нападения Германии на СССР, 1 июля 1941 г., С.Х. Бейлин эвакуировался в г. Тулун Иркутской обл. к своей дочери Зинаиде, которая работала врачом в этом городе с 1928 г. Вместе они проживали по адресу г. Тулун, ул. 3 Интернационала, д. 82. Умер Соломон Хаимович 31 июля 1942 г. в возрасте 84 лет. Его смерть была зарегистрирована отделом ЗАГС г. Тулун Тулунского р-на Иркутской обл.

В настоящее время значительную часть архивов Соломона Бейлина, содержащих рукописные тексты на идиш, удалось найти в архиве Института еврейских исследований YIVO в Нью-Йорке. Этой организации посчастливилось во время Великой Отечественной войны сохранить большое количество документов и переправить их в США. Некоторые рукописи С.Х. Бейлина на идиш сохранились в архивах Вильнюса (Литва), Киева (Украина), Нью-Йорка (США), Иерусалима (Израиль) и готовятся в настоящее время к переводу на русский язык и публикациям [22].

1. Бейлин-Новогрудский С. Летняя прогулка (Воспоминания детства). – Луганск: тип. Ц.Р. Лейфера, 1909. – 32 с.

2. Государственный архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф.417. Оп.1. Д.2. Л.431–432.

3. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16.09.1918 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства СУ РСФСР. – 1918. – № 76–77. – Ст. 818.
4. Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 г. (1918–1919). – Иркутск: Типография М.П. Окунева, 1918.
5. ГАИО. Ф.789. Оп.1. Д.103–105.
6. Там же. Ф.Р-504. Оп.5. Д.58. Л.13–13об.
7. Домашняя учительница Р.И. Бейлин // Восточное обозрение, 1904. №160 (7 июля). – С.1.
8. ГАИО. Ф.63. Оп.1. Д.173. Л.77.
9. Берман Е.А. Семья казенного раввина С.Х. Бейлина в контексте истории России XX века // Известия ИГУ. – 2020. – Т.32. – С.75–82.
10. ГАИО. Ф.417. Оп.1. Д.7.
11. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – Иркутск: Типо-Литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. – 394 с.
12. Киржниц А.Д. Вл. Войтинский и А. Горнштейн «Евреи в Иркутске», 1915: рецензия // Сибирь, 1915. – № 278 (3 дек.). – С.2.
13. Учредительное собрание еврейского литературно-художественного общества // Иркутская жизнь, – 1917. – № 30 (1 февр.). – С.3.
14. Центральный государственный исторический архив СПб, Ф.1720. Д.5.
15. Бейлин Соломон Хаимович // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. – СПб.: Общество для научных еврейских знаний и изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. –Т.4. Кол. 41–42.
16. Берман Е.А. Книга жизни и творчества Соломона Бейлина / монография. – Иркутск: ИР-НИТУ, 2018, – 172 с.
17. Берман Е.А., Орехова Н.А. Письма иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – №64. – С.85–93.
18. Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев: от уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1879 гг.; извлечение из полных собраний законов Российской империи. – СПб.: Тип. К.В. Трубников, 1874, – 1158 с.
19. Еврейская старина. Том II. – СПб., 1909. – С.115.
20. Литературный юбилей // Власть труда, – 1920. – № 168 (4 июня). – С.4.
21. Бейлин Соломон Хаимович // Сибирская Советская энциклопедия: Т. А-Ж. – М.: Сибкрайиздат, 1929. – Кол. 265–266.
22. Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т.15. – № 4. – С.131–140.

Шкурко Э.А.

Первый советский писатель-фантаст Вивиан Итин

Вивиан Азарьевич Итин и его семья^{1}*

В последние десятилетия в пространство российской литературы вернулось имя Вивиана Азарьевича Итина (1893–1938), русского, советского писателя, автора фантастических (утопических) сочинений. Оказавшись в годы Гражданской войны в Сибири, В.А. Итин остался там жить, занимался общественной деятельностью, участвовал в по-

^{1*} Автор выражает благодарность д. и. н. М.И. Роднову за дополнения и комментарии к статье.

лярных экспедициях, был ответственным редактором журнала «Сибирские огни» (Новосибирск) с 1934 г., председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей, делегатом Первого съезда Союза писателей, автором многих книг художественного и публицистического содержания. Репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

В советское время его имя не было забыто, кроме кратких упоминаний в энциклопедических изданиях, вышло несколько книг, чему способствовал образ первого советского фантаста и его трагическая судьба [1]. С 1990-х гг. интерес к его творческому наследию вырос, в первую очередь в Сибири. Роль в восстановлении памяти сыграли работы дочери Ларисы (1926–2015), с 1995 г. проживавшей в г. Ралли (Северная Каролина, США). Издано несколько книг В.А. Итина [2], много материала размещено в интернете, его биография освещалась в трудах журналистов, литературоведов.

В сведениях к биографии писателя указывается место его рождения – г. Уфа. Лариса Итина специально интересовалась происхождением отца, связалась с уфимским краеведом Г.Ф. Гудковым, который сообщил ей подробные данные о предках по материнской линии – купцах Коротковых.

Её версия родословной опубликована в русскоязычном американском журнале. «Вивиан Азарьевич Итин родился 26 декабря 1893 г. (по старому стилю) в старинном русском г. Уфа (Южный Урал). Некоторые сведения о его предках по материнской линии мне посчастливилось узнать из письма сотрудника Уфимского краеведческого музея Г.Ф. Гудкова. В начале XIX в. в Уфе появились два брата Коротковы: Игнатий Венедиктович (1813 г. р.) и Никифор Венедиктович (1822 г. р.).

Братья были вольноотпущенниками (бывшими крепостными) госпожи Алферьевой. За какие заслуги получили они вольную, где родились – остаётся загадкой. Известно лишь, что госпожа Алферьева не проживала в Уфимской губ. Игнатий Венедиктович Коротков был приписан к уфимскому купечеству. История эта интересна тем, что бабушка писателя Н.С. Лескова – А.В. Алферьева (1790–1860). Жила она, как известно, в Орловской губ. Возможно, освобождение предков В.А. Итина связано с сюжетом «Очарованного странника» Н.С. Лескова, и слова князя из этого произведения: «...дом им куплю и Ивана в купцы запишу...» – взяты автором из реальной жизни.

Дед отца и старший сын Игнатия Венедиктовича – Иван Игнатьевич Коротков (1838 г. р.) – был купцом второй гильдии, гласным

уфимской городской думы, имел три дома. К сожалению, он любил выпить и к концу жизни промотал всё своё состояние. Внешне Иван Игнатьевич был «настоящий русский богатырь»^{1*}, а жена его, Татьяна Андреевна – брюнетка небольшого роста с большими, даже в старости, глазами и правильными чертами лица. У них было две дочери (Алевтина и Зинаида) и сын Иннокентий, который стал инженером путей сообщения и работал начальником станции Зима (в Сибири).

Зинаида Ивановна Короткова (1875–1942), мать отца, была отдана за Азария Александровича Итина (1859–1926). А.А. Итин был известным в Уфе адвокатом, имел печатные труды, перед революцией получил дворянское звание. С появлением в Уфе красных попал в тюрьму. Только благодаря усилиям жены его освободили почти умирающим» [3].

Воспоминания об отце дочерей писателя (Лариса Итина и Наталья Шереметинская, 1930 г. р., Новосибирск) публиковались сибирскими изданиями.

Его родители были людьми высокообразованными, интеллигентными. Отец Азарий Александрович Итин – адвокат, мать Зинаида Ивановна играла на сцене уфимского любительского театра. В семье было четверо детей: Валерий, Фаина, Вивиан и Нина.

О предках Азария Александровича известно немного, что Зинаида Ивановна была из купеческой семьи Коротковых.

Подчёркивалось, что семья православная. Но информация о еврейских корнях Вивиана Итина существовала, и в 1995 г. его включили в список персоналий первого тома Российской еврейской энциклопедии [4].

Уфимские корни «первого российского фантаста» вызвали интерес в местном историко-краеведческом сообществе, в прессе появилось несколько публикаций [5]. Именно уфимские источники позволяют показать точную историю семьи писателя [6, л.147 об. –148].

Во второй половине XIX в. в Уфимскую губ. переселяется значительное число евреев, в Уфе возникает устойчивая диаспора. Этому способствовала постепенная отмена ограничений на проживание за пределами черты оседлости купцам, лицам с высшим образованием, врачам, отставным николаевским солдатам и др. [7, с.19–20]. Развитие экономики Южного Урала и Уфы, оказавшейся на железнодорожной магистрали из Европы в Азию, требовало специалистов самых разных профессий.

^{1*} По воспоминаниям Н.Л. Чернышёвой, которая жила в Уфе с бабушкой З.И. Итиной и видела портрет нашего прадеда – прим. автора.

В новых условиях многонационального, поликонфессионального окружения еврейская община Уфы не могла соблюдать все традиции иудаизма, происходило активное восприятие норм и обычаев окружающего населения, в первую очередь среди еврейского купечества, интеллигенции, среднего класса. Дети обучались в гимназии, реальном училище, иных учебных заведениях, поступали в университеты. В нарушении заветов предков, стали совершаться межнациональные браки, сопровождавшиеся переходом в другую религию [7, с.39–43]. Сама обстановка южноуральской «Америки» с её пёстрым населением разрушала конфессиональную замкнутость.

Кроме того, приезжавшие в Уфу молодые специалисты – евреи уже прошли многолетний процесс аккультурации, восприятия стандартов российской жизни в университетской среде. Их не прельщал мир уфимского «штетла». Такой путь проделал и Азарий Итин.

Он родился 2 января 1860 г. в семье мстиславского мещанина Хонона Итина и жены его Сары. По данным переписи 1897 г. в г. Мстиславль Могилёвской губ. насчитывалось 8,5 тыс. жителей, из которых евреев было 5,1 тыс. чел., или 60% населения.

Впрочем, где проживала семья Итиных и где родился сам Азарий пока не известно. Юность Азария Итина прошла в Таганроге. Во второй половине XIX в. это был крупнейший порт на Азовском море, центр деловой жизни Юга России. Именно через Таганрог осуществлялись огромные экспортно-импортные операции [8], железные дороги связали его с Харьковом (1868) и Ростовом-на-Дону (1870). В городе проживали большие общины греческих и еврейских предпринимателей.

Для поступления в гимназию выписку из метрики о его рождении выдал 9 июля 1873 г. таганрогский раввин Г. Зельцер. Для поступления в университет требовался гимназический диплом и, скорее всего, Азарий Итин посещал Таганрогскую классическую мужскую гимназию, в которой учился А.П. Чехов. Тот как раз в 1875 г. её закончил с серебряной медалью. Пару лет они бегали по одним и тем же коридорам.

В свое время, выпускниками Таганрогской гимназии были Николай Аполлонович Белелюбский (1862 г.), по проекту которого возвели железнодорожный мост через р. Белую в Уфе, Дмитрий Егорович Бенардаки – хозяин заводов и поместий в нашем крае. Математику юному Азарю, возможно, преподавал Эдмунд Иосифович Держинский, отец революционера.

После гимназии Азарий поступил в университет (обучение было платным), успешно окончив его, получил 13 декабря 1888 г. диплом

Императорского Харьковского университета за № 2913 «на степень Кандидата Юридического Факультета» [6, л.147 об. – 148]. Наличие высшего образования снимало ограничения черты оседлости. Впрочем, Таганрог никогда и не входил в черту оседлости, она заканчивалась в соседней – Екатеринославской губ. Молодой юрист Азарий Итин отправляется далеко на восток – в Уфу.

Накануне своего 30-летия, 1 января 1890 г., Азарий Итин принимает крещение. Церемония прошла в главном уфимском храме, Воскресенском кафедральном соборе. «Истина́м св[ятой] православно-христианской веры и молитвам научал священник Уфим[ского] каф[едрального] собора Евграф Еварестов [9]; оглашения же и таинство крещения совершал тот же священник Е. Еварестов с соборными диаконами: Гавриилом Желателевым, Димитрием Милицыным, Иоанном Виноградовым и Серафимом Сарычевым».

Крещение новообращённых в официальное православие часто проводилось в Воскресенском соборе. В том же 1890 г. там окрестили немца-колониста, молоканина и ещё одного еврея. Обратим внимание на состав крёстных, восприемников, весьма уважаемых людей. Азария Итина напутствовали мировой судья 2-го участка Уфы коллежский асессор Александр Александрович Маллеев (будущий городской голова) и жена мирового судьи 1-го участка Уфы надворного советника Александра Степановича Листовского – Мария Ивановна [6, л.147 об. – 148].

Листовские принадлежали к числу известных дворянских родов края, один из губернских предводителей дворянства был из этой семьи [10]. Все крёстные – юристы, что подтверждает успешное вхождение приехавшего в Уфу Азария Итина в сообщество местных судей и адвокатов.

Кроме карьеры, причиной перехода в православие для по тем временам уже немолодого юриста стала любовь. Выдержав полгода, 25 июля 1890 г. в Ильинской церкви Уфы 30-летний Азарий Александрович Итин (при крещении сохранил библейское имя,^{1*} в переводе с древнееврейского «помощь Божия», отчество взял по крёстному отцу Маллееву) венчался с купеческой дочерью девицей 16-летней Зинаидой Ивановной Коротковой. Свидетелем выступил уфимский купеческий сын Николай Иванович Мамин [6, л.186 об. – 187].

По сохранившимся преданиям, Зина Короткова отличалась красотой и талантом, играла в любительских спектаклях.

^{1*} Этим достаточно редким именем называли своих детей, как правило, образованные евреи, например, Плисецкие, Мессерер

Воспоминания детей показывают, что разрыв с религией предков дался Азарию нелегко. Родители отказались от него, он переживал это болезненно, тем более, как писал сын, крестился Азарий, не разделяя полностью религиозных убеждений [11]. Незадолго до ареста Вивиан скажет своей 11-летней дочери Ларисе слова, которые она запомнила на всю жизнь: «Я бы к ним [коммунистам – Э.Ш.] не присоединился, если бы они не дали все права евреям».

«Родители Азария Александровича по традиции прокляли сына и справили по нему поминки. Еврейская община в Уфе прекратила с ним всякие контакты. Но он не обиделся и не забыл своих родителей, всю оставшуюся жизнь он посылал родителям деньги, хотя ответа на его письма не приходило» [12].

Приехавший в Уфу юрист породнился со старинной, но обедневшей семьёй. По сведениям Г.Ф. Гудкова, в начале XIX в. «в Уфе появились братья Игнатий и Никифор Коротковы. Старший сын Игнатия – Иван был гласным Уфимской городской думы, имел три дома, вёл оптовую торговлю вином в собственном доме на Большой Казанской, но к концу жизни промотал всё своё состояние» [13].

А.А. Итин занимался частной юридической практикой. На 1899 г. как присяжный поверенный участвовал в работе благотворительных организаций, состоял членом Уфимского попечительного о бедных комитета [14]. Его перу принадлежит книга о религиозной благотворительности [15].

Домовладение по адресу ул. Малая Казанская, 47^{1*} старинный дом с мезонином^{2*} и садом, бывший ранее в собственности семьи Ольховских, после 1897 г., по сведениям А.Л. Чечухи, покупает Итин [16].

Родители: Азарий Александрович и Зинаида Ивановна Итины

1917 г. Опытный юрист Азарий Александрович Итин – уважаемый член уфимской городской элиты. Он входит в руководящий состав сразу четырёх общественных организаций (в двух – председатель).

Как и прежде, он – присяжный поверенный (в системе Министерства юстиции), гласный (депутат) Уфимской городской думы, служит в Городской управе в Судебном столе (отделе) в качестве поверенного управы. Азарий Александрович активно участвует в общественной жизни, он заместитель председателя Попечительного совета Второй женской гимназии, председатель Попечительного совета Коммерческого училища и торговой школы [17], председатель Ревизионной

^{1*} Современная ул. Свердлова.

^{2*} Снесён в 1999 г.

комиссии Местного Управления Российского общества Красного Креста (указан даже чин – коллежский советник), наконец, А.А. Итин – председатель Попечительного о бедных комитета Императорского Человеколюбивого Общества и уже почему-то с чином статского советника [18].

Дом Итиных на улице Малой Казанской

Семья живёт зажиточно. Об этом свидетельствуют не только воспоминания потомков. Деятельность юристов всегда проходит в обстановке неразглашения информации, но можно предположить, что присяжный поверенный (адвокат) А.А. Итин специализировался на коммерческом (торговом) праве. Неслучайно, именно он возглавил попечительный совет Коммерческого училища, где готовились кадры предпринимателей. Главной задачей попечителей было изыскание средств для учебного заведения, следовательно, доверяя А.А. Итину, все знали о его широких связях в деловом мире Уфы.

Это подтверждают материалы Уфимской биржи. А.А. Итин – член Уфимского биржевого общества в 1908–1909 гг., в 1914 г. он здесь представлял Администрацию по делам Аверьянова, крупного стерлитамакского мукомола. В 1913–1914 гг. А.А. Итин избирается заместителем председателя Арбитражной комиссии Уфимской биржи.

Азарий Александрович в ноябре 1916 г. добивается от биржевиков пособия для коммерческого училища, в январе 1917 г. – активный участник обсуждения в бирже повестки предполагавшегося в Москве торгово-промышленного съезда, после свержения самодержавия А.А. Итин даже входит в состав нового высшего органа власти в крае, Уфимского губернского комитета общественных организаций, от Союза городов [19]. По политическим взглядам он был кадетом [11].

У Азария Александровича (1860–1926) и Зинаиды Ивановны (1875–1942) Итиных выжило четверо детей (есть сведения о крещении ещё двоих – Виталия и Вики, но их судьбы не прослеживаются, что позволяет предположить смерть в младенчестве). Всех детей крестили в Спасской церкви. Отметим, что супруга, Зинаида Ивановна, практически никакой общественной деятельностью в уфимских благотворительных обществах не занималась, видимо, целиком посвятив себя детям и семье. По воспоминаниям внучки Ларисы Итиной, «все дети её очень любили» [3]. В Москве у другой внучки Нины Львовны Чернышовой хранился портрет Зинаиды Ивановны работы художника Льва Николаевича Петухова – мужа дочери Фаины.

Первенец Валерий появился на свет 1 сентября 1892 г. Восприемницей стала жена канцелярского служащего Алевтина Ивановна Гла-

зырина (возможно, сестра Зинаиды) [20]. Он стал врачом-хирургом. В Великую Отечественную войну военврач 2-го ранга Валерий Итин погиб на судне «Сванетия», которое перевозило раненых и было потоплено немцами на пути из Севастополя в Сочи 17 апреля 1942 г. Он отдал свой спасательный пояс молоденькой медицинской сестре, а сам погиб с ранеными. Оба его сына – также участники Великой Отечественной войны. Игорь был переводчиком с немецкого и пропал без вести. Святослав вернулся с фронта в Сталинград, где они жили до войны, женился, родилась дочка. Погиб от случайной пули пьяного матроса.

Вторым ребёнком в семье Азария Итина стал сын Вивиан, который родился 26 декабря 1893 г., а 29 декабря его крестили в той же Спасской церкви. Видимо, до покупки дома с мезонином на Малой Казанской, семейство Итиных снимало квартиру в районе Большой Казанской улицы^{1*}. Малышу дали необычное, европейское имя Вивиан (Вивьен / Vivien), что от латинского корня можно перевести как «живущий» или «энергичный».

Крёстными будущего писателя стали купец Николай Иванович Мамин, свидетель на свадьбе родителей, видимо, друг семьи, а также родственница, купеческая вдова Татьяна Андреевна Короткова, бабушка младенца по материнской линии [21].

После двух сыновей, третьим ребёнком в семействе Азария и Зинаиды Итиных стала дочь Фаина, которая родилась 23 мая 1895 г., крестили 28-го, крёстные те же, что у брата Вивиана [22]. В воспоминаниях дату рождения Фаины путают, ошибочно считают её вторым ребёнком, хотя она появилась на свет позже Вивиана.

Фаина Азарьевна училась в Санкт-Петербурге, слушательница высших женских (Бестужевских) курсов до 1914 г. [23]. Затем вернулась в Уфу, проживала с овдовевшей матерью, умерла в 1968 г. Следующим ребёнком стал сын Виталий, он родился 19 марта 1898 г., крёстные Н.И. Мамин и А.И. Глазырина [24] (по-видимому, он умер в младенчестве). Они же были восприемниками в Спасской церкви у дочери Нины, появившейся на свет 5 февраля 1902 г. [25].

Нина Азарьевна Итина (1902–1988) окончила биологический факультет Московского университета, уже в молодости занималась наукой [26], работала у академика Л.А. Орбели, перед войной защитила кандидатскую диссертацию [27], пережила блокаду Ленинграда. В 1958 г. защитила диссертацию доктора биологических наук в Ин-

^{1*} Ныне Октябрьской революции.

ституте морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР [28], на основании которой выпустила монографию [29].

Все дети Итиных получили высшее образование, стали первым поколением советской интеллигенции.

Семья – вспоминала Лариса Итина, – жила в деревянном доме с мезонином и садом, который сохранился до сих пор. В нём прошли детские годы ее отца.

В возрасте 8 лет Вивиан заболел корью. В это время в доме случился небольшой пожар. Из-за всеобщего переполоха и сквозняков мальчик простудился, и корь осложнилась костным туберкулёзом. Мать возила Вивиана в Казань, где в то время были хорошие врачи и клиники. Вивиану в двух местах удалили поражённые кусочки кости, в т. ч. – над глазом. Затем он длительное время жил в Алупке, в частном детском санатории врача Изоргина. Это были путешествия, вынужденные болезнью, но они развили в мальчишке мечтательность, разбудили воображение.

Вопреки прогнозам врачей мальчик выжил. В 1912 г. с отличием окончил в Уфе реальное училище и поступил в Петербургский Психоневрологический институт, возглавляемый выдающимся психиатром академиком В.М. Бехтеревым. В 1913 г. перевёлся на юридический факультет Санкт-Петербургского университета [30]. В студенческие годы проявился его интерес к литературе, он начал писать стихи.

Вивиан Итин в юности

В доме профессора университета М.А. Рейснера, выходца из остзейских немцев, Вивиан познакомился с его дочерью Ларисой, любовь к которой стала короткой, но яркой главой жизни Вивиана. Лариса Рейснер увлекалась как литературой – писала стихи, прозу, дружила со многими поэтами, так и коммунистическими идеями.

По мнению современников, женщина редкой красоты, Лариса привыкла к поклонению выдающихся мужчин. Вивиан Итин был ей под стать: молод, строен, красив, интеллигентен, утончённо элегантен в смокинге, белой крахмальной манишке с широкими манжетами и золотыми запонками. Она быстро уловила, насколько одарён и перспективен этот живой черноволосый черноглазый юноша.

Именно Л. Рейснер ещё в 1917 г. передала в журнал Максима Горького «Летопись», с которым сотрудничала, первый написанный Итиным фантастический рассказ «Открытие Риэля». Горький рассказ одобрил, но журнал закрылся.

Зимой 1917 г. Наркомат юстиции, где работал Итин, был переведён из Петрограда в Москву, что расстроило предстоявшую помолв-

ку. Они расстались. У Ларисы начались бесчисленные романы.

Летом 1918 г. Итин поехал в Уфу к родным. Как вспоминали сёстры, прибыл Вивиан франтом – в белом костюме. Здесь его застал белочешский мятеж, вернуться он не смог, устроился переводчиком в американскую миссию Красного Креста и отправился с сотрудниками миссии в Сибирь, где пристал к партизанским отрядам.

Незаконченное юридическое образование выдвинуло его в члены ревтрибунала. «Это был первый год моей оседлой жизни, считая с 1917-го, – вспоминал Вивиан Азаревич. – Я подписывал смертные приговоры в коллегии губчека и выручал спешно приговорённых к смерти, председательствовал в «Реквизиционной комиссии» и вводил революционную законность, раздавал церковное вино – губздраву, колокола – губсовнархозу и руководил «комиссией по охране памятников искусства и старины». В Красноярске были поэты, и я стал редактировать еженедельный литературный уголок, называвшийся «Цветы в тайге» [3].

Судьба Ларисы сложилась трагически. Единственная женщина, сделавшая военную карьеру, став комиссаром Генштаба Военно-Морского флота, Лариса ушла из жизни в феврале 1926 г. Не склонявшаяся под градом пуль, она, выпив стакан сырого молока, заболела брюшным тифом, подорванный большими нагрузками и любовными переживаниями организм 30-летней женщины не справился с болезнью.

Годы спустя Лариса стала героиней произведений когда-то любивших ее мужчин: Комиссар в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, Лара в «Докторе Живаго» Бориса Пастернака...

Когда через четыре месяца после ее смерти у Вивиана родилась дочь, он назвал её Ларисой. В.А. Итин никогда не расставался с портретом своей невесты, стоявшим в перламутровой рамке на его столе.

«Профессия– культработник!!!»

Вся последующая жизнь Вивиана Итина была связана с Сибирью. Он женился на Агриппине Ивановне Чириковой. Жизнь складывалась нелегко – двоих детей они похоронили совсем маленькими, в т. ч. единственного сына, которого он назвал в стиле той эпохи Солнцем [3].

С 1920 г. заведовал отделом юстиции в Красноярске и редактировал литературную страничку в газете «Красноярский рабочий». Затем был переведён в Канск, где заведовал отделами агитации и пропаганды, политического просвещения, местного отдела РОСТА, был редактором газеты и председателем товарищеского дисциплинарного суда. В анкете того времени он написал: «Профессия – культработник» и поставил три восклицательных знака [31].

Работавшие с Итиным вспоминали, что был он прекрасным оратором, способным увлечь и убедить слушателей, честным судьёй, не раз повторявшим, что общество будущего «будет построено по законам сердца». И, судя по тому, что в Канске до сих пор существует литературный кружок «Страна Гонгури», Итин был действительно неординарной личностью, успев за год своей жизни оставить о себе память на многие десятилетия.

Человеком он был жизнерадостным, неунывающим, легко переносившим житейские трудности. «Итин в бытовом отношении никогда не был устроен, – вспоминал о канских годах старый большевик, участник Гражданской войны в Сибири И.П. Востриков. – Жил он в кинотеатре «Кайтым»^{1*}. Заканчивался последний сеанс, люди расходились, а Итин получал возможность отдохнуть, переночевать. И книгу свою он писал в том же кинотеатре, при свете самодельной коптилки».

На память об этом периоде своей жизни он написал:

Я живу в кинотеатре
С пышным именем «Фурор»
Сплю, накрывшись старой картой
С дыркой у Кавказских гор.

«И однажды мы с товарищами рассудили так: последить за ним некому, сам он человек стеснительный, поможем ему мы. Когда беляки удирали, то они всё своё обмундирование, в т. ч. и новое, ненадёванное, побросали. Из тех белогвардейских запасов мы и подобрали Итину одежду. Он, я помню, очень обрадовался и сказал, как же он во всем новом и чистом в иллюзион пойдёт ночевать? И вот, когда я читал его книгу, меня очень удивило: как человек, будучи совсем неустроенным, мог создать такое светлое произведение – мечту, сказку об удивительной стране, где живут люди коммунистического общества?».

В это же время Итин получил из Петрограда чудом сохранившуюся рукопись «Открытия Риэля», написанную ещё в 1918 г., и переработал её в утопический роман «Страна Гонгури».

«Шёл третий год войны. Я написал мой первый рассказ «Открытие Риэля», – вспоминал Вивиан Итин в предисловии к «Стране Гонгури». – Аналогия между Солнечной системой и атомом казалась в то время смелой. Я думал, что подобного представления достаточно, чтобы армии бросили оружие. Я был молод». Уход в мир фантастики был своего рода побегом из кровавой действительности:

^{1*} В те годы назывался иллюзион «Фурор».

Ветра, в предвосхищенье бури,
Берут стремительный разгон
Туда, где имя речки Ури,
Таёжной, звонкой речки Ури,
Звучит раскатисто, как гонг...

«Гонг Ури! Объединённые стихотворным ритмом, эти слова прозвучали как единое целое, – писал в письме поэту Леониду Мартынову Итин. – Кстати, в детстве я название романа Джека Лондона так и представлял – «Зовпредков». Вот и здесь получилось Гонгури. Что могло так называться? На это мне предстояло ответить долгими ночами над листом бумаги с карандашом в руке».

Книга, изданная им по собственной инициативе в 1922 г. тиражом 700 экземпляров в типографии «Канский крестьянин» на обёрточной бумаге, стоила всего 20 000 руб. и потому те, кто победнее, покупали ее для заворачивания махорки. Впоследствии роман неоднократно переиздавался.

Это было первое произведение советской фантастики, «Аэлита» Алексея Толстого появилась почти через год. Арестованный с оружием в руках юный герой романа Гелий, находясь в белогвардейском застенке, погружается доктором, соседом по камере, в далёкое будущее, увидев из которого ужас происходящего на Земле, кончает жизнь самоубийством. «Я видел невообразимое смятение текущих людских масс. Это не жизнь, а тайная игра злых сил. сражаясь с чудовищами они сами становятся чудовищами». Вернувшись в реальный мир, он идёт на расстрел.

И мир был жесток, как жестокий холод.
И вились дымы-драконы в лазури
И скалил зубы безжалостный голод.
А я вспоминал о стране Гонгури.

«Самым удивительным для меня было, каким образом из солнечного своего Сорренто Алексей Максимович заметил рождение «Страны Гонгури» на берегу таежного Канна, – вспоминал позже сам Итин. – В те дни стояли большие морозы. Антициклон лизнул нас сухим языком. Ртуть Реомюра падала до минус 40. Записка Горького была не менее суха и его «пожалуй» – даже сурово. Но почему-то всё же казалось, что это не морозный, а тёплый туман Тирренского моря залил мою новосибирскую улицу Максима Горького. Если величайший писатель современности говорит, что он до конца жизни остаётся учеником, то, что сказать о себе? Но не потому, что «познание есть наслаждение», а потому, что познание – страсть, как голод и любовь, ведущая к одной цели, независимо от того, радуется она или мучает».

В 1923 г. Итин перебирается в Новониколаевск,^{1*} издаёт книгу стихов «Солнце сердца», повести «Урамбо», «Каан-Кэрэдэ» об авиаторах. Итин возродил журнал «Сибирские огни», став «собирателем литературных сил Сибири». Советский поэт Леонид Мартынов считал Вивиана Азарьевича своим Учителем и посвятил ему стихи:

У меня был друг Вивиан,
Он мечтою был обуян.
Сделать этот мир восхитительным.
Я дружил с Вивианом Итиным...

Итина избирали секретарём правления первого Сибирского съезда писателей, председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей, ответственным редактором журнала «Сибирские огни», он был делегатом Первого съезда Союза писателей, напечатал в своём журнале главы незаконченного романа «Конец страха». В.А. Итин участвовал в первых агитполётах по Сибири, в многочисленных экспедициях по Северному морскому пути, после рейса на судне «Лейтенант Шмидт», от устья Колымы вернулся в Новосибирск на собаках и оленях.

По материалам своих путешествий написал книги «Восточный вариант», «Морские пути северной Арктики», «Выход к морю» и др. По рассказам полярников создал повесть «Белый кит», по его сценарию в конце 1920-х гг. в Новосибирске снят фильм о Севере [32]. Итин был одержим идеей за одну навигацию добраться из Ленинграда во Владивосток. Был знаком с И.Д. Папаниным, О.Ю. Шмидтом, высоко ценившим его знания и звавшим переехать в Москву. Он всё реже обращался к поэзии. В его литературном наследии более 50 поэтических произведений, 31 статья, 8 очерков, 6 повестей, 2 киносценария, пьеса [33]. В 1934 г. Вивиан был удостоен премии им. М. Горького за очерки, книгу «Морские пути Советской Арктики».

Во время одной из экспедиций к Карскому морю Вивиан Итин встретил новосибирскую художницу 17-летнюю девушку из дворянской семьи Ольгу Ананьевну Шереметинскую (1908–1953), свою последнюю любовь. Два года он ухаживал за ней, уйдя к этому времени из первой семьи, где росла дочь.

Сибирский период В.А. Итина

Ольга с конца 1920-х гг. жила в Новосибирске, преподавала изобразительное искусство в школе, стала ещё при жизни Итина членом Союза художников СССР. Принимала участие в росписи ин-

^{1*} Ныне Новосибирск. Именно Вивиан Итин активно отстаивал это название и видел в нём город будущего.

терьеров Новосибирского театра оперы и балета, во время Великой Отечественной войны работала для окон ТАСС. Её произведения находятся в Государственной Третьяковской галерее, музеях Костромы и Новосибирска.

В 1930 г. у них родилась дочь Наталья.

Семья жила сначала в одной комнате. «Но управдом увидел, в каких условиях живет такой «знаменитый писатель, как Итин», и вскоре семье выделили трехкомнатную квартиру в этом же доме. С тех пор здесь сюда стали приходить «молодые поэты и солидные прозаики – вспоминала Наталья Вивиановна. Отец беседовал с ними в своем кабинете, потом все выходили в большую комнату. И бабушка (из Шереметинских) играла на пианино фокстроты и танго. Я помню Леонида Мартынова. У бабушки был альбом, где гости оставляли свои послания, Мартынов вписал туда свой экспромт».

При жизни Горького Итина не трогали. Осенью 1937 г. за «связь с врагами народа» его исключили из партии, арестовали 30 апреля 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Итин предвидел свою судьбу и готовился к тюремной жизни. «За несколько дней до ареста отца я зашла, как обычно, в его кабинет. Он лежал на своей узкой железной кровати и смотрел на крышку коробки с папиросами «Казбек». Там была нарисована азбука перестукивания в тюрьме» [3].

«Ему инкриминировали шпионаж, – рассказывала дочь Наталья. – Будучи в экспедициях они часто заходили в порты заправляться: на Японские острова, Шпицберген. Потом в это время в нашем городе было немало консульств и миссий иностранных государств. Отец, как человек, знавший английский язык в совершенстве, участвовал в переговорах, просто общался с иностранцами. А ещё в доносе, по которому отца арестовали, говорилось, будто бы у нас под видом вечеринок собиралось какое-то общество, действовал шпионский центр... Когда отца арестовали, писатели перестали с нами общаться, как говорила мама, заведев нас, переходили на другую сторону улицы». Её поддерживали только художники.

Мой отец влюблён был в снег и ветер,
В ледяной арктический простор,
Где всё лето солнце ярко светит,
И торосы – к кораблю в упор,
Привозил он звон полярной стужи
И влюблённость в дальние края,
Север был ему не меньше нужен
Чем наш дом, любимая семья.

А потом – рассказы в кабинете
Про оленей, тундру, лук и стрелы...
Папы нет давно уже на свете
Был убит, как враг, осатанело.
Был расстрелян, а потом оправдан
За отсутствием состава преступления
Лишь за то, что жил всегда по правде
И любил свой Север и оленей

(Наталья Шереметинская) [34]

Его обвинили в критике советской власти. Припомнили, наверно, и высказывания Итина, глубоко потрясенного расстрелом Николая Гумилева в 1921 г.: «Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России останется глубокой трагедией». Эти слова уже в 1928 г. стали аргументом для обоснования политической неблагонадежности редакции журнала «Сибирские огни» [35].

Постановлением «тройки» УНКВД по Новосибирской обл. от 17 октября 1938 г. Вивиан Азарьевич был приговорён к расстрелу. Не позже 22 октября приговор привели в исполнение, хотя семье сообщили дату смерти – 1945 г. Место захоронения неизвестно. Есть версия, что Вивиана, страдавшего от истощения, застрелили на этапе. 11 сентября 1956 г. В.А. Итин был посмертно реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Многие годы о Вивиане Итине старались не упоминать, знавшие и уважавшие его прежде люди спешили избавиться от подаренных экземпляров первого издания «Страны Гонгури». Но время всё расставило по своим местам, сейчас в городах Сибири проводят посвященные ему выставки, научные конференции, в т. ч. с участием молодых исследователей.

Несколько экземпляров канского издания «Страны Гонгури» – самого первого советского фантастического романа – сохранились сегодня лишь в некоторых крупных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, а также в библиотеке Томского университета. «Личный архив отца, в котором мог быть экземпляр первоначального текста, – указывала дочь писателя, – был конфискован и уничтожен НКВД».

«В 1966 г. секретарь правления Союза писателей СССР заместитель директора Гослитиздата С.А. Ляндрес^{1*} предложил составить сборник произведений Итина и направить его в издательство «Советский писатель». Я подготовила сборник и... получила из издательства

^{1*} Отец Юлиана Семенова, переживший тюрьму и ссылку.

отказ. Ряд мест в рукописи был подчёркнут рецензентом. За это время С.А. Ляндрес уже умер. Книгу удалось издать только в 1983 г. в Новосибирске в сокращённом варианте. Большой материал, в т. ч. фотографии, собрал об Итине новосибирский критик и журналист Юлий Мостков [1, с.3–15]. К 90-летию со дня рождения В.А. Итина в 1984 г. его статья была напечатана в «Вечерней Уфе».

В 2004 г. Новосибирская студия телевидения подготовила видеофильм «Страна Фантазия» из серии «Сибирская энциклопедия» по сценарию Марины Шабановой. Начинается он словами Итина: «Фантастика – это мир, в котором нам хотелось бы жить, в котором никогда жить не будем и в котором, как ни странно, живём постоянно».

Хотя основную часть жизни В.А. Итин посвятил Сибири, нельзя забывать, что детство и становление личности первого советского писателя-фантаста прошло в Уфе. Здесь жили и нашли вечный покой его родители, начиналась биография брата и сестёр.

Мы не один раз умираем
И любим много, много раз,
Но есть единственный экстаз –
Его огня не забываем,
Когда любя мы умираем.
Я был искателем чудес
Невероятных и прекрасных,
Но этот мир теперь исчез
И я ушёл в дремучий лес,
В снега и вьюги зим ужасных.
Пред мной колыхается дуга
И мысли тонут в громком кличе,
Поют морозные снега
И в беспредельном безразличье
Молчит столетняя тайга.
Но кто бы знал, какими снами
Я наполняю зимовьё,
Когда варначьими тропами,
Как души чёрными ночами,
Людское рыскает зверьё!

1. Итин В.А. Страна Гонгури: Сборник повестей / Вступительная статья Ю. Мосткова. – Новосибирск, 1983, др.

2. Венецианское зеркало: Русская фантастическая проза 10–20-х годов XX в. / Сост., примеч. Ю.М. Медведева; редколлегия: В.М. Гуминский и др. – М., 1999 (Библиотека русской фантастики. Т.14); Итин В. Стихи: 1912–1937 / сост. Л.В. Итина. – Минск, 2007. Произведения В.А. Итина опубликованы также в серии «Литературное наследие Красноярья», см. По наземам скифских дорог / сост. Н.А. Броднева. – Красноярск, 2017.

3. [Электронный источник] Итина Лариса. Поэт, писатель и путешественник // Вестник Online – 2004. – № 5. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (дата обращения 15.06.2020 г.).

4. Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г.Г. Брановер. Т. 1. Биографии: А–К. – М., 1994. – С.518.
5. Чечуха А. Истории дома, которого нет // Уфа: страницы истории. Кн. 1 / Сост. М.В. Агеева. – Уфа, 2015. – С.367–369; Шкурко Э. Дом у Итиных был с мезонином // Вечерняя Уфа. – 2018. – 17 июля; Она же. «Он был искателем чудес, невероятных и прекрасных...» // STMEGI (Израиль). – 2019. – № 4. – 26 марта. – С.20–21; Она же. «Мир, непохожий на действительность, как мысль бессмертная моя...» К 125-летию Вивиана Итина // Бельские просторы (г.Уфа) – 2019. – № 2 (243), др.
6. НА РБ. Ф.И-294. Оп.2. Д.31.
7. Шкурко Э.А. Евреи в Башкортостане: полтора века истории. – Уфа, 2007 и др.
8. См.: Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века. – СПб., 2014.
9. Евграф Васильевич Еварестов (1858–1919). Расстрелян большевиками. В 2000 г. Архирейский Собор Российской Православной Церкви Московского патриархата канонизировал священника.
10. О Листовских см.: Тюрина И.П., Гончаренко Е.Б. Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян Листовских (на основе собрания портретов из коллекции Томского областного художественного музея) // Река времени. / отв. ред. М.И. Роднов. – Уфа, 2015.
11. Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. – Выпуск 6. – С.181–208.
12. [Электронный источник] Карацупа В. Архив фантастики. – 2019. URL: archivsf.narod.ru/1893/vivian_itin/index.htm (дата обращения 15.06.2020 г.).
13. Чечуха А. Истории дома, которого нет // Уфимские ведомости. – 2016. – № 95 (10 декабря). – С.20.
14. Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. – Уфа, 1899. – С.96, 120.
15. Итин А.А. О благотворительности согласно с учением слова божия. – Уфа, 1895. – 46 с.
16. Чечуха Анатолий. Истории дома, которого нет // Уфа: страницы истории... указ соч. – С.367–369. См. также: Бельские просторы. – 1999. – № 6.
17. Итин А.А. Деятельность попечительного совета Уфимских коммерческих училища и торговых школ за 1914 год. [Уфа, 1915]. См.: Буравцов Владимир. Коммерческое училище // Уфа: страницы истории... указ соч. – С.76–77.
18. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. – Уфа, 1917. – С.23, 43, 44, 60, 71, 74.
19. Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). – Уфа, 2016. – С.57, 68, 116, 169–171, 177, 190.
20. НА РБ. Ф.И-294. Оп.2. Д.33. Л.721 об. – 722.
21. Там же. Д.34. Л.698 об. – 699.
22. Там же. Д.38. Л.282 об. – 283.
23. Уфимский вестник. – 1914. – 4 января.
24. НА РБ. Ф.И-294. Оп.2. Д.44. Л.378 об. – 379.
25. Там же. Оп.5. Д.3. Спасская церковь. Л.5 об. – 6.
26. Итина Н.А. Строитель жизни – углерод. – М.–Л., 1928 (2-е изд. 1930).
27. Итина Н.А. Материалы по эволюции реактивности мышечной ткани на «вегетативные» яды. Тезисы к диссертации на учёную степень кандидата биологических наук. – [Л.], 1939.
28. Итина Н.А. Функциональные свойства мышц на ранних этапах филогенеза и онтогенеза позвоночных. Автореферат дисс. ... доктора биол. наук. – Л., 1958.
29. Итина Н.А. Функциональные свойства нервно-мышечных приборов низших позвоночных. – М.; Л., 1959. – 195 с.
30. URL: http://www.cbsmakarenko.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=88781&Itemid=1296. (дата обращения 15.06.2020 г.).
31. [Электронный источник] Итин Вивиан Азарьевич. URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=1012>. (дата обращения 15.06.2020 г.). Далее основные вехи био-

графии В.А. Итина приводятся по указанным в статье изданиям и интернет-ресурсам.

32. Прашкевич Г.М. Вивиан Азарьевич Итин // Прашкевич Г.М. Красный сфинкс: история русской фантастики от В.Ф. Одоевского до Бориса Штерна. – Новосибирск, 2007.

33. Лаппо С. Певец Северного морского пути // Сибирские огни (Новосибирск). – 1968. – № 12.

34. Стихи.ру

35. Рецензия на сборник Н. Гумилева «Огненный столп» // Сибирские огни. – 1922. – № 4. – С.197.

Сағатова Ә.С.

Тарих беттерінен қалған өмір тағылымы^{1*}

Еврей этномәдени бірлестігі туралы әңгіме алдында тарихқа кішігірім шолу жасағанды жөн көрдік. Қарағанды облысында еврейлердің пайда болуының нақты күнін анықтау мүмкін емес. Ерте кездерде көмір кендерін әзірлеу басталған кезде еврей диаспоралары болған жоқ, мұрағаттарда да осында жұмыс істеген еврейлер туралы мәліметтер сақтамаған.

Кеңес заманында ұлттық диаспоралар деген болмаған, әрі бұл бұрынғы Ресей империясы халықтарының өмір сүруінің басты қағидатымен интернационализмді жариялаған революциялық дәуірдің ұстанымына сай келмесе керек. Сонымен қатар, елді индустрияландыру олардың ұлттық тиістілігіне қарамастан мамандардың келуін талап етті. Бұл сол кездегі уақыт сұранысы болатын. Алғашқы бесжылдықтардың құрылыстарына – Балқаштағы мыс алыбының, Қарағанды көмір шахталарының құрылысына инженерлік, басқару мамандары жіберілді, олармен бірге педагогтардың үлкен тобы да келген болатын, сонымен бірге, дәрігерлер, тұрмыстық сала, сауда қызметкерлері келе бастады. XX ғасырдың 20-шы жылдарының басынан бастап, әсіресе 1929–1930-шы жылдарды басында мамандар құрамында КСРО азаматтары қатарында еврей ұлтының өкілдері де болғандығына негіз бар. Кейінгі уақытта еврей ұлтының өкілдері және олардың отбасылары үшін Қазақстан туған үйіне айналды.

Еврей халқының Қазақстанға және нақты айтар болсақ, Қарағанды жеріне қоныс аударуының екінші толқыны Ұлы Отан соғысы тарихымен, осы жылдары зауыттарды, ғылым және білім беру мекемелерін Қазақстан жеріне көшірумен байланысты. Ал үшіншісі, соңғы толқын – бір жағынан – «дәрігерлер ісімен», екінші жағынан ірі жоғары оқу орындарының ашылуымен байланысты болды. Қарағанды қаласы үшін мұндай жоғары оқу орындарының ашылуы

^{1*} Уроки жизни, оставшиеся со страниц истории. В статье рассказывается об истории появления еврейской диаспоры на территории Казахстана и в частности на территории Карагандинской обл., о вкладе представителей еврейской диаспоры в научную, культурную и общественную жизнь региона.

политехникалық және медициналық институттармен байланысты еді.

Еврей дәстүрінің қайта жаңғыруы, қоғамның еврей мәдениетіне деген қызығушылығы еврейлердің кеңестік дәуірде, сонымен бірге, ең бастысы қазіргі заманғы Тәуелсіз Қазақстанның қалыптасып, даму құрылысына қосқан үлесін бағалау қажеттілігін тудырды.

Біздің өлкеміздің тарихы ізгілік, парасаттылық, білімнің, батырлықтың, ерлік пен қаһармандықтың символына, нышанына айналған. Өлкетану тарихы көптеген атақты есімдерді біледі және жадыда сақтаған, олардың арасында біз бірінші құрылысшылардың, өнер қайраткерлерінің, медицина қызметкерлерінің, ғалымдардың, мұғалімдердің, өндірушілердің есімдерін мақтанышпен айта аламыз. Сондай еңбегі сіңген қайраткерлердің қатарында еврей диаспорасының өкілдері де нық сап түзеп тұрған. Солардың ішінде тек кейбір жарқын есімдерді атап өтетін болсақ, Ұлы Отан соғысының ардагерлері В.А. Брейдо және Г.В. Нейман.

Вульф Абрамович Брейдо – медициналық институтта әскери кафедрада көп жылдар бойы дәріс берген. Басқармасы Алматы қаласында шоғырланған Түркістан әскери аймағында медицина ғылымдарының бірінші кандидаты ретінде шыққан. Қарағанды мемлекеттік медицина университеті ардагерлер кеңесінің төрағасы, Қарағанды медицина академиясының Тарих мұражайының негізін қалаушы.

Григорий Владимирович Нейман – бұрынғы артиллерист, мектептегі әскери істің оқытушысы – өз Отанына деген патриоттық сезімнің белсенді насихаттаушысы және туған жерге деген шынайы қатынасты тәрбиелеу бағыт-бағдарын берік ұстанған педагог. Ардагерлер КСРО және Қазақстан Республикасының ордендерімен және медальдарымен марапатталған.

Соғыс жылдарындағы тыл ардагері, Еңбек ардагері – Григорий Александрович Русс. Қарағанды жерінде 1953 жылдың қаңтарынан бастап қоныс тепкен. «Майқұдық» шахтасында бас инженердің орынбасары, шахтаның бас механигі болып жұмыс істеген. 1954 жылдан 1959 жылға дейін тыңда Шет ауданының машина-трактор станциясында (орысша – МТС) бас инженер ретінде жұмыс істеді. II және III дәрежелі «Кеншілер даңқы» төс белгілерімен, Еңбек Қызыл Ту орденімен, Тың және тыңайған жерлерді игергені үшін медалімен марапатталған.

Борис Соломонович Фиалков (1930–1996 жж.) техника ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Ғылым Академиясының

корреспондент-мүшесі. Қарағанды жеріне Свердловск қаласынан 1960 жылдардың басында қоныс аударған. Жанғыш пайдалы қазбалар институтында, Қарағанды көмір ғылыми-зерттеу институтында (орысша – КНИУИ) жұмыс істеді. Содан кейін Химия-металлургия институтында (орысша – ХМИ) жану үрдістерінің электрофизикасы зертханасын ұйымдастырып, басқарды. Қазақстанның Химия-металлургия институтында директор болды. Metallургияның дамуына, жану процестерінің электрофизикасы саласындағы іргелі білімдерге үлкен үлес қосты.

Иосиф Вульфович Брейдо – ҚР Тұңғыш Президенті білім алған жоғары оқу орны – Қарағанды техникалық университетінің кафедра меңгерушісі, ғылым докторы, профессор. Оның ғылыми бағыты тау-кен өнеркәсібінде электр жетектерін және автоматтандыруды әзірлеу және қолдану болып табылады. Белгілі ақын. Екі өлең кітабының, поэтикалық жинақтардағы бөлімдердің авторы. «Простор», «Сибирские огни», «Нева» журналдары басылымдарында жарық көрген. Ресейден тыс жерде тұратын орыс тілді әдебиетшілердің II Халықаралық байқауының лауреаты.

Қарағанды қаласында медицина ғылымы мен тәжірибесінің қалыптасуы көрнекті ғалымдар мен дәрігерлер Ф.Л. Гектин, В.М. Карлинский, А.С. Гриншпун, Б.С. Хакер, Н.И. Альбертон, С. Х. Биргин, Я.Е. Ламма есімдері және қызметтерімен байланысты.

Профессор С.В. Лохвицкий Қазақстанның медицина ғылымы мен денсаулық сақтау саласында табысты еңбек етуде. Ғалым-дәрігер өз атындағы клиниканың негізін қалаушы, ғылым докторлары мен кандидаттары саңлақтарының тәрбиешісі. Біздің өңірде алғаш болып ампутацияланған қолдың буынын қалпына келтіру бойынша өте сирек операция жасаған. Көптеген өнертабыстар мен күрделі операциялар әдістерінің авторы.

Осыдан бірнеше жыл бұрын Қарағанды мемлекеттік медициналық университетінің Медбикелік іс факультетінің негізін қалаушылардың бірі және ең ірі терапия кафедрасының жетекшісі медицина ғылымдарының кандидаты, доцент Михаил Яковлевич Фаликович болды.

Психиатрияның гуманистік дәстүрін аймақта Қарағанды мемлекеттік медицина университетінің психиатрия кафедрасының меңгерушісі – Людмила Степановна Гурова жалғастырды. Өмірдің қиын жағдайына тап болған адамдарға бірінші сенім телефоны жөнінде түсінік – оның арқасында жұмыс істей бастады.

Қарағанды облысының музыкалық және театр өмірінде орындаушы-пианист және көрнекті педагог Руслан Штеренберг,

халық драма театрының режиссері Марк Фридман айқын із қалдырды.

Бұл – Қарағанды облысының тарихына үлес қосқан аз ғана есімдер тізімі.

1991 жылға дейін Қарағандыда жалпы еврей ұлтының тарихына қатысты жеке дербес «дүниелер» болмаған. Ұлтқа қатысты жеке даралық тарихтың мүмкіндіктері тек Қазақстанның тәуелсіздікке қол жеткізуімен және заңды жүзде Қазақстанның барлық халықтары үшін мәдени дәстүрлерді, ана тілін сақтауға және дамытуға тең құқықтар мен мүмкіндіктерді жариялауымен пайда болды.

Осы уақыттан бастап Қарағандыда қоғамның еврей бөлігі мүдделерінің түрлі салаларын білдіретін бірнеше ұйым пайда болады. Бұл, ең алдымен, бастауында Михаил Яковлевич Фаликович тұрған – «Қарағанды облысының еврей қауымы», «Хэсэд-Мириам» қайырымдылық ұйымы, «Шэмэш» қауымдық мәдени орталығы, «Қарағанды еврей мәдениетінің орталығы», «Ор-Авнер еврей білім беру орталығы».

«Қарағанды еврей мәдениетінің орталығы» (бұдан әрі – ҚЕМО) 1992 жылы 9 сәуірде құрылды. Оның төрағасы болып сайланған Касицким Эдуард Михайлович бастаған бастамашыл топ құрды. Одан әрі орталықты Татьяна Абрамовна Гурова басқарды. 2006 жылдан бастап орталықтың жаңа төрағасы Молотов-Лучанский Вилен Борисович болды. Молотов-Лучанский Вилен Борисович – медицина ғылымдарының докторы, профессор. 2012 жылдан бері Қарағанды мемлекеттік медицина университетінің оқу-әдістемелік және тәрбие жұмысы жөніндегі проректоры. Ғылыми жұмыстармен белсенді айналысады. Бүйрек пен тыныс алу мүшелерінің әртүрлі генездегі зақымдануы кезінде тотығу метаболизмі саласында ғылыми зерттеулер жүргізеді. 300 ғылыми жұмыстың авторы. Оның профессор Л.Е. Муравлевамен бірлескен басшылығында және ғылыми кеңес беру кезінде үш кандидаттық диссертация, PhD дәрежесін алу үшін 1 диссертация қорғалды. ҚР өнертабыстар туралы 4 авторлық куәлігі бар. ҚММУ клиникалық базасы болып табылатын ауруханалардың стационарлары мен поликлиникалық бөлімшелерінде емдеу-кеңес беру жұмыстарын жүргізеді. Терапевт-дәрігердің жоғары біліктілік санаты бар, сертификатталған эндокринолог-маман болып табылады. Қарағанды қаласы мен Қарағанды облысының қоғамдық өміріне белсенді қатысады.

2006 жылдан бастап Қарағанды еврей мәдениеті орталығын басқарады. Оның жетекшілігімен белсенді мәдени-ағартушылық

қызмет, жастарды патриоттық тәрбиелеу бойынша жұмыстар жүргізіліп келеді, жыл сайынғы облыстық ұлттық мәдениет фестивалдеріне, Қазақстан тілдері күніне арналған іс-шараларда белсенділік танытып келеді.

«Қарағанды еврей мәдениетінің орталығы» төрағасы ретінде патриоттық тәрбие, ұлтаралық келісім мәселелеріне, жастармен, ғылым және мәдениет қайраткерлерімен, әскери қызметшілермен кездесуге бірнеше рет қатысты. Қазақстан халқы Ассамблеясы, облыс әкімдігінің ішкі саясат департаменті, «Нұр Отан» партиясы қамқорлығымен конференциялар мен форумдарды ұйымдастырды. Бірнеше рет баспасөзде, облыстың және республиканың теледидарында қоғамдық өмірдің өзекті мәселелері бойынша сөз сөйлеп, сұхбат берді.

2009 жылдан бастап облыстық ҚХА ғылыми-сараптамалық тобын басқарады. Аймақтық және республикалық басылымдарда жарияланған қоғамдық-саяси тақырыптардағы 20-дан астам публицистикалық жұмыстардың авторы болып табылады. Қарағанды облысы Қазақстан халқы Ассамблеясы «Қоғамдық келісім» КММ жетекшісі Құсайын Ерлан Бейсембайұлы және оның ұжымы қолдауымен шығарылған 10 ғылыми-тәжірибелік конференция материалдарының жинақтары және ғалымдар еңбектерінің шығарылымындағы редакциялық баспа-кеңесінің мүшесі. Осындай қажырлы еңбегі үшін Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті атынан алғыс хаттар, медальдармен марапатталған.

Бұның барлығы тарих беттерінен қалған өмір тағылымдары. Осындай қиын-қыстау уақытқа қарамастан елімізде білім және ғылымды дамытуға үлес қосқан аға буын өкілдерінің қажырлы да қайратты еңбектерінің арқасы. «Тұлға» деген ұғым мағынасы жағынан сан қырлы. Оның мән-мазмұндық негізі бірқатар ғылымдардың, атап айтар болсақ, философия, әлеуметтану, психология, педагогика ғылымдарының зерттеу объектісіне айналғалы қай заман. Мысалы үшін, «философия шеңбері тұрғысынан тұлғаны таным мен шығармашылықтың, іс-әрекеттің субъектісі ретінде қарастыратын болса, психология оны психикалық қасиеттер мен үдерістердің, яғни мінез-құлық, темперамент, қабілет, т.б. тұрақты жиынтығы» ретінде зерделейтіндігін баршамыз білеміз.

Ал біздің көтеріп отырған тақырып тұрғысында қарастырап болсақ, «тұлға» дегеніміз, адамның тек табиғи-жаратылыс қасиеті ғана емес, ол табиғаттан тысқары тұрған, тек қана қоғамда өмір сүріп,

қоғаммен тығыз байланыс-қатынастар негізінде қалыптасатын адамның қадір-қасиеті, іс-әрекетінің жиынтық көрінісінің мәні болса керек-ті. Демек, бұл адамның әлеуметтік сипатының бастамасы ретінде жол алғанымен, мән-мазмұндық сипаты жағынан терең астарлық, салиқалы танымдық көрінісінің бір адамның бойында табылуы. Нақтырақ саралайтын болсақ, тұлға дегеніміз – «жеке индивидтің табиғаттан тыс адами қасиеті, яғни оның әлеуметтік өмірінің» мәнді жақтарын сипаттайтын сапасы. Ең бастысы адамның адамгершілік дүниесінен бастау алған, өз жеріне, еліне, Отанына деген шынайы патриоттық сезімі, елі мен жері үшін аянбай еңбек етуі, елінің болашағы үшін татулық пен келісімді ізгілік-парасаттылықпен орнату жолында өз халқының жетістіктерін әлем танитындай айқын беделімен таныта білуі болса керек. Еліміз, жеріміздің тағдырына қатысты мәселелер ерте дүние тарихынан ақыл-білімі асқан ойшыл адамдардың ой-толғамдарына арқау болған. Мұндай танымал тұлғалар есімдері қазақ даласында әрбір тарихи кезеңдердегі ұлы оқиғалармен астасып жатыр. Негізгі ұстаным бейбіт, тыныш өмір, бақытты, құтты мекен, туған жердің қадір-қасиетін бағалай білу, әрбір тұрғылықты жерін қадір тұту, кие тұту сезімдерімен ұштасқан. Әрине, мұндай тұлғалық қадір-қасиет екінің-біріне дари бермейді. Ұлы дала төсінде бабаларымыз тарихында ерлігімен, батырлығымен, адами танымымен, қажыр-қайратымен, ерік-жігерімен өшпес із қалдырған ұл-қыздары қаншама. Міне, нағыз Ұлы тұлғалар. Саны көп, сапасы мықты. Жалпы ұлттық болашақтың ұтымды ізденістері ретінде ел мүддесі мен тағдырына қатысты бабаларымыздың талай ұрпақтары қалыптастырған игілік пен ізгілік дәстүрінің қырлары осындай тұлғалардың қалыптасуына жол салған.

Міне, қазіргі таңда Қазақстан Республикасының егемендігі жарияланған сәттен кейінгі жылдар еліміздің халықаралық деңгейде қол жеткізген ірі табыстарымен, әрі халқымыздың ұлттық бірлігінің арқасында қол жеткізген күрделі қоғамдық, мәдени, ғылыми жетістіктермен есте қалатыны анық. Осындай игі бастаманың басында тұрған адам – ғалым, жан-жақты «сегіз қырлы, бір сырлы» қасиеттерімен танылған тұлғаға саяды. Яғни бейбіт өмір мен өзара сыйластықты байыптылықпен, сұңғылалығымен орнатуға бағытталған таным өрісінің терең қатпарлардан бастау алғандығының жемісін қазіргі таңда бастан кешіріп отырмыз.

Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии

В 2017–2019 гг. мною было просмотрены документы 316 стрелковой дивизии (далее – сд), в т. ч. две книги штатного состава командиров 316 сд 1941 г. Эти документы находятся в Подольске в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ).

Я решила назвать всех поименно – первый состав 316 сд, ушедшей на фронт 18–19 августа 1941 г. семью эшелонами из Алма-Аты. 93,1% состава бойцов и командиров из Казахстана, Киргизии, Узбекистана уже названы и выложены в интернет. Работа продолжается.

Изучая материалы о национальном составе 316 сд, и, зная, что в дивизии находились представители 34 национальностей, проживающих на территории Советского Союза, я решила подготовить для X Международной научно-практической исторической конференции, посвященной 75-летию Победы во Второй Мировой войне и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана данную статью.

В книге штатных должностей командиров и политического состава 316 сд должно было быть 738 должностей, однако было 32 вакантные ставки. Итого 706 человек – составляли старший и средний командный состав 316 сд.

Поскольку имелись списки с указанием полных биографических данных, я смогла выделить из командного состава командиров и политических работников – евреев по национальности.

Штаб 316 стрелковой дивизии

1. Леберзон Борис Абрамович – инструктор по информации, мл[адший] политрук, 1914 г. р., член ВКП (б), 7 классов, Военно-Политическое училище – ВХК Среднеазиатского военного округа (далее – САВО), еврей, участвовал ли на фронтах – нет, жена Веницкая Лиза Израилевна, ребенок один. Место рождения и дом[ашний] адрес: г. Тирасполь Молдавской ССР, адрес: Ташкент, Ленина, 92, кв. 7, 3 подъезд [1].

2. Волынский Миня Бельяминович – помощник начальника клуба по снабжению, воентехник 2 ранга, время назначения и номер приказа: 02.08.1941, САВО, 00229, 1907 г. р., беспартийный (далее – б/п), 5 классов, военного образования нет, еврей, участвовал ли на фронтах – нет, жена Саркисова Нина Александровна, детей 2. Место рождения и место проживания: г. Кировск Одесской обл., адрес: Коканд, Маяковского 18 [2].

1073 стрелковый полк

1. Шамес Наум Гамшевич – командир взвода радиосвязи, воен-техник 1 ранга, 1908 г. р., еврей, б/п, служащий, гражданское образование – высшее, ВВП, мобилизован 14.07.1941 г., место работы: техникум связи г. Алма-Ата, преподаватель. Место проживания: Алма-Ата, техникум связи. Контужен 22.02.1942 г. [3, л.15 об. – 16].

2. Зусман Ефим Семенович – командир батальона 76 м/м, мл. лейтенант, 1914 г. р., еврей, канд[идат] ВКП (б), служащий, ВВП^{1*}, гражданское образование – высшее. Дата призыва 16.07.1941 г. Место работы: Облпромсоюз, инженер-строитель. Место проживания: Алма-Ата, Джетысуйская, 6 [3, л.24 об. – 25].

1075 стрелковый полк

1. Лейкин Давид Борисович – ст[арший] врач полка, военврач 3 ранга, 1905 г. р., еврей, член ВКП (б), служащий, военного образования нет, гражданское – высшее. Место проживания: Алма-Ата, Калинина, 37. 08.12.1941. откомандирован в санотдел 16 армии [3, л.31 об. – 32].

1077 стрелковый полк

1. Шехтман Зиновий Самойлович – командир полка, майор, 1901 г. р., еврей, член ВКП (б) с 1926 г., рабочий, военное училище, гражданское – 7 классов, КУИС, г. Фрунзе, руководитель тактики [3, л.52 об. – 53].

857 артполк

1. Статланд Наум Яковлевич – адъютант, 1919 г. р., еврей, б/п, служащий, военного образования нет, гражданское – среднее, призван 19.07.1941, 556 гап, ответ. секр[етарь] ВЛКСМ, место рождения и дом[ашний] адрес: Украинская ССР, Житомирская обл., м[естеч]ко Народичи; Термез, Узбекская ССР [3, л.71.].

2. Слезнинский Борис Николаевич – начальник разведки, звания нет, 1919 г. р., ВЛКСМ, рабочий, Ашхабад, 658 гап [3, л.74].

3. Коган Исак Рафаилович – командир топографической разведки, 1921 г. р., ВЛКСМ, служащий, Ашхабад, 67 ап [3, л.74].

4. Несимбойм^{2*} Юлий Земович – командир взвода боепитания, 1921 г. р., еврей, ВЛКСМ, образование – среднее, школа младших командиров в 1940 г., на других фронтах – не участвовал, отец Несимбойм З.Р., мать [Несимбойм] Г.А. Одесса, ул. Реввоенсовета, 51. Место проживания: Ташкент [4].

^{1*} Всеобщая воинская подготовка.

^{2*} Так в документе.

373 отдельный артиллерийский дивизион

1. Макиевский Яков Иосифович – секретарь бюро ВКП (б) дивизиона, ст. политрук, 1905 г. р., еврей, член ВКП (б) с 1925 г., окончил университет Свердлова, военного образования не имеет, участвовал ли на фронтах – нет, жена Анастасия Андреевна, мать Вера Андреевна, одна дочь [5].

203 мотострелковая разведрота

1. Мосезон А.Н. – командир взвода управления, лейтенант (национальность не указана) [6].

242 медсанбат

1. Курцер Иосиф Борисович – начальник медснабжения, интендант 1 ранга, 1892 г. р., б/п, среднее, военного образования – нет, еврей, участвовал ли на фронтах – нет, жена Курцер Софья Григорьевна, детей – 2. Место работы – Каз. аптеко-управление, заводделом аптечной сети. Место рождения и место проживания: пос. Щедрино Могилевской обл., г. Алма-Ата, ул. Гоголя, 17 [7].

2. Бродский Зельман Львович – командир оперативно-перевязочного взвода, военврач 2 ранга, 1898 г. р., еврей, б/п, госуниверситет, медфакультет, военного образования – нет, участвовал ли на фронтах – да, жена Бродская Ревека Мойсивна, детей – 3. Место работы – Мединститут. Место рождения и место проживания: г. Никополь, Алма-Ата, 8 линия, 70 [7].

3. Шапиро Янина Львовна – врач-ординатор, 1919 г. р., еврейка, Мединститут, военного образования не имеет, участвовала ли на фронтах – нет, мать Шапиро Анна Мартыновна. Место работы: аэропорт гражданский, больница – врач. Место рождения и место проживания: м[естечко] Прокопск БССР, Алма-Ата, аэропорт [8].

4. Цепенюк Лазарь Миронович – врач-ординатор, военврач 3 ранга, 1903 г. р., еврей, б/п, госуниверситет, медфакультет, военного образования – нет, участвовал ли на фронтах – да, жена Малец Вера Антоновна, ребенок – 1. Место работы, Алма-Ата, глазной институт, ассистент. Место рождения и место проживания: гг. Киев, Алма-Ата, Узбекская, 110 [9].

5. Варшавский Гдалий Маркович^{1*} – врач-ординатор, 1903 г. р., еврей, б/п, Мединститут, военного образования – нет, участвовал ли на фронтах – нет, жена Варшавская Мария Борисовна, ребенок – 1. Место работы – Мединститут, ординатор. Место рождения и место

^{1*} Добро по-Варшавски / Енисеева-Варшавская Вычитано и выверено мной окончательно !!!...указ. соч. – С.261–263.

проживания: с. Каданок Бурято-Монгольской АССР. Алма-Ата, Фурманова 30/14 [9].

Ветлазарет

1. Макиевский Яков Иосифович – военный комиссар, ст[арший] политрук, 1905 г. р., еврей, член ВКП (б) с 1925 г., служащий, военного образования – нет. Гражданское – незаконченное высшее. На учете – А-А ОВК, место работы: ЦК КП (б) К, зав[едующий] сек с/х кадр. Место рождения и место проживания: Алма-Ата, Калинина, 37, кв.7 [10].

Нисенбойм Юлий – младший лейтенант^{1}*

Нисенбойм Юлий (1921 [с. Валегоцулово Одесской губ.] – 2012, Израиль)

Из книги учета офицерского состава 857 артиллерийского полка:

Комвзвода боепитания Нисенбойм Юлий Земович, 1921 г. р., еврей, член ВЛКСМ, в Красную армию призван 19 июля 1941 г., образование гражданское – среднее, военное – школа младших командиров в 1940 г., в гражданской войне не участвовал, отец Несимбойм З.Р., мать Несимбойм Г.А.,^{2*} г. Одесса, ул. Реввоенсовета, 51 [11].

Боевой путь Юлия Нисенбойма оказался коротким, но отмечен рядом боевых наград.

Когда незадолго до его демобилизации началась война, он, сдав экзамены экстерном, в звании младшего лейтенанта, получил назначение в 316-ю стрелковую дивизию, которая в ноябре 1941 г. за мужество и героизм в ходе боев под Москвой была награждена Орденом Красного Знамени и получила почётное звание гвардейская, а 23 ноября 1941 г. стала именной – дивизии было присвоено имя командира И.В. Панфилова, погибшего в бою 18 ноября.

В первые месяцы войны отдельные части дивизии, занимая позиции, укреплявшие оборону Москвы, вынуждены были отступать. В один из таких дней младший лейтенант Нисенбойм получил приказ взять на себя командование одним из орудийных расчетов, потерявшим своего комвзвода, и не покидать поле боя без указаний командования. По существу, перед десятком бойцов ставилась задача: пока полк не займет новую позицию, при помощи одной (!) артиллерийской пушки остановить наступающую на пятки группу фашистских танков.

^{1*} Публикуется по книге Ахметова Л.С. Панфиловцы: наша гордость, наша слава. – Алматы, 2020. – 764 с. (402–406).

^{2*} Разночтение источников: в документах ЦАМО РФ фамилия пишется как Несимбойм, инициалы отца – З.Р.; в интернет-ресурсах – Нисенбойм, инициалы отца З.Й. В БД Подвиг народа указан как Нисенбоем Юлий Зимович. Также см. в данном издании Нисенбойм Г. К вопросу создания коллективной памяти в Израиле.

Решить такую задачу в сложившейся обстановке все равно, что закрыть грудью амбразуру дзота. Приказ есть приказ, и первым делом, двумя выстрелами бойцы по указанию младшего лейтенанта снесли мост, связывающий через овраг дорогу между вражеской стороной и местом расположения оружейного расчета. А затем началась тяжелая и героическая работа под градом вражеских пуль и снарядов. Несколько часов горстка бойцов под командованием двадцатилетнего юноши, насколько это возможно, непрерывно палила из пушки, не пропуская врага на свою сторону оврага.

Его артиллерийский расчет, удерживая позицию, прямой наводкой уничтожил четыре вражеских танка и вынудил фашистов прекратить наступление. За этот подвиг бойцы расчета были представлены к наградам. Младший лейтенант Юлий Нисенбойм был повышен в звании и удостоен ордена Боевого Красного Знамени^{1*}, что выяснилось почти через год, когда награда нашла героя.

Во время атаки вражеской авиации на полковые позиции панфиловцев под Волоколамском одна из вражеских бомб разорвалась в непосредственной близости от того места, где находился Юлий. Оставшись в живых, он жестоко пострадал, получив множественные ранения. Больше всего оказались поврежденными левая рука и нижняя часть тела. Его состояние оценивалось как безнадежное. Но близость к московскому госпиталю Бурденко, куда он вовремя был доставлен, в сочетании с железным характером, спасли ему жизнь. К несчастью, левую руку спасти не удалось. Ее ампутировали до самого плеча.

Вот так скоротечно и трагически закончилась первая часть «путешествия» в большую жизнь для двадцатилетнего юноши. На поле боя вместе с вырванными кусками тела из его бедра и ягодиц остались юность, физическое совершенство и... уже не осуществимые мечты.

Везти его на санитарных поездах пришлось в подвешенном состоянии по той простой причине, что на его теле не было стороны, которой его можно было бы прислонить к кровати. За восемь месяцев переездов по госпиталям он прибыл в Новосибирск.

Потеряв руку, он не потерял достоинства и, с присущим ему оптимизмом, не только не давал волю грустным мыслям, но старался поддерживать находящихся рядом раненых, которые впадали в депрессивное состояние. Вместе с ним в госпитале проходил лечение скрипач Миша Саниц. У него безнадежно для выступлений была по-

^{1*} [Электронный ресурс] Командир взвода 857 арtpолка 8 гв сд. Приказом по войскам Западного фронта от 17 января 1942 г. «О награждении личного состава. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=10372605&tab=navDetailManAward> (дата обращения 17.06.2020).

калечена левая рука. И Миша пребывал в подавленном состоянии от того, что не сможет больше виртуозно играть на скрипке. Как истинный одессит, Юлик будучи по характеру немножечко авантюристом, предложил Михаилу выступить на концерте художественной самодеятельности, сыграв на скрипке вдвоем. Основная проблема здесь была в том, что и у Михаила, как и у Юлия, рабочей была именно правая рука. Проявив солдатскую находчивость, Юлий предложил новый способ игры на скрипке: Миша, зажав инструмент между ног, должен был правой рукой работать на грифе, а Юлий своей единственной правой «пилить» смычком.

И ... получилось. Они приготовили и с блеском «напилили» в концерте три вещи, в т. ч. попури на мотивы украинских песен, требующих непростой техники исполнения. Конечно же, это был успех. И, прежде всего, успех сильных мужчин, победивших обстоятельства. А главное – их выступление заронило в сердца покалеченных войной людей веру в силу духа, а вместе с ней и надежду на лучшее будущее. Орден Боевого Красного Знамени ему вручили в госпитале. В начале войны награды столь высокого ранга были еще редкостью, а в стенах этого госпиталя такой чести еще не видывали. Это событие было отмечено митингом, на котором присутствовали не только раненные, весь медицинский персонал госпиталя, но и представители городских властей и организаций.

Судьба же всей его семьи оказалась абсолютно трагичной, о чем остались лишь сухие и горькие сведения:

Мать Гитл и сестра Анна, 1925 г. р. – погибли в гетто (с. Доманевка^{1*}) вместе с дедушкой и бабушкой.

Брат Наум, 1923 г. р. – погиб при обороне Одессы.

Отец Зема Йолевич, – погиб при обороне Севастополя. Занесен в Книгу памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, изданную в 1999 г. в Москве. Его имя занесено также в Книгу памяти защитников Севастополя.^{2*}

^{1*} [Электронный ресурс] После начала Великой Отечественной войны, 5 августа 1941, Доманевку оккупировали немецко-румынские войска. Здесь разместилась военно-полевая комендатура. В колхозных конюшнях фашисты создали «лагерь смерти», где замучили и расстреляли около 20 тыс. человек из Доманевского р-на, Одессы и Молдавии. 28 марта 1944 г. Доманевка освобождена от оккупантов. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%91%D0%B2%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 17.06.2020).

^{2*} [Электронный ресурс] Зема Йолевич Нисенбойм. Призван в 1941 г., рядовой стрелок, 241 сп 95 сд. Погиб в 1942 г. URL: <http://familyface.com/ru/homo/pr/view/id/226638>. Также см. [электронный ресурс] Архив воинов, погибших от ран и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://memory.dag.com.ua/browse.php?2284&page=330> (дата обращения 17.06.2020).

Всю свою жизнь после войны и до отъезда в Израиль Юлий посвятил как школьному, в качестве учителя географии, завуч, так и внешкольному образованию, будучи директором в летних пионерских лагерях в Узбекистане.

За плодотворную деятельность на ниве просвещения он был награжден, знаками «Отличник просвещения Узбекской ССР» и «Отличник народного образования СССР», а также медалью «Ветеран труда».

Увы, время не только неумолимо, но и безжалостно. Прожив в Израиле два десятка лет, на 91-м году жизни Юлию пришлось вступить в бой за свою жизнь после операции по замене сустава бедра. Он мужественно преодолевал боль в попытке обрести самостоятельность при ходьбе. Но по недосмотру медиков его настигла пневмония, которая вцепилась в него мертвой хваткой, и герой войны с нацизмом свой последний бой проиграл.

Юлий Земович Несимбойм оставил после себя не только светлую память своим ученикам, друзьям и родственникам, главное – правнуки. Правнуки, родившиеся сабрами, и ставшие живым свидетельством того, что жизнь семьи, подлежащей уничтожению врагами евреев, восстала из пепла войны, начавшейся 22 июня 1941 г. [12].

Ландсман Абрам – рядовой 1075 сн^{1}*

Ландсман Абрам Константинович (16.05.1915, Верный (Алма-Ата, Казахстан) – 07.09.1997 г. (Haifa, Israel).

Ландсман А. написал замечательную книгу о своем роде, откуда я и взяла данные о нем как бойце Панфиловской дивизии.

Из его воспоминаний: «В 1939 г. призвали в армию. Я участвовал в войне с белофиннами, также в освобождении Молдавии, а в середине 1940 г. был демобилизован и уехал в г. Алма-Ата, в котором не был 8 лет.

Служил с начала формирования в Панфиловской дивизии и затем в 698 с[трелковом] п[олку] 146 с[трелковой] д[ивизии] 1 Приб[алтийского] Ф[ронта] до тяжелого ранения в ноябре 1943 г. Дослужился до старшего лейтенанта.

В 1994 г. с женой Верой переехал на постоянное место жительства в Израиль.

1. Когда меня 17 июля 1941 г. взяли на Великую Отечественную войну, я попал в Панфиловскую дивизию. Нас расположили в Алма-

^{1*} Публикуется по книге Ахметова Л.С. Панфиловцы: наша гордость, наша слава...указ. соч. – С.599–603.

Ате, в так называемой крепости, построенной еще в прошлом столетии. Была дана команда привезти из карьера песок, и были посланы три брички. В одной из них был я. Когда мы набрали песок и ехали обратно, поначалу все было хорошо. Но когда мы свернули с Комсомольской^{1*} на проспект Сталина,^{2*} брички покатались вниз и лошади, как их не удержишь, побежали очень быстро. Я хотел их остановить, всеми силами стал подтягивать вожжи и одна из них оборвалась. Бричка стала неуправляемой. Я мог только кричать: «Берегись!». О себе я в это время не думал, только боялся, как бы кого не задавить. А лошади от ул. Гоголя до ул. Ташкентской^{3*} бежали как бешенные. Остановила их только строящаяся линия трамвая. Лошади остановились, я отделался лишь небольшими ссадинами на коленке и лбу. И очень был рад, что никого не задавил. А ведь могло быть черт знает что.

2. Командир роты послал меня с донесением в штаб полка. Оседлали лошадь, и я часов в 8 утра выехал. До штаба полка было километров десять и к 9 часам я был на месте. Занес донесение и попросил разрешение вернуться в подразделение. Когда я вышел, моей лошади у коновязи не было. Я подумал, что она отвязалась, но через некоторое время я понял, что мою лошадь кто-то увел. Что мне было делать? Идти пешком 10 км? Кроме того, потеря лошади не в боевых условиях пахнет большими неприятностями. К исходу дня я увидел во дворе другую оседланную лошадь и стал думать, как ее увести. Если сесть на лошадь, то ее хозяин, не задумываясь может и застрелить. И решил я отвязать лошадь и вести ее на поводу, а если кто-нибудь спросит, сказать, что нашел отвязанную лошадь и не знаю, куда привязать. Стал я потихоньку отвязывать – никто меня не остановил. Вышел из села и хотел сесть на нее, но лошадь оказалась высокая, а я не достаю до стремени. Нашел какой-то пенек и все-таки влез. Еду. Если встречаю кого-нибудь, то сразу съезжаю в кювет. Только часов в 9 вечера я приехал в свое подразделение. Зашел и доложил командиру роты, что донесение отдал полковнику Капрову. «А что так долго?» – спросил командир. Я говорю: «У меня случилось «Ч[резвычайное] П[роисшествие]». Он, конечно, спрашивает: «Что за «ЧП?». Я говорю: «У меня украли лошадь». Он возмутился: «Ты что!». «Но я украл другую!». Он сразу повеселел: «Ну, это другое дело! Пойдем, старшина, посмотрим, что он нам привел». Пришли в конюшню с фонариком. Я так был всем этим возбужден, что не по-

^{1*} Ныне Толе би.

^{2*} Ныне Абылай хана.

^{3*} Ныне проспект Райимбека.

нял, что привел командирскую лошадь. Это могло плохо кончиться. Но обошлось.

3. В середине марта 1943 г. началось интенсивное наступление на немецкие позиции. Днем фашисты еще отстреливались, а ночью уходили на новые позиции. Наши лошади еле везли тяжелые брички с минометами. Мы никак не могли дожидаться, чтобы немцы хотя бы на некоторое время заняли оборону. Мы шли по тем местам, где немцы уничтожили весь корм. Лошади были голодными и не могли вести большие брички с минами. Командир роты Феоктистов решил в одном селе оставить 10 ящиков с минами, два миномета и одного ездового солдата для охраны. Хозяйке дали немного продуктов, а сами поехали дальше, надеясь, что немцы где-то остановятся, и мы вернемся за ним. А немцы не только не останавливаются, а огрызаются и снова удирают. Когда прошло еще три дня, мы стали беспокоиться о солдате и наших минометах (Бог с ними, с минами, на них штампа нет, чьи они). Командир Феоктистов распорядился, чтобы я взял легкие санки и поехал выручать солдата и минометы. Еду обратно, по дороге я встречал много раненных, идущих в тыл. И вдруг вижу одного своего солдата с перебинтованной рукой. Он стал рассказывать, что случилось у Феоктистова после того, как я уехал: «Мы подъехали к логоу, внутри которого бежала речка, дорога шла вниз к речке и дальше на подъем в кустарник. Ну, мы, конечно, очень устали и решили на этой стороне реки передохнуть и немного поесть. Дежурное охранение не поставили, перекусили и все прилегли. Конечно, сразу заснули.» Оказалось, что немцы были на другом берегу реки и видели, сколько людей пришло и сколько минометов с ними. И когда они увидели, что все легли и укрылись плащ-палатками, то начали наступление с трех сторон – два взвода пошли с флангов и один по центру. Командира Феоктистова сразу убило. Минометы и кое-какое вооружение немцы забрали». А меня судьба еще раз оставила в живых.

4. Когда 3 ноября 1943 г. меня тяжело ранило осколком снаряда в левую половину грудной клетки. Я истекал кровью. Кровь шла изо рта и из раны в прилегочной области. Здесь помогло то, что медсанбат находился в 300 м, и меня на плащ-палатке понесли солдаты, часто сменяясь. И все же могло быть хуже. Когда принесли в медсанбат, то там, в передней комнате, лежало очень много раненных, но меня, минуя других, понесли сразу к врачам. Тут начались выкрики: «Куда? Почему без очереди?», – мат-перемат. Однако меня положили на операционный стол, вынули осколок, зашили рану, перевязали – это меня спасло [13].

Наверное, не было бы этого материала, если бы не читали моих писем со списками 1 состава Панфиловской дивизии. В одном из писем под номером 12 от 27.01.2019. был напечатан набранный Людмилой Прибытковой из Томска текст «Именной список рядового и младшего начсостава, отправляемого Алма-Атинским облвоенкоматом в распоряжение командира части 1075», где под номером 26 стояла следующая надпись: «26. Лано(кд?)сман Абрам Кана..., 1915, б/п, Фрунзенский, г. А-Ата».

На эту запись обратила внимание Вера Райгородская из Хабаровска. Мы обменялись мнениями. Вера выслала мне книгу Ландсмана А.К. в электронном виде.

Письмо 12 от 27.01.2019 г. Вера Райгородская 26) возможно, Ландсман Абрам Константинович? 16 мая 1915 г., Алма-Ата – 7 сент. 1997 г., Хайфа, Израиль. В своей небольшой книге «История моего рода. Воспоминания» он пишет, что 17 июля 1941 г. призван в Панфиловскую дивизию. Упоминает, как отвозил пакет командиру полка Капрову.

30.05.1951 г. орден Отечественной войны 2 степени <https://pamyat-naroda.ru/.../podvig-chelovek.../> В наградном листе говорится о тяжелом ранении в грудь 04.11.1943 г., которое Ландсман тоже описал в своих воспоминаниях. Правда, место службы указано уже другое.

06.04.1985 г. орден Отечественной войны 1 степени https://pamyat-naroda.ru/.../podvig-chelovek_yubileinaya.../

Страница Абрама Ландсмана, там выложена фотокопия книги. Как он сам пишет, еврейское отчество Кадышевич поменял на русское – Константинович.

Кроме того, имеется еще одна запись о бойце А. Ландсмане. Это письмо 7 от 03.02.2018 г., напечатанное Мусабековой Райхан из Алматы, и также выставленное мною в социальные сети.

1/ Б-н рядовой Ландсман Абрам Конст., б/п, 1939 г. – принятие присяги. Эта запись имеется в документе «Именной список команды № 10 Фрунзенского Горрайвоенкомата г. Алма-Ата в распоряжение командира 1075 стр. полка» в количестве 251 чел. [14].

Так мы узнали об алмаатинце, панфиловце Абраме Ландсмане.

1. ЦАМО РФ. Ф. 8 гвсд. Оп.2. Д.5; Д.14. Л.3 об. – 4.
2. Там же. Д.5; Д.14. Л.4 об. – 5.
3. Там же. Д.14.
4. Там же. Ф.10597. Оп.2. Д.7. Л.14 об. – 15.
5. Там же. Ф.8 гвсд. Оп.2. Д.5. Л.39.
6. Там же. Д.127. Л.246 об. – 247.
7. Там же. Д.5. Л.121 об. – 122; Д.14. Л.103 об. – 104.
8. Там же. Д.5. Л.121 об. – 122; Д.14. Л.105 об. – 106.

9. Там же. Д.5. Л.121 об. – 122; Д.14. Л.104 об. – 105.
10. Там же. Д.5. Л.121 об. – 122; Д.14. Л.125 об. – 126.
11. Там же. Д.6. Л.14 об.
12. [Электронный ресурс] День перевернувший историю. URL: <http://www.arad-plus.com/den-perevernuvshij-istoriyu/> (дата обращения 17.06.2020).
13. Ландсман А. История моего рода. Воспоминания. – 64 с. (60–63); <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC-%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9B%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%BD/6000000006794810251>
14. ЦАМО РФ. Ф.23 гвсп. Оп.2. Д.10. Л.5, 139 об.

Вуколов В.Н.

Военный альпинист и педагог

Великая Отечественная война является одним из самых глобальных событий человеческой истории XX в. И тем более удивительно, что в истории этого события немало «белых пятен» и ненаписанных страниц. Одной из таких страниц является подготовка горных стрелков и участие в Великой Отечественной войне альпинистов из Казахстана.

Накопление материала по данной теме осуществлялось автором более 50 лет через личное общение, совместные восхождения и соревнования с альпинистами – ветеранами войны, курсантами и инструкторами школы горных стрелков на турбазе «Горельник» (сентябрь 1941 г. – октябрь 1946 г.). Решение написать монографию [1] возникло после того, как 25 октября 2013 г. Совет глав государств СНГ с участием Первого Президента Казахстана Н.А. Назарбаева принял решение о подготовке к празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

По согласованию с руководством университета «Туран» проект был включен в план работы научно-исследовательского института туризма. Мы знали источники первоначальной информации о наиболее известных казахстанских альпинистах и горных стрелках – ветеранах войны. Автор учился, а позднее 20 лет работал в Казахском педагогическом университете им. Абая и занимался в секции альпинизма и туризма. Той самой секции, в которой до войны занимался Леонид Кельс. О заслугах Л.П. Кельса в годы войны автор впервые услышал от основателя горного спорта в Казахстане – Виктора Матвеевича Зимина. Затем пришлось обратиться к справочным изданиям.

Так, в капитальном издании под общей редакцией П.П. Захарова «Альпинизм. Энциклопедический словарь» есть три раздела, где была бы к месту биография Л.П. Кельса: а) военный альпинизм; б) персоналии: исторические и современные; в) приложения «персоналии исторические и современные» [2].

Действительно в разделе «военный альпинизм» [2, с.351] указан факт, что с 1942 г. на Кавказе в 9-й горнострелковой дивизии в качестве инструкторов альпинизма воевали А. Гусев, Л. Кельс, В. Шпилевский и Н. Гусак. Далее отмечено, что для создания боевых групп горных стрелков в 242-ю горнострелковую дивизию были направлены альпинисты Л. Кельс и Ю. Горбунов [2, с.358]. В 1942–1944 гг. на Кавказе действовала Местийская школа по горной подготовке офицеров, в которой кратковременно работал инструктором Л. Кельс.

Биографии военного альпиниста из Казахстана, участвовавшего в снятии фашистских флагов с Эльбруса нет в обоих разделах «персоналии: исторические и современные» указанного энциклопедического словаря. Именно этот факт подтолкнул автора в самом начале системной работы над проектом «Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне» начать по крупицам собирать сведения о казахстанском военном альпинисте.

Кельс Леонид Павлович родился 23 мая 1918 г. в г. Куйбышеве Куйбышевского р-на Новосибирской обл.^{1*} Скончался в 1974 г. в г. Тбилиси [3].

Во время учебы Леонид присоединился к студентам, которые занимались в секции альпинизма и совершали туристские походы и восхождения на горные вершины. В августе 1936 г. Леонид в составе группы казахстанских альпинистов совершил первопрохождение и полный траверс вершины Физкультурник (2А к. с.). К 1937 г. Кельс имел альпинистский опыт, позволяющий ему совершать первовосхождения и первопрохождения на вершины Северного Тянь-Шаня, такие как первопрохождение на пик Пушкина из долины реки Левый Талгар [4].

Летом 1937 г. в ущелье Средний Талгар близ Алматы был направлен начальником школы инструкторов ВЦСПС зам. председателя секции альпинизма ВЦСПС Олег Дмитриевич Аристов. Под его руководством был построен и введен в действие альпинистский лагерь «Талгар», на его базе – Среднеазиатская школа инструкторов альпинизма (САШИА) [5]. Эту школу окончили почти все довоенные квалифицированные альпинисты Казахстана, в т. ч. Л.П. Кельс.

В 1938 г. Леонид Кельс вместе с инструктором Тамарой Россовой руководил группой казахстанских альпинистов, которая взойшла на западную вершину высшей точки Алтая – горы Белухи [6].

По окончании института, работал учителем физики в средней школе г. Чимкент. 27 сентября 1939 г. Чимкентским военкоматом

^{1*} Ранее Западно-Сибирский край, Баратинский р-н, г. Каинск.

Л.П. Кельс был призван в ряды Красной армии. После ускоренной подготовки как отличный спортсмен-альпинист получил звание младшего лейтенанта.

В ходе исследования нами найдена информация о том, что еще до войны Л.П. Кельс служил в одной из воинских частей Закавказского военного округа. 22 июня 1941 г. Кельс в связке с альпинистом Щуровским совершили восхождение на вершину Казбека. Уже после восхождения альпинисты узнают о нападении гитлеровской Германии и немедленно отправляются в свои воинские части [7].

На Кавказе он познакомился с А.М. Гусевым. Гусев был старшим по званию среди всех квалифицированных альпинистов, воевавших на Кавказе, он руководил основными операциями советских военных альпинистов в этом районе в 1942–1943 гг. [8].

Штаб Закавказского фронта, куда А.М. Гусев прибыл, вел работу по обеспечению боевых действий на высокогорных перевалах. Учитывая специфику этих участков и особые нужды наших горнострелковых частей и подразделений, при штабе была организована оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта. В составе ее имелось и альпинистское отделение, в котором служил старший лейтенант Л.П. Кельс. Отделение разрабатывало наставления, памятки для действий войск в горах, инструкции по службе высокогорных гарнизонов, определяло рацион питания и пр. Занимались альпинисты отделения и организацией производства специального снаряжения.

Командиры альпинистского отделения привлекались в качестве консультантов при планировании боевых действий в высокогорных районах. Они выезжали инспектировать гарнизоны, участвовали в проведении разведок. Лейтенант Кельс проводил разведку в тылу Эльбрусской группировки противника. Особенности боевых действий в горах потребовали специального обмундирования для личного состава отдельных горнострелковых отрядов. Так появилась специальная форма горных войск Закавказского фронта.^{1*}

О том, как воевал на Кавказе альпинист из Казахстана Л.П. Кельс, рассказывает в книге «Эльбрус в огне», его командир А.М. Гусев. Для осуществления разведки оперативная группа по обороне Главного Кавказского хребта, действовавшая при штабе фронта, направила Гусева и Кельса в 46-ю армию. Формирование разведывательного отряда поручалось штабу 394-й дивизии. Для оказания помощи в штаб

^{1*} Подробнее о форме см. [Электронный ресурс] Захаров П.П. Школа военного альпинизма и горнолыжного дела Закавказского фронта (1942–1945 гг.). URL:

http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5196 (дата обращения 25.07.20).

направили Кельса. Разведывательный отряд должен был выйти через ущелье реки Секен на перевал Морды, создать там гарнизон и определить силы противника в ущелье реки Морды и на дороге Хурзук – Хотю-Тау, т. е. в тылу немецких частей, находившихся на Эльбрусе.

Приводим отрывок из воспоминаний А.М. Гусева: «После авиаразведки я начал спускаться к тропе, которая хорошо просматривалась со склона у реки. Тропа была пробита лыжниками. Я знал, что здесь проходил отряд Кельса – по тропе передовое охранение держало связь с тылами дивизии. Ожидая меня, Кельс учил бойцов ходить на горных лыжах. Отряд, состоящий из 120 человек, был хорошо вооружен и экипирован. 394-я дивизия ничего не пожалела для его снаряжения, и людей подобрали крепких, многие из них входили в свое время в отряд альпинистов. Бойцы были тепло одеты, обуты, имели достаточное количество спальных мешков, сухой спирт для приготовления горячей пищи. Выдали нам и два разборных домика, которые предстояло установить на подступах к перевалу.

В одном из донесений Кельс докладывал, что пересек лыжный след примерно двухнедельной давности, идущий поперек ущелья. Когда отряд подошел к боковому ущелью, здесь нас ждал Кельс. Склон ущелья закрывал нас от противника. До начала подъема на перевал Морды отсюда оставалось 2-3 километра. Все это свидетельствовало о том, что место было удобно для организации подперевального лагеря».

К рассвету строительство лагеря было закончено. Установлены домики, вырыты в снегу пещеры, за камнями созданы укрытия для огневых точек. Весь день бойцы отряда поочередно отдыхали и вели наблюдение.

На перевал Морды решили двинуться через день, т. е. 1 января 1943 г. Кельс же с другой группой разведчиков должен был накануне вечером скрытно подойти к началу крутого подъема непосредственно на перевал, переночевать там, а на рассвете начать подъем по снежному кулуару. Однако мы понимали: если перевал занят противником, то вряд ли удастся пройти незаметно. В таком случае придется вести разведку боем. Кельс с несколькими бойцами ушел.

В третьем часу ночи появился боец, с головы до ног покрытый инеем. Это был связной от Кельса. Леонид сообщал, что во время разведки обнаружил вверху на перевале группу вражеских лыжников. Утром он собирался начать подъем на перевал и просил прислать пулеметчиков с ручным пулеметом. Мы отобрали восемь бойцов, взяли

станковый пулемет, установленный на лыжах, и примерно через час вышли из лагеря.

Рассвет застал нас в пути. Остановились, чтобы передохнуть и определить, где находится отряд Кельса. Мы увидели, как вытянувшись по кулуару цепочкой, наши товарищи поднимались наверх, а выше, на перевале, на снежном склоне, уже показались немецкие лыжники. Ловко поворачивая, они скатились к скалам, сняли лыжи и залегли. Появилась еще одна группа, за ней – следующая. Егеря отлично владели лыжами. Расчертив склон узорами лыжных следов, они быстро спустились к скалам и приготовились к стрельбе. Бойцы Кельса продолжали подъем.

Очередь нашего пулемета и выстрел из ракетницы прозвучали почти одновременно с разрозненными выстрелами егерей с перевала. Упал первый из цепочки поднимающихся, затем еще двое, остальные ринулись было вниз, но быстро опомнились и бросились за скалы. Наш огонь не доставал до егерей. Надо было сблизиться, и мы, прихватив пулемет, побежали на лыжах к перевалу. Двигались до тех пор, пока не засвистели вокруг пули. Потом укрылись за камнями и стали бить по егерям. Стрельба с перевала усилилась.

Мы стреляли по гитлеровцам, мысленно похоронив Кельса. Но из-за скалы в кулуаре вдруг выскочил лыжник и с нарастающей скоростью помчался вниз. Такое было под силу только Леониду! Фашисты, прижатые нашим огнем, некоторое время молчали, а потом принялись стрелять по Кельсу из автоматов. Пули взметали вокруг него снежные фонтанчики. Леонид двигался правым боком к склону. Левый поворот на лыжах всегда у Леонида получался плохо. Значит, либо очередь в спину, либо мой друг рухнет в пропасть...

Однако случилось иное. Повороту Леонида мог бы позавидовать опытный слаломист. На огромной скорости он развернулся у самого края обрыва. Только снежная пыль взметнулась за его спиной, то ли от лыж, то ли от новой автоматной очереди егерей. Теперь гитлеровцам попасть в Кельса стало намного труднее, да и мы усилили огонь по перевалу.

На склоне, куда мчался Кельс, лежал огромный обломок скалы. Сверху на нем был снег. Высота скальной стены, обращенной в нашу сторону, равнялась примерно 5 м, внизу под ней можно было укрыться от огня. Видимо, это правильно оценил Леонид. Он умышленно помчался к обломку скалы, наехал на него, кубарем полетел вниз в нашу сторону и по пояс погрузился в снег. Быстро выбравшись из

снега, Леонид, не теряя времени, раскопал сорвавшийся с плеча автомат и, что-то прокричав наверх, стал стрелять по перевалу. Только тут мы заметили, что из кулуара по прямой к обломку скалы мчатся еще три лыжника, а остальные, прижимаясь к скалам кулуара, осторожно отходят по глубокому снегу. Это означало, что Кельс не растерялся. Наметив путь отхода, он в нужную минуту подал команду и тем спас большую часть своих людей [8].

Кельса вместе с другими альпинистами в качестве инструктора горной подготовки назначили в 9-ю горнострелковую дивизию 46-й армии Закавказского фронта, стоявшей в Батуми. Уже на первых дивизионных сборах для средних и младших командиров выяснилось, что только у Кельса (кроме А.М. Гусева) было инструкторское звание, больший, чем у других, альпинистский опыт и умение пользоваться горными лыжами. В перерыве между сборами Кельс (и еще три инструктора) читал командирам подразделений 9-й горнострелковой дивизии курс лекций по всем разделам горной подготовки и методике преподавания альпинизма, руководил учебными походами.

После сборов Кельса, как и других альпинистов, распределили в полки. Однако вскоре в штаб дивизии поступила информация об откомандировании Гусева, Гусака, Кельса и Штелевского в распоряжение штаба 46-й армии в г. Кутаиси. Там Кельс получил предписание организовать и провести разведку в районе боевых действий на Эльбрусском направлении. Вскоре Кельса и Гусева отозвали в штаб фронта. Потом была эпопея «Эльбрус-43».

Приказ снять фашистские флаги с Эльбруса получили 3 группы военных альпинистов Закавказского фронта. После выполнения задания орденом «Красная звезда» были награждены руководители групп. В операции участвовали еще 10 офицеров-альпинистов, все они, включая Кельса, получили медаль «За отвагу» (20.03.1943). Согласно статусу, этой медалью можно было награждать и офицеров, но в основном ее получали рядовые, сержанты и старшины. Эта медаль была учреждена Указом Президиума ВС СССР 17 октября 1938 г. для награждения за личное мужество и отвагу и исполнение воинского долга. И являлась высшей в наградной системе СССР [9].

Из наградного листа инструктора альпинизма оперативной группы Закавказского фронта Кельс И.П.: «В феврале 1943 г., выполняя задание командованием Закавказским фронтом, лейтенант Кельс Израиль Павлович участвовал в штурме восточной вершины Эльбруса. Преодолевая минные поля и заграждения в условиях низкой температу-

ры, разреженного воздуха и штормовой погоды, лейтенант Кельс поднялся на высоту 5595 м и своим личным участием обеспечил снятие фашистских флагов и установление на высочайшей точке Европы государственного флага СССР» [3].

После снятия фашистских флагов с Эльбруса Леонид Кельс, вместе с другими опытными альпинистами, которые участвовали в Эльбрусской эпопее, служил преподавателем в Местийской школе по горной подготовке офицеров. Обученные в этой школе офицеры (1943–1944 гг.) получали право проводить подготовку горнострелковых подразделений в частях Закавказского фронта [10].

Уже после битвы на Кавказе Леонид написал В.М. Зимину: «Нас, студентов, вы, Виктор Матвеевич, не напрасно водили по горам, я счастлив, что участвовал в группе фронтовых альпинистов, сбросивших фашистский флаг с вершины Эльбруса» [11].

Две страсти вели Кельса по жизни: это любовь к горам и любовь к красавице-грузинке Марии Александровне Григолия, на которой он женился после участия в операции «Эльбрус-43» по снятию фашистских флагов. Так, он вошел в грузинскую семью и полюбил Грузию [12].

После войны во время отпусков Л.П. Кельс продолжал занятия альпинизмом. Леонид Павлович приезжал из Тбилиси в Алма-Ату и совершал восхождения на вершины Заилийского Алатау, на родном ему Северном Тянь-Шане. В сентябре 1946 г. Л. Кельс руководил восхождением на пик Ак-Тау (4720 м, за Заилийским Алатау) группой инструкторов альплагеря «Металлург Востока» в составе В. Фролова, А. Семенова, Д. Шаца. В сентябре 1947 г. участвовал в перво-восхождении на вершину Иинь-Тау (4700 м, 4б, хр. Заилийский Алатау). В 1948 г. – первопрохождение на пик Копр по южному гребню (ЗБ к.с.). Вершина Копр расположена в основном хребте Заилийского Алатау, между вершинами Metallurg и Talgar. Для подтверждения прохождения конкретного маршрута альпинисты устанавливают каменные пирамиды (туры) с контрольной запиской. При восхождении на вершину Копр по западной стене первый контрольный тур в официальных описаниях называется «Тур Кельса» [13].

После тяжелой контузии он работал в авиашколе, затем с 1949 г. по 1954 г. преподавателем физики в Тбилисском Нахимовском училище. «По каждой из дисциплин был подобран коллектив педагогов – фанатов в лучшем смысле слова. На каждом учебном цикле были педагоги-звезды, на некоторых циклах блистали целые созвездия! С са-

мого начала очень сильным был состав цикла математики и физики – Мишин Н.И., Берг Е.А., Гамазов А.К., Шкабич М.А., Мартиросян Л.Н., Кельс И.П., Штейнберг Л.А.» – отмечено в исторической справке о Тбилисском училище [14]. По воспоминаниям выпускников-нахимовцев, Кельс – светловолосый мужчина крепкого спортивного телосложения, слегка заикался, был вежлив и строг с учениками. Ученикам было известно, что помимо физики он занимался альпинизмом, был мастером спорта и каждый свой летний отпуск совершал восхождения в горах, о которых коротко рассказывал ученикам в начале учебного года. Кроме того, в училище было известно, что Кельс во время войны входил в знаменитую группу альпинистов, которые не дали немецким горным егерям перейти через перевалы Кавказского хребта. Но сам он об этом не говорил. Он настойчиво учил ребят тому, чтобы они прежде всего понимали физический смысл явлений, а потом учили формулы и решали задачи [15]. Перед демобилизацией из вооруженных сил Л.П. Кельс получил звание капитана 3-го ранга и медаль «За боевые заслуги» (03.01.1953). После Нахимовского училища около 20 лет (1954–1974 гг.) Леонид Павлович преподавал физику в средней школе № 52 г. Тбилиси.

Всю войну Л.П. Кельс воевал на Кавказе, женился, остался жить в Грузии. Леонид Павлович косвенно внёс свой вклад и в подготовку горных стрелков на базе «Горельник». Дело в том, что первым начальником учебной части в «Горельнике» в 1943 г. был Юрий Николаевич Менжулин, прошедший в САШИА инструкторскую подготовку под руководством Л.П. Кельса. Об этом он поделился с нами, молодым альпинистам, осенью 1967 г. во время отдыха после скальных занятий в урочище Тамгалы-Тас. Это был единственный в моём присутствии случай, когда Юрий Николаевич сидя с нами у костра, вспоминал о своём участии в подготовке горных стрелков. Рассказ шел в контексте примера при методическом анализе наших скальных занятий.

1. Вуколов В.Н. «Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне», – Алматы, 2015 г., 320 с. Его же «Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне» Изд. Второе доп. – Алматы: НИИ туризма университета Туран, 2020 – 364 с.
2. Захаров П.П., Мартынов А.И., Жемчужников Ю.А. – М.: ТВТ «Дивизион», 2006, –744 с.
3. [Электронный ресурс] Герои войны. Кельс Израиль Павлович. URL: [http://www.alpklubspb.ru/persona/kels.htm](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie11712441/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%26first_name%3D%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D1%8C%26middle_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D02afa30950ccca3c4be20c2f2d5ca775%26group%3Dall%26ty. Кельс Леонид (Израиль) Павлович (1918–1974). <a href=) (дата обращения 25.07.20).
4. [Электронный ресурс] Список альпинистов Казахстана, а также альпинистов, принимав-

- ших участие в Казахстанских экспедициях. URL: <http://ourrocks.kz/index.php?title=%D0%9A> (дата обращения 25.07.20).
5. [Электронный ресурс] Захаров П.П. Аристов Олег Дмитриевич – легендарная личность отечественного альпинизма. URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=6314 (дата обращения 25.07.20)
6. Михайлов А.В., Степанова В.И. От Алатау до Эвереста. – Алма-Ата: Онер, 1988. – С.8–10.
7. [Электронный ресурс] Захаров П.П. Русские ученые, путешественники, альпинисты – однофамильцы – Щуровские. URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=6410 (дата обращения 25.07.20).
8. Гусев А.М. Эльбрус в огне. – М: Воениздат, 1980. – С.175–179.
9. [Электронный ресурс] Медаль «За отвагу» (СССР). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C_%C2%AB%D0%97%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B0%D0%B3%D1%83%C2%BB_\(%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C_%C2%AB%D0%97%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B0%D0%B3%D1%83%C2%BB_(%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0)) (дата обращения 25.07.20).
10. [Электронный ресурс] Захаров П.П. Школа военного альпинизма и горнолыжного дела Закавказского фронта (1942–1945 гг.). URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5196 (дата обращения 25.07.20).
11. Накатков Ю.С. История туризма Казахстана. Учебное пособие. – Алматы, 2001. – С.94.
- 12 [Электронный ресурс] Кельс Леонид (Израиль) Павлович (1918–1974). URL: <http://www.alpklubspb.ru/persona/kels.htm> (дата обращения 25.07.20).
13. Степанова В.И. «По Заилийскому Алатау. Маршруты восхождений на вершины района ущелий Левого и Среднего Талгара». – Алма-Ата, 1977. – С.164
14. [Электронный ресурс] Нахимовское военно-морское училище. URL: <http://nvmu.ru/pages/tnmvu.htm> (дата обращения 25.07.20).
15. [Электр. ресурс] Страницы истории Тбилисского Нахимовского училища в судьбах его выпускников. URL: <https://flot.com/blog/historyofNVMU/3602.php> (дата обращения 25.07.20).

Сулейменов А.М.

«Таких, в целом мире – наперечет»

После страшной войны, страна встала на ноги, кто-то покинул Казахскую ССР, а кто-то посвятил свою жизнь этой земле. Один из них – славный сын еврейского народа Моисей Аронович Гендельман (1913–2005).^{1*}

Надо отдать должное этому человеку поистине легендарной судьбы, который более 45 лет посвятил Целиноградскому сельскохозяйственному институту, из них 22 года руководил институтом. Заслуга Моисея Ароновича в организации института неопределима. Проявив огромную волю, упорство и энергию, он сумел создать мощную учебно-производственную и материально-техническую базу вуза, сформировал творческий научно-педагогический коллектив, подготовивший высококвалифицированных специалистов для науки и

^{1*} [Электронный ресурс] М.А. Гендельман является одним из фондообразователей Государственного архива г. Нур-Султан. В мае 2011 г. дочь Моисея Ароновича, Светлана Моисеевна, передала на постоянное хранение в Государственный архив города Астаны документы своего отца за 1933–2005 гг., 14 ед. хр. Среди документов: биография, документы трудовой деятельности, книги «О мире, войне и о Матушке-земле», «А ведь я еще жив...», награды, поздравительные письма, а также фотографии, сделанные в разные годы жизни. URL: <https://kipd.kz/ru/gendelman-moisey-aronovich-1913-2005-gg> (дата обращения 14.09.2020).

аграрного производства. В 2005 г. на 92-м году жизни великий ученый покинул этот мир, оставшись в нашей памяти ярким человеком с неиссякаемым жизнелюбием.

Дочь патриарха, кандидат филологических наук, доцент Светлана Моисеевна Треблер родилась в Одессе. Маленькой девочкой вместе с семьей переехала в Акмолинск в 1958 г. Здесь училась в СШ № 3, затем поступила в КазГУ в Алматы, аспирантуру заканчивала в МГУ им. М. Ломоносова в Москве. Сейчас работает в Казахстанском филиале МГУ на кафедре филологии.

По воспоминаниям Светланы Моисеевны М. Гендельман приехал в Акмолинск в 1957 г., а семью перевез в 1958 г. Мы жили в г. Одессе, папа уже был доктором экономических наук. Когда началась целинная эпопея, в Акмолинске не было ни одного сельскохозяйственного вуза и ему предложили переехать в Казахстан и основать здесь сельскохозяйственный институт.

Он сроднился с казахской землей, был предан Казахстану, сколько бы его не приглашали, он никогда не хотел возвращаться в Одессу ни уезжать в Израиль к родственникам.

В последние годы жизни занимался Кодексом о земле, считался авторитетным землеустроителем. Его приглашали в Парламент Казахстана на обсуждение этого актуального вопроса. Моисей Аронович был абсолютно светский человек, когда умер кто-то предложил похоронить его по еврейскому обычаю, но дети категорически отказались, т. к. он бы этого не одобрил.

Моисей Аронович Гендельман в своей книге «О мире, войне и о матушке-земле» вспоминает: «Проучившись в хедере, освоив Химеш (Библию), Танах (пророков Ишая и Еремея) и приобщившись в 10–13 лет к Талмуду, я служил у отца переводчиком с украинского на иврит и наоборот, когда он не мог вести беседу с пришедшими по срочному делу хуторянами. Отец скончался в 1929 г. от рака, в своем родном доме. Похоронен на еврейском кладбище в Олевске. Мне удавалось часто посещать могилу до войны и изредка после войны».

Знание языка пригодилось на фронте в военной разведке. Он расшифровывал радиogramмы, даже написал пособие, в котором описал методику расшифровки. С болью в душе Моисей вспоминал мать. Как тяжело ей пришлось растить «семеро по полатям» мал-мала меньше. «Все детство запомнилось только одним – дети просили у матери поесть. А она, особенно с тех пор как слег отец, зарабатывала продажей молока, сливок, сметаны, ягод, собранных сестрами в лесу.

Она продавала иголки, нитки, прочую мелочь, но возвращалась с тяжелым заплечным мешком, загруженным разной снедью. И принесенную с базара булочку, делила между младшими, и мы, как деликатес, ели ее с черным хлебом. Мы помогали матери. Я во время школьных каникул работал в лесу: хуторяне-лесники валили деревья, обрабатывали стволы, а я за ними подбирал ветки, сжигал хворост. Собирал в лесу дикую малину и приносил домой».

В 16 лет Моисея рекомендовали на учебу в Житомирский землеустроительный техникум и в сентябре 1929 г. он был зачислен на 1 курс. В годы учебы Моисей, по своей активной натуре, оказался членом комсомольского комитета. Как-то раз, на комитете рассматривалось дело Лены Терешко, обвиняемой в проявлении антисемитизма. Моисей решительно выступил против несправедливого обвинения. Присутствовавшей на собрании подруге Шура понравилось выступление активиста. К тому же Моисея прикрепили к их группе второкурсников для помощи в учебе. Так начались встречи с Шурой, ставшей Моисею спутницей жизни. Сравнительно благополучно они прожили около двух лет в с. Еремизино-Борисовка у добрейшей тети Поли. Жизнь постепенно налаживалась.

В 1933 г. Моисей окончил Харьковский институт организации территории. В 1935 г. родилась старшая дочь Тамара, а в марте 1941-го – долгожданный сын Валерий.

Вскоре началась война. Моисей ушел на фронт добровольцем в первые дни войны. Немцы подступали к Кавказу. Буквально из-под их носа мой отец вывез нас для дальнейшей эвакуации в Казахстан, по железной дороге мы попали в г. Джамбул.^{1*} Там Шура преподавала в школе у старших классов физику, алгебру и геометрию. У нее были незаурядные педагогические способности, что позволяло ей легко справляться с самыми отпетыми хулиганами-переростками, заставляя их учиться. Жили впроголодь. Самым вкусным блюдом был суп из перемолотой жареной кукурузы, а из сахарной свеклы пекли праздничные торты. После освобождения Краснодарского края Шура с тремя детьми (с ними была еще шестилетняя Женя – дочь пропавшей без вести тети Оли) вернулась к тете Поле. Ехали сначала на поезде. На остановках мама продавала свои крепдешиновые платья, чтобы купить буханку хлеба и молока маленькому Валику. Перед уходом она всегда наставляла детей: «Что бы ни случилось, из поезда не выходить!». Однажды она опоздала к отправлению, и пассажиры

^{1*} Ныне – г. Тараз.

решили, что мама бросила детей. Они хотели их высадить на следующей станции и поместить в детдом. Тогда девятилетняя Света проявила первый раз в жизни твердость характера и решительно заявила: «Ни за что!». Пассажиры их пожалели и давали немного еды. Шура догнала поезд на третий день.

Моисей прошел всю войну, его призвали в самом начале войны^{1*} и что интересно не был ранен, может потому что он служил в военной разведке. А потом, когда его отправили на Дальневосточный фронт, шла война с Японией, он был начальником эшелона и ночью упал с подножки поезда и получил очень сильные переломы. В больнице его накормили сырыми макаронами, и он чуть не умер от заворота кишок. Вот так бывает, что, пройдя всю войну без единой царапины, герой мог потерять жизнь в последний момент от сырых макарон в больнице. На фронт он больше не пошел и вернулся в Одессу. Семья сильно пострадала во время войны, много родственников погибло во время Холокоста. Моисей был восьмым ребенком в семье, практически никого не осталось в живых, все погибли, кроме дяди Миши. Если вспомнить, то его брат Лева погиб на фронте, сестры утонули в Каспийском море во время эвакуации в Красноводск.

Моисей Аронович Гендельман писал, что уже в первые дни Великой Отечественной войны, получив известие о гибели зятя Миши Рейдмана в приграничных боях и о пропаже без вести сына Левы на фронте, мать с дочерьми и внуками была вынуждена бежать, чтобы не попасть в руки гитлеровских головорезов. Они оказались без зимних вещей, без средств к существованию в Буденовске (Элисте). А в 1942 г., когда немцы шли в наступление, чуть ли не в одном белье бежали к Каспийскому морю. Там их посадили на пароход, но в течение 3 дней Красноводск не принимал из-за вспышки холеры. Мать и старшая сестра Фаня скончались от голода, а младшая – Фрида, опустив тела матери и сестры в море, нашла в себе силы с четырьмя детьми добраться до Горно-Алтайской автономной обл. Фрида работала в колхозе, растила своих детей – Майю и Алика, и детей погибшей сестры – Фриду и Мару. «Я сообщил мужу погибшей Фани – Зусю Койфману, в фронтовую часть о трагедии на Каспии. Тот, выпиравшись из госпиталя после ранения, отправился к своим детям и, соблюдая еврейские традиции, женился на младшей сестре жены Фри-

^{1*} [Электронный ресурс] Победу М.А. Гендельман встретил в Берлине уже офицером-орденоносцем. На стене Рейхстага он нацарапал гвоздем: «Пришел Моисей из Одессы, чтобы вы больше к нам не приходили». URL: <https://kipd.kz/ru/gendelman-moisey-aronovich-1913-2005-gg> (дата обращения 14.09.2020).

де, став отцом всей воссоединенной семьи. После окончания войны вся оставшаяся в живых семья вернулась на родину в Олевск и заняла уцелевший домик на Песчаной улице. Позже из этого ветхого полуразрушенного дома при моей поддержке они переехали в несколько более благоустроенный дом по ул. Ленина».

Моисей Гендельман попал в Казахстан по своей воле, а не в результате репрессивной политики коммунистического режима. В Одессе семья жила в коммунальной квартире, а когда приехали в Акмолинск, им сразу предоставили 4-х комнатную квартиру. Моисей Аронович всегда был авторитетным и уважаемым человеком. В этом смысле Казахстан много для него сделал.

Мы решили узнать мнение соратников М.А. Гендельмана. Бекен Окенович Алимжанов, один из коллег и близких друзей М. Гендельмана, выделяет высокий интеллект, внимание и доброту этого человека. «В 1976 г. после окончания аспирантуры при Тимирязевской сельскохозяйственной академии я прибыл на работу в Целиноградский сельскохозяйственный институт, который в то время возглавлял Моисей Аронович Гендельман. Работа в этом вузе, морально-психологическая обстановка в коллективе, общение с этим человеком оказали на меня благоприятное влияние в моем становлении и карьерном росте ученого и администратора. Так, очевидно, было угодно судьбе, что я в какой-то степени повторил моего учителя и наставника: заведовал кафедрой, был деканом, защитил диссертацию, стал профессором, проректором, а с 1993 г. – ректором. В своей ректорской работе я старался сполна использовать опыт Моисея Ароновича. За многие годы работы в вузе мы стали не только коллегами по работе, но и в определенной степени единомышленниками, близкими по духу и видению дальнейшего развития в Казахстане сельскохозяйственного производства и аграрной науки, людьми. Он со мной делился не только научными идеями, идеями по совершенствованию качества подготовки кадров, но и нередко рассказывал о личной жизни, о семье, о пережитых в детские и юношеские годы трудностях, о Великой Отечественной войне. Считаю, что его биография, пережитые им пережитое в детско-юношеские годы, стремление к знаниям, преодоление трудностей, могут и сегодня служить добрым примером для подражания нашей молодежью, которая часто пасует перед проблемами, отдавая предпочтение легкой жизни».

Близкий друг семьи Ойрат Байгарин в своих воспоминаниях отзывается о Моисее Ароновиче с глубоким уважением. «Под его руко-

водством в Целиноградском сельскохозяйственном институте (ЦСХИ) были подготовлены квалифицированные кадры для села, сельскохозяйственного производства и аграрной науки. В разных уголках страны, особенно в сельской местности, обязательно находились один или сразу несколько человек, которые учились в ЦСХИ. Как правило каждый из выпускников непременно был знакомым с М. Гендельманом. И все рассказывают, что в жизни каждого Моисей Аронович сыграл какую-то положительную роль. Однако показательно, что никогда (!) это не был рассказ о том, что Гендельман мешал им или злобредничал, напротив, всегда говорилось о том, когда он пришел на помощь, проявил великодушие или сделал нечто такое, что самым решительным образом повлияло положительно на судьбу рассказывающего. Часто я слышал подобные рассказы от пожилых казахов, которые в силу их возраста никак не могли учиться в институте в то время, когда там ректором был Моисей Аронович. Нередко где-нибудь за бешбармаком кто-то вспоминал о ректоре сельхозинститута, и старейшина непременно произносил: «Гендельман?! Да, это человек!». И когда узнавали о том, что я лично знаком и часто общаюсь с ним, отблеск его славы частично падал и на меня. Звучит по-книжному, как-то трафаретно, но это было правдой».

В Казахстане Гендельманы жили практически без родственников. В Житомирской обл. уже никого нет. Многие помнят про трагедию Хатыни, такое же зверство нацисты устроили в Капище. Остались лишь двоюродные сестры, разбросанные по всему свету – в США, Израиле, и только старшая сестра и сын с семьей в Одессе. Другие попали в аварию на Чернобыльской АЭС и потом по линии Красного Креста уехали в Америку. В Житомирской области уже никого нет.

Дата рождения Моисея точно не известна. Но, по словам Светланы Моисеевны, они всегда праздновали его день рождения 25 марта, хотя никто тогда не записывал, кто и когда родился, но тетя Сара-Хая сказала, что Моисей родился на Хануко. А Хануко – это подвижная дата, как Пасха, например. Позже, мой младший сын, он программист, посмотрел, когда в 1913 г. была Хануко, и это было совсем не 25 марта. Вот как пишет об этом сам Моисей Аронович: «Родился я в глухой хуторской деревне Каменка Долгоселье украинского Полесья. Я был самый младший».

Соединяя две республики, две родины, как два берега одной реки, Моисей Аронович хорошо известен не только в Казахстане, но и на Украине. Коллега из Одесского аграрного университета И.А. Сойбельман посвятила ему такие стихи.

Тебе в Казахстане любовь и почет,
Но каждой известно стране
Таких, в целом мире – наперечет,
Не только у вас в Астане.
Так пусть ежеутренне радуется вновь
Движение, юность и свет...
И пусть в твоём доме не знает любовь
Таможен, границ и анкет!

В заключение хочется отметить, что М.А. Гендельман в свои 92 года сохранял ясную память и твердость духа. В последние дни жизни он попросил семью вывезти его на природу. Моисей Аронович был заядлый грибник. Утолив свой грибной голод, он спокойно покинул этот бренный мир. Человек с удивительным жизнелюбием радовался каждому мгновению жизни до самого последнего дня своего пути.

1. Гендельман М.А. О мире, войне и о Матушке-земле: воспоминания о прошлом, суждения о настоящем, взгляд в будущее ученого-аграрника. – Астана, 2002. – 208 с.
2. Гендельман Моисей Аронович, профессор, доктор экономических наук: материалы к библиографии. / составитель Озеранская Н.Л. – Астана, 2013.
3. Весь я не умру ... 100-летию М.А. Гендельмана посвящается. – Астана, 2013.
- 4 [Электронный ресурс] Светлана Треблер: папа всегда был предан Казахстану. URL: https://e-history.kz/ru/news/show/3913/?sphrase_id=4526 (дата обращения 14.09.2020)

Каштелюк Ю.И.

Летопись мужества

Леонид Юзефович Гирш (10 февраля 1924 – 21 июля 2020) часто встречал гостей за своим письменным столом. Для фронтовика, поэта, публициста, общественного деятеля это было не просто рабочее место – здесь находился целый мир из книг, газетных публикаций, записных книжек и фотографий. Все это было воплощением живой истории, летописью поколения, одолевшего фашизм.

О своем ратном пути фронтовик написал в книге «Наедине с памятью» [1] – это и публицистика, и поэзия, а всего в творческой биографии ветерана с десятков книг. Публиковаться Леонид Юзефович стал с благословения Олжаса Сулейменова – как-то встретились у общих друзей, Гирш прочитал ему свои стихи, и поэт горячо одобрил его фронтовую лирику.

Каждую строчку, была ли это проза или поэзия, автор проживал лично, по стихам прослеживается вся его биография, фронтовая и послевоенная доблесть.

На фронт кировоградец, студент строительного техникума Леня Гирш попал 17-летним юношей. А накануне войны все шло так, как у большинства его сверстников – учеба и мечты о ратных подвигах:

шла финская война. Была и первая школьная любовь и еще одна любовь – сокровенная, экранная.

«В ноябре 1940 г. в прокат вышел фильм «Фронтовые подруги» о медсестрах, спасавших бойцов на финской войне. Вместе с Зоей Федоровой в нем снималась актриса Ольга Федорина. С тех пор как я впервые увидел ее на экране, она не шла у меня из головы. Много раз ходил на тот фильм, чтобы увидеть ее», – вспоминал Леонид Гирш.

Война в кино сменилась войной настоящей. События развивались стремительно. Вскоре после того, как 22 июня 1941 г. прозвучало сообщение о вероломном нападении на Советский Союз, немцы начали бомбить Кировоград. Леонид с друзьями отправился записываться добровольцем на фронт, но не вышел возрастом – до совершеннолетия не хватало одного года, а потому из военкомата был отправлен назад, домой. Но не сдался – пришел во второй, третий раз. Последняя попытка увенчалась успехом: немцы уже подходили к городу, на призывном пункте какой-то молодой офицер упросил военкома отправить ребят на фронт – армия нуждалась в бойцах.

Леонид Гирш стал бойцом 177-го стрелкового полка 31-й дивизии Юго-Западного фронта. Обстановка была тяжелой. Неся потери, красноармейцы отступали по родной для Леонида Украине. Вместе с войсками в тыл уходили мирные жители – старики, женщины, дети. Проходя по центру Кривого Рога, среди руин атакованной немецкими самолетами библиотеки Леонид увидел томик Пушкина. Книга была целехонькой, лишь слегка обгоревшей. Юный боец с детства был неравнодушен к поэзии, особенно любил стихи Пушкина. Он поднял томик, стряхнул с него кирпичную пыль и положил в свой вещмешок. Тогда он еще не осознавал, что находка окажется спасительной – стихи поэта не раз поднимали боевой дух Леонида и его товарищей...

Тем временем отступление продолжалось, в одном из боев Леонид Гирш был ранен в ногу. Жизнь спасли два бинта, оказавшиеся в сумке от противогаса, ими он туго перетянул ногу, остановил кровотечение, а дальше подоспела помощь.

Потом был санитарный эшелон, путь в тыл – на лечение.

«В вагоне было многих тяжелораненых, они мучились от болей. Что-то тогда подтолкнуло меня достать из вещмешка томик Пушкина. Я читал вслух одно стихотворение за другим и в какой-то момент понял, что наступила тишина, стоны прекратились, а один из раненых даже едва заметно улыбался. Это была целебная сила большой поэзии», – рассказывал ветеран.

Несколько месяцев Леонид Гирш пролежал в госпитале. Как только встал на ноги и окреп, его направили в тихоокеанское Высшее военно-морское училище, но из-за нехватки бойцов в сухопутных частях он вскоре оказался курсантом начальной школы пехотинца.

Шел второй год войны, враг приблизился к волжским берегам. Через полтора месяца подготовки командиры сухопутной учебки распорядились, чтобы курсанты сдали морскую форму и переобмундировались. Но по настоятельной просьбе моряков им все же оставили бескозырки и тельняшки.

«В боях под Сталинградом и Курском мы надевали бескозырки, подпоясывали солдатские шинели ремнем с якорем и так отчаянно дрались, что враг обращался в паническое бегство», – вспоминал фронтовик.

Рукопашные бои были самыми страшными. Перед боем давали фронтовые 100 грамм, но напряжение было настолько сильным, что водка казалась не спиртным, а горькой водицей. Потом звучал клич: «За Родину! За Сталина!» – и вслед за своим командиром бойцы шли в атаку.

Под Сталинградом Леонид Гирш был назначен помощником командира отдельной роты автоматчиков. После гибели командира взял командование на себя. 19-летний мальчишка, он, ведя в бой солдат, чувствовал огромную ответственность за каждого бойца.

Бои шли ожесточенные. В одном из сражений Сталинградской битвы Леонид Гирш получил свой первый орден Красной Звезды [2].

Победа в Сталинградской битве стала переломной в Великой Отечественной войне, в армии и в тылу укрепилась уверенность в том, что враг будет разбит.

Леонид Юзефович Гирш продолжил идти дорогами войны, участвовал в кровопролитных боях на Курской дуге, освобождал Украину, Польшу, Чехословакию, штурмовал Берлин и оставил свою подпись на Рейхстаге: «Я – Ленька Гирш. Взяли Берлин!»

Когда кончилась война, ему исполнился 21 год, а он ощущал себя сорокалетним человеком.

За год до окончания войны его ждал настоящий подарок судьбы – в расположение части приехал фронтовой ансамбль. Творческие бригады в большом количестве колесили по дорогам войны, укрепляя моральный дух бойцов. Однако здесь был случай особый...

«Дело было после освобождения Харькова, Кременчуга. Приехали артисты, началось выступление. Идет номер за номером, и тут слышу: «А сейчас выступит актриса Ольга Федорина, которая снималась

в фильме «Боевые подруги». То, что я почувствовал, неопишимо. После концерта были танцы, я набрался смелости и пригласил Ольгу Федорину», – вспоминал ветеран.

За медленным танцем молодой офицер рассказал актрисе о том, как мальчишкой бегал в кинотеатр для того, чтобы только увидеть ее. После того как артисты уехали, он находил любую возможность посетить другие части, куда они направлялись в ходе своих фронтовых гастролей. Они вместе гуляли, он читал ей Пушкина... Они поженились, потом судьба развела их, но теплые чувства они сохранили навсегда.

После войны офицер женился, у него родилось двое детей, но дружба с Ольгой Федориной продлилась всю жизнь, вплоть до последних лет – актрисы не стало в 2017 г.

После боев за освобождение Украины Леониду Гиршу удалось побывать в родном Кировограде. Придя к отчому дому, он узнал от соседей, что вскоре после начала оккупации его мать и других близких людей расстреляли немцы. Он нашел полицая, который выдал его мать. Тот, прикрывшись липовой справкой «Не сотрудничал с оккупационными войсками», вел тихую жизнь. При задержании в его шкафу было обнаружено пальто, которое незадолго до начала войны Лене Гиршу сшил его родственник – портной. На внутренней стороне пальто была вышита фамилия мастера – Цимерман, что стало одним из веских доказательств при задержании полицая.

С болью Леонид Гирш узнал, что некоторые его одноклассники во время оккупации пошли служить в полицию, «попали» – говорил он о них едва ли не с сочувствием.

Леонид Гирш окончил войну в Праге. За боевые заслуги удостоен пяти орденов и более тридцати пяти медалей.

Последней наградой фронтовика стала медаль Ассоциации «Мицва» к 75-летию Победы.

После войны Леонид Юзефович Гирш решил связать свою жизнь со службой в армии и почти полвека не расставался с военной формой, окончил Академию бронетанковых войск в Москве. Тринадцать лет прослужил на Кушке. Потом был направлен для дальнейшего прохождения службы в Алма-Ату – сначала на должность преподавателя военной кафедры зооветеринарного института, а после ее расформирования – в только что созданную структуру Гражданской обороны Казахской ССР.

Начальником штаба этой новой организации стал фронтовой товарищ Леонида Гирша – Герой Советского Союза полковник Сагадат Нурмагамбетов.

Это был период, когда система гражданской обороны Союза переживала существенную реорганизацию. Возглавлял штаб Гражданской обороны СССР маршал, дважды Герой Советского Союза Василий Чуйков.

Гирш был назначен на должность заместителя начальника штаба Гражданской обороны Алма-Атинской обл., а затем стал начальником штаба.

В 1960–1970-х гг. штабу Гражданской обороны республики и области приходилось решать сложные практические задачи, в их числе борьба с эпидемией сибирской язвы в районе Нарынкола, устранение последствий прорыва дамбы в урочище Медео в июле 1973 г., создание системы гражданской обороны в Институте ядерной физики, обустройство полигона для испытания торпед машиностроительного завода им. Кирова на Капчагайском водохранилище.

Все эти задачи были успешно решены.

Служа отчизне, Леонид Гирш не расставался с поэзией. Правда, найденный в библиотечных руинах томик Пушкина сберечь не удалось – в танк, где боец оставил свой вещмешок, попал снаряд. Но Леонид Юзефович Гирш всю войну читал своим однополчанам стихи Пушкина наизусть, повышая их боевой дух.

Поэзия была его постоянным спутником, а потому на рабочем столе всегда лежали томики стихов, и это был не только Пушкин, но и фронтовые авторы, среди них Юлия Друнина, собственные стихи Леонида Юзефовича, поэзия Олжаса Сулейменова, с легкой руки которого фронтовик стал публиковаться.

Ветеран Великой Отечественной войны, гвардии полковник в отставке, почетный гражданин Алматы и Алматинской обл., член Ассамблеи народа Казахстана, Леонид Гирш часто встречался с молодежью, рассказывал ей о войне и о том, как важно ценить наше казахстанское достояние – стабильность и межнациональное согласие. Вот и в день 75-летия Победы он тоже говорил об этом.

Леонид Юзефович был полон идей, но 21 июля 2020-го он ушел из жизни. Последним издательским проектом фронтовика стал двухтомник «Эхо далекой войны» [3], две книги, редакторами которых выступили казахстанские журналистки Елена Брусиловская и Людмила Мананникова, явились продолжением серии сборников «Пламя Победы» [4], в которых опубликованы очерки фронтовиков, тружеников тыла и их потомков.

В Республиканской еврейской библиотеке им. Мориса Симашко, действующей при Ассоциации «Мицва», находится именной раздел

фронтовика, это книги, где каждое слово является живым воспоминанием, летописью мужества.

1. – Алматы: Жибек Жолы, 2010. – 280 с.

2. [Электронный ресурс] Из приказа о награждении (13.01 или 01.03.1943): «В боях за хутор «Стояновский» гвардии старший сержант т. Гирш проявил себя отважным и храбрым воином. Преодолевая упорное сопротивление обозленного врага, он уверенно вел в бой своих бойцов, когда из строя выбыл командир взвода, то управление взводом взял на себя т. Гирш, Подняв в атаку взвод, т. Гирш шел впереди, воодушевляя бойцов личным примером. В этом бою т. Гирш лично сам уничтожил 4-х фашистов и взял в плен одного офицера». <http://podvignaroda.ru/?#id=16416188&tab=navDetailManAward> (дата обращения 20.09.2020).

3. «Эхо далекой войны». Т.1–2. – Алматы: ИД «Колесо», 2020 – 508 с., илл.; 404 с., илл.

4. «Пламя Победы»: в 3-х т. / Т.1. ред. Л.Б. Мананникова, С.А. Галиева – Алматы: ИД «Колесо», 2015 – 412 с.; Т.2. ред. Л.Б. Мананникова, С.А. Галиева – 424 с.; Т.3. ред. Л.Б. Мананникова, Е.Ф. Брусиловская – 582 с.

Брусиловская Е.Ф.

Страницы жизни Леонида Гирша

Когда-то Антон Павлович Чехов сказал, что жизнь человека – лишь сюжет для небольшого рассказа. Позволю себе не согласиться с классиком, ибо судьбы некоторых людей тянут на полотна поистине толстовского размаха. Особенно судьбы тех, кто прошел через бурный и трагический XX в., когда ломались государственные устои и вершилась биография страны.

Алмаатинец, полковник в отставке, кавалер пяти воинских орденов и 35 медалей, член Ассамблеи народа Казахстана, кавалер ордена «Достык» второй степени, почетный гражданин Алматы и Алматинской обл., автор ряда книг и поэтических сборников Леонид Юзефович Гирш, из тех, кто своими поступками создавал Историю.

Жизнь этого человека настолько насыщена событиями, что ее невозможно втиснуть в рамки одной публикации, а потому приоткроем лишь некоторые, знаковые страницы его биографии.

Страница первая. Семнадцатилетний солдат

Леонид Гирш рос в бедной еврейской семье в маленьком городке на Украине – Кировограде. «В небольшом домике на окраине города мы снимали комнатку с холодным глиняным полом. Жизнь была тяжелая – в 1936 г. умер отец, ему было всего 36 лет, он был простым типографским наборщиком. Электричество я увидел впервые только в 40-м г., радио тоже появилось перед самой войной. Но, несмотря на это, мы не чувствовали себя несчастными или какими-то обделенными», – вспоминал Леонид Юзефович.

Чтобы как-то помочь матери, он еще подростком вынужден был подрабатывать, ходил в расплывающихся ботинках, перевязанных проволокой, а самой большой радостью было подаренное ему пальто.

Но он не унывал – строил планы на будущее, видя себя «сталинским соколом», бегал с друзьями купаться на р. Ингул, приток Буга,

дружил, учился, по-мальчишески влюблялся. После школы поступил в строительный техникум.

«Когда началась война, мне было всего 17 лет. К сожалению, уходит поколение, которое защищало родину. Сейчас понятие Родины размылось, и это очень печально, а тогда патриотизм воспитывался, что называется, с младых ногтей. В школе нас уже начинали готовить к защите Родины, обстановка была такая. А песни какие пели! «Если завтра война, если завтра в поход...» До сих пор помню, как мы бросали гранаты, подтягивались на турнике, то есть самым серьезным образом готовились, чтобы получить значок БГТО – Будь готов к труду и обороне, ПВХО^{1*}. Я, например, трижды был «Ворошиловским стрелком». Причем этот значок очень торжественно вручали».

В воздухе давно пахло грозой. Гитлеровская Германия и фюрер воспринимались главными врагами Страны Советов. Кто бы ни заговаривал о войне в Испании, о захваченной Чехословакии, об оккупированном немцами Париже, все убежденно заявляли: «Пусть только сунется! Мы ему так дадим!» Все верили, что врага будем бить на его территории. «Мы росли великими патриотами, и это было искреннее чувство».

Действительно, идеология тогда работала здорово, морально народ к войне был готов, причем, с настроем только на победу. Но не секрет, что технически страна не была готова к большой войне. По словам Гирша, они вступили в войну с винтовками образца 1891 г. На всем западном фронте было на испытании всего 15 танков Т-34.

Поэтому уже 22 июня два военных аэродрома, которые находились вблизи Кировограда, начали бомбить немцы.

«Каждую ночь они прилетали и, можно сказать безнаказанно бомбили и город, и вокзал, и наш завод. Мы рыли окопы прямо в саду, прячась в них во время бомбежек. Тогда впервые я увидел убитых и раненых. Мы с друзьями просились добровольцами на фронт, но нас не брали – не было еще 18 лет».

И вот во время третьего захода в военкомат, когда немцы были уже вблизи родного города, в кабинете военкома они увидели, как какой-то капитан упрашивал его: «Ты помоги, у меня в полку осталось всего 100 чел., а у тебя тут молодые парни, что ты их держишь!». Так Леонид Гирш стал бойцом 177 стрелкового полка 31 дивизии Юго-Западного фронта. Перед отправкой на фронт заскочил домой попрощаться с матерью.

^{1*} Противовоздушная и противотанковая оборона.

«Мама положила мне в вещмешок хлеб, яйца, лук... Месяца не прошло, как она также собирала меня на Игул, и вот нет мирной жизни. Я долго-долго смотрел на нее, и страшная тоска сжимала сердце, чувствовал, что это прощание навсегда. Мама поцеловала меня. По моим щекам текли слезы, смешиваясь с мамиными... Сколько раз в жизни я вспоминал тот июльский день 1941 г., и каждый раз не могу не заплакать».

Полк, в который направили Леонида Гирша, бросили на оборону Кировограда, но, не успев занять боевые позиции, не сделав ни одного выстрела, пришлось отступать. По сути, это было беспорядочное бегство среди непрекращающихся бомбовых разрывов, которое продолжалось почти два месяца, и закончилось для Леонида первым ранением.

«До сих пор стоит в памяти неубранное хлебное поле, по которому бегут красноармейцы, спасаясь от «юнкерсов». И я бегу вместе с ними. Вой сирен, разрывы, земляные фонтаны, свистят осколки...

У меня на ногах тяжелые кирзовые сапоги, в которых я поминутно спотыкаюсь, а сам глазами ищу хоть какую-то ямку, чтобы спрятаться. Нашел! С разбега в нее прыгнул, но не успел свернуться калачиком – ноги остались снаружи. И тут как рванет! Такое чувство, будто на меня обрушился весь земной шар. Землей засыпало так, что дышать не мог.

С огромным трудом, весь в липком поту, но все-таки вылез. Чувствую сильную боль в ноге. Смотрю – сапог прорезан осколком. Когда бомбежка стихла, в сумке от противогаза нашел два бинта, которые и спасли мне жизнь. Ведь раненые на поле боя, как правило, погибали от потери крови. Туго перебинтовал ногу выше колена. К счастью, подоспели санитары».

Страница вторая. Первый орден

Потом был спасительный санитарный поезд, лечение в Новосибирском госпитале. После чего Леониду Гиршу предложили поехать учиться в Омское артиллерийское училище. Он, было, уже согласился, если бы не случайная встреча с моряком Тихоокеанского флота, который приехал из Владивостока в глубокий тыл набирать курсантов для высшего военно-морского училища.

Так случай вновь подкорректировал его судьбу – он сменил гимнастерку пехотинца на морскую форму. Летом 1942 г., став заправским мореходом, «убыл на священную войну с врагом» в звании старшины первой статьи (сержанта).

Но плавать не пришлось – под г. Свердловском морячков отправили в начальную школу пехотинца, правда, по просьбе «братвы» им

разрешили оставить бескозырки, тельняшки и «бляхи» – черные морские ремни с сияющей медной пряжкой, на которой был выбит дорогой сердцу якорь. И когда морские пехотинцы в боях под Сталинградом и Курском надевали бескозырки и подпоясывали шинели черным ремнем с якорем, немцы обращались в паническое бегство.

Позже он напишет об этом в одном из своих стихотворений:

Примкнув штыки
И затянув морские бляхи,
Наш взвод готовится к атаке.

После окончания школы пехотинца Леонида Гирша назначили помощником командира взвода отдельной роты автоматчиков 6 механизированного корпуса 12-й гвардейской механизированной бригады. В декабре 1942 г. их бригаде выпало идти в лобовую атаку на с. Пимен-Черни, под Сталинградом, чтобы выбить оттуда немцев. Это было боевое крещение. Но первая атака захлебнулась ... солдатской кровью. Тогда командир бригады приказал танковому батальону вместе с ротой автоматчиков обойти село и нанести фашистам удар в спину.

«Выйдя на окраину, рота залегла в степных сугробах. Мы видели, как горят наши танки. Командир роты приказал окопаться и быть готовыми к новой атаке. Вскоре последовала команда: «Вперед!». Командир нашего взвода младший лейтенант Анучин, храбрый, отчаянный человек, первым поднялся во весь рост и побежал. Но его скосила пулеметная очередь. Мне было приказано принять командование взводом, уничтожить две пулеметные немецкие точки и обеспечить продвижение роты. Сразу скажу, нелегко это было сделать под шквальным огнем противника, но мы выполнили задание. Рота открыла дорогу всей бригаде».

За бой у с. Пимен-Черни Леонид Гирш получил свой первый боевой орден – Красной Звезды. Как это было принято во время войны, орден обмыли, опустив его в стакан с водкой.

В мае 1943 г. ему вручили второй орден Красной Звезды и присвоили офицерское звание младшего лейтенанта. «Хозяйка хаты, где мы квартировали, накрыла на стол, и вскоре передо мной стоял граненый стакан, на дне которого светилась моя первая офицерская звездочка. Сколько лет уж с тех пор прошло, но я и теперь знаю, что ничего нет на свете крепче и святее фронтового братства. Это было поистине братство, скрепленное кровью.

Тогда слово «фронтовик» было и характеристикой человека – значит, честный, надежный, смелый. Кстати, в одних из мемуаров наших

военачальников, вошедших в «Историю Великой Отечественной войны», есть упоминание о замечательном танкисте Иване Дрее. Он провёл машину по тысячекилометровому пути без поломок и аварий, участвовал в 12 атаках! Я хорошо знал этого удивительно приятного Ваню Дрея. Он был мастер, которому равных не найти. Шесть орденов украшали грудь моего друга! Он получил машину под Курском и невредимой довёл её до Праги!

Вот с какими людьми мне довелось воевать. За успешно выполненную задачу под Сталинградом наш корпус получил звание гвардейского, и весь личный состав, начиная от командира корпуса и кончая рядовым солдатом, получал знак гвардии и двойной оклад».

Наверное, мало кто знает, что на войне всем её участникам регулярно платили зарплату. «Был такой порядок – у офицеров была расчётная книжка на получение денежного довольствия, и когда подходило 15 число, у кого были семьи, начфин спрашивал, сколько им перечислить процентов? Я, например, получал много денег: и полевые, и за звание, и за гвардию... В карман не вмещались!».

А ещё на фронте выдавались, так называемые фронтовые сто граммов, что дало повод через много лет заявлять некоторым – дескать, понятно, почему советские солдаты были такими героями, их же перед боем спиртом накачивали. Но как категорически заявлял Леонид Гирш: «Это неправда! Никогда пьяными мы в бой не ходили, хотя фронтовые сто граммов, их ещё называли наркомовскими, выдавались каждый день. Но только после боя, чтобы снять стресс, помянуть погибших друзей, а зимой ещё и согреться».

Об этих фронтовых ста граммах я слышала и от отца, который тоже прошёл войну с первого и до последнего дня, и эта традиция – поднимать стопку в День Победы за погибших друзей – свято им соблюдалась до последних дней жизни.

Как свидетельствует история, ежедневный водочный паек был введён в армии ещё до начала Великой Отечественной, в 1940 г. во время советско-финской войны, которая, как известно, велась на севере страны зимой, морозы доходили до 40 градусов, поэтому отмечалось массовое обморожение солдат. Чтобы отогреться, бойцам в госпиталях в качестве лекарства давали выпить разведённого спирта.

Вот тогда фронтовые медики и обратились к наркому обороны Клименту Ворошилову с просьбой ввести в ежедневный рацион солдат и офицеров сто граммов водки для профилактики переохлаждений и обморожений. Такая доза не могла вызвать сильного опьяне-

ния, а вот солдатикам помогла бы. Кроме того, к этим фронтовым стаграммам добавлялись еще и пятьдесят граммов сала. После этого и родились ставшие знаменитыми выражения «ворошиловский паек» – пятьдесят граммов сала и «наркомовские сто граммов».

Причем танкистам норма была удвоена, потому что они длительное время находились в холодном танке, а летчикам водку заменили коньяком. Тогда специально для фронта стали изготавливаться стограммовые бутылочки, которые в народе прозвали «мерзавчиками».

А когда началась Великая Отечественная война, водку солдатам стали выдавать уже летом, в июле 1941 г.: слишком жестокими и тяжелыми были бои, слишком много было потерь. Ведь теперь, по словам Гирша, бороться приходилось не только с морозами, но и со стрессом.

«Война – вообще вещь жестокая, – говорил он, – я видел, как плакали крепкие мужчины. Идешь в атаку и думаешь: сейчас как даст пулемет – и в сердце. Мы постоянно были в состоянии стресса, потому что видишь: вот рядом кого-то убило или тяжело ранило... Вот голова чья-то лежит, нога, рука, оторванная... И в такой кровавой круговерти мы находились месяцами!

Поначалу водку получали только войска первой линии, непосредственные участники боев. Хотя во время Сталинградской битвы фронтовые сто граммов выдавались всем: и тем, кто наступал, и тем, кто оборонялся. Причем тыловикам и раненым полагалось не по сто, а по пятьдесят граммов в день. После Курской битвы в конце августа 1943 г. водку стали получать части НКВД и железнодорожные войска.

Вместе с тем утверждать, что войну выиграла «по пьянке» по меньшей степени несерьезно: пьяная армия недееспособна по определению. Более того, как рассказывали мне бывшие фронтовики, иногда на передовой предлагали спиртное и перед боем, и молодые, необстрелянные солдатика пили. Но они-то в первую очередь и погибали. А «старики» знали, что водка – плохой помощник в бою, потому что человек расслабляется, теряет ориентиры, он не в состоянии правильно оценить обстановку.

Страница третья. Сталинград

К осени 1942 г. фашистская Германия захватила Прибалтику и Белоруссию, Украину и Молдавию, западные и южные области РСФСР. Немецкие войска продолжали блокаду Ленинграда, держали крупные силы недалеко от Москвы. Но Германия уже не могла наступать так, как в 1941 г., по всему советско-германскому фронту, а вынуждена

была ограничиться южным направлением. Немцы рассчитывали лишить Советский Союз его главных экономических ресурсов – угля с промышленных предприятий Донбасса, а главное – кавказской нефти. Ведь техника без горючего превратилась бы в мертвые механизмы. Кроме того, установив контроль над Волгой – главной водной артерией СССР, фашисты намеревались оторвать центральные районы страны от южных, энергетически богатых. Для этого надо было взять Сталинград. Для обороны города летом 1942 г. был создан Сталинградский фронт под командованием генерал-лейтенанта В. Говорова. Со стороны Германии действовала 6-я армия под руководством генерал-полковника Ф. Паулюса. При этом немцы обладали подавляющим превосходством над советскими войсками: в человеческих ресурсах – в 1,7 раза, в артиллерии и танках – в 1,3 раза, в самолетах – более чем в два раза.

23 августа немецкая авиация совершила первый массированный налет на Сталинград. Только за один день было совершено 2 тыс. самолетовылетов. Такого не было ни в одной войне! В эти дни появился знаменитый приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!», в котором народный комиссар обороны СССР потребовал усилить сопротивление врагу и во что бы то ни стало остановить его наступление. За отступление – расстрел на месте.

«Многие сейчас говорят, что это был очень жестокий приказ, но по-другому мы, наверное, не удержались бы – считал Леонид Гирш. – Представьте, что было бы, если бы немцы переправились через Волгу? Они вышли бы к южной части Урала, спустились в междуречье Волги и Дона, а затем по нижнему течению Дона вторглись на Кавказ. По логике немцев, это решило бы исход войны в их пользу. Поэтому-то с таким остервенением бились и мы, и они. Город подвергся страшным разрушениям – Сталинград превратился в громадную территорию, покрытую горящими руинами. Пламя поднималось в воздух на сотни метров, земля дрожала от взрывов, рушились здания. В пламени корежилось даже железо!

Над местами боев тянулся жирный черный дым: горели подбитые прорвавшимися немцами советские танки. Я до сих пор думаю, лежать бы там, в пропитанных кровью и порохом снегах, и мне, да, видно, в рубашке родился. Ведь тогда даже погода и та словно остервенела – морозы доходили до 30 с лишним градусов, ветер валил с ног. А мы, начиная с осени 1942-го и до февраля 1943 г., все время в движении – и ели, и спали в окопах. Нам была поставлена задача – во

что бы то ни стало уничтожить 330-тысячную группировку немецких войск. Народу там перемололи много, прямо скажу!»

И действительно, по данным историков, средняя продолжительность жизни советского рядового в городе падала иногда ниже 24 часов! В октябре немецким частям удалось овладеть Сталинградским тракторным заводом. Советские войска удерживали лишь узкую полосу вдоль реки шириной в несколько сот метров. Ситуация складывалась критическая.

«На войне всякое бывало, – рассказывал Леонид Гирш. – Порой инстинкт самосохранения отменял все приказы. И бежать приходилось, и страх был. И видел, как плакали крепкие мужчины. Война – вещь жестокая, не дай бог кому-то испытать того, что выпало на нашу долю. Идешь в атаку и думаешь: сейчас как даст пулемет – и в сердце. У нас у каждого была саперная лопатка, так я ее под шинель подкладывал к сердцу, как броню. А то, что снаряд может и в голову попасть, как-то и не думал. Одно слово – мальчишка еще.

А знаете, как мы, рядовой состав, были одеты? Белье на завязочках, хлопчатобумажные галифе, гимнастерка, затем ватные брюки и ватная фуфайка, а сверху надевали шинель, трехпалые рукавицы. И еще была хорошая штука – шерстяной подшлемник, поверх которого надевалась солдатская зимняя шапка.

Спали прямо на снегу, и что удивительно – не болели! Еще у нас был котелок, спиртовочка. Ее разжигали, топили снег и пили – воды не было. Днем, как правило, и еды не было, потому что немцы с воздуха все обстреливали. И только когда наступала ночь, на передовую подвозили походные кухни, и нас кормили. А так как они находились километрах в 80–100 от нас, то пока до нас добирались, еда уже замерзала. Но мы дрались, как говорится, не на жизнь, а на смерть».

Страница четвертая. Бои за боями

Шел 1943 г. Бои следовали за боями, и каждый раз солдаты были в соседстве со смертью, хоть и пели, что до нее четыре шага, но она была здесь, рядом... Каждый бой мог стать последним.

Эта трагическая несовместимость жизни и смерти особенно остро чувствовалась весной, когда шелестели молодые клейкие листочки, а от пряного аромата сирени и жасмина сладко щемило сердце. Странно смотрелись на изумрудной зелени громоздкие черные танковые машины, и алые маки, которые безмятежно пламенели рядом с гусеницами танков. Вся человеческая натура противилась войне, тем более что ребята были так молоды, так хотелось жить, хотелось выйти

невредимыми из этого огненного котла, чтобы посмотреть, какой же будет жизнь там, за гранью войны.

Но для этого Леониду Гиршу надо было пройти и через Курскую дугу. На полях сражений этих великих битв осталось немало его фронтовых друзей.

Летом 1943 г. началось стремительное контрнаступление Красной армии. Люди поверили, что Победа, как говорил т. Сталин, будет за нами.

«С каким восторгом узнавали мы из газет, из сообщений Совинформбюро, что в Москве в честь освобождения Орла и Белгорода прогремел первый салют! Как радовались, когда над освобожденным Харьковом взвилось Красное знамя!

Но когда мы вошли в Харьков, я поразился, что сотворили немцы с этим городом. Сплошные руины! Сохранившиеся дома зияли пустыми глазницами окон. Под сапогами хрустели осколки стекла. Правда, жизнь брала свое: когда через десять дней мы с друзьями вновь приехали в Харьков, израненный город начал преображаться – расчищались улицы, отмывались от грязи и копоти окна. Мы зашли в одну из фотографий, рядом с которой на стуле сидел аккордеонист и играл вальсы «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии», и старичок в потертой бархатной куртке, улыбаясь, приказал смотреть в объектив, из которого, как он сказал, сейчас вылетит птичка. Мы были при боевых наградах, ведь в войну все – от маршала до солдата – непременно носили ордена и медали.

Давным-давно отстроился Харьков, целая жизнь осталась за моими плечами, а фотография, на которой я и мои боевые товарищи, сохранилась. Только уже нет в живых никого, кроме меня. Почему-то именно мне досталась горькая доля поминать добрым словом ушедших навсегда друзей».

Леониду Гиршу не раз приходилось видеть немцев, как говорится, глаза в глаза. На мой вопрос, страшно ли ему было? Он ответил: «Конечно, было, но несмотря на это, никто не бежал, хотя «Мама!» некоторые кричали. Юлия Друнина правильно сказала о войне: «Я только раз видала рукопашный, раз наяву и тысячи во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне».

Я видел, как немцы безжалостно убивали людей, я видел концентрационные лагеря. Фашизм – это самое страшное порождение человечества. Но со всех их мощной военной машиной, со всем их превосходством, наша страна раздавила Германию. Помню, когда мы

вступили в Германию, я подумал, что им, этим немцам, надо было?! Ведь у них коровник был лучше дома, где я жил на Украине. И когда мы заходили в немецкие дома и видели некоторые предметы, то просто не знали, что это такое».

Но при всем их техническом, да и бытовом превосходстве, немцы так и не смогли понять, что такое загадочная русская душа. Вот и Гирш считает, что советские люди выиграли войну не столько силой оружия, сколько силой духа.

«Вот говорят, Сталин такой, сякой. Вообще сталинская тема – сложная, но одно я хочу сказать – взять на себя такой груз ответственности во время войны и тащить страну, это надо быть очень сильной личностью. В 1941 г., в ноябре, когда немцы уже стояли под Москвой, надо было принять решения, как Кутузов принял его в 1812 г., оставить столицу врагу, или нет. Но если бы тогда бросили Москву, это сломало бы народ. Кутузовское решение в тех условиях было не приемлемым. И Сталин здесь был полностью прав, когда решил во что бы то ни стало отстоять столицу.

И вы знаете, что интересно – в 1945 г. во время Берлинской операции мы шли на Бреслау, так вот, на границе Польши и Германии есть небольшой городок Бунцлау, и вдруг разведчики докладывают: «Товарищ командир, там памятник Кутузову». «Где?» «На немецкой территории, ухоженный».

Как я потом узнал, во время похода русских войск в период Отечественной войны 1812 г. Кутузов в этом городке заболел и умер. Перед смертью он сказал: «Похороните мое сердце здесь, а тело отправьте в Петербург». Что и было сделано – сердце великого русского полководца похоронено в Бунцлау. Даже немцы уважали этого человека, истинного патриота России. Это у меня навсегда отложилось в памяти.

– Понимаете ли, война – это другой мир. Когда она началась, прежняя жизнь, суетная и беззаботная, осталась в прошлом. Человек, прошедший через огонь и смерть, по-иному начинает оценивать многие вещи. Казалось бы, привычное для всех понятие – Родина – на войне приобрело вполне конкретные очертания. Я понял, что такое воинское братство, настоящая дружба, что такое героизм, верность и предательство. Кто прошел через этот огненный ад, вышел из него другим человеком».

Страница пятая. У родного порога

Военные судьбы порой складываются самым причудливым образом, вот и Леониду Гиршу выпало на долю пройти с освободитель-

ными боями вблизи родного Кировограда, тех мест, откуда когда-то так горько они бежали. Зимой 1944 г., когда в прифронтовой полосе появилась долгожданная передышка, он попросил разрешения съездить домой, повидать мать.

«Город лежал в развалинах. Фронтовой «виллис» резво объезжал рытвины и колдобины. И вот родной дом, знакомая калитка. Сколько раз за эти годы мысленно я открывал ее, а теперь вдруг почувствовал небывалую тяжесть в ногах. Кое-как вылез из машины, неверными шагами подошел к калитке. Не могу идти, не могу – и все... Отсюда, из этого самого двора, я уходил на фронт, с тех пор, казалось, прошла целая вечность. Стою посреди двора и не знаю, что делать. Тут на пороге показалась седая старушка, хозяйка дома, у которой мы снимали комнату. Она всплеснула руками, обняла меня и заплакала.

– Бабушка Фрося, дорогая, что мамы то нет, где она?

Услышав мой вопрос, она так горько заплакала, что сердце у меня заледенело.

– Ленечка, хлопчик мой родной, нема твоей мамы, проклятые фашисты убили ее, всех твоих родичей убили... Сирота ты теперь, Ленечка, на веки вечные...

У меня потемнело в глазах, в горле застрял ком. Пожалуй, впервые за всю войну я заплакал. Вскоре стали собираться соседи. Пошли в дом, сели за стол, там мне и рассказали о страшной гибели моих близких. Маму и ее младшую сестру Аню с двумя маленькими детьми два с половиной месяца прятали соседи. Их выдал местный полицейский. Фашисты расстреляли родных мне людей, заставив самим себе рыть могилы».

Но потом Леонид Гирш отомстил и тому полицейскому, да и всем фашистам, которые принесли людям столько горя.

Страница шестая. Победа!

В апреле 1945 г. началась напряженная подготовка к Берлинской операции. 2 мая Берлин был взят. Наконец-то пришла долгожданная Победа!

«Радости и ликование не было границ. Спустя некоторое время мы были у поверженного Рейхстага. Кругом – груды битого камня, кирпича. Всюду еще не остывшие следы недавних боев. Само здание рейхстага искромсано снарядами, пулями, осколками. На стенах сплошные автографы победителей. Расписались и мы».

Но в этот день не только раздавались награды и звучали поздравления. Воины-победители прощались со своими товарищами, павши-

ми в последних боях. В их честь прогремел салют. Салют скорби и печали.

9 мая 1945 г., когда мир узнал о полной победе над германским фашизмом, в Чехословакии все еще звучали автоматные очереди. В тот день на рассвете в Прагу вступили главные силы советской армии. По улицам шли танковые колонны, жители забрасывали освободителей ветками сирени. Но бои в городе продолжались почти целый день, и лишь 10 мая, когда был взят чешский г. Бенешов, для Леонида Гирша пришла, наконец, долгожданная Победа.

В ноябре 1945 г. стало известно, что их 5-й гвардейский механизированный корпус вскоре будет переброшен на место новой дислокации в Туркестанский военный округ, в г. Мары.

Вместе с другими офицерами-холостяками Гирш обосновался там на частной квартире. Начались обычные армейские будни, появились новые знакомства. В августе 1946 г. он познакомился со своей будущей женой Валентиной Гуляевой, которая после окончания Ленинградского юридического института работала в этом городе судьей. В канун нового 1947 г., 27 декабря, они сыграли свадьбу.

Время тогда было голодное, но Леониду удалось достать две бутылки шампанского, проникнув «партизанским способом», как он говорил, в вагон-ресторан проходящего поезда Ашхабад–Москва. Кстати, через 50 лет, в 1996 г. в тот же день они сыграли золотую свадьбу, а еще через 10 лет, в 2006 г., – и бриллиантовую. А тогда, 60 лет назад, в январе 1949 г., у них родился первенец – сын Олег. Мары подарили Леониду Гиршу знакомство с человеком, который на многие годы стал его близким и верным другом – Морисом Симашко, бывшим фронтовым летчиком, который в те годы работал корреспондентом газеты «Марыйская правда». Спустя годы, Симашко стал Народным писателем Казахстана.

Страница седьмая. Стихи

Леонид Гирш – не профессиональный поэт. Но я уверена, что не диплом делает человека поэтом, это лишь огранка мастерства, ведь ни Пушкин, ни Лермонтов литературных институтов не заканчивали. Не случайно говорят, что поэзия – это состояние души, при котором у человека порой даже непроизвольно рождаются стихотворные строчки.

Вот и Гирш смотрел на мир глазами поэта. Только поэт мог сказать, описывая отдыхающих под цветущей черемухой танкистов: «... и лепестки на гимнастерках/ Сияли, словно ордена».

Стихотворные строки стали приходить к нему, еще совсем юному

бойцу, во время войны. Конечно, война – не время для лирики, но и когда гремели пушки, музы не молчали.

Как рассказал Леонид Гирш, в одном из боев его сильно контузило, и он несколько дней не приходил в сознание. Позже, при воспоминании об этом, родились строки: «Огнем и кровью, смертным стоном в три списка я внесен войной, / Один – на выдачу патронов, на память вечную – второй, / А в третий – те, кто жив остался по воле случая, / Под ним, под третьим, писарь расписался, узнав, что я судьбой храним».

Всю войну в походной сумке Леонида Юзефовича пролежал томик стихов Пушкина, который он подобрал летом 1941 г., когда, отступая, его воинская часть проходила через Кривой Рог.

«Город был разбит бомбежками, паника... В руинах лежала и городская библиотека, по всей улице были разбросаны книжки, а чуть в стороне, вижу, лежит маленький аккуратненький томик Пушкина голубого цвета. Я его поднял. Так Пушкин прошел вместе со мной через все военные годы. Когда выдавались свободные минуты, я читал бойцам его стихи. А в 1944 г. даже написал собственные, где были такие строки: «Я томик Пушкина в походной сумке / Сквозь все превратности войны пронес...»

К сожалению, этот пушкинский томик сгорел в самом конце войны, во время боев под Краковом. Вместе с ним сгорели и все его «поэтические» тетрадки. Но потребность слагать стихи осталась – свидетельством тому стихотворные сборники «Близко к сердцу», «Наедине с памятью», «Во имя жизни», «Прохладные травы».

А еще он автор идеи целой серии книг о казахстанцах-участниках Великой Отечественной войны – «Сквозь пламя войны», «Огненный Сталинград», трехтомника «Пламя Победы», посвященного 70-летию Победы и «Эхо далекой войны», вышедшей к 75-летию Победы, презентации которой так и не дождался...

За год до его ухода вышла еще одна книга, которую он так и назвал – «Стихи о войне и мире». Поражает исповедальность стихов Гирша, они потрясают своей искренностью, в них действительно оживает война, которая явилась главной темой всего литературного творчества Леонида Гирша, а его кодовым словом стала «память». И этот его «корабль воспоминаний», приплывший к нам из дали лет, опаленных войной, тревожит души и сегодняшних читателей.

Страница восьмая. Новые времена

В 1954 г. в семье Гирш родилась дочка Света. Жизнь понемногу налаживалась, когда их дивизию решили перевести в Кушку, самую

южную точку Советского Союза. Ехать туда всей семьей было проблематично – сын Олег уже учился в музыкальной школе, поэтому решили оставить его в Мары с тещей Марией Мироновной, а Леонид Юзефович вместе с женой и маленькой дочкой отправились к новому месту службы. Так на две семьи они жили почти два года.

В 1956 г. Гирша вызвали в Москву для сдачи экзаменов в Академию бронетанковых войск. Служба в Кушке проходила одновременно с учебой в академии. Получать диплом он уезжал в Москву уже с нового места службы – из Алма-Аты, где был преподавателем военной кафедры Зооветеринарного института.

Проработал там недолго – военную кафедру расформировали, а Леонида Гирша пригласили в новую структуру – штаб Гражданской обороны Казахстана, который был создан в 1960 гг. Возглавил его Герой Советского Союза, тогда полковник, а позже генерал армии Сагадат Нурмагамбетов. Он то и пригласил Гирша, предложив ему должность заместителя начальника штаба Гражданской обороны Алма-Атинской обл. В феврале 1984 г. Леониду Юзефовичу исполнилось 60 лет, время уходить на пенсию, но сидеть дома не в его характере. Он активно занялся экологическими проблемами, став заместителем председателя президиума областного совета Общества охраны природы.

Весной 1995 г. с целью укрепления общественной стабильности и межнационального согласия в стране была создана Ассамблея народа Казахстана, где Леонид Юзефович работал с первого дня ее создания и до самой своей смерти.

Он прожил большую жизнь. Разными были годы, из которых она складывалась, но жизнь не бывает без тревог и волнений, без любви, измен, разлук и радостных встреч, тем она и интересна. Но он всегда говорил о себе: «Я счастливый человек. Счастлив, что вся моя жизнь, с юности и до сегодняшнего дня, была отдана служению Отчизне. Счастлив, что принадлежу к поколению созидателей и победителей».

Абрамович Б.С.

И я смотрел на Полярную звезду...

Осенью 1942 г. из Алма-Аты уходили на фронт 850 призывников. В основном это были выпускники школ. В их числе был воспитанник школы № 28 Борис Абрамович, которого многие помнят по его работе в Бюро пропаганды советского киноискусства. Жизнь Бориса Соломоновича (26 мая 1924 – 5 февраля 2013 г., г. Алматы) была наполнена удивительным общением, необычайными встречами и впечатлениями. Но что бы ни происходило, самое дорогое воспоминание для него – фронтовые годы.

До войны, будучи школьником, Борис Абрамович очень любил искусство. Драматическим кружком в их 28-й средней образцовой школе им. Сталина руководил известный актер Русского драматического театра Михаил Борисович Азовский.

На фронте Борис Соломонович получил боевое крещение под Курской дугой, участвовал в войне с Японией.

Летом 1946 г. Борис Соломонович приехал в отпуск домой, в Алма-Ату. Устроился администратором в ТЮЗ и одновременно играл в спектаклях. Его театральные работы: Бром – «Осада Лейдена», Жора Арутюнянц – «Молодая гвардия», Курио – «Двенадцатая ночь», Фолл – «Две судьбы».

В 1953 г. Борис Соломонович стал директором Дома работников искусств. Много лет посвятил он в дальнейшем кино, создал Казахское отделение Бюро пропаганды советского киноискусства. Был его директором.

Для многих молодых работников кино Борис Соломонович был учителем. Этот период начался с августа 1962 г. В кино его пригласил Шакен Айманов, и работа в кинематографе продолжалась почти до конца его жизни. Он долго работал на руководящих должностях в системе кинематографии. Много сил и энергии отдал, уже будучи на пенсии, общественной работе. Без этого он не мог жить. В последние годы жизни выпустил книгу «Жизнь моя – кинематограф, черно-белое кино». Любил повторять: «Пусть будет у вас всегда праздник в душе, а сердце – на работе».

*Награжден более чем 20-ю медалями, среди них – медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией»... **Воспоминания записала Енисеева-Варшавская Л.^{1*}***

Вообще-то в армию, – рассказывал Борис Соломонович, – я попал еще до призыва. Мы все ходили и просились на фронт. И в декабре 41-го нас как добровольцев райком комсомола отправил в Высшее военно-морское Ленинградское инженерное училище, после чего путь лежал на фронт. Довезли до Баку, поставили на карантин и давай обмундировывать. Бушлаты сплошь старье, б/у 7-й степени – вата скаталась, заплатка на заплате. Правда, вместо бескозырок дали шапки. Ну, да ладно. Потом ночью разбудили, погрузили в открытые, с высокими такими бортами полувагоны, в которых уголь возят, и – под Керчь, в Новороссийск. А на дворе январь, днем дождь – снег, а ночью бушлаты, как ледяная корка. Попростыли все, конечно. На какой-то станции нас разгрузили, а три четвертых эшелона – кто без сознания, кто как. У меня сухой плеврит, воспаление легких. И так, не доехав до войны, я попал в Ташкентский госпиталь.

В месте назначения оказывается, прорыв был, мы и не понадобились даже, и нас всех вернули домой до следующего, в сентябре, набора. А потом Ашхабад – пехотное уже училище.

^{1*} Беседа с респондентом состоялась в 2009 г.

Мне было 17 лет. В Ашхабаде проучились до января, потом все училище подняли по тревоге и айда на фронт. И вот интересно. Меня коробит дедовщина, всякие неуставные отношения. У нас тогда в минометный батальон пехотного училища пришел уже обстрелянный старший сержант Пузанов. Так он утром: «А ну, покажи, как ты завернул портянки! Ну, молодец, сделал все, как надо!» Или: «Ты зачем много пьешь? Тебе же сейчас в поход идти по пескам. Ты же весь потом изойдешь!» Это был настоящий батька. Дед-воспитатель, охранитель.

Питались мы далеко не шикарно, и когда уже выстроились перед отправкой на плацу, радовались: в эшелоне хоть отъедемся! А Пузанов говорил: «Что там будет, еще неизвестно, а вот в конюшню привезли жмых хлопковый. Так вы запасайтесь, хлопцы». Как в воду глядел. Этот жмых почти два месяца выручал нас. Куда только ни мотали нас! Сначала под Москву, потом 17 суток стояли под Рязанью, затем перебросили под Сталинград. Но воевать не пришлось, хотя мы видели даже, как Паулюса из подвала универмага выводили. Нас было около тысячи, это была хорошая подмога, но всех снова погрузили и – под Старый Белград. Только там мы получили боевое крещение. 81-я наша гвардейская дивизия под командованием генерала Морозова была сформирована на Дальнем Востоке и обстреляна под Сталинградом. Меня определили топоразведчиком. Окапывались мы крепко – чтобы от командного пункта дивизии можно было дойти, не пригибаясь, до передового наблюдательного пункта батальона. Труд был титаническим, а питание... В эшелоне под Рязанью, например, нам выдавали 410 г муки. И ничего больше. Пардон, тысяча мужиков. Наберешь на обочине путей снега, растопишь в кружке у буржуйки, вот тебе и болтанка. Галушки делали – квадратные, круглые, лишь бы как-то проглотить. Ни соли, ничего! А то все стены буржуйки лепешечками облеплены. Иногда кое-что перепало от грузовых эшелонов. Так однажды я поел солидол – думали, что это комбижир. И когда пришли под Белград, Первое мая наступило, водку дали по 100 г, и ничего больше. Наш Пузанов запивал ее настоящими слезами – от обиды. Бывало в эшелоне и так – сухарь в палец толщиной и банка в 400 г китового мяса на весь день для 16 человек! Наш эшелон никому не нужным оказался. Мы не заняли еще боевые порядки и ни к какому довольствию приписаны не были.

В Белграде была еще и распутица. Старшина возьмет трех солдат – что принесут в вещмешках, то и есть. Приносили в основном сухари и концентрат. Горох, например. Пожиже разведут – это суп, погу-

ще – пюре. А земляные работы сил требовали много. Сил и времени. Днем отводили нас в тыл дивизиона. Так я на этот горох с тех пор смотреть даже не могу. Зато, когда дороги открылись, мешками сахар и табак носить стали. А там началась еще суворовская забота о солдате – присылали рецептуру повару. У нас был Жумагул Назаров, алмаатинец, повар. Однажды мы спим после ночной копки и вдруг такая ругань – на всех возможных языках! Оказывается, он решил угостить всех борщом. В то время у нас была трофейная немецкая кухня, и вот он все по этой самой инструкции сделал, пропорции соблюл, как вдруг из клапана, что наверху выпускает пар, как из мясорубки – колбаса. Оказывается, в рецептуре указаны были свежие овощи, а привезли сухие. И вот клапан этот и вырвало. Но это все лирика.

Самое тяжелое на войне – гибель друзей. Это я на себе испытал. Сколько живу, столько помню смерть Димки Елькина – замечательного парня-москвича. Было это на Кировоградщине, под Верблюжкой. Немцы закопали «фердинанд» – это такая самоходная бронированная пушка на гусенице типа танка-«тигра». И командир дивизии дал нашему полку команду организовать несколько наблюдательных пунктов, чтобы засечь эту пушку. Она в посадке, закопалась и никак не видна, а как что-то начинает двигаться по полю, тут же стреляет. И вот нас с Димой назначили следить за ней, и мы пошли в балку со стереотрубой. Наблюдаем по очереди: один смотрит, другой в углублении ждет. Я говорю: «Ну все, ты как бы отдежурил, давай теперь я!». Он: «Сейчас, сейчас! Вот только я...», – и в это время болванка попадает в торец бревна, ему мгновенно сносит голову, и он падает на меня. Я подхватываю его на руки, а толку что? Представляете! Так вот – на другой день ребята ведут пленного немца, а я сдержаться не могу. С кулаками на него набросился.

В детстве у меня подружка была – Тамара Сладкова, она за меня дралась. А тут вот сам из себя вышел. Но это один лишь случай. А каких только смертей мы не видали там! В госпиталях умирали тяжелораненые. На поле бомбежка, ляжешь, прижмешься к земле, переждешь все, встанешь, а вокруг все полегли. Или – под Харьковом. Огуречное поле, все бросились собирать огурцы. Повар, земляк наш Жумаджума Назаров мешок даже прихватил, чтобы нас потом попотчевать. А тут истребители. Посекли все, смешали с землей. И Жумаджума не поднялся тоже. А то вообще бывала нелепость. Командир отдельного противотанкового дивизиона был у нас – Сушицкий. Уж он-то, казалось, в каких только переделках не побывал, все, что мож-

но было и не можно на поле боя прошел, отовсюду цел вышел, а подлая, предательская пуля настигла его в тылу.

Война открывает в человеке скрытые возможности. Причем для самого него зачастую неожиданно. На себе испытал, знаю. В 1943-м, например, меня контузило, 17 дней я пробыл в медсанбате с полной потерей зрения, слуха, речи. Потом все постепенно стало возвращаться, а вот говорить я не мог – полный рот языка. А тут разговор: приезжает эвакогоспиталь, и нас повезут в тыл. В тыл – это батальон свой потерять. Терять не хотелось, и решили тогда все пойти к Морозову. Пришли, он вызывает нас по одному, а я волнуюсь – как объясняться буду? И что ты думаешь? Открываю дверь его кабинета и четко, легко произношу каждое слово. Никаких тебе сложностей, язык срабатывает как надо. Вот вам и «не могу»!

Или вот зимой мы в какой-то хате остановились. Один к одному сидим, потому что лежать негде, и кто-то из медвзвода давай смеха ради температуру всем мерить. И что же? Самая низкая оказалась 37,8 градусов. То есть все были практически больны, но никто этого не чувствовал.

А до этого, когда я пришел из медсанбата, ребята дали мне хорошие офицерские сапоги. Только прохудились они. «Ничего, – говорит старшина, – завтра я тебе ботинки дам, а сапоги мы починим». Но тут на Харьков пошли, не до того было. И я остался в сапогах. Кожи нет, подклад только матерчатый. Так я все бои в них прошел, и ничего! Организм живет за пределами возможного.

Рассказывали, что у нас – артиллеристу руку оторвало, он взял ее в другую, здоровую, пришел к командиру и докладывает: «Задание выполнил!» Или: под Курской дугой комсомольское собрание. И – обстрел. Солдата ранило в плечо, кровь хлещет, а он: «Хлопцы, я же не заплатил комсомольский взнос!» А то вот друг мой, летчик Петя рассказывал. Его подбили, он попал в плен. И там, в плену, сохранял комсомольский билет... в ране. Свернул его, как сигарету, выдрал корку на теле и вложил, когда рана зажила, продолбил в костыле отверстие, туда прятал.

Страх на войне был, конечно, и всякий. Но больше всего я испытал его на Днепре. Алмаатинец, плавать не умею. При форсировании связали жердями пустые бензобочки, закатили на них орудия, комплект боеприпасов, да нас еще, отделение разведки, посадили туда. Помню, только и думал: «Сейчас, сейчас перевернемся». У меня тогда привычка была такая – как только обстрел, мне надо что-то жевать. Так там, на Днепре, я две пачки махорки изжеввал. Другой раз

было страшно, когда «мессер» за мной гонялся вокруг сарая или амбара посреди поля. Охотился, стрелял, а может быть, и играл. И еще был случай. Накануне Курской дуги 6 июля нас – нашу и 73-ю, тоже, кстати, алма-атинскую и тоже гвардейскую дивизии – бросили на стык. Немцы матчасть нашу пропустили, а машины с боеприпасами отрезали. То есть орудия есть, а стрелять нечем. Таким образом нас в цепь заложили, и мы давай выходить через лощинку. Народу – толпа! А немцы стреляют – удобная западня! Потом офицер один говорит мне: «Боец, следуйте за мной!» Как вышли, не знаю. Офицера ранило в ногу, с двумя ребятами мы вытащили его из-под огня и – в рощу! Слышим – грохот. Это повар наш на бричке, и какая-то небольшая кухня к ней прицеплена. Мы положили офицера на эту бричку, я подложил под него свой вещмешок, пока ходил за автоматом – взрыв! Кони вместе с офицером сорвались вперед, и когда я вернулся назад, то увидел остатки наших дивизионов и ни одного орудия. День шел к концу, наступали сумерки, и было решено переждать здесь ночь. Наутро смотрим – невдалеке церковь большая, в ней наблюдатель и кричит: «Спасайтесь! Танки!» Как мы оттуда выбрались, это фантастика! Хорошо, подвернулся «виллис». В него поместилось 17 человек! И мы на этом «виллисе», между танками-то и проскочили. Ну, а когда начался танковый бой, земля под ногами пошла подыматься. Но вот тут – как на духу! – никакой боязни не было, потому что все были рядом и все вместе. И хоть шаткая, но земля! Потом еще и наши танки пошли.

У меня была чисто юношеская уверенность, что я пройду через все без царапины. И только 3 августа, когда меня стукнуло, я сказал – ага! Но предчувствия или мистического момента ни тогда, ни потом не было.

Война – тяжелая работа. Переходы, бессонные ночи, бомбежки. Отдыхали, где придется и как придется, даже на ходу. Я не помню, чтобы я спал на кровати. Иной раз народу набьется в хату столько, что дай Бог притулиться. Ноги отекут, но ни расправить их, ни повернуться. Бывало, что и в чистом поле выроешь ячейку в снегу, плащ-палаткой укроешься. С ноября 1943 г. по февраль 1944-го я ни разу не разувался. А когда? Я разуюсь, а тут по тревоге вставать. Что ж, я босиком побегу? Позже кто-то прислал мне портянки – так чтобы одеть их, я носки вместе с кожей снимал.

Завшивленные все были страшно. Спит человек, а сам во сне чухается. У немцев белье нательное против паразитов особым составом пропитывалось. У нас – самодельная «бочка Капустина» – дивизион-

ная баня. Бензобак – верх продырявливается, и заливается вода. Когда вода закипит, в нее закидывают обмундирование. Потом баня пошла полковая, а там банные палатки поставили. Три–четыре бани, и мы отделались от живности.

Дома я стал невольным свидетелем разговора мамы с соседками. Нас три брата и сестра – все были на войне. Сестра в эвакогоспитале. Я самый младший. И вот соседки спрашивают: «Ну, как он? Наверное, жестокий стал?» А мама: «Нет, ничего такого я в нем не заметила». Сейчас я понимаю, в чем дело. Во-первых, после мясорубки на Западе я попал снова в училище в Бухару, а потом в Ташкент. Занятия были напряженные, но все-таки в мирной обстановке. Была там и моя любимая художественная самодеятельность. Это хорошая отдушина. В войне на Дальнем Востоке, куда я попал потом, все было цивилизованно и практически бескровно. Вся испытанная мной до этого горечь компенсировалась.

Однажды одна из соседок меня спросила: «Ты действительно хочешь на фронт? А то одна бабка прививает экзему». Но для меня уклонения от армии была дикость несусветная.

Пока мы учились в Ашхабаде, я был взводным запевалой. Однажды у меня пропал голос. Пошли в столовую, а командир: «Запевай!» Голоса у меня нет, я молчу. Он опять: «Запевай!» Опять молчание. Он: «Газы! Все одевают противогазы! Ложись, по-пластунски вперед! Встать, лечь, встать, лечь!» Словом, мучил он всех так, что в училище мы уже приползли. И один курсант сказал мне: «Будет оружие, первую пулю пушу в тебя!» Но когда меня 3 августа контузило, да еще завалило бревнами и придавило, то ведь спасал меня именно он.

Конечно, по дому тосковали, когда была возможность, писали письма. Но длинное не напишешь. Во-первых, бумага по выдаче, а во-вторых, цензура. А потом, за несколько ночей до того, как призвали меня, мама вывела меня во двор и говорит: «Видишь Полярную звезду? Когда будет тяжело, смотри на нее. Я тоже буду смотреть».

Из воспоминаний А.А. Ховина

Анатолий Адольфович Ховин (24 сентября 1929 г. – 21 декабря 2011 г.). Окончил Брянский институт транспортного машиностроения. Мастер, начальник цеха, начальник ПТО Алма-Атинского вагоноремонтного завода (1952–1960); старший инженер, начальник отдела Алма-Атинского СНХ (1960–1963); зам. начальника отдела Гос. комитета Совета Министров КазССР по координации научно-исследовательских работ (1963–1965); директор, ген. директор ПО «Кзыл-Ту» (1965–1979); зам. министра местной промыш-

ленности КазССР (1979–1988); ген. директор РПО «Казхудопрот» (1988–1992); зам. главного управляющего СП «Скаббард-Алатау» (1992–1994); советник ген. директора ЗАО «Казахстан-Коммерция» (1994–1995); советник ген. директора АО «Сункар» (1995–1998); советник ген. директора ТОО «Фирма Латон»; председателя правления ОАО «Стекольная компания «САФ» (2000–2005); с августа 2005 г. на пенсии, проживал в Москве. Председатель Шахматной федерации КазССР (1976–1980). Награжден орденом «Знак Почета», 3 медалями, Почетной грамотой Верховного Совета КазССР; заслуженный работник просвещения КазССР [1].

Его имя в Алма-Ате гремело, когда он был генеральным директором фирмы по переработке пластмасс «Кзыл-Ту». Продукцию фирмы с удовольствием покупало все население города.

Потом меня с ним познакомил наш общий друг – ветеран войны Л.Ю. Гириш. Так получилось, что мы с Анатолием Адольфовичем подружились, и уже уехав, он прислал мне несколько материалов, два из них публикую.

К сожалению, в Интернете я нашла очень мало материалов, посвященных Анатолию Адольфовичу. Страничку его памяти посвятил его внук, тоже Анатолий.

Здесь же я увидела комментарий к тексту Розы Кузембаевой. «Я знала Анатолия Адольфовича еще с фирмы «Кызыл Ту». Как он поднял предприятие, как расширил, какой ассортимент стали производить. Потом, когда он стал заместителем министра местной промышленности КазССР, который курировал производство, мне опять посчастливилось поработать с ним до 1988 г.

Замечательный был человек, грамотный, интересующийся всем новым, он содействовал расширению производимой продукции, созданию новых производств. Надо помнить, что многие из предприятий были градообразующими, главными в райцентрах и селах. У жителей этих отдаленных мест была работа в родном месте, и не было необходимости все бросать и уезжать в большие города.

Анатолий Адольфович часто ездил в командировки, посещал эти предприятия и делал очень многое для них. Помню, он выписывал журнал, который выходил на идише. Нам было интересно. С ним всегда было о чем поговорить. Не знала, что он уже ушел... Пусть ему там будет хорошо, а его семье здесь. Почитала – с какой любовью он все сохранил. Очень приятно, когда такие серьезные руководители так трепетно относятся к своей семье. Действительно, вам всем есть, кем и чем гордиться. Вечная память Анатолию Адольфовичу!» – Роза Кузембаева, Местпром.

Анатолий Адольфович был очень активен до конца жизни в соцсетях. Вот какое письмо, например, он прислал Юрию Соломину. «Уважаемый Юрий Мефодьевич! Моё письмо касается глубокоочтимого Виталия Мефодьевича. 22 года я храню его письмо, адресованное мне в ответ на мой восторженный отзыв по поводу созданного Виталием Мефодьевичем образа директора Ремеза в кинофильме о танкостроителях^{1*}. В ту пору я жил в Алма-Ате, работал гене-

^{1*} Речь идет о фильме «Предел возможного» (1984 г.).

ральным директором производственного предприятия. Но в годы войны, будучи подростком и живя в Челябинске, был невольным свидетелем работы Челябинского танкового завода, был много наслышан о легендарном его директоре и даже дважды его видел.

Образ Ремеза меня потряс, и я отправил Виталию Мефодьевичу письмо, полное глубокой благодарности. Ещё большим потрясением для меня явилось его ответное письмо. Храню его как дорогую реликвию. Но время идёт, мне уже 77. Думается, что место этому документу на столе у его брата – у Вас, дорогой Юрий Мефодьевич. Для себя я снял ксерокопию. Уместна ли будет моя просьба о передаче Вам этого письма? Естественно, без каких бы то ни было условий с моей стороны. Просьба одна: можно ли занять у Вас только одну минуту живого общения для поклона Великому артисту от «среднего» зрителя, каковым меня называл близкий для меня человек – Рубен Суменович Андриясян, гл. режиссёр Русского драматического театра им. Лермонтова в Алма-Ате» [2]. **Публикацию подготовила Мананникова Л.Б.**

1. Ашимбаев Д. Кто есть кто в Казахстане: Биографическая энциклопедия. – Изд. 11-е, доп. – Алматы, 2010 – С.1116.

2. [Электронный ресурс] Анатолий Адольфович Ховин. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/4050/com/print/> (дата обращения 16.08.2020).

В тылу как в тылу...или кусочек войны глазами подростка [1]

Посвящаю тётке моей – Эсфирь Борисовне Скоробогат, в войну – старшему лейтенанту артиллерийской службы, заместителю начальника цеха гранат завода № 254.

Городок Дубровка в 100 км от Брянска. Воскресенье, 22 июня 1941 г. Река Сеща. Раннее утро. Друзья-подростки уже на рыбалке. Сперва в воду под коряги за раками. Потом чуть вверх по течению забрасывают удочки. Клёв и сегодня отменный. Ближе к обеду, счастливые от купания, солнца и наловленных раков, пескариков, плотичек, окуньков и слюнявых ершей, мчимся домой.

На веранде дома хмурые взрослые стоят вплотную у висящей на стене тарелки репродуктора. «Тише! Война!» – осадил мальчишек папа. Но им весело и беззаботно. Мы – пионеры и хорошо знаем, что «броня крепка, и танки наши быстры», и что враг вскоре будет разбит на его же территории. Мы – стойкие патриоты своей Великой Родины.

Таковыми нас выпестовали и многократно просмотренный фильм «Чапаев», и песни «Если завтра война» и «Всё выше и выше», и радиопередача «Пионерская зорька», и замечательные печатные издания «Пионерская правда», «Пионер», Костёр»... А военные игры в школе? А сдача норм БГТО,^{1*} ПВХО,^{2*} «Ворошиловский стрелок»? Нет-нет, «кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». Поэто-

^{1*} «Будь готов к труду и обороне».

^{2*} «Готов к противохимической обороне».

му ребятам весело и беззаботно: всё будет так, как им прививалось и ими впитывалось.

Но папа, видно, думает иначе. Его все уважают, и его мнение высококочтимо: он, единственный с нашей улицы, сражался у озера Хасан, прошёл польскую и финскую кампании, и поэтому его суждения считаются неоспоримыми.

... После речи Молотова взрослые безучастно молчат. Папа же вручает мне деньги и посылает в монопольку^{1*} за водкой. К моему возвращению уже забиты, опалены и разделаны пара боровков. Огромная сковорода стоит на двух примусах: всё готово для жарёнки и застолья.

Затаив дыхание, слушаю, о чём говорят взрослые – папа с друзьями. Позже не раз поражался предвидениям отца, высказанным им в тот первый военный день. «Нас, мужиков, через день-два мобилизуют. Немцы через пару месяцев будут здесь. Надо прятать добро и готовиться к эвакуации».

К великому сожалению, всё так и произошло...

Чуть западнее Дубровки, у станции Сещинская (кинофильм «Вызываю огонь на себя» помните?) – крупный военный аэродром, а ещё ближе, но с востока – такой же у пос. Олсуфьево. В первые же недели войны эти объекты немцы бомбили и днём, и ночью. Гул от разрывов бомб был каким-то приглушённым (не так, как в кино), но необычайно грозным, вселявшим страх.

Нередко в небе происходили воздушные схватки, и мы становились свидетелями жутких картин пикирующих к земле подбитых самолётов с дымовыми шлейфами. Увы, чаще наших.

По ночам небо от горизонта до горизонта, словно зловещими тучами, закрывалось летящими бомбить Москву фашистскими эскадрильями.

Их характерный, наводящий ужас, волнообразный вой и сейчас при воспоминании таранит уши.

Дом наш – напротив железнодорожной станции. В один из дней там остановился бронепоезд. Толпа народу сбежалась посмотреть на это, знакомое только по картинкам и кино, легендарное чудо («... и наш бронепоезд стоит на запасном пути»). Здесь же молча курили вышедшие из броневой машины красноармейцы. Как всегда, толпа *все знает*: якобы под Рославлем, в 50 км от Дубровки, уже немцы, а бронепоезд идёт на подкрепление нашим войскам.

^{1*} Так называли тогда винные лавки.

Через несколько часов толпа вновь заполонила станцию. Из вернувшегося с боя бронепоезда выносили раненых, кто-то сам выходил в окровавленных на голове и руках бинтах. На нескольких носилках тела были прикрыты брезентом. Впервые увиденные кровь и смерть войны.

Уже в августе нас спешно эвакуировали. Какие-то взрослые, друзья уже где-то воевавшего отца, подогнали лошадь с телегой, побросали тюки с вещами, на них насильно усадили гостившего у нас ленинградского дедушку и, подъехав к составу, втолкнули всех нас вместе со скарбом в товарный двухосный вагон.

Надо сказать, что дедушка категорически отказывался бежать «от каких-то там немцев». Отмеченный в первую мировую за храбрость Георгиевской наградой, он считал их хотя и слабыми вояками, но достаточно культурными людьми, которые не могли, по его мнению, опуститься до уничтожения мирных граждан. Уже после войны стало известно, что немецкие войска вошли в Дубровку через полчаса (!) после отправления эшелона с беженцами. За время оккупации все не успевшие уехать евреи были фашистами уничтожены. Услышав эту страшную новость, дедушка, очень по натуре упрямый, заявил: «Всё это шпионские слухи! Этого не может быть!».

...Первая остановка эшелона с беженцами на станции «Брянск-товарный». Из маленького оконного люка в верхнем углу вагона было видно, что на путях скопилось несчётное число цистерн, платформ с военной техникой, лесом, вагонов, заполненных красноармейцами, беженцами и одетыми в гражданское новобранцами.

В вагоне жара, кричат маленькие дети. Женщины ругаются друг с другом за место поближе к дверному проёму: здесь и воздух посвежее, и нужду можно быстро справить (никто никого уже не стеснялся). Кому-то плохо. Спрашивают нашатырный спирт, валерьянку.

Ночью вдруг взвыли сирены: воздушный налёт. Внезапно где-то буквально рядом страшный, почему-то короткий и трескучий, звук разорвавшейся бомбы, потом ещё и ещё.

Странно, но нет страха. Нет вообще никаких чувств. Удивительно, но в вагоне тишина. Если кто-либо что-то произносил, на него мигом коротко и смачно цыкали.

На рассвете состав тронулся в путь. Никто не проронил ни слова о наверняка случившейся здесь, рядом с нами, страшной ночной трагедии. Иначе и быть не могло: уж слишком кучно стояли на железнодорожных путях эшелоны.

Неделя пути, и вот, наконец, конечная цель: Большая Ржакса Тамбовской обл. Разместили нас по колхозным дворам близлежащих деревень.

Встретили эвакуированных (*выкавыренных* – как произносили местные это мудрёное слово) настороженно, но приветливо. Здешние колхозники, ещё не познавшие всех ужасов этой войны и потери близких (в 1941 г. коренных тамбовчан в армию не призывали из-за их будто бы нелояльного отношения к советской власти во время известного Антоновского восстания), тем не менее относились к нам с большим сочувствием. Они, оказывается, не знали, что есть такой народ – евреи, а узнав, удивлялись: «Надо же, такие, как и все». Плату за постой не просили, по праздникам угощали со своего небогатого стола. Но ближе к зиме настоятельно потребовали...солому. Говорили: «Просите председателя колхоза, чтоб помог!». Солома нужна для отопления русской печи, дров-то нет – местность степная, безлесная.

А топить печь надо было и для приготовления пищи, и для стирки, и для выпечки хлеба. И для бани. Вначале мы с удивлением наблюдали, как по субботам хозяева, нагрев горящими соломенными пучками под и свод печи, в три погибели скорчившись, залезали с тазом воды и веником из прутьев внутрь, закрывались заслонкой и хлестали себя, покряхтывая от удовольствия. Потом и мы освоили эту технологию, т. к. в печь загнали появившиеся «ползучие спутники войны» (спали-то на подобии кровати вчетвером – в два ряда и два вала).

...Мама пошла к председателю колхоза просить солому. «Не могу, это колхозная, пусть хозяева ваши не жмутся». Пришлось мне как старшему осваивать воровство колхозной соломы. Представьте себе вязальную спицу, увеличенную до полутораметровой длины с загнутым в кольцо одним концом. Вот этот штырь надо было по самую ручку вонзить в скирду и, вытаскивая крючком по небольшому пучку, набрать вязанку соломы, уплотнить её руками и крепко перевязать старыми вожжами, оставив свободный конец, за который и тащить волоком до дома (откуда и название – «волокуша»). Всё было бы ничего. Но! Выходить «на дело» – а это более 2 км – следовало не позднее четырёх утра. И не попасться никому на глаза. А тут ещё волками пугали. Хорошо, что этот «подвиг» пришлось за зиму совершить всего два–три раза. Признаюсь честно, сейчас бы я этого ни за что не сделал. От страха.

...В конце зимы 1942 г. закончился запас муки. Денег нет. Посоветовали ехать в райцентр на базар и выменять какие-либо вещи на хлеб.

Сохранился, к счастью, довоенный почти новый папин бостоновый костюм. Как семье фронтовика председатель выделил сани и лошадь. Здесь замечу, что все крепкие кони были мобилизованы для нужд армии, и в колхозных конюшнях оставались «непригодные к строевой» клячи.

На рассвете – в путь. От нашего колхоза до райцентра около 10 км. Какой-то мужик, не торгуясь, дал мне за костюм мешок пшеницы (*пашёницы* – по местному выговору), да ещё помог погрузить на связанное из толстых прутьев ветлы днище саней.

Гордый своей самостоятельностью, я разлёгся на покрытом старым зипуном мешке с зерном, и мой мерин по кличке Советский вяло (по-другому он просто не мог) зашагал по направлению к дому. «Вот сегодня, – думал я, – наконец-то у мамы не будет повода сказать мне, как это часто бывало, что у *всех дети как дети, а ты...*» Но она, заплавав, произнесла: «Чего же ещё ожидать от тебя?»

И было из-за чего: под зипуном лежал почти пустой мешок. Его угол провалился в щель днища саней, мешковина протёрлась от трения о накатанное покрытие снежного наста... «Что посеял на дороге, того не пожнёшь», – успокоил меня наш сосед-старик.

Никому бы никогда не пожелал испытать того моего позора! Но мир не без добрых людей: тот же старик пошёл по дворам и набрал «с миру по зёрнышку» да ещё договорился со своим другом-мельником, чтобы собранную таким путём *пашёницу* бесплатно помолоть.

Как ни странно, но случай с посеянным на дороге зерном пошёл на пользу: председатель колхоза определил меня в качестве своего посыльного.

Связи с райцентром не было никакой. То, что теперь зовётся телефонограммами, тогда передавалось по цепочке через вестовых от деревни к деревне. Бумажку с циркуляром из райцентра под роспись читал председатель колхоза первой по пути деревни, затем её принимал посыльный в следующем селе и т. д. Удивительно, но переписки было очень много. Поток писем-пакетов шёл и в обратном направлении. Работать приходилось весь световой день. И оплата начислялась неплохая: по полтрудодня за день.

Правда, я, как и другие колхозники, так ни разу её и не отоварил. «Хлеба не *родют*», – как нам объясняли. Но в этом ли дело, когда под тобой весь день мерин Советский (да-да, тот самый!). Жаль только, что без седла. Но какой кураж! Даже мама с гордостью говорила: «А мой-то *курьером* работает!»

Огорчало то, что ничего доброго перевозимые пакеты для адресатов не содержали, это видно было по выражениям их лиц. Район требовал увеличить поставки сельхозпродукции, ускорить контрактацию скота, подготовить очередной контингент молодёжи для работы на военных объектах и стройках Урала и Сибири. Всё чаще наши пакеты принимали новые, совсем юные руководители: в 1942-м сняли ограничения по призыву в армию бывших антоновцев.

А на фронте немцы наступали. Приближалась Сталинградская эпопея. Поползли слухи, что скоро фронт дойдёт и до наших мест. Мамина сестра, работавшая на военном заводе в Челябинске, прислала вызов – таков был порядок военного времени. Но как добраться до Урала женщине с тремя детьми? Добрые люди подсказали: в Тамбове формируется эшелон для отправки рабочей силы на Восток.

Мама так и не поделилась, как ей удалось разжалобить начальника эшелона и принять к себе семью. Она только произнесла: «Мы должны Бога молить за этого человека, а деньги и добро наживём, если будем живы-здоровы».

Насушен мешок *аржаных* сухарей, славная наша хозяйка подарила банку топлёного масла.

Три недели пути в битком набитом товарном вагоне. Страх: а вдруг налёт? Но после Рязани, как говорили старшие, можно было спать спокойно.

Челябинск встретил холодом и дождём – осень. Шестнадцатиметровая комната в коммунальной квартире двухэтажного дома с бытовыми удобствами на улице. Нас восемь человек: четыре женщины (мама и три её сестры) и четверо детей. Всё время хочется есть. Пайка работающего – 800 г хлеба, пайка иждивенца – 300 г. Утром и вечером – кипяток с сахарином, в обед – суп из кипятка, заваренного крахмалом.

За хлебом, отпускаемым по карточкам, по очереди ходили дети. Существовало неписаное золотое правило: довесок съедался тем, кому сегодня положено идти в магазин.

В школе ученики получали завтрак: пятидесятиграммовый ломтик хлеба, стакан кипятку и чайную ложку сахарного песка. Детям фронтовиков паёк удваивался. С какой завистью на них смотрели остальные! В нашем классе такими счастливыми были только двое (с военных производств мужчин, как правило, в армию не призывали): Толик Яковлев и ваш покорный слуга.

Трудно жили. Но мы, дети войны, знали по многочисленным плакатам, что здесь, в глубоком тылу, куётся победа и надо стойко всё

выдерживать, ни на что не жалуясь и радуясь, когда к нашей помощи прибегали взрослые.

«Дети мои, – один–два раза в месяц обращался к нам наш любимый учитель, преподаватель математики, он же директор школы, Герман Лазаревич Лифшиц, польский еврей, ещё не освоивший русский язык, – дети мои, завтра не учимся, сбор у центральной заводской проходной в 7.45. Оденьтесь потеплее, возможно будет дэждь» (и снег, и дождь, и мороз он называл «дэждь»). «Уррааа!!!» – гремел класс в ответ. Никто никогда не опаздывал. Ровно в 8.00 все стояли по обе стороны конвейерной транспортёрной ленты.

Начинённые взрывчаткой ручные гранаты РГ-42 издевательски быстро выползали по транспортёру из соседнего участка нашего цеха № 5. Мы едва успевали упаковать их по четыре штуки в плотные бумажные листы, перевязать крест-накрест шпагатом и повесить к крючкам цепи, синхронно двигавшейся над транспортёром. Далее упакованные нами блоки попадали в ванну с расплавленным парафином.

«Для защиты от воздействия влаги при транспортировке на фронт», – объясняла тётенька-мастер в военной форме с погонами младшего лейтенанта.

Весь командный состав цеха был, как тогда говорили, аттестован и имел воинские звания офицеров артиллерийской службы.

Работая в цехе, я немного задираю нос, стараясь при этом казаться скромным: моя родная тётя в этом же пятом цехе занимала должность заместителя начальника в чине старшего лейтенанта. Незадолго до войны она окончила Ленинградский химико-технологический институт. Почти весь их выпуск был распределён на один из подмосковных военных заводов, производивших боеприпасы. После первых налётов немецкой авиации завод эвакуировали под Челябинск. Строительство жилья, цехов, подъездных путей, монтаж оборудования, отладка технологий и производство боеприпасов шли одновременно. Уже в декабре 1941 г. продукцию завода стал получать фронт.

Работая на конвейере, то и дело поглядывали на настенные часы: в 12.00 обед! Нам, школьникам, полагался бесплатный стол: щи флотские (вода со следами капусты), капуста тушёная с чайной ложкой растительного масла, кисель из крахмала и кусочек хлеба.

Перед перерывом мастер выдавала нам талончики, по которым в столовой отпускались «блюда».

Незадолго до окончания рабочего дня большинство из нас, используя шпагат и парафин, лепили что-то похожее на свечи. Мастер

делала вид, что не замечает. Но свечи были крайне необходимы для дома. Дело в том, что батареи центрального отопления почти не грели, и все квартирисьёмщики пользовались самодельными электронагревателями – *козлами*, как их называли. Пробки-предохранители, конечно, постоянно перегорали, на лестничных площадках жильцы устраивали жуткие перебранки, чуть не доходившие до рукоприкладства. И в результате все оставались и без света, и без тепла. Единственным источником света для приготовления уроков были свечи, так как о керосиновых лампах и не мечталось. Керосин – топливо стратегическое, он нужен фронту, мы знали эту истину.

...Но вот фитиль из шпагата закатан в мягкий, податливый, ещё горячий парафин – самodelки готовы; остаётся самое трудное: пронести их через проходную. Охрана из военных строгая и бдительная. Чаще всего наша афера заканчивалась провалом: свечи отбирали и записывали фамилии «контрабандистов» в специальный журнал. Но самым изобретательным «товар» удавалось пронести! Мой друг укладывал 2–3 свечи на спине между лопаток. Под одеждой они не прощупывались. Но и этот приём охранники в конце концов раскусили. Тогда приятель придумал новое. Он закладывал свечи в брезентовую, с мехом внутри, рукавицу. На посту он её снимал, чтобы рукой достать из кармана пальто пропуск и ... свободно миновал проходную.

В то голодное военное время люди от усталости и недоедания порой прямо на рабочих местах падали в обмороки. Многие, отчаявшись, пытались тащить из завода всё, что можно было обменять в соседних деревнях на хлеб и картошку. Самым большим спросом пользовался этиловый спирт. Практически все взрывчатые смеси готовились с применением этого ценного продукта. Заводские умельцы поставили на подпольный поток изготовление специальных фляжек из нержавеющей стали или жести вместимостью до двух литров. Эти ёмкости выполнялись «под фигуру заказчика» и повторяли формы тела. Под одеждой они сходили и за животик, и за грудь. На чёрном рынке действовала твёрдая цена: за пол-литра спирта давали ведро картошки или буханку чёрного хлеба.

Нужно отдать должное руководству завода: к уличённым в выносе спирта подход был индивидуальный – от простого выговора бедствующим до передачи дел в суд на тех, о ком знали, что они шкурники и спекулянты.

Весной 1943 г. директор завода полковник Семён Моисеевич Беленький, человек огромного роста и неиссякаемой энергии, взялся

победить голод и провёл, как говорили взрослые, «масштабную земельную реформу». Каждая семья наделялась участком до 30 соток, причём практически рядом с посёлком. Бесплатно выдавался инвентарь, семена овощей, картофель для посадки. Подшефный совхоз вспахал тракторами землю. По указанию директора специальная комиссия проверяла активность людей в проведении посевной кампании, в период полива, прополки и уборки урожая. Нерадивых примерно наказывали, даже вызывая «на ковёр» к *самому*, а боялись его страшно. Но и уважали безмерно.

Как-то тётки не было дома более суток. И хотя завод отстоял от нашего посёлка в километре – полутора, и всякие слухи пресекались, мы знали, что в пятом цехе случился сильный пожар. Потом тётка рассказала, что, когда вспыхнуло пламя, все от неожиданности растерялись, но в приёмную директора кто-то сразу позвонил. Через несколько минут Беленький был на месте. Огонь безуспешно гасили, и пламя подбиралось к пороховому складу. И тогда директор, сбросив шинель, сам начал выносить в безопасное место тару со смертоносной начинкой. Его поступок остановил панику, и десятки мужчин последовали примеру своего директора. Надо ли говорить, каков был авторитет у этого замечательного человека?

Но вернёмся к нашим огородам. Опять-таки благодаря неуёмной энергии полковника Беленького все семьи посёлка ушли в зиму с 1943-го на 1944-й с запасами картошки, свёклы, лука, моркови.

...Много лет спустя, став директором крупного завода, я не раз вспоминал Семёна Моисеевича Беленького, его умение быть жёстким даже тогда, когда несёшь людям добро. Удивительно, но он настойчиво контролировал выполнение своей продовольственной идеи вплоть до копки погребов, правильности хранения урожая! Прав Шекспир: «Чтоб добрым быть, так надобно жестокость проявить!» ...Наша семья в ту осень накопила 30 (!) мешков картошки. Под всей комнатой был вырыт глубокий погреб. Хлеба, правда, не хватало, но голод был побеждён.

Вечерами, в ожидании тётки с работы, мы говорили о наших фронтовиках, гадали, когда же придут от них письма. И придут ли?

Но этот вопрос вслух не задавался. Почтальона ждали каждый день с нетерпением. Но ожидание это было пропитано жутким страхом: а вдруг похоронка? Никому не доведись видеть эту картину, когда вручалось подобное сообщение! От папы долго ничего не было, и вдруг письмо из Московского госпиталя. Знакомый штампик «прове-

рено военной цензурой», но, несмотря на это, из текста было ясно, что ранен он под Ржевом. Описал он это в виде шарады. «Первый слог – православный праздник, второй и третий слоги – имя пролетарского поэта». Долго гадали, но сошлись на том, что это город Спас-Демянск (Спас – праздник, Демянск – от Демьяна Бедного).

Младшая сестра мамы тётя Броня уехала на фронт из Челябинска в составе Уральского добровольческого корпуса. Где-то в пехоте воевал дядя Шура, муж маминой сестры Евы, работавшей в аппарате военпреда завода.

Трагически сложилась военная судьба папиных братьев: Исаия и Моисей. В первые месяцы войны дядя Исай попал в плен. Кузнец по профессии, голубоглазый блондин, крепыш, он не был опознан как еврей. Ему удалось бежать из плена. Пробираясь по тылам немцев, он под Воронежем вышел к своим. Уже к концу войны папа узнал, что дяде Исаю не поверили («еврей не мог остаться жив в плену – здесь явное предательство») и отправили в штрафную роту, где он и погиб в первом же бою. Дядя Моисей после очень долгого молчания (а попал он на фронт в первые дни войны) прислал письмо с саратовским штемпелем, что ранен в обе ноги и пишет из военно-санитарного поезда по пути в стационарный госпиталь. И всё. Долгие годы, даже после войны, его безуспешно разыскивали...

Военные пути-дороги... Какие они разные. Теперь мы знаем, что СМЕРШ^{1*} – это любимое детище Сталина. Как рассказывал папа, уже после войны его как-то ночью вызвали из землянки на допрос к полковому представителю этой организации. «Объясните, почему вас зовут Адольф? Вы немец и скрываете это? С какой целью?» Никакие объяснения не принимались. «Ха-ха! Он обрезан! Но это же простейшая операция». Три недели (был период затишья) длились ночные допросы. Как-то утром, возвращаясь с очередной словесной пытки, он услышал окрик: «Адольф!». Подняв голову, в десятке метров от себя увидел двух генералов. Один из них был командиром его дивизии, второй же быстрым шагом шёл к отцу. «Адольф, не узнаёшь, что ли?». Ба, да это его командир полка на финской войне, в то время полковник! А папа тогда служил в полковой разведке и, естественно, комполка знал своих людей в лицо, тем более что отец имел колоритную внешность, был весельчаком и заводилой.

Известно, что люди СМЕРШа не подчинялись армейскому командованию, и генералам немало пришлось приложить сил, чтобы убе-

^{1*} Смерть шпионам.

дить особиста в том, что «Адольф – НАШ человек». В течение трёх суток отец был гостем своего начальника по финской кампании. Ему дали землянку, ящик водки, продукты, приставили денщика. «Ешь, пей, спи – отдыхай», – сказал генерал, случайно приехавший навестить своего «соседа» и случайно спасший отца от верного штрафбата.

Но вернёмся в наше военное детство. Примерно раз в неделю и мальчишки, и девчонки вечером взбирались на крышу двухэтажного дома и обращали свои взоры на восток. Там, за лесом, километрах в трёх располагался испытательный полигон. Мы не могли, конечно, видеть, как испытывались выпускаемые заводом гранаты-лимонки и уже знакомые вам ручные гранаты РГ-42. Но мы ждали с нетерпением испытаний так называемых двадцатшестимиллиметровых сигнальных патронов для ракетниц. Это был тоже один из видов продукции тётинного пятого цеха. Из обрывков разговоров взрослых мы знали, что не ладится у них с этой капризной, но очень важной и для фронта, и для партизан продукцией. Ракеты то сгорали сразу после запуска, то, не сгорая, долетали до земли. Тётя часто приходила с работы очень расстроенной: на планёрках у директора ей крепко влетало как отвечающей за технологический процесс. Взобравшись на крышу, мы подсчитывали, сколько ракет из партии ушло в брак.

Хорошо помню, что впервые тётя была по-настоящему весела в День Красной армии 23 февраля 1943 г. Именно к этому времени технологом удалось найти и устранить какую-то досадную ошибку в рецептуре смеси, используемой для двадцатшестимиллиметровок. Вечеринка по поводу праздника состоялась в нашей комнатке. Присутствовали тётинны подружки-сослуживцы. Пришли они сразу после работы, все в военной форме, красивые и шумные. Теперь-то понимаю, как молоды они были: прошло всего 3–4 года после вручения им институтских дипломов. В одну из них – тётю Алю – я, тринадцатилетний, был тайно влюблён и даже ревновал её ко всем потенциальным ухажёрам. С той военной поры у меня до сих пор сохранилось романтическое преклонение перед женщинами военного времени.

Сколько они выстрадали, сколько недолюбили! Это они составляли силу и мощь и тыла и, в большой степени, фронта.

Нередко и сейчас вспоминаю слова замечательной песни, услышанной в конце войны^{1*}:

^{1*} Автор ошибается. Слова этой песни были написаны в 1948 г. [Электронный ресурс] Алексей Фатьянов. URL: <http://fatyanow.narod.ru/bio.htm> (дата обращения 16.08.2020).

По мосткам тесовым, вдоль деревни,
Ты идёшь на модных каблуках,
И к тебе склоняются деревья,
Звёздочки мерцают в облаках.
Запоёшь ты песню в час заката –
Умолкают птичьи голоса,
Даже все женатые ребята
Не отводят от тебя глаза.
Только я другой тебя запомнил –
В сапогах, в шинели фронтовой,
Ты у нас в стрелковом батальоне
Числилась по списку рядовой.
О тебе кругом гремела слава,
Ты прошла огонь, чтоб мирно жить,
И тебе положено по праву
В самых модных туфельках ходить.
Я иду широкою тропюю,
Словно по приказу, за тобой.
Я в боях командовал тобою,
А теперь я вроде рядовой.
Далеко твой звонкий голос слышен,
Все деревья в лунном серебре.
Две пригоршни цвета белых вишен
Бросил ветер под ноги тебе.

Школа в нашем посёлке – шестилетка. Учиться дальше – это на полпути к Челябинску, 7 км от заводского посёлка. Нас, новых «ломоносовых», набралось всего четверо. Добирались зимой в ясную погоду на лыжах. В другие дни – пешком.

Вот тогда-то приноровились мы ловить заводские полуторки-попутки, постоянно курсировавшие между заводом и городом и перевозившие хлеб, продукты, товары для магазина и некоторые вспомогательные материалы для нужд завода.

Мы помнили номера всех заводских машин, знали в лицо и по фамилиям всех шоферов, наловчились вмиг и незаметно вскакивать в кузов через задний бортик. Нередко нас высаживали. Но были и шофёры-добряки, которые делали вид, что нас не замечали. Освоив попутный «автостоп», мы могли позволить себе после школы посетить кино, театр в центре города.

Возвращаясь, поджидали «наши» машины на железнодорожном переезде около ЧТЗ.^{1*} Здесь автомобили притормаживали, и наша задача сильно облегчалась...

^{1*} Челябинского тракторного завода, выпускавшего в войну знаменитые танки – «тридцать четвёрки».

В памяти один случай. Вот она, наша попутка: заводские номера! Мы с другом прячемся за столб шлагбаума, а затем, перемахнув через задний борт, приземляемся на что-то угловато-жёсткое. Приподняв край брезента, обнаруживаем лежащие в кузове навалом жестяные банки с американской свиной тушёнкой. Мы знали чудесный вкус этого заморского дефицита, т. к. нередко мясо по карточкам отоваривалось этой вкуснятиной. Соблазн был велик: подъехав поближе к дому, сбросить пару-тройку банок, и готов царский ужин! Но! (ох уж это «но»): идёт война, нас только-только приняли в комсомол, папы на войне... Короче говоря, «кража века» не состоялась. Позже мы с другом сожалели об этом.

Дело в том, что везшего нас шофёра в посёлке не любили, хотя и был он вратарём заводской хоккейной команды. Грубиян, драчун и пьяница, он был объектом постоянных насмешек (конечно, за его спиной) из-за носа, похожего на крючок, с соответствующей фамилией – Кривонос. А сожалели мы об ускользнувшей от нас тушёнке потому, что Кривоноса вскоре арестовали и осудили «за хищение социалистической собственности в условиях военного времени».

...Всегда, когда в те военные годы приходилось бывать на Челябинской улице им. Спартака, в восточной её части, одолевало смешанное чувство радости и восхищения: вот здесь, рядом, в нескольких десятках метров от тебя – выпускались прославившиеся на весь мир танки Т-34. Гордостью завода являлась не только его знаменитая продукция, но легендами овеяно было имя Исаака Моисеевича Зальцмана,^{1*} директора ЧТЗ. В 1938 г. в тридцатитрёхлетнем возрасте он назначается директором Кировского завода в Ленинграде. Челябинский тракторный И.М. Зальцман возглавил в октябре 1941 г., одновременно совмещая эту должность с постами заместителя наркома, а затем и наркома танковой промышленности СССР. Генерал-майор инженерно-танковой службы И.М. Зальцман – Герой Социалистического Труда, кавалер трёх орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Красной Звезды, полководческих орденов Суворова 1-й степени и Кутузова 2-й степени, лауреат Государственной премии, депутат Верховного Совета СССР. Он был не только великолепным организатором производства, но и талантливым инжене-

^{1*} Зальцман И.М. (1905–1988). Родился в местечке Томашполь Ямпольского у. Подольской губ. Член Коммунистической партии с 1928 г. С октября 1941 г. замнаркома, в 1942–1943 гг. нарком Танковой промышленности СССР. / Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы: LEM, 2020 – С.559.

ром. Уважение челябинцев к нему выразилось и в таком прямо-таки комическом факте: отрезок ул. Спартака, на котором стояли жилые дома заводчан и производственные корпуса, в народе именовали *Зальцманитрассе*.

Огромное внимание он уделял быту рабочих; мог, по рассказам, облачившись в комбинезон, устранить неполадку на сборочном конвейере.

Как-то посёлок нашего 254-го завода был отрезан от внешнего мира снежными заносами. Генерал Зальцман по просьбе нашего директора, полковника Беленького, направил колонну только что сошедших с конвейера танков по направлению к нашему заводу (вместо обычного испытательного пробега на своём полигоне). Пурга не унималась почти сутки, и всё это время под «прикрытием» танков заводские автомашины непрерывно доставляли на завод продовольствие и другие необходимые грузы.

Мне посчастливилось дважды лицезреть этого великого человека. В 1944 г. он приезжал с деловым визитом на наш завод. Слухи об этом событии поползли за несколько часов до его прибытия, и мы, мальчишки, всё время шныряли вокруг заводууправления, пока не увидели *самого* Зальцмана, проворно выходящего из «Эмки» и встречаемого нашим директором.

А 8-го мая 1945 г. по заводу стал ходить необычный слух – о предстоящей вот-вот капитуляции гитлеровской Германии. На площади у заводууправления с вечера начали собираться свободные от работы люди. Но широко раскрытая пасть огромного динамика на высоченном столбе была безмолвна. Время от времени молчание нарушал сигнал настройки, подаваемый радистом: «Раз-раз-раз-раз...»

И так продолжалось всю ночь и до полудня 9-го мая. И вдруг!.. Сотни людей, не дослушав сообщения о победе, ринулись к асфальтированному шоссе, ведущему в Челябинск. При приближении к городу не было видно ни начала, ни конца стихийно возникшей колонны: лился сплошной людской поток. У уже знакомого нам железнодорожного переезда колонна вынужденно остановилась, пропуская шествующий по *Зальцманитрассе* многотысячный коллектив ЧТЗ, возглавляемый И.М. Зальцманом и не менее знаменитым главным конструктором Ж.Я. Котиным. Для меня это была вторая встреча с Главным Танкостроителем СССР.

... В 1970-х гг. в журнале «Коммунист» появилась его большая статья «Уроки Танкограда», которая и сейчас может быть ценнейшим

пособием для молодых руководителей производства. В 1984 г. вышел телевизионный сериал о жизни танкостроителей военного времени. В главном герое, которого талантливо сыграл Виталий Соломин, безошибочно угадывался его прототип – И.М. Зальцман.

...В 1986 г. я был в командировке в Ленинграде на Кировском заводе. Беседуя с главным конструктором, осторожно спросил, не знает ли он что-либо о судьбе Зальцмана. «Как же, знаю, – сказал он, улыбаясь, – Исаак Моисеевич работает у нас конструктором. Ему уже за восемьдесят, но он всё ещё дерзает...».

Война сделала детей взрослыми. Научила жизни. Научила их думать, решать, делать выводы. Дети войны уже в основном пенсионеры. И их дети уже деды. Но то военное лихолетье не забудется никогда.

Нескончаемая благодарность и ушедшим от нас после войны, и ныне живущим участникам войны – как тем, которые были на фронте, так и тем, в одинаковой мере, которые сражались в тылу и ковали победу [...]

1. «Сквозь пламя войны». – Алматы, 2005 г. – С.215–234.

Судьба солдата [1]

Второе воскресенье 1997 г – традиционный День Танкиста. Мы тепло беседуем. Мой давний старший друг полковник-танкист Леонид Юзефович Гирш, прошедший с боями всю Отечественную войну, приняв мои поздравления с праздником, вспоминает...

Отдыхая как-то в черноморской здравнице, он познакомился с интересным человеком – военным хирургом. Беседуя, Леонид Юзефович узнал от него нечто, что в свое время, а точнее, в 1941-м, он (Л.Ю. Гирш) слышал как легенду, пронесшуюся в войсках.

Восемнадцатилетний паренек-солдат, оставшийся единственным живым из орудийного расчета, уничтожил 4 танка гитлеровцев, был в этом бою тяжело ранен, в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь. В полку его посчитали погибшим, представили к присвоению звания Героя Советского Союза.

Но он выжил! Много месяцев провел в госпиталях, его собрали буквально по кусочкам. Находясь на излечении, он дал себе слово выучиться на врача, если выйдет из войны живым...

...В части его встретили, как вернувшегося с того света, он не знал, что ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Закончилась война, и он стал-таки хирургом и работает в Военно-медицинской академии в Ленинграде.

...Слушал этот рассказ, и в памяти всплывала другая судьба, из моего детства. Жили мы в маленьком поселке в Брянской обл.

Мама, отчитывая меня, всегда ставила в пример жившего за стенкой нашей квартиры моего троюродного брата (он был на пять лет старше меня): «Смотри на Амочку (так ласково Ефима называли его родители), он и отличник в школе, и на скрипке играет, а ты?».

Началась война, мы с мамой и братьями – в эвакуации в Тамбовской обл. Письмо-треугольник от папы с фронта, в котором он пишет об описанном во фронтовой газете подвиге Амочки и присвоении ему посмертно звания Героя Советского Союза... Те же 18 лет, те же 4 танка, что и в рассказе Л.Ю. Гирша...

Закончилась война, пролетели десятилетия, не стало моих родителей. До поисков ли было? И вот 10 лет назад мне мой товарищ дарит два тома книги «Герои Советского Союза». Ищу на букву «Д» - Дискин Ефим, но этой фамилии нет. Значит, папа в письме ошибся... Проходит еще восемь лет, вот и воскресный вечер, с которого начинался этот рассказ. И до боли знакомы события, рассказанные моим другом. Я спрашиваю: «Это Дискин?». «Не Дискин, а Дыскин!»

Значит, моя детская память не удержала букву «Ы».

Лихорадочно листаю подаренную мне книгу. Вот его портрет, вот текст: «Дыскин Ефим Анатольевич, родился 10. 01.1923 г. в дер. Короткие Почепского р-на Брянской обл. в семье служащего. Еврей. Член КПСС с 1941 г. В боях Великой Отечественной войны с осени 1941 г. Наводчик орудия 3-й батареи 694-го истребительного противотанкового артиллерийского полка (16-я армия, Западный фронт), рядовой Дыскин отличился в боях под Москвой в районе дер. Горки (Рузский р-н)...»

Все стало на свои места. Но Леонид Юзефович преподнес мне еще один сюрприз в этот вечер. Он вынул из бокового кармана записную книжечку и «приказал»: «Набирай Ленинград. Диктую». Ну а дальше... «Это квартира Дыскина? Здравствуй, Амочка!...»

30 марта 2000 г.

1. «Эхо далекой войны». Автор проекта Гирш Л.Ю. Автор-составитель Мананникова Л.Б. – Алматы: ИД «Колеса», 2020. – Т.2. – С.158–160.

Слудская Н.В.

Борис Львович Левинтов – ученый из Казахстана

Брось его, он всё равно не жилец

22 июня 1941 г. по всесоюзному радио объявили, что началась война. А 23-го Витебск уже бомбили: бомбы сыпались на город две

недели подряд, люди боялись выйти из дому. Но все эти две недели на железнодорожном вокзале, во время коротких интервалов между бомбежками, на платформы грузили стариков, женщин и детей – медлить с эвакуацией было нельзя, ее не должны были остановить даже бомбовые удары, фашисты подбирались к городу. Крики, смерть, кровь, бомбы, узлы и чемоданы, слезы людей.

Маленький Боря Левинтов и его родители пропустили несколько эшелонов, они ждали, когда на вокзал придет Семён, старший брат Бори, который гостил на летних каникулах у деда с бабкой в 10-ти км от Витебска. Семён успел – бежал 10 км по полям и пыльным дорогам, где-то крестьяне подвозили его на телегах и бричках.

Все верили в спасение, садились на платформы с чувством, что в «глубоком тылу» они смогут защититься от ужасов войны.

На открытых платформах люди сидели плечом к плечу, дул сильный ветер, палило солнце. Мама не спускала Борю с рук, еды и воды эвакуированные взяли с собой мало, никто не знал – сколько времени надо будет провести в дороге. Через несколько дней у детей началась дизентерия, у Бори в том числе. На одной из станций, где поезд остановился, чтобы люди сходили в туалет и набрали воды, женщина, сидящая по соседству, сказала Бориной маме: «Брось его здесь! Ты же видишь, он все равно не жилец. А тут подберет кто-нибудь, глядишь, может, и выживет».

Боре было тогда чуть больше двух лет. Он, конечно, не помнит ничего из тех событий, но когда он подросток, мама рассказала ему все в деталях. Чтобы он передал своим детям. Чтобы никто не посмел этого забыть.

Поезд, в котором ехала из Витебска Борина семья, шел на Урал: там, в глубоком тылу, эвакуированных расселяли по селам. Борю и его родителей приютило с. Уранбаш Чкаловской обл. Жили в деревянных бараках с земляными полами, вместо света – керосиновая лампа. Отец Бори, Лев, все время был в разъездах, по несколько дней дома не появлялся. На подводе он возил лесоматериалы в райцентр, а путь туда был не близкий, 15 км в один конец. Назад из райцентра на той же подводе привозил хлеб в село. Ехал один, через лес, пару раз даже пришлось от волков отбиваться.

Мать устроилась работать в лабораторию, где из крови лошадей сепарировали сыворотку, которая шла на изготовление лекарственных препаратов. Работала мать тяжело – с 6 утра и до позднего вечера: в холоде, тесноте, сырости... и в резиновых сапогах. Самые ранние вос-

поминания Бори из его военного детства: в доме темно и холодно, они со старухой-соседкой разжигают в буржуйке огонь, Боря укладывает в печь щепки, помогает. Старуха уходит домой, Боре года три, есть нечего, он сидит один и ждет маму. Когда мама приходит, Боря достает из печи горячие угли и складывает их в чугунный утюг, помогает ей снять тяжелые заледеневшие сапоги и утюгом греет маме ноги.

И еще одно воспоминание из тех военных уральских лет: Боре уже ближе к 4-м, они с мамой в поле, где только что собрали просо. Они ищут на земле упавшие колоски и трясут их, что есть мочи, в надежде, что в ладошку упадут маленькие зерна. Мама приседает, оглядывается. Боря знает, почему: мама рассказала ему про закон «О трех колосках». Что такое хищение социалистической собственности Боря еще не понимает, но понимает, что просо с двух колосков набрать в ладошку еще можно, а вот с трех – уже нельзя. За это можно получить «срок». Но срок это что-то непонятное и далекое, а просо в ладошке – вот оно и может превратиться в жидкую, серую, но все-таки кашу. И Боря идет домой, зажав в кулачке драгоценный улов.

Борису Львовичу Левинтову сейчас – 81 год, он пенсионер. Инженер-металлург, доктор наук, ученый, профессор, академик Академии наук Республики Казахстан. Он прожил жизнь, где каждый день был отдан науке, его изобретения внедрены в Казахстане и признаны коллегами во многих странах мира. Но до сих пор он считает пшеничную кашу самым большим лакомством из всех, что могут быть на столе.

Детство Бориса, как у многих детей тогда, – это вечный голод, нищета, жизнь в бараках и землянках в деревнях Южного Урала – Кумак и Уранбаш. Что навсегда отпечаталось в детской памяти – чёрная тарелка радио, которая висела в углу сельской конторы, куда Боря с мамой ходили слушать сводки с войны: «Говорит Москва...» И единственная игрушка – деревянный пистолет, который сделал Боре его старший брат Семён (Шимон). Семён подростком работал в эвакуации в плотницкой мастерской, где делал ящики, бочки, другую тару.

Мать в ту пору разговаривала очень мало: уставала сильно, да и не о чем было рассказывать. Она очень горевала, что не поехали тогда на платформе с ними в эвакуацию их старики. Но дед Мордехай наотрез отказался. Сказал: «Ничего не знаю! Вот в Первую мировую приходил немец – никого не тронул. Яйца, молоко, кур, – всё подчистую забирали, а людей не трогали. А теперь я и вообще никому не нужен».

Но старик Мордехай ошибался. Зимой 42-го немцы выстроили всех евреев на краю села, заставили вырыть траншеи и расстреляли. Когда

новость о расстреле деда Мордехая и бабушки дошла до Урала, семнадцатилетний Семён записался в снайперскую школу и подал заявление, чтобы его взяли на фронт добровольцем. Сказал: «Я отомщу за деда! За места своего детства, которые фашисты уничтожили».

Семён погиб на фронте. Спустя годы родным удалось отыскать его могилу в Литовском с. Даукшай, Кретингского уезда, на кладбище советских воинов. Когда он погиб, на его счету было 14 убитых эсэсовцев. Семён Левинтов посмертно награждён орденом «За Отвагу» 3-й степени.

Между домом, рынком и синагогой

Борины родители – оба имеют еврейские корни. Обе семьи обосновались в конце XIX в. близ Витебска: род матери – в Лиозно, отца – в местечке Добромысль, где и сколотил свое крепкое хозяйство глава семьи Мордехай Левинтов. Семья его считалась в Добромысли состоятельной: две коровы, две лошади, гуси-куры, сад-огород. Дед Мордехай и его семья жили безбедно, продавали продукты – мясо, молоко, яйца, овощи. В семье матери в Лиозно царила предельная бедность, даже коровы не было, семья с большим трудом растила пятерых детей. Старшие дочери работали в прислугах, сыновья были подмастерьями в обувной мастерской. Единственным богатством семьи была дочь Рая (Рахель), которая слыла красавицей на всю округу, ее-то и сосватал Борин отец Лев (Лейб).

Лев часто вспоминал места, в которых вырос – леса, реки, простор, дома – стол, полный еды, двор с живностью, огород, где всегда было, чем полакомиться. А мама Рая о детстве вспоминать не любила. Убогий быт, крайняя степень бедности, отец сильно болел, у детей даже одеял не было: укрывались тем, что носили зимой – пальто, накидки, платки... Весной и летом дети босиком бегали, а когда приходила осень, привязывали на ноги опорхи. И еще калоши были – одни на всех.

Но при любой степени достатка еврейские семьи жили очень спаянно, дружно, и традиции соблюдали все одинаково. Утром и вечером собирались на молитву, по субботам держали шабат – всем селом шли в синагогу, где раввин читал главы Торы, разъяснял их, а затем была общая молитва, после которой накрывали столы и зажигали свечи.

Все еврейские поселки того времени были скроены на один лад: деревянные дома и мастерские, где трудились сапожники, часовщики, плотники, портные. Жизнь в еврейских селениях проходила между домом, синагогой и рынком, где мастеровые продавали то, что сделали. И в местечках, и в самом Витебске, даже при советской власти,

верующие, которых было среди евреев большинство, старались соблюдать еврейские законы и водили детей параллельно с государственными еще и в религиозные школы, к которым власти относились лояльно.

Дед Мордехай дал добро на свадьбу, Лев и Рая скромно ее отыграли, но жить с родителями молодые не стали. В стране был объявлен НЭП, настроения царили свободные, и молодежь из провинциальных городов стремилась поехать в большие города, где можно было получить профессию и интегрироваться в городскую жизнь. Лев и Рая решили попытаться счастья в Москве. Лев с братьями и друзьями открыли там маленькое кустарное производство текстиля: ткали чулки, носки, дела шли неплохо. Вскоре доходы нэпманов признаются нетрудовыми, производства закрывают, НЭП прекращает свое существование. Владельцев предприятий называют «лишенцами» – они лишены прав на трудоустройство и получения жилья. Лев и Рая возвращаются в Витебск, на родину, ближе к родителям.

Природа в Витебской обл. – очень красивая: реки, леса, поля, озера. Двина подковой огибает Витебск, а через него течет река Витьба – от которой город и получил свое название. Вернувшись в Витебск, родители Бори даже удивились – как им пришло в голову покидать такие благодатные места – и решили осесть там уже навсегда.

Привыкший с детских лет трудиться, в Витебске Лев быстро находит работу, ему дают комнату в коммуналке, жизнь снова начинает налаживаться. В 26-м у молодой семьи рождается первый сын Семён, а в 1939-м – Боря. К этому времени глава семьи уже дорос до снабженца на стройке, уже была квартира, было счастье и порядок в жизни. Старший Семён все довоенные годы проводил лето у бабушки с дедом в Лиозно. Дед Мордехай научил внука управляться с лошадьми, мастерить бочки – это очень пригодилось Семену в годы эвакуации, когда он пошел работать плотником. Дети в семье Левинтовых ходили в обычную школу, а дети в поселке, где проводил свои летние каникулы Семён, – в хедер, религиозную еврейскую школу, где изучали только Тору. Но это никого не смущало – дети прекрасно находили общий язык и бегали вместе по деревенским улицам.

Все разрушилось к концу 1930-х, когда в эти места пришел атеистический ураган: все витебские раввины были репрессированы, национальные праздники и еврейские школы – запрещены. Накануне войны в Витебске и округе проживало около 20% евреев, и еврейское сообщество, несмотря на запреты, продолжало сохранять свои рели-

гиозные традиции: шабат, кошерная еда, чтение Торы и молебны – все это никуда не делось. Но то, что это приходилось делать тайно, сильно осложняло жизнь, сделало евреев изгоями. Летние поездки Семёна в деревню были уже не такими безоблачными – в домах евреев поселился страх.

Переехав в Витебск – молодые Лев и Рая уже не так усердно соблюдали еврейские законы, но, когда приезжали в гости в дом родителей – принимали участие во всех традиционных ритуалах, хотя и были на тот момент «строителями коммунизма». У Бориса сохранился молитвенник отца – старый, потертый, прошедший с ним через всю его жизнь. Бережно хранимый в семье и после его смерти, молитвенник перешел в руки Бориного сына Александра, который сейчас живет в Иерусалиме с женой и детьми, свято соблюдает еврейские законы и носит имя Александр Авраам. Лев, прошедший через раскулачивание, эвакуацию, тяжелые военные годы, и помышлять не мог о том, что его внук будет жить на святой земле и что туда вместе с внуком попадет его молитвенник. Этот почти столетний молитвенник – яркий пример того, какими сложными и непредсказуемыми путями выживал в течение тысячелетий такой социальный феномен, как еврейство. Единственная национальность, сохранившаяся с древних времен – не имевшая при этом ни собственной земли, ни государственности.

Яблоки, плывущие по арыкам

Уничтоженные фашистами села под Витебском многим еврейским семьям не оставили шанса вернуться в родные места после войны. Дом семьи Левинтовых сожгли, родителей расстреляли, хозяйство разграбили, братья-сестры разъехались по Союзу, многие со времен НЭПа остались в Москве. Лев и Рая решили остаться на Урале – Лев нашёл работу в Новотроицке, и как раз там Боря пошёл в первый класс. А окончив школу, уехал в Магнитогорск, поступил там в горно-металлургический институт.

Была середина 1950-х, на стране заметно сказывалось «потепление». Борис учился увлеченно, участвовал в художественной самодеятельности, был на хорошем счету. В дипломной работе Борис замахнулся на святое – представил разработки переустройства целого цеха, где еще студентом проходил практику. «Технологии и проектирование цеха термической обработки толстолистовой стали в условиях Орско-Халиловского комбината» были внедрены, и по окончании института Бориса Левинтова направили на Орско-Халиловский метал-

лургический комбинат – работать в цех, который он спроектировал сам. Поначалу молодой инженер-металлург освоил все рабочие специальности на прокатном стане, стал мастером смены, через год уже начальником смены. Зарплата по тем временам была у металлургов высокая, он получал 300 руб. в месяц и мог позволить себе поехать в отпуск в Ялту. Ялта-65 стала для Бориса знаковым событием, там Борис познакомился с парнями из Алма-Аты, которые расхвалили ему этот город и посоветовали туда перебраться.

Борис приехал в Алма-Ату на разведку, и увидел снежные вершины и город утопающий в зелени и яблоки. Стоял сентябрь, и яблоки были везде – на горных склонах, на базарах, продавались вдоль дорог, плыли по арыкам – весь город пропах яблоками, да какими! Такой красоты Боря не видел в своей жизни никогда. С детства его окружала суровая природа Оренбургских степей, трубы заводов и унылые улицы провинциальных городов. Он просто не поверил, что можно жить и работать в таком раю.

После первой трудной зимы в Алма-Ате, где у молодого специалиста не было ни друзей, ни знакомых, Борис решился переступить порог Академии наук и попал на аудиенцию к Аскарму Минлиахмедовичу Кунаеву. Неизвестно, как Борису удалось произвести впечатление на Кунаева: возможно, сыграли свою роль воспоминания Бориса о военном детстве, бедности, землянках, заводских магнитогорских буднях и жизни с родителями в однокомнатной квартире. А, может, разглядел Кунаев в молодом парне этот пыл, который и помог Борису стать в дальнейшем большим ученым.

Кунаев был тогда руководителем лаборатории и взял Левинтова к себе на ставку инженера с окладом 140 руб.: так началась настоящая научная работа Бориса. Лаборатория легирующих металлов Академии наук Казахстана – единственная запись в казахстанской трудовой книжке Бориса. Обкатывать изобретения приходилось на предприятиях по всему Союзу: Чимкент, Тула, Екатеринбург, Нижний Тагил – на заводах, которые работали с легирующими металлами. Тема кандидатской диссертации Левинтова родилась на Чимкентском фосфорном заводе и была связана с извлечением легирующих металлов, в частности ванадия, из нетрадиционного железосфосфористого сырья. Этот шаг помог доказать, что фосфор тоже легирующий металл, и его с успехом можно применять в промышленности. Группа ученых во главе с Борисом Львовичем предложили использовать фосфор для тормозных колодок на железнодорожном транспорте – это повышало

износостойкость колодок в два с половиной раза. За эту и ряд других, принципиально новых разработок по теме использования легирующих металлов, в 1982 г. Левинтову присуждают звание «Лауреата Государственной премии Казахстана в области науки и техники».

Но самыми важными из своих разработок Борис считает исследования в области переработки вторичного минерального сырья – техногенных отходов металлургической промышленности. Эти исследования оказались востребованы на Карагандинском металлургическом комбинате, где лаборатория Левинтова совместно с заводскими научными сотрудниками предложила новые технические решения по утилизации отходов. Доменные, сталелитейные шлаки, угольные шламы на тот момент горами лежали вокруг комбината, душили город, отравляли воздух, проникали в почву. Шламы – продукты высокой влажности: Левинтов предложил ноу-хау, как осушить отходы от влаги, превратить их в топливные брикеты и использовать на тепловых электростанциях, заменяя экибастузский уголь. А гранулированные шлаки использовать для покрытия автомобильных дорог.

Даже в трудные 90-е научная работа не остановилась, только изменила вектор.

На Павлодарском химическом заводе скопилось огромное количество отвалов с опасной ртутью, которая при таянии снегов попадала в Иртыш. Это было названо проблемой мирового масштаба, и ученые АН Казахстана во главе с Левинтовым участвовали в тендере и выиграли его, разработав установку по демеркуризации^{1*} грунта.

Но основной экспериментальной базой для института металлургии оставался Карметкомбинат в Темиртау. Большинство диссертаций по проблеме легирующих металлов – кандидатские, докторские – и предлагаемые в них новаторские научные идеи требовали промышленных испытаний на заводе. Нужно было доказать, что конкретный метод улучшит сталелитейный процесс. Для завода – это палки в колеса, там отлаженный, устоявшийся цикл, а тут приходят ученые со своими нововведениями. Главный инженер завода Мирко Владимир Александрович говорил: «Если бы не Левинтов – не пустил бы их сюда, мешают только. Но Левинтову сделаю исключение, ладно, он – мужик толковый, прогресс несет».

Что останется на Земле

За годы научной деятельности Левинтов наработал широкие международные связи с учеными и специалистами США (Брукхевенская

^{1*} Меркурий – ртуть, демеркуризация – это освобождение грунта от примесей ртути.

национальная лаборатория Министерства энергетики), России (Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова Российской Академии Наук, Российская академия естественных наук, Институт стали и сплавов в Москве, Институт металлургии Уральского отделения РАН, Украины (Институт проблем материаловедения НАН в Киеве) и др.

Труды Левинтова насчитывают 277 научных работ, в т. ч. 2 монографии и около 60 патентов и авторских свидетельств на изобретения. Работа шла непрерывно – он неоднократно участвовал в международных конференциях в качестве докладчика и председателя секций, его приглашали как консультанта-эксперта отечественные и зарубежные металлургические компании, в их числе, например, люксембургская «Минре» и швейцарская «Гленкор». Левинтов долгое время возглавлял Экспертный совет ДАНК по металлургии и технологии неорганических веществ. Являлся членом двух специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций в области металлургии. Принимал участие в работе научно-экспертного Совета Отделения Наук по Земле МОН РК по фундаментальным программам.

В 2008 г. Левинтов был избран действительным членом Национальной академии естественных наук Республики Казахстан. Пройдя серьезный конкурс, он в течение трех лет – с 1997 по 2000 г. – являлся Государственным научным стипендиатом для ученых, внесших вклад в развитие науки Казахстана и, как выдающийся ученый, получал специальную Государственную стипендию.

Двигая науку и говоря о ней с высоких трибун, Борис Львович Левинтов никогда не забывал, что родом он из простой еврейской семьи, что по рождению он – Борух Лейбович. И что хотя он никогда не был религиозным человеком, его отношение к делу было продиктовано традициями, которые проповедовал еще дед Мордехай, а история семьи Левинтовых – вот в чем была для Бориса его сила, его совесть и корни его успеха. Из глуши, из бедности, без всякой поддержки со стороны, своим трудом и старанием он сделал карьеру, пройдя путь от простого инженера до академика.

Сейчас Борис Левинтов живет в Израиле, он иммигрировал туда в 2013 г. В эту страну его привела болезнь и вера, что израильская медицина сможет излечить его от онкологии. Но долгое время, даже уже болея, он не хотел расставаться с любимой работой. Давал себе слово: «Вылечусь и вернусь!». Но болезнь оказалась приговором, пришлось осесть и забыть о работе. В Израиле Борис Львович, разговаривая с другими переселенцами, слышал, что для многих причины

переезда были связаны с антисемитизмом. Борис отвечал на это: «Значит не повезло. Я больше 40-ка лет жил и работал в Казахстане. И никогда никто не указал мне на мое происхождение. Казахстан действительно был республикой братских народов – 130 разных национальностей и все жили, как одна. Вот как надо понимать термин «братство» – в Казахстане именно так и было».

На сегодняшний день Борис Львович уже 16 лет борется с онкологией, и делает это ровно так же, как в свое время занимался наукой: не позволяя себе отлынивать и расслабляться. Он говорит: «Сейчас я всё больше вспоминаю свою жизнь и вижу, что на первом месте всегда у меня была работа. Я очень хотел, чтобы мои сыновья пошли по моим стопам в науку. Они оба окончили Московский институт стали и сплавов, но времена так изменились, что о научной карьере тогда было невозможно думать – чтобы содержать свои семьи им пришлось уйти в бизнес. Но они крепко стоят на ногах, у меня 9 внуков и один правнук. Жизнь я прожил трудную, интересную, работу всегда любил, многого добился, но сейчас в свои 80 с лишним я понимаю, что всё-таки главное, что я оставлю на земле - не мои научные работы и не изобретения. Это семья: она у меня образцово-показательная. Я также считаю родными двух дочерей своей второй жены, и по этой линии у меня еще пятеро внуков. Вот они, те, кто останутся после меня, они – мои главные достижения!

Времени для раздумий о смысле жизни – в старости очень много. Я застал войну, моя семья понесла трагические, кровавые потери. Я жил при социализме, а теперь живу при капитализме, но я понимаю, что строй совершенно не важен. Уметь быть полезным, быть счастливым, любить свою работу и быть частью своей семьи – вот что главное для человека и, кажется, у меня это получилось. А ошибки истории я считаю непременным условием процесса развития общества, и всегда вспоминаю слова дагестанского поэта Абуталифа Гафурова: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Так что я благодарен каждому прожитому дню. И судьбе, что она помогла мне пройти мой путь достойно».

Каштелюк Ю.И.

**Эпизоды из биографии заслуженного деятеля искусств
Казахской ССР Павла Яковлевича Зальцмана**

Введение

Творческое дарование заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Павла Яковлевича Зальцмана (2 января 1912, Кишинев, Бессараб-

ская губ., Российская империя – 20 декабря 1985, Алма-Ата, Казахская ССР) было многогранным, он вошел в историю отечественного искусства как художник кино – соратник Шакена Айманова, мастер станковой живописи, педагог, литератор. Искусствоведы называют Павла Зальцмана литератором в живописи и художником в литературе. По устным воспоминаниям теоретика кино Раушан Оспановой, Шакен Айманов говорил, что «декорации Зальцмана – это поэзия».

Павел Зальцман оставил богатое творческое наследие – фильмы, к которым он создавал декорации, входят в золотой фонд отечественного кино, живописные произведения находятся в собрании Русского музея, Третьяковской галереи, гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Музея искусств народов Востока, Государственного музея искусств им. Кастеева и в частных коллекциях, реализуются с аукционов, а литературное творчество издают ученики и потомки.

Детство. Юность. Профессиональное становление

Родившись в Кишиневе в семье кадрового военного, вместе с родителями Павел переезжал из города в город – по месту службы отца: жили в Одессе, Рыбнице, затем вновь в Одессе, а в конце 1920-х осели в Ленинграде.

Отцовская стезя не заинтересовала мальчика, Павел увлекался искусством. Каждый город, в который переезжала семья, он изучал не только с ребяческим любопытством, а с пытливостью будущего художника. Рисовал он с детства, запечатлевая все, что видел вокруг.

В старших классах стал пробовать свои силы в иллюстрировании журналов и, войдя в среду питерских живописцев, познакомился с художником-авангардистом Павлом Филоновым и стал его учеником.

В русском авангарде Филонов развивал направление аналитического, интеллектуального осмысления образов. Этому он учил своих воспитанников – членов группы «Мастеров аналитического искусства» (МАИ), в которую входил Зальцман.

«С той поры я стал его учеником до самой его смерти, именно его учеником я до сих пор себя считаю», – говорил Павел Зальцман в 1980-х, уже будучи признанным художником-постановщиком и живописцем [1].

Студийцы Филонова стремились воплощать в своих картинах, графике, театральных и декоративно-оформительских работах филоновский принцип «сделанности»: выявлять внутреннюю суть социального бытия человека, благодаря чему создаваемые ими образы не-

редко выражали советскую действительность с «оттенком сюрреалистического отчуждения».

Начало кинематографической деятельности

Параллельно с обучением у Филонова Павел Зальцман начал серьезно увлекаться кинематографом. Способствовал тому случай – пригласили в массовку одной из картин. Тогда-то, в первый раз погружившись в кинематографическую среду, он ощутил величие в ту пору молодого вида искусства – кинематографа.

Молодому живописцу удалось устроиться на «Ленфильм» ассистентом художника. На старательного, ищущего новые формы художника быстро обратили внимание, начали доверять полноценную постановочную работу. С 1931 по 1941 гг. Павел Зальцман был художником-постановщиком на съемках кинофильмов братьев Васильевых («Личное дело», 1932), Николая Береснева («Анненковщина», 1933), Ильи Трауберга («Частный случай», 1934), Адольфа Минкина («Лунный камень», 1935), Эдуарда Иогансона («На отдыхе», 1936), Рафаила и Юрия Музыкантов («За советскую Родину», 1937), Александра Иванова («На границе», 1938), Олега Сергеева («Отец и сын», 1941).

В 1932–1940 гг. Зальцман участвовал в киноэкспедициях на Урал, Памир, в Карелию, Забайкалье, Крым, Среднюю Азию.

«Это было интересное время. Картины тех лет отличало новаторство: утверждалась новая концепция человека, ломались стереотипы немого кино, кинематографисты экспериментировали. Шли поиски новых ракурсов, освещения, внутренней динамики кадра, построений пространств», – вспоминал Павел Зальцман [2].

Как рассказывал художник, именно поездки в Среднюю Азию подготовили почву для его работы в Казахстане – республике с самобытной историей, фольклором, народно-прикладным искусством, своеобразными традициями и обычаями.

Из последней экспедиции Павел Зальцман вернулся за полгода до начала войны и последовавшей за этим блокады.

Живопись как способ противостояния врагу в годы Великой Отечественной войны

Враг подвергал Ленинград бомбежкам, и в борьбе с авиационными атаками оказались очень востребованными художники. Зальцман вместе с коллегами был мобилизован на проектировку маскировочных работ.

За этим техническим названием скрывалось создание макетов городских улиц, площадей, кварталов, памятников исторического и ар-

хитектурного наследия. В натуральную величину живописцы и архитекторы выстраивали «город, которого нет» – муляж Ленинграда. С наступлением сумерек подлинный город на Неве погружался во тьму, а над муляжем включалось яркое освещение. Во время ночных налетов вражеские истребители атаквали мастерски созданный муляж, принимая его за подлинный город, а настоящие памятники архитектуры – бесценное культурное наследие – оставались нетронутыми.

Живописцы трудились, преодолевая голод и холод. Наряду с передовой это был напряженный участок фронта, где художники противостояли врагу.

В блокаду Павел Зальцман потерял родителей.

Годы эвакуации

Летом 1942 г. появилась возможность эвакуироваться. В составе ленфильмовцев Павел Яковлевич Зальцман вместе с семьей приехал в Алма-Ату.

Город встретил прибывших кинематографистов ярким солнцем, садами, в которых утопали патриархальные одноэтажные строения, а на улицах немногочисленный автомобильный транспорт мирно соседствовал с гужевым. Вместе с тем было видно, что город развивается как столица союзной республики, к началу 1940-х здесь уже был выстроен целый ряд административных зданий, появилось несколько жилкомбинатов – комплексов многоквартирных кирпичных домов. Во время войны столица Казахской ССР Алма-Ата приобрела новый, неофициальный, но очень значимый статус – кинематографической столицы СССР.

В годы войны в городе была создана Центральная объединенная киностудия (ЦОКС), включавшая «Мосфильм» и «Ленфильм». В Алма-Ате снимались полнометражные художественные фильмы, фронтовые киноборники. Прибывший на студию вместе с коллегами Павел Зальцман включился в работу. Несмотря на тяготы и нужду военного времени, не слишком устроенный быт, творческая жизнь города была ключом – проходили концерты, в оперном и в драматическом театрах шли спектакли. Вся Алма-Ата, включая эвакуированных деятелей искусства, ходила на спектакль «Укрощение строптивой» с молодым актером Шакеном Аймановым. Позже Зальцман познакомился с ним лично. Айманов был жизнерадостным, вдохновленным творчеством актером, не расставался с домброй. Встреча с Шакеном Аймановым стала началом многолетнего творческого союза.

Работая в кино, Зальцман продолжал заниматься живописью, благо сюжетов было множество. Будучи портретистом, он схватывал

суть изображаемого, образы получались живыми, а за каждым портретом прочитывалась человеческая судьба. Он писал представителей интеллигенции, простых людей – горожан, жителей сел, аульчан.

Зальцман погрузился в исследование казахского народного искусства, изучал строение юрты, быт аула – все эти знания он привносил в творчество, в кинематографическое искусство.

Казахстанский период жизни и творчества

В 1944 г. коллективы киностудий стали возвращаться в Москву и Ленинград. У Павла Зальцмана такой возможности не было – ввиду немецкого происхождения отца за ним закрепили статус спецпереселенца. Но Зальцман и не стремился уезжать, он почувствовал себя в Казахстане своим, художник полюбил Алма-Ату с ее солнцем, журчащими арыками, цветущими садами и живописными предгорьями. Вместе с Зальцманом и его семьей в Алма-Ате остался целый ряд кинематографистов. Этим профессионалам вместе с казахстанскими коллегами предстояло основать алма-атинскую киностудию.^{1*}

Зальцман стал соратником Шакена Айманова. Художника вдохновлял аймановский энтузиазм, а Айманов в свою очередь черпал вдохновение из художественных образов, создаваемых Зальцманом.

Филоновское стремление к скрупулезности в передаче деталей Зальцман пронес через всю жизнь, он стал не только последователем идей своего педагога, но и развил их. По воспоминаниям современников, Павел Зальцман мог создать на киноплощадке такую правдоподобную декорацию аула, что непосвященные принимали ее за подлинное кочевье. Работы Зальцмана были синтезом творческой фантазии с интеллектуальным осмыслением действительности. Коллеги Павла Яковлевича отмечали скрупулезное проникновение в природу вверенных ему тем, его декорации помимо точного воспроизведения реальности служили метафорами и усиливали драматургию.

«Изобразительная стилистика фильма задается жанром произведения. Эпос требует одних средств, лирическая комедия или социальная драма – других и так далее», – говорил Павел Яковлевич Зальцман своим ученикам [2].

В числе работ Павла Зальцмана в качестве художника-постановщика такие картины, как «Дочь степей» (1954), «Поэма о любви» (1954) и «Перекресток» (1963) Шакена Айманова, «Золотой рог» (1948) и «Ботагоз» (1958) Ефима Арона, «Девушка-джигит» (1955) Павла Боголюбова и др.

^{1*} Ныне киностудия «Казахфильм» им. Шакена Айманова.

На пять лет, с 1948-го по 1953-й, художника отлучали от кинематографа: шла борьба с космополитизмом – на сей раз «подвело» еврейское происхождение матери Марии Самуиловны Орнштейн и жены Розы Залмановны Магид.

Заключение

С 1955 по 1985 гг. Павел Яковлевич Зальцман был главным художником алма-атинской киностудии.

«Что такое главный художник такой огромной индустриальной системы, как киностудия? Это человек, которому помимо чисто творческих дел надо утверждать сметы, доставать материалы, следить за тем, чтобы в утвержденный финансовый план вошло все необходимое, включая костюмы, участвовать в худсоветах, курировать семьи и параллельно самому работать над картинами», – делился Павел Зальцман [2].

Как вспоминали коллеги, в этой работе Павел Яковлевич был очень энергичным, часть времени проводил в кабинете, а другую часть – в мастерской или на площадке, успевал все, работал точно и скрупулезно и добивался того же от коллег-подчиненных.

Вот как вспоминал о первых встречах с Павлом Зальцманом его коллега и последователь, художник кино Юрий Вайншток: «Я отправился в съемочную группу картины «Дочь степей». Художником-постановщиком этого фильма был Павел Яковлевич Зальцман, работавший на многих картинах на «Ленфильме». Высокий, стройный, с худощавым умным лицом, он производил впечатление очень интеллигентного, знающего человека и подробно, в деталях рассказал мне, в чем состоят мои функции...» [3].

Параллельно преподавал историю искусства в художественном училище, Архитектурно-строительном институте, Педагогическом институте, на филологическом факультете Казахского государственного университета и на сценарных курсах при киностудии «Казахфильм» в Алма-Ате. С 1957 г. был членом Союза кинематографистов, с 1967 г. – членом Союза художников Казахской ССР.

Послевоенное творчество Зальцмана связано прежде всего с двумя основными темами: серией графических реминисценций о еврейских местечках левобережья Днестра и портретистикой на основе современных ему казахских мотивов.

Как литератор он писал «в стол», и лишь после ухода из жизни его романы, рассказы и стихи благодаря стараниям потомков и учеников были изданы [4].

В его поэзии и прозе, сочетающей приемы абсурда, авангарда и классики, нашли отражение события довоенного, военного и послевоенного времени, он писал о своем поколении, на долю которого выпали репрессии, война, послевоенная жизнь страны.

Заслуженного деятеля искусств Павла Яковлевича Зальцмана не стало в 1985 г. Незадолго до смерти, в 1983 г., в Алма-Ате прошла его персональная выставка, был выпущен альбом [5].

Последователь Филонова, мастер интеллектуального творчества, Павел Зальцман вошел в историю отечественного искусства как один из основателей казахского кино, мастер портрета, педагог, чьи лекции способствовали профессиональному становлению последующих поколений художников кино и живописцев.

1. Новикова Т. Материал видеолекции «Павел Зальцман. Художник. Поэт. Философ». – Алматы. – 28.08.2020.
2. Людмила Енисеева-Варшавская «Вычитано и выверено мной окончательно!!!». – Алматы, 2019. – С. 287–294.
3. Коробкина Г.Ю. «А было все так...». Дневниковые записи художника кино Юрия Вайнштока. – Алматы: LEM, 2016. – С.94.
4. Книги: «Мадам Ф». – М.: Лира, 2003; «Сигналы Страшного суда. Поэтические произведения». / Составление, комментарии и редакция Илья Кукуй. – М.: Водолей, 2011; «Осколки разбитого вдребезги. Дневники и воспоминания 1925–1955». – М.: Водолей, 2017.
5. Павел Зальцман. Альбом. / Сост. и автор текста В. Бучинская. – Алма-Ата: Онер, 1983.

Брусиловская Е.Ф.

Солнечный художник, или жизнь и судьба Юрия Шнейдермана

Алматинский художник, лауреат международных и республиканских выставок, участник Великой Отечественной войны Юрий Шнейдерман (1926–2015), награжденный за ратные и трудовые заслуги 32 государственными наградами – во многом уникальный человек и уникальный акварелист.

Он обладал очень редким даром – «ожемчуживать» увиденное, как говорил русский художник Павел Федотов. Жизнь Юрия Шнейдермана настолько необычна и настолько насыщена событиями, что ее с лихвой хватило бы на несколько судеб.

Прелюдия

Юрий Самуилович прошел через страшную войну и остался жив. Менял профессии, как будто примерял на себя разные жизни. И что еще поразительно – всегда жил, словно, вопреки судьбе, но она с завидным постоянством возвращала его «в нужное время на нужное место», напоминая о истинном предназначении.

Так впервые еще в детстве судьба свела его с творчеством Айвазовского, и Юрий Шнейдерман заболел романтикой моря, рисуя паруса

и чайки на отполированных морской волной камнях-голышах. Позже, уже во время войны, опять же волею судьбы оказался на тех самых берегах Оки, где когда-то великий Левитан писал свой «Вечный покой». Это заставило юношу, только вступающего в жизнь, задуматься над всепобеждающей силой искусства.

Но война сделала его, еще совсем молодого человека, офицером. Правда, потом ему стало казаться, что его призвание – перо журналиста. Но судьба вновь подкорректировала биографию, подарив третью судьбоносную встречу теперь уже в Алма-Ате в послевоенном 1963 г. архитектором и художником Виктором Ткачевым, который побудил в Шнейдермане желание осознанно взяться за кисти и краски.

Инженеру-машиностроителю одного из военных заводов Алма-Аты, а такую профессию в итоге избрал Юрий Шнейдерман, было тесно в строгих рамках чертежей и цифр. Как пушкинский герой, он стремился поверить алгеброй гармонию – гармонию цветов и звуков. В итоге Юрий Самуилович пришел к своей любимой акварели и не менее любимой бардовской песне.

Причем поэзией, по его собственному признанию, он стал заниматься раньше, чем живописью – еще мальчишкой в школе. Позже он написал стихотворение, ставшее песней, которое так и начинается:

«В 13 лет не знал я о Джульетте,
Не задышался в розовом дыму.
В 15 лет мечтал я стать поэтом,
В 16 – с пацанами шел я на войну».

«Но если поэзия – мое увлечение, то живопись – это вся моя жизнь», – говорил Юрий Шнейдерман.

Любимая акварель действительно была его «вторым я» все 35 лет работы за заводским станком. Но если положить на чаши весов живопись и инженерную профессию, то живопись явно перевесит – ею Юрий Самуилович занимался более полувека. За эти годы было создано свыше 7 тыс. 500 акварелей, а за 70 лет занятий поэзией – примерно, 300 стихотворений, объединенных в стихотворные сборники «Акварель и гитара».

Юрию Шнейдерману удалось, казалось бы, невозможное – в одну жизнь вместить несколько.

«Айвазовский пробудил во мне художника»

Как большие реки начинаются с маленьких ручейков, так и художник в Юрии Шнейдермане родился в результате одного, но весьма примечательного события. Но для этого надо вернуться на много-много лет назад, в детство.

Юрий Шнейдерман родился на Украине в древнем городе Каменец-Подольский в 1926 г. Его отец был начальником заставы на советско-польской границе, вскоре после рождения сына его перевели в пограничный отряд в Одессу, которая навсегда стала любимым городом Юрия Самуиловича.

«Одесса вообще уникальна, хотя бы потому что она выпестовала столько талантов, – утверждал Юрий Шнейдерман. – Я очень хорошо помню старую Одессу, ее улицы с такими необыкновенными названиями, как, например, Французский бульвар, который называли еще бульваром Фельдмана, ул. Ришельевскую... Помню прекрасный памятник Дюку, знаменитую Потемкинскую лестницу».

Когда Юрию Шнейдерману исполнилось восемь лет, отца вновь перевели на новое место службы, теперь уже в Феодосию.

Итак, 1934 г. Крым. Феодосия.

«В этом маленьком заштатном южном городке жил и творил замечательный художник Иван Константинович Айвазовский, которого называли «певцом моря, – рассказывал мне Юрий Самуилович. – В 1880 г. им была построена картинная галерея, завещанная им любимому городу. А надо сказать, что по богатству представленных в ней экспонатов галерея была третьей в России после Петербургского Эрмитажа и Румянцевского музея в Москве».

Здесь, в Феодосии, и произошла первая встреча восьмилетнего мальчика с искусством большого мастера.

Как вспоминал Юрий Самуилович, в один из летних дней 1934 г. в Феодосию с группой военачальников приехал легендарный герой Гражданской войны Семен Буденный. На привокзальном перроне маршала встречала группа военных, среди которых был и отец Шнейдермана, чекист-пограничник. Были там и Юрий с матерью.

«Помню, Буденный с пышными усами, в простой армейской форме – в гимнастерке со звездами в петлицах, синих галифе и начищенных до зеркального блеска сапогах – стремительно шел по перрону, пожимая руки встречавшим. Но вопреки обычному ритуалу он поехал не в отведенную ему резиденцию, а отправился пешком в картинную галерею Айвазовского.

Много позже я понял, что это было своего рода данью уважения человеку, так много сделавшему для России и своего родного города».

Таким этот день и остался в памяти мальчика из приморского городка – огромные полотна Айвазовского и усатое улыбочивое лицо Буденного. С тех пор, пока его отец служил в Феодосии, Юрий Шнейдерман стал постоянным посетителем картинной галереи – знал

в ней каждый закуток, помнил каждую картину, перед которыми мог стоять часами. А особый запах музея наполнял мальчишеское сердце неведомым до того трепетом и волнением.

Тогда и появились его первые рисунки на феодосийских камнях-голышах, скругленных волной и пахнущих морем, в которых была заключена романтика дальних путешествий. По словам Юрия Самуиловича, этими расписанными им голышами было завалено полквартиры, но, к сожалению, ни один из них не удалось сохранить. Да и он не придавал тогда особого значения своему «творчеству» и не ставил перед собой цели стать художником.

«Моя мама всегда говорила: «Юра должен быть инженером!». Но когда меня спрашивали, кем я хочу быть, я отвечал, что красноармейцем, как папа. А еще мне очень хотелось быть извозчиком, поскольку я очень любил лошадей», – улыбаясь, говорил Юрий Самуилович.

Но поначалу, как это принято во многих еврейских семьях, его стали учить музыке. Было это еще в Одессе. Правда, уроки игры на фортепьяно быстро закончились, потому что, как рассказывал Юрий Самуилович, учительница так больно била его по пальцам, когда он путал ноты, что родители посчитали – пусть лучше ребенок учится играть на скрипке, здоровее будет. Тем более что в те годы в Одессе гремела слава знаменитого скрипача Столярского, у которого считалось очень престижным учиться. В школу Столярского и определили маленького Юру Шнейдермана.

«Вскоре я стал понемножку пикивать на скрипке. Мама давала мне 12 копеек на дорогу в музыкальную школу, а 5 копеек стоил громадный леденец на палочке, и мы с мальчишками вместо того, чтобы идти в школу, шли на Потемкинскую лестницу, возле которой ходил небольшой фуникулерчик, билет на него стоил, кажется, 2 или 3 копейки, покупали себе по большому леденцу и катались».

В общем, и классическая музыка в судьбе Юрия Шнейдермана прошла по касательной. Все планы разрушила война.

Безусый солдат

Война застала семью Шнейдерманов в Анапе, где отец служил начальником пограничной комендатуры. А мама, как говорил сам Юрий Самуилович, была просто мамой. Она рано вышла замуж, и отец сразу же увез ее на пограничную заставу, где работы для нее просто не было. Она занималась семьей, шила, готовила, воспитывала сына.

Как вспоминал Юрий Шнейдерман, когда он был еще совсем маленьким и отец служил на советско-польской границе, на заставе, где они жили, часто звучали выстрелы: польские контрабандисты не раз

пытались прорваться через кордон. Чтобы отвлечь внимание пограничников, они посылали на заставу какую-нибудь банду, начиналась перестрелка, пули залетали и в дом Шнейдерманов.

«Тогда мама толкала меня к окну, я падал на пол, а она накрывала меня собой».

Когда началась война, сразу же стали создавать народное ополчение, пограничная комендатура принимала в этом самое активное участие.

«Помню, мы, подростки, тоже просились в ополчение, но нас, конечно, гоняли. Правда, потом стали использовать в качестве связных. А вечером нам выдавали такие деревянные учебные болванки, с виду очень похожие на настоящие винтовки, и мы патрулировали город, следили, чтобы везде было затемнение».

В сентябре 1941 г. фронт приблизился к северному Кавказу, и семьи стали эвакуировать. «Уехали и мы с мамой. У папы служил ординарец, родом он был из небольшого г. Чулково на Оке, что в Горьковской обл. Так вот, он предложил отцу: «Отправляйте семью туда. Там живут мои родители, они, если что, помогут». Я очень хорошо помню эту дорогу. В обычное время до Чулкова можно было доехать за сутки с небольшим, а мы добирались месяц! Бомбежки, разбитые дороги, прятались в канавы, стоны, плач, дым...»

Чулково оказался небольшим, но поразительно красивым городком, расположенном на горе над Окой.

«Как потом, много лет спустя, я узнал – здесь когда-то работал Левитан. Говорят, его знаменитая картина «Над вечным покоем» была написана именно там».

Из Чулкова в феврале 1943 г. Юрий Шнейдерман ушел в армию. А до этого он рассылал множество писем и в ЦК комсомола, и в военкоматы, чтобы его взяли в армию. Но отовсюду получал один ответ – по достижении 18 лет вы будете призваны. И вот наконец – впереди фронт.

«Я попал в Муром, в так называемую маршевую роту, куда набирались новобранцы, их готовили в течение месяца и отправляли на фронт. В основном это была братва – от 18 лет и старше, до 22–23 лет, которые не попали в призыв. Я был один, которому тогда было всего 16 с половиной лет».

Об этом много лет спустя Юрий Самуилович написал в одном из своих стихотворений:

«Безусый мальчик в звании солдата
Ходил в атаку с криками «Ура!».

Но этот «безусый мальчик» прошагал пол-Европы, встретив День

Победы далеко от родного дома, в австрийском г. Граце.

Но тогда до Победы было еще далеко, шел 1943 г. Ситуация на фронте складывалась напряженная, армия несла огромные потери, поэтому было принято решение – начинать призыв с 17 лет. Причем те, кто родились в первой половине года, призывались в феврале, а кто родился во второй – аж в ноябре. А так как Юрий Шнейдерман родился 1 июня, то и попал в февральский призыв 16-летним парнишкой.

Через месяц подготовки его направили на фронт.

«Шли бои на Украине, нам надо было форсировать небольшую речку, не помню ее названия, эта операция и стала началом моей воинской службы. Была зима, и когда мы бежали по льду, я каким-то образом угодил в полынью. Как меня не затянуло под лед, не знаю, судьба, видимо, хранила. В общем, меня уже стало затягивать, как кто-то из старых солдат поймал за шиворот и вытащил из воды. Пока мы добежали до деревни, одежда на мне стояла колом – мороз был сильный. Я основательно промерз, вскоре началось крупозное воспаление легких, и меня отправили в госпиталь».

Чудесным образом Юрий Шнейдерман попал в эвакогоспиталь в Муроме, который находился в 250 км от Чулково. И пока он там лечился в течение месяца, к нему трижды приходила мать. И все эти 250 км она проходила пешком! Шла четыре–пять дней. Вот уж поистине материнская любовь безгранична, она дает силы преодолевать любые преграды!

В госпитале Юрий Шнейдерман сдружился с парнишкой примерно его возраста, и однажды к ним в палату пришла врач, которая их лечила, и сказала, что им предписано ехать в Касимов в военное училище.

«Как в училище! – возмутились мы, – мы хотим только на фронт! Мы действительно рвались на фронт. Мой отец к этому времени всю уже воевал: вначале он командовал пограничным батальоном, потом пограничным полком. В общем, мы стали сопротивляться, но как я потом узнал, у этой врачихи погиб на фронте сын, такой же мальчишка, как мы, и, видимо, она просто нас пожалела, предложив комиссии направить нас в училище, тем самым отсрочив фронт».

200 км от Мурома до Рязанского пулеметного училища, которое тогда было перебазируется в г. Касимов, молодые бойцы протопали пешком, совершив после лечения своеобразный марш-бросок.

В училище им выдали ботинки, обмотки и обмундирование. Все это было снято с убитых.

«Тогда много собирали такого обмундирования, оно было постиранное, кое-где, правда, с дырочками от пуль. Но обмундирование

было хорошее, не х/б, а шерстяное. Помню, когда нас вывели после бани, у входа лежала гора шинелей, из нее все выбирали себе. Шинели были старые, замызганные, вдруг вижу – вроде новый воротничок, вытащил я эту шинель, вышел во двор, стал надевать, а она оказалась без одной полы. Видимо, кто-то ободрал на портянки.

Я к старшине, а я тогда был худенький, небольшого росточка, объясняю – он выругался, вытащил ножик и отрезал вторую полу.

Вскоре началось построение. Начальник училища стал осматривать новобранцев. Старшина задвинул меня подальше за спины впереди стоящих солдат и приказал не высовываться. А я стою, как в курточке. Тут начальник училища, видимо, заметил меня и приказал выйти из строя.

Я вышел, он посмотрел и говорит: «Это что за чучело?» Мне стало так обидно, я ведь не виноват. В общем, старшине было велено немедленно меня переодеть».

Хотя Юрий Шнейдерман и выглядел теперь заправским бойцом, мандатная комиссия отказалась принять его училище, потому что ему еще не было 18 лет.

«Тогда отправляйте меня на фронт! – категорически заявил он. – У меня отец командир полка».

Кто знает, может, эти слова как-то подействовали на комиссию, но факт остается фактом – семнадцатилетний Юрий Шнейдерман стал курсантом. Правда, обучали тогда по ускоренной программе – вместе положенных двух лет – всего три месяца. Затем бойцы, которые уже должны были получить звание, направлялись на фронт, где проходили так называемую «стажировку». Из каждой партии в 100 человек назад возвращалась лишь половина – ребята погибали, либо попадали в госпиталь.

Такую стажировку дважды пришлось пройти и Юрию Шнейдерману, судьба его хранила – каждый раз он возвращался живой.

В середине 1944 г. после окончания училища его направили в Нарофоминск, где формировался резервный офицерский состав, откуда уже распределяли по фронтам.

Первоначально Шнейдерман получил назначение на 3-й Украинский фронт, но перед самой отправкой большую группу командиров пулеметных взводов перебросили на 3-й Белорусский. В составе этого фронта Юрий Самуилович освобождал Белоруссию, затем воевал в Восточной Пруссии, участвовал в штурме Кенигсберга, который был взят уже в самом конце войны. «Бои там были страшные, они продолжались целый месяц. Кенигсберг – это же крепость, он имел

огромную сеть обводных каналов, их надо было форсировать. Вот мы и лазили по этой воде».

6 апреля 1945 г. Кенигсберг пал. После чего большая группа войск была перебазирована на 3-й Украинский фронт, советские войска приближалась к Будапешту.

«Нас погрузили в эшелон, и мы транзитом, нигде не останавливаясь, очень быстро доехали до г. Станислава, ныне это Ивано-Франковск. Там вынуждены были задержаться почти на сутки, потому что бандеровцы завалили все туннели, заминировав их. А я знал, что в 60 км от Станислава в маленьком г. Куты стоял папин полк, и я решил туда съездить. Вышел на городскую площадь, где мне встретился какой-то капитан пограничник, а я уже был лейтенантом, я его спрашиваю, как мне проехать в Куты? Тот подозрительно на меня посмотрел и спросил, зачем мне туда надо?

Я объяснил. К моей радости, оказалось, что этот пограничник знает моего отца, но, по его словам, проехать туда никак нельзя – все дороги перекрыты бандеровцами. Правда, завтра в Куты пойдет автопоезд из 10–15 машин, туда повезут продовольствие, боеприпасы и медикаменты для раненых. И если мое командование разрешит, он готов взять меня с собой, так как сам участвовал в формировании этого поезда.

Я пошел к начальнику эшелона и попросил разрешения повидаться с отцом, которого не видел с начала войны.

– Ну что, лейтенант я тебе могу сказать? Здесь мы простоим, может быть, двое суток, пока будут расчищать дорогу. Я тебе разрешаю, но, если ты опоздаешь, или отстанешь от эшелона, будешь считаться дезертиром, и тебе придется отвечать по законам военного времени.

Я все же решил ехать. Определили меня в боевое охранение автопоезда, и мы с боями пробились в Куты. Самое обидное, что отца в это время в Кутах не было, там стояло лишь соединение, которым он командовал. Как сейчас помню, полковник Мульчевский, когда узнал, кто я такой, хорошо меня принял. Так что с отцом на военных дорогах мы разминулись».

Встреча эта все-таки состоялась. Правда, уже после войны. А до этого Юрию Шнейдерману пришлось участвовать в штурме австрийского г. Грац.

«Этот город должны были брать наши союзники – англичане, но там находились промышленные предприятия, оборудование которых должно было быть вывезено в СССР, поэтому к операции были привлечены и советские войска.

Мы взяли Грац в ночь с 8 на 9 мая, там погибло очень большое количество наших солдат, а англичане только через несколько часов после окончания боев подошли к городу. Так что Победу я встретил в Граце.

Как я потом узнал, для отца война закончилась раньше: еще до капитуляции Германии его направила на восстановление государственной границы СССР, а в сентябре 1945 г. перебросили сюда, в Казахский пограничный округ».

А Юрий Шнейдерман до сентября 1945 г. добивал фашистов в Альпах. «Там было много разрозненных дамб, в которых прятались немцы, не сдавшиеся в плен и не признавшие капитуляцию. Они нападали на советские гарнизоны, и мы с ними продолжали воевать».

В одном из таких боев Юрий потерял близкого друга, с которым сдружился на фронте и с которым вместе мечтали вернуться домой. Больно терять друзей, но вдвойне больно, когда прогремели уже победные салюты.

Из Австрии воинская часть, в которой служил Шнейдерман, вернулась в Киевский военный округ, и он опять оказался в резерве офицерского состава. Получил назначение в Полтаву, попав (вот уж повороты судьбы!) в тот самый полк, с которым штурмовал Кенигсберг. Это был 665 стрелковый полк 216 стрелковой дивизии.

Вскоре весь личный рядовой состав демобилизовали, а офицеров перебросили на Кавказ, в Баку, где была расквартирована 416 дивизия, потерявшая во время войны свое боевое знамя, поэтому подлежала расформированию. Менялся и весь офицерский состав.

Так для Юрия Шнейдермана начался очередной этап его воинской службы.

В мае 1946 г. к нему в Баку, взяв отпуск, приехал отец. Долгожданная встреча наконец-то состоялась. Но, как вспоминал Юрий Самуилович, встреча это оказалась не простой: ведь когда отец уходил на фронт, Юрий был еще совсем мальчишкой, да и он не видел отца многие годы. Вот они и искали друг друга на городской пристани – отец высматривал подростка, а Юрий вглядывался в лица каждого военного, пытаясь узнать знакомые черты. Помогла родная кровь.

Отцу удалось выхлопотать для Юрия отпуск, хотя тогда отпуска кадровым офицерам еще не давались, и они отправились в Алма-Ату, где его ждала мать. Путь этот тоже был не простым – страна лежала в развалинах, поэтому ехали, как говорится, на перекладных – где парходом, где на машинах, где на крыше или в тамбуре поездов.

В Алма-Ате семья наконец воссоединилась, здесь же, в 1946 г. состоялся парад Победы.

«А потом 18 лет день Победы в стране не отмечали, мотивировав это тем, что нам праздновать, дескать, некогда, надо государство восстанавливать. И только в 1965 г. Брежнев вернул этот праздник».

После отпуска Юрий вернулся в Баку, там тяжело заболел, лежал в госпитале. В 1948 г. его демобилизовали. К этому времени он уже женился, и приехал к родителям в Алма-Ату с молодой женой.

Знаковые встречи

Юрий Шнейдерман поступил на факультет журналистики КазГУ. Казалось бы, жизнь вошла в стабильную мирную колею.

Но в 1950-х гг. Юрия Самуиловича вновь призвали в армию, на этот раз он служил на Балтике, а после возвращения, утратив интерес к журналистике, решил сменить профессию и поступил в Политехнический институт. Не иначе, как сработал мамин наказ, которая прочила сына в инженеры.

Но Юрий Самуилович оставил и этот институт, променяв его на механический техникум, который тогда открылся в Алма-Ате. А надо сказать, что это было уникальное в своем роде учебное заведение, единственное в Союзе – в нем готовили торпедистов для военного завода им. С.М. Кирова в Алма-Ате. Окончив техникум с отличием, Шнейдерман на долгие годы стал инженером-машиностроителем. Но судьба вновь подтолкнула его к живописи.

«В 1963 г., отдыхая в санатории «Турксиб», я познакомился с замечательным человеком – архитектором, художником Виктором Ткачевым, который и заставил меня вновь взяться за краски и кисти, – рассказывал Юрий Самуилович. – Помню, он дал мне краски, бумагу, и мы пошли с ним рисовать на природу. Он нарисовал красивую панораму города, а у меня ничего не получилось: краски текли, ведь акварель – очень сложная техника. Я решил, что толку из меня не будет. Но он нашел слова, которые меня каким-то образом взбудоражили. И когда я вернулся домой, то решил заняться живописью серьезно – подписался на десятитомную «Школу изобразительного искусства» и начал упорно заниматься».

А уже через год, в 1964 г., в одном из кинотеатров города состоялась первая выставка Юрия Шнейдермана, которая имела большой успех. Надо сказать, что начинающему акварелисту везло на учителей. Одним из них, правда, на короткое время, стал народный художник Казахской ССР, замечательный человек и педагог Абрам Маркович Черкасский.

«Я познакомился с ним в 1965 г., он попросил меня сделать ему на заводе удлинители и зажимы для кистей. А когда узнал, что я занимаюсь живописью, предложил показать ему мои работы. Абрам Маркович делал очень дельные замечания, давал советы. Это была прекрасная школа, но она, к сожалению, быстро закончилась в 1968 г. со смертью мастера».

Причем, поначалу Шнейдерман пробовал писать картины маслом, но потом от этого отказался, потому что каждый раз, когда на следующий день он смотрел на свою очередную картину, ему хотелось в ней что-то переделать, и он начинал соскребать масляный слой. Поэтому в итоге вернулся к акварели. «Многие думают, дескать, техника эта легкая: бумага, вода и краски. Но это видимая легкость, ведь акварелью работать надо быстро, как говорится, на одном дыхании. В силу своего стремительного характера я выбрал именно эту технику».

Любовь к акварели упрочил в нем и другой замечательный художник, большой мастер акварельной живописи Иван Яковлевич Стадничук, с которым Юрий Шнейдерман общался около 30 лет, восемь из них регулярно посещая его акварельную студию «Пятница» при Союзе художников Казахстана.

Города, где я бывал

В декабре 1971 г. появился «Самоцвет» – объединение самодеятельных художников Алматинской обл., с которым Юрий Самуилович не расставался до последних дней своей жизни. 400 самодеятельных художников вошли тогда в эту уникальнейшую организацию, созданную областным советом профсоюзов.

В 1974 г. «Самоцвет» участвовал в празднике искусств народов СССР на ВДНХ в Москве, где была завоевана золотая грамота. Она долгое время хранилась у Юрия Самуиловича, который был участником практически всех выставок «Самоцвета».

Всего на счету Юрия Шнейдермана более 160 выставок различного уровня. Его картины хранятся в музеях Казахстана, России, Турции, а также во многих частных коллекциях гг. Алма-Аты, Москвы, Санкт-Петербурга, других городов СНГ, в странах дальнего зарубежья, в т. ч. в США, Израиле, Франции, Англии, Италии, Германии, Ирана, Южной Кореи, Финляндии, Австралии.

В разные годы художнику довелось побывать более чем в ста городах СССР и стран Восточной Европы, что не могло не найти отражения в его творчестве. Так появились серии картин – «Города, где я бывал», «В двух шагах от города» (загородные пейзажи), «Далёкое – близкое» (соборы, монастыри) и многие др.

«Я видел разные города, такие красивые, как Будапешт, Вена, Бухарест, – говорил Юрий Самуилович, – но люблю я город своей юности – Алма-Ату. Когда я впервые приехал сюда, это был небольшой одноэтажный провинциальный городок, утопающий в цветущих яблонях, который покорила меня с первых минут».

Своему любимому городу художник посвятил несколько серий картин, в т. ч. «Прогулки по Алма-Ате», «Дворы и дворики», «Задворки Алма-Аты».

Война на картинах Шнейдермана обозначилась лишь в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Видимо, понадобилось время, чтобы военная тема, осмысленная и пережитая, была воплощена в красках. При этом на его военных картинах вы не увидите батальных сцен, потому что, как считал художник, акварелью очень сложно их писать. Основная его тема – это дороги войны. Не случайно одна из его выставок так и называлась «Дороги, что нас приводили домой».

Еще его притягивала старина. Причем не просто старина, а духовность в обрамлении времени. Одна из серий так и называлась «Сквозь дым веков», где на картинах предстают православные храмы Нижнего Новгорода, Вологды, Пскова, Великого Устюга, знаменитая Киево-Печерская лавра.

«Бытует мнение, что акварель недолговечная. Это неправда, – утверждал художник. – Масло тоже недолговечно – оно осыпается, рвутся холсты, они боятся смены температуры, чего, кстати, не боится акварель. Сегодня мы можем видеть акварели великого немецкого художника Дюрера, которым более 500 лет, а они живут по сей день!

Причем, если акварелью пишут в основном очень тонко, нежно, то мои картины яркие, пастозные, словно выпуклые. Этому нас учил Стадничук. Он говорил: маслом надо писать, как акварелью, то есть жидкими красками, а акварелью, как маслом – она должна быть насыщенной. Тогда картины будут жить тысячи лет».

Такими «живыми» акварелями остались для нас картины Юрия Самуиловича Шнейдермана, которого называли «солнечным» художником. И действительно, его картины также наполнены солнечным светом, как когда-то были наполнены романтикой моря камешки-голыши, на которых из-под детской руки появлялись паруса и чайки...

Калачева Д.Н.

Плетенье судеб: житейские зарисовки советской эпохи

До распада Советского Союза национальный вопрос меня не интересовал. В среде моего общения этническая принадлежность челове-

ка никогда не имела значения. Конечно, я знала, что у каждого народа есть свой язык, обычаи, обряды, всё то что, объединяется понятием национальная культура. Юность провела среди людей, как говорят, европейских национальностей. Оказавшись в Казахстане, столкнулась с представителями множества народов. При выборе круга общения главным критерием были порядочность, интеллигентность человека и наличие с ним общих интересов. Как могла, приобщалась к культуре тех, рядом с которыми жила. Будучи студенткой Киевского медицинского института, я, дочь военного, выросшая в русскоязычной среде, слушала лекции на украинском языке, что стимулировало интерес к его овладению. Приехав на целину в Казахстан в 1955 г., опять оказалась в русскоязычном социуме целинников и некогда депортированных народов, о судьбе которых я ничего не знала. Со временем окунулась в творчество писателей Абая, Нурпеисова, Есенберлина, Бельгера, художников Исмаиловой, Сидоркина, Кастеева, композиторов Курмангазы, Брусиловского и др. Сейчас, на склоне лет, вспоминая друзей и знакомых, напрягаю память, чтобы правильно назвать их национальность.

Мальчишка из нашего двора

Моим родителям, потомкам крестьян из Владимирской глубинки, пришлось долгое время жить на Украине, где в окружении нашей семьи было много людей еврейской национальности.

В 1937 г. в Чернигове во дворе я дружила с мальчиком Борей, нам тогда было по 7 лет. Дома он не демонстрировал хорошего аппетита, а когда приходил к нам, в те годы хождение детей друг другу в гости было естественным явлением, с удовольствием поглощал угощение. Тогда его мама пошла на маленькую хитрость: приносила приготовленную ею еду, которую уже моя мама, Анна Александровна Калачёва (в домашнем обиходе – Нюра), ставила перед Борей. Он ел с удовольствием, приговаривая: «Тетя Аня, как у Вас всё вкусно!».

В декабре 1939 г. моего отца Николая Михайловича Калачева назначили старшим преподавателем истории ВКП (б) в Военно-медицинское училище в г. Киев. Мы переехали и нас поселили в военном городке.

Лет через 10 мы опять встретились с Борисом уже в Киеве. Чувствовали себя родственниками. Оба студенты: я – медицинского института, он – политехнического. В тот период, конец 1940-х – начало 1950-х гг., его дядя преподавал в школе фельдшеров, в которой до поступления в медицинский институт учился мой будущий муж Михаил Грибанов. На нашей с ним свадьбе 6 июня 1953 г. Борис тоже

был. А 7 июня мы с мужем поехали на практику в с. Ракитное. Боря нас проводил. Больше мы не встречались. Он сообщил о своей женьитьбе и о том, что его направили в Литву. У меня даже сохранился его адрес тех лет: Литовская ССР, г. Каунас, ул. Пяргалес Крантине, д.33, кв.9, Бланшею Борису Ефимовичу.

Война началась

22 июня 1941 г. я проснулась от громкого разговора родителей. Мама вернулась с евбаза (еврейский базар – так в Киеве называли площадь, где шла торговля, площадь, после войны получившая название Победы) и рассказывала, что над базаром высоко в воздухе горел самолёт. Их было несколько, народ весь разбежался. Мама, не сделав все запланированные покупки, тоже вернулась. Папа успокаивал маму, предполагая, что самолет загорелся от неисправности. Вскоре он ушёл. Не помню, в какой момент началась бомбежка и как я очутилась в саду вместе с другими жителями городка, пытаюсь спрятаться под деревьями. Свернулась калачиком, крепко прижимая ноги к себе. Запомнила вой самолетов, взрывы бомб. В городок снаряды не попали. Домой я вернулась перепуганная. Целились, скорее всего, в заводы военного значения, находившиеся рядом. Мама меня уже разыскивала. Она входила в состав женсовета, была такая общественная организация из жен военнослужащих. Её члены вместе с военнослужащими сразу же начали копать бомбоубежище, которое уже на следующий день было готово. Я только один раз пряталась в нём: запомнила земляные сиденья вдоль стен. В памяти осталось, что все эти первые дни войны я была одна. Папа находился на работе, мама, как общественница, бегала по городку, решая какие-то вопросы. Встречались вечером.

Вот как об этом писал в своем дневнике папа: «22 июня. Этот день войдет в историю как самый страшный и коварный день. Фашисты вероломно напали на Советский Союз. В 5 часу утра я услышал над Киевом стрельбу. Нюра уехала уже на базар. Нэра [1] спала. В нашем городке всех командиров вызвали по тревоге. Было непонятно, то ли это война, то ли это учебная тревога. В 6 часов утра тревога повторилась. Я вышел на улицу и увидел, как наша зенитка сбива фашистский самолет. Немцы бомбили пост – Волынский, от нас 1,5 км. Нэре сказал, что непонятно: или война, или учебная тревога. Сон у нее прошел. Нюра пришла в 8 часов. Трамваи не шли. Она пришла усталая. День был жаркий. Часов в 9 узнали уже точно, что началась война, но ждали официального сообщения. В 14 часов было выступление товарища

Молотова и с этой минуты городок перешел на военную жизнь. Был митинг. Все надели противогазы, над городом появляются разведчики. Часто подаются гудки тревоги. Все окна заклеили бумагой.

23 июня. Ночь прошла спокойно. С утра над городом летают советские истребители: охраняют город. Ребята все взбудоражены. Нэра держится уверенно и с достоинством. Во время тревоги бережет Мурку. Наши жители городка копают щели. Часов в 11 налетели разведчики. Я был в училище. Жизнь в темпе усилилась. Среди жителей городка появилась растерянность, некоторые уехали в центр города. Дело в том, что в нашем районе заводы, воинские казармы, шоссе-ная дорога, мосты и железная дорога. Видимо, поэтому немецкие самолеты летают над нашим районом. Заметно, что зениток стало больше. Немецкие самолеты летают высоко. Вечером очень темно: светомаскировка. Говорят, что в городе ловят шпионов. Усилили охрану городка. Охраняют сами женщины. Нюра принимает активное участие. Кстати, она от природы труслива, и я очень беспокоился за нее. Оказалось, мои опасения были напрасны. Она смело идет ночью куда угодно. Ночью одна стояла на посту. Будучи председателем женсовета городка, она дома почти не бывает. Женсовет много сделал для охраны городка и в этом большая заслуга Нюры. Ожидаем сообщения из Львова [2].

24 июня. Я с утра – в училище. С фронта пока нет определенных сообщений. Неясно и соотношение сил. Авиация над Киевом господствует наша. Тревоги бывают часто, но все летают разведчики. Иногда высоко, высоко в небе проплывают немецкие бомбардировщики. Идут на восток, по ним зенитки стреляют без [объявления] тревоги. Тревога действует на настроение. Частые тревоги изматывают и понижают настроение. Нэра ведет себя прекрасно. [Население] усиленно отрывает щели, но роют их без всякого наблюдения. Училище помогло в руководстве: отрыли курсанты.

25 июня. Утром в 7 час. 30 мин был налет большой группы немецких самолетов на Киев. Летело около 50–60 бомбардировщиков. Их первоначальный план был на Арсенал (склад оружия), там зенитки, [их] отбили, и они повернули на наш район, на заводы, на железную дорогу, на казармы. Огонь зениток был сильный, но беспорядочный. Немцы сбросили много бомб. Начались пожары. На заводе были повреждения и были жертвы. Жители нашего городка сильно нервничали. Все сидели в щелях. Свист бомб, стрельба зениток, плач ребят может вывести из нормального состояния кого угодно. Я ходил возле

щелей, соблюдая маскировку. Рассказывал, что делается в воздухе. Горели минные склады, а все думали, что горит 5-й корпус. Нюра была в охране, она молодец: ни одной жалобы, ни признака истерии. Во время тревоги ни я, ни Нюра не знали, где Нэра. Были уверены, что она в панику не попадет. Так оно и оказалось. Она очень спокойно находилась почти в укрытии: была в саду под деревом. Она мне рассказала, что только в начале, как увидела что-то упало с самолета и засвистело, [испугалась]. Как только сказали: «Бомбы летят», лицо закрыла руками. Услышала сильные взрывы. Подняв голову, увидела дым. Поняла, что начались пожары. Показала мне осколки от зенитных снарядов. После тревоги мы с нею ходили по городку. Мурка лежит на солнце и никак не реагирует. Ее ничто не тревожит. У многих жителей появилось желание выехать из Киева. К отъезду собрались семьи Мещерякова и Рогозы [3]. Жена Рогозы, Шура, уговаривала Нэру поехать с нею в Алтыновку. Нэра отказалась, заявила мне: «Зачем я поеду? Я ничего не боюсь. Уж если умирать, так всем вместе». Не знаю, кем навеяны эти мысли. Может, она сама дошла до них.

После тревоги я уехал в училище. Пробыл там до 11 часов ночи. Приезжаю, мне Нюра говорит, что были из Львова: Лёля (*домашнее имя Ольги – Д. К.*), мама, Боря и родители Славы, едут в Москву. Выезжают сегодня, Нэра тоже едет с ними. Быстро еду я на вокзал. На вокзале их всех встречаю. Оформляют билеты за 10 минут до отхода поезда. Нэра едет с желанием. Ее привлекают Борис и бабушка. Поезд перегружен. Сажаю их в последний вагон. Устраиваю большой скандал, Лёля села на ходу... Смотрю на удаляющийся в темноте отходящий поезд и желаю счастливого пути. Появляется чувство беспокойства за них» [4].

Эвакуация

В плацкартный вагон мы буквально втиснулись. Нас с Борей, который был младше меня на семь лет, передали через окно. Толпа пассажиров на вокзале и перроне мне казалась необъятной и очень страшной. С тех пор я избегаю большого скопления людей. Конечно, крики и шум были невообразимые. По пути в Москву, мы ехали именно туда, поезд часто останавливался. Выходить не решались от страха, что потом не влезем.

В Москве жила Зоя, сестра Славы. Мы остановились у неё. Этой же ночью пришли какие-то люди в форме, проверили документы и приказали в 24 часа покинуть Москву. Тут же выехали в пос. Грязи

Воронежской обл. недалеко от Москвы. Ехали в неблагоустроенном вагоне, но не в товарняке. Опять часто останавливались, пропускали другие составы.

В пос. Грязи жили родственники Славы. У них был деревянный дом, большая усадьба, много людей, теснота. Запомнилось напряженное, озабоченное лицо Лели. Она приняла решение ехать в г. Горький, где жила их с мамой средняя сестра Екатерина. Вот в Горький добирались уже на товарняках, долго добирались. На одном из полустанков слушали выступление Сталина. В память врезался рупор и толпа людей возле него.

У Лели начались проблемы с деньгами. Питались, как придется и чем придется. Я набралась вшей. К счастью, приехали в город, когда стояло летнее тепло. Багажа у нас с собой не было, у меня порвались сандалии, мне их просто перевязали.

Квартирка у тети Кати была коммунальной, небольшой. (В ней тетька Катя прожила до самой смерти в мае 1984 г. Её младшая дочь выехала из этой квартиры только после 2010 г.). Спала я с кем-то из своих родственников в сарайчике. В целях ликвидации вшей, меня подстригли наголо. Из Киева я везла детский противогаз, с которым не расставалась. Так что вид у меня был очень живописный.

Муж тети Кати, Иван Иосифович Миряков, тоже уже был призван на фронт. По профессии он – юрист, занимался адвокатурой. Обходя клиентов мужа, оставшихся ему должными, тетя Катя брала меня с собой. Не все возвращали долги. Вестей от Славы не было. Леля ходила по госпиталям, смотрела списки раненых. Однажды там встретила своего однокурсника. Дело в том, что из Львова они выехали стремительно, она не успела взять диплом об окончании вуза. Однокурсник подтвердил, что Леля окончила физкультурный институт им. Лесгафта. Где-то в 1950-х гг. моя подруга, Лида Квитченко, архивист по специальности, разбирая поступившие в городской архив Киева дела, нашла альбом и ещё какие-то документы Лели, а среди них – её диплом.

Шло время. Близилась осень. В сарае спать из-за ночной прохлады было уже опасно. В комнате собралось четверо детей (двое из них – дочери тети Кати), и трое взрослых (моя бабушка и две её дочери). Деньги, как я сейчас понимаю, ни откуда не поступали. Тетя Катя меня устроила в булочную. Уже тогда хлеб давали в одни руки один раз в сутки. Жителей закрепляли за магазином и заводили на них картошку. Моей обязанностью было отмечать в карточках факт получения хлеба: напротив даты ставился крестик. Расплачивались со мной кусочками хлеба. Лёля тоже пыталась устроиться, вероятно, где-то уда-

валось подработать, однако постоянного места работы не было. Уже наступала осень, начинались занятия в школе. Об этом вслух не говорили. Теплой одежды ни у меня, ни у Лёли с Борисом не было.

Потом пришла весть от папы. По сохранившимся фронтовым письмам моего дяди, младшего брата мамы, установила, что уже 6 октября 1941 г. я была с родителями, Лелей и Борисом в Свердловске. Папа накануне войны заболел костным туберкулёзом. Болезнь поразила коленный сустав одной ноги, который зафиксировали в неподвижном состоянии специальной конструкцией. Папа передвигался, опираясь на палку. Его, кадрового офицера Красной армии, не комиссовали, однако призыву он не подлежал.

В Свердловск эвакуировали училище, в котором он работал. Сотрудники жили в общежитии. Папа там был, по-моему, единственным мужчиной. Женщины часто обращались к нему за помощью: узнать о судьбе воюющих мужей. Папа как мог, помогал. Я частенько слышала фразу: «Спроси у Николая Михайловича, он скажет, как быть».

В медучилище устроилась и Леля. В одном из госпиталей в годы войны медицинской сестрой работала мама, прошедшая какие-то ускоренные курсы по профилю.

Бабушка уехала в Гороховец, откуда была родом, где родились все её дети и где в тот момент проживала семья её старшего сына Николая, отбывавшего срок в одном из лагерей ГУЛАГа. Он вернулся домой где-то в первой половине войны. От болезней, приобретённых в лагере, очень скоро умер. Бабушка за время нашего нахождения в эвакуации несколько раз приезжала и уезжала. В конечном итоге после войны осталась жить с Лёлей в г. Киеве и умерла в 1946 г.

В составе 5-ти, а потом 6-ти человек, мы проживала в одной комнатухе. Борис спал на стульях, я – на каком-то ящике. Не помню, чтобы у нас была кровать. Родители и Леля работали, возвращались поздно. Конец 1941 и 1942 гг. запомнились тем, что постоянно хотелось есть. Леля с мамой предпринимали попытки выезжать в окрестные села и что-то из нашего скудного скарба менять на продукты.

Летом 1942 г. мы посадили картошку, на зиму были обеспечены: картошка в мундире, вареная, жареная... Бориса в силу его малолетства всегда старались выделить за столом. Если он что-то не доедал, эти кусочки доставались мне.

Чувство голода в годы войны меня не покидало. Я всегда хотела есть. Кроме картошки, нам были доступны макароны. К концу войны появились продукты, присланные из США: яичные желтки в порош-

ке, сгущенное молоко, какие-то консервы. Я не помню, чтобы мы ели мясные блюда. Где-то находили жмых и частенько его грызли. Вместо сахара на столе стоял стакан с раствором сахарина.

Дружба всей жизни

До сих пор не могу себе объяснить почему, возможно, из-за перенаселённости нашей комнатухи, дома в годы войны я часто чувствовала какое-то напряжение. Оно полностью исчезало, когда я приходила в семью киевлян к своей однокласснице Зои Колонской. Её отца Романа Давидовича призвали на фронт, он воевал, к счастью, вернулся живой и здоровый. В эвакуации нас всех разместили в одном здании, кажется, в общежитии Лесотехнического института. В их комнате на 2-м этаже, помнится, одежда висела на каких-то приспособлениях на стенке, т. к. шкафов не было, стояла кровать, самодельный стол, скамейка и ... пианино. Откуда оно взялось? Вывести из Киева в эвакуацию его было невозможно. К ним часто заглядывала тетя Женя Шор. Она прекрасно по моим тогдашним представлениям играла и пела. Эти минуты были для меня настоящим отдыхом, да и само пребывание в их комнатухе умиротворяло и как-то успокаивало. Мы с Зоей часто вместе делали уроки. Правила по русскому языку я всегда учила очень добросовестно, но грамотно писала Зоя, нередко игнорируя запоминание теории. Зоя выросла в музыкальной семье. Как потом оказалось, Роман Давидович неплохо музицировал, а у Зои был приятный голос и отличный музыкальный слух, что нельзя было сказать обо мне. Ревности её успехи не вызывали. Я брала реванш в математике. Традиционно, если семья садилась за стол, приглашали и меня.

У нас Зоя бывала реже, немного сторонилась моей мамы, человека доброго, но вспыльчивого и, порой, резкого. Зато дружила с Лёлей, с которой у нас разница в возрасте составляла всего 13 лет и легко находила общий язык с Борисом, поскольку у неё самой был родной младший братишка. Елизавета Марковна, мама Зои, являла собой грузную и вследствие этого малоподвижную женщину, которая вела статичный образ жизни. Причем и моя мама худенькой никогда не была, что не мешало ей двигаться легко и свободно. Мама, как я уже отметила, была членом женсовета. По решению этого совета Колонским организовали помощь: посадили картошку, вырастили, собрали урожай для их семьи. Мама была недовольна тем, что Елизавета Марковна не стремилась к активному участию в этом процессе. Вероятно, в этом и некоторых других фактах отражалась ментальность людей. Не зная истории семьи, сложно её комментировать.

Мы с Зоей учились в школах № 40, 23, 64, 13. В 23 школе я избиралась секретарём комсомольской организации. Зое случалось пропускать занятия, что для меня казалось допустимым только в исключительных случаях. Её мало интересовали общественные дела: в годы войны подростки ездили на картошку, заготавливали сырьё для топки печей, оказывали посильную помощь фронтовикам. В 1944 г. мы с Зоей поехали пионервожатыми в лагерь, где-то в 4-х–5-ти часах езды от города. Нам поручили группы детей в возрасте 8–9 лет по 39 человек. Нам самим тогда было по 14 лет. Приходилось смотреть за каждым: как едят, не перемазались ли, соблюдают ли санитарно-гигиенические требования. Надо было вести и воспитательную работу. Место нахождения лагеря запомнилось как очень живописное: лес и озеро. Рядом – жилой посёлок. Однажды наша прогулка с детьми через лес к озеру была испорчена ватагой пацанов, пронесшихся мимо с гиканьем и улюлюканьем верхом на лошадях. Обошлось без потерь, но все мы испугались страшно. Я сразу принялась пересчитывать детей и выяснять, нет ли пострадавших. Это было через две недели начала смены. На следующий день Зоя уехала. Мне не удалось уговорить её остаться. Через десяток лет, вспоминая этот эпизод, Зоя настаивала, что причиной ему была её национальная принадлежность.

Впоследствии Зоя окончила университет. Начинала обучение в группе испанского языка, но вот что-то изменилось в международной жизни и группу расформировали. Моя подруга перешла на специальность русский язык и литература. Большую часть жизни проработала репетитором, принимая учеников дома.

Вышла замуж за Виталия Кошелева, родила сына Валеру. Во второй половине жизни овдовела и опять в мужья выбрала русского мужчину Олега Воеводина, которого и увезла в 1990-х гг. в Израиль. Ещё раньше, в 1970-х гг. её брат Виль (имя советской эпохи, образованное из первых букв имени мирового вождя пролетариата Владимира Ильича Ленина) вместе с семьёй выехал в США. Как рассказывал Роман Давидович, перед этим событием ему пришлось зайти и в партком, сообщить о ситуации и выразить готовность расстаться с партбилетом. Чем закончилось, не помню. Дочь Вили, Марина, в 1990-х гг. приезжала в г. Алма-Ату в качестве переводчицы от какой-то нефтяной компании. Разыскала нас, пришла в гости. К этому времени она уже была замужем, имела двоих деток и была состоявшимся во всех отношениях человеком. Её визит мы восприняли как само собой разумеющийся. Ведь наша дружба с Зоей сохранилась на всю

жизнь, в течение которой она оставалась для меня самым близким человеком. Ни один приезд в Киев я не пропускала наших встреч, по-прежнему, приходя домой к Колонским, испытывала чувство умиротворенности, расслабленности и покоя. Сама Зоя, повзрослев, превратилась в обаятельную и очень привлекательную женщину. О таких в современном мире говорят «харизматичная личность». Была чрезвычайно деликатна, много читала, с удовольствием поддерживала беседу о литературе, о музыке, сама быстро запоминала мелодии. Она была одним из немногих людей, с которыми я не остерегалась откровенничать. Зоя Романовна притягивала к себе людей, при этом быть на виду не любила, так же, как и суету, отдавая в своей жизни первенство семье и родным. От сына не требовала достижения немислимых жизненных высот, оберегая его психику от ненужных нагрузок, несмотря на то, что в те 1970-е гг. требования горожан столичных городов к материальной составляющей уже достигли высокой планки. Зоя олицетворяла уют, покой, уравновешенность.

Однажды за помощью к ней обратилась и я, когда моя дочь не прошла по конкурсу в Ленинградский университет. По мнению Лены никогда и никто до этого не объяснял ей правила русского языка так доходчиво как Зоя Романовна. На следующий год на экзамене по русскому языку моя дочь получила «отлично», а до этого выше «хорошо» не поднималась. За занятия Зоя денег не брала, а они длились не один месяц. В тот период Лена полгода, нигде не работая, жила в г. Киеве и готовилась к поступлению в вуз. Поступила Лена в университет в г. Свердловске. Мы с ней зашли в ювелирный магазин выбрали для Зои золотое кольцо с уральским самоцветом. В момент, когда кольцо вручалось Зое, она вспыхнула и тут же сняла с пальца другое, серебряное кольцо с аметистом, которое смотрелось необыкновенно богато. Моя дочь носит его до сих пор, и оно – её любимое украшение.

Последний раз мы встречались в 1986 г. после чернобыльской трагедии.

Посетили кладбище, где наши мамы были похоронены недалеко друг от друга. Там же покоилась и Зоина бабушка, которую я знала. Как тогда сказала Зоя, её дедушка был дирижером в одном из музыкальных коллективов Киева или Одессы, точно не помню. Сразу после нашей беседы нашла эту фамилию в Малой советской энциклопедии довоенного издания. Увы! Фамилию не запомнила. Позже Роман Давидович женился. Я своего папу перевезла в г. Алма-Ату. Зоя вместе с семьёй переехала в Израиль. Сначала мы переписывались, она

присылала свои стихи, которые печатались в местной русскоязычной газете. Последнее письмо от Зои мне датировано 2001 г. К этому моменту она вторично овдовела. Смерть мужа связывала с Чернобылем.

Родственники

Во время учёбы в военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева мой папа познакомился с Менделем Григорьевичем Фрадлинным [5]. Думаю, что знакомство носило сугубо деловой характер. Не исключаю, что Николай Михайлович мог бывать дома у Менделя Григорьевича. Как бы там ни было, в эвакуации моего отца нашла вдова Менделя Григорьевича. Её сын болел туберкулёзом. А папа работал после медицинского училища заместителем по политработе руководителя госпиталя, потом – в структуре политуправления, курировавшего все госпитали г. Свердловска. Мне неизвестно, в чем выразилась помощь папы этой семье, скорее всего он помогал с лечением. Юлий постоянно пребывал на Агафуровых дачах, где в тот период находились противотуберкулезные лечебницы. Тогда, в Свердловске, наши семьи не познакомились. После войны разъехались. Они – в Ленинград, мы – в Киев.

В 1946 г. к нам в Киеве зашёл передать привет от этой семьи Саша, другой сын Менделя Григорьевича. По документам его звали Шевах Менделеевич (1921–1999). Саша в 1941 г. окончил военное училище. В субботу отметили окончание, а в воскресенье началась война. С первых же дней войны Саша очутился на фронте и прошёл её до конца. Дважды форсировал Днепр, не умея плавать. После войны его соединение дислоцировалось где-то под Киевом. К нему в гости приехал Юлий. Вот они и решили нас поведать. Я была тогда ещё школьницей. Посещение это было не единственным. Я помню, что однажды собралась компания из моих одноклассниц (обучение в те годы было раздельным) и наших гостей. Девушки начинали одаривать вниманием в первую очередь Юлия. Талантливый парень, он был очень приятен внешне. Не прошло и полчаса, как внимание гостей переключилось на Сашу, значительно уступавшему брату привлекательностью. Он, балагур и весельчака, везде чувствовал себя своим.

Между Сашей и Лёлей завязались романтические отношения. Вскоре они поженились. Было это в 1948 или 1949 гг. Юлий умер примерно в то же время, ещё молодым человеком. Он отличался поэтическим талантом, публиковался в газете «Комсомольская правда». Туберкулёз тогда не умели лечить, и жизнь юноши оборвалась.

Саша предложил усыновить Бориса, Лёля и мои родители этому

воспротивились. Ещё была жива память о Славе, усыновление его ребёнка другим мужчиной казалось предательством Славы.

После войны Саша и Лёля какое-то время жили в г. Термезе, где Саша Фрадлин служил, будучи кадровым офицером. Поступал дважды в военную академию. Готовился к экзаменам параллельно со своим коллегой, русским. Высоким интеллектом и хорошим образованием тот парень не отличался. Тем не менее его в Академию приняли, Сашу – нет, т. к. события эти совпали с разгаром государственного антисемитизма. Саша прослужил до начала 1960-х гг. Последнее место назначения – Симферополь. Там семья и обосновалась.

Леля продолжала тянуться к своей старшей сестре. Маме не совсем нравилось пребывание в небольшой квартирке дополнительных жильцов. Как человек бесхитростный, она не всегда умела это скрыть. Позже Лёля с семьёй снимала квартирку на время своего приезда в Святошино, тогда дачный район. В 1951 г. у Саши и Лели родилась дочь Наташа. Накануне её рождения Саша переживал по поводу того, что родится дочь и будет на него похожа. Лёля его успокаивала. Саша при всей своей обаятельности не был красавцем, да ещё являлся обладателем смуглой кожи. Получилось так, как он опасался. Наташа многое унаследовала от него: не самую изысканную внешность, но обаятельность и простоту в общении, которая привлекала к ней людей. Их приезд в 1955 г. совпал с нашими с Мишой сборами в Казахстан. Пакуя чемодан, Миша сказал ребёнку: «Давай я тебя в чемодан уложу, и ты поедешь с нами». У Наташи была мгновенная реакция: «А как я буду писать и какать?».

По натуре Саша Фрадлин был человеком легким, не очень обязательным, любил, как сейчас говорят, «приколы». Мог, например, угощать друзей слабительными препаратами, оформленными в виде конфеток, взять книгу у моего папы без спроса и не вернуть её. Это не соответствовало стилю общения папы. После смерти Лели в 1966 г. отношения завершились.

Леля умерла от неизвестного диагноза в возрасте 49 лет. Наташа осталась без мамы в 14 лет. Саша женился на женщине с сыном. В его новой семье были неплохие отношения. Дети Лёли были самыми любимыми племянниками моей мамы. Каждое лето Наташа из Симферополя приезжала к своей тете в Киев. В 1968 г. она окончила школу с золотой медалью. Мама очень гордилась успехами Наташи. В тот год она сдавала вступительные экзамены в Киевский политехнический институт и ... завалила экзамен. Папа работал в институте пре-

подавателем на кафедре истории КПСС. Когда он пошёл в приемную комиссию разбираться, в чем дело, ему прямо сказали: «Почему Вы не пришли раньше и не сказали, что это Ваша племянница? У нас распоряжение не принимать евреев».

На следующий год Наташа поступила и окончила Одесский институт народного хозяйства так же с отличием и приехала работать в Киев. Вышла замуж за Народицкого Аркадия, в браке родила сына и дочь. В 1990-х гг. переехала в Израиль со своей семьёй и родителями мужа. Судьба дала ей такую же продолжительность жизни, как и её маме. В 48 лет Наташа умерла от лейкемии. Её дочь, Оля, прожила ещё меньше. Умерла в 30 лет тоже от онкологии.

Бывшие киевляне считают трагедии своих семей последствиями Чернобыльской катастрофы. Авария на атомной электростанции произошла накануне майских праздников, в Киеве демонстрацию не отменили. Есть предположение, что радиационное облако к моменту шествия накрыло столицу Украины, что позже вылилось в ранние смерти людей.

Сын Дима воспитывает троих детей, уже рожденных в Израиле. Тесно общается со своей кухней, внучкой Зайцева Вячеслава, первого мужа его бабушки.

Соседи

Мои родители после войны получили квартиру в доме военных, недалеко от танкового училища, где первое время работал папа. Квартира состояла из трех комнат: две, из которых, одна была проходной, заняла наша семья. В третью, изолированную, вселили женскую еврейскую семью. У нас был чуланчик. Коллеги моего папы, кадровые офицеры, вернулись из Германии с различными трофейными вещами. Продолжая служить, не имели возможности возить их за собой, передали ряд из них нам на хранение, в т. ч. и фортепиано. Впоследствии его забрали подлинные хозяева. Этот инструмент сыграл определённую роль в нашем сближении с соседями.

Александра Наумовна Полищук – вдова участника Великой Отечественной войны, погибшего на фронте украинца Гриши, жила со своей матерью Раисой Иосифовной и дочерьми Светой 1937 г. р. и Таней 1943 г. р. Примечательно, что Таней свою вторую дочь Александра Наумовна назвала под влиянием материала в «Комсомольской правде» о Зое Космодемьянской, разведчице, замученной и казненной фашистами. Когда готовился материал, никто не знал настоящего имени девушки, она себя назвала Таней, и публикация о ней так и называлась «Таня».

В моей памяти остался эпизод возвращения Александры Наумовны с Рижского взморья через несколько лет после окончания войны. Она впервые в жизни воспользовалась воздушным транспортом. Переступив порог нашей коммунальной квартиры и усевшись на чемоданчик, она начала восхищаться скоростью перемены места нахождения: «Подумать только, пару часов назад была на Рижском взморье, а вот сейчас уже дома!».

Александра Наумовна, оставшаяся вдовой лет 26–28, подружилась со мной, несмотря на разницу в возрасте примерно лет в десять. Она была пианисткой, преподавала в музыкальной школе, училище. Дома играла классические произведения. Любила этюды Шопена и Чайковского. Помню, что к ней домой приходили ученики. Она взялась обучать меня нотной грамоте и азам владения названным инструментом. Однажды Александра Наумовна организовала детский концерт для преподавателей и курсантов танкового училища, в котором работал папа, и я принимала в нем участие с каким-то скромным номером. Более весомым результатом нашего общения является тот факт, что с её подачи я пристрастилась к посещению концертов классической музыки.

Александра Наумовна делилась со мной своими воспоминаниями и иногда рассказывала о тех, с кем ей приходилось общаться. Упоминала она имя Айша, какой-то женщины-татарки, её коллеги по работе, кажется, в филармонии. Имя была непривычным, и врезалось в память. Через много лет, оказавшись в 1978 г. в г. Алма-Ате на постоянном месте жительства, я познакомилась с Сарой Камаловной Джурабаевой, много лет проработавшей на киностудии «Казахфильм» вторым режиссером [6]. Узнав, что в прошлом мы с мужем – киевляне, она сообщила, что в Киеве у неё живет подруга и назвала знакомое мне с юности имя. Оказалось, что это – жена украинского актера Николая Григорьевича Гринько, известного по исполнению главной роли в фильме об А.П. Чехове, однажды приглашенного киностудией «Казахфильм» на съемки какого-то фильма. Выйдя замуж, Айша всегда ездила с Николаем Григорьевичем, обеспечивая его быт. Таким образом, Сара Камаловна с ней познакомилась и даже подружилась. Когда мой муж собрался в командировку в Киев, попросила передать небольшую посылочку для Айши. Михаил Николаевич Грибанов не любил новых знакомств, посылку передал, но особенно в разговор не вступал. Это дало повод Айше сказать Саре Камаловне: «Какой же у вас суровый заместитель министра!».

Мама Александры Наумовны, Раиса Иосифовна, чувствовала себя в семействе своих потомков, собранных на маленьком жилом пространстве, не очень уютно. В конце 40-х – начале 50-х гг. она устроилась работать стоматологом в туберкулезный санаторий в Западной Украине где-то на Карпатах. В коллективе коллег её заинтриговала одна сотрудница, которая однажды приехала в санаторий с маленьким ребенком, не будучи перед этим беременной. Фамилия женщины, о которой идет речь – Безвершинко. Имя и отчество в памяти не отложились. В 1949 г., когда я стала студенткой, в одной со мной группе оказался Иван Безвершинко. Позже выяснилось, что Раиса Иосифовна работала с его мамой, а ребенок приходился ей внуком от юной дочери.

Иван запомнился мне талантливым человеком, к сожалению, не собранным, рассеянным, не организованным, что не помешало стать ему впоследствии ученым-онкологом. Альвина и Иван, мои сокурсники, поженились к концу 4-го курса, произвели на свет сына, кажется, Андрея. Брак их был не долгим, очень скоро они расстались.

На этом пересечение судеб не завершилось. В 2004 г. моя дочь, историк-архивист по специальности, включила воспоминания своего отца, М.Н. Грибанова, в книгу [7]. Издание попало в руки алматинского краеведа Исаака Эзровича Гринберга, эвакуированного в Казахстан из Каменец-Подольска в годы Великой Отечественной войны. И среди упомянутых мужем однокурсников, он встретил имя своего одноклассника Виктора Гончарука.

В период отсутствия Раисы Иосифовны Александра Наумовна, к которой мама меня немного ревновала, обращалась к ней с просьбой присмотреть за девочками, оставляя какие-то продукты. Мама следила за тем, чтобы её юные соседки принимали пищу вовремя и в разогретом виде. Таня окончила Библиотечный институт, и мой папа рекомендовал её на работу в библиотеку Киевского политехнического института, где сам работал очень долгое время после демобилизации. В 1968 г. семья Полищук получила двухкомнатную квартиру в новостройке недалеко от этого института. Несколько раз они просили моего папу помочь им в бытовом обустройстве. К этому времени Раисы Иосифовны уже не было в живых, а мы обосновались в Казахстане. Отъезд соседей позволил папе заняться обменом. Получилось удачно: уютная двухкомнатная квартирка с ванной и прочими городскими удобствами в этом же Шевченском р-не. Через 14 лет мама умерла. Именно этот непродолжительный срок она была безраздельной хозяйкой в своем жилье.

Пациент

В самом начале моей работы в Акмолинском (позже Целиноградском) противотуберкулезном диспансере мне пришлось наблюдать как врачу фтизиатру и пытаться облегчить состояние тяжелого больного диссеминированной формой туберкулёза легких журналиста газеты «Целиноградская правда» Марика Темкина. Ему было примерно 30–35 лет. Болел он с детства, женат не был. Семья Темкиных приехала в Акмолинск из Киева в эвакуацию, да так и осталась, жили недалеко от тубдиспансера.

Этого больного мне передал Евгений Михайлович Цимбал, главный врач облтубдиспансера. Как я потом поняла, Женя от него устал, т. к. ничем помочь не мог. Мои визиты тоже были уже бесполезными: Марик задыхался, температурил, выбора препаратов не было, да они только-только начали появляться. Его отец, тоже врач, пытался через администрацию города достать рифампицин. Он же снабжал сына баллонами с кислородом. Я помогала Марику их приспособливать. Это немного облегчало его состояние.

В тот 1960 г. мы с Мишей жили в ординаторской райбольницы, Лена ещё оставалась у бабушки в Киеве, так что я имела возможность наблюдать Марика и часто заходить к ним. Марик осознавал тяжесть ситуации и приближение кончины. Мои визиты, сопровождавшиеся беседами на разные темы, лишь поддерживали его морально. Родители знали, что он обречен, знали, что помочь ему я не в силах, но они радовались, что их сын не брошен. Друзья его не особенно часто навещали из-за боязни инфицироваться. Телефоны в те годы – большая редкость. Вынужденная изоляция для журналиста – дополнительное испытание. Марик же был очень интересным собеседником.

После смерти Марика его друзья познакомились со мной, ссылаясь на то, что он им обо мне рассказывал. Я узнала, что он был очень способным журналистом. В 1959 г. в СССР приезжал Поль Робсон, гражданин США, певец и борец за права человека [8]. Марик опубликовал статью в «Комсомолке» «Рукопожатие через океан», где рассказывал о целинном городе в Казахстане и просил Поля Робсона спеть для целинников. Певец дал это концерт. Как уж и где, не знаю.

В Акмолинске жил ещё один Марик Темкин, наш сокурсник, врач-гинеколог. Мы одновременно приехали на целину, он несколько лет работал в Алексеевке, а потом был назначен главным акушер-гинекологом области. Когда у него родилась дочь, впоследствии тоже ставшая врачом, поздравляли Марика журналиста.

Шеф

В 1957 г. я впервые увидела Льва Базильевича в тубинституте в Алма-Ате, когда приехала на курсы повышения квалификации [9]. Тогда он работал ординатором. Молодой человек с полноватой, даже неуклюжей фигурой, проводил с сотрудниками оздоровительную гимнастику в течение рабочего дня. Иногда к ней примыкали и мы, командированные.

В те годы я совмещала свою основную должность ординатора, а затем заведующей стационарным отделением в Целиноградском обл-тубдиспансере с должностью главного фтизиатра области. Это продолжалось около трех с половиной лет. За это время Лев Базильевич приезжал к нам несколько раз в качестве проверяющего. Затем я перешла на кафедру в Мединститут, и в течение 11 лет наши дорожки с Львом Базильевичем не пересекались.

Переехав в Алма-Ату вслед за получившим новое назначение супругом, я какое-то время работала в городском противотуберкулезном диспансере. Увы, получила профессиональное заболевание и, после соответствующего лечения, отправилась на реабилитацию в профильный санаторий в Симеиз. Это было в 1980 г. Перед моим отъездом ко мне зашёл Лев Базильевич и предложил перейти к нему заведующей отделением автоматизированных систем учёта больных туберкулезом.

Лечение и профилактика туберкулеза населения без учета и контроля невозможны, они всегда осуществлялись организационно-методическими отделами диспансеров. Об автоматизированной системе учета я понятия не имела. Учитывая состояние здоровья, которое невозможно было поддерживать, находясь в контакте с больными, вынуждена была согласиться. Я предупредила, что в названной сфере не компетентна. Лев Базильевич дал мне литературу, я добросовестно её штудировала, но вернувшись, квалифицированнее себя не почувствовала.

Ещё будучи на реабилитации, я получила письмо от мужа, датированное 18 сентября 1980 г.: «[...] У меня был Л.Б. Шефер с просьбой ко мне обговорить твой перевод в Институт с Айкеном [10], на что я ему ответил, что это лучше сделать Конакбаеву [11], как не заинтересованному должностному лицу. Такой разговор состоялся с положительным решением, на что дал согласие и министр [12]. Как-либо возможных других кандидатур не выдвигалось и не упоминалось ни с чьей стороны. Предшественник (Корзун) [13] пока рабо-

тает. Вчера заходил ко мне Айкен, я ему ничего не говорил об этом, он сам затеял разговор о тебе, высказался весьма похвально и с удовлетворением (не знаю, что в мыслях и его душе). Сказал, что рад видеть тебя его сотрудником, вот только иногда нужно будет выезжать в командировки. Пришлось любезно поблагодарить. Заверил, что умеренное [количество] командировок будут восприняты даже с удовлетворением для разнообразия работы и отвлечения от каждодневных домашних забот. [...]

Даже после этого письма, зная, что уже все решено, я продолжала колебаться. Перед оформлением документов на новое место работы, я вновь завела разговор на тему своей недостаточной квалификации. Моё колебание не произвело на Льва Базильевича никакого впечатления. К счастью, в отделе работали прекрасные специалисты и замечательные люди: Вера Ивановна Лаврентьева и Наталья Федотовна Громышева.

Впоследствии я поняла, что отделение АСУ организовано по инициативе Льва Базильевича вопреки желанию руководства института, т. к. с созданием этой структуры возникли проблемы с использованием автоматизированных вычислительных машин, требующие дополнительных материальных затрат. Я, как супруга первого заместителя министра здравоохранения КазССР, могла облегчить решение этих проблем.

Наше отделение выполняло программу Государственного комитета по науке и технике. В конце 1985 г. мы сдали технико-экономическое обоснование. Отчитывались и на Ученом Совете института, и в Москве, в ГКНТ.

Мне было очень тяжело в моральном плане из-за моей неуверенности в своих силах и знаниях, а также из-за частого отсутствия Льва Базильевича на рабочем месте. На втором году моей работы он перенес инфаркт. Знаю точно, что причина была не в нашем отделении. Как-то он сказал, что перенёвшие инфаркт больше десяти лет не живут. В отношении себя он был точен: умер в 1993 г. К этому времени я уже находилась на пенсии.

Лев Базильевич был очень интересным собеседником. Он много читал, много знал. Мне казалось, что он никогда не был самим собой. Делил всех людей на необходимых и на бесполезных для него. Несколько позже умерла его супруга Валентина Дмитриевна. Старшая дочь уехала в Израиль, а потом и младшая, после блестящей защиты кандидатской диссертации.

Заключение

В жизни было много людей и много встреч. Для своего повествования я выбирала тех, кто не просто запомнился, но присутствуя в моей жизни какое-то время, оставил определенный эмоциональный след. И тем, о ком я рассказала, и тем, о ком умолчала, независимо от национальности, я благодарна за минуты, часы, годы общения, т. к. на земле не так уж много вечных ценностей, но одна из них – общение с людьми, близкими тебе по духу.

1. Папа назвал меня «Дитя новой эры» – Динэра. В моём ближайшем окружении ко мне обращались «Нэра». Услышав однажды, что кто-то так называл своего домашнего питомца, я невзлюбила своё имя. С 10-летнего возраста я – Дина.

2. Во Львове работала мамина младшая сестра Ольга Александровна Зайцева, вышедшая замуж за своего однокурсника по Институту физкультуры им. Лесгафта (г. Ленинград) Вячеслава Алексеевича Зайцева (1912–1943). Воспитывали сына Бориса. С 1937 г. В.А. Зайцев работал на кафедре физкультуры в Киевском политехническом институте, с 1940 г. заведовал кафедрой в Львовском медицинском институте. Участник польской и финской военных кампаний. Мастер спорта. По заданию ЦК КП (б) Украины от 2 августа 1941 г. был назначен командиром партизанской группы № 1 Львовской обл. Пропал без вести 1 января 1943 г. По непроверенным данным со слов современников событий, с которыми после войны встречалась его вдова Ольга, был предан и замучен в гестапо. *Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф.1. Оп.22. Д.417. Л.46; Ф.62. Оп.1. Д.613. Л.245.*

3. Сослуживцы папы, дружба с которыми сохранялась на протяжении всей жизни моих родителей.

4. Этим заканчивается дневник папы. Он вел его с момента моего рождения до 25 июня 1941 г. Опубликован в журнале «Отечественные архивы» (г. Москва). – 2000. – № 4. – С.50–71.

5. Родился в 1900 г. в м. Лось Речецкого уезда Гомельской губ. 18 лет служил в РККА. В 1927 г. окончил Военно-политическую академию (общественно-педагогический факультет) (г. Ленинград). По окончании работал старшим инструктором по партийной пропаганде в управлении флота и читал курс истории в совпартшколе II ст. с 1927 по 1930 гг. (г. Ленинград) С 1930 по 1934 гг. работал преподавателем и старшим руководителем по кафедре партийно-политической работы в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева (г. Ленинград). Специально работал над вопросами военной политики партии. С 16 июня 1939 г. по июль 1941 г. – старший преподаватель по кафедре «Основы марксизма-ленинизма» Ленинградского политехнического института. С июня 1941 г. – полковой комиссар запаса в ВМФ, старший инструктор 2-го Отдела Политического Управления Флота. Погиб 28 августа 1941 г. при переходе Таллин–Кронштадт на транспорте «Балхаш». [Электронный ресурс]: Фрадлин Мендель Григорьевич. URL: <http://comtext.net.ru/museum/> (дата обращения 10.04.2020). Центральный военно-морской архив. Ф.11. Оп.3. Д.16. Донесение № 323 от 11.01.1942 г. Источник: полит. упр. КБФ.

6. «...Нечаянно попала в кадр и поняла: кино – моя судьба...» // Аружан (Алматы). – 2013. – № 11. – С.2–7.

7. Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917–2008 гг. Сборник воспоминаний и документов. – Алматы: Print Express, 2009. – 320 с.

8. [Электронный ресурс]. Поль Робсон. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 15.04.2020).

9. Шефер Л.Б. (1926–1993) после окончания в 1951 г. Киевского медицинского института работал главврачом детского санатория в г. Лениногорске (Восточно-Казахстанская обл.). В 1956 г. перешёл в КазНИИ туберкулёза в г. Алма-Ате, где и защитил обе диссертации и получил звание профессора. / Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Изд-е второе, допол. Алматы: Fortress, 2009. – С.350–351.

10. С Айкеном Ахатовичем мы были знакомы по работе в г. Целинограде (ныне г. Нур-Султан), куда он, как и Лев Базильевич, периодически приезжал в командировки. Терликбаев Айкен Ахатович (1920–1984). В 1963–1982 гг. – директор Казахского научно-исследовательского института туберкулеза. [Электронный ресурс]. Календарь Казинформа «Даты. События. Имена» 24 декабря 2012 г. URL: <http://inform.kz> (дата обращения 14.06.2020).

11. Конакбаев Асылбек Унербекович (1931–1993). В 1973–1983 гг. – зам. министра здравоохранения Казахской ССР. Кто есть кто в Казахстане: биографическая энциклопедия – Изд. 7-е, доп. – Алматы: ИД «Credo», 2003. – С.306.

12. Шарманов Турегельды Шарманович (1930 г. р.). В 1971–1982 гг. – министр здравоохранения Казахской ССР. Кто есть кто в Казахстане... указ. соч. – С.585.

13. О моем предшественнике мне ничего не известно. Кто он был по специальности, почему поменял работу – не знаю.

**Клейнбок Т.С.
Клейнбок А.Ю.**

Ученый, педагог, руководитель

Яков Исаакович Клейнбок родился в 1908 г. в г. Брестлитовске. В семье столяра-краснодеревщика Исаака Борисовича Клейнбока было четверо детей. Вскоре семья переехала в г. Уральск, где Яков Исаакович учился в Уральском педагогическом техникуме, после окончания которого работал учителем.

Узнав, что в Алма-Ате открылся зооветеринарный институт (АЗВИ) он отправляется на учебу и его зачисляют на первый курс. Начались учебные будни. Уже с первого курса он занимается научной работой и публикует две статьи, одну – в периодической печати, а другую он отправляет в немецкий журнал «Антропология». Статья была напечатана в январском номере (Zena, 04.01.1932).

После окончания института Яков Исаакович был направлен в Алма-Атинский биокомбинат заведующим цехом, но через полтора года он возвращается в родной АЗВИ на кафедру внутренних незаразных болезней, на должность ассистента. Одновременно с учебным процессом он занимается научной работой, результаты которой ложатся в основу кандидатской диссертации. После успешной защиты ему присваивают звание кандидата ветеринарных наук, а позже звание – доцента. Читая лекции и проводя практические занятия со студентами, Яков Исаакович продолжает научно-исследовательскую работу, и ее итоги спустя пять лет оформляются в докторскую диссертацию «Лечение лошадей кормами в ходе нарушений пищеварения и выделения секрета при желудочных заболеваниях». Защита состоялась в 1941 г. на Ученом Совете Казанского университета, в этом же году ему присвоили звание доктора ветеринарных наук, а вскоре утверждают в звании

профессора и Яков Исаакович возглавляет родную кафедру. Его ближайшие сотрудники ученые С.М. Басов и Г.Я. Либрейх – доценты кафедры, также заняты в научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности. Вся напряженная работа кафедральных сотрудников, блестящие лекции и интересные практические занятия привлекают студентов, повышают интерес к будущей профессии. Занятия настолько интересны, что на них постоянно приходят студенты из других вузов. Кроме того, Яков Исаакович, занимая пост проректора института по научной работе, выделяет среди учащихся наиболее способных и склонных к занятиям наукой. В те времена в институт поступают ребята в основном из дальних областей и аулов. Некоторые плохо знали русский язык, и профессор заботливо растил из них будущих ученых. Часть учеников со временем стали кандидатами и докторами наук и возглавили кафедры в институте.

Яков Исаакович Клейнбок активно участвовал в создании восточного отделения ВАСХНИЛ (Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук им. Ленина), руководил ветеринарной секцией Академии, а также являлся членом Президиума. В 1944 г., Яков Исаакович, впервые проводя в Казахстане Пленум ветеринарной секции, подытожил накопленные научные опыты и результаты.

Значительный вклад им внесен в образование Казахского научно-исследовательского ветеринарного института (КазНИВИ), где в лабораториях проводились работы по изучению актуальных проблем по кормлению, оздоровлению и продуктивности сельскохозяйственных животных.

Научная деятельность Якова Исааковича отражена в его статьях и монографиях по актуальным вопросам ветеринарии, а также в учебниках и методических пособиях, которые были выпущены для студентов ветеринарных вузов, в соавторстве с московскими учеными.

Его труды свидетельствуют о широких и глубоких интересах изучаемых проблем не только в теоретическом плане, но и, прежде всего, в плане практического применения.

В 1948 г. вышла книга Клейнбока Я.И. «Диагностика, клиника и терапия заболевания желудка лошадей». Соратник Якова Исааковича, академик сельхознаук Зейнолла Камалиевич Кожабеков, подчеркивая значимость и ценность этой книги для студентов сказал: «Тогда я учился на втором курсе Омского ветеринарного института. Мне в руки попала эта книга... Потом на 4-м курсе мы проходили ее как

отдельное учебное пособие. А когда в 1952 г. после института пришел на работу в АЗВИ, я познакомился с Яковом Исааковичем и он стал моим научным наставником и соратником».

В 1954 г. Якова Исааковича избирают членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. За научно-педагогическую и научно-организационную деятельность, он был награжден знаками «Отличник социалистического сельского хозяйства», «Отличник Наркомата совхозов СССР», Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР, орденами «Знак Почета» и медалями. Ему присвоено звание Заслуженного деятеля науки Казахской ССР, избран членом Ветеринарной секции Всесоюзной сельскохозяйственной академии.

Интересы семьи были разносторонние, кроме работы и учебы детей. Яков Исаакович и его супруга посещали концерты и оперные спектакли. В Алма-Ату часто приезжали на гастроли театры из Москвы, Ленинграда, Новосибирска и др. И вся интеллигенция Алма-Аты обязательно посещала эти мероприятия.

В день его похорон занятия отменили, весь институт провожал своего любимого учителя и наставника. Многие плакали. Для семьи эта потеря была трагической, сын еще учился в институте, а дочь была школьницей. Ему было всего 53 года. Мария Тимофеевна, его супруга, потеряв мужа в 49 лет, нашла в себе силы не сникнуть от горя. Надо было учиться жить без отца – без опоры. Мария Тимофеевна занимала должность доцента кафедры патологической анатомии в том же Зооветеринарном институте. Она продолжила научную работу уже одна, без своего советчика и друга. В 1974 г. она защитила докторскую диссертацию и стала профессором на кафедре патологической анатомии. Примечательно, что в ее трудовой книжке только две записи, первая – поступление на работу лаборантом после окончания института и вторая – увольнение в возрасте 76 лет. Сын – Игорь Яковлевич – доктор медицинских наук, профессор, заведовал отделом в институте физиологии Академии наук Казахской ССР, дочь Нина Яковлевна – детский врач. У Якова Исааковича четыре внука и восемь правнуков.

Батырбаева Ш.Д.

Вклад в развитие исторической науки Кыргызстана

А.Н. Бернштама – выдающегося сына еврейского народа

В становление и развитие исторической науки и образования не-оценимый вклад внесли представители еврейского народа, среди которых особое место занимают С.М. Абрамзон, В.М. Жирмунский,

А.Н. Бернштам. Благодаря их исследованиям были заложены основы изучения истории, культуры, традиций кыргызского народа. При их непосредственном участии был заложен фундамент современной национальной научной исторической школы.

Настоящий доклад посвящен выдающемуся сыну еврейского народа Александру Натановичу Бернштаму (18.09.1910–10.12.1956) – востоковеду, археологу, этнографу, крупнейшему исследователю истории и культуры народов Средней и Центральной Азии. Он разрабатывал проблемы этногенеза, социальной организации и экономики кочевых народов Центральной Азии, а также изучал древнюю эпиграфику и нумизматику. Исследовал памятники Семиречья, Тянь-Шаня, Памира и Ферганы, выделил периоды возникновения археологических памятников Средней Азии от II тыс. до н. э. до XV в. [1, 2].

А.Н. Бернштам родился в Керчи. В 1928 г. он поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета, сразу после его окончания поступил в 1931 г. в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Его первые научные работы «Жилище крымского предгорья» и «Туркменский род и колхозы» были опубликованы в 1931 г. В годы обучения в аспирантуре под руководством таких тюркологов, как С.Е. Малов, А.И. Самойлович, он овладевает чтением древнетюркских рунических текстов. В то же время с 1932 г. начинает работать научным сотрудником Государственного Эрмитажа. В 1933 г. по заданию отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Н. Бернштам с целью сбора археологических коллекций семиречинских тюрок VI–VIII вв. совершает поездку в Среднюю Азию.

А.Н. Бернштам в 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономический строй древнего турецкого общества Туркми в Монголии». Работая в Государственном Эрмитаже, одновременно начинает преподавать в ЛГУ (с 1936 по 1956 гг. – преподаватель ЛГУ). Дальнейшая работа в этом направлении была связана в основном с исследованиями Семиреченской археологической экспедиции, организованной ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнарком Киргизской ССР (1933–1953).

В 1938–1941 гг. он, как научный сотрудник Эрмитажа, возглавляет Семиреченскую археологическую экспедицию, обследует долины рек Чу, Или, Талас. Результаты раскопок в 1938–1939 гг. в Таласе стали широко известными в связи с открытием Кенкольского могиль-

ника, отнесенного к эпохе Великого переселения народов [3]. Археологическая карта их расселения по территории Средней Азии, предложенная А.Н. Бернштамом, расширила возможности для углубленного и полного изучения истории и культуры. В рассматриваемый период были собраны богатые коллекции, ставшие основой для создания фондов историко-археологического отдела Киргизского государственного исторического музея в г. Фрунзе, открытого в 1941 г. А.Н. Бернштам летом 1941 г. возглавил экспедицию, выполнявшую роль археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала, в результате которого собраны материалы, отражающие четырехтысячелетний период исторического развития Северного Кыргызстана. Результаты были опубликованы в ряде научных изданий, которые сегодня также актуальны и востребованы [4–6]. В конце 1930–1940-х гг. историческая схема развития культуры края, предложенная В.В. Бартольдом еще в конце XIX в., усилиями А.Н. Бернштама иллюстрируется археологическими материалами, продолжается начатый еще В.В. Бартольдом процесс отождествления большинства известных городищ с известными по письменным источникам городами и селениями. Результаты археологических экспедиций под руководством А.Н. Бернштама позволили датировать основные памятники, установить этапы исторического развития исследуемых регионов, трассы древних торговых путей. Выполняя археологические разведки и раскопки, экспедиции в то же время являлись и школой для подготовки археологических кадров для республики. В целом, под руководством А.Н. Бернштама в 1933–1940-е гг. были проведены археологические работы в Чуйской и Таласской долинах, экспедиция по надзору на строительстве Большого Чуйского канала (1941), Тянь-Шаньская (1944–1946, 1949), Южно-Казахстанская (1947–1949), Памиро-Алайская (1947–1948), Памиро-Ферганская (1950–1952).

Из-за тяжелой болезни, перенесенной в юности, А.Н. Бернштам не был мобилизован в армию в годы Великой Отечественной войны. В этот период он находился во Фрунзе, занимался историей киргизского народа, опубликовал в 1942 г. книгу «Историческое прошлое киргизского народа». Принимал участие в организации киргизского филиала АН СССР, который был открыт в 1943 г. Продолжал научно-просветительскую работу, готовил местные научные кадры. 24 августа 1942 г. в Ташкенте на заседании Ученого совета Института истории АН СССР защитил докторскую диссертацию на тему «История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоева-

ния». В 1946 г. издал монографию «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков в VI–VIII вв.» [7] и стал автором разделов «История СССР», где рассматривались проблемы древней и средневековой истории народов Средней Азии, и ряда глав первых двух изданий «История Казахской ССР» (1943, 1949). Он осуществлял общее руководство первого академического издания «История Киргизии» (1956), а также был автором трех глав древней и средневековой истории Кыргызстана. За выдающиеся заслуги в области истории и археологии Киргизии в 1946 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Киргизской ССР. Тогда же он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Как известно, А.Н. Бернштам разрабатывал проблемы этногенеза, социальной организации и экономики кочевых народов Центральной Азии. Им была создана периодизация древней средневековой культуры Киргизии, исследован этногенез киргизского народа. Уже в своих ранних работах он предположил несколько этапов переселения киргизских племен с Енисея на Тянь-Шань, начиная с I в. н. э. В этом направлении он впервые стал привлекать материалы эпоса «Манас» для изучения истоков культуры кыргызов [8]. В статье «Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас», как и в других работах, изучая борьбу за независимость кыргызов в VIII–IX вв., в период возвышения в Южной Сибири енисейских кыргызов, приходит к выводам, что содержание эпоса «Манас» раскрывает древнейший этап борьбы за независимость кыргызских племён, который восходит к 820–847 гг., что в основе эпического Манаса стоит конкретно-исторический образ руководителя кыргызского народа, предводителя енисейских кыргызов, имя которого интерпретируется по древнетюркским надписям, как Яглакар-хан, связывается с эпизодом «Великого похода».

Изучая борьбу за независимость кыргызов в XVII–XIX вв., А.Н. Бернштам сравнивал стремление Ормон-хана объединить киргизские племена во второй половине XIX в. с политикой Ивана IV по созданию русского централизованного государства – «...заслуживают оправдания, а не порицания централизаторские тенденции Ормон-хана, его стремление сосредоточить власть в одних руках, попытки объединить киргизские племена, не считаясь с преградами и не смущаясь средств, как бы повторяющих в миниатюре век Ивана Грозного в России» [9].

После окончания войны в Кыргызстане, как и по всей стране, началась повсеместная проверка деятельности культурных научно-образовательных, просветительских учреждений, издательств. После

образования государства Израиль в мае 1948 г., усиливается борьба с влиянием Запада и космополитизмом. Политика усиления репрессивных механизмов по Союзу требовала дальнейшего закручивания гаек и проводившаяся в республиках борьба (в мягкой форме) с инакомыслием, формальное признание ошибок стали недостаточными. Ревизии подвергались уже ранее одобренные и опубликованные работы, в которых освещались вопросы истории культуры кыргызского народа и колонизации края Российской империей, и начальных социалистических преобразований, были подвергнуты критике работы ведущих специалистов по истории, культуре и этнографии Кыргызстана, в т. ч. А.Н. Бернштама. На пике борьбы с космополитизмом критика была связана с кыргызским народным эпосом «Манас». В буржуазно-космополитических взглядах были обвинены А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон и В.М. Жирмунский в связи с их исследованиями кыргызского героического эпоса «Манас», критикуя поиск этими учеными греческих, иранских, монгольских и других заимствований в эпосе [10, 11, 12]. Хотя в 1948 г., на бюро ЦК Киргизии его издание было одобрено и утверждено, и не было высказано ни одного негативного мнения.

Самим репрессиям предшествовала активная информационно-идеологическая кампания. Репрессии проявились в виде строгих партийных взысканий, смещений с должностей научных руководителей, привлечения некоторых из них к административным наказаниям. В атмосфере всеобщего страха после репрессий 1937–1938 гг. находились практически все, кому были предъявлены обвинения. Они признавались во всех предъявленных им мнимых идеологических ошибках и выступали с вынужденными публичными покаяниями. Несмотря на это, гонения продолжались и в последующие годы. Поэтому, хотя Бернштам А.Н. был всё ещё действующим крупным учёным, ему было отказано в праве иметь учеников. Археологу, проработавшему четверть века в Средней Азии, в определённом смысле первооткрывателю древнего Кыргызстана, было запрещено возглавлять экспедиции [13]. Тем не менее, он продолжал активно работать. В последний год жизни А.Н. Бернштам принял участие в работе научной сессии, посвященной проблеме происхождения киргизского народа, проходившей во Фрунзе в ноябре 1956 г., и выступил с докладом на тему «Сложение тюркоязычного населения в Средней Азии и происхождение киргизского народа». В своем докладе он охарактеризовал кыргызов, как наследников культур древнего населения территории

Семиречья и Тянь-Шаня, подчеркнул сложность проблемы переселения киргизов на Тянь-Шань, разделил переселение племен на этапы, затронул вопросы культурного наследия. Хотя в дискуссии, развернувшейся на совещании о переселении киргизов, предлагаемые А.Н. Бернштамом концепции не были приняты, все обсуждаемые проблемы до сих пор актуальны и востребованы.

Сегодня востребовано не только научное наследие А.Н. Бернштама в становлении и развитии национальной исторической школы, в первую очередь археологической и этнографической, а также актуальны его рассуждения об особенностях исторической науки в неопубликованной рукописи «Не пора ли пересмотреть традиции в науке?». В этой работе, излагая свои позиции по всем проблемам, с которыми ему приходилось столкнуться как ученому-исследователю, как практику-археологу, он предложил практические рекомендации, реализация которых стало возможным только к концу XX в.

И в заключении приведем из его рукописи «Не пора ли пересмотреть традиции в науке?» завещание, напутствие великого ученого к нам, современному поколению: «1. Настойчиво потребовать от редакторов журналов «свободу научного слова». 2. Лучший вариант: расчленить некоторые институты (соответственно учёные советы и издания) с тем, чтобы имеющие право в науке, коллективы имели и своё право формулировать своё мнение. 3. Организовать газету, посвящённую проблемам науки, по типу газет «Советская культура» или «Литературная газета» примерно с названием «Советская наука». 4. Вменить в обязанность этой газете в первую очередь: а) бороться с теми традициями в науке, которые стали тормозом. Хорошие традиции, наоборот, следует сохранять, популяризировать; б) бороться с упрощенчеством в науке, под каким бы красивым покрывалом оно (упрощенчество) ни скрывалось; в) усилить требования к советским учёным, к науке, понимая под этим не только знания, но и наличие творческого замысла, темперамента и открытия; г) добиваться для научных работников «Ясной поляны» в виде научного спокойствия, такого положения, когда настоящий учёный будет изолирован от конъюнктурщиков – людей, искажающих те или иные трудные этапы нашей научной жизни, когда будут изолированы те, кто не имеет права называться научными работниками. Речь идёт о тех, кто, имея степени и даже звания действительных членов союзных академий, не имеют ни одной научной печатной работы. Речь идёт о тех, кто занимается не открытиями в науке, а скорее закрытием её, независимо от штатной должности. Короче, из

сказанного следует: нельзя забывать, что борьба мнений в науке имеет государственную основу, что борьба мнений – это осуществление плана строительства коммунизма» [14].

1. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1998.
2. [Электронный ресурс] Воропаева В.А. Основоположник научной археологии Кыргызстана (о Бернштаме А.Н.). URL: [http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=246&limitstart=\(дата обращения 13.09.2020\)](http://history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=246&limitstart=(дата обращения 13.09.2020)).
3. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. / Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. – Л., 1940. – 34 с. + 36 табл.
4. Бернштам А.Н. Археологические памятники Северной Киргизии. – Фрунзе: Издание Комитета Наук при СНК Киргизской ССР, 1941. – 112 с.
5. Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. // – Алма-Ата, 1941. – 66 с.
6. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. – Фрунзе: ИЯЛИ КиргФАН, 1943. – 68 с.
7. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 314 с.
8. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе: Изд. ком. наук СНК КиргССР, 1941.
9. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.4. Д.632. Л.45.
10. [Электронный ресурс] Дятленко П.И. Политические репрессии в Кыргызстане в конце 1940-х – начале 1950-х годов и преодоление их последствий – 2009. URL: <http://elibrary.auca.kg/xmlui/handle/123456789/324> (дата обращения 13.09.2020).
11. Самарин Г. Против буржуазного космополитизма в манасоведении // Советская Киргизия – 5 апреля 1949.
12. Самарин Г. До конца вытравить проявления безродного космополитизма и буржуазного национализма в литературе и искусстве // Советская Киргизия – 15 апреля 1949.
13. Массон В.М. Александр Натанович Бернштам из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (к 90-летию со дня рождения) // Археологические вести. – СПб., 2002. – № 9. – С.279–282. –С.281.
14. Бернштам А.Н. Не пора ли пересмотреть традиции в науке? [Электронный ресурс] Н.Ю. Смирнов. Возвращённая рукопись (из публицистического наследия А.Н. Бернштама) // Археологические вести. Вып. 17. – СПб, 2011. – С.353–365. URL: <http://kronk.spb.ru/library/smironov-nyu-2011.htm> (дата обращения 13.09.2020).

Ермекбай Ж.А.

Яков Давидович Серовайский и Лия Семеновна Фришман: мои учителя по университету

Мои наставники по университету профессор Я.Д. Серовайский и доцент Л.С. Фришман представлены биографическими и библиографическими очерками, статьями в журналах и газетах. Вместе с тем хочется еще раз взглянуть на судьбы этих людей, внесших значительный вклад в образование и науку. Из автобиографий известно, что Яков Давидович Серовайский и Лия Семеновна Фришман закончили аспирантуру исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и в далеком 1950 г. по направлению Министерства высшего образования СССР приехали в Алма-Ата (Алматы) для работы в Казахском госу-

дарственном университете им. С.М. Кирова^{1*}). По воспоминанию кандидата исторических наук Л.М. Матлиной, бывшей студентки и впоследствии коллеги моих учителей, в августе 1950 г. на вокзале Алма-Ата-2 из купейного вагона поезда «Москва–Алма-Ата» вышел мужчина зрелого возраста с военной выправкой и две женщины: одна молодая, красивая с густыми черными волосами, вторая – небольшого роста, еще не старая с девочкой на руках. У них было несколько чемоданов и стопки неупакованных книг, перевязанные шпагатом [1, с.16]. На то время Якову Давидовичу было 38 лет, Лии Семеновне – 29, а Фейге Моисеевне, матери Лии Фришман, было 53, дочери Юле Яковлевне исполнился всего год со дня рождения.

Что касается главы семейства, то Яков Давидович Серовайский (1912–1997) известен как ученый историк-медиевист, природовед, педагог, первый доктор исторических наук в Казахстане по специальности «всеобщая история». Его публикации, посвященные истории аграрных отношений раннего и развитого феодализма Франции, остаются актуальными в медиевистике. Как педагог высшей школы он более 45 лет работал на кафедре всеобщей истории Казахского государственного университета им. С.М. Кирова.

Родился Я.Д. Серовайский в 1912 г. в г. Велиже Витебской губ. Российской империи^{2*}. Обучался в Велиже в школе первой ступени, затем семья переехала в Крым, где после окончания средней школы в 1927–1931 гг. учился в сельскохозяйственном техникуме в г. Керчь. В 1931–1935 гг. работал в качестве участкового агронома в Крыму, в 1935 г. был призван на военную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. После демобилизации в 1937 г. поступил в Московский институт истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ или ИФЛИ), который закончил в 1941 г. С началом Великой Отечественной войны он в рядах Красной армии и как фронтовик прошел всю войну, имеет правительственные награды. Что касается послевоенной трудовой деятельности, то после демобилизации из армии Якова Давидовича поступил в аспирантуру на кафедру истории средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научным руководителем стал его наставник по Московскому институту истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук, профессор А.И. Неусыхин, где до войны в 1937–1941 гг. учился Серовайский. После окончания аспирантуры в 1950 г., Яков Давидович успешно защищает кандидатскую диссертацию в диссерта-

^{1*} Ныне Казахский национальный университет им. аль-Фараби.

^{2*} Впоследствии Смоленской обл. РСФСР

ционном совете исторического факультета МГУ на тему: «Структура землевладения юго-восточных районов Франции в IX–XII вв.».

Он написал более 150 научных публикаций, в т. ч., 20 статей в «Большой Советской Энциклопедии» и «Советской Исторической Энциклопедии» и 25 статей в академическом сборнике «Средние века». В период работы в университете благодаря своим научным публикациям профессор Серовайский стал крупным ученым историком-медиевистом известным далеко за пределами Казахстана и СССР. Я.Д. Серовайского как знатока аграрной истории средневековой Западной Европы, а именно Франкского государства Меровингов и Каролингов периода раннего и развитого феодализма привлекли в группу ученых, исследующих историю Франции при Институте всеобщей истории (ИВИ) Академии наук СССР, что было признанием его как одного из ведущих историков-медиевистов в Советском Союзе.

Яков Давидович участник многих научных мероприятий, в частности, можно отметить его выступление на XIII Международном конгрессе исторических наук, проходившего в Москве в 1970 г.; научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ в 1974 г.; Чтении памяти академика Е.А. Косминского в ИВИ АН СССР в 1976 г.; Первой Всероссийской научной конференции, посвященной проблемам взаимодействия общества и природы в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1978 г.; во Втором двухстороннем коллоквиуме «Эволюция феодальной ренты и характер крестьянских движений в Европе в XIV–XV вв.» историков-медиевистов СССР и ГДР (Германская Демократическая Республика) в Москве в 1981 г. Профессор Серовайский выступил на Первой Всесоюзной конференции медиевистов «Проблемы социальной истории Западной Европы в средние века. Классовая и сословная структура» в МГУ в 1982 г., участвовал на «чтениях», посвященных памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина «Общество, государство и право России и других стран Европы» в ИВИ АН СССР в 1983 г., где представил доклад «Права французский королей на лес (норма и действительность). Был участником Первой сессии научного совета ИВИ АН СССР «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса» по проблеме «Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма», посвященной памяти академика Д.М. Петрушевского и профессора А.И. Неусыхина в 1988 г. и др.

Профессор Серовайский не раз получал персональные приглашения от организаторов международных научных форумов, однако по

объективным причинам не смог участвовать в их работе. Не имея возможности лично участвовать в научном мероприятии, он все же представил доклад на тему «История леса и ее роль в системе современных исторических знаний» («Die Forstgeschichte und ihre Rolle im System der heutigen Geschichtswissenschaft») на XVII Всемирный конгресс Международного союза организаций и институтов лесных исследований (XVII IUFRO World Congress), прошедшей в Токио (Япония) в 1981 г. Написал доклад «Заповедник в крестьянском восстании» (Нормандия, X век). «The Forest in the peasant revolt (Normandy, X-th century)» на международную конференцию, проходившуюся под эгидой IUFRO «История малых частновладельческих лесов. История крестьянского леса» («History of Peasant Forestry») в г. Фрейбург (Германия) в 1991 г. Последнее прижизненное приглашение Яков Давидович получил в 1996 г. от организаторов международной конференции «Успехи в изучении истории заповедников и лесов» («Advances in Forest and Woodland History») из г. Ноттингемского университета и Британского экологического общества. После смерти профессора в 1998 г. на его имя пришло приглашение от Итальянской Академии лесных наук и Флорентийского университета на международную конференцию «История и ресурсы заповедников» («History and Forest Resources») из г. Флоренция (Италия).

Повествуя о научной деятельности профессора Серовайского, следует отметить, что это было главным делом в его жизни. В 60-х гг. прошлого века Яков Давидович стал работать над докторской. Его наставник, профессор А.И. Неусыхин одобрил выбор темы, посвященной аграрной истории средневековой Франции более широкого формата, чем кандидатская диссертация и стал его научным консультантом.

Выполненная Я.Д. Серовайским, докторская диссертация на тему «Проблемы развития феодальной собственности во Франции в IX–XIII вв. (К истории французской сеньории)» была успешно защищена в 1970 г. в диссертационном совете Ленинградского государственного университета им. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет), которая *«явилась плодом многолетних наблюдений и размышлений автора над эволюцией феодальной собственности в целом ряде областей средневековой Франции – Нормандии, Иль-де-Франсе, Шампани, Фландрии, Бургундии и Провансе – на основе анализа письменных памятников эпохи. Главными источниками для докторанта были «варварские» правды, капитулярии франкских королей, формулы, сочинения Григория Турского, акты первых*

французских королей, дарственные грамоты и писцовые книги» [2, с.50–51].

Докторская диссертация Серовайского была ценным научным открытием в исследовании феодальной собственности во Франции на протяжении пяти столетий. И хотя диссертация не была опубликована в качестве монографии, однако дальнейшие публикации автора с тщательным анализом источников показали, насколько глубоко автор исследовал теоретические проблемы аграрной истории средневековой Франции. В своих статьях профессор Серовайский внимательно рассматривал характерные черты развития французского земледелия периода раннего и развитого феодализма, исследовал эволюцию всей системы крестьянских держаний и распределение прав феодальной собственности на крестьян и землю в средневековой Франции, анализировал социальный режим лесов и пастбищ на территории Франкского государства и развитие прав феодальной собственности на леса и пустоши во Франции в X–XIII вв., исследовал проблемы «истории леса» как науки.

Исследуя аграрную историю раннего и развитого средневековья Франции, Серовайский обратил внимание на социальный режим лесов в контексте освоения окружающего ландшафта. Впервые еще в 1974 г., он высказал эти соображения на конференции в КазГУ в докладе «История леса как раздел исторических знаний», затем в 1978 г. в докладе «Историзм во взаимосвязи общества и леса» на первой Всесоюзной научной конференции по проблемам взаимодействия общества и природы. По мнению отечественных ученых, постановка проблемы истории леса профессором Серовайским совпала во времени с представлениями европейских исследователей, которые в 70-х гг. прошлого столетия обосновали новый раздел исторической науки, посвященный истории леса [3, с.182].

Труды профессора Я.Д. Серовайского в советский период публиковались во всесоюзных и казахстанских изданиях, и он как ученый был знаком в научных кругах и постоянно востребован. К нему обращались с разными вопросами, относительно аграрной истории средневековой Европы, по поводу написаний рецензий на труды выдающихся медиевистов (М. Блок, Ф. Гюнтер, Ж. Дюби, А.Р. Корсунский, А.И. Неусыхин, С.М. Стамм), опубликованные на страницах ежегодника «Средние века», журнала «Вопросы истории» и других научных изданиях. Он писал отзывы на авторефераты диссертаций, был официальным оппонентом докторских и кандидатских диссертаций, его приглашали в состав диссертационного совета по защите диссертаций. Об

этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в его личном фонде № 281 в Центральном государственном архиве г. Алматы.

В повседневной жизни Якову Давидовичу пришлось сталкиваться с многими бытовыми трудностями, связанными с решением квартирного вопроса, необъективным отношением со стороны тогдашних партийных чиновников, непониманием со стороны отдельных коллег по университету. В июле 1951 г. в постановлении Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана «О крупных недостатках в политико-воспитательной работе и подборе кадров в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова» было отмечено: «Преподавание ряда общественных дисциплин проводится в Университете на низком идейно-теоретическом уровне. Некоторые члены кафедры всеобщей истории (преподаватель т. Серовайский) допускает в своих лекциях ошибки объективистского характера, ...» [4, с.120]. Такой вердикт заключался в том, что в журнале «Большевик» за 1951 г. появилась статья «Политическое воспитание студентов – важнейшая задача партийных организаций», где Серовайский был обвинен в том, что на семинарских занятиях не использовал труды Маркса и Энгельса, а вместо их ссылался на «реакционного буржуазного французского историка Фюстель де Куланже» [2, с.196].

В 70-х гг. XX столетия мне студенту исторического факультета Казахского университета пришлось слушать лекции и посещать семинарские занятия Я.Д. Серовайского. К тому времени доктор исторических наук, профессор Яков Давидович Серовайский был известным специалистом медиевистики, прекрасно знал историю народов и стран средневековой Европы. Среди профессорско-преподавательского состава исторического факультета Казахского университета он выделялся глубоким знанием по всеобщей истории, владел латынью и европейскими языками, превосходно вел занятия по истории средних веков. Как в традициях дореволюционных российских университетов к нему на занятия приходили студенты из других групп, чтобы послушать его лекции.

Лекции его отличались научной логикой изложения, богатым историографическим багажом, а семинары были обменом мнениями, диалогом, где каждый студент имел возможность высказаться «по-своему» в отличии от книжных и официальных установок. В мою память вошли слова, услышанные из уст Якова Давыдовича: «Надо, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно». Какие пророческие слова!

Хочу отметить, что не умоляю степень профессионализма других своих наставников, среди них были лучшие лекторы, эрудированные

ассистенты, старшие преподаватели, доценты и профессора, но Яков Давидович в Казахстане стал первым доктором исторических наук (1970), профессором по всеобщей истории и выделялся не только на факультете, но и в университете. Это не могли не заметить студенты, преподаватели, лаборанты, он был у всех на устах как самый образованный, культурный и в тоже время скромный и уважаемый человек. Часто студенты между собой обсуждали его высказывания, мысли и считали профессора одним из лучших специалистов по истории средних веков. Мы знали, что его научным наставником был сам А.И. Неусыхин, крупный историк-медиевист, известный специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья.

Мне посчастливилось слушать лекции по истории средних веков дважды, первый раз на вечернем отделении, а потом в связи с переводом на дневное. Скажу честно, старался не пропускать его лекции, всегда внимательно слушал и конспектировал основные мысли Якова Давидовича. Я не был его учеником, курсовую работу писал по истории Казахстана, затем учился в аспирантуре, однако профессор Серовайский с его оригинальной научной методологией остался моим учителем, наставником на всю жизнь. Никто из преподавателей по университету не оставил такое глубокое уважение и след в моей жизни как Яков Давидович.

Профессор Я.Д. Серовайский запомнился своим необычным способом поощрения лучших студентов за научные сообщения и доклады. Таким бонусом был оттиск его очередной научной статьи, вышедший в престижных научных изданиях СССР, которым из нашей группы отметил Кулгазир Балтабаеву и Ирину Зайцеву. Яков Давидович добрым словом отзывался и о другом нашем сокурснике – Нурбулате Масанове, видя в нем талантливого и перспективного ученого.

Лия Семеновна Фришман (1921– 2010) вместе с супругом Я.Д. Серовайским после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации работала на кафедре всеобщей истории исторического факультета КазГУ им. С.М. Кирова.

Л.С. Фришман родилась в Москве, училась в московской средней школе, в 1939 г. поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Из ее слов мы узнали, что училась она с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Впоследствии она опубликовала статью, где рассказала о своих встречах с дочерью вождя СССР [5, с.4]. Война застала ее студенткой, и она вместе со своими однокурсниками работала на уборке урожая, в составе студентов-добровольцев рыла

противотанковые рвы на Можайском шоссе, находясь в отряде противовоздушной обороны дежурила на крышах домов и тушила зажигательные бомбы. Об этих событиях свидетельствует опубликованный Дневник Л.С. Фришман, охватывающий события с 21 июня по 11 октября 1941 г. [6].

В связи с эвакуацией Московского университета, Лия Семеновна осталась в Москве, работала на часовом заводе, который преобразовался в номерной завод и выпускал военную продукцию для фронта. В связи с приближением врага к Москве, завод эвакуировали в г. Златоуст Челябинской обл., где Л.С. Фришман вместе с матерью работала до осени 1943 г. С 1943 г. Фришман вновь стала студенткой восточного отделения исторического факультета МГУ. За трудовую деятельность в годы войны Лия Семеновна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В мирное время Фришман приравнивали к участникам Великой Отечественной войны.

Интересен факт возвращения ее в Москву. Об этом сообщается в биографическом сборнике, что когда в 1943 г. МГУ вернулся из эвакуации в Москву Лия Семеновна обратилась в правительство СССР с просьбой о продолжении учебы в университете и из Москвы неожиданно пришла телеграмма со штампом «Правительственное» с записью «*Возвращайтесь в Москву для продолжения учебы на историческом факультете МГУ. Вы нужны здесь*», подписанное председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым [1, с.145]. С отличием окончив университет в 1946 г., Лия Семеновна поступает в аспирантуру на восточное отделение истфака МГУ. Кандидатская диссертация «Социально-экономический строй иранских племен в XIX в.» была успешно защищена 15 февраля 1950 г. в диссертационном совете исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Осенью 1950 г. вместе с супругом Яковом Давидовичем, годовалой дочерью Юлией и матерью Фейгой Моисеевной она выехала на новое место работы в столицу Казахской ССР Алма-Ата. С 1950 по 1986 гг. Л.С. Фришман беспрерывно работала преподавателем востоковедом на кафедре всеобщей истории исторического факультета КазГУ им. С.М. Кирова. Лия Семеновна была одним из немногих в Казахстане, кто владел языком фарси. На факультете руководила студенческим научным кружком «История народов Азии и Африки». В кружке участвовали ее дипломники, впоследствии доктора исторических наук, профессор Б.Б. Ирмуханов и К.К. Кожаметов и др., кото-

рые стали преподавателями высших учебных заведений. Не будучи доктором исторических наук и профессором, она как опытный доцент подготовила к защите трех аспирантов (И.И. Гриценко, К.К. Кожаметов, Л.Л. Батурина), которые успешно защитили кандидатские диссертации [1, с.154].

Л.С. Фришман работая на кафедре, занималась научно-исследовательской работой, где приоритетной темой была история Ирана. Как то нам студентам она сказала, что хотя ее кандидатская диссертация не была опубликована в виде монографии, но основные разделы диссертации вышли в формате научных статей в разных изданиях. Публикации Л.С. Фришман нашли место в сборниках МГУ им. М.В. Ломоносова, КазГУ им. С.М. Кирова, в Большой Советской Энциклопедии, в изданиях Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР, в различных журналах и газетах. В 1987 г. в соавторстве с доцентом А.А. Горячевой написала и издала книгу историко-краеведческого жанра «Заря над Семиречьем» об историческом прошлом г. Верный (Алматы) и Семиречья [7]. Как лектор-международник она выступала на Центральном республиканском телевидении, мне один раз удалось увидеть ее по телевизору.

Мы студенты истфака КазГУ слушали курс лекций «История стран Азии и Африки», который вела Лия Семеновна. Для нас она была интересным лектором, лекции были не скучны, мы не отвлекались и были заворожены рассказом о странах и народах Востока и особенно истории Ирана. Иногда она делала паузу и на короткое время вспоминала аспирантские годы, работу над диссертацией и это как-то обогащало в целом занятие. Мне как историку это было очень интересно, когда преподаватель помимо своей дисциплины увлеченно говорит о годах своей жизни в Москве, сокурсниках, ставшими известными в СССР и за рубежом учеными. И действительно, мы впервые узнали, что Лия Семеновна училась не только с дочерью Сталина, но и с сыном ученого, легендарного путешественника, героя-полярника Отто Юльевича Шмидта – Сигурд Оттовичем Шмидтом, а также с известным ученым-востоковедом, впоследствии государственным деятелем, главой правительства Российской Федерации – Е.М. Примаковым. Такие воспоминания увлекали нас, и мы узнавали из первых уст о таких знаменитых людях, с которыми была знакома наша наставница Л.С. Фришман.

Сейчас на расстоянии рубежа двух столетий отчетливо вижу насколько была колоритной Л.С. Фришман. Она была настоящим уни-

верситетским преподавателем, ученым-востоковедом, лектором-международником. Хочется отметить, что помимо профессиональной и научной деятельности Лия Семеновна писала стихи. Так, о работе на военном заводе в годы войны Лия Семеновна написала такие строки:

*«Пошла на завод военный
Оружье ковать для солдат.
Работала по две смены,
Как тыщи других девчат»* [6, с.111].

Как отметили ее дочь Ю.Я. Серовайская и сын С.Я. Серовайский «С юных лет наша мама была, как бы во власти двух муз – музыки истории Клио и музыки поэзии Эрато. Поэтому особая роль в биографическом очерке отводится стихам из ее поэтического наследия» [6, с.101]. О поэтическом даре Лии Семеновны можно узнать из статьи Ю.Я. Серовайской, опубликованной в сборнике статей IX международной научно-практической конференции [8, с.314– 333].

В моей памяти Яков Давидович Серовайский и Лия Семеновна Фришман остались лучшими педагогами и учеными исторического факультета Казахского университета и мне как студенту посчастливилось слушать их уникальные лекции и участвовать в семинарах, которые они вели. Они были уважаемыми преподавателями на факультете, настоящими учеными, с высокими чертами гражданского долга, совести, чести, благородства, внесшими достойный вклад в подготовку высококвалифицированных историков в Казахстане. Светлая память о них навсегда остается в моем сердце!

1. Серовайские. Биографический и библиографический сборник / Автор и составитель Ю.Я. Серовайская при участии Д.Е. Серовайской и С.Я. Серовайского. – Алматы: Оперативная полиграфия, 2018. – 530 с.
2. Яков Давидович Серовайский. Жизненный путь и труды ученого / Составитель Ю.Я. Серовайская. – Караганда: Полиграфия, 2001. – 204 с.
3. Серовайская Ю.Я., Каняшин Ю.А. Яков Давидович Серовайский (1912– 1997) // Новая и новейшая история (г. Москва). – 1999. – № 6. – С.167– 184.
4. История Казахстана. Документы и материалы (1917– 2012). – Алматы: ТОО «Шанырак Медиа». Алматы, 2017. – 320 с.
5. Фришман Л.С. Жизнь под конвоем – воспоминания о Светлане Сталиной // Аргументы и факты Казахстана. – № 15 (99). – 14 апреля 1999.
6. Лия Фришман. Дневник. Летопись минувших событий / Составители: Ю.Я. Серовайская, С.Я. Серовайский. – Алматы: ЛЕМ, 2018. – 172 с.
7. Фришман Л.С. Заря над Семиречьем. – Алма-Ата: Мектеп, 1987. – 193 с. (в соавт. с А.А. Горячевой).
8. Серовайская Ю.Я. Стихи Л.С. Фришман об эвакуации в эвакуации // История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы, 2019. – 594 с.

Биография Г.А. Елизарова как часть истории советских евреев

Ныне имя Гавриила Абрамовича Илизарова (15 июня 1921 г., дер. Беловежа Белостокского воеводства, Польша – 24 июля 1992 г., г. Курган) – советского хирурга-ортопеда, доктора медицинских наук (1968), профессора (1976), академика РАН (1991 г., а члена-корреспондента АН СССР с 1987 г.), Героя Социалистического труда (1981), Заслуженного изобретателя СССР (1985), Заслуженного врача РСФСР (1965), Заслуженного деятеля науки РСФСР (1991), лауреата Ленинской премии (1978) является не только гордостью Курганской обл. (где он стал директором Всесоюзного научного центра восстановительной травматологии и ортопедии, созданного в 1987 г.), но и славой всей отечественной медицины.

Г.А. Илизаров – автор 208 изобретений, защищённых авторскими свидетельствами СССР; 18 из них были запатентованы в 10 странах. Его научные открытия и врачебная практика помогли многим звездам спорта и искусства, политическим и общественным деятелям вновь уверенно шагать по жизни [1].

Путь к победе методики и к созданию «Школы Илизарова» строился на его харизме и:

- прорывался через сопротивление консерваторов от медицины, блокировавших его новаторские разработки;
- географически пролегал через Польшу (и ту его часть, что стала Беларусью), Азербайджан, Крым, Казахстан, Дагестан, а закончился в Сибири – в г. Кургане, где ныне создан Научно-исследовательский Центр восстановительной травматологии и ортопедии им. академика Г.А. Илизарова.

В немалой степени на рождение «феномена Илизарова» повлияла сама социально-политическая ситуация на пространстве огромной страны, бывшей когда-то Российской империей, РСФСР, СССР, а затем Российской Федерацией. Биография Г.А. Илизарова [2] отражает многие перипетии в истории евреев на этом пространстве.

Его отец [3] – тат, родивший в с. Кусар современного Азербайджана (тогда часть Российской империи), которого судьба бывшего бойца Первой Конной армии С.М. Будённого привела – в ходе бесславного «Польского похода» в Белосток [4]. Попытка расширения «зоны социализма» закончилась «Варшавской катастрофой». В результате в июле–августе 1920 г. погибло 25 тыс. красноармейцев и командиров, 60 тыс. оказались в плену, а 45 тыс. оказались интернированы германскими войсками.

Среди «пропавших без вести» оказался Абрам Илизаров, которого втайне приютила ашкеназская семья Розенблюмов в Белостокском воеводстве. Как бы то не было, но хозяйская дочь Голда и «пропавший без вести» Абрам в тех условиях поженились. Брак (не объявляя принадлежность жениха к Красной армии) осветили в синагоге, а родившийся 15 июня 1921 г. Гавриил стал «полноценным иудеем». В семье, где позже появились ещё брат и сестра, соблюдали религиозные традиции, говорили на польском и идиш. Возможно, что отец дал детям какие-то знания по татскому языку, но отсутствие в Белостоке горских евреев минимизировала потребность развивать эти знания.

В 1928 г. семья переезжает в СССР, а многие родственники по материнской линии остаются в польском Белостоке. И это стало их трагедией. Как и всех 56 тыс. евреев этого города, что не успели эвакуироваться в советский тыл или эмигрировать. Они были уничтожены гитлеровцами и их приспешниками в 1941 г.

В конце 1920–1930-х гг. Советский Союз для многих евреев казался если не мечтой о пути к возвращению на землю предков, то достойной «временной заменой». Тем более имена многих советских политиков, военных, учёных, хозяйственных руководителей, деятелей искусства, светил медицины «звучали по-еврейски».

Вовлечённый в это социальное обновление отец – Абрам Илизаров принимал участие в создании колхоза в родном для него с. Кусар [5]. Впрочем, поскольку в селе жили таты, русские, азербайджанцы, армяне, каракалпаки, то «еврейским» колхоз был только по названию и отчётам.

Дети Абрама впервые идут в советскую школу, но старшему – Гавриилу уже около 12 лет. Учиться ему было трудно психологически среди семилетних малышей (что не помешало ему сдавать все предметы). Была для него главная проблема – языковая (она оставалась ещё долгие годы). Но мальчик отличался упорством и за год (!) одолел курс начальной школы.

Следующий этап – семилетка дала возможность в 1938 г. поступить на рабфак Буйнакского медицинского техникума. Но знания всё равно ещё нужно было «подтянуть». За три положенных лет рабфака нужно было выйти на уровень десятилетки. И очень многим, особенно сельчанам и жителям «национальных окраин», приходилось учиться, «сцепив зубы». Помогало преодолевать трудности «студенческое братство», а жизнь, как принято тогда, «коммуной», облегчала быт. Изучение математики, биологии, географии, физики, химии, русского языка дополнялось «историей

классовой борьбы» и диалектическим материализмом, но без них ... никуда в те годы, включая медицину.

Г.А. Илизаров, между тем, проучился на рабфаке только год, сдав все необходимые экзамены. Выбор же стези для Гавриила и его брата определялся, как предполагают, принадлежностью их отца к народным врачевателям. А открывающиеся для советских евреев возможности получить «достойную профессию» приводят будущего хирурга в 1939 г. в Симферопольский медицинский институт им. И.В. Сталина.

Как свидетельствуют очевидцы, учёба уже достаточно взрослому Гавриилу давалась трудно по-прежнему из-за недостаточного уровня знания русского языка. Да и воспринимался он как «типичный кавказский горец», с трудом получающий тройку на очередном экзамене [6]. Но помогала выстоять жажда стать всё же врачом, воплотить мечту родителей. Поэтому он шёл к своей цели упорно днями – в аудиториях и больницах, ночью – с учебниками.

С началом Великой Отечественной войны Симферопольский медицинский институт эвакуируют в Кзыл-Орду. Известно, что в этот город и регион только с 9 августа 1941 г. по 7 февраля 1942 г. было эвакуировано более 30 тыс. человек, в т. ч. 3119 евреев.

В городе к тому времени были развёрнуты госпитали, работали в них великолепные хирурги из разных городов и медицинских школ. Среди них оказалось немало евреев. Это, полагаем, благодаря с детства запомненному идиш, помогло установить человеческие контакты с известными светилами медицины, получить дополнительные разъяснения к терминам на латыни и русском. В вуз стали поступать уроженцы Средней Азии и Казахстана, разнообразя студенческую среду языками, обликами, традициями.

Некоторые из выпускников, получив огромную практику, еще успели показать уровень её овладения в полевых и фронтовых госпиталях. Г.А. Илизаров на фронт не попал, в 1944 г. продолжил обучение в институте, возвращённом из Казахстана в Крым.

1. Брумель В.Н., Лапшин А.А. Не измени себе. – М.: Молодая гвардия, 1980.

2. Сестра Мария, братья Елисей, Исаак (Исай, 1922) и Давид (1924) носили фамилию Елизаровы.

3. Был старшим в семье из шестерых детей.

4. В 1939–1946 гг. дер. Беловежа входила в состав Брестской обл. Белорусской ССР. Ныне дер. Беловеж входит в сельскую гмину Бяловежа Хайнувского повята Подляского воеводства Польской Республики.

5. Нувахов В. Доктор Илизаров / предисл. Ю.А. Сенкевича. – М: Прогресс, 1987. – С.23. (160 с.).

6. Поляков В.Е. Малоизвестные факты биографии хирурга Илизарова // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Емельяновские чтения», посвященной 75-летию создания Курганской области. – Курган, 2018. – С.172.

**К 110-летию со дня рождения отличника
энергетики и электрификации Казахстана
Кейлина Моисея Файтелевича**

Жизнь современного общества невозможна без электроэнергии. Современный Восточный Казахстан – одна из мощнейших энергетических областей Республики. Здесь расположены 9 основных энергетических источников, в т. ч. 5 гидроэлектростанций, 4 крупные тепловые станции с общей установленной мощностью 2076 МВт, идет строительство двух мини ГЭС, действует завод «Солор Силикон» по производству кремниевых пластин для солнечных батарей мощностью 50 МВт в год, реализуются 13 проектов по строительству малых гидро- и ветровых электростанций.

Но как зародилась и развивалась история энергетики региона? Прокладывать первую электролинию в Казахстане электростроителям пришлось через леса и горные реки. Опорные столбы возводились из кругляка, заготовкой которого занимались сами строители: инженеры, энергетики. Строительство линий шло медленно: рабочих рук катастрофически не хватало, выручали местные жители. Рабочие окрестных сел и деревень добровольно выходили на вырубку и обработку леса. И это закономерно, т. к. большинство местных жителей было занято на выработке алтайских рудников, они были заинтересованы в их дополнительной электрификации. Интересен тот факт, что первая гидравлическая станция в дореволюционной России была построена еще в 1892 г. именно на востоке Казахстана – в Зыряновском р-не, на реке Березовка. Это была небольшая, общей мощностью всего 150 кВт Зыряновская ГЭС. Этой мощности, вырабатываемой четырьмя агрегатами, хватало для обеспечения электроэнергией лишь четырех подстанций [1].

Владельцы этой первой восточно-казахстанской ГЭС покинули ее в 1919 г., а перед уходом – вывели из строя, дабы предприятие не досталось большевикам. После этого, как свидетельствуют архивные документы, в 1921 г. владелец риддерских рудников Домненко Елисей высказал идею построить мощную гидростанцию (до 100 тыс. лошадиных сил) для обеспечения бесперебойной работы рудников.

В полную силу энергетика восточно-казахстанского региона начала развиваться после установления советской власти. В 1920 г. правительство молодой советской республики запустило план государственной экономики по электрификации России (ГОЭЛРО), реализация которого, в первую очередь, предусматривала использование

энергетического потенциала восточно-казахстанского региона. Разрозненные энергоисточники, функционирующие по линии различных ведомств (предприятия, железнодорожные станции, рудники, колхозы и совхозы, как правило имели собственную электростанция), объединились в энергетическую систему рудного Алтая.

Главной целью, плана ГОЭЛРО, рассчитанного на 10-15 лет, был запуск электростанций общей мощностью не менее полутора миллиона киловатт. Особая роль отводилась развитию восточно-казахстанской промышленности, т. к. именно этот регион являлся ведущим по запасам цветных и благородных металлов. Реализация данного плана происходила поэтапно, следующим образом [2].

С 1920-х гг. в Восточный Казахстан неоднократно направляются выпускники московского электротехнического института для выбора места под строительство и запуска первой в регионе гидроэлектростанции. Ими же и была основана в 1940-х гг. система «АлтайЭнерго», занимающая ведущую роль в энергосистеме Восточного Казахстана и в настоящее время. Первые энергообъекты были запущены незадолго до войны и бесперебойно, в полной мере, снабжали электроэнергией все предприятия, выпускающие оборонный металл.

Развитие электроэнергетики дало возможность развиваться промышленности. Росло число предприятий, требующих большого количества электроэнергии, мощности станций нарастали. В феврале 1937 г. Была, наконец запущена Ульбинская ГЭС, которая в дальнейшем, сыграла большую роль в энергоснабжении региона в период Великой Отечественной войны [3].

Одним из пионеров, стоявших у истоков становления энергетической системы Восточного Казахстана, был Моисей Файтелевич Кейлин (1910–1980), прибывший в Восточный Казахстан в 1938 г. по направлению Наркомата тяжелой промышленности.

Моисей Файтелевич родился 6 ноября 1910 г. в местечке Толочино бывшей Могилевской губ. Оршайского уезда в семье рабочего винокуренного завода. Его отец до 1916 г. работал там столяром. В 1916 г. семья переехала в г. Тулу, где он устраивается рабочим на Тульский патронный завод также в качестве столяра. В 1918 г. отца Моисея Файтелевича не стало. Семья осталась без средств к существованию, и мать поступила на работу в экспедицию Тульской газеты «Коммунар», где проработала до 1926 г. [3].

В 1925 г. Моисей Файтелевич окончил в Туле единую трудовую школу фабричного заводского ученичества при тульском патронном заводе.

После окончания школы Моисей Файтелевич стал работать на этом же тульском патронном заводе электромонтером энергетического отдела. Именно здесь, еще в 1927 г., будучи простым работником-электромонтером, он и выбрал для себя профессию, с которой связал всю свою жизнь – электроэнергетика. Для этого требовалось необходимое образование. Но оставить работу и продолжать обучение у Моисея Файтелевича возможности не было. Поэтому он, одновременно с работой на заводе, в 1929–1931 гг., учится на вечернем рабфаке [4].

В 1931 г. перспективного рабочего перевели в сектор рационализации завода на должность электротехника. За время работы на заводе он подал несколько рационализаторских предложений по улучшению работы энергохозяйства завода, за что был премирован.

В 1932 г., после окончания рабфака, по ходатайству отдела кадров Тульского патронного завода, молодой рабфаковец был принят на учебу в Московский энергетический институт, а в 1933 г. по распоряжению Наркомата тяжелой промышленности молодой Моисей Кейлин был переведен в Новочеркасский индустриальный институт им. С. Орджоникидзе, который окончил в 1938 г. по специальности: «Производство, передача и распределение электроэнергии». Решением Государственной комиссии от 12 мая 1938 г. Кейлин М.Ф. получил диплом с отличием [5].

Еще, будучи студентом энергетического факультета, Моисей Кейлин премировался, как победитель социалистического соревнования, о чем свидетельствуют биле ты ударника за 1933, 1934, 1935 гг. Кроме этого, 21 ноября 1933 г. ему была вручена Грамота победителя социалистического соревнования за коммунистическое отношение к труду.

После окончания института М.Ф. Кейлин по распределению прибыл в Казахстан на Ульбинскую гидроэлектростанцию, которая в то время давала ток цехам Риддерского полиметаллического комбината и теплом обогревала город и промышленные объекты. За это время молодой инженер проявил себя, как грамотный специалист, знающий сложную схему энергоснабжения, определяющий правильные технические решения ведения эксплуатации электростанции и сетей, вопросов капитального строительства, планирования и перспективного развития энергосистемы. Здесь произошло становление специалиста – от рядового инженера-энергетика до главного инженера ГЭС, внесшего большой личный вклад в развитие Лениногорского каскада ГЭС [6, л.4, 5].

С мая 1941 г. Моисей Файтелевич работает главным инженером Лениногорского энергетического управления «Алтайэнерго». Мень-

ше чем за год, ему удается организовать диспетчерскую службу энергетической системы комплекса.

Уже в марте 1942 г. Моисей Файтелевич назначается на должность главного инженера управления «Алтайэнерго» «Главцинксвинца» и в 1944 г. получает значок «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии» за успешную работу «Алтайэнерго» [7, л.3].

Несмотря на огромные достижения в успешном запуске энергетических станций, даже областной центр Восточно-Казахстанский обл. Семипалатинск, вплоть до 1945 г. испытывал колоссальный энергодефицит. Лишь после войны удалось из разрозненных электростанций создать первую в Казахстане единую энергосистему. Вплоть до 1962 г. вся промышленность города (мясокомбинат, кожевенный и цементный заводы) обеспечивалась семью электропоездами.

В 1946 г. Кейлин М.Ф. назначается руководителем районного управления «Алтайэнерго». В его руках находился главный пульт управления всей энергосистемы области. За годы работы в диспетчерской службе Моисей Файтелевич воспитал десятки квалифицированных специалистов. Немало сил приложил к тому, чтобы энергосистема работала надежно, слаженно и экономично.

19 июня 1947 г., за заслуги в развитии электроэнергетики лучший ударник, отличившийся в социалистическом соревновании Моисей Файтелевич получает Похвальный лист от Наркомата цветной металлургии [6, л.6].

В 1949 г. – новый этап в строительстве энергетических предприятий региона – сооружение Усть-Каменогорской ГЭС. Это мероприятие стало подлинно народным делом. Не обошлось и здесь без корифеев электроэнергетики – Шафика Чокина, Ивана Васильевича Бердуса и Моисея Файтелевича Кейлина. Благодаря их высокому профессионализму уже к середине декабря был поставлен на сушку первый генератор новой ГЭС, а 21 декабря 1952 г. Усть-Каменогорская ГЭС самостоятельно дала первый промышленный ток. С февраля по июнь 1953 г. в работу станции были введены еще два агрегата. В результате ее энергетическая мощность в семь с половиной раз превысила все энергетические мощности Восточно-Казахстанской обл. в целом.

Запуск этой гидроэлектростанции не ограничился только лишь выработкой промышленной электроэнергии. Началась комплексная разработка и использование гидроресурсов Иртыша – реки, на которой построена ГЭС. Было построено крупнейшее в Казахстане Бухтарминское водохранилище, которое стало пополнять рыбные запасы, увлажнять климат.

За успешное, грамотное руководство и реализацию рационализаторских идей, приказом Министерства цветной металлургии в августе 1952 г. Моисею Файтелевичу присвоено персональное звание директора 3 ранга.

Но на этом развитие энергетической системы не остановилось. Бурно строящиеся промышленные предприятия требовали все больше электроэнергии. В директивах XIX съезда КПСС по пятилетнему плану было предложено, наряду с пуском Усть-Каменогорской ГЭС, строительство Бухтарминской ГЭС. Вновь были развернуты подготовительные работы и весны с 1953 г. начато строительство. Уже 14 августа 1960 г. первый агрегат Бухтарминской ГЭС был успешно введен в эксплуатацию. Своей максимальной промышленной мощности станция достигла в 1969 г., когда был запущен ее девятый агрегат. Всего лишь за четверть века Алтайская энергосистема увеличилась в 28 раз, а выработка электроэнергии – в 48 раз.

Мощная энергетическая база позволила значительно расширить освоение природных богатств Рудного Алтая, построить много новых предприятий различных отраслей народного хозяйства. Моисей Файтелевич Кейлин в эти годы был награжден нагрудным знаком «Строителю Бухтарминской ГЭС» [7, л.3–5].

Постановлением бюро Восточно-Казахстанского промышленного обкома КП Казахстана от 13 августа 1963 г. Кейлин М.Ф. был утвержден управляющим районного управления «Алтайэнерго». Как мы видим – большая часть трудовой жизни Моисея Файтелевича – это работа на руководящих должностях. Но при этом Моисей Файтелевич не был просто, кабинетным начальником: он постоянно вникал в производственную деятельность предприятий энергосистемы, вносил свой вклад в развитие электроэнергетики. Под его руководством план выработки электроэнергии Алтайской энергосистемы в годы семилетки был выполнен на 100,2% [8, л.1, 2].

Личным примером, знаниями и опытом Моисей Файтелевич внес значительный вклад в строительство и развитие Алтайской энергосистемы: Лениногорской, Усть-Каменогорской и Согринской ТЭЦ, Усть-Каменогорской и Бухтарминской ГЭС, строительство линий электропередач и тепловых трасс, вывод энергосистемы в Алтайский край и соседние регионы.

Правительство высоко оценило труд Моисея Файтелевича, наградив его правительственными наградами: медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» (1947 год), «За трудовую

доблесть», Почетными грамотами Восточно-Казахстанского обкома Компартии Казахстана.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 октября 1966 г. М.Ф. Кейлин получил орден Трудового Красного Знамени [8, л.4]. 19 декабря 1968 г. был награжден нагрудным значком «Отличник энергетики и электрификации СССР».

Главная награда, почетное звание «Заслуженный энергетик Казахской ССР» была вручена Моисею Файтелевичу в 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета КазССР. Постановлением бюро Восточно-Казахстанского обкома КП Казахстана от 20 мая 1973 г. М.Ф. Кейлину было присвоено персональное звание почетного пенсионера [6, л.2].

Моисей Файтелевич прожил всего 70 лет. Несмотря на тяжелейшие условия труда в годы войны и послевоенного тотального дефицита, активная жизненная позиция позволила ему из небольших, разрозненных энергетических предприятий, построить мощнейшую энергосистему, которая продолжает успешно функционировать и развиваться и настоящее время.

1. [Электронный ресурс] Исакова Б.М. «История развития энергетики Восточно-Казахстанской области». URL:<http://collegu.ucoz.ru/publ/24-1-0-4161> (дата обращения 17.08.2020)
2. Дурново И.В. «История энергетики Восточного Казахстана в лицах. Моисей Файтелевич Кейлин, Иван Васильевич Бердус» // Ползуновский альманах, – №2, 2011, – стр.18–21.
3. [Электронный ресурс] Куценко В.М. «Сооружение малых и мини ГЭС на реках Восточного Казахстана // «Энергетик-К2», 2008, – стр. 6. URL:<http://collegu.ucoz.ru/publ/24-1-0-4161> (дата обращения 05.08.2020)
4. ГА ВКО. Ф.79. Оп.1. Д. 2. Л.1.
5. Там же. Д.15. Л.2.
6. Там же. Ф.1-п. Оп.2. Д.857.
7. Там же. Ф.79. Оп.1. Д.3.
8. Там же. Д.7.

Мананникова Л.Б.

А в памяти моей такая скрыта мощь...

Заслуженный деятель искусств Казахской ССР Абрам Львович Мадиевский [1] работал главным режиссером алматинского ТЮЗа 4 сезона – с 1958 по 1961 гг., затем – продолжительное время – главным режиссером театра им. Лермонтова [1962–1969].

Мадиевский поставил на сцене театра более 10 спектаклей. Среди них – такие значительные и интересные работы, как «Именем революции» Михаила Шатрова, «Пароход зовут «Орленок» Александра Галича, «Юность отцов» Бориса Горбатова, «Такая любовь» Павла Когоута, «Дальняя дорога» Алексея Арбузова.

Спектакль «Юность отцов» о деятельности комсомольского подполья в революционные годы сыграл очень большую роль в моей жизни.

Именно тогда я окончательно и бесповоротно влюбилась в главную героиню спектакля – Наташу Логинову и актрису Викторию Тикке (1925–2015 г., Нью-Йорк, США)^{1*}. В годы Великой Отечественной войны служила в артиллерийской разведке. В 1950 г. окончила Ленинградский театральный институт. В 1954 г. – актриса Кировского театра драмы. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. играла в Алма-Атинском ТЮЗе. В 1964 г. актриса Алма-Атинского русского театра. В 1990-е гг. вместе с мужем, режиссёром А. Мадиевским, эмигрировала в США) [2].

Я была типичной советской школьницей, воспитанной на советской идеологии, и время от времени думала: «Какое счастье, что я родилась в СССР, а не где-нибудь в Америке...» История комсомольского подполья, судьба комсомолки Наташи, повешенной белогвардейцами, меня и моих сверстников трогали до слез.

До сих пор я помню наизусть стихи подзабытого ныне прекрасного поэта Михаила Светлова, которые звучали в спектакле.

Под пули, под грохот орудий,
Под свист нескончаемых вьюг
Семнадцатилетние люди
Выходят из дряхлых лачуг.
Сраженьями юность гремела,
И я обращаюсь к стране:
Выдай оружие честным и смелым
И в первую очередь – мне...
...Шумит над нами время боевое,
Прифронтовой линией летя,
Мы будем жить легендой молодою
И через год, и двадцать лет спустя...

Потом, когда в ТЮЗе ставился спектакль «Безумству храбрых поем мы песню», посвященный столетию ВЛКСМ, и я писала для него сценарий, я включила в спектакль эти стихи и отрывки из спектаклей Мадиевского.

Можно, конечно, с высоты сегодняшнего дня критиковать заидеологизированность того времени, но, думаю, в отсутствии искренности нельзя было обвинить ни актеров, ни зрительный зал. Мы всем сердцем воспринимали события уже далекой от нас Гражданской войны,

^{1*} Советская театральная актриса.

но хочу отметить: несмотря на светловскую романтику «огня и винтовки», большинство из нас не выросли агрессорами. Мы выросли нормальными людьми с твердыми понятиями о дружбе, чести, совести, верности. Потому что это все было и в стихах Светлова, и в тюзовском спектакле.

Я и сегодня не сомневаюсь, что «Юность отцов» сезона 1960/1961 г. А.Л. Мадиевский поставил искренне и талантливо. Иначе почему этот спектакль оставил столь незабываемый след в душе 11-летней девочки?

Такая любовь!

Из всех поставленных Абрамом Львовичем спектаклей, без сомнения, выделяется «Такая любовь» Павла Когоута. К сожалению, в детстве я этот спектакль досмотрела только до антракта – папа увел меня со второго действия, так как решил, что спектакль слишком взрослый. Если бы он мог видеть, что сегодня смотрят наши дети по телевизору!

«Пьеса чешского драматурга, несмотря на свой трагический финал, прозвучала торжествующей песней высокой и чистой любви, суровым безоговорочным приговором ханжеству, мещанству, равнодушию, – писали газеты. – Свежестью и выразительностью отличается игра В. Тикке в роли Лиды Матисовой. Этот сложный и противоречивый женский характер, сочетающий в себе тонкие и разнообразные психологические черточки, передан артисткой обаятельно.

Спектакль получился новаторским во всех отношениях: по постановке проблемы, по драматургическому строю, по режиссерскому решению и развитию сценического действия.

Великолепны декорации, изображающие Прагу, созданные художником Ненашевым. Они не только блестящи по живописной технике, по колориту, они несут в себе идею пьесы. Суровая готика зданий, башен, мостов подавляет своим величием маленьких на этом фоне людей, которые часто повторяют: «Мы живем не в средние века, – а на самом деле не освободились еще от пережитков прошлого» [3].

Абрам Львович Мадиевский, став главным режиссером детского театра, сразу же неимоверно поднял его «планку». Привнес в уже сложившийся до него театральный коллектив академический уровень. Это был режиссер интеллигентный, очень высокой пробы. Многие актеры при Мадиевском в себя поверили, взглянули на себя, на свое искусство другими глазами.

Мадиевский, не скрывая своих мыслей, говорил, что ТЮЗ может стать стартовой площадкой для каждого актера, и это, действительно,

было так. Долгие годы Театр юного зрителя растил кадры для Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова, давал начинающим артистам путевку в большое искусство.

«Когда пришел в театр Абрам Львович Мадиевский, – рассказывала мне профессор КазНУ им. аль-Фараби Светлана Михайловна Сагалович, – он сразу поразил Алма-Ату своим дебютом. Это была знаменитая пьеса, прошедшая тогда по сценам мира, – «Такая любовь». Мы все давно не видели спектаклей подобной глубины, таких ярких актерских ролей. Именно в то время выделилась плеяда актеров, которая сразу завоевала Алма-Ату. Многие вещи, поставленные Мадиевским, остались в золотом фонде театра. Мадиевский вообще любил все масштабное, после его спектаклей многие актеры делали свой первый шаг к звездности. А как он умел работать с актерами! Это была для них колоссальная школа!»

Детские спектакли

...Если говорить о детских спектаклях, то во времена Мадиевского в ТЮЗе с успехом шел спектакль «О чем рассказали волшебники».

В памяти до сих пор остались «буйные волны» бело-голубого полотнища, среди которых нырял корабль. Яркие краски, праздник...

«Какой простор открывается художнику для фантазии, творческого воображения ребят! – писала в то время газета «Ленинская смена» – Все условно: вот в красочные кубики, из которых на глазах у зрителей громоздятся скалы, втыкаются три зеленых флажка – и пальма готова. Очень удался В. Мельникову доктор Айболит, полный мягкого юмора. Великолепны и другие персонажи: собака Авва – Н. Велитченко, кокетливая музыкальная свинка – Г. Тхоржевская, великолепный конь с вороной гривой – Г. Листопадов, злой разбойник-бармалей – В. Незлученко. Как сердечно не поблагодарить художника Федора Ткаченко, превратившего картон, фанеру, краски, шелк и другие ткани в такие жизнерадостные декорации и костюмы!»

ТЮЗ того времени выдвинул традицию, которой позавидовали бы актеры всех театров и времен. В этот театр ходили не просто на спектакли, которые были качественными, и которые было очень интересно смотреть, зрители ходили туда еще и на любимых актеров. В конце года в театре проводился конкурс «Актер года» – за лучшего актера голосовали зрители.

Наша переписка

...Режиссер «Юности отцов» и главный режиссер театра Абрам Львович Мадиевский, моя любимая артистка Виктория Ивановна

Тикке последние годы жизни жили в США. Таковы парадоксы нашего времени. Вероятно, у них были свои причины оказаться именно там, и надеюсь, что они в далекой стране если не были счастливы, то довольны и спокойны. Я представляю, как в том далеком далеке Виктория Ивановна перебирала свои старые альбомы с фотографиями и вспоминала, вспоминала...

Абрам Львович Мадиевский умер 27 августа 2014 г. в Бруклине.

До последнего времени он поддерживал с нами связь, звонил из Америки, поздравлял с праздниками.

...Только недавно мы поздравляли Абрама Львовича с 90-летием, и вот такое событие. Что ж, время берет свое. Долгая и, хочется надеяться, его счастливая жизнь прожита. Хотя, конечно, очень грустно, ведь с людьми, знаковыми для нашего детства и юности, уходит и частичка нашей жизни.

Через некоторое время после выхода в свет моей книги «Я родом из ТЮЗа» [4], посвященной истории Театра для детей и юношества Казахстана, мне позвонила Ната Феликсовна Бычук, много лет проработавшая зав. педагогической частью театра, впоследствии – администратор Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова и сказала: «Люда, ко мне заходила Нина Бендицкая, бывшая студентка режиссерского факультета, ученица А.Л. Мадиевского, она отправляет посылку в Америку, в Бруклин – у Виктории Ивановны Тикке – юбилей. Может, отправим ей твою книгу?»

Сказать, что я согласилась отправить книгу, ничего не сказать. Я была счастлива.

Написала на книге теплую дарственную надпись и на всякий адрес сообщила адрес своей электронной почты, не слишком рассчитывая на ответ.

Но через некоторое время получила письмо. Писала дочь Абрама Львовича и Виктории Ивановны – Елена. Родители посылку получили, книгу прочитали, очень довольны, благодарят, Абрам Львович пишет письмо, которое она скоро пришлет мне.

Я, действительно, получила несколько писем по электронке от Абрама Львовича и по почте – от Виктории Ивановны.

Мне было интересно узнать, как в дальнейшем сложилась их жизнь, ведь с того времени, как они уехали из Алма-Аты, прошло более 35 лет.

«Мы получили Вашу книгу «с лица не общим выраженьем», – написала Виктория Ивановна, – светлую, наивную и искреннюю, что

редко встречается в литературе. От актеров и деятелей театра мало что остается: пленки, рецензии, но кто будет в них рыться? Я сейчас как раз разбираю присланный из Ленинграда архив: рецензии, фотографии, режиссерские экземпляры пьес. Много альбомов из последних флотских театров – Германия, Чехия, Венгрия и так далее. Метровые портреты, которые висели в театре – разместили в прихожей – рядом с древом жизни Мадиевских».

Далее Виктория Ивановна рассказывает о своих внуках, правнуках, о том, как складывается их жизнь. Мне кажется странным слово правнук, ведь передо мной всю жизнь Виктория Ивановна – прекрасная женщина чуть за тридцать из середины прошлого века.

Но что поделаешь, жизнь идет – сама я уже тоже давно не десятилетняя девочка. Но все же, но все же... В ответ на мои слова о том, что моя мама – участник войны, Виктория Ивановна пишет о том, что она три года была на фронте – с 16 до 19 лет – до Победы. «По накалу патриотических чувств – это было самое чистое и душевно-приподнятое время. Воевали все мои родственники – отец, мать, старшая сестра». Еще один штрих к биографии актрисы! [5]

Не удержусь от того, чтобы процитировать и письмо Абрама Львовича: «Дорогая Людмила Борисовна! На днях выпускница режиссёрского факультета 1969 г. Нина Бендицкая прислала нам Вашу книгу «Я родом из ТЮЗа» с Вашей очень тёплой дарственной надписью. Для нас это явилось неожиданным и прекрасным подарком. Замечательно, что в Алма-Ате есть человек, который столько лет бережно хранит в памяти воспоминания об актёрах и режиссёрах своего любимого театра. Поверьте, что для нас это очень волнительно и трогательно. Мы работали во многих других театрах, судьба бросала нас по всем просторам страны, по всем морям и океанам. Наконец, 10 лет назад вынесла с родными на берег Атлантического океана, в Нью-Йорк. У нас остались только воспоминания, и мы их трепетно храним. Действительно, как Вы пишете, часто перебираем театральные фотографии, программки и вспоминаем, вспоминаем... Алма-Атинский ТЮЗ у нас на первом месте, мы его всегда любили и гордимся тем, что в нём есть частица нашего творчества.

Спасибо огромное Вам, Людмила, за Вашу талантливую книгу, за добрые слова о театре и о нас, грешных. Нам с Викторией Ивановной, не скроем, это очень приятно. Всегда любим и помним Галину Юрьевну (*Г.Ю. Рутковская – долгие годы работала заведующей педагогической частью ТЮЗа – Л.М.*), Наташу Бычук – передайте, пожа-

луйста, нашу любовь и наши приветы и им, и всем, кто нас помнит. С глубоким уважением, Абрам Львович Мадиевский и Виктория Ивановна Тикке. Будьте счастливы!»

И еще одно письмо я получила уже после того, как я послала в Америку нашу с Л.Ю. Гиршем книгу «Сквозь пламя войны» [6]. «Дорогая Людмила Борисовна, от нас обоих передаю Вам глубочайшую благодарность за Ваши хлопоты, за Ваши книги – мы их на удивление быстро получили. Спа-си-бо! Вы – молодец, и как журналист и как замечательный человек! От всей души желаем Вам не успокаиваться, писать и дальше умные, добрые, талантливые книги! Радуйте и взрослых, и детей прекрасными сказками! А за увековечение ратных дел мамы и папы Вам – низкий поклон! Одну из книг тюзовских дадим обязательно внучке Лёвы Боксермана – Ане (*Л. Боксерман – талантливый актер ТЮЗа, а затем театра им. Лермонтова, рано ушедший из жизни – Л.М.*), она живет в Нью-Йорке, другую уже дал Лене, она Вас благодарит. Вашей замечательной маме желаем здоровья и долгих, спокойных лет жизни! В годы нашей работы в Алма-Ате мы очень дружили с Львом Новаком, знали всех его родных и, конечно, маленького Сашу и его сестру – Инну. Дружили домами, были вместе и в горе и в радости. Поэтому с большим волнением читали статью Саши об отце – это живой мостик из 1960-х (*Л. Новак – легендарная личность в г. Алма-Ате, долгое время работал директором домостроительного комбината – Л.М.*). Передайте также привет Наташе и Борису Соломоновичу (Б.С. Абрамович – известный деятель театра и кино – Л. М.) и, конечно, всем, кто нас помнит. Мы всегда с благодарностью вспоминаем Алма-Ату и нашу работу, наших прекрасных друзей. Обнимаем Вас, приезжайте в гости, очень будем рады Вам. Виктория Ивановна и Абрам Львович».

1. Мадиевский Абрам Львович (2 февраля 1924, Гомель, СССР – 27 августа 2014, Бруклин, Нью-Йорк, США). Театральный режиссер. Заслуженный деятель искусств Казахской ССР. [Электронный ресурс] Абрам Мадиевский. Биография. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/m/348292/bio/> (дата обращения 01.08.2020). С 1931 г. жил в г. Ленинграде, в 1941 г. поступил на актерский факультет Театрального института им. А.Н. Островского. В период блокады работал на факультете. В июне 1942 г. был эвакуирован в Нижний Тагил, работал на военном заводе. В 1944–1947 гг. учился в актерской студии Ленинградского Нового театра, в 1947–1952 гг. – на режиссерском факультете Ленинградского театрального института. В 1952–1958 гг. – режиссер в драматических театрах гг. Ульяновска, Кирова, Орджоникидзе. В 1958–1969 гг. жил в Алма-Ате, где последовательно возглавлял ТЮЗ, Казахский академический театр драмы им. М. Ауэзова, Русский академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова. Одновременно в 1959–1969 гг. преподавал режиссуру в Казахском театральном институте. В 1969–1972 гг. работал на кафедре режиссуры Института культуры им. Н.К. Крупской в г. Ленинграде. В 1972–1978 – главный режиссер Театра Северного флота (г. Мурманск), в 1978–1985 – Театра Краснознаменного Тихоокеанского флота. Заслуженный

деятель искусств Казахской ССР (1963). Государственная премия им. К. Байсеитовой Казахской ССР (1967). С середины 1990-х гг. жил в Нью-Йорке(США). [Электронный ресурс] Российская еврейская энциклопедия. Категория: персоналии. URL: http://www.rujen.ru/index.php/%D0%9C%D0%90%D0%94%D0%98%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC_%D0%9B%D1%8C%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 01.08.2020). «Однажды в институт пришел студент Абрам Мадиевский, у которого накануне умер отец. Он пришёл за хлебными карточками и, обессиленный, опустился на стул. Его рот открыт, он машет руками, хочет встать со стула и не может. Ему дают две тарелки супа, пару микроскопически маленьких котлет. Он торопится, ест, почти не прожёвывая. Еда не спасает его, он теряет сознание. Друзья на руках относят его в кабинет директора. Серебряков звонит куда-то, ему удаётся добыть место в госпитале. Это пребывание в госпитале помогло Мадиевскому сохранить жизнь». [Электронный ресурс] А.Хаславской «Уходили, уходили, говорили: «Ну пока!» – сага о военных: блокадных, эвакуационных днях Театрального института им. А.Н. Островского. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/9/in-opposite-perspective-9-4/uxodili-uxodili-govorili-nu-poka/> (дата обращения 01.08.2020).

2. [Электронный ресурс] Тикке В.И. Биография. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/w/sov/406316/bio/> (дата обращения 01.08.2020).

3. Владимирова «Спектакли о первой любви» // «Алма-Атинская правда», – 18 марта 1959 г.

4. Л. Маннанникова Я родом из ТЮЗа. – Алматы, 2010. – С. 124–125.

5. В. Тикке: «Уже затронув ее Величество Войну, хочется реально оценивать себя в ней, никаких героических поступков или особых тягот у меня не было. В армию привез папа – военный инженер 2 ранга. Он в мае 1942 г. через Ладогу привозил новое вооружение, заехал домой (мама и старшая сестра были мобилизованы в марте), увидел меня – дистрофика – и увез подкормить из своего пайка на время командировки. Артиллерийская разведка, в которой я служила, интеллигентные войска – топография, фотосъемка, звукоразведка. У меня была редкая юношеская фотографическая память. Своеобразный компьютер. Так что я не зря ела солдатский хлеб – 800 граммов и 2 раза в день горячую кашу. Пища не то что богов, а во спасение!... Рядом нашей землянкой была редакция армейской газеты, где служили ленинградские поэты – Вадим Шефнер, Михаил Дудин, Николай Глейзаров. Вечерами они заглядывали к нам в землянку – почитать свои новые стихи, вспомнить классиков. Нас было 4 женщины, среди них Полина Каганова, тоже писавшая стихи, они публиковались в газете. После войны Полина выпустила книгу «Солдат запаса». Полина – самая первая моя подруга на всю жизнь». [Электронный ресурс] Л. Маннанникова «Послесловие к одной книге. URL: <http://collegu.ucoz.ru/blog/2007-06-29-67> (дата обращения 01.08.2020). [Электронный ресурс] Поэтесса, красавица... URL: <https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/evrei-na-vojne-leningrad-poetessa-polina-kaganova.html> (дата обращения 01.08.2020).

6. «Сквозь пламя войны» – Алматы, 2005 – С.522.

Боксерман-Михайлова И.Л.

Вспоминая актера ТЮЗА Льва Эльевича Боксермана

В 2019 г. исполнилось 40 лет, как моего папы, Льва Эльевича Боксермана (25 июля 1924 – 8 августа 1979), не стало. Нет. Он есть. Я знаю это по тому, как при упоминании его имени оживляются глаза знавших его людей. Я мысленно разговариваю с ним, согласую свои решения (а как бы он?...). Я просто не могу подержать его за руку, прильнуть к нему и ощутить уютное чувство защищенности.

Папа родился в Украине, в небольшом местечке Ладыжино, в еврейской семье. Родители его были почти неграмотными.

Отец, Элик Лейбович, был высококлассным маляром (в те годы ремонт требовал не только ремесленных навыков, но и художественного чутья и вкуса.) Он говорил по-русски с сильным акцентом и писал по диагонали со множеством ошибок.

Дедушка сам выучился играть на мандолине и пел очень проникновенно, чисто, дребезжащим голосом. Моя бабушка, Сура Ирьевна Дашевская, посвятила себя семье. Тихая, мудрая, со врожденным чувством собственного достоинства и внутренней культурой. Они обожали своего единственного сына Левочку и мечтали, чтобы он стал слесарем-сантехником. Но Левочка увлёкся театром и упорно не хотел слышать о настоящей специальности и хороших заработках.

В 1941 г. семья Боксерманов была эвакуирована в Ташкент. Папа осуществляет свою мечту и в 1946 г. поступает в Ташкентский государственный институт театрального искусства (ГИТИС), чем, поначалу, очень огорчает своих родителей. Со временем они смирились и даже стали гордиться своим сыном—Артистом.

В Ташкенте папа знакомится с моей мамой, Галиной Анатольевной Вяткиной, студенткой-выпускницей педагогического института. И теряет голову. Ещё бы! Мама была очаровательна: шатенка с зелёными глазами, с фигурой статуэтки, умевшая сделать, как «настоящая женщина из ничего – яичницу, шляпку и семейный скандал». Через месяц знакомства папа сделал предложение, и они сыграли студенческую свадьбу. Мама окончила институт раньше и уехала к родителям в Алма-Ату.

Рассказывали, что, когда я родилась, папе предстояли Госэкзамены и, получив телеграмму о моем рождении, вся группа всерьёз и надолго «загудела». Да так, что экзамены оказались под угрозой. К тому же, они пили пиво, переходя от одной пивной бочки к другой, и даже за чем-то украли у кого-то чайник. Чайник позже вернули, но скандал все равно разгорелся. Всю компанию разбирали на собрании и чуть не исключили из института. Но прониклись ситуацией и все обошлось.

В ГИТИСе папа учился с Борисом Зайденбергом, Романом Ткачком и Леонидом Броневым, которые позже стали звёздами. Интересно, как бы сложилась его творческая судьба если бы он имел возможность выбора?

Распределение папа попросил в Алма-Ату, где его ждали жена, крошечная дочь и алма-атинский ТЮЗ, основанный Наталией Сац.

Стать в 22 года отцом немудрено, но стать ответственным отцом и, к тому же благополучно влиться в сложившуюся труппу театра, не

каждому под силу. Но Лев Боксерман справился. Отцом он был трепетным, что не часто бывает в 22 года. Каждое утро до репетиции он бегал на молочную кухню за детским питанием и даже отморозил уши, т. к. зима в тот год стояла свирепая, ну а с ТЮЗом взаимоотношения сразу сложились на редкость благополучно и появляется вереница чудесных образов. Самые любимые из моего детства: Фердинанд из спектакля «Коварство и Любовь», Сказочник из «Снежной королевы», Артур в «Оводе», Принц в «Золушке». Когда состоялся Валентин Листовский в «Аттестате зрелости» Л. Гераскиной, я была слишком мала, но всю жизнь слышу восторги тех, кто видел папу в этом спектакле. По мнению профессора КазГУ С.М. Сагалович: «Роль Листовского – прекрасная роль Льва Эльевича! Этот человек, я бы сказала, был из плеяды актеров-романтиков. Он был любимцем алма-атинской публики».

Алма-атинский ТЮЗ – это мое счастливое детство, молодость родителей и чудесная послевоенная Алма-Ата.

В театре было две труппы: русская и казахская. Я знала наизусть все спектакли, не только русские, но и казахские, хотя не знала языка. Просто казахские спектакли и казахские артисты были настолько яркие, что все было понятно без слов.

В 1963 г. папа переходит в Академический русский театр драмы им. Лермонтова. Тут появляются Эдмонд («Король Лир»), князь Юсупов («Заговор императрицы»), Дон Хуан («Раба своего возлюбленного»), Ришелье («Три мушкетёра») и ещё много ярких образов. Их около ста. Надо сказать, что папа всегда очень ответственно относился к работе над ролью. Я помню, когда он репетировал Свердлова в спектакле М. Рогового «Победитель», вся наша квартира была завалена книгами о Свердлове и о том времени. С приближением премьеры он всегда нервничал и даже немного паниковал. Всегда было «все плохо и ничего не получается», и только после нескольких премьер он начинал успокаиваться.

Кое-кто упрекал его в том, что он разменивается, участвуя в новогодних ёлках и в передачах радио и телевидения. Вот как об одной из таких передач вспоминает писатель, член Союза писателей, Союза журналистов Адольф Арцишевский: «Как-то мне довелось заинтересовать редакцию литдрамы отрывком из романа, которому чиновники от литературы не давали ходу. Героем отрывка был человек из народа, его непутевая судьба не совмещалась с эпохой и всеобщим движением жизни. Был он косноязычен и неловок, но искренен и честен [...] Я панически боялся, что текст будет читать опытный декламатор,

и мои простые слова и сокровенные смыслы утонут в потоке трескучих интонаций. Голос был простой, даже простецкий, он доверительно рассказывал историю бестолковой жизни непутевого человека, но столько в голосе том было участия, тепла, сердечной боли, что я и сам как бы увидел заново придуманного мной героя. В конце передачи было сказано, что читал заслуженный артист республики Лев Боксерман. Как, откуда в этом утончённом, даже рафинированном человеке, интеллигенте такое сердечное проникновение в простой характер человека из народа!?»

Конечно, кроме профессионального интереса в этом виде деятельности, был и «коммерческий» интерес. Актеры никогда не могли похвастаться большими зарплатами. Надо сказать, что в те годы у нас с папой были одинаковые зарплаты: у меня, девочки-студентки консерватории им. Курмангазы, подрабатывавшей концертмейстерством на вокальной кафедре, и у него, уже заслуженного артиста. Почему-то считалось, что актеру творческое удовлетворение должно заменять деньги.

От своего отца папа унаследовал абсолютный слух и принципиальное игнорирование знаков препинания. При этом он писал грамотно и неплохо «владел пером».

В 1970 г. он организовал группу единомышленников, и они выступали с лекциями от общества «Знания». Это были лекции-концерты. В них биографические и исторические зарисовки чередовались с музыкой и поэзией. Сценарии писал папа.

Многие актёры в своих воспоминаниях жалуются на то, что из-за профессии у них не всегда получалось уделять достаточно внимания своим близким, особенно детям. Ни я, ни мама никогда не ощущали недостатка внимания с папиной стороны. Он успевал все: увлечённо работать, заниматься общественными делами, встречаться с друзьями, вникать в мои возрастные проблемы и рефлексии и не гнушался заниматься бытовыми мелочами.

Я очень любила наши поздние ужины. Папа приходил после спектакля, мы сидели на кухне, обсуждая прожитый день. В нашей семье считалось естественным интересоваться делами друг друга. Мама преподавала русский язык и литературу в школе. Она часто устраивала литературные вечера, в которых папа принимал активное участие. Ну как же?! Пришёл в школу известный актёр, читает стихи и отрывки из пьес. Все слушают, открыв рот, и невольно влюбляются в литературу и русский язык. В моей школе папа тоже помогал ставить

спектакль. Не помню какой, но то, что мои одноклассницы были в него влюблены – факт. До сих пор вспоминают. Да он и сам получал удовольствие от процесса.

Папа не отличался классической красотой, но в нем была «порода» в сочетании с обаянием, умом и чувством юмора. Он удивительно элегантно умел носить вещи, был прост в общении и непритязателен в быту. О нем говорили: «актёр с грустными и добрыми глазами», но часто в этих глазах появлялись смешинка и хитринка. Он был очень остроумным. В театре устраивались знаменитые театральные капустники, в которых папа активно участвовал. Он писал стихи и тексты, переделывал песни и фонтанировал идеями.

Я уже писала, что папа от природы был музыкальным, обладал абсолютным слухом и отличным чувством ритма. Помню, когда мне было лет 5–6, мы с папой развлекались тем, что я пела, а он аккомпанировал мне на ... табуретке. Это были сложнейшие и разнообразнейшие ритмические рисунки. Даже тогда я понимала, что делал он это виртуозно.

Вообще, почти все люди в детстве проходят через увлечение процессиями. Папа, до того, как заинтересовался театром, мечтал быть дирижером. Если бы только у его родителей была возможность дать ему музыкальное образование!

Ещё он прекрасно танцевал. Вообще, он был многоплановый актёр. Ему одинаково удавались роли любовников, героев, подонков, принцев и комических персонажей. Особенно я люблю его в музыкальных спектаклях. Незадолго до его болезни театр поставил водевиль «Тифлисские свадьбы», где папа играл Акопа, а замечательная Лия Нэльская – Хануму. В этом спектакле у него было много сольных вокальных и танцевальных сцен, и каждый раз они заканчивались громом аплодисментов. На мой взгляд, спектакль был великолепный и легко мог соперничать с «Ханумой» БДТ.

Папа обладал организаторскими способностями и ему предложили возглавить Целиноградский театр. Это была возможность попробовать себя ещё в одной роли. Он принимает предложение, но, под воздействием эмоций, неточно просчитывает перспективу. Я слышала мнение, что он вернулся, т. к. не справился с этой работой. Это не так. Дело в том, что в то время я училась в 5 классе Республиканской музыкальной одиннадцатилетней школы при консерватории им К. Байсеитовой. Мама оставалась со мной. Папа курсировал

между гг Целиноградом и Алма-Атой^{1*}. Надо было решать: либо забирать меня из школы и всем переезжать в Целиноград, либо маме ехать к мужу, а меня определять в интернат при школе. Мои родители «выбрали» меня, за что я им очень благодарна. Папа ради меня пожертвовал карьерой и через год вернулся в Алма-Ату.

Папа умел дружить. Он не выбирал друзей по принципу полезности. Он дружил с душой. Самым близким его другом был Борис Соломонович Абрамович. Смолоду и до последнего вздоха. Это была братская дружба.

Вообще у моих родителей был обширный круг общения. У нас в доме часто собирались особенные люди: Абрам Львович Мадиевский – прекрасный режиссёр и человек, его супруга, актриса театра Виктория Ивановна Тикке, театральный режиссёр и философ Александр Александрович Пашков и его супруга Ида Леонидовна, директор оперного театра Горский Виктор Владимирович и его жена балерина Галия Харасовна Урманова, режиссёр телевидения Юрий Сацук и его жена – балерина Милитина Петровна Габель, поэтесса Руфь Тамарина. Все эти люди много сделали для культуры Казахстана.

Эти встречи-застолья, конечно, проходили неординарно. Виктория Тикке читала стихи и пела песни гремевших тогда и запрещённых В. Высоцкого и Б. Окуджавы. Александр Пашков философствовал на всевозможные темы. Руфь читала свои великолепные стихи, пела тюремные песни и рассказывала истории из жизни ГУЛАГа (она была репрессирована трижды). Мы, дети, заморожено впитывали каждое слово. Заканчивались взрослые посиделки всегда одинаково: я садилась за фортепиано, и мы с Леной Мадиевской на два голоса пели «Тбилисо» на грузинском и на русском языках. Скажу без ложной скромности – звучало симпатично. Без нашего «Тбилисо» никто не расходился.

В начале 1970 гг. театр собрался ставить пьесу Александра Галича «На семи ветрах». Галич приехал в Алма-Ату. Это было событием! Тогда уже набирало обороты гонение на него. Была организована встреча с труппой (мне посчастливилось там быть). Этот вечер записали на магнитофон, и все действующие лица получили (какое счастье!) бабину с записью голоса Галича. Запись получилась не очень чистая, и мне пришлось многие слова «расшифровывать». Сейчас, наверное, трудно понять, что мы чувствовали, но если представить, что тогда не было интернета, и ни на радио, ни на телевидении услы-

^{1*} Ныне г. Нур-Султан и Алматы.

шать его было невозможно, то наши чувства станут объяснимы. Это мероприятие организовывалось подпольно, но КГБ все равно о нем донесли. Все прятали эти кассеты, некоторые даже их уничтожили. Организаторов встречи вызывали «на ковер».

На другой день у нас дома собрался узкий круг друзей, и был Галич. Я вижу его так, как будто это было вчера. В нашей крохотной квартирке на ВДНХ он казался великаном. Черноволосый красавец. «Промолчи – попадешь в богачи. Промолчи – попадешь в первачи. Промолчи – попадешь в палачи. Промолчи, Промолчи, Промолчи». Его песни будут всегда актуальны, и каждое время будет открывать в них новые смыслы.

Папина болезнь обрушилась на нас как «гром среди ясного неба». Он никогда не болел и в то, что эта болезнь настигла его в 48 лет, невозможно было поверить. В то время я уже жила в Москве, и уже была на свете страстная папина любовь – внучка Аня. Он был весь в этой любви: эмоциональный, нежный, заботливый, сентиментальный. Он мечтал увидеть ее взросление. Он очень хотел жить. В нем ещё было столько неизрасходованной энергии, идей, интересов, любви. Он боролся за жизнь 4 года. 4 года страшных мучений. Этот путь мама прошла с ним.

25 июля 1979 г. папе исполнилось 52. К нему в палату пришли самые близкие друзья, врачи и медсестры (в госпитале его все любили). Мы пили шампанское, и папа нас веселил.

8 августа мы с ним попрощались.

Постепенно уходит папино поколение. Начинает уходить мое. И огромная благодарность тем, кто издаёт эти воспоминания, кто собирает черно-белые фотографии, афиши, программки и сохраняет их в театральных музеях. Так будет жить память о людях, которые ее заслужили.

Шалкова Е.И.
Бычков Е.А.

Семья Коган. Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана

Это рассказ о семье Коган. По прошествии многих лет о них сегодня просто так и говорят – Коганы. Каждый из них – ярчайшая индивидуальность, с собственным внутренним светом. В своей области творчества, каждый из них внес огромный вклад в развитие музыкальной культуры Казахстана. А вместе они – уникальная семейная династия, вписавшая значительные страницы в историю страны,

ставшей для них новой родиной – и Коганы стали ее настоящими патриотами.

Однако в самом начале своего коллективного жизненного пути все члены семьи Коган вряд ли представляли себе, куда он их приведет. История этой семьи – лишь небольшой осколок тех драматичных и трагических событий, которые переживала Европа в первой половине XX в.

К сожалению, сегодняшние поверхностные блуждания по интернет-архивам не дают возможности проследить историю семьи дальше основателей династии Бенциона и Миндли. В «новой» жизни, когда их судьба радикально изменилась, воспоминания о «том» прошлом в основном были устными и очень немногословными. Сегодня можно только с болью догадываться, сквозь какие испытания и жизненные перипетии им пришлось пройти. Документов из «той» жизни сохранилось не много, и сами Коганы, если и общались между собой на румынском или идише, ограждали своих детей от подробностей. Поэтому сегодня мы, в основном, делимся устными воспоминаниями наших родителей...

История начинается в Кишиневе – в начале прошлого века Бессарабия была частью Российской Империи, в 1918-м отошла к Румынии, а в 1940-м «вернулась» (или как тогда это называли «освободилась») и стала частью Молдавской ССР. Так вот, детство и юношество молодого поколения Коганов пришлось на «румынские» годы.

Глава семьи, Бенцион Давыдович, был хоть и не профессиональным музыкантом, но страстным меломаном. Он играл на фортепиано, немного на скрипке, хорошо знал музыку и даже владел небольшим магазинчиком, где продавались ноты и музыкальные инструменты.

Его жена Миндля тоже была очень музыкальна и обладала красивым голосом – и оттого в доме Коганов всегда было многолюдно, к ним постоянно заходили посидеть-поговорить известные кишиневские музыканты. Очень популярным элементом скромной домашней обстановки была небольшая пианола – механическое пианино, способное воспроизводить музыкальные произведения. В дограммофонную эру такие устройства были широко распространены.

Бенцион регулярно посещал синагогу. Хотя главным языком дома был идиш, отец семейства знал иврит и изучал Тору. И детям своим Коганы дали имена, так или иначе связанные с еврейской историей. Первенец семьи, Симха (позже Семен) родился в 1918. Средний, Иосиф – в 1920. Младшая, Йохавед (позже Ева) – в 1927 (если судить

по немногим ранним сохранившимся документам; в документах советской поры стоит 1928).

К музыке дети приобщались с самых ранних лет, и очень рано стали выступать – сначала для знакомых в домашних концертах, а потом и на публике. Музыкальное образование каждый из них получал первоклассное – Коган-старший отдавал себя детям всего, без остатка. И, судя по немногим сохранившимся фотографиям той довоенной поры, это была счастливая семья, в которой братья и сестра души друг в друге не чаяли – они всегда были вместе, как вместе и музицировали. По классической еврейской традиции, они упорно занимались – столько, сколько это вообще было возможно в условиях небольшого дома, где каждый из троих детей не видел для себя иного будущего, чем музыка... Зная сегодня, чего достиг каждый из них, можно только догадываться, сколько часов в день они проводили в занятиях. Дети получили классическое гимназическое образование – математика, история, география, несколько языков – помимо обязательного румынского учили французский и латынь. Но главной была, конечно, музыка. Как и их отец, дети росли абсолютными перфекционистами – доводили каждую пьесу, каждый пассаж до полного совершенства. Казалось, технические трудности для них не существовали – что, конечно, было просто результатом многочасовых интенсивных занятий. И, несомненно, они были фантастически, невероятно одарены, каждый – с абсолютным музыкальным слухом, идеальной памятью и моментальной «хваткой» – порой достаточно было только уловить какую-нибудь мелодию, и она тут же оживала под пальцами. Эта уникальная способность сыграет в дальнейшем творчестве немалую роль, когда уже в новой жизни и в зрелом возрасте они займутся обработками и транскрипциями народных мелодий.

Старший, Симха, выучился на пианиста, средний, Йосиф – на скрипача. В 1937 г. Симха получил степень бакалавра и квалификацию «свободного артиста», как и Йосиф, спустя 2 года, в 1939-м. Наверняка в этом изначально была отцовская логика – создать семейный дуэт. И братья с малых лет начали выступать – многочасовые занятия дали свои плоды, исполнительским мастерством они овладели и продолжали совершенствоваться. По их стопам последовала младшая, Йохавед, которая к тому же еще и сочиняла – и скоро семейный дуэт превратился в трио.

Сложившийся уклад семьи был разрушен катастрофой, обрушившейся на Европу, и в июне 1940 по пакту Молотова–Риббентропа

Бессарабия отошла к Советскому Союзу – что, впрочем, поначалу не повлияло на музыкальную карьеру Коганов – они продолжали выступать, теперь уже как артисты Молдавской филармонии.

Но началась война... Семье Коган пришлось бросить все – музыкальный магазин, дом... и спешно и налегке покинуть Кишинев. Не успеют они тогда – никакой истории, учитывая еврейское происхождение семьи, не было бы... Симха и Йохавед меняют свои имена на более привычные для нееврейского уха «Семен» и «Ева», а по отчеству Коганы-младшие становятся «Бенедиктовичами».

Сначала эвакуация привела в Новоселицкий р-н Ставропольского края. К сожалению, нам очень мало известно об этом периоде жизни. В архиве семьи сохранилась афиша концерта за 24 февраля 1942 г. солистов Молдавской госфилармонии Иосифа и Семена Коганов, в этом же концерте принимала участие и младшая сестра Ева (в афише – «молодой композитор»).

Известно также, что творческая бригада неоднократно выступала в воинских частях и эвакогоспиталях. Заслуживают внимания отдельные выдержки из сохранившихся отзывов и справок. Вот что, например, написал после концерта в эвакогоспитале № 3187 в 1942 г. политрук Дмитриев: «Присутствовавшие на концерте отмечают высокое мастерство и культуру Иосифа, Семена и Евы Коган, прекрасно подобранную программу концерта, имевшую большой успех...». Концерты семейного трио поднимали боевой дух раненых бойцов, находящихся на излечении в госпиталях, о чем свидетельствует следующий отзыв из эвакогоспиталя № 8: «Дорогие товарищи Иосиф, Семен и Ева Коган. Данный Вами концерт мы никогда не забудем. Вы дали его с таким мастерством, что нам трудно передать свою искреннюю благодарность. Вы влили в нас новую струю бодрости, что очень способствует быстрейшему выздоровлению. Политрук Колодин».^{1*}

1942 год. Среди большого количества прибывших в Алма-Ату железнодорожных эшелонов с эвакуированными, был и вагон, в котором находилась семья Коган. Воспользовавшись остановкой, Иосиф и Семен (скорее всего, вместе с отцом, Коганом-старшим, в то время как мать и Ева оставались ждать на вокзале) отправились искать Управление по делам искусств,^{2*} с просьбой их прослушать. Начальник управ-

^{1*} Все отзывы и справки хранятся в ЦГА Республики Казахстан. Интересная деталь – по понятным причинам, политруки были небольшие мастера письменной речи; в семейном архиве сохранилась рукописная страница с текстом этой благодарности, которую ответственному лицу оставалось только подписать. Но написана она каллиграфическим почерком Бенциона Давыдовича – он выступал как художественный руководитель концертной бригады.

^{2*} Находившееся на ул. Октябрьской – ныне Айтеке би.

ления направил юношей в Казахскую филармонию. Буквально тут же комиссия во главе с Ахметом Куановичем Жубановым после прослушивания решила их будущее, зачислив солистами Казахской госфилармонии им. Джамбула. Случай – 8-часовая остановка поезда – стал судьбоносным, с этого дня открылась новая страница в истории семьи Коган – как и в истории музыкальной культуры Казахстана.

Филармония в военные годы была крупнейшей концертной организацией республики. Известно, что Алма-Ата во время Великой Отечественной войны гостеприимно принимала видных деятелей культуры со всего Союза. Здесь проходили концерты с участием московских артистов театра и кино. В таких исторических концертах, на одной сцене с Борисом Бабочкиным, Борисом Чирковым, Михаилом Жаровым и состоялись первые выступления Коганов в Алма-Ате. Молодые музыканты быстро завоевали репутацию блестящих инструменталистов, владеющих обширным репертуаром. Сохранившиеся афиши и вырезки послевоенных газет позволяют восстановить неполный перечень городов, где успешно выступали Коганы: Владикавказ, Махачкала, позже, когда закончилась война – Москва, Киев, Одесса, Львов, Томск, Новосибирск, Баку, Владивосток, Сахалин, Тбилиси, Ереван, города Средней Азии и Казахстана...

Семен, Иосиф и Ева обосновались в Алма-Ате и каждый пошел своим путем, продолжая при этом традиции семейных ансамблей. Как это и было в самом начале творческого пути, дуэты Семена (а позже и Евы) и Иосифа Коганов стали одними из ведущих в концертной жизни тогдашнего Казахстана. Каждый из них был солистом, часто выступая с симфоническими оркестрами под управлением выдающихся дирижеров. Иосиф и Ева Коганы также очень плотно занялись преподавательской деятельностью, и со временем стали одними из основателей музыкальной – скрипичной и фортепианной – исполнительской школы, с огромным количеством воспитанников, имена которых войдут в золотой фонд музыкального искусства Казахстана... Семен стал выдающимся концертмейстером. Звуки его фортепиано сопровождали лучшие голоса Казахстана.

Как мы видим, эта семья была воспитана в лучших традициях европейского классического музыкального образования. И просто поразительно, с какой самоотдачей каждый из них посвятил себя служению новой родине, с каким энтузиазмом и открытостью сердец они поднимали и развивали молодую профессиональную культуру. Они были просто влюблены в открывшуюся перед ними новую страницу жизни и заслушивались новыми звуками и мелодиями, которые ста-

новились для них родными. Они стали не просто соратниками молодого поколения многонационального искусства, но близкими друзьями композиторов, исполнителей и исследователей. В славной истории музыкальной культуры Казахстана ими был заложен один из основополагающих краеугольных камней...

Бенцион ([19??, Бессарабия] – 1973, г. Алма-Ата)

О Бенционе Давыдовиче Когане, отце семейства, мы знаем только то, что в Кишиневе у него был собственный музыкальный магазин. Об этом часто вспоминали в семье, однако, без подробностей, как о какой-то далекой прошлой жизни. Между тем, Коган-старший явно был человеком не просто музыкальным, но еще и очень активным, с железным характером, который он проявил с первых же месяцев эвакуации, организовав концертную бригаду с участием сыновей Семена и Иосифа для выступлений в госпиталях. По отдельным сохранившимся документам можно частично восстановить маршрут эвакуации – и активной концертной работы семьи Коган.

Ноябрь 1941. Филармонией г. Ворошиловск концертная бригада направляется в районы Орджоникидзевского края^{1*} – Невинномысский, Минводский, Георгиевский, Моздокский... 24 декабря 1941, Минеральные воды концерт в железнодорожном клубе – бригада из 5 чел. под руководством Когана Б.Д.; 5 апреля 1942 концерт в Ремесленном училище г. Махачкалы; 22 апреля 1942 концерт в г. Грозном; 27 апреля 1942 концерт в эвакогоспитале; 12 июня эвакогоспиталь, г. Махачкала (при участии оперной певицы М.П. Максаковой).

Сентябрь 1942 – обращение Казахской Государственной филармонии им. Джамбула в гормилицию Алма-Аты за пропиской для всей семьи – «артистов Молдавской филармонии Семена, Иосифа, Евы и Бенциона Коган».

10 февраля 1943 – официальное обращение «ко всем гражданам, эвакуированным из МолдССР»: «В Каз[ахскую] Гос. филармонию, т. Когану Б.Д. от Уполномоченного СНК и ЦК КП (б) Молдавии по КазССР А. Диордица: «Прошу организовать силами артистов Молдавской ССР концерт в пользу эскадрильи – на постройку эскадрильи самолетов «за освобождение Молдавии от немецко-фашистских оккупантов».

И, несмотря на тяжелые военные годы – продолжается концертная деятельность. 3 мая 1944, Хакасская областная музыкальная школа, Красноярский край, г. Абакан. Семен Коган – 3-я баллада Шопена, 11-я рапсодия Листа, а также произведения Прокофьева и Хачатуря-

^{1*} Ныне Ставрополье.

на. Иосиф Коган – «Рондо» Шуберта, «Цыганские напевы» Сарасате, Молдавская рапсодия – судя по всему, в авторской транскрипции солистов, Семена и Иосифа... и отзыв – «...блестящая игра талантливых братьев, сумевших донести до юных слушателей разнообразнейшие оттенки исполняемых произведений. Высоки технические качества исполняемых произведений. В тактичном и гибком исполнении пианист Семен Коган показал себя как музыкант высокой культуры, обладающий прекрасной технической подготовкой. Скрипач Иосиф Коган обнаруживает несомненные данные выдающегося солиста, в совершенстве владеющего всеми выразительными средствами своего инструмента».

В общей сложности, судя по справке от 1947 г., за время 1942–1946 гг. концертной бригадой под управлением Б.Д. Когана было дано не менее 25–30 концертов.

Еще одна документальное свидетельство – 1945 г. – медаль за победу над Германией – «как руководителю и участнику концертной бригады по обслуживанию войсковых частей и госпиталей прифронтовой полосы».

В первые послевоенные годы Бенцион Давыдович помогал обустроить профессиональную жизнь своих выросших детей. Коганы снимали полуподвал в небольшом доме на ул. Абая^{1*} – и жили там вплоть до конца 1950-х, когда выросшие дети начинают разлетаться... По-прежнему активный и предприимчивый, Бенцион Давыдович используя свой опыт «раньше жизни» – устроился продавцом в нотный отдел книжного магазина, который находился на пересечении улиц Горького и Карла Маркса,^{2*} а позже переехал на «Цветочную площадь».^{3*} Для получения нужной квалификации продавца нот Б.Д. Коган принял участие в «Семинаре по повышению квалификации работников нотного дела» (Москва, 1948). В результате проверки знаний по пройденной программе комиссией Книготоргового Объединения Государственных изданий получил оценку «отлично».

«Неутомимого пропагандиста музыкальной культуры, человека больших знаний и опыта, Б. Когана знает и ценит музыкальная общественность Алма-Аты. Все больше и больше развивается музыкальная культура в городе. Тысячи людей непосредственно связаны с музыкой, и все они пользуются услугами нотного магазина. У каждого

^{1*} Ныне Тулебаева.

^{2*} Ныне Жибек жолы и Кунаева.

^{3*} Ныне это Старая площадь, а сам магазин располагался в здании на углу улиц Панфилова и Комсомольской – ныне Толе би.

свои запросы, просьбы, пожелания. Нужно иметь большую любовь к своему делу, чтобы эти запросы удовлетворить» [1].

Последние годы жизни Бенциона и Миндли Коган прошли в небольшом домике на ул. Новосельской^{1*} – тогда это была почти окраина Алма-Аты. Неподалеку, на ул. Ташкентской^{2*}, в маленьком доме располагалась синагога, которую Бенцион Давыдович регулярно посещал. Известно, что в эту синагогу еще в военные годы часто заходили видные деятели искусств из эвакуированных – говорят, например, что там видели Сергея Эйзенштейна, снимавшего в те годы в Алма-Ате «Ивана Грозного» ... не исключено, что так или иначе в этой синагоге пересекались многие...

Евгений Бычков, сын Евы Коган: «Я помню большой сундук в одной из трех крохотных комнаток на Новосельской, из которого дед доставал мацу – мы ее очень любили, хотя не имели ни малейшего представления, с чем связаны эти вкусные сухие лепешки. В той же комнате, уже тяжело больная, лежала баба Маня – я видел ее только в кровати – по малости лет радостно я прыгал по ней, мама меня останавливала, мол, бабушке тяжело, а та, улыбаясь, говорила – «ничего, он же ребенок...» Вся семья часто собиралась на традиционные воскресные семейные ужины, дед сидел во главе стола, вокруг – сыновья и дочь, уже со своими семьями... детям выделяли отдельный столик в соседней комнате... бабушки тогда уже не было... После ужина – почти обязательный импровизированный семейный концерт. За старенькое пианино «Красный Октябрь» садился дядя Сеня и руководил вечером, вместе пели песни, уж не помню, какие, и иногда к этим музицированиям подключали и нас, детей... Дед ушел из жизни в начале 70-х, точного года, увы, не помню, похоронили его рядом с бабушкой, по еврейскому обряду при участии раввина на старом кладбище на ул. Ташкентской... сегодня этой могилы уже не найти...».

Семен (1918, Кишинев – 1979, Алма-Ата)

По словам Иосифа и Евы, их старший брат Семен из всей семьи был самым одаренным – и одновременно самым неамбициозным. В быту – милейший и скромный, по своим профессиональным данным, подкрепленным богатым опытом, он мог стать выдающимся педагогом, однако предпочел полностью посвятить себя исполнительству – сольному, но по большей части как аккомпаниатор. Мастерство его было феноменальным, казалось, никаких пианистических трудностей для него не существует.

^{1*} Ныне Колпаковского.

^{2*} Ныне Райымбека.

Семен Коган – воспитанник Кишиневской консерватории, которую он окончил в 1938 г. по классу профессора И.М. Гуза. К тому времени он уже был полностью сложившимся концертирующим музыкантом. С момента прибытия в Казахстан в 1942 г., его творческая жизнь полностью была связана с новой родиной.

Евгений Бычков: «Однажды, уж не помню каким образом, у них дома оказался аккордеон. То ли он и раньше у них был, то ли дядя Сеня его у кого-то взял... но я просто обалдел, когда он с легкостью и с невероятной беглостью на нем заиграл – какую-то популярную пьесу из «раньше» времен. Они ведь, все трое детей Коганов, пока жили и росли в Румынии, и кино тогдашнее смотрели, и кинозвезд всех знали, и тогдашние популярные мелодии наигрывали... Сам Семен с легкостью мог сыграть буквально все, от классики до популярных мелодий, его критерий был предельно прост: «Музыка должна быть красивой!».

Я не помню, чтобы дядя Семен занимался. Музыкальная его память была просто какая-то сверхъестественная, а пианистический аппарат настолько совершенен, что, казалось, все дается само собой. Он просто садился и начинал «шпарить» любые музыкальные сложнейшие произведения в диких темпах. При этом часто даже не глядя на клавиатуру, и всегда улыбаясь. Я вообще почти не помню его без улыбки на лице. Добрейшей души был человек, ласковый, предупредительный, невероятно заботливый отец. Дома у них даже не было рояля, его вполне устраивало пианино... но, когда он выходил на большую сцену в качестве солиста, он абсолютно преображался и легко подчинял себе весь симфонический оркестр. Одно из ярчайших музыкальных воспоминаний всей молодости – как дядя Сеня в филармонии играет «Рапсодию ин блю» Гершвина; даже не помню, кто дирижировал, но солист – мой дядя, которого я помню, сколько помню себя – вот он за роялем, и открывает передо мной новый мир фортепианного джаза, виртуозно, тонко и блестяще, и это настоящее волшебство, а для него – просто очередной концерт...».

У Семена Когана действительно было редкое чувство благородного стиля и проникновенность звучания. Этим «семейным» качеством звука отличались все трое Коганов, фортепианное туше Семена и Евы, и скрипичное звукоизвлечение Иосифа были филигранными.

Елена Шалкова, дочь Иосифа Когана: «Я готовилась к экзамену в консерватории и усердно разучивала концерт Шумана. У нас дома как раз в тот день был дядя Сеня. Он услышал мои занятия, зашел ко мне в комнату и говорит: «А ну-ка, дай я поиграю...». И заиграл...

блестяще, и конечно наизусть... а потом сказал: «Я этот концерт лет тридцать не играл...».

Из аннотации к пластинке «Произведения композиторов Казахстана. Семен Коган»: «Этот превосходный музыкант, – отмечалось в прессе, – заставляет рояль преображаться. Он извлекает из инструмента яркие и напевные звуки редкой красоты и обаяния».

«Я был поражен, когда однажды увидел, что на нотном листе, стоявшем перед Семеном, всего одна строчка. Оказывается, он любые, даже самые сложные произведения, играл наизусть», – вспоминал один из студентов И. Когана [2, с.194].

Беззаветная преданность скромной роли аккомпаниатора позволила Семену в 1958 г. получить звание Заслуженного, в 1967 – Народного артиста КазССР (уникальный случай в музыкальной истории Казахстана – такое звание обычно не присуждалось концертмейстерам); объездить с концертами всю тогдашнюю необъятную страну, и еще – единственному из всей семьи Коганов – оказаться «выездным», гастролируя за границей, обычно недоступной советским людям, тем более евреям, от «соцстран» до «западных» – Канады, ФРГ, Швеции и Англии. В негласном «табеле о рангах» казахстанской вокальной элиты у него было собственное, недостижимое место – любые правительственные официальные концерты и любые гастролы мастеров искусств – не обходились без обаятельного, скромного, почти незаметного в быту пианиста...

Вспоминает Жупар Омарова – дочь Жамал Омаровой, певицы, Народной артистки Казахской ССР: «...Семен Коган – это было просто наступление концертмейстерского золотого века, вообще ни с кем не сравнить. Вся семья эта была невероятно талантливой.

У нас в консерватории была профессор Клара Ароновна Господарь, она преподавала камерный ансамбль и концертмейстерский класс. Вот однажды я ей принесла мамин виниловый диск. Она сказала мне: «Принеси мамину пластинку, мне надо послушать». А там половину записанных произведений маме аккомпанирует Мария Владимировна Смитрович, а половину – Семен Бенедиктович Коган. Она послушала, потом говорит мне: «Подари мне эту пластинку, я буду ставить ее на своих занятиях студентам, чтобы они могли на конкретном примере понять и услышать, что такое ансамбль. Ансамбль певца и аккомпаниатора». На этой пластинке очень хорошо, очень явно профессиональное ухо слышит, как идеально они взаимодействуют. Мама поет, а Семен просто идет с ней нота в ноту. Выс-

ший пилотаж! Концертмейстерский класс – когда своим мастерством, чутьем, умением помогаешь певцу донести произведение, выполнить свою задачу наилучшим образом...

А Семен! Это сейчас я понимаю, что он был гений и виртуоз. Ему ничего не стоило играть сходу и сразу в любой из 24 тональностей, на лету подстраиваться, играть по памяти, импровизировать, да все что угодно. У этого человека не было никаких сложностей, никаких проблем. Так он знал музыку и такое дарование он имел. Гений. Когда я училась в концертмейстерском классе, нас учили транспонировать: по заданию педагога нужно было поменять тональность на полтона вверх, на полтона вниз. Просто поменять знаки и играть по нотам. Мы кропотливо работали и по нотам играли, пока не научились путем долгих повторений и многочасовых упражнений. А мама могла сказать Когану: «Сень, что-то мне высоко, ты можешь мне на тон ниже сыграть?» На тон ниже – это уже другое произведение фактически. Другие знаки, другое все и это очень сложно. Семен спокойно: «Да, конечно». И играет тут же. На другой день вроде все хорошо, в новой тональности репетируют, мама ему: «Сень, что-то неудобно, ты можешь мне еще пониже сыграть?» Семен взрывался: «Да что ж это за неуважение к концертмейстеру? Это что, легко и просто, что ли? Это же очень сложно!» Мама ему: «Ну, Сеня, ну давай, прошу тебя». И он снова сходу садится и играет. Это поразительно. Просто поразительно. Потом он же был роскошным пианистом, он был замечательным аранжировщиком. Он читал произведение, подправлял его, менял, как нужно какие-то моменты и делал свои аранжировки. У мамы были произведения, которые обработал Семен Коган. Ручища у него была мощная, и он так играл, что мурашки по спине бегали. Мама еще не начала петь, Семен играет вступление и уже мороз по коже. Так вот я всегда чувствую вступление Когана к песне Брусиловского «Алтай» [3].

Вспоминает певец Ермек Серкебаев, Народный артист СССР: «Долгое время он был единственным концертмейстером, который получил звание Народного артиста республики. Это уникальный случай, концертмейстеры таких званий не получали. Но Семен Бенедиктович действительно заслужил это. Его знали везде. Он проехал всю республику, его знал каждый чабан, каждый хлебороб, в любом селе или ауле. Казахская музыка была у него в крови. Он ее знал просто нутром. Нот нет, он играет. Никогда не слышал произведение – играет. Гармонию слышал здорово, многие же только по нотам

играют. А вот Семен отличался тем, что слышал и чувствовал. И вообще вся семья Коганов была невероятно талантлива. Известная семья. Иосиф Бенедиктович – великолепный скрипач, Заслуженный артист Казахстана. А Ева Бенедиктовна? Сестра его. зав. кафедрой фортепиано в консерватории, Заслуженная артистка Казахстана. Эта семья много дала развитию нашего казахского искусства. Я много разъезжал с Семеном Бенедиктовичем. Не в обиду другим пианистам, но Семен был исключением. В двух словах не расскажешь об этом человеке. Он также много работал с Розой Баглановой, Жамал Омаровой. Мы его ценили. Я долго с ним дружил. Он был не только концертмейстером, он мог концерт сыграть, технически грамотный был пианист. И он был человеком с богатым жизненным опытом, остроумный и большой профессионал» [4].

Вспоминает певица Бибигуль Тулегенова, Народная артистка СССР: «...Я была в Южно-Сахалинске. Незнакомый город, никого не знаю, ну что делать? До концерта время есть и пошла я в магазин посмотреть, что там продается. И увидела я там пальто, красивое терракотового цвета пальто с большим воротником. Померила, и оно мне подошло. Понравилось оно мне очень. Необычное и по тем временам просто роскошное. Решила его купить. А муж мне запретил! Нечего тратить деньги и все. Я расстроилась, мне было так нехорошо, очень захотелось его купить. Я же все-таки уже публичным человеком была и мне хотелось красиво одеваться. И так всю жизнь то недоедала, то одеться не во что было, то обуться. Со мной в этой поездке был Семен Коган, наш великий без всякого преувеличения, концертмейстер и большой друг. Он пошел со мной в магазин и увидел, что я очень захотела пальто. Я не стала жаловаться ему, он по моему лицу все понял, сам расстроился и пошел к моему мужу: ты соображаешь, что ты делаешь? Ты почему так себя ведешь? Она же примадонна! Она зарабатывает деньги, а не ты! Ты кто такой?! В общем, наорал на него. И потом на второй день муж кое-как дал мне деньги, я пошла и купила пальто... Вот, благодаря Семену состоялся в моей жизни праздник терракотового пальто...

...А Семен в той поездке еще один раз поссорился с моим мужем. Я тогда заболела, застудилась так, что встать не могла. В поездках то жара, то дует, на улицах мороз. Полно снега, вот я и простыла. Кажется, что у меня полный живот гвоздей. Боль дикая. А мы в каком-то маленьком городке недалеко от Владивостока. Я днем лежу, ни лекарств, ничего нет, лежу, грею себя руками, а вечером концерт.

Немного отошло, пошла на сцену. Попою, потом выйду за кулисы, поохаяю, отдышусь и снова на сцену. Муж делает вид, что ничего не замечает. На второй день приехали во Владивосток. Я уж совсем загибаться начала и тут уже Семен не выдержал и снова пошел в бой за меня. Рвал и метал!..» [5].

Евгений Бычков: «...И еще я никогда не забуду – как в день его похорон в голос рыдали у гроба наши вокальные легенды...»

Иосиф (1920, Кишинев – 1982, Алма-Ата)

Маленький Иосиф любил подбирать по слуху любимившиеся мелодии, и однажды счастливый случай привел в дом Коганов видного педагога по скрипке И. Берихмана, который обратил внимание на шестилетнего ребенка. Уже в семилетнем возрасте маленький скрипач выступил в сольном концерте, где его заметил профессор Иосиф Финкель – последователь школы Г. Венявского и Л. Ауэра. После концерта И. Финкель зачислил Иосифа в свой класс. В 1939-м он с отличием окончил Кишиневскую консерваторию, получив квалификацию свободного художника и степень бакалавра наук. В этом же году в зале Кишиневской консерватории с большим успехом прошел сольный концерт молодого скрипача. Партию фортепиано исполнял брат Иосифа, Семен, который на долгие годы станет его бессменным концертмейстером.

В 1940 г. Иосиф успешно прошел все туры конкурса и был зачислен артистом-солистом Молдавской филармонии (с 28 июня 1940 г. Бессарабия вошла в состав Молдавской ССР). Началась насыщенная и интересная концертная жизнь. В репертуаре молодого музыканта скрипичные концерты Мендельсона, Бетховена, Брамса, Чайковского. Строились большие планы на будущее, но началась война...

По окончании войны семейный дуэт продолжили концерттировать, но и в качестве исполнителя-солиста Иосиф покорял все новые вершины. Уже будучи солистом Казахской филармонии он открыл для широкой публики редко исполняемые тогда сочинения Я. Сибелиуса, Г. Эрнста, Дж. Гершвина, Б. Бартока. Впервые в Алма-Ате прозвучали скрипичные концерты А. Хачатуряна, Дм. Шостаковича, Т. Хренникова. Неутомимая жажда познания, эта отличительная черта всех Коганов, постоянное обновление концертного репертуара, стремление познакомить слушателей с новыми направлениями в музыке – все это как нельзя лучше характеризует личность настоящего музыканта. Лучшей иллюстрацией новаторского подхода в репертуаре Иосифа-исполнителя является афиша из цикла концертов «Музыка 20 века»,

который состоялся в зале Алма-Атинской консерватории в 1977 г.: Вячеслав Овчинников – Японская поэма, Хенрик Гурецкий – Генезис, Эрик Сати – Вещи, видимые слева и справа (без очков) (Лицемерный хорал, Фуга на ощупь, Мускулистая фантазия).

В личном архиве Иосифа Когана сохранилось множество рецензий журнала «Советская музыка», «Музыкальная жизнь», центральных и областных газет, а также уникальных фотоснимков. Среди них – фотография легендарного советского дирижера, заслуженного артиста РСФСР Карла Элиасберга с надписью: «Уважаемому Иосифу Бенедиктовичу Когану на память об отлично исполненном скрипичном концерте Хачатуряна. Большое спасибо».

А вот рецензия профессора Московской консерватории Лео Гинзбурга: «Мне неоднократно приходилось дирижировать Государственным симфоническим оркестром КазССР, где в качестве солиста выступал Иосиф Коган. Для его игры характерна большая музыкальность и культура. Он профессионально крепкий солист с хорошей скрипичной школой, обладающий отличными специфически скрипичными данными. Он является первым исполнителем всех новых казахских произведений для скрипки».

Действительно, новый этап в истории семьи Коган был неразрывно связан с казахской музыкой. С 1942 г., когда семья оказалась в Казахстане, погружение в новую среду и в новую культуру происходило одновременно с изучением казахской музыки. Слушая записи знаменитого музыкального этнографа А. Затаевича и других исследователей казахского музыкального наследия, Иосиф был очарован красотой интонаций и художественной выразительностью мелодий. Он становится первым исполнителем, редактором и активным пропагандистом сочинений композиторов Казахстана: М. Тулебаева, Ахмета и Газизы Жубановых, Е. Брусиловского, Л. Хамиди, Б. Ерзаковича, К. Кужамьярова и др. Не ограничиваясь исполнением композиций, он делает транскрипции – переложения для скрипки кюев Курмангазы, Даулеткереев, Дины Нурпеисовой, казахских народных песен – каждый раз стараясь максимально придерживаться авторского изложения, без выдуманных пассажей и украшений, чтобы не нарушать уникальный стиль оригинала. Образцы сделанных транскрипций – кюи «Балбраун», «Адай», «Асем коныр» – вошли в концертный репертуар скрипичного исполнительства и засверкали на классической сцене. Чтобы наиболее достоверно передать звучание народного инструмента, Иосиф Бенедиктович изучал приемы игры на домбре у известной

исполнительницы, композитора и ученицы Курмангазы Дины Нурпейсовой. Общение со знаменитой кюйши в полной мере воплотилось в создании скрипичных капризов, в которых выразительными средствами классической скрипки мастерски передается звучание домбры. Авторское исполнение Иосифом Коганом казахской музыки было незабываемым, о чем свидетельствует музыковед Хабидулла Тастанов: «...Он постигает стихию произведения через его эмоционально-философские глубины, я, казах, завидую своему другу, как он может буквально растворяться в казахском народном мелосе. С каким тактом и с какой художественной смелостью решаются им сложнейшие скрипичные открытия в нашей национальной музыке» [6].

Личность Иосифа Когана была столь яркой, что вдохновляла композиторов Казахстана на создание новых произведений. Иосиф Бенедиктович был первым исполнителем концерта для скрипки Газизы Жубановой. Композитор Мансур Сагатов посвятил ему свой концерт для скрипки с оркестром, а классик казахстанской композиторской школы Евгений Брусиловский – сонату для скрипки соло. Это сочинение с успехом было исполнено в Малом зале Московской консерватории на Всесоюзном съезде композиторов 1967 г. «Старейшина казахской музыки Е. Брусиловский показал первую в республике сонату для скрипки соло. В течение 20 минут скрипка звучала настолько разнообразно, настолько широко используются ее художественные возможности, что постепенно утрачивается ощущение того, что играет один человек» – писал кандидат искусствоведения Е. Трёмбовельский (в будущем и сам видный музыковед-исследователь) [7].

О необыкновенных профессиональных способностях вспоминала вдова Иосифа Бенедиктовича, Валерия Сергеевна. «Нередко Иосифа просили заменить солиста (а выступление могло состояться завтра), который по каким-либо причинам не мог приехать на запланированный концерт. И он готов был играть всегда! Говорил да! И только потом следовал вопрос – А ЧТО играть? Природная «скрипичность», высочайший класс владения инструментом позволял Иосифу не заниматься бесконечными повторениями гамм, этюдов, упражнений для разминки пальцев. Он брал инструмент и тут же способен был играть феерической сложности пассаж».

Елена Шалкова, дочь Иосифа Когана: «Папа дома практически не занимался, я больше помню его сидящим за столом, писал свои методические и исследовательские работы... Да, репетировали – и с тетей Евой, и с дядей Сеней, но не по многу, не больше часа... Пом-

ню бабуля моя Мария Владимировна Смитрович, сама блестящий концертмейстер, беспокоилась – «Йосенька, у вас концерт через неделю, а вы совсем не занимаетесь» ... так что в мою бытность я даже и не помню, чтобы он отрабатывал какие-то пассажи...

А то композиторы приносили ему свои произведения часто рукописные, на листиках бумаги. И вот он сидит за столом, немного боком, со скрипкой в руке, разбирает почерк, разбирает... потом хватается этот лист, в порыве скомкает... потом снова разглядит... и дальше разбирает, и тут же играет...».

Высокий профессионализм проявил Иосиф Бенедиктович и в качестве ансамблиста. Струнный квартет филармонии в составе замечательных музыкантов – И. Коган (1 скрипка), А. Толганбаев (2 скрипка), Я. Фудиман (альт), С. Жакеев (виолончель) – внес большой вклад в развитие камерной музыки и популяризации квартетов Г. Жубановой, Е. Брусиловского, Б. Ерзаковича, К. Кужамьярова, Б. Баяхунова... С большим успехом проходили концерты с участием ансамбля трио: И. Коган (скрипка), С. Коган (фортепиано), В. Аквильянов (виолончель). Длительным и плодотворным было сотрудничество с В. Тебенихиным (орган).

С 1954 г. Иосиф Бенедиктович начинает преподавать по классу скрипки в Алма-Атинской консерватории. Занятия проходили на третьем этаже старого корпуса, в классе № 54. По этому поводу педагог шутил: «Номер класса легко запомнить, мои студенты занимаются только на 5 и 4». В аудитории всегда было многолюдно. Здесь и свои ученики, и гости-студенты из других классов, музыканты, преподаватели из разных областей и городов республики. На уроках Иосиф Бенедиктович не выпускал скрипку из рук. Весь громадный репертуар он знал досконально, все играл наизусть. С большим мастерством, не разыгрываясь, показывал студенту тот или иной эпизод. По многочисленным отзывам председателей Государственных комиссий, студенты класса обладали разносторонней техникой, отличным умением развивать музыкальную форму и выразительной интонацией.

Своими воспоминаниями об учителе делится педагог РССМШИ им. Жубанова Виктор Бардашов: «Самым ярким впечатлением являлась игра Иосифа Бенедиктовича на скрипке. Он прекрасно владел скрипичным репертуаром: любое произведение с любого места играл на память. У него был исключительный слух, безукоризненная интонация. Все мы находились под магическим воздействием его мастерства. Он был строгим, требовательным педагогом, но при этом ис-

ключительно деликатным, интеллигентным человеком... Иосиф Бенедиктович всегда интересовался нашей жизнью, оберегал, и даже пытался помочь решить какие-то бытовые проблемы».

Евгений Бычков: «В быту – милейший любящий дядя, в классе (в поздние годы моей учебы в консерватории он вел меня по концертмейстерству) он преображался – становился до жесткости невероятно требовательным, не пропускающим ни одну «неправильную» ноту. До сих пор слышу его возмущенное «Что ты играешь?!» Фортепианные партии он знал не хуже скрипичных и не спускал малейшей неточности.

Однажды бригада студентов консерватории давала подшефный концерт на каком-то предприятии. Когда я вышел на сцену их маленького актового зала и подошел к пианино, то с ужасом увидел, что большая часть черных клавиш попросту спилены... в панике, по ходу игры, я перескочил с «Этюда» Дебюсси на его же «Менестрелей», чего никто даже и не заметил, но после концерта дядя, ласково улыбаясь, спросил: «Менестрели»? а что случилось с «Этюдом?» Мне было дико стыдно, но он, конечно же, все понял...»

Большой профессионал, человек с энциклопедическими знаниями, Иосиф Бенедиктович был предельно простым и доброжелательным в общении. Отношения профессора к своим воспитанникам не ограничивались формальными рамками: двери его гостеприимного дома были всегда открыты, и студенты и коллеги в любую минуту могли обратиться за советом или помощью.

Много сил и энергии Иосиф Бенедиктович посвящал детскому музыкальному образованию. В Республиканской музыкальной школе им. А. Жубанова он преподавал класс скрипки, читал лекции по методике, а организованный им ансамбль скрипачей быстро достиг высокого профессионального уровня и участвовал во многих официальных (их называли «правительственными») концертах, в т. ч. с большим успехом выступает в Кремлевском Дворце Съездов в Москве в 1977 г.

Яркой гранью его дарования являлось композиторское творчество. На основе казахских народных мелодий были написаны 42 и 24 этюда для младших и средних классов музыкальной школы, 42 дуэта для скрипки в сопровождении фортепиано, 12 пьес, каприсы, исполнение которых требует от исполнителя виртуозных качеств. Обработка песни Абая «Айттым салем, Каламкас» для четырех скрипок заняла достойное место в репертуаре ансамбля скрипачей. Большой интерес представляют переложения для кобыза и фортепиано сочинений

классиков Баха, Бетховена, Моцарта, Шумана, Чайковского. Не оставалась в стороне и обширная исследовательская деятельность. Среди более 30 работ – биографические портреты А. Жубанова, М. Тулебаева, вопросы, касающиеся методики – «О работе с ансамблем скрипачей», «Читка нот с листа в классе скрипки», «Штриховая техника кобызиста». В серии очерков «Музыкально-театральный техникум» впервые были освещены вопросы истории становления скрипичного искусства в Казахстане.

У него был и выдающийся организаторский талант, в котором также раскрывалась неисчерпаемая энергия музыканта. В течение 20 лет Иосиф Бенедиктович возглавлял Университет музыкальной культуры – циклы лекций-концертов, рассчитанные на широкий круг любителей музыки. Концерты проходили не только в Алма-Ате, но и в самых отдаленных районах республики. В университете действовали несколько факультетов и филиалов с участием сплоченной команды преподавателей и студентов консерватории. В качестве лектора и солиста нередко выступал сам Иосиф Бенедиктович. За годы существования университет провел свыше 350 концертов. Это целый пласт просветительской деятельности, аналогов которому не было. В рамках военно-патриотической работы шефские концерты Университета проходили в воинских частях, находящихся на территории Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты и благодарственные письма.

Иосиф Бенедиктович с большим вниманием относился к творчеству молодых. В начале восьмидесятых к нему подошел начинающий тогда композитор Бахтияр Аманжолов с просьбой исполнить концерт для скрипки с оркестром, который был его дипломной работой. Познакомившись с партитурой, к величайшей радости молодого композитора, Иосиф Бенедиктович согласился. С присущей ему врожденной деликатностью и интеллигентностью профессор делал поправки, давал советы, что позволило усовершенствовать сольную партию. На концерте случилось непредвиденное – музыканты в оркестре «разошлись». Положение спас Иосиф Бенедиктович – уверенно и мастерски провел свою партию, собрав весь оркестр воедино... Это был последний концерт Мастера...

Яннис Мавриди, первая скрипка гос. струнного квартета КазССР, преподаватель муниципальной консерватории г. Патры (Греция): «Мои, если можно так выразиться, «контакты» с Иосифом Бенедиктовичем возникли, когда я был уже студентом консерватории. Я, ко-

нечно же, знал его с малолетства, мы с отцом бывали на его концертах. К тому же мой отец, Федор Мавриди, какое-то время играл вторую скрипку в квартете, где на первой играл И. Коган.

Ни для кого не секрет, что в Казахстане было два скрипичных «клана» – хессовцы и когановцы. Мой отец, так же, как и я впоследствии, учился у В.С. Хесса, то есть мы относились к «клану» хессовцев. Этот факт, однако, никак не влиял на то огромное уважение и восхищение, которое мы испытывали к Иосифу Бенедиктовичу. А на студенческом уровне эта «клановость» порождала здоровую конкуренцию – столкновение этих двух «элементов» производило такой невероятный выброс творческой энергии, что казахстанская скрипичная школа до сих пор несется на полных парах.

Если мне доводилось встретиться с Иосифом Бенедиктовичем в коридоре консерватории или в филармонии, не было случая, чтобы он не остановился и не заговорил. Он мог просто поинтересоваться тем, что я сейчас играю, спросить, как учеба, передать привет родителям, и делал это всегда так естественно и просто, как будто мы коллеги, а не профессор и студент. Мы старались не пропускать ни одного концерта Иосифа Бенедиктовича. Не говоря уже о том, что он был выдающийся музыкант и блестящий скрипач, мы всегда знали, что будет «изюминка», а то и не одна. Иосиф Бенедиктович каким-то образом, в те трудные времена, когда не было понятия «ксерокопия» и все переписывалось вручную, умудрялся откуда-то находить произведения, о которых никто у нас даже и не слышал. Он всегда знакомил слушателей с новыми, до того не исполнявшимися в Алма-Ате произведениями – будь то работы казахстанских авторов, или мало кому известные сочинения зарубежных композиторов, и все привычно ждали от него сюрпризов.

Когда его не стало, мне была оказана высочайшая, как я считаю, честь. Меня пригласили и разрешили отобрать для себя ноты из библиотеки Иосифа Бенедиктовича. Я не могу описать, с каким чувством я шел к нему домой... Так, наверное, должен был чувствовать себя начинающий художник, которому неожиданно предложили выбрать себе картины из коллекции великого мастера. Об этой нотной библиотеке среди студентов ходили легенды. И вот я увидел эти сокровища! Там были фотокопии невероятно редких произведений, как, например, «Банджо и скрипка» Кролла, «Кармен-фантазия» Ваксмана, и многое, многое др. Некоторые фотокопии были в ужасающем качестве, но какое это могло иметь значение! Только держать в руках

такие раритеты было уже честью и привилегией! Все эти ноты я бережно храню в своей собственной библиотеке, и если выпадает счастливый случай исполнить какие-нибудь из этих произведений, всегда в глубине души произношу слова благодарности мастеру, и прошу прощения за дерзость играть по тем нотам, к которым прикасались его волшебные руки!»

Исполнитель, педагог, композитор, исследователь, общественный деятель, музыкант огромного дарования, Иосиф Коган создал мощную базу для развития и расцвета скрипичного искусства в Казахстане. С 1954 по 1982 гг. Иосиф Бенедиктович воспитал более 100 учеников. Среди них – известные деятели культуры: Дюсен Курабаевич Касеинов – профессор, заслуженный деятель искусств РК, Генеральный секретарь международной организации тюркской культуры, Толеубек Нигметович Альпиев – заслуженный деятель РК, награжден орденом «Курмет», занимал пост директора театра «Астана Опера», Рустам Мирзоевич Лазимов – солист и руководитель оркестра камерной музыки в г. Чехове (Россия), ведущие педагоги специализированных музыкальных школ им. А. Жубанова и К. Байсеитовой Бардашов Виктор Владимирович и Данилова Ольга Николаевна, ученики которых занимают призовые места на международных и республиканских конкурсах. Многих учеников судьба разбросала по свету. Продолжая дело своего Учителя, они успешно работают в как в родном Казахстане, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Ева (1928 (1927?), Кишинев – 1985, Алма-Ата)

О ранних годах жизни и творчества Евы Коган мы можем судить по немногим сохранившимся в семейных архивах документах: школьный табель за 1-й класс (1937/38 уч. г., на румынском). Годовые оценки (по 10-балльной системе): религия – 7,6; румынский язык 7,6; французский язык – 6,6; история – 7; география – 7,6; математика – 7; естественные науки – 8,6; музыка – 10.

Фото от 27 марта 1938 г., надпись на обороте (на румынском): «Школьный концерт, 2-й класс. У меня был успех».

Афиша от 24 февраля 1942 г.: Дагестанский Государственный театр – Только один концерт. Солисты – Иосиф Коган (скрипка), Семен Коган (рояль), при участии юной пианистки-композитора Евы Коган (рояль).

Записка руководства учебного комбината им. П.И. Чайковского замнаркома торговли КазССР Кетову от 24 октября 1943 г.: «Дирекция музыкально-хореографического учебного комбината им. П.И.

Чайковского просит Вас о персональном прикреплении к столовой и магазину научных работников музыкально-одаренную юную пианистку Еву Коган. По своему дарованию Ева Коган в 15 лет является уже крупным исполнителем. Для дальнейшего развития таланта Евы Коган требуется создать ей необходимые бытовые условия, в чем и просим Вашего содействия».

Учёба в музучилище, судя по датам учебной характеристики на студентку Коган Е.Б., была недолгой. «Коган Е. поступила в Алма-Атинскую Гос. консерваторию в декабре 1944 г. на 1-й курс фортепианного факультета. Являясь наиболее подвинутой студенткой... отлично занималась по всем предметам и закончила учебный год с круглыми пятерками...».

Афиша от 21 октября [1945 г.]: «В помещении Гос. театра для детей и юношества Казахстана – Симфонический концерт для юношества из произведений П.И. Чайковского. В программе... Концерт для фортепиано с оркестром (1-я часть). Студентка-солистка Гос. консерватории Ева Коган. Вступительное слово засл. арт. РСФСР Наталия Сац».

Евгений Бычков, сын Евы Коган: «Помню, как в детстве у нас с мамой зашел разговор о прошедшей войне – тогда воспоминания еще были горячи – и я сказал что-то вроде: «Мама, а это же вам, наверное, страшно было, когда идет война, и вы даже не знаете, кто победит?». И мама ответила: «Мы всегда знали, никогда даже не сомневались, что победим мы!» Только подумать, ведь она тогда была еще совсем молодой девочка, большую часть жизни, прожившая в Румынии, но уже горячий патриот, с огромным убеждением и внутренней силой духа».

Год 1946-й, во всех смыслах судьбоносный для Евы: в Алма-Ате гастролирует профессор Московской консерватории, выдающийся пианист Григорий Гинзбург. Послушав молодую студентку (она играла «Кампанеллу» Листа), он посоветовал ей поступать в Москву. На вопрос, что ей приготовить, кроме программы, которая уже была, он сказал: «Ну, что-нибудь из «Хорошо темперированного клавира» Баха». Она не поняла, и приготовила все 48 прелюдий и фуг этого сложнейшего цикла.

Людмила Зельцер, ученица Е.Б. Коган, лауреат Межзонального и Республиканского конкурсов, и. о. профессора кафедры спец. фортепиано Алма-Атинской консерватории и профессор фортепианного факультета Иерусалимской академии музыки, Израиль: «Ева Бенедиктовна рассказывала, как учила эти 48 прелюдий и фуг – в подвале, где они жили, был жуткий холод, приходилось заниматься в перчатках, а, чтобы согреться – выбегать на улицу».

В Московской консерватории преподаватели и студенты еще долго вспоминали, как приехала 18-летняя девочка из Алма-Аты с обоими томами Баха в репертуаре. Её приняли сразу на 2-й курс и присудили Сталинскую стипендию.

Нужно ли говорить, каким сакральным местом для любого музыканта являлась тогда Московская консерватория, и класс одного из ее ведущих профессоров Г.Р. Гинзбурга? Во всех смыслах «школа жизни», среди профессоров фортепианного факультета – Мария Юдина, Генрих Нейгауз, Константин Игумнов, Владимир Софроницкий. Это был расцвет советской фортепианной школы, и молодая студентка оказалась в избранном кругу, на всю жизнь сохранив трепетное отношение к великим именам. Она знала всю фортепианную музыку, но любимыми композиторами всегда оставались Шопен, Лист, Рахманинов и Чайковский. И позже, каждый раз приезжая в Москву, она обязательно заходила в консерваторию, где ее, еще многие годы после выпуска, хорошо помнили, и в знаменитый Дом композиторов на ул. Неждановой,^{1*} где жила семья её любимого профессора Г.Р. Гинзбурга.

Отучившись в Москве, Ева вернулась в Алма-Ату и начала преподавать в музыкальном училище. Вспоминает одна из её первых студенток, Нелли Потешкина: «Для меня, не так давно приехавшей из далекого Усть-Каменогорска в столичное музыкальное училище, было непросто справиться с волнением и решиться войти в дом, где жила семья Коганов, тем более, что там кто-то играл на пианино, и прервать занятия было бы просто кощунством. Но дверь открылась, и Коган-старший, увидев продрогшую девчущку, воскликнул: «Ой, заходите, деточка! Проходите, пожалуйста, ведь Еву уже надо остановить – она восьмой час занимается!» Увиденная картина врезалась в память на всю жизнь. За инструментом в пальто и в перчатках без пальчиков сидит Ева Бенедиктовна. С промозглых стен проходной комнаты (а они впятером – родители, Ева и два ее брата – занимали две комнаты) стекают ручейки, и тепла от включенной электроплитки совсем не ощущается. Коснувшись клавиатуры, пришедшая ученица невольно поежилась – ледяная, аж кусается... Такая у Евы была страсть к музыке, 8 часов за инструментом в таких условиях! И это после того, как она переиграла практически все, еще будучи студенткой».

Недолго проработав в музыкальном училище, Е. Коган начинает преподавать в консерватории. И помимо академической фортепианной классики, с огромным вниманием и увлечением исполняет произведения молодых казахстанских композиторов.

^{1*} Ныне – Брюсов переулок.

Выдающийся композитор Е.Г. Брусиловский был одним из многих, высоко оценивших молодую исполнительницу, 14 июня 1958 г. он отметил: «Е.Б. Коган уже много лет является лучшим интерпретатором произведений композиторов Советского Казахстана, написанных для фортепиано. В частности, в этом учебном году (1957/1958) на годовом переходном экзамене студентов-композиторов ею были исполнены два крупных произведения: Концерт Н. Мендыгалиева и Поэма для фортепиано А. Меттуса... Оба произведения, как всегда, Е.Б. Коган исполнила на высоком профессиональном уровне. Мы глубоко благодарны Е.Б. Коган».

Именно по рекомендации профессора Брусиловского Е. Коган исполнила Сонату для фортепиано его студента А. Бычкова. Это стало началом семейной жизни – Евы и Анатолия.

Евгений Бычков: «Я до сих пор не могу в это поверить, но в феврале 1958 г. мама полетела в Москву, чтобы слушать 1-й Конкурс им. Чайковского – тот самый, на котором победил Ван Клиберн. Сам по себе факт не столь уж значительный. Только вот сыну её – то есть, мне – было всего 6 месяцев, и она, по понятным причинам, взяла меня с собой. Остановились мы неподалеку от ул. Герцена^{1*} и в перерыве между исполнителями она прибегала, чтобы покормить ребенка, который оставался на попечении её знакомой семьи».

С 1964 г. и до последнего своего дня Ева Коган возглавляла кафедру специального фортепиано. Вот где были реализованы навыки, впитанные в годы московской учебы – невероятная работоспособность в сочетании с высочайшей профессиональной требовательностью. С этими годами связан и расцвет фортепианной кафедры, воспитавшей огромное количество выдающихся музыкантов. Организатором Ева была исключительно волевым и требовательным, регулярные классные концерты и выступления на открытых концертах каждого из преподавателей стали с тех пор славной традицией.

Н. Потешкина: «Однажды на какой-то из рядовых экзаменов Анатолий Бычков, муж Евы Бенедиктовны, известный композитор, Народный артист Казахстана, принес её на руках. Оказывается, накануне она сломала ногу и ей наложили гипс. Конечно, такая ее обязательность не могла не дисциплинировать всех, кто был рядом, – прежде всего, студентов кафедры... В те годы в консерватории имелся лишь один камерный зал, и, разумеется, он с утра до позднего вечера был занят – вокалисты, скрипачи, хоры, оркестры, весь день

^{1*} Ныне Большая Никитская.

расписан по минутам. Но не в правилах Евы Коган было не проводить репетиций с пианистами, и она проводила их ночами – после 10 вечера, когда консерватория закрывалась, договаривались с дежурными и репетировали ночь напролет, до самого утра».

Л. Зельцер: «Когда весной 1964 г. я готовилась к выпускному экзамену, Ева Бенедиктовна оставила меня ночевать у себя дома – оттуда до консерватории было ближе. Около 6 утра мы уже вышли из дома, и она говорит: «Какой хороший день! Люди еще только просыпаются, а у нас уже встреча с музыкой!» А много лет спустя, когда я уже была сама преподавателем на кафедре спец. фортепиано, я готовилась к сольному концерту с очень трудной программой – Соната си-минор и Первый концерт Шопена. Ева Бенедиктовна тогда только вернулась из Москвы, где ей делали операцию, но, конечно, она со мной репетировала. Я все сыграла, на пределе сил, как на концерте, мы все обсудили, и она говорит: «А теперь сыграй всю программу еще один раз». Я была в ужасе, ведь это очень трудно, и я уже полностью выложились, но она настояла: «Надо нарабатывать волю и преодолевать трудности, только тогда ты сможешь выступить в полную силу!» И я, конечно, справилась, это было из тех наставлений, которые очень помогли мне в жизни».

Дмитрий Новгородский, Доктор музыки от Yale University, профессор Ithaca College (США), сын Л. Зельцер: «Ева Бенедиктовна негласно опекала меня с самого детства, и когда мне было лет 14–15, я очень амбициозно взялся играть Первый концерт Чайковского. Однажды мама пожаловалась ей, что я не занимаюсь как надо. Ева Бенедиктовна позвала меня к себе домой, сама села за второй рояль и начала играть вступление в полном темпе. С вступительными аккордами я как-то справился, но на первой же каденции начал запинаться, и тогда она мне выдала: «Что ты о себе думаешь?! У тебя ведь нет техники, нет никакого пианизма, и не будет, если не заниматься по 4–5 часов в день!» И вот с того дня я и начал нормально заниматься».

Яннис Мавриди: «С Евой Бенедиктовной я познакомился с достаточно ранних лет. С Женей Бычковым мы пришли в первый класс Байсеитовской школы и как-то сразу «нашли друг друга», да и родители наши вместе работали в консерватории. Я довольно часто бывал у Жени дома, и в то время, естественно, его родители для меня были «тётя Ева» и «дядя Толя». Первое время я немного робел в присутствии Евы Бенедиктовны – она производила впечатление весьма строгой, и я думаю, что не только на меня. Но эта робость прошла до-

статочно быстро, т. к. тетя Ева относилась к нам, Жениным друзьям, с огромной теплотой. Когда мы были уже в более сознательном возрасте, она, как мне кажется, с удовольствием с нами болтала на разные темы – её образование и манеры вызывали восхищение, да и чувство юмора у неё было прекрасное.

В детстве на меня произвели впечатление её руки – они были невероятно выразительными, и не только на сцене, за роялем, но и в быту – что бы она ни делала. В консерватории у неё была слава очень строгого педагога, но при этом ученики её любили, и в нашей студенческой среде все, кто учился в классе Евы Коган, были на особом счету».

«На уроках Е. Коган всегда царит атмосфера музыкальной активности, все живет и дышит музыкой. Ева Бенедиктовна учит искать и находить заключенную в произведении основную мысль, идею, которую исполнитель обязан передать и донести до слушателей... Её советы молодым пианистам бесценны: это рекомендации большого мастера, познавшего многие тайны фортепианной игры. Она стремится учить своих воспитанников быть, а не казаться участниками творческого процесса, старается вызвать у них такое игровое самочувствие, которое... убирает из игры все лишнее, случайное, затемняющее смысл музыки... В классе Коган часто можно услышать слова «проще», «естественнее» ... Мыслящий музыкант, она много размышляет со своими учениками о звукоизвлечении, постановке рук, технических приемах, посадке за инструментом. И, пожалуй, самое главное – она буквально заражает класс своим творческим энтузиазмом, прививает любовь к настоящему, высокому искусству, воспитывает в учениках профессиональную честность и добросовестность, потребность в постоянном труде, требовательность к себе и другим, организованность, принципиальность, непримиримость к недостаткам, обязательность во всех деловых взаимоотношениях, точность, чувство долга, доброту, постоянную готовность прийти на помощь другому. Все эти качества в огромной степени присущи самой Еве Бенедиктовне» [8].

Список учеников-студентов класса Е.Б. Коган огромен, среди лауреатов первых межреспубликанских конкурсов – Людмила Зельцер, Марина Вартамян, Айсулу Досаева, Гульдана Жолымбетова...

При том, что огромную часть своего времени и своей энергии Е. Коган отдавала преподавательской работе, она продолжала выступать как солистка и с оркестром, и в ансамблях. По воспоминаниям одной из ее учениц, на концерты, особенно когда это был их дуэт с Иосифом «рвалось чуть ли не полгорода» [2, с.193].

Евгений Бычков: «Я с юных лет был свидетелем того, как мама готовилась к концертам – занималась она часами. Однажды, в репетиционной комнате за кулисами концертного зала филармонии, она ждала своего выступления на сцену, где оркестр уже играл какую-то музыку, и я спросил – мама, а скучно же вот так ждать? Ответ: «Мне никогда не скучно, когда играет музыка». Другой эпизод – я уже учился в консерватории, и мой приятель с композиторского отделения попросил меня исполнить его прелюдию. Я начал разучивать, работа не шла, я пожаловался маме. Мол, что-то мне эта музыка не очень нравится – на что получил ответ: «Ты просто обязан полюбить ее, ведь композитор через тебя несет свою музыку миру!»»

Существующие и используемые по сей день методические анализы казахстанских фортепианных произведений были сделаны Евой Коган. Она прилагала массу усилий, чтобы слушатель привыкал к народным музыкальным интонациям, и сумела сделать достоянием широкой публики произведения многих композиторов Казахстана: Ахмета Жубанова, Еркегали Рахмадиева, Куддуса Кужамьярова, Нагыма Мендыгалиева, Анатолия Бычкова, Тлеса Кажгалиева... Вклад ее в популяризацию национальной музыки просто огромный. Ее перу принадлежит фортепианный сборник пьес на основе казахских национальных тем, обработка «Сары-Арки» и множество методических разработок, в числе которых «Влияние казахских кюев на формирование и фактуру фортепианных пьес композиторов Казахстана», «Традиции и развитие казахской народной инструментальной музыки в фортепианном творчестве А. К. Жубанова». Ева Коган является редактором многих сочинений композиторов Казахстана, она активно пропагандировала их произведения, как в концертах, так и в записях для радио и телевидения. Зная ее чуткую бережную интерпретацию, маститые композиторы доверяли ей свои новые сочинения. С огромным энтузиазмом она работала над «Легендой о домбре» Н. Мендыгалиева, клавишной транскрипцией балета К. Кужамьярова «Чин Томур», «Танцами» из «Хореографического сборника» Е. Брусиловского (посвящение от автора, знаменитого своим юмором: «Талантливой Е.Б. Коган от совершенно бездарного, но благодарного автора – Брусиловский, 18/VII-70 г.»), и под ее пальцами эти произведения звучали законченными шедеврами, на уровне лучших образцов фортепианной классики.

В семейном архиве сохранился автограф-посвящение Прелюдии для фортепиано Г. Жубанова: «Самой, самой, самой родной и близ-

кой, самой, самой, самой талантливой Евочке – Еве Бенедиктовне Коган – с любовью от автора, 29.6.72».

Евгений Бычков: «Я не понимаю, когда она все успевала. Кафедральная работа, включая кучу писанины типа формальных отчетов и подготовки многочисленных учебных планов, большой класс собственных студентов – каждый из них был как член семьи, она знала все обо всех и в судьбе каждого принимала самое горячее участие, а в занятиях с ними она выкладывалась полностью. Постоянные выступления, сольные и в дуэте с братом Иосифом, записи на радио и телевидении, и еще – общественная работа по линии консерватории. При этом идеальное домашнее хозяйство, чистота и порядок в квартире, кулинарные изыски (на кухне стоял проигрыватель и всегда звучала фортепианная музыка), абсолютное участие в творчестве папы, который очень ценил её мнение. Мама много читала, хотя времени хватало в основном на профессиональную литературу. Правда, иногда, стараниями близких друзей, в доме на короткое время появлялись и Солженицын, и «Доктор Живаго». Ей удавалось находить время и для интересных телепрограмм (ее любимцем был Аркадий Райкин. И, конечно, мама не пропускала ни одного концерта Рихтера или Гилельса.), и общения с коллегами и не только, и переписки с далекими друзьями, уж не говоря о воспитании не самого послушного сына...»

Заключение

В завершение это рассказа о семье Коганов, еще несколько цитат-высказываний от выдающихся современников.

Роза Джаманова, Народная артистка СССР, профессор кафедры сольного пения КНК им. Курмангазы: «Мне посчастливилось заниматься у Евы Бенедиктовны, и в моей памяти она осталась чутким, доброжелательным человеком, требовательным педагогом, интересным музыкантом... Очень приятно, что ученики так достойно и деятельно хранят память о ней...».

Бибигуль Тулегенова, Народная артистка СССР, профессор кафедры сольного пения КНК им. Курмангазы: «Евочку Коган знаю прежде всего, как младшую сестру Семена Бенедиктовича и Иосифа Бенедиктовича... к сожалению, наш с ней дуэт, о котором мечтал Семен, не состоялся, жаль, что Евочка так рано ушла из жизни... Вспоминаю встречу со всемирно известным пианистом Яковом Флиером, приехавшим в Алма-Ату по инициативе Евы Коган – председателем Государственной экзаменационной комиссии фортепианного факультета. Прослушав мой с Семеном Бенедиктовичем концерт в

филармонии, он пришел поздравить нас за кулисы и выразил свое восхищение нашим ансамблем. «Впервые слышал такое единство, художественное совершенство солиста и концертмейстера». Семья Коганов была удивительно талантлива!..».

Ермек Серкебаев, Народный артист СССР, профессор кафедры сольного пения КНК им. Курмангазы: «Уникальной была семья Коганов. Семен – блестящий концертмейстер... до сих пор равного ему я не вижу. Иосиф – великолепный скрипач, Ева – великий педагог, ученики ее блистательны и талантливы, всегда отличаются от других хваткой, музыкальностью, техникой...».

Еркегали Рахмадиев, Народный артист СССР, профессор кафедры композиции КНК им. Курмангазы: «В 1954 г. я написал фортепианную поэму «На зов Абая», и Ева Бенедиктовна была ее первым исполнителем в Алма-Ате. С тех пор и завязалась наша дружба. В мою бытность ректором консерватории Ева Бенедиктовна блестяще руководила кафедрой. Становление фортепианной школы Казахстана неразрывно связано с ее именем... История не должна быть предана забвению, и преемственность поколений необходима» [9].

И, по классическим правилам музыкальной драматургии, кода:

Яннис Мавриди: «Семья Коганов – это уникальное явление не только в музыкальной жизни Казахстана, но и в истории исполнительского искусства в целом. Это, конечно же, не первый случай, когда в одной семье все дети были известными музыкантами, но так, чтобы все трое достигли таких высот в профессии, да ещё и всю жизнь, работая бок о бок – таких случаев, я думаю, найдется совсем немного. Судьбы наших семей имеют одно сходство – мои родители также вынуждены были покинуть родные места и тоже нашли свою вторую родину в Казахстане. И я невероятно счастлив, что мне выпала судьба жить в одно время с этими выдающимися музыкантами».

Это чувство, о котором говорит Яннис, никогда не оставляет нас. Конечно, это наши родители. Но с каждым годом мы все больше осознаем, какими выдающимися музыкантами они были. Каждый их день был пропитан главной страстью в наших семьях.

Музыка – это не просто профессия, но смысл жизни, и этой самозабвенной преданностью наши родители щедро делились со своими детьми и учениками, со всеми, кто соприкасался с семьей Коганов. Их талант и вклад в музыку и культуру Казахстана велик, но внутренний их мир не был связан никакими границами; вот почему главным для нас остается их беззаветное служение высокому искусству –

их личное наследие всем будущим поколениям, которые будут с благодарностью вспоминать Коганов.

1. Хамиди Л., Иванов-Сокольский М. «Друг музыкантов» // Газетная вырезка.^{1*}
2. Гринберг И. «Евреи в Алма-Ате». Краткий исторический очерк. Издание 2-е, дополненное. – Алматы: FORTRESS, 2009. – 410 с.
3. Серкебаева Ирина. «Жамал Омарова. Талант, признание, судьба» – Алматы: Жибек Жолы, 2016 г. – С.122
4. Серкебаева Ирина. «Ермек Серкебаев. И жизнь, и молодость, и счастье» – Алматы: Жибек Жолы, 2010 г. – С.182.
5. Серкебаева Ирина. «Бибигуль Тулегенова. Любить, надеяться и верить» – Алматы: Атамурра, 2014. – 248 с. – С.90, 91.
6. Тастанов Х. «Восхищение жизнью» // Вечерняя Алма-Ата – 1978 – № 83 (3332).
7. Трёмбовельский Е.Б. «Звучит камерная музыка» // Ленинская смена (г. Алма-Ата) – 23 марта 1967 г.
8. Жолымбетова Г. «Жизнь в музыке» // Вечерняя Алма-Ата – 18 апреля 1984.
9. Мостовая Л. «Ева Коган. Не говори с тоской: их нет. Но с благодарностью: были» // Известия-Казахстан – 19 марта 2004 г. – С.10.

Мавриди Я.Ф.

Чтобы всё было, как следует быть!

«Учитель – не тот, кто учит, а тот, у кого учатся»
(афоризм неизвестного автора)

Вениамин Соломонович Хесс – Педагог, Музыкант, Человек. Воспитанник легендарного Петра Соломоновича Столярского^{2*} и выдающегося скрипача и педагога Бориса Осиповича Сибора.^{3*} Сибор, в свою очередь, был одним из лучших учеников великого Леопольда Ауэра, имя Сибора неоднократно упоминается в письмах и дневниках самого Льва Толстого. Вот такая вот «скромная» родословная!

Один из основателей казахстанской скрипичной школы, Заслуженный деятель искусств КазССР, создатель и бессменный (до своей кончины в 1986 г.) руководитель ансамбля скрипачей Республиканской средней специальной музыкальной школы им. Куляш Байсеитовой, выступавшего во многих городах бывшего СССР, в т. ч. и в Москве. Из его класса вышла огромная плеяда скрипачей – исполнителей и педагогов, работающих в разных странах. Если бы я попытался просто перечислить те имена, которые помню, это заняло бы, наверное, целую страницу!

^{1*} Выходные данные газеты в семейном архиве не сохранились.

^{2*} П.С. Столярский (1871–1944), советский скрипач-педагог, народный артист Украинской ССР (1939). Основатель первой в СССР специализированной музыкальной школы для одарённых детей (в Одессе, 1933; ныне носящей его имя). Среди учеников – Давид Ойстрах, Натан Мильштейн, Елизавета Гилельс, Михаил Фихтенгольц, Самуил Фурер, Буся Гольдштейн и др.

^{3*} Б.О. Сибор (наст. фамилия – *Лифшиц*; 1880–1961), российский и советский скрипач, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Заслуженный артист Республики (1925).

Что можно сказать нового об этой гигантской фигуре? Имеющихся материалов никак не хватает для написания монографии о Хессе, которой, по моему мнению, он несомненно заслуживает, а возможности поиска дополнительной информации – документов, свидетельств, фотографий – очень ограничены. Имеются несколько кратких биографических очерков либо о нем, либо с упоминанием его имени. Из тех работ, что мне удалось отыскать, могу назвать «Историю кафедры струнных инструментов КНК им. Курмангазы» Н. Сагимбаева [1, с.8–9], «Скрипичная культура Казахстана» Д. Жумабековой [2, 46–55]. Никак не могу не упомянуть очерк Г. Афонина «Скрипка, судьба моя» [3], очень тепло написанный и содержащий много интересной информации. В диссертации Д. Махмуд «Струнно-смычковое исполнительство Казахстана на рубеже XX–XXI веков: проблемы стиля» [4, с.80], привлечшей моё внимание, при всей её монументальности и насыщенности очень интересной информацией, среди почти 250 страниц В.С. Хесс удостоился буквально пары строчек. Наверняка имеются и другие работы, посвященные Хессу, не говоря уже о статьях и интервью, но мне они неизвестны, и я прошу прощения у авторов за то, что не могу упомянуть их имена.

Что же я собираюсь предложить? Воспоминания? Но это тоже достаточно зыбкая почва – обычно они подвержены влиянию личности «вспоминающего», часто при этом с претензией на историческую достоверность. Что же остается? Пусть это будут просто размышления об Учителе. Может возникнуть справедливый вопрос: а кто ты есть, чтобы нам были интересны твои «размышления»? Не знаю, наверное – просто ученик, живший более 10 лет под крылом «папы Хесса», как мы его между собой называли, и к тому же сын его ученика.^{1*} Так что давайте попробуем.

Мой путь в класс Вениамина Соломоновича не был прямым, несмотря на то, что и мой отец, Фёдор Дмитриевич Мавриди, был его учеником. Свою учебу в Байсеитовской школе я начинал у Н.М. Патрушевой. Мой друг Марат Бисенгалиев часто вспоминает свои первые шаги: «Я учился в алматинской школе. Скрипкой занимался с 6 лет. Основной мой учитель – Патрушева, у нее обучались все знаменитости. А вот профессор Вениамин Соломонович Хесс за ухо вывел меня из класса за профнепригодность!» У меня же ситуация была обратная. После года занятий (или, может быть, чуть более того, не пом-

^{1*} Отец автора – Фёдор Дмитриевич Мавриди (1923–1988), скрипач, профессор АГК им. Курмангазы, заведующий кафедрой камерного ансамбля и струнного квартета (1978–1987).

ню точно, да и не суть важно), Нина Михайловна сочла меня профнепригодным (насчет уха не помню, скорее всего ничего такого не было), в чем я никак не могу её винить – видимо, я был тяжелым материалом для лепки. Об этом времени у меня, к сожалению, воспоминаний не осталось, только одна фотография моего урока с Ниной Михайловной. Но и к Хессу я после этого пока не попал – видимо, ещё не был готов. А взял меня в класс Олег Федорович Шульпяков, тоже ученик Вениамина Соломоновича. О подробностях наших занятий сказать ничего не могу, но, похоже, что ему удалось меня как-то пробудить. И когда он решил переезжать в Петрозаводск (а потом в Ленинград, где впоследствии стал профессором по классу скрипки), я, наконец-то, оказался в классе Хесса. О церемонии передачи меня из одних рук в другие, которая состоялась у нас дома, в памяти всплывают некоторые сцены. Отец тогда пригласил и Хесса, и Шульпякова, было, как полагается, застолье, ну а потом, когда все уже удобно устроились в креслах и на диване, Вениамин Соломонович подозвал меня, и, как истинный «шоумен» (каким он, несомненно, являлся, в самом хорошем смысле этого слова), долго и серьезно осматривал мои руки, задавал какие-то вопросы, я что-то отвечал. В итоге Вениамин Соломонович вынес свой вердикт – «Ну что же, поработаем!».

Вместе со мной от Шульпякова перешла также Жанна Абдуллаева,^{1*} и где-то в тоже время (может, немногим раньше или позже), мой ближайший друг Серик Сырлыбаев,^{2*} с которым мы потом практически всю жизнь были рядом.

И вот я в классе Хесса! Это был новый мир. О системе занятий Хесса в школе уже неоднократно рассказывали его ученики, но она сыграла такую огромную роль в моей жизни, что, даже рискуя повториться, я не могу избежать этой темы.

На урок по специальности мы собирались все одновременно. Начиналось все это действие обычно с раннего утра, хотя частенько бывали и вечерние сборы, особенно по выходным дням. Мы должны были не просто приходить в назначенное время, а быть уже разыгранными и готовыми к уроку. Сам Вениамин Соломонович был на месте всегда раньше всех и наблюдал, кто приходит заранее, а кто в последний момент. Все размещались по классам и по одному вызывались к «шефу». Отыграв часть программы и получив «руководящие указания», ученик шел работать над проблемами, и на смену прихо-

^{1*} Ныне артистка симфонического оркестра Мариинского театра (г. Санкт-Петербург, Россия).

^{2*} Ныне профессор Казахского Национального университета искусств (г. Нур-Султан).

дил другой. Через какое-то время каждый вызывался по второму разу, демонстрировал результаты, получал новые указания, и т. д. Таким образом, каждый проходил через руки Вениамина Соломоновича до 3-х и более раз. Продолжалась эта процедура несколько часов, в зависимости от обстоятельств. Эта система давала нам, на мой взгляд, массу преимуществ. Мы занимались под контролем педагога, привыкая добиваться желаемых результатов как можно быстрее и качественнее. К тому же у нас была возможность слушать друг друга и учиться на успехах и ошибках товарищей. Часто, работая в классе над каким-нибудь произведением, Вениамин Соломонович заставлял сидеть на уроке тех, кому ещё предстояло это произведение играть. Иногда просто собирал всех послушать какое-нибудь более или менее готовое исполнение. Абсолютной звездой у нас тогда был Коля Кадашников. Он исполнял самые сложные капризы и пьесы Паганини, Венявского и другие для нас тогда запредельные произведения, о которых мы могли ещё только мечтать. К Николаю Кадашникову «папа Хесс» относился по-особенному. Он был не только любимым учеником и гордостью, но и часто бывал дома у Хесса, много раз сопровождал «папу» в его знаменитых прогулках по терренкуру (любимый отдых Вениамина Соломоновича). Ну а для нас Коля был тогда замечательным примером для подражания.

Трудно преувеличить значение, которое Хесс придавал технике – этюдам и гаммам. Это была неременная и серьезная часть наших скрипичных будней. Но для Хесса одним из самых важнейших факторов скрипичного исполнительства являлось качество звука, его красота, поэтому работа над гаммами и упражнениями всегда ставила во главу угла качество звучания. Он не терпел фальши, необработанного, нефокусированного звука. Независимо от нюанса, скрипка должна была «петь», звучать полно, чисто, «сочно», и в самых быстрых пассажах даже мельчайшие ноты должны были быть озвучены. Самая блестящая техника, говорил он, если она не озвучена, не имеет смысла. «Вот иди сейчас и поработай над этим! И чтобы всё было, как следует быть!».

Для «папы» не существовало ни каникул, ни праздников (это касалось в основном школы, в консерватории прорядки были другие). Он мог вызвать нас на урок в любой выходной день. Отец, конечно, ворчал, особенно когда мы собирались семьей выехать за город на прогулку, но ему и в голову не приходило спорить с Хессом. Авторитет Вениамина Соломоновича был непоколебимым. Больше всего мне запомнился праздник 9 мая – День Победы. В этот день обычно мы

гуляли по городу, а вечером собирались на площади смотреть салют. Но у «папы» были другие планы, и он вызвал нас в школу на урок. Мы, конечно, взмолились – праздник же, Вениамин Соломонович, как можно! Ответ его был однозначен – это мой праздник, я – фронтовик. И если я работаю, вам сам бог велел. И вот, сидим мы с Сериком вечером в классе, выключив свет, и тоскливо наблюдаем вдалеке праздничный салют, а «папа» в это время «добивает» кого-то из последних оставшихся учеников. Потом мы шли вместе домой. Он дошел с нами до трамвайной линии, а дальше мы уныло поплелись сами. Кому-то это может не понравиться – издевательство над детьми и тому подобное, нам тоже, сами понимаете, тогда это не очень нравилось. Но впоследствии я обо всем этом вспоминал всегда с огромной благодарностью, и уверен, что и другие мои одноклассники – «хессовцы» того же мнения. Он привил нам трудолюбие, работоспособность, уважение к скрипке, Учителю, профессии. И за это ему низкий поклон.

Огромное место в нашей школьной жизни занимал ансамбль скрипачей – «унисон», как мы его называли для краткости. Это было любимое детище Вениамина Соломоновича, и отношение к нему было чрезвычайно серьезное. Каждый должен был сдавать партии текущего репертуара персонально. Чем являлся ансамбль скрипачей Байсеитовской школы для Алма-Аты, и в целом для музыкальной жизни Казахстана, нет нужды рассказывать. Без него не обходился ни один концерт – будь то отчетный концерт школы, правительственный гала-концерт, или Дни культуры Казахстана, в т. ч. и в Москве. Помощником Хесса в унисоне был Василий Васильевич Чухлов (Вась Васич, как мы его звали между собой). Он разучивал с учениками партии, проводил групповые репетиции. Программу мы должны были все знать наизусть и на века – иначе было невозможно. Вениамин Соломонович был очень требователен к качеству игры, и уровень был очень высок. Когда ансамбль участвовал в больших концертах в Оперном театре или во Дворце Ленина^{1*}, нас на время подготовки освобождали от занятий в школе, и мы много часов проводили там. Это все нам очень нравилось. Во время концерта или репетиции Хесс всегда находился на сцене, рядом с роялем. Он подавал нам сигналы монеткой, которая всегда была на этот случай при нем. Двойной стук – подняли инструменты, потом несколько ударов для темпа. Дисциплина в ансамбле была железная, но никакого послабления в уроках по специальности не было, работа не могла останавливаться.

^{1*} Ныне Дворец Республики.

В консерватории обстановка, естественно, отличалась от школьной – уроки проходили более традиционно. Нагрузка у студентов была достаточно тяжелой, кроме того некоторые уже работали, да и с классами в консерватории не было такого раздолья. Школьная система здесь, конечно, работать не могла, да и необходимости в этом не было. Мы были уже достаточно подготовлены к серьезной самостоятельной работе. Атмосфера в классе была теплая, можно даже сказать – семейная. Старшекурсники опекали и поддерживали младших, и молодежь старалась не отставать от старших. «Папа» это очень поощрял, часто поручал кому-нибудь из старших позаниматься с молодыми, иногда приводил учеников из Байсы и давал нам задание над чем-нибудь с ними поработать. Его очень заботило, чтобы воспитать не только хороших инструменталистов, но и квалифицированных педагогов. И эта атмосфера сохранялась у нас практически на всю жизнь. Ещё в студенческие годы я начал работать, сначала в оркестре Оперного театра (это было недолго – где-то полгода, но в месячных гастролях нашего театра в Москве в Большом театре я успел поучаствовать), а потом, с третьего курса, в ГСО, где проработал до 1988 г. (за вычетом аспирантуры и армии). Работа оркестранта – отдельная профессия, и начинающему неопытному студенту было поначалу нелегко. Но везде я находил «родственную» поддержку и опеку от своих «хесовцев». В опере это были Эдуард Бленд и Петр Данченко (Бехлер), в Госоркестре – Рафаэль Хисматуллин, бывший тогда концертмейстером, Марк Коган, Михаил Клейнерман, и др. Все имена назвать невозможно. Это – прекрасные музыканты и чудесные люди, у которых я многому научился, и со многими до сих пор поддерживаю отношения, хотя нас всех время разбросало по разным частям света.

Но вернемся к студенческим будням. В консерваторию Вениамин Соломонович приходил в костюме, при галстукe, всегда чисто выбритым и аккуратно постриженным, и такого же отношения требовал от всех. Это не значит, конечно, что все мы ходили в костюмах и галстуках – мы были молоды, и для нас нормой были длинные волосы, джинсы (если удавалось раздобыть) и все в том же духе, но мы старались всегда выглядеть аккуратно и достойно. Иногда он учил нас жизни. Помню, как он просвещал одного старшекурсника, как строить отношения с девушками. Это было что-то вроде: «Ваши девушки должны понимать, что скрипка у вас всегда на первом месте. Я тоже был молодым, а девушки, пока я занимался на скрипке, сидели на скамейке под окном и читали книгу». Мы, конечно, тихо посмеивались, представляя себе эту картину. Фамильярности он никому не

позволял, и сам был всегда вежлив и корректен. Конечно, он мог иногда довольно обидно охарактеризовать какого-нибудь ученика, а порой и врезать по спине – «не горбись!», или по животу – «подбери живот!». Шутить он любил, хотя юмор его не был таким ярким и полетным, как, скажем, у Якова Иосифовича Фудимана.^{1*} И мы тоже часто шутили в его присутствии, но всегда в определенных рамках. Между собой мы благодушно подшучивали над его рассказами – о службе в армии «слухачом», о своей учебе у Столярского и Сибора, о его ученике Льве Маркизе, – дескать, умеет же «папа» красиво преподнести!». Но ведь это всё оказалось чистой правдой! И знаменитый Л. Маркиз с большой теплотой вспоминает в своей книге о любимом Учителе [6, с.27–28, 415], и в юбилейной книге о Московской консерватории В.С. Хесс значится как один из лучших учеников Б.О. Сибора [7, с.47–48].

В классе, на столе рядом с Хессом, обычно лежал футляр со скрипкой, как он говорил, работы Никола Люпо. Правда, после его смерти ходили слухи, что экспертиза авторство не подтвердила. Не знаю, кто и зачем делал эту экспертизу, и состоялась ли она вообще, но инструмент был на самом деле хороший, породистый, с ярким, насыщенным звуком. Насколько я помню, у него была ещё скрипка работы Витачека, но Люпо был его любимцем. Во время уроков он иногда брал инструмент и показывал какие-то приемы, пассажи, фразы. Когда читаешь его биографию, становится очевидным, что он был скрипачом высокого класса, но, к сожалению, в эти годы его игра уже начала терять свой блеск и чистоту. Трудно представить себе, что должен чувствовать человек, для которого скрипка была в жизни всем, понимая, что она начинает от него отдаляться... Ему, конечно, всегда без труда удавалось донести до нас то, что он хотел, и мы прекрасно понимали, что именно он нам хочет показать и объяснить. И излишне говорить, что наше глубокое уважение к нему несколько не страдало, он всегда оставался нерушимым авторитетом во всех вопросах скрипичного исполнительства. Ну а как человек, он от этого даже становился нам ещё ближе.

Кроме обычного сольного скрипичного репертуара, Хесс обязательно проходил с нами сонаты – Моцарта, Бетховена, Брамса, хотя

^{1*} Я.И. Фудиман (1934–2007), основоположник казахстанской альтовой школы, профессор Казахской Национальной консерватории имени Курмангазы, кавалер ордена «Курмет», руководитель камерного оркестра консерватории. Также см. Я.И. Фудиман – основоположник альтовой школы Казахстана. /История. Память люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы – Алматы, 2019. – С.550–556.

это считалось вотчиной кафедры камерного ансамбля. Но «папа» никак не мог оставить без внимания такой огромный и важный репертуарный пласт!

Здесь хотелось бы сделать небольшую модуляцию, точнее – отклонение в родственную тональность. Приведу небольшой рассказ моей соклассницы Жанны Абдуллаевой: «Как-то я разучивала Концерт Мендельсона, и всё что-то не выходило, ну и, конечно, на очередном уроке получала взбучку. В какой-то момент Вениамин Соломонович не выдержал, и сердито сказал: «Я бы на твоём месте по ночам занимался, но доучил!». И я стала заниматься ночами на нашей маленькой кухне. Легко себе представить, что тут началось... Кроме того, что соседи колотили по батареям и звонили в дверь, я ещё и на уроки приходила не выспавшись, и всё стало ещё хуже! Хесс вызвал маму и ей пришлось рассказать про ночные кошмары и...меня заставили ночами спать! Вспоминать можно целый день, но одна фраза мне особенно запомнилась. Мы подбирали программу для выпускного экзамена, и мне хотелось концерт Венявского, и много чего другого. Тогда Вениамин Соломонович сказал мне: «Понимаешь, я выбираю тебе программу, как выбирают платье для невесты. Надо чтобы оно на тебе хорошо сидело, было к лицу и украшало тебя! Так и с программой – на экзамене программа должна быть по твоим рукам, характеру, темпераменту и должна тебя украшать». Гораздо позже, когда я сама преподавала, я всё время вспоминала его слова, и студентам своим рассказывала об этом...Незабываемо и удивительно!»

Редакции Хесса – штрихи, аппликатура – многими считались идеальными. Но была другая проблема – все пометки в нотах Вениамин Соломонович, как известно, любил делать не карандашом, а ручкой – на века! И при этом его совершенно не волновало, принадлежат ли ноты лично ученику, или взяты из библиотеки. Если в Байсеитовской школе это не создавало проблем, так как там практически все преподаватели тогда были прямо или косвенно его учениками, и, получив в библиотеке ноты с нестираемой редакцией Хесса, мало кто жаловался. А вот в консерватории ситуация была в корне другая. Ни для кого не было секретом, что отношения между нашими двумя ведущими профессорами – Вениамином Соломоновичем Хессом и Иосифом Бенедиктовичем Коганом,^{1*} были, мягко говоря, сильно натянутыми. Я не собираюсь вдаваться в подробности и историю этих отношений, или выбирать чью-то сторону, для меня всегда главным было то, что

^{1*} И.Б. Коган (1920–1982), казахстанский скрипач, Заслуженный артист КазССР, профессор Алма-Атинской государственной консерватории им. Курманагазы.

у нас есть две такие личности, и за это мы должны благодарить судьбу. Но в связи с этой, если быть до конца честным, не очень правильной привычкой Вениамина Соломоновича, можно представить себе реакцию, например, Иосифа Бенедиктовича, когда появлялся студент с нотами из консерваторской библиотеки, красиво расписанные рукой (и ручкой!) Хесса. Мне, я считаю, в этом отношении очень повезло. У моего отца была большая нотная библиотека, которую он собирал много лет (и которую я до сих пор пополняю), так что я в основном пользовался собственными нотами. И поэтому у меня сохранилось достаточно произведений с редакциями Хесса, сделанными ручкой, и за столько лет совершенно не потерявшими свою четкость!

Невозможно переоценить ту атмосферу, в которой мы все тогда жили. Нас окружали действительно выдающиеся личности – Вениамин Соломонович Хесс, Иосиф Бенедиктович и Ева Бенедиктовна Коганы, Нина Михайловна Патрушева, Яков Иосифович Фудиман, Клара Ароновна Господарь, Эмиль Абрамович Росман, Джамбул Кузембаевич Баспаев, Галина Ивановна Кононенко, – и мы могли общаться с ними, слушать их и учиться у них. Все годы – с момента окончания консерватории и до самой кончины Вениамина Соломоновича, наши отношения никогда не прерывались надолго. И хотя я несколько лет провел в Москве на учебе, а потом в армии, даже в эти периоды мы обменивались письмами. И так же, как человеку всегда не хватает ушедших из жизни родителей, так мне всегда не хватает моих учителей. В жизни бывают моменты, когда тебя одолевают сомнения – а хорошо ли это, а что бы сказал Вениамин Соломонович, а понравилась бы ему эта трактовка? И мы мысленно обращаемся к учителям с вопросами, просим помощи, совета, и довольно часто они откликаются!

В заключение хочу предоставить слово самому «папе Хессу», нашему дорогому Учителю и Другу, и привести два фрагмента из его писем.

«Дорогой мой Яник. Ты и Серик для меня как родные дети. Сколько труда вложено вами, и мною. И для меня сейчас большая радость нет – не то слово – счастье, видеть Вас на пороге окончания аспирантуры.

Уверен, что Вы оба будете в числе лучших скрипачей нашего города. От всей души желаю тебе, успешного окончания учебы. Думаю, что покажешь класс игры школы Хесса.

Передай мой сердечный привет Борису Владимировичу (имеется в виду Б.В. Беленький) и большую благодарность от моего имени и

пожелания хорошего здоровья и благополучия, и блестящего продолжения традиций Льва Моисеевича Цейтлина, моего кумира. Целую, твой В. С.».

«Дорогой Яник! Хороший музыкант всегда одержим, своим делом, поэтому, твои занятия должны быть для тебя новыми открытиями, в этом, я уверен, тебе поможет твой учитель.

Передай ему мой сердечный привет и добрые пожелания крепкого здоровья, и больших творческих успехов. В одном я тебе советую не брать пример у твоего профессора. НЕ КУРИТЬ.

Я болел воспалением легких 1½ месяца, сейчас здоров, и опять занимаюсь спортом, и с большим увлечением со своими учениками. Тамара Александровна благодарит за внимание, и шлет тебе добрых пожеланий успехов. Обнимаю тебя, твой В. С. 6/III 81 г.».

1. Сагимбаев Н. История кафедры струнных инструментов КНК им. Курмангазы (1944–2014). – Алматы, 2015.

2. Жумабекова Д. Скрипичная культура Казахстана: педагогика, исполнительство и композиторское творчество (от истоков до современности). Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – М., 2015.

3. Афонин Г.. «Скрипка, судьба моя». // «Новое поколение», (г. Алматы), № 16 (308) – 23 апреля 2004.

4. Махмуд Д. Струнно-смычковое исполнительство Казахстана на рубеже XX–XXI веков: проблемы стиля. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии (PhD). – Алматы, 2018.

5. Коргуев С. Упражнения в двойных нотах для скрипки. – Государственное музыкальное издательство, 1954.

6. Маркиз Л. Смычок в шкафу. – Москва: Аграф, 2008

7. Московская консерватория. К 125-летию со дня основания (1866–1991), ред. Г.А. Прибегина, – М., 1991.

Сагимбаев Н.Е.

Не гнуться под ударами судьбы (к 100-летию С.З. Крепса)

На следующий год исполнится 100 лет со дня рождения Станислава Зигфридовича Крепса – человека, прошедшего трудную жизненную школу. Он родился в г. Станиславе (ныне Ивано-Франковск, Украина), находившемся в то время в Австро-Венгрии. За оригинальность архитектуры город иногда называют «малым Львовом». После распада Австро-Венгрии в 1918 г. город был переименован в Станиславов и на протяжении января–мая 1919 г. являлся столицей вновь созданной Западно-Украинской Народной Республики. Однако в мае город был занят польскими войсками и до начала Второй мировой войны он – центр Станиславовского воеводства Польской Республики.

В 1919 г. юный Станислав окончил Львовскую консерваторию и продолжил свое образование у Франтишека Ондржичека в «Высшей

школе мастерства при Пражской консерватории» (1919–1923), а затем в основанном в 1924 г. «Институте Люсьена Капе» в Париже.

Скрипач с прекрасной европейской школой, Крепс вернулся в родной город, активно выступал с концертами и был приглашен на работу в городскую консерваторию, где проработал семь лет до 1934 г. Один из его учеников, Л. Махоровский, стал лауреатом 3 премии Конкурса скрипачей им. Г. Венявского. Этот педагогический успех молодого педагога из провинциального учебного заведения привлек внимание специалистов и в этом же, 1934 г. С. Крепс был приглашен на должность педагога по классу скрипки во Львовскую консерваторию, где проработал 4 года. В 1938 г. перспективного преподавателя и исследователя пригласили в Варшаву в Институт музыки им. С. Монюшко. Перед ним открывалось большое будущее, но...

Наступило 1 сентября 1939 г. Войска вермахта перешли польско-германскую границу и вторглись на территорию Польши. Варшавское радио сообщало о подвигах польских уланов, в конном строю атаковавших немецкие танки из крупповской стали, о героизме юных панов поручиков, но всё было кончено... Начавшиеся расстрелы польских евреев – действия «специальной группы» генерала Удо фон Войрша – и вступление в Польшу частей РККА подтолкнули Крепса на трудное решение о переходе границы СССР, во время которого он был задержан и отправлен в Абезький лагерь в Республике Коми. Лагерное начальство обратило внимание на его педагогические и музыкальные способности и вскоре назначило С.З. Крепса руководителем вольнонаемного ансамбля местного Политотдела НКВД, в котором тот проработал два года. С началом Великой Отечественной войны летом 1941 г. Станислав Зигфридович был выслан в Алма-Ату, где и проработал до реабилитации в 1944 г. на струнном отделении Алма-Атинского музыкально-хореографического комбината им. П.И. Чайковского, располагавшегося в нынешнем здании консерватории.

После 1944 г. С.З. Крепс был направлен в освобожденную Молдавию в Кишиневскую консерваторию, где занимал должность доцента кафедры струнных инструментов, в 1945 г. командирован в родные края во Львовскую консерваторию, в 1951 г. переехал в Тбилиси, где работал во Втором музыкальном училище, носящем ныне имя Евгения Микеладзе.

В 1957 г. по приглашению тогдашнего ректора Алма-Атинской консерватории Куддуса Кужамьярова, взявшего курс на укрепление

педагогического состава Станислав Зигфридович вновь приехал в Казахстан. Здесь он зарекомендовал себя как «знаток исполнительского искусства игры на скрипке, хороший педагог, опытный методист, который идет не только известной дорогой, но и ищет новые пути». Зачитанная им на кафедре, начатая ещё в Грузии, работа «О культуре скрипичного тона и скрипичные штрихи»^{1*} в четырёх частях вызвала большой интерес кафедры. Заведующий кафедрой струнных инструментов, Заслуженный учитель Казахской ССР В.С. Хесс, выступая на обсуждении, сказал: «Приятно отметить, что на кафедре появились теоретические исследования». С.З. Крепс преподавал в школе-десятилетке (ныне РССМШИ им. К. Байсеитовой), руководил пед-практикой студентов, которая проходила в стенах детдома № 3. В 1959 г. им на обсуждение была представлена «Начальная школа игры на скрипке», которая получила одобрение кафедры и была рекомендована к изданию. В учебно-педагогических целях им были написаны «Этюды в различных позициях на казахском материале» (1961), сделана обработка «Вариаций на тему казахской народной песни «Угай-ай» И. Дубовского (1961), написан методический доклад «Особенности штриховой техники в сонатах Бетховена» (1961), разработана «Система упражнений в двойных нотах» (1962) для средних и высших музыкальных учебных заведений, признанные кафедрой очень интересными и ценными. Совместно с В.С. Хессом и Б. Гизатовым им было запланировано написание «Школы игры на скрипке на казахском и русском языке» (в 4-х частях) для школ и училищ с использованием национального материала, но, к сожалению, по ряду объективных и субъективных причин этому не суждено было осуществиться.

В октябре 1963 г. Станислав Зигфридович принял участие в работе семинара педагогов скрипки музыкальных школ и училищ Средней Азии и Казахстана, где выступил с докладом наряду с профессорами московских вузов П.А. Бондаренко, В.П. Брониным и М.А. Гарлицким. В 1964 г. доцент С.З. Крепс перешел на работу в РССМШИ им. К. Байсеитовой, много лет работал в музыкальном училище.

К сожалению, документов о его дальнейшей судьбе не сохранилось, но остались его разработки, его ноты, осталось дело, которому он беззаветно служил всю свою жизнь.

^{1*} Рукопись хранится в архиве КНК им. Курмангазы.

«И льётся аллилуйя на смуглые поля»
(воспоминания о Моисее Михайловиче Копыленко)
«Филипс Электроника в Казахстане»

Моисей Михайлович ушел из жизни 18 декабря 1997 г. в возрасте 77 лет. В это время я работала в представительстве компании Филипс Электроника.

Печальное известие получила к концу рабочего дня по телефону, когда я сидела в офисе за своим рабочим столом в удобном голубом кресле. «Не может быть, этого не может быть! Разве так бывает?» – шептала я себе, отчаянно пытаюсь остановить наворачивающиеся слезы.

Это была четвертая потеря в осознанном возрасте: в 14 лет ушел из жизни статный и немногословный дедушка, бухгалтер, прошедший войну; в 16 лет – улыбчивая бабушка, знавшая только арабскую письменность и читающая намаз; в 23 – задумчивая многоязычная бабушка из купеческой семьи, уроженка г. Верного, образованная татарка. И вот в 40 лет я осталась без своего Учителя.

Бессмысленно казалось что-то делать по работе – по традиции оповестила близких и друзей, которые знали его. До конца рабочего дня оставалось полчаса. Я зашла к шефу подписать документы. Скрыть не получилось – разрыдалась. Он меня усадил на кресло возле себя. Успокоил. Налил воду. Now tell me. Несмотря на мои теплые отношения с шефом, я не подозревала, как близко он воспримет мою боль. Мой шеф – это Ян Барт Генри из Нидерландов, получивший блестящее образование в Англии, замечательный управленец и человек.

И он услышал все, чем я жила до работы в компании и какое место Учитель занимал в моем сердце. «Учитель научил меня бережно относиться к любому слову любого языка, к каждому слову, словосочетанию, предложению, различать стили, учитывать контекст ...», – говорила я.

Шеф внимательно слушал и понял, что я люблю свою профессию, Учителя и Лингвистику. В тот вечер он узнал, что я мечтаю вернуться к студентам, лекциям, классной доске...

«Ты – достойная ученица своего учителя. Я горжусь, что у меня такой ассистент и переводчица», – сказал шеф в конце нашей беседы.

Шеф вызвал водителя и попросил отвезти меня домой, купить что-нибудь на ужин детям в магазине и проводить прямо до квартиры. Мы попрощались с шефом. «Take a break tomorrow», – услышала я в дверях.

Моисей Михайлович произносил мое имя с ударением только на последнем слоге, и если кто-то в его присутствии произносил мое имя с ударением на первом слоге, Моисей Михайлович поправлял: «Ведь это законы языка!» Ему суждено их было знать по образованию и призванию. Однажды я рассказала шефу и об этом. С того дня шеф старался называть меня по-казахски, с ударением на последнем слоге, как Моисей Михайлович. Этот закон он запомнил навсегда. И если он ошибался и по привычке ставил ударение на первый слог, то лукаво-виновато смотрел на меня и тут же исправлял ошибку. И только мы понимали, о чем идет речь...

В 2000 г. наша компания оказала спонсорскую поддержку международной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Моисея Михайловича. Был выпущен сборник статей «Актуальные вопросы лингвистики», карманные ламинированные открытки с портретом, подписью и краткой биографией Моисея Михайловича, также участников конференции обеспечили сувенирной продукцией нашей компании: ручки, брелоки, блокноты.

Портрет.

На следующий день я встретила дочь Моисея Михайловича – Ириной Моисеевны в их квартире. В кабинете висел портрет Моисея Михайловича. Он смотрел на меня и о чем-то размышлял... Мне очень понравилась картина и я поинтересовалась автором. Оказалось, что этот портрет написал известный казахстанский художник Иван Яковлевич Стадничук. Я только слышала о нем, и ничего больше. Позднее я узнала, что он тоже родился в Украине, старше Моисея Михайловича на семь лет, приехал в Алма-Ату чуть раньше, в 1952 г. Моисей Михайлович приехал из Одессы в год моего рождения, в 1957 г.

Вечером того же дня мне захотелось побыть одной, и я пошла на концерт струнного оркестра в Государственную Филармонию им. Джамбула. Купила билет и зашла в зал. Свободных мест было много – ведь шёл 1997 г. Не стала искать место, указанное на билете. Издалека заметила седовласового мужчину, сидящего где-то в пятом ряду посередине. И я пошла напрямик к нему. Мне непременно захотелось сесть с ним рядом – какое-то отдаленное неуловимое сходство с Учителем. Я тихонько приютилось возле него. Во время концерта я сидела, скрывая свой скомканный платочек в руке и незаметно утирая слезы.

Под звуки музыки всплывали рассказы об Одессе, большой старинный письменный стол, клей и ножницы... Вспомнила, как однажды

вечером спустя несколько лет после защиты диссертации 31 декабря я пришла к Моисею Михайловичу в костюме Деда Мороза. Дома были его внуки Машенька и Сашенька, которые с удовольствием рассказывали мне стишки, разгадывали мои загадки, пели «В лесу родилась елочка» под мой аккомпанемент на пианино. «А я ведь сразу и не узнал вас, Майра! Как здорово получилось!», – восклицал Учитель.

А вот на кухне он делает салат из редьки и моркови – режет крупными бесформенными кусками и спрашивает: «Какое название я дал этому салату?». Не дожидаясь ответа, сам ответил: «Федя». Вот так я и столкнулась тогда с проблемой номинации и мотивации языковых единиц!

Антракт. Мой сосед посмотрел в мою сторону и тихо спросил: «Голубушка, у вас беда?» «Да. Мой Учитель», – еле слышно ответила я. Сосед повернулся ко мне. «А как его звали?» – продолжал расспрашивать сосед. Оказалось, что он хорошо знал Моисея Михайловича и писал его портрет. «Так это ваш портрет висит в квартире Моисея Михайловича?» – изумилась я такому стечению обстоятельств. «Да, – произнес мой сосед. – А зовут меня Иван Стадничук».

Песах

Время шло. Осознать и примириться с утратой близкого человека было трудно. Фотографию Учителя поместила на работе у себя на столе. Я видела его улыбку каждый день и вот, спустя два года после кончины, я увидела во сне счастливого Моисея Михайловича, и мы с ним очень оживленно разговаривали о чем-то! Я проснулась со слезами счастья! Долго не могла поверить, что это был сон... Настроение у меня было совсем нерабочее и мне нужно было что-то предпринять! Лепешки испечь! Помолиться! Срочно увидеть его дом!

Я позвонила в офис шефу и сказала, что не приду на работу – со мной что-то происходит, но объяснить пока не могу. Такому трудолику и всегда здоровому сотруднику отказать было нельзя! Ура! И я помчалась к Ирине Моисеевне, предварительно даже не позвонив ей. И, о чудо! Она была дома. Увидев меня, не скрывая своего удивления, поприветствовала такими словами: «Майра, вы – первый гость на Песах! Вот это да!» «Песах... Знаю. Но я же никогда не поздравляла Моисея Михайловича с этим праздником! Получается он меня пригласил на Песах!» – подумала я.

Я угостилась мацой, которую привезли Ирине Моисеевне накануне из Израиля. Потом мы вместе праздновали этот праздник в еврейской общине и на мероприятиях посольства Израиля в Казахстане.

На следующий день мой шеф узнал о причине моего отсутствия и в очередной раз убедился, как много в имени Учителя для меня слилось...

Казахский язык.

Вся моя научно-педагогическая, переводческая и административная работа была связана с использованием не только английского, русского, но и казахского языка. И этим я обязана не только своим родителям, но и Моисею Михайловичу. За годы становления независимого Казахстана укрепился статус казахского языка, возрос интерес к истории и культуре языка. Когда в 1986 г. мы обсуждали тему моей диссертации, Моисей Михайлович искренне расстроился, что для сопоставительного анализа я выбрала только английский и русский языки, и твердо настоял на исследовании также казахского языка. Мой лепет, типа: «Детский сад на русском, школа на русском, русское отделение в институте. Пощадите!» – он просто не слышал и не хотел слушать. И тогда на моем письменном столе впервые появились русско-казахские и казахско-русские словари, толковый словарь казахского языка, книги казахских писателей и поэтов, газеты...

Начало перестройки, двое маленьких детей, изучение родного языка... Да, стыдно, но так случилось. И эта история – часть моей жизни, которая всегда будет со мной и о которой я не сожалею. Я плохо владела казахским языком, но у меня были добрые воспитатели, прекрасные учителя в школе и незаурядные преподаватели в институте. И вот новый поворот! Моисей Михайлович, уроженец Одессы, открывал мне двери в знакомый-незнакомый, родной-далекий мир казахского языка. Наши родители, бабушки, дети говорили на казахском, а мы отвечали на русском. Моему отцу пришлось приложить немало усилий, чтобы его единственный сын в окружении обрусевших сестер стал двуязычным.

Однажды Моисей Михайлович спросил: «А вы читали последний номер газеты «Ана тілі»? Там начали печатать повесть, в которой вы найдете много интересного», – и протянул мне несколько карточек, где крупным родным почерком были выписаны три обозначения родства, выполняющие функцию обращений. Я промолчала. «Эту газету вы обязаны выписывать и читать», – добавил он. «Кстати, а вы знаете, какой термин закрепили за понятием зонт? Қолшатыр», – просветил меня Учитель.

Диссертацию завершила в срок, однако в связи с отсутствием Совета по сопоставительному языкознанию в Казахстане была проведена разовая защита в КазГУ им. С.М. Кирова. После защиты Учитель с

гордостью сказал: «Казахский язык обогатил Ваше исследование. Вы согласны?»

Моисей Михайлович верил в меня, и я с упорством занималась казахским языком, интересовалась казахской культурой. Дети мои закончили школу с казахским языком обучения. Мой Учитель изменил мой языковой репертуар, спас меня от лингвистической нищеты, расширил горизонты моего творчества. Сейчас, изучая труды отца и деда на казахском языке, я могу с уверенностью сказать, что преемственность поколений восстановлена! Это большое счастье.

Теперь, когда в моем родном г. Алматы все чаще и чаще звучит язык моих предков в статусе государственного, моё пассивное знание казахского языка превращается в активное, благодаря уже новым талантливым учителям и друзьям, прекрасно владеющим казахским языком. Я помню, как на официальной церемонии прощания с Моисеем Михайловичем в Казахском университете мировых языков,^{1*} его ученица, преподаватель французского языка Куляш Керимбековна Дуйсекова, произносившая прощальную речь на казахском языке, сказала: «Он любил казахский язык, он слышит и понимает меня». Да, наш Учитель считал любой язык высшей ценностью народа.

И чтобы продемонстрировать своё владение языком, я пела песни по-казахски.

Музыка

О том, как мне «песня строить и жить помогала», Учитель узнал по одному невероятному случаю из моего аспирантского периода жизни. На последнем курсе в 1989 г., завершив три главы диссертации, я никак не могла определиться с критериями сравнения трех тысяч языковых единиц английского, русского и казахского языков. В голове прокручивала разные варианты написания главы, но каждый раз сталкивалась с несовершенным подходом. Я была в отчаянии. Но вот ранней весной приехал в Алматы набирающий популярность певец Владимир Пресняков-младший. Его хиты «Зурбаган», «Спит природоженная трава» из фильма «Выше радуги» я иногда пела с сестрой. Мои редкие походы в театр или кинотеатр в годы учебы поощрялись мамой, которая твердила, что нужно иногда отдыхать. Мама была счастлива, когда узнала, что я купила билет на концерт своего кумира во Дворец им. В.И. Ленина.^{2*} Для меня это был супер безответственный поступок, т. к. последняя глава не написана, а обсуждение уже на

^{1*} Ныне КазУМОИМЯ им. Абылай хана.

^{2*} С 1991 г Дворец Республики.

носу. Но желание увидеть любимого певца и послушать «Зурбаган» оказалось сильнее моих жизненных принципов, и девиз «сделал дело – гуляй смело» не сработал.

Как прошли два часа концерта и какую бурю чувств я испытала? Выйдя из Дворца, я хотела превратиться в сказочно красивую птицу и улететь! Трудно поверить, но ночью мне приснился план работы над четвертой главой! Через неделю он был одобрен Моисеем Михайловичем. Когда я ему рассказала свой сон, он изумленно посмотрел на меня. Очевидно, но невероятно! Так музыка сыграла со мной добрую шутку!

Поэзия

О моих непростых отношениях с Мариной Цветаевой он тоже узнал. Это случилось во время моей поездки в Москву, где я занималась в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (знаменитой Ленинке). А дело было так. Я заранее купила билет на трехчасовую экскурсию по местам Марины Цветаевой. 1 января на экскурсию пришла я одна – в СССР Новый год отмечали всю ночь. Я зашла в автобус. Экскурсовод и водитель сидели в ожидании других туристов, но их не было. «Отменяют сейчас экскурсию», – пронеслось у меня в голове, и я громко неожиданно для себя начала читать стихотворение.

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.
Клеймо позорит плечи,
За голенищем – нож.
Издалека-далече –
Ты все же позовешь.
На каторжные клейма,
На всякую болесть –
Младенец Пантелеймон
У нас целитель есть.
А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –
Там Иверское сердце,
Червонное горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

Сказать, что они были ошарашены – ничего не сказать. Так началась незабываемая экскурсия. Для меня одной! Мы говорили не толь-

ко о Марине, святом Пантейлемоне, Москве, но и о Казахстане, моей учебе и Моисее Михайловиче.

Когда я рассказывала ему об этой экскурсии, он улыбался и, конечно, радовался моей любознательности. Именно это качество названо самым важным в его краткой биографии, вошедшей в энциклопедию «Элита Казахстана».

Он поощрял мою любознательность, однако ему приходилось не раз укрощать ее. Например, когда я уходила в этнографические описания в кандидатской диссертации по системе наименований родства в английском, русском и казахском языках.

Планы

После защиты диссертации я решила продолжить работу над той же темой, но на материале германских, славянских и тюрских языков. Тогда Моисей Михайлович сказал: «Для этого нужно прежде всего знать немецкий, украинский и турецкий. Немецкий обогатит английский, украинский – русский, турецкий – казахский», – и подарил мне русско-украинский словарь. А на последней карточке, которые обычно ученики получали от него с библиографическим описанием какой-нибудь работы или примера по нашим темам, размашистым подчерком Учителя было написано: «А.В. Шабашов «Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // Этнографическое обозрение. № 3. 1995».

Но...я свернула с этой дороги. Перестройка, одним словом. Вместо мира языка я оказалась в мире бизнеса.

Я знала, что это временно и что я еще обрадую Учителя. Так и случилось – спустя несколько лет я вернулась в свой родной университет – «альма матер», и первое занятие я посвятила своему учителю. К сожалению, он не успел прочитать мои новые публикации, не стал свидетелем успехов моих учеников в науке.

Фотография

Закончу свои воспоминания историей с одной фотографией. На одной из встреч я рассказала, что в Алматы можно покататься на воздушных шарах и показала ему фотографии. «Любопытно», – улыбнувшись и удобно усевшись на стул, принялся рассматривать пачку фотографий, которую я условно назвала «Полет нормальный!». Судя по улыбке, название ему понравилось. Он улыбался всегда искренне, открыто, широко.

Мой полет на аэростате в очаровательной плетеной корзине с пилотом на заднем плане на фоне изумрудного цвета долины под Алма-

ты и огромного безоблачного голубого неба поразили его настолько, что он попросил подарить одну фотографию. Каково же было удивление, когда через месяц я увидела эту фотографию на одной из многочисленных книжных полок рядом с черно-белыми снимками двух выдающихся филологов – имен не смею даже назвать.

Фотография «Полет нормальный!» в кабинете великого ученого меня сильно смутила, но теперь я понимаю: он мечтал, чтобы его ученики достигли вершин, с которых предстанет перед ними необъятный и чудесный мир языка.

Говорят, что мышки могут заниматься сплетнями и интригами, а у орла в лазурном небе есть дела поважнее. Именно поэтому самые крупные и сильные орлы – беркуты – изображены на казахстанском флаге и олицетворяют высокие цели, мощь и чистоту помыслов моего народа.

Светлая душа нашего Учителя парит свободно в лазурно-голубой дали и велит нам открывать «закон звезды и формулу цветка» (Марина Цветаева)...

Рожков А.В.

Нода Л.П.

Гармония литературы и жизни Светланы Сагалович

Она была прекрасна. Умна. Красива. Элегантна. Энциклопедически образованна. Такой и осталась в светлой памяти тысяч студентов филологов и журналистов, у которых и преподавала историю зарубежной литературы.

Светлана Михайловна Сагалович (10.04.1037–12.02.2018) – истинный корифей педагогики, компетентный ученый, добрейшей души человек, которого с огромной благодарностью вспоминают несколько поколений филологов, журналистов, историков. Те, кто с ней работал, и те, кому она преподавала. Увы, в феврале 2018 г., на 81-м году, жизненный путь нашего наставника закончился. Но осталась громадная память о ней – слова благодарности и многочисленные воспоминания учеников, коллег.

Умение учить и научить – по нынешним временам бесценное дарование. Это тот чаще неоченимый при жизни талант: не просто дать знания, для этого сейчас много электронных устройств, но умение донести красоту слова, увлечь студентов тем или иным автором, показать неповторимость созданного им произведения. Умение так изложить материал, что и через десятилетия сотни слушавших помнят.

Не зря с годами мы все чаще вспоминаем наших лучших преподавателей и наставников.

Сейчас факультет журналистики, где всегда была только одна профессия, приумножился новыми специальностями: издательское дело, связи с общественностью, международная журналистика, дизайн. Нынешнему поколению уже трудно представить, как долго мы шли одной дорогой с филологами. Исторический путь журналистского образования Казахстана пролегал с середины 1930-х гг. через КИЖ – Казахский институт журналистики, с 1941 г. маленький факультет в Казахском госуниверситете, далее слияние в 1949 г. с филологическим. То время не зря считается славным для академической науки, и филология была поистине настоящим тяжеловесом, под сенью которой журналистика искала свое место под солнцем. И только в середине 60-х гг. минувшего века журфак прочно встал на ноги и снова стал самостоятельным. Но филологическое прошлое долго еще давало о себе знать. Причем с самой лучшей стороны: изучая различные аспекты языка и литературы сплошь у мэтров и светил науки, будущие журналисты на всю жизнь впитывали в себя безупречную грамотность, любовь к литературе, и вместе со всем этим багажом – культуру и интеллигентность.

Многие преподаватели филфака были для журналистов легендами и кумирами. Среди них, конечно, доцент, кандидат филологических наук Светлана Михайловна Сагалович. Ее уроки истории зарубежной литературы, изящной словесности и уважительного отношения к окружающим навсегда останутся с нами, сотнями выпускников журфака. После школы, где она любила много читать, долго выбирать профессию не было надобности и потому сразу следует поступление на филологический факультет КазГУ им С.М. Кирова, который окончила в 1960 г. Начав работу преподавателем, она через годы доросла до завкафедрой истории русской и зарубежной литературы. Но главное – ее уникальная аура педагога, влюбленного в дело своей жизни.

Мы – дети, воспитанные советской школой, безусловно, любили читать, любили литературу. Но вот понимать ее, анализировать, наслаждаться прочитанным, черпать из книг мудрость и вдохновение для собственного творчества – всему этому нас научила Светлана Михайловна Сагалович. Учились мы пять лет, и немалую часть предметов у журналистов вели филологи. В ту эпоху мало кто сомневался, что у нас одно общее сокровище – слово, и им надо владеть умеючи. Только вот филологи могли позволить себе витать в облаках, и художествен-

ный вымысел был для них высшим пилотажем, нам же, сотрудникам газет-журналов, радио и телевидения, приходилось добывать сермяжные факты, перелопачивать горы словесной руды, чтобы представить своей аудитории добротную публикацию или телерадиопрограмму.

Роль литературы, чтения и сейчас велика, студенты к нам идут читающие, но, к сожалению, нет массового чтения, потеряли культуру чтения. А ведь это страшно, когда дети не читают, то они становятся циничными и апатичными.

Занятия, безусловно, делились на лекции и семинары, но на своих парах Светлана Михайловна чаще всего говорила сама. Многие студенты, кому посчастливилось учиться у Сагалович, до сих пор вспоминают ее изумительную манеру рассказывать. Память ее – просто феноменальная, сотни томов зарубежной литературы с самыми непохожими сюжетами, тысячи героев, приемы выразительности, стилистические конструкции того или иного автора, порой с своеобразным подтекстом, в ее интерпретации становились близкими и понятными. Раньше каждый шаг – что, как и когда говорить по предметам в вузе – был расписан свыше. Никакой свободы, что указано в типовой программе, как написано в учебнике, сколько напечатано в хрестоматии – так нужно было и преподносить материал студентам. Только профессионалы высокой пробы могли сочетать прокрустовы правила и полет творчества. Каждая лекция у Светланы Михайловны Сагалович заканчивалась победой здравого смысла над вопиющей серостью и идеологической казенщиной.

Светлана Михайловна всегда понимала студентов, была щедра на оценки. Конечно же, преподаватель знала все хитрости сидящих за партами, нас, кто читал произведения отрывками и пересказывал, что и как мог друг другу. Так «одолевали» обязательные по программе тома. Но Светлана Михайловна поддерживала робкую попытку вспомнить хотя бы приблизительно фабулу произведения:

– Знаю-знаю, вы же читали, просто немного забыли. Давайте все вместе сейчас напомним.

Аванс студенту. Только так это воспринимали как тогда, так и сейчас, десятки лет спустя.

А еще все мы восторгались ее лекциями: продуманными, образными, интересными. Она умела заинтересовать студентов своей искренней любовью к литературе. Каждая ее лекция – словно мини-постановка в театре одного отменно талантливого актера. Смеем предположить, что навечная любовь к импортной литературе у сту-

дентов рождалась именно после ее прекрасных, содержательных лекций, вызывавших истинное наслаждение. Благодаря Светлане Михайловне мы открывали для себя целые миры, пласты всё новых замечательных классических текстов, ведь произведения зарубежных писателей в школах «не проходят».

Были для нас и современные «открытия». С величайшей радостью отметили: на поминальном обеде каждый нынешний преподаватель факультета журналистики КазНУ назвал свою самую любимую... лекцию Светланы Михайловны Сагалович. «Тристан и Изольда», «Данте и круги ада», «Рыцарский роман», «Творчество Сервантеса и споры вокруг него». Названия так и сыпались. Лекцию, которую человек помнит до сих пор, хотя слушал ее в 80-е гг. XX в.! Для нас, преподавателей вуза, это огромный, по сути, один из главных показателей. То, что память сохранила навсегда.

И, представляете, до сих пор держатся в памяти ее ярчайшие изложения о неизменно трагической любви в «Тристане и Изольде», которая пронизывает повествование романа, заставляя делать сложный выбор, уготованный судьбой. В то время советский строй романтизировал любовь, в разрешенных зарубежных произведениях нам открывались другие грани – конфликт между долгом и чувством, существование высших сил. Сколько раз мы большими аудиториями не сразу, постепенно, проникались сначала уважением, а потом и настоящей любовью к героям из далеких времен, ставили себя на их место, пытались интерпретировать их слова и поступки. Она прислушивалась к еще вчерашним школьникам, стремясь разглядеть в душе каждого светлое, подчеркивала, насколько важно всегда сохранять человеческий облик даже в самых непростых ситуациях. Ведь настоящая литература на протяжении веков лелеяла в людях человечность, доброту.

– «Сказка-апай» – так называли Светлану Михайловну Сагалович мы, студенты казахского отделения, которым она читала курс «История зарубежной литературы», – вспоминает выпускница журфака, кандидат филологических наук, доцент КазНУ Алма Алиевна Курманбаева. – Она открыла для нас огромный другой мир, мир иностранной литературы, которую в школе не изучают. Для нас всё было новым: имена писателей, названия произведений, о которых многие и не слышали. Но она умела прекрасно донести материал, объясняла так, что глухой услышит, слепой, незрячий увидит, а бессердечный человек почувствует. На ее лекции ходили все, было обидно пропустить урок С.М. Сагалович, старались не опаздывать. Такими инте-

ресными были занятия, на которых она рассказывала нам ... сказку. Божественным голосом объясняла французскую, английскую, немецкую, японскую классику. Мы, приехавшие из аулов, из провинции, первый раз в жизни от нее узнали, что такое зарубежная литература, извели ее по замечательным рассказам педагога. А потом только самостоятельно начали читать. Некоторые ее слова помним до сих пор, а ведь прошло больше тридцати лет. И со мной это останется на всю жизнь. До сих пор в памяти ее лекции – Стендаль, Оноре де Бальзак, Флобер, Теккерей, Брехт, главная тема произведений которых – преодоление. Она рассказывала о произведениях так, что мы представляли себя вместе с этими героями, рядом с ними, в том веке, мы страдали вместе с героями, чувствовали всё своей кожей, переживали за них. Так искренне и воодушевленно она доносила до нас зарубежную литературу. Она подстегнула нас читать и изучать литературу, познавать другие пространства. На этих примерах из «зарубежки» она учила нас, как надо красиво и правильно писать.

Она очень эстетичная женщина: мы постоянно восхищались ее прической, маникюром. Для нас она была эталоном красоты, прекрасным, замечательным человеком.

А как уважительно, бережно Светлана Михайловна относилась к каждому студенту. Ценила его несовершенное тогда еще творчество. Обращалась только на «Вы». Заметили: уважение другой личности бывает только у самых сильных, тех, кто сам достоин этого звания – Личность. А ведь по сути это два самых главных показателя: как преподаватель читает лекции и как относится к студентам. Это стержневое, самое важное. То, что выпускник пронесет сквозь годы. И передаст другим.

Побуждение к познанию, к чтению вечной классики. «Обязательно прочтите это!» – мягко, но настойчиво советовала нам педагог, приводя примеры, расшифровывая многочисленные образы, которые и остались в нашей коллективной памяти. И о чем мы с таким удовольствием сейчас вспоминаем.

Ее невольное влияние испытали все, кто с ней хоть чуть-чуть общался. Это же происходит так ненамеренно, ведь Светлана Михайловна была сильной личностью, которая вдохновляла, давала силы, воодушевляла одним своим примером. Мы благодарны судьбе, что наше общение сохранилось и после университета.

С. Сагалович поощряла дискуссии, с удовольствием отвечала на вопросы студентов, ставила себя на место любимых литературных персонажей, предлагала нам делать то же самое:

– Марина, как вы считаете, чем особенным выделяется творчество Сервантеса?

Вопрос, как говорится, на засыпку. Для студентов. Светлана Михайловна активно поддерживает диалог, грациозно жестикулируя:

– Конечно же, поиском идеала. Один из главных литературных персонажей, созданных автором, Дон Кихот, постоянно хочет помочь кому-то. По подтексту понятно, что вместе с тем он борется с несправедливым устройством общества.

По прошествии пятнадцати минут почти вся аудитория будущих журналистов активно обсуждает добродетели, к которым призывает творчество испанского писателя: свобода личности, жизнь по совести, поклонение добру и гуманизму.

С одной стороны – вроде как опять все выложила на блюдечке, а с другой – все сложные вопросы решены, белые пятна текста ликвидированы, и – самое главное – все активно включены в учебный процесс. Только преподавателю с безупречным педагогическим тактом и собственной методикой такое под силу. И запомнили мы большинство аксиом из «зарубежки» на всю жизнь.

Светлана Михайловна позволяла себе в те непростые времена идеологического прессования с прослушкой и доносами отступление от принятых правил. Запросто могла спросить «чуток» не по программе:

– А вы слышали, что произошло на днях? А вам ничего это не напоминает?

Да, открыто идти на амбразуру против системы редко кто себе позволял, и чаще всего подобное свободомыслие заканчивалось промыванием мозгов в компетентных органах, но когда перегибы и изнанка той эпохи доставали до мизинцев, хотя бы эзоповым языком, о них говорили многие. А Светлана Михайловна давала нам это через мировую классику: проблемы-то общие.

Так нас учили мыслить. Критически. А чтобы сделать выбор между плохим и хорошим, надо было знать не только суть, но и то, что вокруг нее находится. Хотя до сих пор критическое мышление редко становится реальным фильтром между правдой и ложью. Ее величество Мысль, именно к ней всегда призывала на своих занятиях Светлана Михайловна. Тем более она прекрасно понимала, сколь непредсказуем и даже драматичен труд журналиста – ведь ее муж Николай Велитченко работал на телевидении, стоял у истоков многих известных казахстанских программ, дочь Светлана тоже выбрала стезю журналиста, ра-

ботала в журналах, на телевидении, на сайтах, и каждый день дома рассказывала о порой парадоксальной журналистской кухне.

Без лишнего антуража, но всегда с теплотой и искренностью, Светлана Михайловна проводила в университете литературные вечера. Мероприятий в вузе, конечно, всегда хватало. И что говорить, порой на многие мы ходили с неохотой. А сюда, к ней – с желанием и настроением. На литературные вечера С.М. Сагалович нас не заманивали обещанием хорошей оценки, там была атмосфера, которая раскрывала души. Как-то наш однокурсник Миша Бекбаев (увы, так безвременно покинувший этот мир) принес гитару и стал исполнять романсы. Гульвира Илахунова, ныне известный продюсер, с неповторимым артистизмом читала баллады. Я (А.Р. – авторы) декламировал стихи на немецком языке. Расходиться совсем не хотелось. Если бы не вахтеры корпуса, сидели бы, наверное, ночь напролет. Кажется, время тогда шло по-другому, не было ненужной торопливости и суеты. Говорили, спорили, нашему наставнику очень импонировали порой непричесанные, но столь искренние юношеские мысли. На многие вопросы не было ответов. А Светлана Михайловна все же настаивала, что они есть. Где? В мировой литературе, в ее лучших образцах, которые всегда остаются ценными советчиками. Многие струны души могут затронуть произведения, которые актуальны и не выходят из тренда уже много столетий.

Светлана Михайловна преподавала много десятилетий зарубежную литературу, тем не менее, ее научные интересы сконцентрировались на творчестве старейшего сибирского писателя А.А. Сорокина. Она скрупулезно изучала и популяризировала его творчество. Кропотливо исследовала произведения, отмечая с точки зрения классической науки достижения и эволюцию. И в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию «Принципы художественного отражения казахской действительности в творчестве А.А. Сорокина». В активном научном поиске она смогла интегрировать типологические связи писателя А.А. Сорокина, сформировавшие его принципы отражения действительности. Указание на социальность его рассказов и повестей стали результатом разработки Светланой Михайловной методологии отражения в творчестве писателя национального колорита. Как человек обстоятельный, свои идеи излагала емко и образно, в процессе исследований в те годы она нашла в архивах много прежде неизвестных источников, которые ввела в научный оборот. Ее диссертация раскрыла черты национального характера казахского народа че-

рез публикации Анатолия Михайловича, предложенная систематизация охватила хронологический, методологический и творческий аспекты, определив в целом мотивацию и значение произведений писателя А.А. Сорокина. Мы прочитали автореферат Светланы Михайловны Сагалович «Принципы художественного отражения казахской действительности в творчестве А.С. Сорокина». Умный, прекрасно структурированный труд, который еще оценят наши потомки. Сколько новых архивных материалов она запустила в литературоведение, сколько открыла нового. Подлинная научная работа, значение которой с каждым годом только возрастает.

Сама Светлана Михайловна много писала, не только научные статьи, но и публицистику, в частности, об Алматы, об интересных людях, размышляла об эпике и смене эпох. Жаль, что лишь малая толика ее эпистолярного творчества опубликована... Восстановить бы, издать для потомков.

С.М. Сагалович заведовала кафедрой истории русской и зарубежной литературы филологического факультета университета на стыке двух столетий – с 1999 по 2002 г., очень противоречивое, такое неоднозначное время в жизни общества. Политические и экономические реформы напрямую меняли образование, шел активный переход от проверенной советской модели к западной, включающей несколько вариаций. Появилась трехуровневая система подготовки кадров, объемы занятий вместо часов стали мерить кредитами, началось массовое сокращение часов в программах всех специальностей из блока базовой фундаментальной подготовки. Под нож пошли такие нужные гуманитариям языки, литература. Стало главенствовать требование перевеса от знаний в сторону умений. Сколько было копий сломано, сколько нервных клеток потеряно, но Светлане Михайловне удалось на своем посту сохранить кафедру, сберечь традиции и передать дело всей жизни новым поколениям.

Когда Светлану Михайловну вспоминают коллеги и ученики, то непременно говорят о ее величии. Кто ее видел, знают, что это было именно так – особая стать, манеры и равновесие. Живя в условиях тотального дефицита и серости, она умудрялась изумлять окружающих умением подать себя – деталями костюма, брошкой, духами. Светлана Михайловна была очень гармонична. Она вызывала искреннее восхищение. Своим внешним видом: всегда подтянутая, с отменным маникюром, прической, в элегантных, так идущих ей костюмах. Оказывается, шила сама, как и ее мама.

Величие у нее было с детства. Училась в школе для девочек – тогда обучение проходило отдельно, и уже тогда она отличалась независимостью, пониманием своих целей. А ведь жизнь ее начиналась совсем не просто: в войну через всю громадную страну вместе с мамой они шли пешком из Украины, чтобы попасть в Алматы. Скитались по квартирам, недоедали, много работали. И эту работоспособность она сохранила в себе навсегда.

Не зря ведь классик Лев Толстой давно сказал в «Педагогических сочинениях», что «если учитель соединяет в себе любовь к делу и ученикам, он – совершенный учитель», и эта мудрая мысль не теряет своей актуальности по-прежнему.

После ухода на заслуженный отдых Светлана Михайловна заведовала литературной частью в ТЮЗе им. Н. Сац, предлагала интересный репертуар и свое видение будущих спектаклей – жанр, количество персонажей, пыталась предугадать судьбу постановки. Мельпомена ее всегда влекла, можем сказать, что ее занятия были своеобразными спектаклями без сцены. Она написала ряд пьес: «Талисман», новогодний спектакль, «Золотой ключик», которые успешно шли на сцене ТЮЗа. А еще с удовольствием написала послесловие к книге Людмилы Борисовны Мананниковой «Я родом из ТЮЗа», посвященной истории театра юного зрителя. «Все уходит и все остается», говорят итальянцы, – написала она. – Все прошедшее – в нашей памяти, все будущее – в надежде!»

В это же время Светлана Михайловна обнаружила новые таланты: стала изготавливать украшения из камнями, делая «хэнд мей»: ожерелья, серьги, кольца и другую красоту, потому дома завели инструмент, приспособления. И дарила, дарила. У многих остались ее удивительные поделки.

Я (Л.Н. – авторы) научилась у нее многому: уважать людей, читать-преподносить лекции, выглядеть на все 100, да и – чего греха таить – любви к украшениям, которые она всегда подбирала с таким гениальным вкусом! Это великое умение, и она умела красиво носить их сама. Создавала их и дарила другим.

С.М. Сагалович была филологом, но она многое сделала для журналистики нашей страны. Поэтому ее часто вспоминают в журналистских коллективах. Я (А.Р. – авторы) работал во многих СМИ на разных должностях, но дольше всего – четверть века в моих любимых «Аргументах и фактах».

Светлана Михайловна читала практически всю прессу, легендарная газета тоже была у нее каждую неделю. В редкие встречи или по

телефону она говорила комплименты о публикациях, давала мудрые советы, предлагала интересные темы. У нее на все был свой особый взгляд, она была не просто замечательным педагогом, но и выдающейся личностью. Не зря ее называли «десятой музой университета». В советские времена студенты рисовали-составляли стенные газеты. Поэт, литературовед Татьяна Леонидовна Фроловская рассказала, как студенты филфака для газеты нарисовали красивейшую Светлану Михайловну в полный рост и подписали: «Десятая муза нашего вуза». Как это верно!

Светлана Михайловна Сагалович – ушедшая эпоха. Издать бы книгу воспоминаний о ней, о ее методике преподавания, ведь многим есть что рассказать о своем любимом педагоге.

Гуревич Л.Я.
Карташов К.Н.

Ключевые факторы и особенности идентичности евреев Казахстана

(по результатам специального социологического исследования)

Социально значимое присутствие еврейского этноса в Казахстане обозначилось только в советское время. Существенно усилилось влияние евреев на социальное, интеллектуальное и духовное развитие республики в годы Великой Отечественной войны, когда в Казахстане сконцентрировался цвет советской интеллигенции. Многие из эвакуированных ученых, деятелей литературы и искусства, инженеров, конструкторов и организаторов производства еврейской национальности остались работать в Казахстане.

В последующие годы советской истории еврейский этнос в Казахстане трансформировался в русле трендов, характерных для всего Советского Союза. В силу, прежде всего, ассимиляционных процессов его численность сокращалась, а влияние на различные сферы общественной жизнедеятельности уменьшалось. При этом все более слабели элементы его самоидентификации и самоорганизации.

В постсоветский период евреи Казахстана были вовлечены в сложные и противоречивые социальные коллизии. С одной стороны, их не обошли развившиеся на всем постсоветском пространстве тенденции роста национального и религиозного самосознания. С другой стороны, резко активизировались миграционные процессы, и, прежде всего, массовая эмиграция в Израиль.

Каковы же результаты постсоветского развития еврейского этноса за почти 30 лет Независимости Казахстана? Определенное представ-

ление о социальном облике и самосознании казахстанских евреев дает социологическое исследование, проведенное в начале 2020 г. Центром социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia в соответствии с концепцией проекта и моделью инструментария, разработанной Евро-Азиатским Еврейским Конгрессом.

Методом исследования был анкетный опрос в технике личного формализованного интервью с применением технологии CAPI. Опрашивались этнические евреи и их потомки во втором и третьем поколениях в возрасте 16+. Выборка составила 250 респондентов, что статистически значимо для генеральной совокупности, численность которой официальной статистикой не установлена, но по реалистическим оценкам находится в диапазоне 7–15 тыс. человек.

Выборка была случайной, но одним из принципов ее построения явилось квотирование по категориям аффилированных, то есть вовлеченных в деятельность еврейской общины и еврейских организаций, и неаффилированных респондентов. Соответствующие квоты составили 40% и 60% от общего размера выборки.

Квотирование несколько повлияло на репрезентативность выборки в разрезе демографических характеристик. Так, среди аффилированных респондентов доля женщин составила 72%, среди неаффилированных – 61%. Доля респондентов до 30 лет среди аффилированных составила 12%, среди неаффилированных – 25%. Доля респондентов старше 55 лет оказалась среди аффилированных 52%, среди неаффилированных – 39%. В целом, однако, выборка отразила представленность демографических и социальных признаков в еврейском населении Казахстана.

Опрос проводился в четырех городах с наибольшей концентрацией еврейского населения – Алматы, Караганде, Павлодаре и Шымкенте.

Демографические и социальные основы этнокультурной Идентичности казахстанских евреев

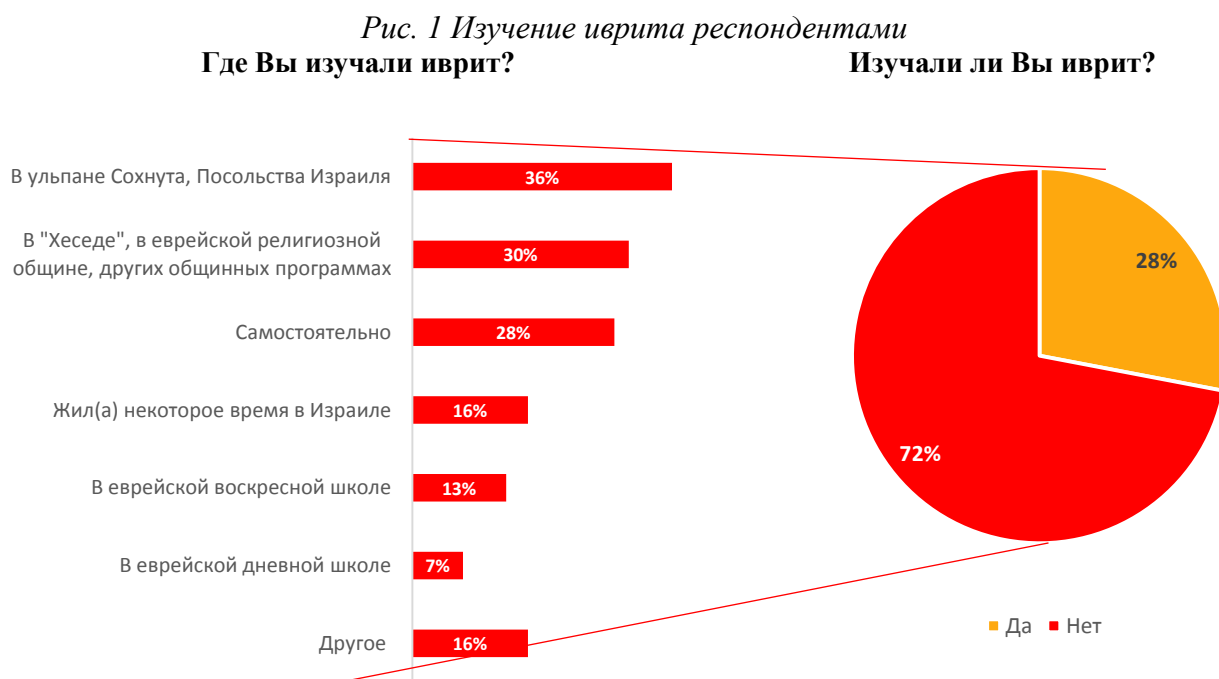
Современный облик еврейской общины Казахстана является результатом интенсивных ассимиляционных процессов. Лишь 24% опрошенных – чистокровные евреи. Остальные имеют смешанное происхождение. 58% респондентов состоят в браке с нееврейскими супругами. Лишь 4% опрошенных заявили, что их близкие друзья, в основном, евреи. У 43% друзья, в основном, неевреи, у 28% друзей – евреев и неевреев примерно поровну, а 24% вообще никогда не интересовались национальностью своих друзей.

Правда, в выборе друзей существенную роль играет вовлеченность в деятельность еврейской общины и еврейских организаций, а также пере-

секающийся с этой переменной фактор возраста^{1*}. Так, в основном нееврейские друзья у 34% аффилированных респондентов, но у 49% неаффилированных. В возрасте до 55 лет дружат, преимущественно, с неевреями около половины опрошенных, а в возрасте старше 55 лет – только 35%.

Языком идиш совсем не владеют 81% опрошенных, 15% знают отдельные слова и фразы.

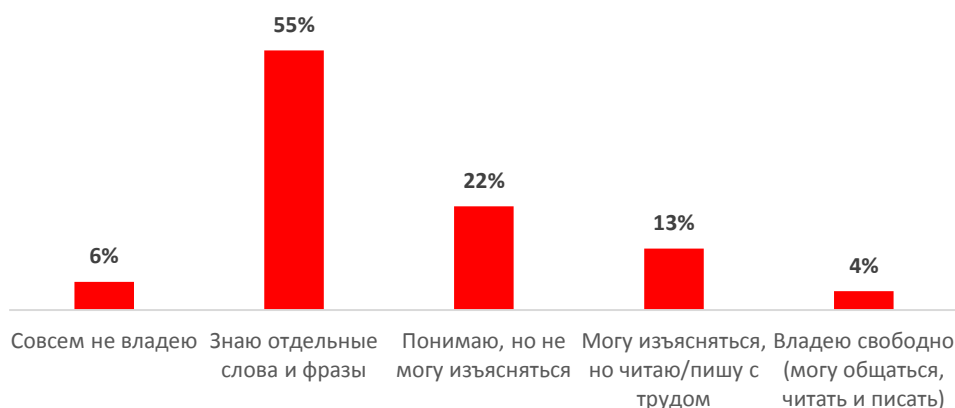
72% никогда не пытались изучать иврит. Из тех 28%, которые его так или иначе изучали, 36% посещали занятия в ульпане Сохнута или Посольстве Израиля, 30% были вовлечены в образовательные программы еврейских общин, 20% посещали занятия в еврейской дневной или воскресной школе, 28% изучали язык самостоятельно (рис. 1).

В результате из обучавшихся в различных форматах 6% так и не овладели языком совсем, 55% знают отдельные слова и фразы, 22% понимают язык, но не могут на нем изъясняться, 13% могут изъясняться, но читают и пишут с трудом. И только 4% (а это в данном сегменте опрошенных всего 3 человека) смогли похвастаться свободным владением ивритом (рис.2).

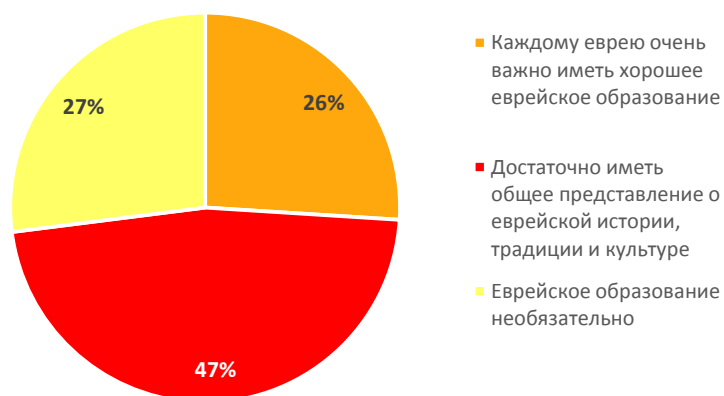
^{1*} Выше отмечалось, что аффилированные респонденты заметно старше неаффилированных.

Рис. 2. Как бы Вы определили уровень своего владения ивритом (среди респондентов, изучавших иврит)?

В целом, достаточно значительная часть опрошенных довольно позитивно относится к еврейскому образованию. Так, более четверти респондентов убеждены, что каждому еврею очень важно иметь хорошее еврейское образование, 47% полагают, что надо иметь общие представления о еврейской истории, традициях, культуре. И лишь 27% опрошенных считают, что еврейское образование не обязательно (рис. 3). Тем не менее, 86% опрошенных заявили, что пока никакого еврейского образования не имеют.

Рис. 3 Как бы Вы относитесь к еврейскому образованию?

Около половины респондентов никогда не посещали еврейские театральные спектакли и эстрадные концерты, 26% посещали редко. 45% опрошенных вообще не знакомы с творчеством еврейских писателей. Регулярно читают книги еврейских авторов только 13% респондентов. 23% делают это иногда, 19% – редко.

Еврейскую прессу никогда не читали 60% респондентов. О регулярном знакомстве с ней заявили лишь 7% опрошенных (табл.1).

Табл. 1 Скажите, пожалуйста, как часто Вы...?

	Регулярно (%)	Иногда (%)	Редко (%)	Никогда (%)
Посещаете еврейские театральные спектакли и эстрадные концерты	10%	17%	26%	47%
Читаете книги еврейских писателей	13%	23%	19%	45%
Читаете еврейскую прессу	7%	14%	19%	60%

Религиозным человеком позиционировали себя 59% опрошенных. Заметим, однако, что религиозность еврейского этноса оказалась заметно ниже декларируемого уровня религиозности населения Казахстана в целом. По данным исследований BISAM верующими в национальных репрезентативных выборках объявляют себя в Казахстане более 80% участников опросов. Неожиданным, можно сказать шокирующим, оказалось распределение респондентов-евреев по декларируемой конфессиональной приверженности. Только треть опрошенных заявили, что считают своей религией иудаизм. 42% чувствуют своей религией христианство. Нашлось и 2% тяготеющих к исламу. 9% обнаружили «дуальное» религиозное сознание, считая своей верой и иудаизм, и другую религию.

Правда, в религиозном позиционировании довольно велики различия между группами респондентов. Так своей религией считают иудаизм 46% аффилированных и только 25% неаффилированных респондентов. Приверженность же христианству декларировали 53% неаффилированных респондентов и только 25% аффилированных. Интересно, что женщины тяготеют к христианству заметно больше, чем мужчины (соответственно 47% и 31%).

Табл. 2. Какую религию Вы считаете своей?

	Среди аффилированных респондентов (%)	Среди не аффилированных респондентов (%)	В среднем по массиву (%)
Иудаизм	46%	25%	33%
Христианство	25%	53%	42%
Ислам	1%	3%	2%
И иудаизм, и другую религию в равной мере	12%	7%	9%
Другие религиозные течения	1%	1%	1%
Никакую	15%	11%	13%

Важнейшим же фактором, влияющим на конфессиональную приверженность, является ощущение еврейской идентичности. Так, среди тех, кто безусловно ощущает себя евреем, 57% считают своей религией иудаизм. Однако среди безусловно ощущающих себя евреями обнаружилось 18% чувствующих своей религией христианство. Распространенное утверждение о неразделимости еврейства и иудаизма

в очередной раз поставлено под большой вопрос. Среди же чувствующих себя евреями лишь в определенных обстоятельствах 56% высказали тяготение к христианству, среди нечувствующих себя евреями – 74%.

Среди ощущающих своей религией иудаизм значительно больше тех, кто отмечает иудейские праздники и соблюдает обряды, чем в целом по массиву. Однако в числе декларирующих приверженность иудейской религии уровень вовлеченности в религиозные практики также не столь высок (табл.3).

Табл.3. Соблюдение религиозных обрядов приверженцами иудаизма в сравнении с показателями в целом по массиву

Праздники и обряды	Среди приверженцев иудаизма (%)	Всего от числа опрошенных (%)
Отмечают еврейские праздники	Да, в полной мере, всегда (51%) Частично или иногда (46%) Не соблюдают (3%)	Да, в полной мере, всегда (25%) Частично или иногда (40%) Не соблюдают (35%)
Соблюдают пост в Йом Кипур	Да, в полной мере, всегда (32%) Частично или иногда (29%) Не соблюдают (39%)	Да, в полной мере, всегда (13%) Частично или иногда (11%) Не соблюдают (76%)
Покупают на Песах мацу	Да, в полной мере, всегда (59%) Частично или иногда (19%) Не соблюдают (22%)	Да, в полной мере, всегда (36%) Частично или иногда (17%) Не соблюдают (47%)
Зажигают субботние свечи	Да, в полной мере, всегда (41%) Частично или иногда (37%) Не соблюдают (22%)	Да, в полной мере, всегда (20%) Частично или иногда (21%) Не соблюдают (59%)
Соблюдают субботу	Да, в полной мере, всегда (41%) Частично или иногда (34%) Не соблюдают (25%)	Да, в полной мере, всегда (19%) Частично или иногда (19%) Не соблюдают (62%)
Соблюдают кашрут	Да, в полной мере, всегда (22%) Частично или иногда (36%) Не соблюдают (42%)	Да, в полной мере, всегда (7%) Частично или иногда (16%) Не соблюдают (77%)
Строят/посещают шалаш (сукку) в Суккот	Да, в полной мере, всегда (36%) Частично или иногда (28%) Не соблюдают (36%)	Да, в полной мере, всегда (15%) Частично или иногда (16%) Не соблюдают (69%)
Зажигают ханукальные свечи	Да, в полной мере, всегда (53%) Частично или иногда (29%) Не соблюдают (18%)	Да, в полной мере, всегда (26%) Частично или иногда (19%) Не соблюдают (55%)
Принимают участие в пасхальном седере	Да, в полной мере, всегда (46%) Частично или иногда (35%) Не соблюдают (19%)	Да, в полной мере, всегда (22%) Частично или иногда (19%) Не соблюдают (59%)

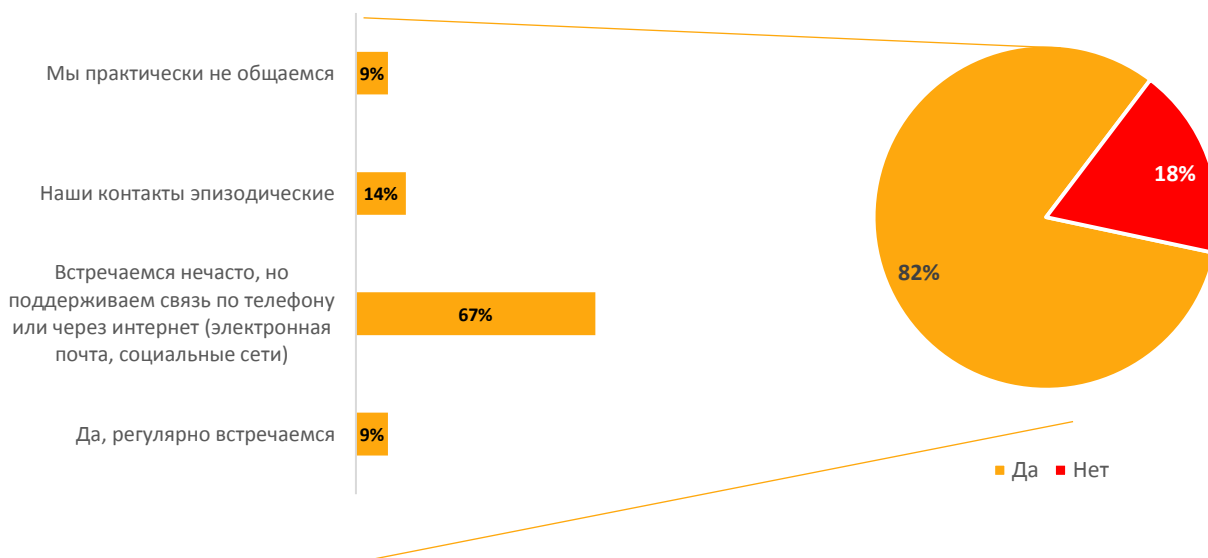
Не трудно заметить, что респонденты в целом по массиву, а частично, и в группе позиционирующих приверженность иудаизму, придерживаются характерной для Казахстана «светской манеры» принятия религии. Как показывают исследования и наблюдения BISAM, казахстанцы склонны поздравлять друг друга с главными религиозными праздниками, не связывая это с собственной и со своих друзей и знакомых этнической и конфессиональной принадлежностью. Две трети опрошенных нами казахстанских евреев заявили, что всегда или иногда отмечают еврейские праздники, более половины покупают мацу на Песах. Однако, как показывают наблюдения, мацу они воспринимают, скорее, как национальное блюдо. К праздничным застольям респонденты склонны гораздо больше, чем к ограничительным процедурам.

Важной чертой еврейского этноса в Казахстане являются широкие внешние связи. У 82% опрошенных есть близкие друзья и родственники еврейской национальности в других странах. При этом только 9% респондентов из числа заявивших о родственниках и друзьях за рубежом не поддерживают с ними связи. 67% встречаются нечасто, но постоянно общаются через интернет или по телефону. Эпизодические контакты поддерживают 14% и 9% встречаются регулярно.

Рис. 4 Наличие связей за пределами Казахстана

Поддерживаете ли Вы с ними связь?

Есть ли у Вас друзья или родственники, проживающие за пределами Казахстана?

Как же выглядит еврейская идентичность в Казахстане под воздействием столь противоречивых демографических и социально-поведенческих характеристик?

*Этнокультурная самоидентификация евреев:
основные черты и особенности в Казахстане*

Ключевым для установления уровня еврейской идентичности явился вопрос «Кем именно Вы себя ощущаете в первую очередь?». Наибольшая доля респондентов не обнаружила в этом ощущении этнического приоритета: 36% опрошенных заявили, что чувствуют себя «просто человеком, неважно какой национальности». Только евреем чувствуют себя 16% респондентов, русским евреем – 18%, казахстанским евреем – 13%. У 8% выявилось дуальное восприятие этнической принадлежности: они чувствуют себя одновременно и евреями, и представителями другой национальности (русскими или казахами).

В ключевом вопросе самоидентификации обнаружены заметные различия между аффилированными и неаффилированными респондентами. Просто человеком, неважно какой национальности считают себя 30% аффилированных респондентов и 40% неаффилированных (табл. 4).

Табл. 4 Кем именно Вы себя ощущаете в первую очередь?

	Среди аффилированных респондентов (%)	Среди не аффилированных респондентов (%)	В среднем по массиву (%)
Только евреем	18%	14%	16%
Русским евреем	18%	18%	18%
Казахстанским евреем	17%	11%	13%
Русским (или казахом) и евреем одновременно	10%	7%	8%
Представителем другой нееврейской национальности	3%	8%	6%
Просто человеком, не важно какой национальности	30%	40%	36%
Евреем и представителем другой национальности	4%	2%	3%

Женщины оказались настроены более космополитично, чем мужчины, среди них для 39% не важна национальность, в то время как среди мужчин – для 30%. В то же время только евреями чувствуют себя 26% мужчин и лишь 10% женщин. Вопреки ожиданиям, в базовом восприятии идентичности нет выраженной возрастной динамики. Не выявлена однозначная зависимость еврейской идентичности и от моноэтничности или полиэтничности семей респондентов. Среди респондентов, имеющих еврейских (полностью или частично) супругов считают себя только евреями 25%, а среди респондентов, живущих в

этнически смешанном браке – 17%. Однако далее зависимости «переворачиваются» и выходят из заданной логики. Так о неважности национальности заявили 39% респондентов с еврейскими супругами и только 29% живущих в смешанном браке.

Сознание принадлежности к еврейской общности базируется у большей части респондентов на мировоззренческих и культурных факторах. 49% опрошенных считают, что быть евреем, значит гордиться историей и культурой своего народа. 46% полагают, что быть евреем – это чувствовать принадлежность к еврейскому народу. Лишь 25% ощущают себя евреями в силу наличия еврейских родителей (рис. 5).

Рис.5 Что, на Ваш взгляд, значит быть евреем?

У явного большинства опрошенных еврейская идентичность сочетается с патриотическими чувствами к стране проживания. 54% респондентов убеждены, что евреи должны быть прежде всего, патриотами страны, в которой живут. 35% полагают, что евреи должны быть патриотами и своей страны, и Израиля. Лишь 5% опрошенных заявили, что евреи должны быть патриотами Израиля, вне зависимости от страны проживания.

Отвечая на вопрос «Какую страну Вы считаете, прежде всего, своей?», 85% респондентов назвали Казахстан и только 7% Израиль. 8%

назвали другие страны, главным образом Советский Союз и Россию.

Показательно, что адресность патриотического чувства мало отличается в разрезе аффилированных и не аффилированных респондентов. Зато заметная зависимость выявляется здесь по возрасту респондентов. Так, убежденность в том, что евреи должны быть, прежде всего, патриотами страны в которой живут, выявилась у 46% респондентов в возрасте до 30 лет, у 52% в возрасте 30–54 года и у 60% старше 55 лет. Советский патриотизм явно трансформировался в патриотизм постсоветского государства (табл. 5).

Табл. 5. На Ваш взгляд, патриотами какой страны должны быть евреи?

	16–29 лет (%)	30–54 лет (%)	55+ лет (%)	В среднем по массиву (%)
Евреи должны быть патриотами страны, в которой родились и живут	46%	52%	60%	54%
Евреи должны быть патриотами своей страны и Израиля	42%	35%	32%	35%
Евреи должны быть патриотами Израиля, вне зависимости от своей страны проживания	4%	6%	5%	5%
Затрудняюсь ответить	8%	7%	3%	6%

Наиболее выражена зависимость направленности патриотических чувств от ощущения себя евреем. Из тех респондентов, которые безусловно ощущают себя евреями, «дуальный патриотизм» (и страны проживания, и Израиля), характерен для 45%, из тех, кто чувствует себя евреем только в определенных обстоятельствах – для 29%, а из тех, кто вообще не чувствует себя евреем – для 14%. Однако доля однозначно израильских патриотов ни в одной из приведенных градаций не превышает 6%.

На характер патриотизма респондентов повлияло восприятие ими понимания самой категории «евреи». 45% опрошенных считают, что у евреев Казахстана гораздо больше общего с казахами или местными русскими, чем с евреями, живущими в других странах. Заметно меньшей доле респондентов, 40%, свойствен взгляд, что евреи всего мира – это единый народ. Достаточно значительная часть респондентов, 15%, не сумела определиться с мнением по этому вопросу.

Локальная направленность патриотизма большинства респондентов сказывается на их ключевых поведенческих установках в этносоциальной среде. Только для четверти респондентов важно, чтобы их дети и внуки были евреями. Для 64% это неважно. Около 12% затруднились ответить на этот вопрос.

Здесь, правда, очень велико различие между аффилированными и неаффилированными респондентами и между респондентами в зависимости от восприятия принадлежности к евреям. Для 37% аффилированных респондентов важно, чтобы их дети и внуки были евреями^{1*}. Подобное стремление обнаружили лишь 17% неаффилированных. Среди тех, кто безусловно считает себя евреями, полагают важным еврейство своих потомков 45%, а среди тех, кто чувствует себя евреем лишь в определенных обстоятельствах или не чувствует вообще – только 7–8%.

В то же время, при наличии достаточно значимой части респондентов, желающих сохранить еврейский характер своего потомства, неприятие смешанных браков практически отсутствует в среде опрошенных. Лишь 4% респондентов отрицают смешанные браки между евреями и неевреями. 49% относятся к таким бракам положительно, для 38% национальность супругов не имеет значения. 10% заявили, что для них желательно, но не принципиально, чтобы евреи и еврейки вступали в брак с представителями своей национальности.

Рис.6 Как Вы относитесь к смешанным бракам между евреями и неевреями?

Опрос не обнаружил болезненности или остроты восприятия антисемитизма в Казахстане. 58% заявили, что антисемитизма в стране как не было, так и нет. 16% сочли, что каких-либо положительных или отрицательных изменений в распространении антисемитизма не про-

^{1*} Однако все же и среди аффилированных респондентов 52% считают это неважным.

изошло. 11% полагают, что антисемитизм в Казахстане заметно уменьшился и лишь 4% убеждены, что возрос.

Существенных различий в этих оценках между группами респондентов не выявлено, в т. ч. и по самой ожидаемой в этом контексте переменной – степени ощущения принадлежности к евреям.

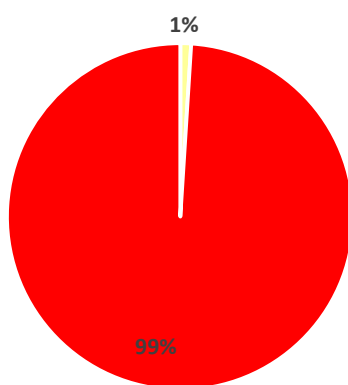
Таким образом, этнокультурное самосознание евреев Казахстана содержит в себе значимые черты еврейской идентичности, но сильно интегрировано в казахстанскую гражданскую общность. Основным трендом для евреев Казахстана, скорее всего, останется культурная ассимиляция на основе развивающихся в одном русле с ней демографических процессов.

Отношение казахстанских евреев к Израилю

В выборке оказалось лишь 3 респондента, имеющих израильское гражданство и 3 респондента, у которых это гражданство было ранее. Однако близких родственников в Израиле имеет около половины опрошенных (48%). 16% респондентов бывали в Израиле неоднократно, 4% жили там какое-то время, 13% посетили Израиль один раз. Однако более двух третей опрошенных никогда не были в Израиле (рис. 7).

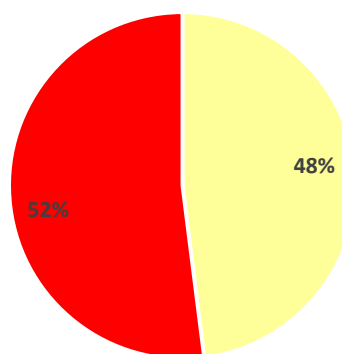
Рис.7 Отношение к Израилю?

Есть ли у Вас израильское гражданство?

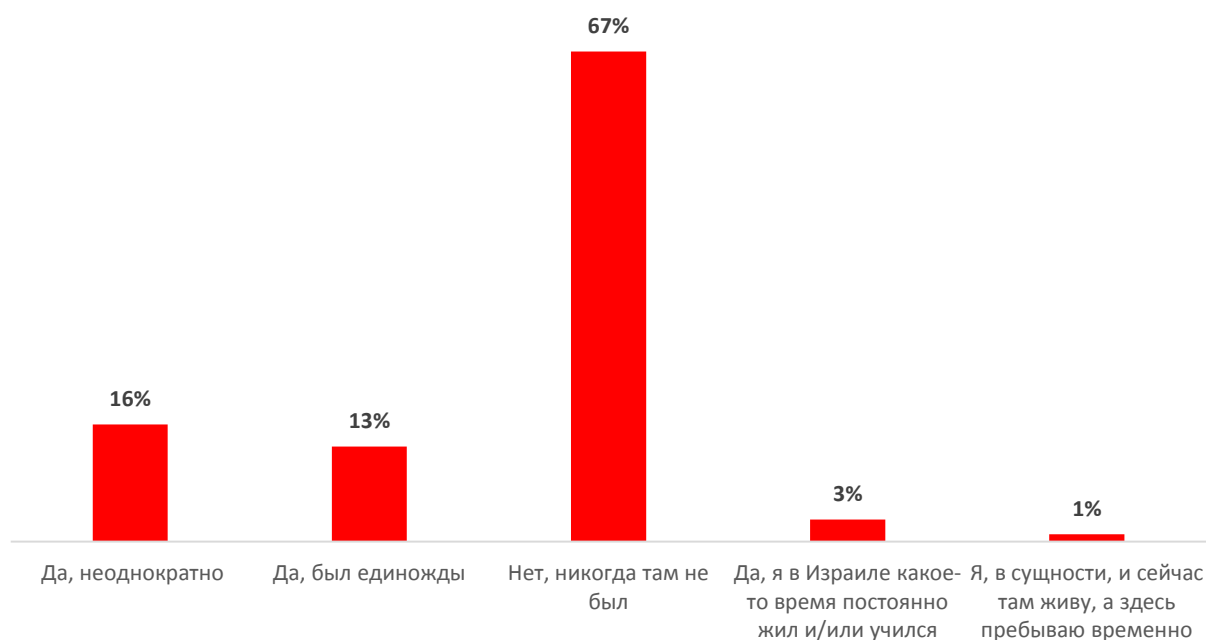
■ Да ■ Нет

Есть ли у Вас близкие родственники в Израиле?

■ Да ■ Нет

Бывали ли Вы в Израиле?

Тем не менее, чувство солидарности с Израилем значительно превосходит уровень непосредственных связей с ним. О солидарности с Израилем заявили 72% опрошенных. Не испытывают такого чувства лишь 15%. 13% затруднились ответить.

Однако для большинства респондентов восприятие Израиля далеко от принципов сионизма. Две трети респондентов (66%) в Израиле привлекает то, что это – экономически развитое государство, дающее хорошие возможности для устройства в жизни. Лишь для 30% важнее всего, что Израиль – еврейское государство.

В отношении сохранения еврейского характера Израиля мнения респондентов неоднозначны. Хотя наибольшая доля респондентов (33%) резко отрицательно относится к отказу от еврейского характера Израиля, достаточно значимая часть опрошенных придерживается иных точек зрения. Так, 17% респондентов выступают за то, чтобы Израиль оставался еврейским государством, но с пониманием относятся к тем, кто требует изменения его еврейского характера. Почти четверть опрошенных (24%) вообще полагают, что Израиль должен стать государством всех граждан, независимо от национальной принадлежности.

Настроения в отношении эмиграции в Израиль также не имеют выражено доминирующей направленности. Категорически не намерены переезжать в Израиль в ближайшем будущем 35% опрошенных. Твердо решили переехать лишь 6%. 27% поступят по обстоятель-

ствам, а 32% останутся в Казахстане, «если не случится ничего непредвиденного». Таким образом, большей частью опрошенных вопрос об эмиграции в Израиль рассматривается ситуативно, причем, преимущественно, как следствие вынужденных обстоятельств.

В то же время в планировании выезда на жительство в Израиль обнаружены существенные различия между группами респондентов. Если среди неаффилированных респондентов категорически не намерены выезжать 40%, то среди аффилированных – только 28%. Среди респондентов в возрасте до 30 лет только 18% категорически отрицают перспективу выезда в Израиль, а среди респондентов 30–54 лет – 32%, старше 55 лет – 46% (табл. 6). Как видим, возможная эмиграция будет иметь достаточно молодое лицо. Сильно влияет на планы эмиграции (репатриации) фактор ощущения принадлежности к евреям. Среди тех, кто безусловно считает себя евреем, категорически не рассматривают отъезд в Израиль лишь 20% опрошенных, но среди тех, кто чувствует свое еврейство лишь в определенных обстоятельствах – 48%, а среди тех, кто не чувствует вообще – 63%.

Табл. 6. Планируете ли Вы переехать в Израиль в ближайшем будущем?

	16–29 лет (%)	30–54 лет (%)	55+ лет (%)	В среднем по массиву (%)
Да, несомненно	8%	7%	4%	6%
Поступлю по обстоятельствам	38%	36%	14%	27%
Нет, если не случится ничего непредвиденного	36%	25%	36%	32%
Категорически нет	18%	32%	46%	35%

В отношении приемлемых способов разрешения арабо-израильского конфликта более 50% опрошенных вообще не смогли поддержать какую-либо из предложенных точек зрения. Наибольшая, но не столь значительная, часть респондентов (14%) поддержала мнение присоединить всю или большую часть территории Иудеи, Самарии и Газы к Израилю, дать официальный статус тем арабам, кто признает его еврейский характер, а остальных подавлять силой. С образованием арабского государства на всех или большей части территорий, занятых Израилем в 1967 г., согласились лишь 4% опрошенных. Радикальной позиции – выселить всех арабов из Израиля и контролируемых территорий в арабские страны, придерживается 11% респондентов. Среди опрошенных нашлось и 7%, которые считают, что Израилю следует отказаться от своего еврейского характера и открыть границы для всех желающих, включая лиц, именующих себя арабскими беженцами из Палестины.

Таким образом, опрос выявил значительное распространение среди евреев Казахстана чувств сопричастности к Израилю и солидарности с ним. Однако большую приоритетность имеют в сознании казахстанских евреев принадлежность к казахстанской гражданской общности, казахстанский патриотизм. Израиль воспринимается не столько как родина для евреев всего мира, сколько как экономически развитая страна с высоким качеством жизни. Эмиграция в Израиль не имеет на сегодняшний день значительного потенциала и может активизироваться лишь в случае возникновения в Казахстане обстоятельств преимущественно негативного характера.

Ананьева С.В.

«Это дом наш – казахская степь...»

Современная казахстанская литература прочитывается и исследуется литературоведами и критиками через призму инонационального восприятия и имагологического дискурса в аспекте межкультурного взаимодействия, поисков духовной, национальной идентичности, формирования самосознания. Творческая индивидуальность писателя раскрывается в контексте глобализация, интертекста и диалога культур.

Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев проявляет особую заботу о том, чтобы история родной страны была понята с высоты современной науки, в которой пространственные и временные координаты национальной истории уточнены, обобщены и конкретизированы. Фактор времени и пространства имеет определяющую роль в исторических и цивилизационных процессах. Субъективное время, обладая своими основными свойствами, может развиваться с различной степенью интенсивности. Но прошлое гораздо ближе к нам. Беречь и трепетно относиться к своим истокам, истории Казахстана, «спокойно и объективно понять нашу роль в глобальной истории, опираясь на строгие научные факты» – призывает Лидер нации Н.А. Назарбаев.

В новом Послании народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» Президент страны Касым-Жомарт Кемелевич Токаев подчеркивает нашу огромную ответственность за будущее государства: «В единстве и согласии мы преодолеем все вызовы и достигнем всех поставленных целей» [1, с.5].

У молодого поколения казахстанцев необходимо воспитывать особое отношение к родной земле, ее культуре, обычаям, традициям. В Казахстане инициированы программы «Малая Родина», «Познай

свою землю», издаются научно-популярная серия «Выдающиеся личности Великой степи», реализуется проект «Тюркская цивилизация: от истоков к современности» и др.

Казахстан – родина для представителей многих этносов, получивших возможность воплотить свой научный, исследовательский потенциал в жизнь, работать во имя процветания страны, создавать произведения на родном языке. Творческая личность в современной литературе Казахстана, как и герои создаваемых ею художественных произведений, находятся на перекрестке культур, в едином духовном пространстве этнического и культурного взаимодействия. «Интегральная идентичность, формирующаяся в неизолированном культурном пространстве, тяготеет к такой верности базовым основаниям национальной характеристики, когда она органично сопрягается с восприимчивостью к *иному*, диалогу идентичностей, хотя сейчас нередко встречаешься с описанием конфронтационной модели “войны идентичностей”» [2, с.110].

Важнейшая особенность творчества представителей многонациональной литературы республики и характерная его составляющая: принципиальный выход за рамки только своей национальной культуры и литературы, обогащение традициями казахской литературы. Мотивы Малой Родины, Великой степи – ключевые в поэзии и прозе современных казахских авторов. Сохранение и развитие высокой духовности, национальной идентичности, казахского и родного языков, национальных литератур – основополагающее условие сохранения и процветания родной земли.

Поэты и писатели разных национальностей, живущие в Казахстане, глубинными узами родства связаны с Великой степью, потому так естественно перетекание в их творчество казахской культуры: это и детали казахского быта, и песенная культура, и яркая образность, присущая казахской литературе, и ее неповторимый художественный колорит. Все это отображается в стиле, языке автора, архитектонике произведения.

«Друзей своих за искру вдохновенья» благодарит осетинская поэтесса Зара Бадоева, в названиях стихотворений которой отражена топонимика Казахстана: «Город Гурьев», «Город Шевченко», «Город Алматы». На родину, в ковыльную и полынную степь, в горы, на берега рек и озер Казахстана возвращаются лирические герои ее поэтических произведений. В поэзии З. Бадоевой, долгие годы прожившей в Казахстане, «парк шелестом наполнен слов берёз, карагачей и со-

сен...». Каспий, Шевченко, Гурьев часто сняты героиням стихотворений и автору, чье творчество наполнено глубокими философскими мотивами, размышлениями о жизни, судьбе и характеризуется особой цветовой гаммой.

Фарфоровый купол небес
Расчерчен деревьев ветвями,
В нем выпуклость тайны и срез,
Изученный с детства нами [3, с.356].

Два поколения корейцев выросло в степях Казахстана, «роднее которых, уж, кажется, нет...», – пишет Станислав Ли. О преемственности поколений, жизненного опыта, национального уклада размышляет поэт, ведь даже кленовые листья, «багровые, желтые, алые», плывя по осенней реке и прощаясь «с полоской родимой земли», плывут молчаливо, и в этом молчании мне слышится просьба, чтоб память о них берегли.

Солнце слепит глаза,
Россыпь желтых тюльпанов
На склонах горы.
Замедленный круг,
Это беркут
Владенья свои облетает.
Щиплют травку овечки,
Прижимаясь друг к другу боками.
А напуганный чем-то
Табун лошадей
Все летит и летит
По степному простору [3, с.266].

Лирический герой стихотворений Валерия Михайлова любит землю, на которой родился («Я любил тот высокий пустынный закат...», «Я любил тот немислимый воздух весны...»):

Я любил ту степную горячую пыль...
Позабывшую ту босоногую быль,
Где когда-то я был самым лучшим собой.

Легкие летние зори и неподкупные звезды, заката лучи золотые и сизая в дым стрекоза – это тоже степь с верблюжьей колючкой и «бледным вусмерь солончаком». Для депортированных эта степь была ледяной... И никто в ледяной степи не заметил радуго, «может, ее с облаком снега метель унесла...».

Концепт дома, Родины, малой Родины играет в творчестве казахстанских авторов особую роль. Мотив возвращения в отчий дом – один из ведущих в их прозе и поэзии.

Я кинулся дедову дому вослед,
Но пусто и там, ничего уже нет.
Под яром в кустах лишь бормочет ручей,
Что он позабыт и давно уж ничей [3, с.191].

Снежный вихрь февраля, седины ковыля, табуны оседланных коней, тюльпановый вечер и верблюжья лунка следов – таков топос степи в поэзии Татьяны Фроловской: «Это дом наш – казахская степь, Это долг наш великий и кровный...».

Стану скучать неустанно я по степям Казахстана,
По голубой былинке как по родной кровинке,
По нашему солнцу жгучему, по ветру – из ветров лучшему,
По звонкой казахской песне, которой нет в мире чудесней, –

признается автор Лидия Коваленко и лирическая героиня стихотворения «Отлучи меня от Казахстана...» [3, с.173].

Литературный пейзаж родной Караганды для Елены Зейферт – это многометровая жила кварца, пронизанная «робкими серебряно-золотыми, свинцово-цинковыми, молибденовыми, вольфрамовыми и прочими вкраплениями... Ни одна из этих тонких прожилок не проникает в кварц насквозь... По ценности и пользе они неравнозначны – золото, как видим, соседствует здесь со свинцом... Из подобных прожилок и состоит литература Караганды. Они тонки, но заметны и в какой-то мере способны изменить вид города» [4, с.67].

Любимый город – Караганда («золотая серединка, как веха меж столицей и селом») взрастил героиню одноименного стихотворения. Е. Зейферт с гордостью восклицает:

Я топну ножкой – я карагандинка,
И не хочу я родины другой.

В новом стихотворении Е. Зейферт Караганда и Москва совсем рядом.

Я кусаю губы
верхняя – Караганда
нижняя – Москва
на нижней кровеносное деревце метро
на верхней кровные сестры и братья
города соединяются на долю секунды
когда я произношу слово люблю

Стихотворение «Родина» – программное для поэтессы, перед которой «дастарханом раскинулась желтая степь». Казахские реалии: невиданный размах и «соль восточных глаз» родной Караганды, «снег с крупными угольями», «Аргатак – конь-гора, конь-долина, конь-ветер...», «златоподковый скакун» органично входят в ритмику и словесный ряд стиха.

Герой стихотворения, от лица которого ведется повествование, просит разрешения у степи, одушевляя ее и наделяя качествами живого существа, «кумыс талых вод пригубить и воспеть». Он связан со степью сердечными струнами:

Я хочу в своем сердце навеки оставить
Синий облик Медео, покой Жетысу...

Национальная картина мира современного поэта раскалывается надвое: «здесь» и «там». Так назван и сборник берлинца А. Шмидта «Здесь и там» [5]. «Небо вообще в степи преобладает. Степь как бы приплюснута циклопическими небесами. И человек здесь всегда на фоне неба. Он больше небожитель, чем землянин. А так как исконным, древнейшим способом передвижения по степи был конь и человек естественным образом оказывался приподнятым над степью, он всегда был как бы окунут в небесную купель. А какие в степи облака!.. Местность, дорога, пейзаж... Линия леса на горизонте напоминает линию жизни на ладони...», – так поэтично о Великой степи, о родном крае [5, с.7].

Всему миру поведал Олжас Сулейменов о первом полете человека в космос; о могиле Абая «вблизи Чингизских гор, исколотой желтыми цветами»; о последних мыслях воина-акына Махамбета перед смертью; об аргамаче в пустынях Мангистау и степном карагаче, зримом образе нашей вечной земли:

Смотри,
на кургане, где ветер поет,
где слышится волчий плач,
вцепившись корнями в сердце мое,
шатаясь, стоит карагач.
Ломают бури,
но он упрям –
маяк
пустынных степей,
стоит, развернув навстречу ветрам
плечи черных ветвей.

В стихотворении «Дикое поле» О. Сулейменов обращается к державе:

Страна,
Ты прошла испытание Казахстаном –
Есть сегодня земля,
На которой крестам не расти.
Испытали Тараса.
И Федора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости.

Казахстан – это проводы,
Проволока колючая.
Это было –
Саратов и Киев, и снова
Саранск.
Это ссылки на Маркса,
Кочевья, театры и лучшие копи,
Кони и домны,
Турксиб, просто Сиб. И жара [3, с.12].

И далее адресно:

Украина, прости.
О, ингуш, мою землю прости!

В стихотворении «Воспоминания о матери» И. Турки (Хукиева), поэта, пишущего на турецком, казахском, азербайджанском, узбекском языках, лирический герой возвращается в ноябрьский день 1944 г.:

Осенние листья упали слезами
На светлый и горький песок.
Не ведали сами, не ждали мы сами,
Что выпал трагический срок.

(перевод Ю. Кунгурцева)

Мотивы недавнего по историческим меркам и далекого прошлого, воспоминания о депортации и военных годах – горькая ноша автора-повествователя: «Где осталась родная земля?», «Куда забросила меня судьба?».

Народный писатель Казахстана, вице-президент Казахского ПЕН-клуба Морис Симашко в книге «Дорога на Святую Землю» находит удачный образ страны, *вобравшей* в себя народы, лишённые своего дома. Отзывчивость и чуткость казахов он объединяет с духовностью. «Шевченко, Достоевский, ссыльные русские, поляки, украинцы, венгры, а в наше время многое могут рассказать депортированные Сталиным в голую степь целые народы: немцы, чеченцы, ингуши, греки, балкарцы, корейцы, турки, курды, караимы, крымчаки и другие... Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом в этом народе всегда считалось воспитать сироту из другого народа. Эта традиция тоже уходит в века, и много есть воспитанных в казахских семьях осиротевших в страшные времена детей – русских, немцев, татар, чеченцев, евреев и др. Их не отличали от своих детей, кормили, учили, выводили в люди. Это была обязанность перед собственной совестью, то есть то, что и называется духовностью» [6, с.38].

Родной Казахстан воодушевляет на творчество поэтов и писателей разных национальностей, воспевающих свою Малую Родину, для которых ее концепт неотрывен от концепта памяти. Литературный процесс Казахстана «продолжает на новом уровне диалог культур Востока и Запада, представляет собой удивительное явление, таящее много открытий» [7, с.155].

Поэтизация Родной земли, героизация ее истории и осмысление судьбы этносов на протяжении вековой истории выступают в национальных литературах Казахстана доминирующими, консолидируя общество и укрепляя идейно-политическое единство полиэтничного и поликонфессионального народа Казахстана.

1. Токаев К. Казахстан в новой реальности: время действий // Казахстанская правда. 2.09.2020. С.1–5.
2. Султанов К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
3. Казахстан в моей судьбе. Т.І. Поэзия. – Алматы: Print Express, 2019. – 78 с.
4. Зейферт Е. Караганда: прожилки в кварце // Знамя. – 2007. – №1. – С.63–69.
5. Шмидт А. Здесь и там. – Алматы: Интерпринт, 2003. – 224 с.
6. Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – 120 с.
7. Ананьева С., Савельева В. Русская литература // Современная литература народа Казахстана / Под ред. С. Ананьевой. – Алматы: Evo Press, 2014. – С.70–158.

Заключение

Уважаемые дамы и господа.

Десять конференций – это 20 лет плодотворной работы. За этот период удалось сформировать уникальный архив, который помогает исследователям разного уровня от студентов до академиков изучать тему Второй мировой войны и историю евреев в Казахстане.

Эта конференция посвящена двум ключевым историческим датам – 75-летию Победы и 25-летию Ассамблеи народа Казахстана.

Юбилейная конференция, проведенная под эгидой Архива Президента РК, Ассамблеи народа Казахстана, Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, собрала исследователей из десятка стран: в ходе конференции выступили историки, архивисты, журналисты Казахстана и всей Центральной Азии, СНГ, Западной Европы, Канады, США. За каждым из 92 докладов стоят конкретные человеческие судьбы.

Позвольте выразить глубокую благодарность Архиву Президента РК за совместную организацию. Хотел бы выразить благодарность Жылгелдинову Мухаммеду Турсунбековичу и Байкаш Жибек Турарбековне, сотрудникам Архива Президента РК. Большая благодарность за поддержку проекта Евро-Азиатскому Еврейскому Конгрессу, казахстанским и международным экспертам, представителям дипломатических кругов, в частности посольству Государства Израиль в Казахстане. Сотрудникам О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва» Чугайновой Инессе Анатольевне, и Старыгиной Наталье Владимировне.

Выражаю уверенность и надежду, что ровно через 2 года мы встретимся на XI Международной научно-практической конференции. И никакой вирус не помешает нашему общению, потому что самое главное в конференции это общение.

Храни Господь Вас, ваши семьи. Будем считать X конференцию юбилейную закрытой.

Барон А.И.

*член Совета Ассамблеи народа Казахстана
председатель Совета О.Ю.Л.
Ассоциации «Мицва»*

Сведения об авторах

Алексеевко Марина Александровна, руководитель отдела государственного архива учета и обеспечения сохранности документов КГУ «Государственный архив Костанайской области» (*Казахстан, г. Костанай*)

Ананьева Светлана Викторовна, к. ф. н., доцент, заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, заместитель председателя научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, член правления Союза писателей Казахстана (*Казахстан, г. Алматы*)

Ахметова Лайла Сейсембековна, д. и. н., профессор КазНУ им. аль-Фараби (*Казахстан, г. Алматы*)

Байкаш Жибек Турарбеккызы, магистр гуманитарных наук, эксперт Управления научной публикации Архива Президента РК (*Казахстан, г. Алматы*)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой «Археологии, этнологии, источниковедения и историографии» Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагана (*Киргизия, г. Бишкек*)

Беркимбаева Асель Муратовна, магистр истории, докторант Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова (*Казахстан, г. Костанай*)

Беркун Ольга Евгеньевна, руководитель отдела КГУ «Государственный архив Карагандинской области» (*Казахстан, г. Караганда*)

Берман Александр, публицист, руководитель проекта «Эвакуация. Опаленное детство» 2007–2020 гг., председатель общественной организации «За достойное будущее» («Хазит хаКавод») (*Израиль, Иерусалим*)

Берман Елена Александровна, кандидат технических наук, искусствовед, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ) (*Россия, г. Иркутск*)

Боксерман-Михайлова Ирина Львовна, пианистка, концертмейстер, преподаватель фортепиано (*Россия, г. Москва*)

Брусиловская Елена Федоровна, академик Академии журналистики РК, лауреат премии журналистов Казахстана, автор книг «Роман под названием «жизнь», «Огненный Сталинград», «Страницы жизни», автор-составитель трехтомника «Пламя Победы» (2015), и двухтомника «Эхо далекой войны» (2020) (*Казахстан, г. Алматы*)

Буриева Хайрия Амануллаевна, к. и. н., доцент кафедры «Источниковедения и архивоведения» Исторического факультета Национального университета им. Мирзо Улугбека; старший научный сотрудник Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии Наук Республики Узбекистан (*Узбекистан, г. Ташкент*)

Бычков Евгений Анатольевич, преподаватель и радиоведущий (Канада, г. Торонто)

Вуколов Владимир Николаевич, д. педагогических н., профессор, директор Научно-исследовательского института туризма университета «Туран» (Казахстан, г. Алматы)

Гончарова Ольга Сергеевна, к. и. н., доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (Украина, Харьков)

Гриб Анатолий Анатольевич, независимый исследователь (Казахстан, г. Семипалатинск)

Грибанова Елена Михайловна, к. и. н. (Казахстан, г. Алматы)

Гуревич Леонид Яковлевич, д. и. н., профессор социологии, академик Академии социологии РК, президент Центра социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia РК (Казахстан, г. Алматы)

Дьякова Елена Васильевна, к. и. н., доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (Украина, Харьков)

Ермекбай Жарас Ақышұлы, д. и. н., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова (Казахстан, г. Нур-Султан)

Иофе Валерий Григорьевич, магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира», доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г. Ташкент)

Кабдулова Куралай Дауренбековна, главный эксперт Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Калачева Динэра Николаевна, к. м. н. (Казахстан, г. Алматы)

Калашникова Наталья Павловна, д. политических наук, академик МАИИ, член Научно-экспертного Совета Ассамблеи народа Казахстана (Казахстан, г. Нур-Султан)

Капаева Айжан Токановна, д. и. н., профессор ВАК, главный научный сотрудник отдела История Казахстана XX в. Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки РК (Казахстан, г. Алматы)

Каплюков Владимир Владимирович, к. и. н., заместитель директора по научно-методической работе Центра документации общественных организаций Свердловской обл. (ЦДООСО), (Россия, Екатеринбург)

Карташев Кирилл Николаевич, руководитель проектов Центра социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia (Казахстан, г. Алматы)

Каштелюк Юрий Исаакович, журналист, редактор отдела культуры газеты «Вечерний Алматы». Автор серии книжных и газетных очерков, посвященных истории Великой Отечественной войны, судьбам фронтови-

ков, деятелям науки и культуры Казахстана. Автор исследовательской статьи об истории евреев Казахстана (Российская еврейская энциклопедия. – М., 1994) *(Казахстан, г. Алматы)*

Клейнбок Ален Юрьевич, журналист *(Казахстан, г. Алматы)*

Клейнбок Татьяна Сергеевна, к. м. н. *(Казахстан, г. Алматы)*

Кокоулин Владислав Геннадьевич, д. и. н., главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК) *(Россия, г. Новосибирск)*

Крутова Нина Владимировна, зав. отдела редких фондов Центральной библиотеки им. В.Н. Татищева *(Россия, г. Тольятти)*

Кубик Надежда Александровна, руководитель отдела научно-информационной деятельности Государственного архива Павлодарской обл. *(Казахстан, г. Павлодар)*

Курзина Светлана Николаевна, начальник отдела использования и публикации архивных документов ЦДООСО *(Россия, Екатеринбург)*

Легкий Дмитрий Максимович, д. и. н., профессор Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова *(Казахстан, г. Костанай)*

Мавроди Янис, профессор консерватории, *(Греция г. Патры)*

Маликова Сауле Зейнуллиновна, к. и. н., директор Северо-Казахстанского государственного архива *(Казахстан, г. Петропавловск)*

Мананникова Людмила Борисовна, журналист, автор и составитель более 15 книг, среди них – книги, посвященные Великой Отечественной войне «Жди меня, и я вернусь» (2010), «Сквозь пламя войны», «Пламя Победы» (2015), «Эхо далекой войны» (2020). Лауреат конкурса журналистов Алматинской обл., посвященного 10-летию независимого Казахстана *(Казахстан, г. Алматы)*

Медведева-Нату Ольга Рахмиловна, PhD. к. ф. н., независимый исследователь *(Канада, г. Ванкувер)*

Мырзақұлова Раушан Маратқызы ҚР Президенті Архивінің Құжаттарды ғылыми жариялау басқармасының бас сарапшысы *(Қазақстан, Алматы қ-сы)*

Мырзатаева Забира Балабековна, т.ғ.к., ассоц проф. м.а. Абай атындағы ҚазҰПУ *(Қазақстан, Алматы қ-сы)*

Нисенбойм Григорий Юльевич, публицист, ученая степень М.Sc., Почетный доктор наук Европейского университета (Ганновер), редактор Научно-исследовательский центр «Евреи России в Зарубежье и Израиле» (НИЦ ЕРЗИ, г. Реховот) *(Израиль, г. Арад)*

Нода Лариса Павловна, ст. преподаватель журфака КазНУ им. аль-Фараби, лауреат Международного Пушкинского конкурса, лауреат премии Союза журналистов Казахстана *(Казахстан, г. Алматы)*

Омарова Айгуль Саулетовна, научный сотрудник Карагандинского областного музея изобразительного искусства (*Казахстан, г. Караганда*)

Оразбақов Айтжан Жұмабайұлы, к. и. н., заведующий кафедры «Ассамблея народа Казахстана» Кызылординского государственного университета им. Коркыт ата (*Казахстан, г. Кызылорда*)

Рожков Александр Викторович, к. ф. н., доцент КазНУ им. аль-Фараби, дважды лауреат премии Союза журналистов Казахстана (*Казахстан, г. Алматы*)

Ронкин Владимир Григорьевич, заслуженный работник образования Казахской ССР (*США, г. Нью-Йорк*)

Сағатова Әсем Серікқызы Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті «Қазақстан тарихы» кафедрасы меңгерушісі филос.ғ.к., доцент (*Казахстан, Караганда қ-сы*)

Сагимбаев Нурлан Ержанович, доцент кафедры струнных инструментов Казахской национальной консерватории им. Курмангазы (*Казахстан, г. Алматы*)

Саипова Камола Давляталиевна, к. и. н., доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (*Узбекистан, г. Ташкент*)

Сактаганова Зауреш Галимжановна, д. и. н., профессор, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований (*Казахстан, г. Караганда*)

Сарыбай Майра, научный консультант общественного фонда «Женщины Казахстана» (*Казахстан, г. Алматы*)

Сатаева Жанар Амантаевна, пресс-секретарь Архива Президента РК (*Казахстан, г. Алматы*)

Свахина Татьяна Евгеньевна, заведующая отделом «Этнографии народов и малочисленных этнических групп» Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (*Казахстан, г. Усть-Каменогорск*)

Слудская Наталья Валерьевна, журналист, редактор, контент-директор интернет журнала Vox Populi (*Казахстан, г. Алматы*)

Сулейменов Арман Муратович, выпускающий редактор интернет-портала «История Казахстана» АО «МИА «Казинформ» (*Казахстан, г. Нур-Султан*)

Сырлыбаева Галина Николаевна, искусствовед, член Союза художников РК, руководитель отдела зарубежного искусства Государственного музея искусств РК им. Кастеева, (*Казахстан, г. Алматы*)

Такиров Орал Мухтарович, м. г. н., заместитель директора по воспитательной работе Института экономики и права КРУ им. А. Байтурсынова (*Казахстан, г. Кустанай*)

Танская Оксана Анатольевна, искусствовед, экскурсовод, телеведущая, член Союза журналистов РК, член-корреспондент Академии искусств РК, руководитель пресс-службы Государственного музея искусств РК им. А. Кастеева (*Казахстан, г. Алматы*)

Тверитнева Ирина Анатольевна, координатор Общинных программ Павлодарского филиала Республиканского еврейского благотворительного Общественного объединения «Центр Забота-Хэсэд Полина», зам. председателя и член Совета ОО «Павлодарское еврейское Этнокультурное объединение «Мерказ», преподаватель еврейского отделения Школы национального возрождения им К. Б. Даржумана (*Казахстан, г. Павлодар*)

Тимофеева Елена Владимировна, архивист высшей категории, главный хранитель фондов Государственного архива общественно-политической истории Туркестанской обл. (*Казахстан, г. Шымкент*)

Тлепина Шолпан Валерьевна, д. ю. н., проф., заведующая кафедрой Международного права Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (*Казахстан, Нур-Султан*)

Тулеева Шамсия Оразбаевна главный эксперт Архива Президента РК (*Казахстан, г. Алматы*)

Чиликова Евгения Викторовна, главный эксперт Архива Президента РК (*Казахстан, г. Алматы*)

Шалкова Елена Иосифовна, концертмейстер Казахской национальной консерватории им. Курмангазы (*Казахстан, г. Алматы*)

Шатохин Вячеслав Алексеевич, сотрудник службы безопасности и полиции г. Нью-Йорка (*США, г. Нью-Йорк*)

Шаяхметов Ринат Равильевич, независимый исследователь (*Казахстан, г. Алматы*)

Шкурко Эмма Александровна, преподаватель Уфимского медицинского колледжа, отличник народного просвещения России, отличник здравоохранения РБ, лауреат премии СОЕК «За заслуги в просветительской деятельности» (2003), член Союза журналистов РФ и РБ (*Россия, г. Уфа*)

Штернис Анна Director, Anne Tanenbaum Centre for Jewish Studies Al and Malka Green Professor in Yiddish Studies University of Toronto (*Канада, Торонто*)

Щёголева Людмила Михайловна, председатель еврейского этнокультурного общества «Бэяхад» (*Казахстан, г. Экибастуз*)

Ярков Александр Павлович, профессор Тюменского государственного университета (*Россия, г. Томск*)

ФОТОГРАФИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА ОБЛОЖКЕ

1. Работницы фабрики «Большевичка», г. Кустанай, 1940-е гг. [Электронный ресурс] «Большевичка» всегда на передовой. URL: // <https://www.facebook.com/RSK.Kostanay/posts/621000765163920> (дата обращения 11.09.2020)
2. Евгений Хинич (крайний справа) в группе сослуживцев, Чехословакия, [1945 г.]. Личный архив Каштелюк Ю.И.
3. Слева направо: в центре Полина Каганова, Виктория Тикке, действующая армия, [1942–1943 гг.]. [Электронный ресурс] Поэтесса, красавица... URL: <https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/evrei-na-vojne-leningrad-poetessa-polina-kaganova.html> (дата обращения 01.08.2020).
4. Пахмурный П.М., старший лейтенант во время чтения доклада в эвакогоспитале № 4113 в доме отдыха «Медео», г. Алма-Ата, 1944 г. ЦГА КФДЗ РК. № 2–11223
5. Наровлянская Таисия Тихоновна с дочерью Светланой, [с. Григорьевка, Новопокровского р-на Днепропетровской обл., конец 1930-х гг.]. Личный архив Солопекиной С.Ф.

ТҮЙІН

Жинақта Ұлы Отан соғысындағы Жеңістің 75 жылдығына және Қазақстан халқы Ассамблеясының 25 жылдығына арналған «Тарих. Тағылым. Халық» Х мерейтойлы Халықаралық ғылыми-тәжірибелік тарихи конференциясы баяндамаларының материалдары ұсынылады.

Конференция 1939–1945 жж. Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде халықты, өнеркәсіп нысандарын, мәдени мекемелерді эвакуациялау бойынша тарихты зерттеп, ретроспективті ақпаратпен қоғамды қамтамасыз етуге бағытталған. Сонымен қатар, кітапта ХХ ғ. соғысты бастан кешірген Орталық Азия, Батыс Сібір еврейлерінің тағдырлары, қоныс аудару, эвакуация және басқа да қиыншылықтары, сонымен қатар Қазақстанның дамуына қосқан үлесі туралы айтылады.

Конференция дәстүрлі екі панельдік сессия бағыты бойынша өтті: «ХХ ғ. Еуразия: эвакуация, қоныс аударушылар, босқындар» және «Адамдар мен тағдырлар». 1-секцияда республиканың академиялық институттарының қорғаныс пен халық шаруашылығын нығайтуға қайта құрылуы, Қазақстанның қорғаныс-өнеркәсіп кешенін және денсаулық сақтау мен эвакогоспитальдардың қалыптасуы, эвакуацияланғандардың орналасуы, әсіресе зауыт, өнеркәсіп орындары аймақтарына көшірілген әйелдер мен жұмысшылардың республикадағы жағдайға бейімделуі, балалар үйлері мен оның тәрбиеленушілерінің жағдайы және т. б. мәселелер қарастырылды.

Конференцияның 2-секциясына Ұлы Отан соғысына қатысқандар туралы бірқатар ақпарат жинақталды. Олардың қатарында: өмірден жақында өткен ұлан полковнигі, 5 әскери орден мен 35 медальдің кавалері, Қазақстан халқы Ассамблеясының мүшесі, екінші дәрежелі «Достық» орденінің кавалері, Алматы және Алматы облысының Құрметті азаматы Леонид Юзефович Гирш; «Қызыл-Ту» пластмассаны қайта өңдеу фирмасының бас директоры, ҚазКСР шахмат федерациясының төрағасы (1976–1980), «Құрмет» орденінің кавалері, ҚазКСР еңбек сіңірген ағарту қызметкері Анатолий Адольфович Ховин бар; кинотанушы Борис Соломонович Абрамович, оны көптеген адамдар кеңестік кино өнерін насихаттау бюросындағы жұмысы арқылы есіне алады. Борис Абрамович 20-дан астам медальмен марапатталды, олардың ішінде – «Ерлігі үшін», «1941–1945 жж. Ұлы Отан соғысындағы Германияны жеңгені үшін», «Жапонияны жеңгені үшін» және т.б.

Кітапта 50 визуалды дерек ұсынылған, олардың 36-сы алғаш рет жарық көрді. Бір бөлігі ҚР ОМҚФҚДЖА, Ресей мемлекеттік экономика архиві қорларынан, басқалары ғаламтор порталдарынан алынды. Авторлар ұсынған фотосуреттердің көпшілігі қазір Израильде, Ресейде, Украинада және басқа елдерде тұратын «айтылған тарих» кейіпкерлерінің ұрпақтарының жеке архивтерінде сақталған.

Конференция авторлары арасында архив ісі, академиялық ғылым және жоғары оқу орындары, «айтылған тарих» мамандары, 10 елдің өлкетанушылары, өнертанушылары мен журналистері бар.

SUMMARY

This book contains materials of reports of the X Anniversary International Scientific and Practical Conference of the historical «History. Memory. People» dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War and the 25th anniversary of the Assembly of the People of Kazakhstan. The conference is aimed at restoring and retrospective the historically events, issues and problems related to the evacuation, industrial facilities, and cultural institutions during the Second World War, 1939-1945. The book also presents the history of the fate of the Jews of Central Asia, Western Siberia, who survived the wars of the twentieth century, resettlement, evacuation and other trials. The collection reveals their contribution to the development of Kazakhstan.

Within the framework of the conference, two panel sessions traditionally worked “Eurasia in the XX century: evacuation, migrants, refugees” and “People and destinies”. The 1st section reflects the issues of restructuring the country's academic institutions for the needs of strengthening the defense and the national economy, the formation and activities of the defense-industrial complex of Kazakhstan, health care and evacuation hospitals, the adaptation in the republic of evacuees, in particular women and workers, factories located in the region and enterprises, about orphanages, the placement of pupils in them, the search for children, etc.

The second section of the conference collected a large amount of information about the participants in the Great Patriotic War. Among them are the recently passed away guard colonel, holder of five military orders and 35 medals, member of the Assembly of the People of Kazakhstan, holder of the Dostyk order of the second degree, honorary citizen of Almaty and Almaty region Leonid Yuzefovich Girsh; general director of the plastics processing company "Kzyl-Tu", chairman of the chess federation of the Kazakh SSR (1976-1980), holder of the Order of the Badge of Honor, honored worker of education of the Kazakh SSR Anatoly Adolfovich Khovin; Cinema Ved Boris Solomonovich Abramovich, many remember him from his work in the Bureau of Propaganda of Soviet Cinema. Boris Abramovich was awarded more than 20 medals, among them - “For Courage”, “For Victory over Germany in the Great Patriotic War of 1941-1945”, “For Victory over Japan” and many others.

The book contains 50 visual sources, 36 of them for the first time. Some were deposited in the funds of the Central State Archive of Kazakhstan, the Russian State Archives of Economics; others were taken from Internet portals. Most of the photographs presented by the authors are kept in the personal archives of the descendants of the heroes of the "oral stories" now living in Israel, Russia, Ukraine and other countries.

Among the authors of the conference are representatives of archival affairs, academic science and higher educational institutions, specialists in "oral history", regional historians, art historians and journalists from 10 countries.

*Подписано в печать «09» ноября 2020 г.
Формат изд. 60x84/16, Объем 42 усл.печ.л.*

МЕСТНОЕ

казахской ССР в среде союзных республик

Кызыл

Алма-Ата
Казахская ССР
Совету Народных Комиссаров
Казах. ССР

Кому

НА КАЖДОМ ПОЧТОВОМ ОТПРАВЛЕНИИ ВНИМАТЕ СВОИ ОБРАТНЫЙ АДРЕС
Адрес отправителя: *сест. Уракия, Редина - женская мех. з-д., Фрунзенский р-он, 222, м. Дворцовый, ул. Пролетарская, прод. Вулгары 11, Р.*

Фотография

И. Слейбин и Синовова
СШЕСТВ. №1863
в ВЬРНОМЬ
Угол проспекта Ахметжанова и Гоголевский для своей дачи

Бабушка и Мать
Антонина

6/1 1946 г. Вьрний

НЕГАТИВЫ СОХРАНЯЮТСЯ

По поручению академического комитета в Баровом
Председатель Распорядительного комитета
Академик С. Зерин
Генеральный директор. Корреспондент
Казах ССР:

23 ИЮНЯ

ШАХТА № 22

ВЕЧЕР
СКРИПичНОЙ МУЗЫКИ

Заслуженный артист Казах ССР
ДОЦЕНТ

ИОСИФ
КОГАН
(СКРИПКА)

отделение
И. С. БАХ - СОНАТА ДЮ МАЖОР
И. БРАМС - СОНАТА

отделение
ЧАЙКОВСКИЙ - МЕЛОДИЧЕСКИЕ СЕРЕНАДЫ
И. КОГАН - ДВА КАПРИСА
С. ЛЖУВАНОВА - ВАРНАЦИИ

начало в 20 час

А. Берз
у. Юшова

Народный Комиссариат Просвещения

ПЕРЕВОДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Ферманов Мария
1924 г. 10/25 учебном году + *девятый (9)* класс
средней школы № 2 *Рейшиновский*
Рост. Кадисей с.
в переводе *с. С. С. С.* класс при *ст. школе*

по русскому языку	4/200	по химии	5/100
по литературе	4/200	по конституции СССР	5/100
по арифметике	4/200	по истории языка	5/100
по алгебре	4/200	по географии	4/200
по геометрии	5/100	по физике	4/200
по естественным наукам	5/100	по черчению	3/100
по истории	5/100	по физической культуре	4/200
по географии	4/200	по казахскому языку	3/100
по физике	4/200	по казахской народной поэзии	4/200

1002
1946 г.
УПРАВЛЕНИЕ В СПРАВАХ МИСТЕЦТ
ПРИ РАДЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРИОВ УРСР
Исте, вул. Чкалов
1946 г. Индекс
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРИОВ КАЗАХСКОЙ ССР
Почтовый адрес: УРСР за №102 ст. 4/20-1 г. Вьрний

ЭВАКУАЦИОННЫЙ ПУНКТ
при Исполкоме Украинского Крайсовета депутатов трудящихся
г. Харьков
1946 г. №
ПРОПУСК
Разрешается эвакуированному *Коган И. И.*
Машкин
вместе с семьей *2* чел.,
детских *2* чел., всего *4* чел.
Почтовый адрес: *Вьрний*
1946 г. №102-1002-1000

880

ИНДЕКС 1-2(1)

Подрубрика Владимир Федорович

Дата события Место события

EAJC
EURO-ASIAN
JEWISH CONGRESS

Название фонда Кустанайский обком Компартии Казахстана

Ф. № 42 Оп. № 6 Дело № 400